

Е. Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ
ТОМАХ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПОДГОТОВЛЕНО К ИЗДАНИЮ
ИНСТИТУТОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ имени Е.Т. ГАЙДАРА

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ГОСПОДИНА СЕППО РЕМЕСА

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР ТОМА

Л.И. Лопатников

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*А.Г. Аганбеян, П.Е. Гайдар, Е.Ю. Гениева,
Г.О. Греф, С.М. Гуриев, М. Домбровски,
А.В. Колесников, А.Л. Кудрин, Я.И. Кузьминов,
Л.И. Лопатников, В.А. Мау, А.Д. Радыгин,
К.Ю. Rogov, Н.К. Сванидзе, С.Г. Синельников-Мурылев,
В.Г. Стародубровский, А.В. Улюкаев,
Я.М. Уринсон, А.Б. Чубайс, Р.М. Энтов,
В.А. Ярошенко, Е.Г. Ясин*

Е.Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

Том 13

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО»

МОСКВА · 2015

УДК 338(47)
ББК 65
Г 14

Гайдар, Е.Т.

Г 14 Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 13/Е.Т. Гайдар.— М.:
Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.— 800 с.

ISBN 978-5-7749-0878-3 (Т.13)

ISBN 978-5-7749-0690-1

Том содержит избранные публичные выступления Е.Т. Гайдара в качестве политика, начиная с его речи на первом заседании нового российского правительства 15 ноября 1991 г. Показаны важнейшие решения правительства реформ, поворотные моменты экономической истории, отражен непростой путь развития демократического и либерального движения в российском обществе.

Для изучающих экономическую теорию и историю, а также широкого круга читателей.

УДК 338(47)
ББК 65

ISBN 978-5-7749-0878-3 (Т. 13)

ISBN 978-5-7749-0690-1

© Стругацкая М. А., 2015

© Институт экономической политики
имени Е. Т. Гайдара, 2015

© Издательский дом «Дело» РАНХиГС,
оформление, 2015

Содержание

Выступление на первом заседании правительства реформ РСФСР. <i>15 ноября 1991 г.</i>	11
Объявление состава правительства. Выступление на IV сессии Верховного Совета РСФСР. <i>15 ноября 1991 г.</i>	20
О либерализации цен и программе подготовки нормативных актов, обеспечивающих проведение реформ. Выступление на заседании Правительства РСФСР. <i>28 ноября 1991 г.</i>	24
Первые шаги реформы и возможные согласованные действия на I квартал <в отношении> хозяйственных связей между государствами, предприятиями и регионами. Выступление на рабочей встрече глав правительств Содружества Независимых Государств. <i>24 декабря 1991 г.</i>	30
Об основных направлениях формирования бюджетной системы Российской Федерации на I квартал 1992 года. Выступление на IV сессии Верховного Совета Российской Федерации. <i>27 декабря 1991 г.</i>	42
Первые итоги экономической реформы. Выступление на IV сессии Верховного Совета Российской Федерации. <i>16 января 1992 г.</i>	50
По бюджетному посланию Президента Российской Федерации на I квартал текущего года. Выступление на IV сессии Верховного Совета Российской Федерации. <i>24 января 1992 г.</i>	56
Экономическая реформа, итоги января. Выступление на заседании Правительства Российской Федерации. <i>13 февраля 1992 г.</i>	71
<О госбюджете на 1992 год>. Выступление на IV сессии Верховного Совета Российской Федерации. <i>27 марта 1992 г.</i>	80

СОДЕРЖАНИЕ

О ходе экономической реформы в Российской Федерации. Содоклад к докладу Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина на VI съезде народных депутатов Российской Федерации. <i>7 апреля 1992 г.</i>	96
Обсуждение доклада «О ходе экономической реформы в Российской Федерации». Выступление на заседании VI съезда народных депутатов Российской Федерации в прениях. <i>9 апреля 1992 г.</i>	103
О проекте постановления Верховного Совета Российской Федерации «О вступлении Российской Федерации в Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития и Международную ассоциацию развития». Выступление на IV сессии Верховного Совета Российской Федерации. <i>22 мая 1992 г.</i>	107
О программе правительства по углублению экономической реформы. Доклад на IV сессии Верховного Совета Российской Федерации. <i>3 июля 1992 г.</i>	111
О социально-экономическом положении в Российской Федерации и ходе экономической реформы. Доклад на заседании V сессии Верховного Совета Российской Федерации. <i>22 сентября 1992 г.</i>	125
О Программе углубления экономических реформ. Доклад на заседании V сессии Верховного Совета Российской Федерации. <i>6 октября 1992 г.</i>	145
Промышленность и реформа. Выступления перед руководителями предприятий Уральского региона. <i>18–19 ноября 1992 г.</i>	158
О Программе неотложных мер по оздоровлению экономики. Выступление на V сессии Верховного Совета Российской Федерации. <i>26 ноября 1992 г.</i>	171
Выступления на VII съезде народных депутатов Российской Федерации	185
Заседание третье. <i>2 декабря 1992 г.</i>	185
Заседание шестое. <i>3 декабря 1992 г.</i>	204
Заседание пятнадцатое. <i>9 декабря 1992 г.</i>	206
Выступление на учредительном съезде избирательного объединения «Выбор России». <i>17 октября 1993 г.</i>	210

СОДЕРЖАНИЕ

О Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации «Об укреплении Российского государства». Выступление в Государственной думе. <i>11 марта 1994 г.</i>	217
Выбор, который мы предлагаем России. Речь на учредительном съезде партии «Демократический выбор России». <i>12 июня 1994 г.</i>	222
По поводу «Кролл интернешнл». Выступление в Государственной думе. <i>21 июля 1994 г.</i>	234
< О политике и политиканстве >. Выступление в Государственной думе. <i>5 октября 1994 г.</i>	237
О национальной валюте и об ошибках Центробанка. Выступление в Государственной думе. <i>12 октября 1994 г.</i>	240
От «черного вторника» к коммунистическому субботнику. Выступление перед общественностью в Санкт-Петербурге. <i>23 октября 1994 г.</i>	243
Что мешает России подняться с колен. Выступление в Государственной думе. <i>27 октября 1994 г.</i>	256
< О подготовке к парламентским выборам >. Доклад на пленуме Совета партии ДВР. <i>19 ноября 1994 г.</i>	260
Заявление партии «Демократический выбор России». Выпущено <i>11 декабря 1994 г.</i>	275
Заявление партии «Демократический выбор России» о позиции по чеченскому кризису. Выпущено <i>13 декабря 1994 г.</i>	277
Письмо президенту. <i>17 декабря 1994 г.</i>	278
Обращение фракции «Выбор России» Государственной думы к чеченскому народу. Подписано Е.Т. Гайдаром <i>18 декабря 1994 г.</i>	279
Обращение Егора Гайдара ко всем, кто против войны в Чечне. Выпущено <i>20 декабря 1994 г.</i>	280
Удастся ли вывести Россию из экономического кризиса? Выступление на встрече с активом в Курске. <i>19 января 1995 г.</i>	281

СОДЕРЖАНИЕ

< Экономика и выборы >. Встреча с предпринимателями. Курск. <i>19 января 1995 г.</i>	300
Эта война никого не обойдет стороной. Выступление на съезде солдатских матерей. Назрань. <i>23 февраля 1995 г.</i>	326
О политической ситуации в стране и позиции партии. Выступление на пленуме Совета партии ДВР. <i>11 марта 1995 г.</i>	333
Выступление в дискуссии «10 лет для разных поколений». <i>15 апреля 1995 г.</i>	350
Общество и выборы. Выступление на общегородском собрании Московской городской организации партии ДВР. <i>20 мая 1995 г.</i>	356
Испытание выборами. Выступление на II (внеочередном) съезде партии ДВР. <i>18 июня 1995 г.</i>	367
Заявление съезда партии ДВР (по трагедии в Буденновске). Принято на II (внеочередном) съезде партии. <i>18 июня 1995 г.</i>	386
О недоверии президенту. Выступление в Государственной думе. <i>21 июня 1995 г.</i>	387
По докладу В.С. Черномырдина о социально-экономическом положении России. Выступление в Государственной думе. <i>19 июля 1995 г.</i>	390
Заявление фракции «Выбор России» (по событиям в Югославии). Зачитано на заседании Государственной думы. <i>12 августа 1995 г.</i>	393
< О предвыборной платформе >. Выступление на III (внеочередном) съезде партии ДВР. <i>26 августа 1995 г.</i>	394
< О военной реформе >. Выступление на учредительном съезде движения «За военную реформу». <i>24 сентября 1995 г.</i>	401
О проекте закона о федеральном бюджете. Выступление в Государственной думе. <i>4 октября 1995 г.</i>	406
< Большевицкий реванш не состоится никогда! > Выступление на съезде кандидатов в депутаты Государственной думы от избирательного блока «ДВР — Объединенные демократы». Москва. <i>11 ноября 1995 г.</i>	410
Беседы с избирателями. <i>1995 г.</i>	415

СОДЕРЖАНИЕ

Записки из зала. 1995 г.	474
Итоги выборов и политическая ситуация. Выступление в заключение дискуссии по докладу Политсовета партии ДВР «Итоги выборов в Государственную думу Российской Федерации и политическая ситуация в стране». 24 февраля 1996 г.	543
< Победа Ельцина — шанс для России не допустить коммунистического реванша >. Выступление на IV (внеочередном) съезде партии ДВР. 18 мая 1996 г.	549
< Задача — построить цивилизованный современный капитализм >. Выступление на заседании Политсовета партии ДВР. 8 июля 1996 г.	563
Отчет на V съезде партии ДВР. 21 сентября 1996 г.	568
Единственная политическая сила, которая имеет программу либеральных реформ. Доклад на заседании Совета партии ДВР. 22 февраля 1997 г.	590
< О новом правительстве >. Выступление на пленуме Совета партии ДВР. 12 июня 1997 г.	603
< О тезисах С. Юшенкова >. Выступление на пленуме Совета партии «Демократический выбор России». 25 октября 1997 г.	616
О политическом положении в стране, работе и задачах партии. Доклад на VI (внеочередном) съезде партии ДВР. 18 июня 1998 г.	621
< О финансовом кризисе >. Выступление на встрече с членами и сторонниками партии ДВР. 17 сентября 1998 г.	637
Антикризисная программа действий. Заседание Политсовета ДВР. 2 октября 1998 г.	650
Никаких чрезвычайных мер мы не поддержим. Выступление на траурном собрании в связи с гибелью Г.В. Старовойтовой. 22 ноября 1998 г.	661
Стратегия XXI века: европейский выбор России. Доклад на VII съезде партии ДВР. 30 января 1999 г.	663
Безответственная глупость НАТО в Югославии! Выступление на встрече Свободного университета «Русской мысли». 13 мая 1999 г.	679

СОДЕРЖАНИЕ

Правое дело. Выступление на I съезде коалиции «Правое дело». <i>29 мая 1999 г.</i>	682
Историческая правда на нашей стороне. <i>1999 г.</i>	684
< О работе СПС в первый год президентства В. Путина >. Выступление на Координационном совете «Союза правых сил». <i>19 декабря 2000 г.</i>	713
< О самороспуске партии ДВР >. Выступление на X съезде ДВР <i>19 мая 2001 г.</i>	726
О стратегических задачах «Союза правых сил». Выступление на Совете партии СПС. <i>22 декабря 2002 г.</i>	738
Об удвоении заработной платы и природной ренты. Выступление на съезде СПС. <i>8 сентября 2003 г.</i>	765
Россия: 12 лет экономических реформ, перспективы развития страны. Интернет-пресс-конференция РБК. <i>3 декабря 2003 г.</i>	767
Бюрократия жаждет реванша. Выступление на заседании Нижегородского эксперт-клуба (Агентство политических новостей. Нижний Новгород). <i>13 июня 2005 г.</i>	786
Приложение. Речь, которую никто не услышал. <i>Январь — февраль 1996 г.</i>	790

Выступление на первом заседании правительства реформ РСФСР

15 ноября 1991 г.

Источник: стенограмма заседания Правительства РСФСР//ГАРФ, ф. А-259, оп. 1, д. 5383.

Председательствует Б.Н. Ельцин

Б.Н. Ельцин (из вступительного слова):

Здравствуйте.

Прежде всего я поздравляю с назначением членов Правительства Российской Федерации, правительства реформ, так будем его называть...

Я убежден и верю лично в назначение каждого члена правительства. Тем более мы, и я, конечно, в том числе, представляем, в какое время руководим Россией. Такого кризисного состояния не было, может быть, за всю историю России: экономического, финансового, материального обеспечения людей, социальной сферы, культурной, духовной, в развитии промышленности, сельского хозяйства, транспорта, экологии. Что ни возьми, то не просто проблема, а ситуация или кризисная, или близкая к катастрофе. Действительно, мы оказались сейчас на узкой тропинке, которая идет по краю пропасти, а одна нога уже практически в пропасти. И вот надо успеть пройти по этой тропе все-таки за достаточно короткий срок столько, сколько выдержит народ, чтобы не выйти на улицу и не смести нас всех. Кстати, вместе с другими республиками, и это все понимают. Вчера был Госсовет союзный, очень долго, очень напряженно и мучительно. Но все-таки все понимают, что все зависит сейчас от России. Пойдет Россия действительно тем курсом, теми радикальными реформами, которые задуманы, решитель-

но, быстро, конечно, разумно, обдуманно, раскрепостим мы людей, т. е. найдем возможность работать, перестанем мешать — это вот главная задача, сделаем из людей не рабов, а свободных тружеников — тогда работа пойдет. Когда человек знает, что он работает на своей земле, что все зависит от него, он, конечно, будет работать по-другому. Если человек работает на заводе, знает, что там часть его собственности, он будет работать по-другому. Освободить от десятков, а иногда и сотен различных инструкций, пут, запретов и внутренних, и внешних. Дать самостоятельность, максимальную самостоятельность возможную нашим регионам, республикам, городам, советам, предприятиям, организациям.

Найти мужество пройти этот путь в очень болезненном состоянии общества, потому что жить будет какое-то время — и это правда, которая была высказана на съезде, — жить будет какое-то время хуже, жизнь будет ухудшаться. Цены будут расти, соответственно материальное обеспечение, жизненный уровень будут падать...

Наша задача — сократить это время, именно вот это падение. ...Все-таки сегодня необычный день.

Да, действительно ответственность на нас большая, потому что каждый из нас понимает, что мы идем все-таки в рисковую зону и идем с риском для дела, для политической карьеры своей и авторитета, чего угодно. Но я, например, лично на это пошел открыто, прямо и не сомневаясь, потому что все-таки у России огромные возможности и огромный потенциал, и я верю в Россию. И вот эту веру мы должны передать как-то и людям. И на этой вере мы выиграем несколько месяцев, может быть, самые важные месяцы, которые нам понадобятся.

Повестка дня у вас на руках.

Первый вопрос о системе неотложных мер по реализации экономической реформы.

Егор Тимурович Гайдар, пожалуйста.

Е.Т. Гайдар:

Уважаемые товарищи! Сложность нашего положения с точки зрения осуществления стратегии реформы связана с тем, что Россия не имеет всего набора атрибутов государственности и механизмов государственного управления экономикой, необходимых

для четкого проведения осмысленной собственной самостоятельной экономической политики. Именно поэтому нам придется параллельно решать две задачи.

Первая — это радикализация реформы. Вторая — обретение экономического суверенитета. Именно поэтому нам сначала придется пойти на высокую открытую инфляцию, не надеясь сдержать цены, и потом стабилизировать экономику на основе реконструкции банковской системы, денежной реформы.

Сегодня есть несколько принципиальных вопросов, по которым мы должны определиться. Главный из них — это стратегия реформы цен. Здесь опять же две проблемы.

Первая. Круг товаров, на которые мы хотим и надеемся сохранить регулируемые цены.

Принципиальная альтернатива следующая. Либо мы пытаемся использовать регулируемые цены для того, чтобы сдержать рост цен на сельскохозяйственную продукцию и обеспечить паритет цен между сельским хозяйством и промышленностью, либо мы отказываемся от этих попыток и предельно ограничиваем круг регулируемых цен. На основе тщательного анализа последствий выбора этих альтернатив мы пришли к твердому убеждению в том, что попытка сегодня централизованно регулировать цены на сельхозмашины, минеральные удобрения, средства защиты растений, а следовательно, и на металл, который необходим для их производства, химические компоненты полностью развалила бы программу либерализации цен, сделала бы невозможной задачу финансовой стабилизации.

Это значит, что мы вынуждены будем предельно ограничить круг регулируемых цен, по существу свести их к топливу, энергии и драгоценным металлам, перевозкам грузов и основным услугам связи. Предполагается, что регулируемые цены на нефть вырастут ориентировочно в пять раз. Общий индекс оптовых цен и цен на услуги составит примерно три раза.

По розничным ценам. Здесь также придется предельно ограничить перечень товаров, по которому мы будем использовать регулируемые цены, сведя его только к товарам самой первой необходимости, не обремененным высокими дотациями. Нам придется отказаться от дотирования, от регулирования цен на мясомолоч-

ную продукцию, практически на все промышленные товары народного потребления.

Мы предлагаем сохранить в кругу регулируемых только такие товары, как основные виды хлеба, молоко, молочно-кислые продукты, соль, сахар, масло растительное, детское питание, водку, топливо, бензин, медикаменты и спички.

А так как вопрос о квартплате предполагается решать вместе с приватизацией жилья, транспорт и важнейшие виды коммунальных услуг также остаются в сфере государственного регулирования.

Второй вопрос, связанный с реформой цен, — это ее последовательность, шаги по либерализации цен. Здесь две альтернативы.

Первая. Попытаться сделать все в одном пакете, одновременно разморозить розничные и оптовые цены, параллельно произведя реформу налоговой системы, перейдя к налогу на добавленную стоимость. Это более последовательный, более спокойный вариант. Но, к сожалению, ситуация, анализ ситуации показывает, что у нас нет возможности дожидаться сроков, необходимых для такой упорядоченной ценовой реформы. В связи с этим мы предлагаем осуществлять ценовую реформу в два этапа.

Первый этап — это размораживание цен на товары, которых давно уже нет в открытой продаже. Это товары социально-культурного назначения в первую очередь, также часть товаров легкой промышленности; придется параллельно ввести небольшие корректировки в механизм изъятия налога с оборота и повысить налоговые ставки.

Недостаток этого варианта состоит в том, что мы будем иметь два ценовых всплеска. Первый ценовой всплеск — немедленно, как только мы сможем это подготовить технически. Я не буду называть даты все-таки, даже здесь.

Второй ценовой всплеск, связанный с отпуском оптовых цен и всей совокупности розничных цен. Однако если мы будем достаточно жестко проводить политику по отношению к налогу с оборота, то, по расчетам, общий индекс цен по совокупности двух всплесков будет ниже при выборе второго варианта. Недостаток его очевиден: мы два раза наносим удар по народному благосостоянию, а не один раз. Но, к сожалению, видимо, этот выбор придется сделать.

Назову некоторые меры, сопровождающие реформу цен в собственно экономической области, сочетающиеся с реформой, а о социальных будет говорить Александр Николаевич Шохин.

Первая. Это либерализация внешнеэкономической деятельности. Мы должны параллельно с либерализацией цен создать хотя бы минимальные условия для конкуренции на внутреннем рынке.

Что мы можем сделать здесь? Первое — это действительно снять импортные ограничения по импорту товаров народного потребления. Открыть широкие возможности для иностранных инвестиций. Сделать ряд шагов, направленных на переход к конвертируемости рубля в тех масштабах, которые возможны при высокой ответной инфляции. На это направлен подготовленный и представленный на ваше рассмотрение указ о либерализации внешнеэкономической деятельности.

Следующий момент — это коммерциализация торговли. Конечно, сломать за месяц государственную монополию в торговле мы не сможем, но мы должны сделать так много, как можем, для того, чтобы продвинуться в этом направлении.

Главное здесь — это открытие счетов низовым предприятиям розничной торговли, предоставление им прав юридического лица, позволяющее надеяться на формирование условий конкуренции между предприятиями низового звена. Пока все сосредоточено на опте, никакой конкуренции внизу не будет.

Предложенный вам проект также предполагает политический выбор. Мы вносим серьезные изменения в систему организации торговли в условиях острейшего дефицита и накануне суровой зимы.

Здесь есть некоторые разногласия между Министерством торговли и материальных ресурсов и Министерством экономики и финансов по конкретному механизму коммерциализации торговли, они еще окончательно не урегулированы. Эти разногласия мы снимем в течение двух дней. Я думаю, что мы все-таки не можем пойти сегодня на административную ликвидацию предприятий, главных управлений торговли в городах, потому что независимо от практических последствий нас все обвинят, что мы накануне либерализации цен развалили систему управления торговлей. И они просто будут саботировать нашу работу. Поэтому пойдем в этом же направлении, но чуть более осторожно.

В области приватизации. Сейчас мы срочно перерабатываем программу на основе тех документов, которые были разработаны, мы их дорабатываем и предлагаем ввести две оперативные корректировки, которые позволят резко ускорить процесс приватизации.

Первая из них связана с приватизационными счетами.

Выход на систему приватизационных счетов, предусмотренных в законе, потребовал бы от нас полтора миллиарда рублей денег и огромных организационных усилий, по существу, удвоения мощности сберегательного банка по переработке информации. Сделать это сегодня физической возможности мы не имеем.

Поэтому, сохраняя направленность закона на обеспечение социальной справедливости в процессе приватизации, мы предлагаем другой механизм, а именно направление в 1992 г. вырученных от приватизации денег на социальные программы и социальную поддержку, что не потребует таких расходов и такой огромной организационной работы, с тем чтобы вернуться к вопросу о приватизационных счетах в 1993 г., когда к этому будут финансовые основания.

Второе. Мы предлагаем не связываться с обсуждением программы приватизации на Верховном Совете, иначе мы потеряем всю зиму. Мы предлагаем ее оперативно доработать и принять указом президента, с тем чтобы потом вынести на Верховный Совет.

Следующий блок вопросов, связанных с обеспечением экономического суверенитета РСФСР и созданием минимально необходимых предпосылок для проведения осмысленной экономической политики.

Первый из них — это вопрос о Государственном банке, о Министерстве финансов СССР и о Гознаке. Невозможно проводить стабилизационную политику, не имея контроля над собственным денежным обращением и думая, что союзный бюджет и российский бюджет — это разные бюджеты, один из которых не имеет к другому отношения. Инфляцию питают сегодня оба бюджета — и российский, и союзный. Союзный в первую очередь. В связи с этим нам предстоит организационно объединить Министерство финансов СССР и РСФСР, четко определиться с набором затрат, которые берет на себя Россия.

Наше предложение состоит в том, чтобы немедленно взять на себя значительную часть союзных расходов, которые так или иначе придется финансировать. Не обманывать себя тем, что кто-то это будет делать за нас, и затем уже бюджет на 1992 г. строить исходя из возможностей финансового покрытия совокупных расходов России и того, что мы готовы взять из Союза. С этим же связан, естественно, вопрос о передаче Минфину РСФСР фондов, имущества Гознака, принадлежащих Минфину СССР. Соответствующее постановление вам представлено на утверждение.

Вопрос о Государственном банке. Вопрос максимально деликатный, сложный, но решать его тем не менее придется. Мы представили вам проект указа президента по вопросу о Государственном банке. Нам кажется, что указ этот предельно сдержан по содержанию, он ни в чем не задевает республики. Мы не предлагаем конфисковать золотой запас, мы не предлагаем конфисковать активы и пассивы Государственного банка, мы предполагаем только установить контроль Государственного банка России над денежным обращением на территории России, с тем чтобы потом урегулировать все споры и разногласия с республиками. Только на этой основе мы сможем получить реальные рычаги в контроле над денежным обращением и сдерживать рост цен. Соответствующий проект указа представлен на ваше рассмотрение.

Следующий вопрос. Это регулирование экспорта, вывоза нефти и нефтепродуктов с территории России. Проект соответствующего постановления вам роздан. Сегодня сложилась критическая ситуация, связанная с тем, что российские органы, союзные органы выдали лицензий на экспорт примерно 129 млн т нефти и нефтепродуктов. Работа ведется нескоординированно. Лицензии выдаются без квот. По существу, если они будут выполнены, то страна просто на эту зиму останется без топлива.

Даже беглое ознакомление со списком предоставленных лицензий заставляет предположить широкое распространение коррупции в этой сфере. Мы передали соответствующие материалы в Министерство внутренних дел и предлагаем срочно принять оперативное постановление, отменяющее выданные лицензии и предполагающее срочный пересмотр всей системы лицензий, с тем чтобы ограничить экспорт лишь тем, что действительно нужно для интересов России. Параллельно надо немедленно перейти к

формированию системы контроля за вывозом нефти и нефтепродуктов в другие республики, чтобы исключить реэкспорт российской нефти через территории других республик за валюту за рубеж. Торговать будем по мировым ценам, на основе бартера, учитывая взаимные интересы республик.

Следующий вопрос. Организация промышленности драгоценных металлов, алмазов на территории РСФСР. Золотой запас и контроль за производством золота — важнейшее средство финансового маневра. Сегодня у нас очень остро стоит проблема с обеспечением импорта в I квартале 1992 г. Острый дефицит валютных ресурсов, в том числе в связи с перераспределением российских ресурсов на союзные нужды. Нам нужен, даже если мы не пойдем сейчас на крупномасштабную авансовую продажу золота, этот вариант для того, чтобы иметь развязанные руки для свободного маневра. Для этого четкая юридическая фиксация нашего контроля за добычей золота должна быть обеспечена. Именно это закрепляется в данном постановлении. Я не хочу останавливаться на всех представленных документах, часть из них достаточно очевидно говорит сама за себя, не хочу тратить ваше время.

Еще по одному принципиальному вопросу я хотел бы поговорить. Дело в том, что до сих пор союзные органы продолжают брать и распределять кредиты, предоставляемые иностранными банками. Были проведены переговоры об ответственности за выплату долга. Украина категорически отказалась от принципов солидарной ответственности за выплату задолженности. В этой ситуации мне кажется, что Правительство РСФСР должно было бы выступить с заявлением примерно следующего характера. «Мы признаем и уважаем обязательства Советского Союза финансовые, заключенные до настоящего времени, мы готовы вести переговоры с другими республиками о солидарной ответственности по этим обязательствам. Вместе с тем, учитывая, что источником погашения всех этих обязательств в настоящее время является исключительно позитивное сальдо торгового баланса России, мы просим иностранных кредиторов не вести никакие переговоры о предоставлении новых займов без участия России. С настоящего времени за любые займы, заключенные без участия России, начиная с сегодняшнего дня, Россия не отвечает». Вот примерно текст нашего за-

явления, если мы согласимся с этим, то, мне кажется, его стоило бы сделать.

Следующий вопрос. Министры «семерки» должны в ближайшие дни прилететь в Москву, вести переговоры по поводу задолженности. После того как сейчас весь механизм из-за отказа Украины развалился, мне кажется, что этот визит сегодня был бы несвоевременным и время для него неоптимально. Может быть, нам следовало бы вступить в переговоры с послами семи ведущих стран, попросив их на неделю отсрочить визит руководителей стран «семерки» для того, чтобы мы могли определить свою позицию, договориться с республиками и четко ее сформулировать на переговорах с «семеркой», опять же учитывая, что у России 10 млрд позитивного сальдо торгового баланса, а у всех остальных республик 6 млрд отрицательного сальдо торгового баланса. Это вот реальность, из которой надо исходить.

Итак, уважаемые товарищи, я заканчиваю...

Объявление состава правительства

Выступление на IV сессии Верховного Совета РСФСР

15 ноября 1991 г.

Источник: IV сессия Верховного Совета РСФСР. Бюллетень № 12.

Уважаемые народные депутаты! Я Гайдар Егор Тимурович, назначенный только что заместителем главы правительства по экономической политике. Если вы не возражаете, я бы не стал рассказывать долго о наших программах, потому что от программ, по-моему, все устали. Чуть подробнее рассказал бы о первых решениях, которые мы сегодня приняли на заседании правительства, если вы с этим согласны.

Нам приходится начинать серьезные экономические преобразования в предельно сложной ситуации еще и потому, что Россия до сих пор не обладает всем набором рычагов власти, для того чтобы регулировать экономику, для того чтобы обеспечивать макроэкономический контроль над ней. Поэтому нам параллельно приходится решать две задачи. Первая задача — это снятие ограничений на пути действия рынка. Вторая — это обеспечение экономического суверенитета России.

В связи с этим первое сегодняшнее заседание было посвящено вопросу о тактике и стратегии либерализации цен. Мы внимательно просчитывали разные варианты и пришли к глубокому убеждению, что сегодня пытаться административно удерживать, регулировать цены на сравнительно широкий круг видов продукции, для того чтобы сдержать цены на продовольствие, невозможно. Это перевернуло бы всю программу либерализации цен, привело бы к хроническому дефициту бюджета и по существу воспроизвело бы ту ситуацию, которую мы получаем сегодня. Это значит, что нам придется предельно ограничить круг товаров, по которым мы сможем регулировать цены. Это будут нефть, нефтепродукты,

уголь, драгоценные металлы, транспорт, основные услуги связи. По розничным товарам это тоже предельно узкий список, потому что, как только мы пытаемся его расширить, дальше ползут дотации, дальше вся система рушится. Это будут хлеб, масло, соль, растительное масло, сахар, спички. По всем этим товарам также держать стабильные цены нам не удастся, нам придется их повышать довольно резко, иначе неизбежно возникнут крупные рассогласования в структуре цен — эти товары исчезнут. Ориентировочный уровень повышения оптовых цен на сегодняшний день (а именно ответа на этот вопрос ждут от нас промышленники) по нефти и нефтепродуктам, где он должен быть опережающим в связи с серьезными диспропорциями, — это фактор пять: примерно пятикратное увеличение; по услугам транспорта, связи, по монопольным отраслям, там, где монополии, — это примерно трехкратное повышение цен. Нам придется еще немножко завершить расчеты, для того чтобы выдать точные цифры. Но общую ориентировку по тому, как будет жить промышленность в первом квартале, мы уже можем дать, потому что отсутствие какой-либо ясности просто сдерживало, не позволяло заключать договоры.

Второй вопрос — это сроки реформы. Вот здесь мне бы не хотелось, честно скажу, говорить об этом подробно. Дело в том, что, возможно, придется идти все-таки в два этапа: сначала принимать решения по более узкому комплексу товаров, размораживать цены, не увязывая это с общей налоговой реформой, и затем уже в увязке с оптовыми размораживать весь набор цен. Это в значительной степени определяется возможностями и технологией налоговой реформы и тем, в какой степени мы сможем поправить ситуацию в собственном бюджете, потому что если уж мы становимся на путь размораживания цен, то дальше здесь все зависит от нашей жесткости в бюджете. Если не удержим бюджет, гиперинфляция неизбежна.

Меры, обеспечивающие минимальные предпосылки либерализации цен.

Первое — либерализация внешнеэкономического регулирования. В предельно монополизированной структуре советской экономики, как и везде, самый надежный способ создать минимальные предпосылки конкуренции — это открыть внешний рынок. Соответствующий указ президента предусмотрен, подготовлен. Он

резко расширяет возможности маневра для осуществления внешнеэкономических связей.

Второе — это коммерциализация торговли. Разумеется, мы не предполагаем, что сможем за очень короткий срок, пока у нас выдержит вообще финансовая система, полностью демонополизировать торговлю. Это было бы утопией. Но, по крайней мере, то, что можно и нужно сделать, — это снять те административные ограничения на конкуренцию торговых предприятий, которые существуют сегодня просто в форме подчинения розничных предприятий опту. Мы можем в ближайшее же время создать предпосылки к тому, чтобы розничные предприятия имели собственные расчетные счета, самостоятельные финансовые балансы, действительно создать инфраструктуру конкуренции на розничном рынке.

Набор указов по социальной защите и мер социальной защиты. Наверное, об этом подробнее расскажет мой коллега Александр Николаевич Шохин. Я на них останавливаться не буду.

Перехожу к набору конкретных мер по обеспечению экономического суверенитета России. Здесь первая проблема, самая острая, с которой мы столкнулись, связана со следующим. Инвентаризация лицензий на вывоз нефти и нефтепродуктов, выданных за последние два месяца союзным правительством и органами власти РСФСР, показала, что на сегодняшний день выдано лицензий на экспорт 150 млн т нефти и нефтепродуктов. Это примерно больше трети производства нефти в России. Если мы немедленно не остановим этот процесс, то зимой нам топить будет абсолютно нечем. Все народное хозяйство остановится.

В этой сфере колоссальное количество нарушений. Бесконечное количество лицензий выдано без квот. Соответствующие материалы Министерству внутренних дел переданы. Мы приняли решение о приостановке действия всех выданных лицензий на вывоз нефти и нефтепродуктов, об их оперативном пересмотре, с тем чтобы сохранить только то, что действительно жизненно необходимо для интересов России.

Следующий вопрос — о золоте и драгоценных металлах. Сейчас, когда мы действительно начинаем очень радикальные, резкие преобразования, причем в условиях крайне острого дефицита валюты, нам необходимо будет иметь оперативную возможность маневра. Оперативная возможность маневра — это в первую очередь мини-

мальные ресурсы золота. Обычно за счет продажи золота и происходила авансовая закупка продукции производственно-технического назначения на первый квартал следующего года. Сейчас эту свободу маневра мы обрели¹. Это не значит, что мы будем всячески ею пользоваться, но, по крайней мере, иметь ее мы должны.

Следующее. Мы рассмотрели вопрос о переговорах, связанных с задолженностью Советского Союза и с кредитами, которые Советскому Союзу предоставляются и предоставлялись.

Вы знаете, что до последнего времени Советский Союз берет крупные кредиты. Принципиальная наша позиция по разделу задолженности была такая, что мы готовы принять солидарную ответственность за долг Советского Союза. Вчера выяснилось, что Украина категорически отказалась принять принцип солидарной ответственности. В этой ситуации на заседании правительства мы приняли решение, что руководство России, Правительство России, должно выступить с заявлением, что мы уважаем долговые обязательства Советского Союза и готовы нести за них ответственность. Но, учитывая, что Россия является доминирующим источником погашения этих кредитов, а по состоянию на первые девять месяцев позитивное сальдо торгового баланса России — 10 млрд долл., а отрицательное сальдо других республик — 6 млрд долл., Россия считает необходимым информировать кредиторов, что начиная с 15 ноября 1991 г. Россия не несет ответственности ни по каким кредитным соглашениям, заключенным без ее участия.

Вот основные вопросы, которые сегодня обсуждались на заседании Кабинета. Мы будем вас информировать подробно о нашей работе и надеемся на организацию эффективного рабочего взаимодействия.

¹ По-видимому, здесь Е.Т. Гайдар под свободой маневра имел в виду возможность оперативно распоряжения сохранившимися, хотя и минимальными, запасами золота без получения согласия союзного правительства. — *Прим. ред.*

О либерализации цен и программе подготовки нормативных актов, обеспечивающих проведение реформ

Выступление на заседании Правительства РСФСР

28 ноября 1991 г.

Источник: стенограмма заседания Правительства РСФСР//ГАРФ, ф. А-259, оп. 1, д. 5384.

Уважаемые товарищи! Из всех вопросов, которые нам предстоит в ближайшее время решать, вопрос о конкретном механизме либерализации цен относится, видимо, к числу наиболее взрывоопасных, наиболее тяжелых.

Принципиальные проблемы мы обсуждали на прошлом заседании кабинета; то, что оставалось определить до сегодняшнего дня, — это, во-первых конкретные уровни цен, коэффициенты их повышения по регулируемым ценам, сфера использования регулируемых цен и методические материалы, которые определяют порядок использования свободных и регулируемых цен.

По уровням цен. Здесь использовались два основных метода счета оценки масштабов повышения цен. Первый ориентировался на ограниченный круг отраслей, на укрупненные материальные балансы и анализ совокупного спроса. Это система моделей, которая была разработана в ГВЦ Госплана.

Преимущество этой системы моделей состоит в том, что она позволяет учесть спросовые факторы, не ориентироваться исключительно на затратные компоненты при определении масштабов повышения цен.

Общий вывод, к которому позволило прийти использование этой модели, состоит в следующем. Если мы ограничиваем на первом этапе повышение цен на нефть и нефтепродукты в пределах

трех–пяти раз и нам удастся удержать соотношение между ростом цен и ростом номинальных доходов занятых в пределах 0,75–0,80%, то масштабы повышения цен на первом этапе реформы, сразу после размораживания цен, не должны превысить примерно фактора «3», т. е. цены должны возрасти не более чем на 200%. Соответственно повышение номинальных доходов и цен в 2,2 и в 3 раза.

Проблема с этим счетом состоит в том, что на его основе очень трудно, практически невозможно рассчитывать конкретные уровни регулируемых цен по конкретным товарам из-за агрегированности модели. Поэтому мы вынуждены были параллельно пользоваться традиционным счетом, который ориентирован на межотраслевые взаимосвязи по затратам, которые идут от базовых отраслей к финишным. По этому счету, если за базу принимается увеличение цен на нефть в пять раз, как это заложено, можно посчитать ориентировочные оценки уровней регулируемых цен и масштабы дотаций, которые нужны, если мы хотим выйти на наиболее низкие уровни цен.

Здесь, естественно, так как не учитываются некоторые обстоятельства, короче говоря, не учитывается то, что не по всякой цене в условиях действия уже рыночного механизма продукцию купят, в этой ситуации масштабы повышения цен получают оценки выше — примерно в 4 раза вместо 2,7–2,8 раза. Если бы мы полностью пошли по пути учета всех затратных факторов в ценах, мы вынуждены были бы заложить крайне высокие коэффициенты удорожания по потребительским товарам. Учитывая высокую себестоимость молока, пришлось бы заложить шестикратное увеличение цен на молоко, примерно восьмикратное увеличение цен на сахар, пятикратное увеличение цен на хлеб.

Это было бы очень опасно в первую очередь потому, что подобные масштабы коэффициентов породили бы очень высокие инфляционные ожидания, которые сами по себе становятся фактором, ускоряющим рост цен после их размораживания.

В связи с этим было принято решение ограничить масштабы повышения регулируемых цен на основные товары народного потребления, по которым они сохраняются, примерно трехкратным увеличением, по отдельным позициям — 3,5-кратным увеличением, предусмотрев при необходимости сохранение дотаций на эти виды продукции. Это вынужденная мера, мы, без всякого со-

мнения, хотели бы ликвидировать дотации, но на первом этапе я думаю, что проигрыш, который мы получили бы от завышенных инфляционных ожиданий, мог бы перевесить те дополнительные расходы на дотации, которые мы сохраняем.

Учитывая резкое сокращение списка товаров по регулируемым ценам и в связи с этим существенное сокращение объема дотаций как долю ВВП, я думаю, что это решение правильное. Мы сокращаем дотации на мясомолочную продукцию примерно в три раза, если учесть масштабы повышения цен — это девятикратное сокращение дотаций. К сожалению, мы вынуждены будем увеличить масштабы дотаций на коммунальные услуги в связи с тем, что резко дорожает топливо, а, как вы понимаете, спрос на коммунальные услуги неэластичен, здесь нельзя заставить население резко сократить потребление, скажем, горячей воды, особенно в зимних условиях. Сокращаем дотации на медикаменты.

Серьезные проблемы по регулируемым ценам возникают в отраслях, производящих товары производственно-технического назначения. Проблема состоит в том, что их ресурсы продаются по свободным ценам и сегодня, так что определить масштабы их удорожания невозможно. Поставщики уже сейчас пытаются заложить предельно высокие масштабы повышения цен в договоры, заключаемые с отраслями, работающими по фиксированным ценам. Это нефть, где строители вчера попытались заложить в договоры на стройку пятикратное увеличение стоимости работ. Это будет по железнодорожному транспорту, по услугам связи. Здесь общая позиция должна быть такой — мы сможем пойти на сохранение дотаций в этих отраслях, мы можем договариваться о сохранении определенной доли продукции, которая идет на свободную реализацию в части этих отраслей, тем более что такие права предприятиям предоставлены и отобрать их сегодня очень трудно, это по углю и по нефти, но главное — сегодня все равно мы не можем пойти на дальнейшее расширение списка регулируемых цен на момент «Ч», на время размораживания цен. В противном случае у нас вся эта раскрутка затрат... пройдет просто еще один цикл, и мы получим не фактор пять, а фактор десять, но не решим ни одной проблемы. Поэтому общая логика, на мой взгляд, здесь должна быть такая: мы принимаем эти масштабы повышения цен, которые вам представлены, не переоцениваем их реального значения, только базово-

вые ориентировки для входа в рынок на момент размораживания цен, после этого гибко маневрируем ценами, в том числе регулируемые ценами, не пытаемся их держать вопреки складывающейся ситуации. Последствие, которое может и должно произойти, может и должно быть связано с этим, с этой стратегией повышения цен, — резкое сокращение спроса на инвестиционную продукцию. Увеличить в этих масштабах спрос на инвестиционную продукцию, кроме продукции, поставляемой для относительно ограниченного круга отраслей, в первую очередь отраслей нефтегазодобывающего комплекса, будет невозможно. Завышенные инфляционные ожидания могут породить крупную рецессию — сокращение спроса и ограничение производства по этой продукции. К этому надо быть готовыми, к этому надо готовить соответствующие социальные компенсаторы.

По механизму размораживания цен и соответствующим регулирующим актам. Здесь к числу наиболее сложных вопросов, по которым достаточно трудно определиться, можно отнести следующие.

Первое — это регулирование цен на продукцию предприятий-монополистов. Соответствующее положение о регулировании этих цен разработано. Мы можем его представить и принять. Беда в том, что, для того чтобы оно действовало, нужен список предприятий-монополистов, которые регулируются этим положением. Соответствующая работа ведется, но для ее завершения необходимо время. В связи с этим мы, видимо, можем пойти на предварительное принятие общего положения о регулировании цен на продукцию предприятий-монополистов, с тем чтобы список этих предприятий, набор параметров, по которому он определяется, утвердить уже в 1992 г.

По самому механизму размораживания цен. Здесь принципиальный и сложный вопрос состоит в том, как учесть и как распределить тот выигрыш, который торговля получит после размораживания цен. В связи с переоценкой товаров главное, чтобы традиционный механизм переоценки ориентировался на то, что старые цены заменяются новыми ценами. Мы все-таки сочли невозможным провести регулируемую переоценку по товарам, цены на которые освобождаются. Это была бы операция, которая предельно сложна и не имеет конкретного смысла. Предприятия торговли могли бы повысить свободные цены не на первый день, а на

второй. После этого эффект всей операции сводится к нулю. В связи с этим предлагается провести переоценку исключительно по ценам регулируемым, по тем ценам, где есть коэффициент повышения, по остальным ценам оставить этот вопрос на усмотрение местных органов власти, чтобы они регулировали переоценку товаров, которые мы отпускаем на свободную реализацию. Это, товарищи, по вопросу о либерализации цен.

Теперь, если вы не возражаете, я сразу перешел бы к вопросу о нормативных актах, которые мы собираемся готовить, а после этого мы могли бы обсудить эти вопросы.

Программа работы над нормативными актами, обеспечивающими реформу, была изложена в Постановлении правительства №14 от 19 ноября. Естественно, в ближайшее время наше основное внимание должно быть сосредоточено и было сосредоточено на нормативных актах, наиболее тесно перекликающихся с подготовкой либерализации цен. Это сами нормативные акты по ценам, которые мы рассматриваем сегодня, и набор указов по реформе системы налогообложения. Главный фактор, который сдерживает сегодня либерализацию цен, — это неготовность нашей налоговой системы к работе в условиях свободных цен. Указы соответствующие подготовлены, представлены и сейчас дорабатываются в отделах Управления делами, и мы предполагаем вынести их на обсуждение следующего заседания Кабинета. В предварительном порядке проработан вопрос об этих указах с Верховным Советом, потому что это явная прерогатива Верховного Совета, указы по налогам, и принципиальная поддержка Комитета по бюджету по этим указам получена. Они готовы их поддержать, принять в том виде, в котором мы предлагаем. Вопрос для нас принципиально важный, потому что если мы затащим и увязнем в парламентских дебатах по этим указам, то сорвем сроки либерализации цен либо вынуждены будем проводить ее без соответствующей налоговой базы, что было бы предельно опасно.

По остальным направлениям, принципиальным направлениям работы предполагается подготовить в общей сложности в течение ближайших полутора месяцев сорок указов и постановлений правительства.

Основные направления — обеспечение экономического суверенитета РСФСР, либерализация цен, финансовая стабилизация, денежное регулирование, социальные гарантии, аграрная реформа.

К настоящему времени в основном подготовлены нормативные акты о едином экономическом пространстве, о порядке поставок сырья и промышленной продукции за пределы РСФСР, о реорганизации системы налогообложения юридических лиц и граждан РСФСР, о формировании федеральных и территориальных фондов занятости, об организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам, о жилищной реформе и создании рынка жилья, о мерах по ускорению земельной реформы, о мерах по развитию производственной и социальной инфраструктуры на селе и организации сервисного обслуживания фермерских хозяйств, об организации материально-технической и финансово-кредитной поддержки фермерских хозяйств. К сожалению, медленно ведутся работы, срываются сроки по ряду важнейших нормативных актов, особенно относящихся к валютному и денежному регулированию. В связи с этим у меня большая просьба к руководителям соответствующих ведомств ускорить эту работу, особенно в том, что касается валютного регулирования, потому что здесь мы уже находимся на красной черте, потому что надо готовить конкретный механизм выполнения законов о либерализации внешней торговли.

Я думаю, что дальше расширять список нормативных актов, который мы должны готовить на ближайшие полтора месяца за пределы того, что предусмотрено в постановлении, скорее всего, смысла нет, иначе мы девальвируем значимость постановлений правительства и указов президента. Главное сегодня — это четкий контроль и взаимоувязка работы по этим актам. Эту работу координирует Сергей Александрович Васильев. Я прошу соответствующие министерства и ведомства его просьбы выполнять в приоритетном порядке, учитывая, что эта работа важнейшая. У меня все, Борис Николаевич.

Первые шаги реформы и возможные согласованные действия на I квартал <в отношении> хозяйственных связей между государствами, предприятиями и регионами

*Выступление на рабочей встрече глав правительств
Содружества Независимых Государств*

24 декабря 1991 г.

Источник: стенограмма рабочей встречи глав правительств Содружества Независимых Государств // ГАРФ, ф. А-259, оп.1, д. 5386.

Уважаемые коллеги! В качестве вступления несколько слов по механизму согласования нашей работы. Как мы договорились в Алма-Ате, особенно по предложению делегации Украины, наше Содружество не является ни государством, ни <образованием> на государственном уровне. И если мы будем пытаться все вопросы, уровень координации по всем поводам вывести на единый уровень, приемлемый для всех республик, мы просто ни о чем никогда не договоримся, я этого очень боюсь.

Поэтому мне кажется, что мы должны подходить к согласованию наших политик максимально гибко. Кто может пойти на более тесную интеграцию, более жесткую координацию экономической политики в разных сферах, тот может подписать более обязывающие документы. <Если> есть какие-то вещи, которые задевают всех, в которых явно заинтересованы все, то здесь, может быть, мы можем ограничиться более мягкими, более широкими документами, формирующими основу нашей взаимной работы. Это в качестве вступления к тому, о чем я буду говорить дальше.

В принципе я перед большинством из здесь присутствующих наших коллег выступал и рассказывал об основных направлениях наших реформ, как мы их себе представляем, месяц назад. За это

время, я, разумеется, повторяюсь, потому что кто-то тогда не был на заседании Межреспубликанского комитета, когда Россия первый раз докладывала о своих планах, но в принципе главное я хочу сказать, что общая стратегия их не изменилась, она стала более конкретной, мы какие-то вещи проработали более детально, сейчас есть уже конкретные документы, с которыми мы просили вас ознакомиться для того, чтобы вы имели возможность представить себе их общую логику.

Общая логика следующая. Мы сегодня не имеем возможности обеспечить устойчивость товаропотоков в рамках традиционной системы лимитов, фондов, нарядов и государственных заказов в силу ограниченной управляемости, по крайней мере, экономики на территории России. В республиках она частично более управляемая; в России в силу размеров ее территории мягкие методы управления, когда ты можешь, не доводя формально директивного госзаказа, тем не менее заставить предприятия делать то, что ты считаешь нужным, они работают очень плохо. Отсюда в России идут тенденции местной регионализации, формирования таможен на уровне территорий, на уровне областей, краев, что очень опасно и может парализовать вообще нашу способность проводить какую бы то ни было экономическую политику, в том числе выполнять какие бы то ни было обязательства, которые мы принимаем перед вами.

В этой ситуации, и это показывает богатый мировой опыт, единственный путь, когда ты уже потерял контроль над денежными доходами, а мы все вместе его потеряли, у нас оптовые цены растут по ноябрю на 10% в месяц, 650% в год, это уже почти гиперинфляция, когда ты уже потерял контроль над номинальными доходами, они растут, прут во всех республиках и у нас тоже, когда, по существу, складываются неуправляемые материальные потоки, — так вот опыт показывает, что здесь не надо уже пытаться дальше упираться, надо решительно перейти на другую систему координации деятельности, на рыночные механизмы.

Именно поэтому мы предполагали сделать очень решительный шаг в направлении размораживания цен. Это не потому, что мы не понимаем всех социальных издержек, связанных с размораживанием цен, огромных рисков, на которые мы идем, очень неблагоприятного фона, связанного с падением производства, сохраняю-

щейся монополизацией экономики. А потому что, зная все это, мы видим, что краткосрочно мы все равно иначе не справимся с теми проблемами, перед которыми сегодня оказались.

Здесь опять же есть своя логика. Если ты уже вынужден идти на последовательную либерализацию цен, любые задержки, любые проволочки по времени и любое ограничение по масштабу этой либерализации, все это, к сожалению, довольно больно бьет по последующим перспективам.

Мы предположили оставить под государственным контролем ограниченный круг видов продукции. Это в первую очередь естественные монополии, это железнодорожный транспорт, авиационный транспорт, основные услуги связи, это трубопроводный транспорт и важнейшие энергоносители: нефть, газ, уголь, сланцы, нефтепродукты. Из товаров народного потребления хлеб из муки первого и второго сортов и черный, молоко, кефир, обезжиренный творог, растительное масло, сахар, спички, детское питание, практически все, да, водка, прошу прощения.

По всем этим товарам предполагается резкое повышение цен. По продовольственным товарам, как правило, в пределах не выше трех раз, мы не решились пойти на более резкое повышение цен на продовольствие, чем в три раза, хотя в результате были вынуждены сохранить дотации, наиболее неприятная из них — это дотация на молоко, потому что она довольно дорого стоит бюджету. И по товарам производственно-технического назначения повышение более резкое, потому что значительная часть из них — это товары, цены на которые опять же в течение 1990 г. существенно отстали от цен на потребляемое там комплектующее оборудование. Это топливно-энергетический комплекс, где мы повысили цены с апреля, а к январю опять возникли диспропорции в ценах на машиностроение, которые существовали и до апреля. Поэтому мы здесь предположили не размораживать пока цены, увеличить их пока в 5 раз, но, как потом выяснилось, налог на добавленную стоимость все-таки не проходит, тогда увеличили в 6,5 раза, включив туда налог на добавленную стоимость. Это на самом деле замораживание цен, даже временное, на нефть и нефтепродукты создает очень серьезные проблемы в отношениях с Тюменью, с нефтяниками. Мы вынуждены были пойти дальше, чтобы оставить им 10% на начало месяца на свободную либерализацию — продажу по свобод-

ным ценам. И наша позиция такая, что эти цены на нефть и нефтепродукты не некие фиксированные, раз и навсегда установленные цифры, а это база, чтобы создать какую-то минимальную устойчивость. Все знают, что в этой экономике есть цена на нефть, минимально устойчивая на первый квартал, на январь–февраль. Потом можно будет посмотреть, как будет складываться рынок, учитывая, что цена на зерно будет рыночная и цена на нефть будет рыночная. Сейчас эти цены формируются, их предъявляют потребителям. Это значит, что мы вынуждены будем уходить на рыночные цены в энергоносителях.

По последствиям. Самое трудное — это прогноз темпа роста цен непосредственно за их размораживанием и реакция на проблему, связанную с ограниченностью товарных запасов и возможностью маневра товарными запасами.

По темпам роста цен. Он зависит от двух основных факторов. <Первое.> Это сложившаяся и накопленная денежная диспропорция, избыточная денежная масса относительно спроса, предъявляемого на деньги в разных формах. Второе. Это инфляционные ожидания, т. е. то, что люди или лица, принимающие решения, — директора предприятий, министры, население закладывают в свои представления о том, как будут себя вести цены после того, как они разморозятся.

И, наверное, потому, что мы не хотели будить избыточные, на наш взгляд, инфляционные ожидания, мы всячески пытались зажать масштабы роста цен на важнейшие товары народного потребления.

По нашим оценкам, если мы будем мало-мальски эффективны в совместной денежной и финансовой политике, а я об этом чуть позже скажу, как мы все это себе представляем, то темпы роста цен в январе не могут превысить в среднем по индексу 150%, из-за денежных ограничений. Попытка производителей поставить немыслимые цены в 2, 3, 100 раз и больше, несомненно, будет, и по некоторым товарам цены действительно вырастут очень резко, в десятки раз, однако производители столкнутся очень быстро, к концу января, с денежными ограничителями, потому что по этим ценам продукцию невозможно будет продать. Учтите, что у нас есть целый ряд сфер, где эти денежные ограничения уже сегодня являются, я так скажу, жесткими, в первую очередь речь идет

о крупном оборонном комплексе, финансирование которого сворачивается, об инвестиционном комплексе, который окажется в очень сложной ситуации по финансированию, на самом деле обо во всем машиностроительном комплексе, где с финансами будет очень неблагополучно. По потребительским товарам, где темпы роста доходов, несомненно, отстанут в январе, это единственно возможная стратегия темпов роста цен. У нас могут и должны появиться элементы жесткости по спросу к концу января. Это будет только в том случае, если мы будем мало-мальски эффективны в ограничении бюджетных расходов.

Тогда это значит, что к концу января мы можем получить, без сомнения, всплеск роста цен, по крайней мере не меньше чем 100–150%. Но тогда мы можем получить снижающуюся кривую по росту цен с падением темпов роста в феврале и марте. Инфляция, конечно, останется высокой. Она останется высокой, по крайней мере, по одной основной причине, связанной с тем, что у нас нет возможности обеспечить конвертируемость рубля по фиксированному курсу. У нас будет очень серьезное неблагоприятное воздействие на экономику, связанное с внешними факторами. Но мы можем привести ее в какой-то божеский вид, если она будет при свободных ценах иметь те же 10% инфляции в месяц, как сегодня, к марту–апрелю. Тогда можно будет считать, что наша программа оказалась относительно успешной, потому что это значит, что рыночные механизмы дальше начали работать, радикально поменялась вся ситуация, все наши сегодняшние споры и заботы о том, чтобы кому-то не дать ресурсов, чтобы как-нибудь удержать у себя и использовать их для бартера, в этой ситуации меняются на противоположные. И именно так это происходит в жизни, происходило в жизни неоднократно и происходило в жизни экономик, похожих на нас и в близкое время. Если кто-то из коллег хочет посмотреть, как это делалось, например, в Болгарии, где все побывали наверняка и знают, что болгарская экономика была копией, слепленной из нашей. Так вот при всех серьезных болячках, которые остаются, все механизмы там поменялись радикально буквально на протяжении прошлого года.

Главная предпосылка успеха подобной политики — это жесткость в денежной и бюджетной области. Мы предполагаем и исходим из того, что бюджет на I квартал 1992 г. у нас должен быть без

дефицита. Это на самом деле не самоцель, разумеется. Мы прекрасно понимаем набор естественных ограничителей и факторов, которые могут существенно изменить бюджетную ситуацию. Но это очень важная цель, к которой нужно стремиться, потому что при высокой открытой инфляции бюджетный дефицит практически моментально переходит в денежную форму, и питает ее, и разгоняет дальше. Поэтому сегодня наши социальные перспективы будут зависеть в первую очередь от того, насколько мы вместе будем жесткими в отношении своих бюджетов.

Основные направления нашей политики по бюджету. Как вы знаете, нам удалось получить согласие нашего парламента о том, чтобы остановить это безумие, связанное с разрушением налоговой системы страны, которым мы занимались вместе на протяжении полутора лет. Мы надеемся, что нам удалось все-таки сейчас поднять налоговую базу до уровня, принципиально совместимого с тем, до чего можно сократить государственные расходы. Потому что налог на добавленную стоимость вместе с акцизами по крайней мере в 2,5 раза превышает те масштабы налогов с оборота, которые мы могли получить на следующий год с учетом, естественно, приведения к доле валовой национальной продукции, т. е. мы отработываем довольно крупную программу, на 10% надеемся получить дополнительные доходы. Нам не удалось продвинуться по ряду направлений, как всегда, понимаете, приходится идти на политические компромиссы, но мы считаем, что это закладывает серьезную основу для работы. Мы рады, что ряд республик присоединился к нам в этом переходе к налогу на добавленную стоимость. Здесь мы действуем вместе.

По расходам. Вот теперь, когда у нас есть налоговая база, достаточная для того, чтобы в принципе можно было в нее что-то вписать, о них можно говорить — раньше можно было не стараться. Очень важно, какой темп роста цен мы сами закладываем в свои расчеты, потому что это деликатный момент. Здесь можно очень сильно просчитаться и поставить себя в опасное положение. Конечно, на следующий год инфляция будет высокая. Она не может быть 100%, она будет гораздо выше. Но если мы сегодня в расчете на I квартал заложим пятикратное повышение цен, то это будет означать, что в расходной части оно будет сидеть с 1 января. Это значит, что мы с 1 января раздадим деньги местным бюджетам.

там под инвестиции, под социальную помощь и т. д., а потом эта инфляция цен неизбежно будет. Если вы заложите ассигнования на капитальные вложения, у вас цена цемента действительно подскочит в 10 раз.

Поэтому мы здесь постарались быть максимально осторожными именно в расходных проектировках на I квартал, вложив следующие гипотезы: что у нас не будет повышения номинальных доходов, выходящего за рамки того, что мы уже обещали, т. е. с 1 января коэффициент 1,9, что материальные затраты в отраслях социально-культурной сферы вырастут не больше чем в 2,5 раза и не все это мы компенсируем. Общий индекс цен, который мы закладываем в расчеты, не больше 2,5 раза. Вы понимаете, что на самом деле, если индекс цен будет больше, будут больше доходы, будут больше и расходы. Но здесь нет автоматизма, потому что расходы, если вы их заложите сразу, не будут зависеть от темпов роста цен, а доходы будут. Лучше ошибиться в сторону преуменьшения темпов роста цен, чем в сторону увеличения.

В рамках этой гипотезы мы резко сокращаем дотации. Мы сбрасываем дотации на мясо: они не проходят ни в один бюджет, дальше все разваливается. Сбрасываем большую часть ныне существующих дотаций на продукты питания, и у нас остаются из значимых, крупных, к сожалению, два направления расходов — это дотации на уголь, от которых мы очень надеемся уйти в нынешних объемах не позже II квартала за счет дальнейшего повышения цен на энергоносители, и дотации на молоко, от которых мы тоже надеемся уйти не позже II квартала, потому что очень боимся, что в результате регулируемой системы цен на молоко молока просто не будет: его перегонят в сметану, масло, с молоком будут перебои. А это два крупных дополнительных резерва экономии, которыми мы можем маневрировать по ходу года, смотря как будет складываться бюджетная ситуация.

Мы предлагаем вместе — сегодня Василий Васильевич Барчук, мой первый заместитель министра экономики и финансов, пригласил министров финансов суверенных государств для того, чтобы обсудить еще один вопрос, который имеет огромное значение для наших совместных бюджетных перспектив, — это вопрос об оборонных расходах. Я сейчас не буду трогать его с точки зрения организации — кто, как будет платить, это отдельный сюжет. Но с

точки зрения бюджетной тактики здесь для нас очень важно заметно сократить долю военных расходов в совместном бюджете¹, потому что без этого бюджетных проблем мы не решим. Придется, без всякого сомнения, и мы к этому готовы, платить, даже увеличивать затраты на денежное довольствие военнослужащих. Но мы считаем, что можно, во-первых, исходить из значительно сокращенной армии по личному составу: нам не нужна армия в тех масштабах, в каких она была, предлагаем ориентироваться на, по крайней мере, сокращение на 600 тыс. человек по отношению к нынешнему уровню; во-вторых, резко сократить, почти до нуля, закупки новой военной техники, т. е. оставить то, что необходимо, жизненно важно, или то, что дешевле доделать, чем законсервировать.

Мы очень жестко поджимаем централизованные капитальные вложения, т. е. сводим их буквально на минимальный уровень. Может быть, в течение года придется их немножко увеличивать, но пришлось подходить просто по остаточному принципу. Мы на I квартал закладываем 26 млрд руб. централизованных капитальных вложений в новых ценах 1992 г. Реально по доле ВВП это сокращение в 2,5 раза.

Исходя из этих предельно жестких гипотез нам удастся свести бюджет к бездефицитному. Мы прекрасно понимаем, что это не догма, это в создавшейся ситуации некое выражение наших бюджетных ориентировок, политики. И мы бы очень хотели надеяться, что эту политику удастся реализовать, потому что, вы понимаете, за любые вольности в отношении бюджетов придется расплачиваться всем вместе: их, к сожалению, пока трудно разделить. Мы хотели бы, чтобы эти подходы по возможности разделили с нами суверенные государства.

По стратегии внешнеэкономической либерализации. Мы сейчас подготовили несколько документов, регламентирующих внешнеэкономическую деятельность и изменяющих порядок регулирования. Общий принцип следующий. Мы снимаем все виды обязательных платежей — обязательную продажу валюты, тарифы экспортные на вывоз всей продукции высокой степени обработки, кроме оборонной техники, естественно. Если это машино-

¹ Совместный бюджет СНГ. — *Прим. ред.*

строительная продукция, скажем, реклама и все, что угодно, кроме сырья, то производитель не платит никаких налогов, кроме тех, которые он платит нормально за внутреннюю деятельность. Вся валюта остается в его распоряжении. Учитывая, что реально в наших условиях это очень небольшая часть валютных поступлений, а 90 с лишним процентов ее образуется за счет очень ограниченного круга товаров, это по существу означает, что мы жертвуем минимально доходами бюджета и республиканского валютного фонда и вместе с тем действительно создаем предпосылки для открытия экономики — очень мощные стимулы для того, чтобы предприятия вывозили продукцию высокой степени обработки.

По сырьевой продукции. Здесь мы резко ограничиваем круг лицензируемых видов продукции, предполагаем ввести систему, при которой квоты выделяются только производителю, чтобы избежать злоупотреблений. И кроме того, вводим систему аукционной, конкурсной продажи квот, чтобы они проходили по нормальной рыночной цене и доходы шли в бюджет, а не в карман тому, кто эти квоты выписывает.

Экспортные тарифы. Экспортные тарифы на вывоз сырья мы предполагаем устанавливать в конвертируемой валюте, в швейцарских франках на единицу вывозимого товара, но взимать в рублях по рыночному курсу. Система такая: хочешь вывезти нефть, есть схема, есть экспортный тариф. Он в принципе формируется как разница между внутренней ценой и ценой мирового рынка и выражается в швейцарских франках. Заплати, возьми кредит, тем более что коммерческие банки с удовольствием кредитуют экспортные операции, — заплати в бюджет соответствующую экспортную пошлину, вывози, после этого валюта твоя. Это сделано, чтобы защитить доходы бюджета. Система построена так, чтобы бюджет не пострадал.

Вторая часть — это обязательная продажа 40% вырученной валюты по тому же сырью и продуктам низкой степени переработки по курсу, который ниже рыночного. Примерно ориентируемся на половину рыночного курса. В принципе что это значит? Если нам удастся эту систему запустить и если мы сами не проявим слабости в денежной сфере, эта система означает, что с января возникает огромный дополнительный спрос на рубли. Резкий дефицит рублей возникает для обслуживания внешнеэкономической дея-

тельности, потому что, для того чтобы вывозить сырье, пошлину надо платить в рублях. В принципе, если наша банковская политика будет скоординирована, после этого должно начаться падение курса доллара к рублю на открытом рынке. Опыт показывает, что даже в очень высокоинфляционных ситуациях это возможно, потому что сейчас курс ни на что не похож, ни с чем не связан, кроме немислимых инфляционных ожиданий и паники о том, что сейчас рубли немедленно отменят, ликвидируют и т. д.

О принципиально важном вопросе — о координации. Когда еще речь не шла о создании Содружества Независимых Государств, предполагался следующий механизм: мы в принципе эти экспортные правила распространяем на вывоз с территории РСФСР, т. е. хочешь вывезти — плати соответствующую пошлину. Это было бы очень жесткой мерой, учитывая масштабы сырьевого экспорта России в другие республики. В принципе мы предлагаем договориться, что мы такие меры не принимаем, не рассматриваем вывоз с территории РСФСР в другие республики, с которыми мы заключим соответствующие соглашения, как экспорт, т. е. не взимаем экспортных налогов. Но это предполагает некие совместные договоренности по регулированию таможи, чтобы таможня у нас была мало-мальски единая, чтобы доходы шли в республиканские бюджеты. Это соглашение мы предлагаем вместе проработать, ввести до начала года, если кто хочет иметь с нами общую экономическую политику по отношению к экспорту сырья и энергоресурсов, потому что навязывать ее кому бы то ни было было бы с нашей стороны некорректно и неправильно.

Земельная реформа, приватизация — в некотором смысле вещи, которые дают возможность гораздо больше самостоятельной деятельности для республик. Здесь наши решения задевают меньше кого бы то ни было. В целом мы подготовили пакет документов по земельной реформе, который, надеемся, позволит резко ускорить ее. Пакет, ориентированный на расформирование убыточных, низкорентабельных колхозов и запуск форсированного механизма преобразования деревни.

И мы сейчас подготовили программу приватизации, которая, может быть, в большей степени всех коснется, она предполагает распределение по уровням собственности, правила приватизации для разных предприятий и вывод из работы на этот год

системы приватизационных чеков, которые мы предполагали запустить. Мы это откладываем до 1993 г., приватизируем только за наличные деньги, никаких приватизационных кредитов, потому что это нам нужно для того, чтобы опять же стяжать деньги в этом году, денежную массу. Принцип примерно такой: 25% собственности предприятий мы отдаем трудовым коллективам в форме акций, до 10 тыс. руб. на человека, чтобы не больше. Рабочие могут сразу выходить с ними на рынок, остальная часть — государственные акции, собственность государства. Часть доходов от них идет в местные советы на фонды социальной защиты. Формируется вторичный рынок акций, после этого он позволяет нам обойти тяжелейший вопрос об оценке имущества, в котором мы все можем завязнуть и никогда так ничего и не сумеем приватизировать.

В принципе, если мы действительно договоримся и будем действовать согласованно, я убежден, что на основе этих мер мы могли бы к марту–апрелю иметь работающий рынок, иметь все-таки относительно разумные темпы инфляции. И в этом случае, я не сомневаюсь, мы проводили бы соответствующие переговоры, продемонстрировав решимость идти по пути рыночных реформ и продемонстрировав решимость особенно в бюджетной, финансовой сфере. Тогда мы к апрелю смогли бы получить стабилизационный кредит от Международного валютного фонда. А стабилизационный кредит от Международного валютного фонда в размере где-то порядка 5 млрд долл. — это именно то, что нам принципиально нужно для того, чтобы после этого стабилизировать положение, остановить инфляцию, ввести конвертируемость рубля по фиксированному курсу.

Естественно, может быть, к этому времени придется действительно сделать дополнительное бюджетное корректирование. Это вот максимально, скажем так, оптимистический сценарий развития событий. Может быть, конечно, сложнее. Если мы не удержимся по бюджету, если его развалим, если поддадимся на давление снизу, которое будет очень сильным, это будет означать, что мы просто войдем в высокую открытую инфляцию, т. е. если мы сейчас просто переведем подавленную инфляцию в открытую, все равно так или иначе какие-то рыночные механизмы заработают и товары появятся, но ситуация будет очень нестабильной и неблагоприятной для любых долгосрочных решений. Тогда следую-

щую корректировку придется делать где-то к лету, с тем чтобы тут же сбросить еще накопившиеся денежные диспропорции. И может быть, тогда, если мы к этому времени поймем, что никак не можем с вами договориться о согласованной денежной политике, придется принимать какие-то собственные решения. Но я надеюсь, что нам удастся вместе этого избежать.

Вот вкратце то, что мы собираемся делать.

Об основных направлениях формирования бюджетной системы Российской Федерации на I квартал 1992 года

*Выступление на IV сессии Верховного Совета
Российской Федерации*

27 декабря 1991 г.

Источник: IV сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень №27.

Уважаемые народные депутаты! Правительство вынуждено принести вам свои извинения за то, что не смогло в срок представить развернутый проект бюджета на 1992 г. и на I квартал 1992 г. Но должен сказать, что та реальная ситуация, в которой проходит формирование бюджета, практически не оставляла нам другого выхода. Я уверен, что иное решение означало бы просто фальсификацию бюджетной процедуры. Мы вынуждены формировать бюджет в условиях трех принципиальных неопределенностей.

Первая. Незавершенное формирование новой налоговой системы. Мы сейчас в самом разгаре глубокой радикальной налоговой реформы, которая была подготовлена в первую очередь Верховным Советом и сейчас только прорабатывается и реализуется, в том числе в законодательных актах. По отдельным нормативным актам окончательные решения еще не приняты. А это доходная база бюджета. Это то, чем бюджет, собственно, может располагать.

Но дело даже не столько в этом. Со следующего года радикально меняется весь механизм регулирования экономики. Мы вынуждены теперь полагаться не на государственные четко фиксированные цены, по которым легко просчитать сметы затрат, а на ориентировки, на прогнозы динамики цен по основным направлениям, видам продукции, услугам, товарам, родам деятельности. Это вносит дополнительный существенный элемент неопределенности и тре-

бует новых подходов к самой процедуре разработки и формирования бюджета.

Но даже и это было бы не самое страшное. Самое сложное состоит в том, что мы по существу формируем бюджет только становящегося, формирующегося, нового государства. Ведь идея, что можно механически объединить бюджет Союза и бюджет России с учетом того, что многие союзные структуры и функции перестали существовать, к сожалению, нерациональна. Те союзные структуры, министерства и ведомства, которые сейчас переходят под юрисдикцию России, имеют свою разветвленную сеть по всей территории Союза. Предприятия союзного Министерства высшего образования находятся на территории всех республик, и так по всем системам, т. е. на фоне этой трансформации происходило и происходит перераспределение источников финансирования между Союзом, Россией и тем, что остается за Россией и другими республиками. При этом по многим направлениям, и направлениям принципиальным, еще окончательные политические решения не приняты и не согласованы между республиками.

Наибольшее значение из этого имеет финансирование оборонных расходов. Только три дня назад на совещании глав правительств достигнуты принципиальные основы договоренности о том, как в январе будет формироваться оборонный бюджет. Причем эти договоренности не распространяются пока на все республики. Есть особая позиция Украины, которая связана с тем, что она предполагает финансировать размещенные на ее территории сухопутные Вооруженные силы из своего бюджета. Есть своя позиция у Азербайджана. Есть позиция других республик, которые в принципе готовы финансировать совместные военные расходы, но пока не договорились о доле финансирования, о том, в каких масштабах они готовы их финансировать, о том, какую армию мы готовы и хотим содержать в 1992 г., и т. д. Эти вопросы обсуждались вчера на заседании правительства и будут обсуждаться снова в Минске.

Это все действительно бюджет формирующегося государства с массой принципиальных неопределенностей, которые не может сегодня разрешить эффективно и окончательно ни одна структура власти, включая Правительство и Верховный Совет РСФСР. Вместе с тем бюджетная процедура и бюджетная политика — это стер-

жень макроэкономической стабилизации, это важнейший элемент экономической реформы. Без четкой определенности в основных направлениях бюджетной политики никакой разумной политики реформ быть не может. Именно исходя из этого мы приняли решение вынести сегодня на ваш суд основные направления бюджетной политики на I квартал, которые создают стержни, основу работы правительства, наших предложений по экономической политике I квартала, основных макроэкономических ориентиров и корректировок, на основе которых мы рассчитываем, надеемся и будем стремиться стабилизировать положение, с тем чтобы конкретное наполнение бюджета представить вам к 20 января, когда ситуация, по крайней мере с оборонными расходами, стабилизируется и будет ясно, что же представляет наше государство с точки зрения финансовых обязательств перед структурами старого Союза, с точки зрения нашей новой стратегии и тактики внешней и внутренней политики.

Если говорить об основных направлениях, о принципах, о сути того, что будет определять нашу финансовую политику, то главное здесь — это проблема макроэкономической стабилизации и ликвидации бюджетного дефицита. Уважаемые народные депутаты, я хочу вам напомнить, что развал бюджета — это надежный путь к развалу государства. Развал союзного бюджета, который начался с 1985 г., проложил дорогу глубокому экономическому кризису, в котором мы сегодня оказались. Еще в 1985, 1986, 1987 гг., когда в материальной сфере ситуация была более или менее стабильная — хотя со всеми серьезными проблемами и противоречиями, — именно рост бюджетного дефицита заложил основу начавшегося развала потребительского рынка, всплеска социального недовольства, накачки денежной системы избыточной ликвидностью, усиления подавленной инфляции, падения стимулов к труду, и в конце концов все это привело к развалу механизма экономического регулирования. С 1990 г. к этому добавились социальные программы, не увязанные с реальными доходными источниками бюджета, а в 1991 г. — развал налоговой системы.

С точки зрения чисто российского бюджета мы сегодня могли бы отчитаться перед вами относительно благополучно. По прогнозу, дефицит бюджета собственно России на 1991 г. составит не более 5 млрд руб. Больше того, по расчетам, за декабрь он может

оказаться меньше. Но это фикция, это не реальная оценка происходящего, потому что параллельно традиционно и всегда часть дефицита бюджета была спрятана в задолженность бюджета по кредитованию Государственным банком разницы в ценах, а это еще 42 млрд руб. И что самое главное — сюда не входили абсолютно не относящиеся к России, ничем не покрытые расходы союзного бюджета, значительную часть которых уже в декабре нам пришлось взять на себя.

В результате общий размер бюджетного дефицита по всем видам систем бюджетов, которые оказывают влияние на макроэкономическую ситуацию по 1991 г., составляет 22% валового национального продукта. Парадокс. Принципиальная проблема состоит в том, что этот дефицит воспроизводит экономическую разруху, причем навсегда. Но ликвидировать этот дефицит, не размораживая цены, не вводя существенных корректировок в систему цен и налогов, было невозможно. Мы оказались перед реальной альтернативой: мы можем дальше пытаться держать цены, когда они все равно не держатся, наращивая развал финансовой системы с увеличением дефицита бюджета от 22 до 25, 27%, или попытаться одновременно разморозить цены и ввести очень серьезные, очень радикальные корректировки в финансовую политику, с тем чтобы максимально сжать дефицит бюджета, свести его к нулю. Мы считаем, что это единственно разумная, единственно ответственная политика в создавшейся ситуации.

Часто приводятся примеры других стран. Говорят, что Америка имела дефицит государственного бюджета, что есть много стран, которые имеют дефицит государственного бюджета и прекрасно живут. Это неточный, несерьезный разговор, потому что реальные экономические ситуации, определяющие возможности инфляционного финансирования бюджета, зависят от комплекса параметров, которыми мы сегодня не располагаем. Мы не располагаем возможностью опереться на крупные добровольные сбережения населения для покрытия дефицита бюджета. Мы не располагаем возможностью опереться на внешние источники финансирования нашего дефицита бюджета. У нас он чисто инфляционный. Особенно опасен он в условиях уже по существу начавшейся гиперинфляции: когда резко возрастает скорость оборота денег, то даже

маленький, ограниченный дефицит бюджета раскручивает инфляцию, не позволяет стабилизировать положение.

Нам нужно было внести бюджетные корректировки, которые позволяют сократить дефицит бюджета с 22% валового национального продукта до величины, максимально приближенной к нулю. Это очень серьезное, принципиальное решение, радикально меняющее ситуацию в финансах и всю экономическую политику. Основа этого была принята Верховным Советом — это новые законы о налогах, в том числе то решение по налогу на добавленную стоимость, с которым Верховный Совет пошел навстречу правительству. Это закладывает принципиальные основы возможности стабилизационной политики. Без этого не о чем было бы говорить.

Это позволяет нам увеличить долю финансовых изъятий в валовом национальном продукте государства до 40,6% валового национального продукта. Это минимально необходимая для нас доля, чтобы стабилизировать ситуацию, чтобы заложить основы нормального, неинфляционного финансирования абсолютно минимальных бюджетных расходов по состоянию на начало 1992 г. Это нормальный уровень изъятия, он не выше средневропейского. Мы будем идти дальше по пути сокращения этих изъятий, но по мере сокращения государственных расходов. Увеличение доли налоговых изъятий позволяет сделать осмысленными попытки правительства сократить расходную часть бюджета до уровня совместимого с ней неинфляционного финансирования.

Я подчеркиваю, что мы вынуждены ориентироваться на продолжение сокращения тенденции к падению валового национального продукта, национального дохода. Поэтому сегодня даже сохранение неизменным уровня фактического финансирования той или иной группы расходов означает, по существу, увеличение их доли в валовом национальном продукте, увеличение финансовой бюджетной нагрузки, которую приходится нести для покрытия этих расходов.

Общие ориентиры, из которых мы исходили, формируя политику расходов. Первое — это максимально жесткое сокращение оборонных расходов. Мы понимаем, что сталкиваемся с тяжелым положением. Есть естественное давление, есть естественные проблемы конвертируемых предприятий. Мы считаем, что, если даже не сэкономим каких-то денег, лучше уже сегодня давать им деньги

на зарплату, на переоснащение, на конверсию, а не пытаться снова и снова откладывать вопрос на потом, продолжая и дальше закупки вооружений и техники, которая все равно сегодня не нужна и которую мы не можем оплатить из неинфляционных источников. Поэтому резкая перестройка системы закупок вооружений, резкое сокращение — это одно из важнейших направлений экономии бюджетных средств. Оно позволяет нам сократить примерно 2,5% валового национального продукта в расходах бюджета.

Второе важнейшее направление — это дотации. Я не буду долго рассказывать, почему сложившаяся система дотаций неэффективна социально-экономически. Я хочу сказать только об одном: у нас нет источника финансирования дотаций в тех масштабах, которые складывались по 1991 г. Нам нужно было сократить их по крайней мере на 3–4% валового национального продукта. Мы сохраняем дотации по отдельным регулируемым товарам. Наиболее существенны они будут по углю и молоку. Мы надеемся, что в течение года нам удастся за счет дальнейшего размораживания цен, за счет либерализации цен на молоко и уголь уйти от значительной части этих дотаций. Но сегодня, отказываясь от дотирования многих видов товаров, мы сбрасываем серьезную финансовую нагрузку на бюджет, по крайней мере на 3–4%.

Мы пытались, с другой стороны, в максимальной степени защитить и сохранить основные социальные статьи бюджета. Это тяжело, увеличить их невозможно по реальному наполнению, но надо хотя бы сохранить, не допустить их сокращения. Мы сохраняем в реальном объеме затраты на здравоохранение, на образование, на культуру. Затраты на науку сохраняются в доле: темпы сокращения затрат на науку соответствуют падению общего объема валового национального продукта. У нас нет возможности сохранить в полном объеме существующие затраты на науку союзную, российскую — в России, но мы хотя бы пытаемся, чтобы эти расходы даже в условиях кризиса не падали быстрее, чем падает валовой национальный продукт.

Резко сокращаются, вынужденно сокращаются затраты на централизованные капитальные вложения. По-существу, мы были вынуждены подойти к этим статьям по остаточному принципу, исходить из реальных финансовых возможностей, очень жестко выделять приоритеты, в первую очередь транспорт и сельское хо-

зайство, и дать реальные ресурсы только, по существу, в эти отрасли, максимально ограничив финансирование всех других направлений расходов.

Максимально поджимаются операционные расходы бюджета, весь комплекс прочих расходов. Мы сохраняем расходы на финансирование, начинаем финансирование программы «Чернобыль», компенсационных программ. Несмотря на то что нагрузка серьезная на бюджет (это около 5 млрд руб.), тем не менее мы считаем, что на этой программе экономить невозможно. В результате получаем бюджет, доля расходов и доходов которого в валовом национальном продукте по I кварталу составляет 40,6%. Бюджет бездефицитный, — бюджет, в который заложены некоторые резервы, позволяющие нам маневрировать в условиях непредсказуемых темпов роста цен в отдельных отраслях. У нас там есть примерно 19 млрд. Это ресурсы, которые придется перебрасывать по отдельным отраслям исходя из того, как будет складываться реальная динамика цен.

В расчетах бюджета мы исходили из предельно осторожных гипотез о росте цен. Это общее правило, связанное с тем, что, когда вы в условиях инфляции закладываете в бюджет высокие инфляционные проектировки, они самоисполняются, они сами подтверждают себя, потому что после этого вы выделяете ресурсы. Эти ресурсы тратятся, возникает дополнительный инфляционный спрос, инфляция разгоняется. Именно поэтому мы заложили очень осторожно инфляционные проектировки на уровне 100% роста цен на I квартал, с тем чтобы можно было при необходимости вносить коррективы исходя из реально складывающегося темпа роста цен.

Теперь по распределению, по очень острому вопросу о распределении бюджетных доходов по территориям — вопросу, который вчера вызвал резкую дискуссию в парламенте. Мы в данном случае исходили из того, что принятое решение действует на первые дни 1992 г. до принятия закона о бюджете. Дело в том, что с 1 января начинается реальная жизнь. Люди так или иначе должны получать заработную плату. Для этого местные бюджеты должны иметь четко закрепленные за ними источники доходов. До сих пор закон, четко регламентирующий эти источники, как вы хорошо знаете, еще не принят. Бюджета нет. Исходя из этого мы хотели бы довести до вас хотя бы инструкции, позволяющие с 1 января каким-то

образом организовать жизнь. Мы очень рады, что достигли договоренности с Верховным Советом. Будет принято решение Верховного Совета. Это гораздо лучше, с нашей точки зрения.

По сути распределения доходов. По существу, мы ведь просто взяли за основу традиционную схему финансирования для неутвержденного бюджета на начало года, но с учетом принципиально изменившихся условий. Это $\frac{1}{12}$ реальных расходов, но с учетом динамики цен.

У нас традиционно налог с оборота играл роль регулирующего дохода. Мы предлагали временно, на первые дни 1992 г., в этой роли использовать налог на добавленную стоимость с учетом крайней неопределенности других поступлений. Как только у нас будет окончательно утвержденный бюджет на I квартал 1992 г., сюда можно будет внести все необходимые корректировки. Это просто порядок расчетов на первые дни.

По самой структуре этих расходов. Конечно, гораздо лучше иметь систему четкого закрепления за территориями и регионами конкретных налоговых статей. Я надеюсь, что мы к этому придем на основе того закона о налогах, который разрабатывается в Верховном Совете.

Но здесь надо трезво смотреть правде в глаза. Сегодня, в условиях перепада — от цен административных к ценам контролируемым, — прогноз этих источников дохода предельно сложен. Нам гораздо легче принять по ним решение в январе, когда мы увидим реальную динамику цен, чем сегодня исходя из сугубо априорных соображений.

Уважаемые народные депутаты!

Я прошу вас поддержать принципиальный подход правительства к формированию бюджетной политики на I квартал. Учитывая, что у нас нет альтернативы, мы вынуждены быть предельно жесткими, брать на себя предельно тяжелые, непопулярные решения по бюджету, учитывая, что любое другое решение, каким бы оно ни казалось разумным с точки зрения отдельного направления, отдельного региона, отдельной отрасли, было бы самоубийственным. Просим поддержать нашу позицию.

Первые итоги экономической реформы

*Выступление на IV сессии Верховного Совета
Российской Федерации¹*

16 января 1992 г.

Источник: IV сессия Верховного Совета Российской Федерации. Заседание 28-е. Бюллетень №281.

Уважаемые народные депутаты! Как я имел честь сказать вам накануне размораживания цен, это тяжелая мера, на которую мы идем не потому, что считаем, что она даст нам немедленно процветание, не потому, что надеемся, что на следующий день появятся товары, не потому, что не понимаем всей социальной жесткости и социальной ответственности этого шага, а потому, что в создавшейся реальной финансовой и экономической ситуации у нас не было других возможностей и маневров.

Только резко ускорив запуск рыночных механизмов, который уже в полной мере проявился в прошлом году, мы могли надеяться противопоставить лавине роста затрат эффективные рыночные ограничители совокупного спроса. Эта мера сопряжена и была сопряжена с риском. Два наиболее существенных фактора определяли динамику цен в прогнозах в период, непосредственно следующий за их либерализацией.

Первый — это сформированные мощные инфляционные ожидания, определяемые в первую очередь ориентацией исключительно на затраты, на затратную компоненту в определении прогнозируемых темпов роста цен. У нас никогда, на протяжении всех лет, ни-

¹ Именно на этой сессии, спустя всего лишь две недели с начала гайдаровских реформ, Р. Хасбулатов заявил, что уже настало время отстранить от власти «практически недееспособное правительство». И это говорил не представитель оппозиционной партии в парламенте, не оратор на митинге, а председатель Верховного Совета страны! Убедительная характеристика того, в какой обстановке пришлось работать молодым реформаторам. — *Прим. ред.*

кто не думал о том, можно ли будет продать продукцию по высоким ценам. Было точно и всем известно, что если затраты таковы, то такова же будет и цена. Если резко растут затраты, значит, резко растут цены. Поэтому инфляционные ожидания, определяемые неизбежным ростом цен на энергоносители, предполагали многократное повышение среднего уровня цен, в 5–6–10 раз.

Второй важнейший фактор, который необходимо учитывать, — это реальные объемы денежной массы и реальные объемы платежеспособного спроса.

По всем прогнозам, анализам платежеспособный спрос не может и не мог адаптировать, принять рост цен, превышающий 200% по среднему уровню декабрь к январю.

Вот эти два основных фактора и определяют развитие событий в январе. Были возможны два сценария: благоприятный и неблагоприятный.

По неблагоприятному сценарию резкий скачок цен, отражающий затратные ожидания, сопровождается мягкой, слабой политикой правительства и Центрального банка, которые немедленно вслед за предъявленными (только предъявленными!) производителями резко возросшими ценами идут на увеличение ассигнований, налоговые корректировки, резко повышают денежную экспансию, чтобы адаптировать эти цены. Нам предъявляют кирзовые сапоги по 1 тыс. руб., мы увеличиваем ассигнования на оборонные расходы, с тем чтобы кирзовые сапоги стоили 1 тыс. руб. Нам предъявляют мясо по 200 руб., мы увеличиваем налично-денежные выплаты, чтобы население могло принять мясо по 200 руб., и т. д.

Этот сценарий немедленно приводил нас в гиперинфляционную спираль, в рамках которой мы воспроизводили бы ту же самую дефицитную экономику только при бешено растущих ценах.

Это самый серьезный риск, и он сегодня в полной мере сохраняется. Пока, к счастью, развитие событий идет по более благоприятному, оптимистическому сценарию.

После первых трех дней резкого роста цен, когда в полной мере были реализованы исключительно ценовые ожидания и цены, названные производителями, отражали только уровень их затрат, рыба в Мурманске — по 127 руб., мясо — по 204, сметана — по 120 руб. и т. д.

Примерно с 5–6-го числа стало ясно, что эти цены наталкиваются на реальные спросовые ограничители. Начиная с 5-го числа в информации с мест стали появляться совершенно непривычные для последнего месяца сигналы о том, что потребители отказываются брать товар по этим ценам, что идет возврат товаров, больше того, начинается снижение цен, экстремальных цен первых дней.

В последние дни по сельхозпродукции доминирующей темой стало падение цен на сметану, резкое сокращение реализации, естественно, сокращение производства, потому что мы в полной мере отдавали себе отчет: если ты надеешься остановить инфляцию спросом, контролем спроса, ты должен быть готов к тому, что у тебя первой реакцией будет падение производства. И мы в полной мере к этому готовы. Но если ты тверд в своей кредитно-денежной политике, если ты не впадаешь в панику, то совершенно неизбежно следующей ответной реакцией является адаптация предложения к сложившемуся уровню спроса. И сейчас этот процесс пошел. Первая реакция — сокращение поставок, вторая — падение цен. Цены на сметану по многим регионам за последние несколько дней упали в общей сложности более чем на 30–40%. По вареной колбасе резкое сокращение реализации — первый шаг, затем — падение цен.

Очень важный момент в оценке того, что происходит реально в экономике, — поведение цен колхозного рынка, в первую очередь, естественно, не московского, где они носят экстремальный характер в связи с присутствием большой валютной страты населения с неограниченными доходами, а среднего уровня рыночных цен по промышленным центрам. Это традиционно важнейший показатель инфляции в нашей стране, потому что учитывает оба компонента инфляции: и подавленную, т. е. дефицит товаров, и открытую — рост цен в государственной торговле.

Так вот, пожалуй, самым оптимистическим моментом из того, что можно было бы отметить за последние дни, является то, что колхозный рынок практически не отреагировал увеличением цен на их размораживание в государственной торговле.

Сейчас по многим регионам цены в государственной торговле существенно превысили уровень цен колхозного рынка. Причем невозможно было убедить хоть кого бы то ни было еще три-четыре недели назад, что это неизбежно будет, если мы не впадем в панику, что тогда уровень цен колхозного рынка станет существенным

и наиболее серьезным ограничителем темпа роста цен в государственной торговле.

Критический момент, естественно, положение с товарами, по которым были введены регулируемые цены, особенно с хлебом. По хлебу в первые три дня, как и предполагалось, было заметно резкое сокращение спроса, примерно 30%-е, отражающее использование накопленных запасов хлеба и реакцию на возросшие цены.

Начиная с 5-го числа торговля, естественно, отреагировала на это сокращением заказов. Однако как раз к этому времени начал проявляться опять же второй ожидаемый эффект, который называется эффектом, связанным с быстро возникающим компенсирующим спросом на относительно дешевые продукты питания. Естественно, повышение общего уровня цен переключает спрос населения, увеличивая в нем долю исключительно дешевых продуктов — овощей, хлеба. Поэтому начиная с 6–7-го числа спрос на хлеб снова растет, в отдельных районах наблюдаются очереди и перебои в снабжении хлебом. Это, пожалуй, для нас сегодня наиболее важная критическая точка. Учитывая естественную реакцию сельского хозяйства на инфляционный кризис, всегда приводящий к сокращению поставок продовольствия, обеспечение бесперебойное снабжение хлебом для нас, пожалуй, принципиальный вопрос. Здесь мы рассчитываем и на организационную работу, и на понимание, сотрудничество с нашим аграрным сектором и вместе с тем на сотрудничество с мировым сообществом.

По ценам на хлеб в основном, в большей части регионов, мы провели массовые проверки. По категориям, которые входили в круг регулируемых, цены соблюдались. Были выявлены отдельные факты нарушений, по которым принимаются меры.

Сложная ситуация складывается с молоком. Здесь опять же ничего неожиданного не произошло. И предполагалось, что относительно низкая цена на молоко приведет к попытке сельхозпроизводителей и пищевой промышленности перебросить значительную часть ресурсов на переработку. Поэтому возникли первые очень серьезные трудности с реализацией молока. Мы столкнулись с пожеланиями очень широкого круга регионов, которые попросили нас отдать регулирование цен на молоко и сахар на региональный уровень. Соответствующее решение нами было принято. Теперь цены на молоко и сахар регулируются местными органами власти.

Резкое ограничение спроса на сметану, трудности с ее реализацией в последние дни приводят к увеличению производства и предложения на цельномолочную продукцию. В целом за 12 дней реализация цельномолочной продукции, резко сократившаяся вначале, превысила декабрьский уровень.

Никто и никогда, как я уже подчеркивал, не ожидал, что сама по себе либерализация цен вдруг, неизвестно откуда, на второй, третий или четвертый день приведет к выбросу товаров на прилавки. Мы ломаем десятилетиями сложившийся механизм хозяйствования, механизм распределения социальных ролей. Государственная торговля десятилетиями занималась распределением дефицитных ресурсов. Директор магазина был важный человек, потому что он делил дефицит, а не потому, что он крутился и думал, где и что ему купить, как продать потребителю товар по равновесной цене. Поэтому мы, естественно, никогда не недооценивали организационные трудности, связанные с ломкой этих стереотипов в торговле.

С самого начала мы предположили, что будем вести работу по коммерциализации торговли, созданию условий для ее нормального рыночного поведения. Предложили президенту (и он нас поддержал) принять указ о коммерциализации торговли. Сейчас эта организационная работа выдвигается на первый план, потому что мы создали предпосылки макроэкономические, необходимые для того, чтобы торговля заработала как рыночная. Дальше надо подкрепить эти общие экономические предпосылки организационными предпосылками, серьезной организационной работой.

Как отметил президент, к настоящему времени открыт штаб, предоставлено право заниматься хозяйственной деятельностью 21 тыс. магазинов. Сейчас эта работа окажется в центре внимания правительства. И по мере коммерциализации можно будет немедленно форсировать процесс приватизации торговли. По данным наших проверок и обследований, ситуация принципиально разная в магазинах частных, в магазинах арендных, в магазинах, прошедших коммерциализацию, и в старых, традиционных магазинах, находящихся в составе торгов. В последних полная пустота на прилавках, в первых — постепенно накапливающиеся товарные ресурсы, расширение ассортимента, гибкая реакция на спрос и предложение.

Наиболее серьезная угроза, с которой мы сегодня сталкиваемся, — это угроза паники. Конечно, скачок цен, скачок ценовых претензий производителей, потому что цены, по существу, очень выросли, естественно, рождает серьезные трудности, особенно в бюджетных отраслях, рождает стремление немедленно принять смягчающие меры, скорректировать налоги, снизить их, ввести дополнительные выплаты, короче говоря, сдаться. Любые меры подобного типа можно принимать только очень спокойно, очень ответственно взвесив реально складывающуюся ситуацию, наши возможности.

Я вынужден подчеркнуть, уважаемые народные депутаты, что нет, не существует государственных расходов, которые покрывались бы чем бы то ни было, кроме налогов. Они покрываются всегда налогами, только налогами разного типа. Если вы не можете покрыть расходы нормальными, цивилизованными налогами, то они всегда покрываются самым тяжелым и самым опасным налогом, который называется инфляционным, потому что это налог, который хаотически накладывается на все население, налог максимально несправедливый, потому что от него легче всего уходят спекулянты, финансовые группы. Он ложится непосредственно на потребителей и в первую очередь на наименее обеспеченные группы населения.

Если мы хотим, а мы, без сомнения, хотим вместе сокращать уровень налогообложения (это наша стратегически важная задача), то мы в первую очередь должны вместе искать пути сокращения государственных расходов, потому что перекладка этих государственных расходов и финансирования с нормальных налогов (как бы ни были они тяжелы) на разорительный и страшный инфляционный налог — это, пожалуй, самая серьезная ошибка, которую мы вместе могли бы сегодня совершить.

Разумеется, мы предполагали и предполагаем, что нам придется предложить и принять меры, направленные на стимулирование предпринимательской активности. Сегодня, когда уже появляются признаки спросовых ограничений, можно идти по этому пути. Перераспределение налогового бремени, создание стимулов для инвестиций (но все это не в обстановке паники) — все это <должно осуществляться> организованно и последовательно, вместе с сокращением государственных расходов.

Спасибо.

По бюджетному посланию Президента Российской Федерации на I квартал текущего года

*Выступление на IV сессии Верховного Совета
Российской Федерации*

24 января 1992 г.

*Источник: IV сессия Верховного Совета Российской Федерации. Заседание 31-е.
Бюллетень №31.*

Уважаемые народные депутаты! Материалы бюджетного послания Президента Российской Федерации вам розданы. Они обсуждались в комитетах и комиссиях. Сформулировано немало замечаний, которые необходимо учесть до принятия окончательного решения по бюджетной политике.

Разрешите мне остановиться на стержневых направлениях экономической политики, стоящих за теми конкретными цифрами и расчетами, которые лежат перед вами. И в первую очередь я хотел бы сказать о тех проблемах, которые выявились в процессе обсуждения в комитетах и комиссиях, которые наиболее активно обсуждались в процессе нашей работы, тех замечаниях и упреках (часто справедливых), которые были обращены в адрес правительства.

Первые из них носят технический характер. Они связаны с условностью оценок динамики цен, темпов инфляции, заложенных в представленный вам проект бюджета. Да, мы признаем эту критику. Не существует ни в экономической и политической практике, ни в экономической теории надежных методов, позволяющих прогнозировать темпы инфляции в подобной ситуации. Сейчас особенно трудно это делать, потому что есть реально сложившиеся еще не цены, а ценовые намерения предприятий, воплощенные в предложенных ценах на начало января. Эти ценовые намерения

предполагают уровень инфляции, составляющий 1000–1200% на протяжении следующего квартала.

Несложные макроэкономические расчеты показывают, что внутренний рынок не способен принять такие темпы инфляции. Население не готово увеличить в 10 раз свои затраты на покупку легковых автомобилей. У населения нет денег для того, чтобы закупить товары народного потребления по предельно завышенным ценам, по которым сегодня их предлагает промышленность. У населения не хватит доходов для того, чтобы принять предложенные темпы роста цен на товары легкой промышленности. У промышленности не хватит доходов для того, чтобы принять предложенные темпы затрат на продукцию производственно-технического назначения.

Но если мы сегодня заложим относительно высокие темпы инфляции в бюджет, то тем самым автоматически эти темпы инфляции санкционируем. Именно поэтому мы были вынуждены заложить в расчеты бюджета относительно консервативные оценки темпов инфляции, чтобы корректировать бюджетные расходы и доходы с учетом реально складывающейся динамики производства и динамики цен.

Думаю, что любая другая политика могла бы быть предельно опасна, ибо обрекала бы на автоматическое раскручивание инфляционной спирали. Но это по технике. По существу, по принципиальным вопросам главное замечание, которое звучало в комитетах и комиссиях, на обсуждениях, на наших встречах с комитетами и комиссиями, состояло примерно в следующем.

Правительство, замороженное идеей ликвидации бюджетного дефицита, забыло думать о развитии промышленного производства. Между тем именно развитие материального производства является базой бюджетных расходов. Не будет работать материальный сектор, не будут работать сельское хозяйство и промышленность — не будет бюджетных доходов, не будет финансовой стабилизации.

Взаимосвязь производственного кризиса и кризиса финансового в нашей экономике имеет собственную историю и собственную логику, на которой я вынужден буду коротко остановиться, чтобы объяснить позицию правительства по этому принципиальному вопросу.

Да, мы довольно долго шли к нынешнему производственному кризису. Шли потому, что экономика была переобременена военной нагрузкой, шли потому, что экономика утратила динамизм, способность к структурным сдвигам. Постепенно нарастал износ основных фондов, они старели, продукция утрачивала конкурентоспособность на мировом рынке.

И тем не менее дорогу к нынешнему производственному кризису проложил именно финансовый кризис, начавшийся в 1985–1989 гг. Именно тогда при относительно стабильных объемах производства резкий рост дефицита государственного бюджета, экспансия денежной массы привели к резкому усилению инфляционных процессов (собственно, запустили машину инфляции), привели к развалу потребительского рынка, подрыву стимулов к труду.

Только с 1990 г. финансовый кризис реально переходит в производственный кризис, начинается общее падение объема производства. Этот производственный кризис опять же тесно связан с финансовым. Главные факторы падения производства в 1990–1991 гг., если проанализировать их по конкретным отраслям, состоят в развале хозяйственных связей, в подрыве стимулов к труду и в резком сокращении импорта, отразившем кризис внешнеэкономической задолженности.

Старая система регулирования производственных связей в самом материальном производстве могла работать только в условиях тоталитарного общества. Вне же контекста тоталитарного общества она была нежизнеспособна.

С 1990 г. — с нарастанием процессов демократизации — традиционные механизмы управления, регулирования постепенно утрачивают свою действенность. Так как никто не решался запустить рыночные механизмы, постепенно нарастали хаос и анархия в материальном производстве, формировалась первобытная, хаотическая, бартерная экономика, началась дезорганизация поставок в базовую сферу — сферу материального производства, в первую очередь в топливно-энергетический комплекс. Начинается кризис в машиностроении.

Уже с начала 1991 г. было абсолютно очевидно, что пути назад нет. Необходимо быстро и решительно двигаться вперед в направлении запуска рыночных механизмов. Однако политический риск,

связанный с реализацией этой политики, заставлял все дальше и дальше откладывать необходимое решение.

Напомню вам некоторые подробности финансовой политики 1991 г., исполнения бюджета, по которому мы должны отчитаться. Дефицит республиканского бюджета на 1991 г. был утвержден в размере 9 млрд руб. Прошедшая 2 апреля ценовая реформа не сработала на финансовую стабилизацию. Напротив, дефицит увеличился еще на 2 млрд руб. Увеличение ассигнований на оказание помощи агропромышленному комплексу и дополнительное вложение на строительство дорог увеличили его еще на 29,6 млрд руб. В ноябре–декабре на плечи российского бюджета легло дополнительное бремя расходов, финансировавшихся прежде за счет Союза. Ассигнования увеличились на 43,5 млрд руб. Из них только 7 млрд руб. были покрыты ручейком уже иссякавших к этому времени союзных доходов. Из российского бюджета пришлось выделить дополнительно 14,1 млрд руб., чтобы погасить образовавшуюся задолженность республиканским пенсионным фондам. Кроме того, в связи с отсутствием средств в республиканском бюджете не было обеспечено финансирование производства мяса, молока, угля и некоторых других товаров народного потребления на сумму 8 млрд руб.

Несмотря на принимавшиеся в течение года меры по сокращению расходов, общий реальный размер бюджетного дефицита составил 108,4 млрд руб. Со второго полугодия 1991 г. весьма ограниченный по масштабам стабилизирующий эффект апрельского повышения цен был полностью исчерпан. Темпы роста денежной эмиссии резко ускорились. Возникли уже чисто технологические проблемы печатания денег, стали хроническими задержки выдачи заработной платы, среднемесячные темпы роста оптовых цен перешли за 10%-ю отметку, что свидетельствовало о том, что мы зашли в полосу экстремально высокой инфляции.

Как и прогнозировалось, уже через полгода после павловского повышения цен страна оказалась перед предельно сложной альтернативой — либо еще одно резкое, уже не в 2, а в 3–4 раза административное повышение цен, позволяющее на несколько месяцев сбить остроту финансового кризиса, не дающее никаких оснований надеяться на сокращение товарного дефицита, либо их немедленная либерализация, позволяющая проложить дорогу для

постепенного преодоления дефицита, создать хотя бы минимально необходимые для запуска рыночного механизма предпосылки.

Острота финансово-экономического кризиса, его темпы не давали возможности откладывать решение, ждать, что будто по маговению волшебной палочки сформируются идеальные предпосылки для работы рыночных механизмов регулирования, развитые частные структуры, демонополизированная экономика, устойчивая конвертируемая валюта.

Мы убеждены, что в этой ситуации выбор второго варианта был единственно возможным и ответственным решением. Главный риск — риск либерализации цен при сохранении крупных финансовых диспропорций, возможность быстрого развития гиперинфляции — ситуации, в которой темпы роста цен по годовому исчислению превышают 12 000%, а денежное обращение, по существу, разрушается. Если не предотвратить такое развитие событий, очень легко можно вновь оказаться на знакомых руинах практически неуправляемой бартерной экономики, в условиях которой любые разговоры о развитии предпринимательства, стимулировании капитальных вложений в научно-технический прогресс, структурную перестройку производства ничего не дадут, а просто покажут непрофессиональную безответственность. В этом случае мы обречены на дальнейшее ускоряющееся падение производства.

Анализируя тенденции, перспективы развития важнейших отраслей народного хозяйства, нетрудно убедиться, что и в этом случае падение производства было бы связано в первую очередь с дальнейшим прогрессирующим развалом хозяйственных связей. В этой ситуации у нас остается только один жестко заданный вариант стабилизации ситуации — резко затормозить темпы роста денежной массы, противопоставить нарастающей лавине гиперинфляции очень жесткую финансово-денежную политику. Только таким образом можно стабилизировать экономику, только таким образом можно создать предпосылки нормальной работы материального производства. Без решения этой задачи любые частные меры по подъему той или другой отрасли будут неизбежно сметены волной общего финансового хаоса.

Жесткая финансовая политика, в свою очередь, требует решения двух важнейших задач. Первая — остановка кредитной экспансии как в рамках Российской Федерации, так и за ее пределами.

Это сфера компетенции Центрального банка. Центральный банк в этом направлении работает, предпринимает усилия, переводит республики на корреспондентские счета, повышает ставки ссудного процента, увеличивает нормы резервирования.

Наша задача, задача правительства — создать предпосылки, необходимые для того, чтобы эта работа могла быть эффективной. А это значит в первую очередь устранить главный источник инфляционного давления, главный источник инфляционной закачки средств в народное хозяйство. Таким источником до последнего времени был дефицит государственного бюджета, составлявший в целом по консолидированному бюджету прошлого года 17–18% валового национального продукта.

Разумеется, когда говорят, что мы поклоняемся идолу бездефицитного бюджета, — это не совсем точно. Мы реалисты, мы понимаем, что путь к бездефицитному бюджету сложен. Никто с точностью не может сказать, насколько быстро нам удастся продвинуться в этом направлении.

Суть нашей политики, которую мы предлагаем зафиксировать в бюджете, состоит в следующем. Мы должны приложить максимальные усилия для того, чтобы резко сократить бюджетный дефицит, свести его к минимуму. Любые жертвы, на которые мы пойдем, чтобы добиться этой цели, будут оправданны, потому что любое отступление предельно опасно для всех отраслей народного хозяйства.

Что можно сделать для того, чтобы резко исправить финансовые диспропорции такого масштаба, которые обозначились в 1991 г.?

Мы провели полную инвентаризацию имеющихся в этом направлении возможностей. Если отвлечься от чисто финансового языка и попытаться перевести то, что мы предлагаем сделать, на общеполитический, то суть состоит в следующем. Мы предлагаем резко сократить сферу государственной экономики, государственной ответственности за функционирование экономики, государственных закупок, государственного финансирования, разгрузить государство от всего, что оно сегодня физически не может обеспечить, и вместе с тем, определив тот объем государственных расходов, государственной экономики, который нам придется неизбежно сохранить, обеспечить эти расходы здоровыми, неинфляционными доходами.

Как это можно сделать? Первая предпосылка — очень жесткая ревизия всех основных расходных статей бюджета. И здесь мы в первую очередь были вынуждены обратиться к тем статьям расходов, которые долгие годы обременяли нашу экономику, долгие годы не давали возможности перестроить ее на мирные рельсы. Речь идет об оборонных расходах. Разумеется, резкое сокращение оборонных расходов, которое заложено в предлагаемом вам проекте бюджета, не означает, что мы можем позволить себе пренебрежение по отношению к людям, связавшим свою судьбу с военной службой. Именно их мы в первую очередь должны защитить.

Мы предполагаем в бюджете сохранение сложившегося уровня финансирования расходов на оплату труда военнослужащих, увеличиваем эти ассигнования с учетом принятых решений по повышению оплаты их труда в октябре прошлого — январе этого года. Мы сохраняем расходы на денежное, на вещевое довольствие. Мы ориентируем капитальные вложения в оборонном секторе, в первую очередь на строительство жилья для офицеров.

Очень важно сохранить тот огромный научный потенциал, который был создан у нас в оборонном секторе. Именно поэтому, хотя, естественно, ассигнования на оборонную науку нам придется сокращать, мы в первую очередь пытаемся осуществить это сокращение за счет опытно-конструкторских работ, в максимальной мере сохранив перспективные научно-исследовательские разработки, определяющие будущее нашей экономики, разработки двойного назначения, которые создают основу технологических прорывов как в оборонных, так и в других отраслях экономики.

Но если мы сохраняем в основном финансирование по этим направлениям, то это значит, что мы вынуждены быть предельно жесткими по отношению к расходам на закупку стандартных вооружений. Именно здесь мы предполагаем сосредоточить основную тяжесть экономии военного бюджета.

Да, предлагаемые нами цифры сокращения закупок предельно тяжелы. Они резкие. Мы предполагаем сократить их в 7,5 раза. Разумеется, это не значит, что мы считаем возможным в принципе лишить наш оборонный сектор финансирования. Речь идет о другом. Мы хотим выделить часть средств (практически это 13,5 млрд руб.) и перебросить их с финансирования закупок стандартных вооружений на финансирование наиболее перспектив-

ных, наиболее интересных конверсионных разработок. Мы предлагаем регионам и предприятиям принять участие в этом конкурсе. Сотрудничаем с Центральным банком, чтобы выделить необходимые кредитные ресурсы для дополнительной поддержки конверсионных программ.

Разумеется, там, где это единственно возможный вариант, там, где другого, более эффективного пути решения нет, придется просто выделять ассигнования на оплату труда рабочих, высвобождаемых в связи с сокращением производства оборонной техники.

Разумеется, там, где это наиболее эффективно, мы можем пойти на выделение за счет этих средств ассигнований на закупку части оборонной техники, если будем видеть перспективные коммерческие и другие направления последующей реализации продукции, которую сегодня не может себе позволить купить наше государство. Но в целом мы считаем, что стратегическая линия в этом направлении — это вложение в конверсию, в долгосрочную перестройку нашего оборонного сектора, это его поворот к мирным задачам.

Еще совсем недавно, буквально неделю назад, наши важнейшие отрасли, страдающие сегодня от резкого сокращения импортных поставок, отрасли, от которых сегодня зависит все наше существование (нефтяники, газовики, угольщики), многократно обращались к нашим оборонным предприятиям с просьбой немедленно, в традиционном для оборонщиков темпе наладить выпуск предельно нужного сегодня оборудования для этих отраслей.

До тех пор пока сохранялась надежда на то, что можно будет продолжать выпуск стандартной военной продукции, эти обращения воспринимались отнюдь не всегда благожелательно. Сейчас, когда другого выхода, кроме как широкомасштабная, реальная конверсия оборонного сектора, не остается, ситуация радикально меняется.

Сегодня основная, важнейшая часть нашего производственного потенциала, по существу, сфера, где сконцентрированы лучшие, наиболее мобильные, наиболее качественные ресурсы, вынуждена будет поворачиваться к решению мирных задач, к работе на потребительский рынок.

Мы <осознаем, что> перестаем финансировать за счет бюджета ту часть экономики, которая может обеспечить нам технологи-

ческий прорыв, вхождение в мировой рынок не только с сырьем и материалами, но и с продукцией высокой степени обработки.

Мы предлагаем сократить оборонные расходы до величины, составляющей 4,5% валового национального продукта, или до 50 млрд руб. на первый квартал. По обсуждениям в комитетах и комиссиях было предложено увеличить эту сумму еще на 4 млрд руб.

Я понимаю те соображения, которые двигали народными депутатами, предлагающими пойти на это увеличение военных расходов. Я понимаю всю тяжесть ныне предложенных правительством масштабов сокращения военных расходов. И я не могу даже возражать всерьез против того, что это увеличение ассигнований, видимо, является неизбежным, вынужденным, является расплатой за ту продукцию, которая уже, по существу, произведена.

Вместе с тем хочу обратить внимание на то, что любая мягкость в отношении сокращения военного бюджета была бы предельно опасной для перспектив нашей экономики, для возможности осуществления того резкого поворота в сторону гражданской экономики, на котором, собственно, и держатся все наши надежды на стабилизацию и оздоровление экономического развития.

Следующее из макроэкономически значимых направлений расходов — это централизованные капитальные вложения. Здесь мы также вынуждены были пойти на предельно жесткие меры по сокращению расходов, по разгрузке государства от инвестиционного бремени, которое на него традиционно возлагалось.

Инвестиционные расходы государства на I квартал заложены в размере 3,3% валового национального продукта — 33 млрд руб. Из этой цифры 30% направляется в агропромышленный комплекс. В основном мы сохраняем финансирование только важнейших, социально ориентированных программ. Это Чернобыль (3 млрд руб.), это агропромышленный комплекс, это социальное строительство на селе, это некоторые важнейшие пусковые стройки, которые можно запустить немедленно и которые могут дать немедленный эффект.

Да, я хотел бы увеличить ассигнования на капитальные вложения. Да, я считаю, что предложенный нами вариант инвестиционного бюджета является предельно жестким. Да, я согласен с тем, что по итогам I квартала, когда хоть немножко стабилизируется ситуация с ценами и финансами, когда резкий виток инфляции,

я надеюсь, будет преодолен, мы сможем снова вернуться к инвестиционным корректировкам, посмотреть наши возможности, посмотреть наиболее эффективные направления расходования ресурсов.

Но давайте все-таки вспомним, что у нас реально происходило в инвестиционной сфере на протяжении последнего времени. Прошлый год. Общие ассигнования на капитальные вложения опять израсходованы. Ввода практически нет. Незавершенное строительство хаотически и постоянно растет. Вкладывая огромные средства в инвестиционную сферу, мы имеем коэффициент строительной готовности 17%. По существу, тонким слоем размазываем эти весьма дефицитные для нас сегодня ресурсы по фронту незавершенного строительства. Можем ли мы сегодня позволить себе продолжение этой расточительной практики? Нет, без всякого сомнения, не можем.

Главная наша задача в инвестиционной сфере — запустить нормальные, негосударственные механизмы привлечения финансовых ресурсов к финансированиюстроек: кредит, акционирование, собственные средства предприятий. Именно на это ориентирована та инвестиционная программа, которую предлагается осуществить в этом году.

Мы предполагаем, что доля централизованных собственно государственных ресурсов финансирования инвестиций должна составить стратегически не более чем 25% общего объема инвестиционных расходов. Предлагаемые меры по экономической реформе, созданные условия перелива капитала позволяют завершать начатые и потенциально эффективные стройки за счет нормально реализуемых ресурсов общества, а не за счет налогов, которые должно платить население.

Следующее направление расходов, о необходимости сокращения финансирования которого неоднократно в последние годы говорилось, — дотации. Здесь мы также вынуждены были быть предельно жесткими.

Расходы на дотации по доле в валовом национальном продукте сокращаются со сложившихся примерно 9% до 2,7% в бюджете на I квартал 1992 г. Мы сохраняем дотацию на добычу угля. Она наиболее серьезна из всего, что мы вынуждены дотировать, — примерно 1% валового национального продукта. Дотации на важнейшие

продукты питания (молоко, хлеб) и дотации в жилищно-коммунальном хозяйстве — в целом в пределах 1% национального дохода.

Я не исключаю того, что нам придется пойти на увеличение этих дотаций в течение квартала под влиянием вынужденного повышения расчетной цены на уголь. Но существенно отступить здесь, существенно увеличить дотационное бремя бюджета мы права не имеем. Поэтому, если мы вынуждены будем увеличивать ассигнования на расчетную цену, нам придется параллельно повышать оптовые цены на уголь. Это значит, что мы ориентируемся на сохранение примерного объема дотаций в тех размерах, которые заложены в бюджете, с тем чтобы не увеличивать дальше либо финансовые диспропорции, либо налоговое бремя. Надеемся, что сможем создать предпосылки дальнейшего продвижения по пути сокращения дотаций. Сегодня дополнительных резервов продвижения вперед здесь нет.

Расходы на кредиты, предоставляемые иностранным государствам, и на безвозмездную помощь. Это направление также неоднократно упоминалось при обсуждении бюджетных проблем на протяжении последних лет. Сейчас мы провели очень жесткую ревизию всего, что выделяем по этим направлениям. Приняли решение приостановить реализацию любых проектов, которые не предполагают и не дают нам немедленной гарантированной отдачи и которые вместе с тем мы физически можем приостановить, потому что вы знаете, что приостановка уже реализуемых проектов требует сама довольно существенных издержек. Исходя из этого общие расходы на кредиты и помощь составляют 1% валового национального продукта. Подавляющая часть из них — это кредиты тем государствам, которые надежно выполняют все свои обязательства перед нами по выплате долга, по платежам процентов, поставляют нам необходимые продукты питания или расплачиваются валютой. Сегодня благотворительностью в этой сфере мы заниматься перестали. Здесь дополнительных ресурсов экономии средств, существенных с экономической точки зрения, также нет.

Все прочие направления расходов. Из того, что в принципе хотелось бы сокращать, из того, что потенциально может быть сокращено, можно выделить два направления расходов: это расходы на управление — 0,5% валового национального продукта и расходы на содержание правоохранительных органов — 1,1% валового

национального продукта. Наверно, мы со временем сможем продвинуться дальше в сокращении этих расходов, привести в порядок наш административный аппарат, избавить нашу экономику от такой нагрузки по содержанию правоохранных органов. Вместе с тем, внимательно проанализировав сегодня имеющиеся в краткосрочном плане резервы, мы приходим к выводу, что здесь больше изъять что бы то ни было сегодня просто невозможно.

Да, у нас были раздуты расходы на содержание политической полиции, и их, несомненно, надо сокращать. Но вместе с тем у нас явно недофинансировались важнейшие направления расходов по этой системе, связанные с соблюдением элементарных прав человека, в том числе прав заключенного. И на это придется выделять дополнительные ресурсы. Да, у нас, без всякого сомнения, раздут бюрократический аппарат, но вместе с тем у нас явно и традиционно недоплачивали правоохранительным органам. Они сегодня теряют кадры, теряют их быстро. Да, у нас, может быть, слишком много чиновников, но они (квалифицированные из них) явно сегодня не получают адекватную оплату за свой труд. В целом думаю, что макроэкономически значимых <ресурсов>, позволяющих серьезно изменить ситуацию в сокращении расходов, здесь также в ближайшее время выявить невозможно.

Дальше уже остаются сферы, по которым экономия, собственно говоря, и не является нашей целью, — сферы в первую очередь социально-культурного комплекса: здравоохранение, образование, культура и наука. Мы вынуждены ограничивать расходы по этим сферам реальными бюджетными доходами. Здесь общая линия у нас такая. Мы пытаемся сохранить сложившийся уровень финансирования, мы будем корректировать те направления финансирования, которые предлагаем с учетом складывающегося уровня цен.

Надо твердо себе представлять, что в условиях, когда валовой национальный продукт по прошлому году в России упал на 11%, когда, по прогнозам, валовой национальный продукт у нас на протяжении этого квартала должен сократиться примерно на 19%, расчеты на то, что можно всерьез увеличить ассигнования в натуральном выражении хотя бы по одному крупному направлению, являются заведомой иллюзией. Максимум того, что можно сделать для самых приоритетных отраслей, — это сохранить объемы финансирования примерно на прежнем уровне. Я не исключаю, что

на протяжении относительно короткого времени выяснится, что нам нужно принимать дополнительные серьезные усилия, направленные на перестройку всей системы финансирования и дотирования здравоохранения. Я не исключаю, что выяснится, что в существующей форме и в существующих масштабах государственная поддержка этой сферы является неэффективной. Нам нужно сосредоточиться на адресной поддержке малообеспеченных, одновременно существенно увеличив долю коммерческой медицины. Здесь мы должны и вынуждены ориентироваться как на бюджетные финансовые реальности, наши реальные возможности, так и на максимально эффективное использование этих возможностей.

По науке. Мы предлагаем в бюджете заложить финансирование науки в размере 1% валового национального продукта. Кроме того, я хочу обратить внимание, что все-таки создается за счет отчисления от себестоимости в размере 1,5% дополнительный фонд финансирования научно-исследовательских разработок, который, может быть, и будет использован для финансирования важнейших прикладных разработок. Поэтому такого резкого, обвального сокращения расходов на науку, о котором неоднократно говорилось, в бюджете не заложено. Что же мы можем еще сделать?

Таким образом, вы видите, что правительство практически ревизовало все основные направления бюджетных расходов и не оставило для себя существенных макроэкономически значимых возможностей их сокращения. Дальше. За счет чего мы можем покрыть эти расходы? Здесь главная наша задача — обеспечить эффективное функционирование механизма налога на добавленную стоимость, который был запущен с начала этого года. Это основа доходной базы бюджета, это, по существу, основа финансирования сегодня всех тех минимальных расходов, о которых я только что говорил. Мы предлагали установить его в чуть больших размерах, чем он установлен сегодня. Ставка 28% высока. Она, видимо, предельно высока. Но дальнейшее сокращение ее заставляет одновременно и немедленно ставить вопрос о сокращении расходов, которые не смогут быть профинансированы за счет тех или иных налоговых льгот по налогу на добавленную стоимость. В проекте бюджета налог на добавленную стоимость составляет 40 млрд руб. Это основа доходной базы.

Да, мы заложили небольшие резервы, связанные с недобором налога с оборота, но, по всем оценкам, эти резервы являются минимальными, предельно осторожными, и предположить, что, введя новый налог, можно обеспечить в течение квартала 100%-ю его аккумуляцию, — это значит не представлять себе реального процесса налоговой работы. Так просто не бывает в мире, это подтвердят любые эксперты. Нас критикует Международный валютный фонд за предельно высокую норму прогнозируемого изъятия доходов по этому источнику. Из прочих макроэкономически значимых направлений доходов мы предполагаем получить 67 млн руб., или 5,5% валового национального продукта. Думаю, что сегодня, в создавшейся ситуации, больше получить по этому источнику невозможно.

Мы заложили доходы 19 млрд от налогообложения индивидуальных доходов и от налогообложения акцизов. Заложили небольшие доходы от внешнеэкономической деятельности — примерно 7% валового национального продукта. И такие же доходы от приватизации.

В целом бюджет является на сегодня предельно жестким, предельно консервативным. И я убежден, что существенных дополнительных источников мобилизации доходов или существенных дополнительных источников сокращения расходов нет. Значит, обсуждая любые дополнительные ассигнования, обсуждая любые предложения по снижению налогов и увеличению расходов, мы вместе с тем обсуждаем предложения, которые увеличивают риск неконтролируемого развития ситуации финансово-экономической катастрофы. Это я хотел бы еще раз и еще раз подчеркнуть, попросить народных депутатов учесть при принятии решений, поддерживать основные ориентиры нашего бюджета.

Еще один момент, на котором хотел бы остановиться. Это проблема распределения бюджетов по уровням. По форме в этом году происходит резкое сокращение доли региональных бюджетов в бюджете Российской Федерации. Вместе с тем я хотел бы обратить внимание на то, что это сокращение является чисто формальным. Во-первых, в федеральных расходах заложены чисто формальные бухгалтерские расходы и доходы от финансирования внешнеэкономической деятельности. Из них реальной величиной являются не 228 млрд, а 8 млрд реальных доходов. Остальное — это внутрен-

ний оборот по обслуживанию механизма нашей внешнеэкономической деятельности. Таким образом, эти цифры можно просто спокойно исключить из доходов союзного бюджета. Их не будет ни в доходах, ни в расходах, которые стоит обсуждать.

И второе. Это то, что сегодня на республиканский бюджет легло, конечно, гораздо большее бремя оборонных расходов, чем то, которое было заложено в бюджете 1991 г. Если мы устраним влияние этих факторов, то увидим, что на республиканский бюджет приходится примерно 55% доходной части, на региональный бюджет — 45%, что примерно соответствует сложившимся пропорциям, более того, увеличивает долю региональных бюджетов.

Несомненно, сложившаяся система распределения доходов по уровням, при которой мы вынуждены использовать регулирующие налоги, не позволяющие в полной мере зафиксировать и обеспечить финансовую независимость регионов, отживает. Мы должны будем перейти к той системе, которая заложена и представлена в обсужденных вами законах, т. е. к четкому закреплению налоговых источников за уровнями.

Вместе с тем сегодня, при резкой ломке всех структур налоговой системы, предельно трудно прогнозировать темпы роста цен. Если наложить сюда еще радикальное разделение налогов по уровням, это могло бы существенно увеличить риск дополнительных финансовых диспропорций. Поэтому я прошу вас поддержать сохранение сложившегося механизма как временную меру на ближайшую перспективу, чтобы готовить в бюджете на 1993 г. нормальное, предусмотренное в законе распределение и четкое закрепление доходных источников по уровням управления.

Экономическая реформа, итоги января

*Выступление на заседании Правительства
Российской Федерации*

13 февраля 1992 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Уважаемый президент, уважаемые коллеги!

Сейчас подведены первые статистические итоги нашей работы в январе, становится ясно, насколько то, что произошло реально в народном хозяйстве, соответствует нашим планам, намерениям и прогнозам, какие основные болевые точки выявились и какие корректировки мы должны внести в осуществляемую экономическую линию.

Когда мы обсуждали принципиальные подходы к формированию экономической политики в той ситуации, которая сложилась на ноябрь–декабрь, мы видели два возможных сценария развития событий после либерализации цен и предполагали возможность реализации двух альтернативных стратегий.

Одна (при негативном сценарии) представлялась нам более вероятной. Суть ее состояла в следующем. После либерализации цен, в связи с общей хронической нестабильностью денежного обращения, неуверенностью населения в будущем союзного рубля неизбежно будет происходить ускорение денежного оборота. В связи с этим никакие попытки сдержать рост цен при помощи имеющихся в нашем распоряжении бюджетных инструментов и стабилизировать положение не будут достаточно эффективны. Мы ставили своей задачей-минимум в январе перевести подавленную инфляцию в открытую, начать постепенную стабилизацию положения на потребительском рынке, прекратить нарастающий развал государственного бюджета, связанный с неприспособленностью налоговой системы к условиям начавшейся открытой инфляции, обеспе-

читать рост доходов бюджета примерно теми же темпами, что темпы роста цен и расходов бюджета. На этой базе не допустить быстрого раскручивания гиперинфляционной спирали. Но все же на фоне общего недоверия к рублю, возможности введения республиканских валют в других республиках мы предполагали, что в этом случае нам не надо будет связывать будущее собственной стабилизационной программы и антиинфляционной политики с нынешней денежной единицей, т. е. слабость рубля, продолжающийся разгон инфляции, введение республиками своих валют должны были заставить нас, Россию, в качестве контрмеры предпринять шаги, направленные на осуществление денежной реформы, введение собственной республиканской валюты. И мы предполагали, что где-то к июлю–августу мы создадим предпосылки для этого, будем вынуждены это сделать, и тогда рассчитывали совместить наши усилия по стабилизации с введением новой республиканской валюты и сбросом части избыточной денежной массы.

Это был, скажем так, пессимистичный сценарий, который мы считали наиболее вероятным.

По итогам января можно сказать, что ситуация в сфере финансов и денежного обращения развивается в целом лучше, чем мы предполагали по этому сценарию, и она позволяет нам выйти на другой, более оптимистичный сценарий развития событий.

После резкого скачка цен в первую неделю января, когда в течение недели был ликвидирован денежный «навес», темпы роста цен снизились, а в последнюю неделю января — начале февраля уровень цен на потребительском рынке фактически снизился. В целом за январь при росте средних цен покупок по сравнению со средней ценой покупок декабря в 3,5 раза по потребительским товарам и примерно в 5 раз, точнее, 498%, по производственно-техническим товарам не произошло бегства населения от денег. Вклады в сберкассах, вместо того чтобы резко сокращаться в связи с ожидаемым населением обесцениванием денег, продолжали хотя и медленно, но расти, увеличившись более чем на 8 млрд руб, т. е. население больше не имеет высоких инфляционных ожиданий.

Это позволяет нам рассчитывать на реализацию более оптимистического сценария. Суть дела в следующем. Россия не берет курс на введение собственной валюты, потому что доверие к рублю оказалось подорвано отнюдь не так сильно, как нас пугали, инфляци-

онные ожидания не являются чрезмерными. Поэтому мы берем курс на поддержку нынешней денежной единицы, на ее всемерное укрепление и стабилизацию, т. е. мы сейчас можем начать решать тот комплекс задач, который считали возможным решать при пессимистическом сценарии только с середины года, с тем чтобы без денежной реформы, без очень неприятных процедур, связанных с введением национальной собственной валюты, с неизбежно вызываемыми этим перебоями денежного обращения и всей системы материальных потоков, стабилизировать положение.

Где здесь наиболее тяжелые, критические точки? Это в первую очередь, конечно, ситуация, складывающаяся в оптовом обороте и в сфере безналичной денежной эмиссии, в сфере кредитования. Сейчас у нас очень быстро уперлись в барьер платежеспособного спроса цены на потребительские товары, потому что объем денежной массы здесь в достаточной степени фиксирован и реакция производителей, связанная с сокращением ценовых претензий и общим снижением темпов роста цен, абсолютным снижением цен, проявилась в течение первых двух недель.

Дальше пошла естественная волна финансовых трудностей по отраслям, связанным с конечным потреблением населения. Если в первую неделю доминирующими были жалобы на высокие темпы роста цен, на сохраняющийся дефицит, потом на очень высокие цены, потом на трудности в реализации продукции потребительского назначения, то сейчас доминирующим мотивом стали жалобы на трудности в реализации продукции производственно-технического назначения, особенно тех видов, которые непосредственно связаны с производством товаров народного потребления. Это в первую очередь сельскохозяйственная техника.

Уже столкнувшись с барьером платежеспособного спроса, колхозы, совхозы по предлагаемым ценам сельскохозяйственную технику не покупают. Сейчас уже видны серьезные трудности со спросом и уровнем цен в инвестиционном машиностроении, и буквально в последние дни начали проявляться проблемы даже с реализацией такого критического для нас вида продукции, как металл, по крайней мере, поставляемый с Украины, где цена на металл значительно выше.

Это значит, что мы сейчас идем по воспроизводственной цепочке от конечного потребления населения к производству сырьевых ресурсов, на каждом этапе сталкивая производителя с барьером платежеспособного спроса, который не позволяет ему дальше реализовывать собственные ценовые претензии, заставляет снижать свои ценовые претензии, соответственно уровень запросов, предъявленных в целом.

В принципе это очень позитивный момент, и он, конечно, проявляется сейчас в резко возросшем спросе на деньги, на наши отечественные деньги. Наиболее наглядным свидетельством этого является довольно устойчивое за последние дни падение курса доллара как на наличном, так и на безналичном валютных рынках.

И это при том, что государство пока не смогло выбросить на валютный рынок буквально ничего. Это исключительно влияние роста спроса на деньги. Мы надеемся, что сможем начать реализовывать активную политику со следующей недели, тенденция к росту курса рубля приобретет устойчивый характер.

Уже сейчас видно резкое увеличение спроса на отечественные деньги в других республиках — в Прибалтике и на Украине, что проявилось в резком падении цены купона на свободном рынке.

Главная угроза для такого крайне нужного нам развития событий — это ситуация в безналичном обороте и огромное давление, которое сейчас будет оказано на Центральный банк в первую очередь, с тем чтобы резко увеличить объем кредитования.

Директор предприятия, который до сих пор никогда не думал о том, платежеспособен ли, собственно говоря, потребитель и есть ли у него деньги, а думал только в бартерных категориях, что он сможет предложить на обмен по бартеру, сколько «Жигулей», сколько мест в доме отдыха, сейчас столкнулся с тем, что потребители не выполняют обязательства по платежам, образуется цепочка неплатежей, возникают трудности с выплатой заработной платы уже не из-за наличности (кризис наличности в основном, кажется, мы преодолели), а из-за того, что на счетах нет денег. Предприятия, вовлекшие оборотные средства в выплату заработной платы, сталкиваются сейчас с тем, что им нечем платить.

Отсюда естественное давление на то, чтобы банк пришел на помощь промышленности, сельскому хозяйству и резко увеличил кредитование. Давление такое идет и в Верховном Совете, и от на-

ших собственных министерств и ведомств. Однако теперь у нас с Центральным банком полное взаимопонимание в этой области. Мы твердо придерживаемся тех основных принципов, которые выработаны. Центральный банк старается проводить политику максимального сдерживания кредитной экспансии. Если только он отпустит этот рычаг, то моментально эти ценовые претензии производителей реализуются в предельно высоких ценах, в предельно высоких доходах, мы моментально столкнемся с резким ростом заработной платы. Я напоминаю, что заработную плату мы сегодня ничем не держим. У нас нет административных регуляторов, у нас нет специальных налогов на рост заработной платы, мы держим ее исключительно общими ограничениями денежной массы. И сейчас любой дополнительный массовый вброс денег в безналичный оборот через месяц обернется развалом того, чего мы добились на потребительском рынке за последние несколько недель.

Разумеется, здесь надо занимать позицию жесткую, жесткую, но не твердолобую.

Есть сферы, по которым мы вынуждены будем пойти на специальные решения в кредитной области. Мы с Центральным банком такие сферы примерно обговорили. На наш взгляд, это в первую очередь поддержка фермерского хозяйства за счет сырьевых кредитов, это сырьевые кредиты селу для проведения сева — только на закупку горючего и только под четкие обязательства, в первую очередь под векселя, а также кредиты на поддержку наших конверсируемых предприятий. Вот те основные сферы, где мы можем пойти на создание специальных кредитных линий для расшивки наиболее болезненных, наиболее узких мест, в целом при этом оставаясь в рамках ориентиров макроэкономической политики.

Сейчас следующий принципиальный для нас момент — это переход от режима выживания к последовательной стабилизации положения в народном хозяйстве. Естественно, надо четко отдавать себе отчет, что все будет происходить в ближайшее время на фоне падения производства.

Падение производства в целом по январю по сравнению с декабрем составило 5%. Это вполне ожидаемая величина, и она будет еще увеличиваться в первую очередь за счет того, что к ряду факторов, обуславливавших падение производства в прошлом году (падение импорта продукции производственно-технического на-

значения), сейчас добавились спросовые ограничители — резкое падение производства военной продукции в связи с отсутствием финансирования и резкое падение производства продукции тяжелого машиностроения в связи с отсутствием средств у заказчиков и отсутствием платежеспособного спроса.

Предельно важно, чтобы это падение было ограниченным и быстро приостановленным хотя бы в ключевых отраслях экономики. Здесь особенно опасным является продолжающееся падение добычи нефти, оно составило 15% к январю прошлого года. Ситуация по углю в целом в январе стабилизировалась, положение было чуть лучше, чем в декабре. Особенно же тяжелое положение в металлургии. Сейчас металлургия с ее примерно на 30% сократившимся объемом выпуска стала ключевым звеном в сфере материального производства. Если мы остановим падение в металлургии, на основе привлечения дополнительных ресурсов стабилизируем положение с коксом и металлоломом, начнем хотя бы медленное увеличение выпуска, мы на этой основе сможем резко стабилизировать положение по всему кругу отраслей — потребителей металла и одновременно снять те рецидивы бартерной экономики, которые еще есть в материальной сфере.

Мы сознательно пошли на выделение всех возможных ресурсов для расшивки проблемы с коксом, потому что считаем, что наиболее уязвимая точка здесь.

Вторая предельно уязвимая точка — это нефть. Здесь главная проблема, естественно, валюта, банкротство Внешэкономбанка, в рамках которого оказалась погребена и часть средств, специально выделенных нефтяникам на закупку оборудования. В результате они не смогли своевременно закупить абсолютно необходимые им технологически для продолжения производственного процесса материалы и оборудование. Сейчас мы договорились, что в первую очередь направляем получаемые инвестиционные кредиты на самые узкие места, обеспечивающие производственные процессы, главное — в нефть.

Я не буду здесь останавливаться на конкретных проблемах с финансированием, которые, естественно, сейчас существуют во всех отраслях и у всех отраслевых министров. Они абсолютно очевидны и естественны, я думаю, что в какой-то степени они будут легче разрешимы после того, как наши бюджетные калькуляции приоб-

ретут реальную основу, т. е. через месяц-полтора, если мы не со-
рвемся в инфляционную спираль.

Если говорить о стратегии, то главное — это, наверное, разра-
ботка совместной программы с Международным валютным фон-
дом, потому что именно с этим связаны возможности радикальной
стабилизации положения, широкомасштабного открытия нашей
экономики, крупномасштабного привлечения иностранных инве-
стиций.

Несмотря на все наши заверения, никто из иностранных круп-
ных инвесторов с крупными деньгами не придет до тех пор, пока
на всем, что мы делаем, не будет стоять печать, что это одобрено
Международным валютным фондом и что за этим стоят финансо-
вые ресурсы мирового сообщества.

Сейчас такая работа вместе с Международным валютным фон-
дом ведется. Ее продолжение требует от нас определиться по не-
скольким существенным и сложным политическим вопросам. Пер-
вый из них — это необходимость дальнейшего размораживания
цен. Международный валютный фонд, на наш взгляд, совершенно
справедливо требует завершения работы по размораживанию цен,
с тем чтобы регулируемые цены в производственном секторе охва-
тывали исключительно тарифы на электроэнергию, на услуги свя-
зи, на железнодорожные перевозки, т. е., короче говоря, они ставят
вопрос о ликвидации регулирования цен на молоко, сахар, подсол-
нечное масло, хлеб, водку.

В производственной сфере они ставят вопрос о необходимости
отказаться от государственного регулирования цен на топливно-
энергетические товары и о необходимости резко повысить их уро-
вень, ну, по крайней мере, до уровня не менее 2 тыс. 500 руб. за
тонну нефти.

Они одновременно ставят вопрос о возможности введения спе-
циального нефтяного налога, с тем чтобы часть этих доходов пе-
рераспределить в пользу бюджета, таким образом частично улуч-
шить финансовое положение. И тогда, разгрузив другие источники
бюджетных доходов, возможно будет несколько снизить уровень
налогообложения.

Следующий вопрос, который ставится, — это необходимость
резкого свертывания всей системы административного регулиро-
вания экспорта, отказа от системы квотирования и лицензирова-

ния. Это абсолютно правомерная постановка вопроса. То, что мы квотировали, лицензировали продукцию до элементарных предпосылок стабилизации, было абсолютно правильно. Мы только так как-то удерживали положение. Но то, что стратегически со второго полугодия этого года надо резко свертывать всю сферу квотирования и лицензирования, это также абсолютно очевидно. При нынешнем ее развитии никакие иностранные инвесторы к нам не придут, да и вообще никакого скачка экспорта быть не может.

Естественно, ставится вопрос о сохранении жесткой бюджетной политики и ликвидации бюджетного дефицита в 1993 г., о сохранении жесткой денежной политики, о повышении ставки ссудного процента. Я думаю, что здесь нам пока суетиться не надо, нам не нужно идти дальше, пока мы не определились с темпами текущей инфляции.

И наконец, ставится вопрос, по которому, я думаю, мы должны будем пока не соглашаться на то, что предлагает Международный валютный фонд, — вопрос о введении специального налога на прирост заработной платы в государственном секторе, типа использовавшегося в свое время в Польше.

Понятно естественное сомнение Международного валютного фонда по этому поводу, может быть, нам придется воспользоваться этим рычагом. Но я думаю, что, учитывая то, что его результативность сейчас, по крайней мере, неочевидна, учитывая, в какой степени мы политически связали себя с размораживанием зарплаток, я бы считал пока принятие этого предложения Международного валютного фонда неоправданным.

Мне кажется, что то, что предлагает Международный валютный фонд в целом — я сейчас не останавливаюсь на естественных вещах, связанных с приватизацией, с аграрной реформой и т. д., которые мы будем обсуждать специально, — это основа для радикальной стабилизации экономики и ее открытия со второй половины года, основа следующего этапа реформы, под которую мировое сообщество готово предоставить крупные кредиты на поддержку платежного баланса, и для стабилизационного фонда.

Наиболее болезненное решение, которое придется в связи с этим принять, — это, естественно, размораживание или повышение цен на энергоносители. Даже сейчас, в условиях сформировавшихся спросовых ограничителей, это будет означать примерно

50%-е повышение сложившегося уровня потребительских цен и существенное усугубление тех трудностей, с которыми сталкиваются энергоемкие потребители.

Но мне кажется, что другого пути у нас нет. Сложившиеся сегодня пропорции в ценах на энергоносители абсурдны. У нас соотношение цены, скажем, мяса и нефти, всегда бывшее существенно отличным в пользу мяса от цен мирового уровня, сейчас стало просто смешным — 3,5 кг мяса за одну тонну нефти. Мы постоянно даем ложные сигналы нашим производителям, которые ориентируют все их решения на нерациональное экономическое поведение. Поэтому я убежден, что нам на этот шаг придется идти. Думаю, что лучше, если мы будем готовиться к нему постепенно и начнем либерализацию цен <на энергоносители> по этапам, чтобы это не было немедленным шоком.

<О госбюджете на 1992 год>

*Выступление на IV сессии Верховного Совета
Российской Федерации*

27 марта 1992 г.

Источник: IV сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень №49.

Уважаемые народные депутаты! Президент представил на ваше рассмотрение бюджетное послание. Оно рассматривалось в комитетах и комиссиях, на парламентских слушаниях. Я должен с самого начала сказать, что мы согласны с рядом замечаний, которые были сформулированы в ходе этих слушаний, в первую очередь с теми, которые связаны с рассогласованием, расстыковкой отдельных положений бюджета и прогноза на 1992 г.

Дело в том, что мы находились объективно в сложном положении, потому что жанры этих документов разные. Прогнозу соответствует бюджетный прогноз. Бюджетный прогноз может опираться на прогноз изменения налоговой базы, прогноз изменения налогового законодательства может включать те решения, которые предполагается принять. Бюджет — это строгий финансовый документ, который должен опираться на действующее законодательство, уже принятые решения и предусматривает детальную роспись расходов по основным направлениям.

В связи с этим в прогнозе мы учитывали целый набор факторов, который не вошел в конкретную роспись расходов бюджета. Это, естественно, вызывает трудности при стыковке этих документов. Здесь мы в полной мере согласны с замечаниями комитетов и комиссий Верховного Совета. Тем не менее я хотел бы, для того чтобы не тратить время на подробное изложение тех документов, которые были представлены, сконцентрировать внимание на основных направлениях экономической и финансовой

политики, которые являются общими и составляют стержень того документа, который вам представлен.

В первую очередь необходимо очень четко представить, что является базой нашего прогноза на 1992 г., нашей экономической политики 1992 г. Сопоставление временных рядов основных производств, основных продуктов промышленности, валового национального продукта, национального дохода показывает, что снижение темпов роста производства по всем основным видам началось у нас с конца 1988 — начала 1989 г. Эта тенденция, ускоряясь, привела к крутому падению всех основных показателей производства к осени 1991 г. По существу, к осени 1991 г. производство в России сократилось по сравнению со стабильной базой 1988 г. до уровня 80–82%. Мы должны твердо представлять себе ту реальную базу, от которой идем. Это 80% российской экономики образца 1988 г. Это не 569 млн т нефти и газового конденсата, а 461 млн т в 1991 г. Это не 66 млн т готового проката, а 55 млн т проката в 1991 г. Это существенное сокращение добычи кокса, угля, практически всех важнейших базовых товаров.

Это падение производства было связано с общим структурным кризисом и резко ускорилось в 1991 г. под влиянием следующих факторов. Это резкое сокращение импорта в первую очередь. Затем имелось два пика снижения: пик снижения в марте–апреле, связанный с сокращением добычи угля и производства проката в ходе забастовок, и затем пик снижения начиная с сентября, связанный с общей дезорганизацией народного хозяйства, после того как старая система управления в полной мере развалилась, а новая не начала работать. Вот эти два крутых пика падения производства существенно сказываются на прогнозировании динамики объемов на 1992 г.

Почему я хотел обратить на это ваше внимание? Чтобы здесь не возникало недоразумений и чтобы правительство и его оппоненты не пытались манипулировать месячными колебаниями производства. Ну, скажем, правительство могло бы сказать по итогам марта, что наметились прекрасные тенденции в топливной промышленности, потому что падение производства угля полностью прекратилось. Более того, начался его резкий рост по сравнению с базой прошлого года, но это было бы неправдой, потому что мы сопо-

ставляли бы ее с базой марта прошлого года, когда шли шахтерские забастовки.

Точно так же абсолютно некорректно сопоставлять сегодняшнее производство по широкому кругу видов продукции с базой февраля прошлого года, забывая о том, что между февралем и октябрём оно сократилось на 10–12%. Таким образом, наша естественная база отсчета — это состояние российской экономики осенью 1991 г., когда мы уже резко сбросили объем производства, когда уже вышли вот на этот уровень — 80–82% от 1988 г.

Немедленно остановить спад промышленного производства, который набирал силу в течение трех лет и вошел в пике к 1991 г., разумеется, невозможно.

Нет такой волшебной палочки, махнув которой можно было бы сегодня вывести объемы производства на тот уровень, который был в 1988 г., потому что за этим падением стоят изношенная техника, непоступающие комплектующие по импорту, уже разорвавшиеся хозяйственные связи между республиками и т. д.

Эту задачу ставить было бы нереально. В нашем прогнозе мы ставим другую задачу, которую считаем реальной, а именно приостановить темпы падения производства, перейти от этого крутого пике сначала к более пологому падению, а затем и к стабилизации и к концу года выйти примерно на уровень, близкий к тому, который существовал до осени прошлого года. То есть завершить это падение и стабилизировать его на предельно низком, уже стабильном уровне.

Эта задача сама по себе предельно сложна. Она требует серьезных структурных корректировок в нашей политике. Первая из них и самая главная — адаптация структуры национального дохода к резко сократившемуся его объему.

Как вы прекрасно понимаете (абстрагируясь от текущих колебаний цен, финансов, денег, кредита), важнейший параметр, который определяет уровень жизни, — это фонд потребления национального дохода.

При резком падении общего объема национального дохода, которое уже произошло, мы пытались осуществлять амбициозные программы в области вооружений и в области капитальных вложений, которые можно было себе позволить в гораздо более благоприятной ситуации.

Сейчас то, что мы предлагаем сделать, а это стержень нашей политики, — существенное сокращение доли фонда накопления в национальном доходе, увеличение фонда потребления.

Мы предполагаем на 6 пунктов сократить долю накопления в первую очередь за счет резкого сокращения закупок вооружений, традиционно финансировавшихся за счет этого фонда, и капитальных вложений, финансируемых за счет как государственного бюджета, так и собственных средств предприятий.

Разумеется, это политика, которую нельзя вести долго. В долгосрочном плане эта политика опасная, но она единственно возможная, для того чтобы нам хоть немножко затормозить темпы падения уровня жизни. Именно поэтому у нас фонд потребления падает медленнее, чем национальный доход по прогнозу.

Разумеется, такое перераспределение макроэкономических ресурсов создаст новую ситуацию и серьезные трудности в целом ряде отраслей. В первую очередь это отрасли, работающие на фонд накопления.

Серьезно сокращается спрос на продукцию оборонного комплекса, на всю продукцию инвестиционного комплекса, включая строительство. Предприятия и организации, работающие здесь, сталкиваются с серьезными трудностями, но это естественная и неизбежная плата за стабилизацию экономики, за то, чтобы нам затормозить падение жизненного уровня, адаптироваться к той ситуации, в которой мы уже оказались. Не оказываемся, а уже оказались.

Отсюда неизбежные трудности всего блока машиностроительных отраслей, которые усугубляются дефицитом цветных и черных металлов.

В целом мы рассчитываем, что нам удастся закрепить уже обозначившуюся в начале года тенденцию стабилизации производства важнейших базовых видов продукции. Речь идет о росте среднесуточной добычи кокса, о росте добычи угля, стабилизации добычи газа, падение которой обозначилось весной прошлого года, стабилизации и росте производства проката, с тем чтобы создать нормальную индустриальную базу, одновременно закладывая в прогноз неизбежное сокращение производства в кризисных отраслях.

Это в первую очередь сельскохозяйственное машиностроение, качество продукции которого и цены, по которым она предлагается, не удовлетворяют сегодня потребителей. Это структурно кризисная отрасль, которой придется довольно трудно и мучительно приспособляться к реальным запросам сельских тружеников и научиться производить ту технику, которая реально нужна, и по тем ценам, которые приемлемы.

Это, естественно, отрасли военно-промышленного комплекса, доля производства гражданской продукции в которых должна быть доведена до 77%. Это в целом отрасли инвестиционного машиностроения. Здесь темпы падения производства будут значительно большими.

Мы предполагаем и закладываем в прогнозы, что, к сожалению, неизбежно начнут обостряться проблемы занятости. Пока при всех тяжелых разговорах о безработице она еще не стала ни в коей мере массовым явлением. У нас сегодня зарегистрировано около 170 тыс. безработных, точнее, лиц, ищущих занятости. Мы предполагаем, что к концу года (на базе неизбежного ускорения процессов структурной перестройки народного хозяйства) в поддержке органов трудоустройства может нуждаться до 6 млн человек. Надеюсь, что эта цифра окажется завышенной. Пока реакция предприятий на проблемы, связанные с совокупным спросом, скорее предполагает не сокращение занятости, а сдерживание роста доходов.

Сегодня в руках у государства в качестве основных инструментов управления остались в первую очередь финансы и деньги. Экономическая политика — это бюджетная политика, это финансовая политика, и поэтому возможности структурного маневра, связанного с постепенной стабилизацией экономики, с переносом акцента на базовые отрасли и созданием предпосылок оздоровления, восстановления экономического роста, закладываются в бюджете на 1992 г.

Во-первых, что же у нас реально произошло с бюджетом за последние два месяца, и, во-вторых, что мы предлагаем делать в области бюджетной политики?

Первое. Фактическое исполнение бюджета за январь–февраль. Вы знаете, я неоднократно говорил, что мы считали предельно важным предотвратить выброс денежной массы из бюджета имен-

но в период размораживания цен, в период ликвидации денежного «навеса». Именно тогда любой бюджетный дефицит, использование бюджета в качестве механизма раскрутки инфляционных процессов были бы предельно опасны.

Именно поэтому в первые два месяца мы проводили предельно жесткую бюджетную политику. Фактически за январь-февраль в бюджеты всех уровней поступило 196,6 млрд руб. налогов, налоговых поступлений, из них 81,7 млрд — в доходы местных бюджетов, 114,9 млрд — в доходы республиканского бюджета.

Расходы бюджета по всей системе составили 184,4 млрд руб., из них расходы местных бюджетов — 68,3 млрд и республиканского бюджета — 116,1 млрд.

Таким образом, консолидированный бюджет за два месяца был сведен с превышением доходов над расходами в сумме 12,2 млрд руб. Эта сумма была неравномерно распределена по местным бюджетам и бюджету республики. Бюджет республики был сведен с дефицитом в размере 1,2 млрд руб. По текущим расходам он оказался сбалансированным, и мы предоставили бюджетную ссуду на 1200 млн руб. на покрытие разнообразных срочных расходов.

Одновременно бюджеты регионов были сведены с превышением доходов над расходами в размере 13,4 млрд руб. На самом деле ситуация чуть другая. В бюджет республики (в силу того, что Центральный банк не проводил расщепление доходов между бюджетами республики и местными бюджетами) было искусственно зачислено примерно 12 млрд руб. доходов. Это оказалось бюджетной ссудой, взятой республиканским бюджетом у местных бюджетов.

Таким образом, общая сумма превышения доходов над расходами по консолидированному бюджету остается той же, но в республиканском бюджете обозначается дефицит примерно 12 млрд руб., а профицит местных бюджетов увеличивается до 25 млрд руб.

По существу, речь шла о расчетной и бюджетной ссуде республиканскому бюджету, предоставленной бюджетами территорий, которую мы сейчас из республиканского бюджета возвращаем.

В целом, подытоживая макроэкономическую суть того, что произошло за эти два месяца, мы можем сказать одно: никаких денежных средств в народное хозяйство из бюджета не поступило. Бюд-

жет источником ускорения инфляционных процессов не стал. Это было предельно важно на период запуска рыночного механизма. И здесь я считаю, что нам удалось добиться тех целей, которые мы перед собой ставили, о которых я имел честь вам докладывать.

Разумеется, это не значит, что все с исполнением бюджета по первым двум месяцам обстояло гладко.

Более того, ситуация была совсем не такой благостной.

Наиболее серьезные проблемы у нас возникли по двум областям. Первая — это по доходам от внешнеэкономической деятельности и вторая — по поступлениям налога на добавленную стоимость.

По доходам от внешнеэкономической деятельности в расходах и доходах бюджета был показан, по существу, внутренний, искусственный банковский счет, предполагающий расчеты между республиканским бюджетом, банком, экспортерами и импортерами по оплате экспортного тарифа и выкупу рублевой выручки. Это не доходы в собственном смысле этого слова, а именно учетная кассовая операция, о которой мы договаривались с Центральным банком.

К сожалению, из-за разногласий с Центральным банком нам не удалось запустить этот механизм. В таком виде работать без специального кредита он, разумеется, не мог. В результате в бюджете осталось только то, что там должно было остаться, — сальдо. Сальдо бюджета по внешнеэкономической деятельности мы планировали в размере 8 млрд руб., положительное. По итогам двух месяцев оно реализовано в размере чуть более 3 млрд руб. — положительное. И в целом по итогам квартала мы ожидаем, что оно будет очень близко к прогнозным суммам.

Гораздо серьезнее ситуация с налогом на добавленную стоимость. Мы, предлагая к обсуждению бюджет на первый квартал, закладывали определенные резервы, связанные с тем, что нужно время для того, чтобы этот механизм запустить. Казалось, критиковали нас за то, что мы закладываем избыточные резервы. К сожалению, эти резервы оказались недостаточными. Для того чтобы механизм налога на добавленную стоимость заработал, потребовалось примерно полтора месяца. В первой половине января мы почти не получили доходов по этому налогу — всего 1400 млн руб. Во второй половине они увеличились до 9100 млн руб. В первой

половине февраля — 14 млрд руб. Во второй половине февраля — 18 млрд руб. В первой половине марта — 20 млрд руб. Таким образом, только со второй половины февраля мы вышли примерно на тот уровень, которого ожидали по прогнозам. Естественно, примерно 10 млрд руб. остаточных доходов, поступивших по налогу с продаж и налогу с оборота в начале января, не могли покрыть всех потерь, связанных с недопоступлением налога на добавленную стоимость в первые полтора месяца его работы.

Правда, частично эти недопоступления были компенсированы сверхплановым поступлением налога на прибыль. Мы получили его в республиканский бюджет примерно на 11 млрд руб. больше, чем предполагали. Причем эти поступления носят реальный характер, по полученной статистике в январе-феврале темпы роста прибыли превышают прогнозные. Таким образом, речь не идет об увеличении существующих бюджетных доходов. Одновременно местные бюджеты получили существенно больше, чем мы предполагали, по подоходному налогу в связи с опережающим ростом денежных доходов. Дополнительные доходы составляют примерно 6 млрд руб.

Вместе с тем все это, разумеется, было недостаточно для того, чтобы покрыть недополученные доходы по налогу на добавленную стоимость и выявившиеся потребности в дополнительных расходах, которые мы не финансировали, но которые тем не менее остаются вполне актуальными. В результате мы были вынуждены в январе-феврале проводить политику жесткого бюджетного секвестирования, т. е. финансировать расходы только в рамках реально получаемых доходов.

Сейчас, когда первый этап либерализации цен подошел к концу, когда ясно, что денежный «навес» пока не стал катализатором гиперинфляции, мы можем позволить себе некоторое смягчение бюджетной политики. Возможность этого смягчения связана с тем, что темпы роста цен резко, избыточно, как это бывает в подобных ситуациях, снизили объем денежной массы. Сейчас вместо резкого избытка денежной массы, существовавшего на конец 1991 г., возник острейший недостаток денежной массы по состоянию на начало 1992 г., проявившийся в современном платежном кризисе. Попросту говоря, цены возросли неизмеримо больше, чем реальная денежная масса.

Это положительный процесс в целом, потому что он повышает спрос на деньги и позволяет резко увеличивать роль денег в хозяйственном обороте. Вместе с тем он заставляет нас искать пути увеличения денежной массы, необходимого по крайней мере для того, чтобы расчетный механизм получил минимально необходимый импульс для работы. Это значит, что сейчас мы можем позволить себе использовать дефицитное финансирование, хотя и в скромных пределах, для того чтобы покрывать часть остро необходимых бюджетных расходов.

Возможности эти не надо преувеличивать, они наиболее серьезны в марте, во II квартале, в связи с тем что происходит процесс ремонетизации экономики. С III квартала нам придется вернуться к очень жесткой бюджетной политике, с тем чтобы затормозить инфляционные процессы. Но сейчас у нас появилась небольшая свобода маневра. Именно поэтому мы предлагаем тот набор уточнений бюджетной политики, который представлен и в проекте уточненного бюджета на I квартал, и в проекте годового бюджета.

Что в целом предлагается сделать?

Основным источником бюджетных доходов на 1992 г., естественно, остается налог на добавленную стоимость. Поступления по нему прогнозируются в размере 909 млрд руб., и это основная база доходов республиканского бюджета. По налогу на прибыль мы предлагаем чуть расширить круг льгот, которые предусматриваются сегодня на инвестиции, включить в круг освобождаемых от налогов капитальные вложения, направляемые на конверсию военного производства, и в целом снизить долю этого налога, поступающего государству, до 18,1% при номинальном уровне 32%. В целом по этому налогу предполагается получить 385,8 млрд руб. доходов.

Доходы от внешнеэкономической деятельности мы предлагаем отражать только в рамках доходного сальдо в размере 40 млрд руб.

Установленные по 16 наименованиям товаров акцизы должны в сумме принести нам примерно 131 млрд руб. доходов, из которых, естественно, основная часть падает на доходы от реализации вино-водочной продукции.

Все это позволит создать достаточную финансовую базу для того, чтобы профинансировать наиболее остро необходимые, абсолютно первоочередные платежи из федерального и местных бюджетов.

Не останавливаясь на всем круге статей расходов, которые предполагается финансировать из федерального бюджета, я пройду только по ключевым из них.

Наиболее серьезные проблемы связаны с финансированием военных расходов. В бюджет они заложены в размере 384,5 млрд руб. Это крупная, серьезная нагрузка на наш бюджет — почти 26% расходов республиканского бюджета. Вместе с тем это резкое сокращение реального объема финансирования по сравнению с тем, который наша армия получала в 1991 г.

Наиболее существенные сокращения по-прежнему выпадают на закупки вооружений. Как вы помните, в бюджете на I квартал мы предполагали резкое, примерно 70%-е сокращение расходов на вооружение. Сейчас, по представленному вам годовому бюджету, мы предлагаем сократить расходы на вооружение в ценах 1991 г. с 37 млрд руб. примерно до 11,2 млрд руб. Из этого примерно половина идет на то, что абсолютно жизненно необходимо армии (так мы договорились с Главным командованием). Это в первую очередь запасные части, то, что необходимо для функционирования техники, для систем управления безопасностью, для ряда важнейших стратегических систем. Остальные 6 млрд — это, по существу, те деньги, которые мы выделяем не столько на нужды Министерства обороны, сколько на завершение расчетов по тем видам военной, оборонной продукции, которая уже начата производством и которую мы так или иначе должны оплатить заводам-производителям для того, чтобы не допустить их банкротства. Таким образом, 6 млрд — это не столько оборонные расходы, сколько расходы, неизбежно связанные с конверсией. В целом в ценах 1992 г. эти расходы составят 80 млрд руб.

По расходам на НИОКР. Мы предполагаем заложить их в размере 55,3 млрд руб. в ценах 1992 г., с тем чтобы сохранить примерно на уровне 1991 г. масштабы основных, важнейших разработок в той доле, которая приходится на Российскую Федерацию, по крайней мере по российской науке.

В расходах на содержание армии заложено сокращение численности на 700 тыс. человек. В современной ситуации мы считаем это минимальными цифрами и будем прорабатывать вместе с Главным командованием вопрос о дальнейшем сокращении Вооруженных сил, потому что в современной ситуации России не под

силу финансировать и содержать такую армию. Никакие перечисления от других государств СНГ пока поступать не начали, только начинают в последнее время. У нас достигнута договоренность с Беларусью. Беларусь начала финансировать содержание части войск на своей территории. Естественно, об Украине речь не идет: там особая ситуация.

Предусматриваются в военных расходах и расходы на увеличение денежного довольствия военнослужащим в размере 12,4 млрд руб., на повышение ставок рабочим и служащим Вооруженных сил на 7,1 млрд руб. В расходах на капитальные вложения резко, до 80%, увеличиваются расходы на жилищное и социально-культурное строительство для военнослужащих. Это одна из очень немногих статей в бюджете, по которой мы предусматриваем абсолютное увеличение расходов по сравнению с 1991 г.

Естественно, такое резкое, крутое сокращение расходов на оборону, на закупку вооружений предполагает реализацию серьезных мер по финансированию конверсии оборонного комплекса. На эти нужды в бюджете предусмотрено 40,6 млрд руб., которые предполагается направить следующим образом: 24,4 млрд руб. на финансирование фондов потребления на предприятиях, подвергающихся глубокой конверсии; 11 млрд руб. — на содержание инфраструктуры этих предприятий; 1,6 млрд руб. — на покрытие части процентов по кредитам, предоставляемым оборонным предприятиям на конверсионные программы.

Мы предлагаем сохранить и распространить на весь год конверсионные кредиты Центрального банка оборонным предприятиям в сумме 40 млрд руб., завышенная часть процентов по которым будет покрываться за счет бюджета, для того чтобы на их основе профинансировать наиболее эффективные конверсионные проекты. Сейчас работа по обобщению таких проектов Министерством промышленности, Министерством экономики, Министерством финансов завершается, и мы представляем банку набор проектов, которые, на наш взгляд, являются наиболее перспективными, наиболее интересными. Это в первую очередь проекты, позволяющие нам сравнительно быстро и оперативно перестроить наше военное производство на те нужды, в которых мы сегодня наиболее стеснены из-за отсутствия валюты. Это в первую очередь конверсия оборонных предприятий на нужды нашего нефтегазодобывающе-

го комплекса и в целом топливной энергетике, на замену импортного оборудования. Это конверсия наших оборонных предприятий на нужды нашего лесотехнического, лесоперерабатывающего комплекса. Это конверсия наших предприятий на нужды транспортного комплекса и т. д.

Серьезный и потенциально тяжелый вопрос — финансирование агропромышленного комплекса. В целом мы предполагаем направить на финансирование агропромышленного комплекса около 279 млрд руб. по бюджету, из них 79,6 млрд руб. предполагается направить на финансирование капитальных вложений. Мы в полной мере отдаем себе отчет в том, что этого, к сожалению, недостаточно для того, чтобы профинансировать все те приоритетные направления капитальных вложений на селе, которые заслуживают поддержки. Вместе с тем это примерно соответствует максимальным возможностям бюджета. Подавляющая часть из того, что мы направляем на централизованные капитальные вложения, идет на агропромышленный комплекс.

В круге возможных дополнительных источников увеличения финансирования Верховный Совет мог бы рассмотреть вопрос о перераспределении хотя бы части ресурсов Дорожного фонда на финансирование внутрихозяйственных дорог, а также об использовании части централизуемых ресурсов поземельного налога в городах и поселках городского типа. Соответствующие предложения в Верховный Совет правительство внесло.

Вместе с тем, анализируя, достаточна или недостаточна эта сумма, я хотел бы обратить внимание на то, что в прошлом году средства, выделенные на финансирование агропромышленного комплекса, были использованы крайне слабо. И главной причиной этого было то, что в прошлом году работал совсем другой рубль. В прошлом году выделение средств само по себе не решало ни одной проблемы, главное было обеспечить их материальными ресурсами, мощностями подрядных организаций и т. д. Именно эти задачи решать не всегда удавалось. Сегодня, в условиях острейшего дефицита, <сложившегося> спроса на инвестиционные товары и услуги, выделенные деньги — это реальные деньги, которые можно немедленно использовать на финансирование тех проектов, которые наиболее важны, наиболее интересны для АПК.

Мы предлагаем в этом году оказать помощь в становлении 130 тыс. крестьянских хозяйств. На привлечение кредитных ресурсов для их обустройства направляется 23,6 млрд руб. В первую очередь это поддержка кредитов, предоставляемых фермерам. На операционные расходы предполагается направить 19,2 млрд руб. Как я уже сказал, мы предполагаем перераспределить часть средств по земельному налогу.

Мы предлагаем сохранить льготный порядок кредитования предприятий агропромышленного комплекса, на что, по нашим расчетам, потребуется около 8,7 млрд руб.

Учитывая необходимость в новых, рыночных условиях поддерживать сельское хозяйство, которое ведется в предельно неблагоприятной ситуации в горных и северных районах, на эти цели мы предполагаем выделить 14,2 млрд руб.

Наиболее серьезная проблема — это наши долги перед сельским хозяйством, то, что государство взяло у сельского хозяйства и не заплатило. С учетом произошедшей революции в ценах это сегодня совсем другие суммы, нежели те, которые были взяты в прошлом году. Тем не менее мы считаем, что эти средства надо отдавать.

Если сказать в целом о проблеме, связанной с финансированием государственного долга, то я должен вам доложить, что государственный долг полностью переведен в цивилизованную форму, оформлен соответствующими документами и в государственном бюджете предусматриваются средства, направляемые на обслуживание этого государственного долга. Это 51,4 млрд руб., из которых основными, естественно, являются платежи Сберегательному банку за привлеченные кредитные ресурсы в размере 31 млрд руб.

Вместе с тем мы предполагаем направить 9,6 млрд руб. на компенсацию потерь, понесенных владельцами целевых вкладов. Они заплатили 2,4 млрд руб. в качестве авансовых платежей за поставку автомобилей. Мы направляем 9,6 млрд руб. на компенсацию их потерь. Пока что предполагается резкое сокращение ставки акциза, на что потребуется 7 млрд руб., и удвоение размеров вклада, на что потребуется 2,4 млрд руб. Кроме того, по этим вкладам мы

приняли решение о выкупе чеков по нынешней рыночной стоимости автомобилей.

Следующая острейшая проблема — это, естественно, чеки «Урожай-90». Суммы, предусмотренные в бюджете на их компенсацию, разведены по двум разным статьям. Первая — это 4,4 млрд руб., которые необходимы для того, чтобы рассчитаться непосредственно с населением за сельхозпродукцию, проданную под потребительские товары. В первую очередь это 30 тыс. автомобилей. Именно они отнесены на статью «Государственный долг».

Вторая — это 10 млрд руб. долгов не перед населением (поэтому они не отражены в статье «Государственный долг»), а перед предприятиями сельского хозяйства по расчетам за поставку сельскохозяйственной продукции под технику. Здесь эти 10 млрд руб. заложены, и в целом мы предполагаем 14,4 млрд руб. сельскому хозяйству отдать за те долги, которые были взяты в прошлом году.

Финансирование социально-культурной сферы. В целом на ее финансирование предполагается выделить 510 млрд руб., в том числе компенсационные выплаты пособий на детей и семьям с несовершеннолетними детьми предусмотрены в размере 42,4 млрд руб., компенсация на приобретение школьной одежды прогнозируется в сумме 15,7 млрд руб. на III квартал. Предусматриваются дополнительные ассигнования на временные выплаты за февраль-март в размере 1,5 млрд руб. В связи с ростом цен предполагается выделить 7,2 млрд руб. компенсации расходов на питание школьников и учащихся ПТУ и техникумов. Стипендиальный фонд установлен в размере 15,7 млрд руб.

Кроме того, учтены дополнительные ассигнования в размере 7,2 млрд руб. (в том числе 2 млрд руб. на II квартал) для оказания помощи нуждающимся студентам — в организации культурно-массовой оздоровительной работы, санаторно-курортного лечения, отдыха студентов, для выплаты суточных в период прохождения практики и т. д.

Из общей суммы расходов на социально-культурную сферу в 1992 г. на финансирование учреждений просвещения предлагается направить 225 млрд руб., что позволит обеспечить обучение

3,5 млн студентов, 20,8 млн человек в общеобразовательных школах и 3,4 млн детей в детских дошкольных учреждениях.

На финансирование учреждений культуры, средств массовой информации проектируется выделить 46,7 млрд руб. Из них на содержание культурно-просветительных учреждений, учреждений искусства — 23 млрд руб., на содержание средств массовой информации — 23 млрд руб., из них 18,6 млрд руб. на телевидение и радиовещание и 4,4 млрд — на периодическую печать.

На обеспечение нужд предприятий здравоохранения в текущем бюджете планируется выделить 153,1 млрд руб., в том числе на содержание домов-интернатов для престарелых и инвалидов, а также на другие мероприятия социального обеспечения направляется 18,9 млрд руб.

В целом, не останавливаясь подробно на росписи всех расходных статей бюджета, я хотел бы сказать, что бюджет на 1992 г. остается и в этом виде предельно жестким. Мы, конечно, не можем позволить себе увеличения ассигнований по сравнению с базой практически ни по одной статье. Мы вынуждены сокращать в соответствии с объективно снизившимся, уже упавшим, как я имел честь отметить, объемом реального производства, который является объективной базой всех социальных выплат. Вместе с тем мы считаем возможным увеличить дефицит консолидированного бюджета до 245 млрд руб., или — при новом изменившемся масштабе цен — до 3,6% к валовому национальному продукту.

Это то, что заложено в бюджет на 1992 г., представленный на ваше обсуждение.

Мы предполагаем, что в этот бюджет мы будем вынуждены вносить корректировки в связи с текущими изменениями экономической политики. Принципиальные и важнейшие из них, естественно, связаны с предстоящей неизбежной перестройкой цен на топливо и энергию. Мы предполагаем, что это позволит одновременно мобилизовать дополнительные доходы бюджета и вместе с тем, естественно, приведет к необходимости финансирования части расходов, в частности, на компенсацию удорожания топлива в сельском хозяйстве. Возможно, придется выделять дотацию на финансирование и части удорожания топлива в гражданской авиации,

чтобы она окончательно не остановилась. Придется перераспределить часть дотаций с производителей топлива и угля на жилищно-коммунальное хозяйство, куда мы сегодня предусмотрели вложить 26 млрд руб., и т. д.

Но это вопрос, который можно обсуждать после принятого в окончательном варианте решения по стратегии размораживания цен на топливо и энергетику.

Мое время истекло. Уважаемые товарищи, благодарю вас за внимание.

О ходе экономической реформы в Российской Федерации

*Содоклад к докладу Президента Российской Федерации
Б.Н. Ельцина на VI съезде народных депутатов
Российской Федерации*

7 апреля 1992 г.

*Источник: VI съезд народных депутатов Российской Федерации. Заседание 3.
Бюллетень № 3.*

Уважаемые народные депутаты, к тому времени, когда Пятый съезд, дав президенту дополнительные полномочия, открыл дорогу к углублению экономических реформ, шесть лет колебаний, нерешительности, компромиссов уже породили настоящий социально-экономический хаос.

Я думаю, что не открою вам секрета, если скажу, что президенту тогда с огромным трудом давалось формирование правительства. Все прекрасно понимали, что пришло время расплаты за годы финансовой безответственности, за неплатежеспособность Внешэкономбанка, за разворованные природные ресурсы страны, за разваленные финансы, за неработающий рубль, за пустоту прилавков, за все те социальные демагогические обещания, которые раздавались вволю на протяжении последних лет.

Все понимали, что именно этому правительству придется платить по всем этим счетам. Надо сказать, что очень многие известные общественные деятели, поколебавшись, уходили от предложений работать в этом правительстве, предположив, что гораздо лучше переложить сначала все неприятности на других.

Осень 1991 г. — это уже крутое падение общественного производства, это быстро останавливающаяся черная металлургия, за чем явно вставала угроза остановки всего машиностроения и строительства. Осень 1991 г. — это время глубокого уныния и пессимиз-

ма, ожидания голода и холода. Все, кто в этой сложной ситуации решил бы и дальше тратить время на бесконечные и бесплодные дискуссии о безболезненных путях перехода к рынку, стабилизации экономики, ждатель создания конкурентно-рыночной среды и формирования эффективной частной собственности, дождался бы паралича производства, гибели российской демократии и самой государственности.

Мы никогда не обещали, что реформы будут идти легко. Сейчас, после первого их этапа, можно подвести некоторые предварительные итоги, предложить те корректировки курса экономической политики, которые, видимо, придется вносить любому правительству — или этому, если ему будет доверено продолжать реформы, или любому другому, — потому что они просто вытекают из логики экономических процессов, из реальной ситуации в народном хозяйстве. Да, масштабы повышения цен в январе оказались большими, чем мы предполагали, а падение уровня жизни — более резким. Вместо постепенного разгона темпов инфляции в январе–феврале мы получили их резкий скачок за первые три недели января, после чего наступил период относительной стабилизации цен, продолжавшийся с конца января примерно до конца февраля. В это время цены снизились примерно по 40% номенклатуры продовольственных товаров. Лишь со второй половины февраля и в марте вновь начинает проявляться тенденция повышения цен вслед за смягчением денежной политики, увеличением социальных выплат.

Сейчас можно сказать, что, хотя и со скрипом, рыночные механизмы заработали. И сегодня, принимая под давлением любое вынужденное решение по смягчению денежной политики, мы должны иметь в виду, что это решение прямо и непосредственно через неделю скажется на ситуации на потребительском рынке.

Ситуация в торговле, разумеется, не стала благостной, но она радикально переменялась. Практически постоянно растет число городов, в которых есть в продаже мясо, мясопродукты, молочные продукты, важнейшие виды промышленных товаров народного потребления. Это не благостный рынок, это не рынок изобилия, но это уже и не тот развал, который был в ноябре–декабре.

Да, страна тяжело, болезненно преодолевает сопротивление тех социальных групп, которые всю жизнь занимались распределением дефицитных ресурсов и предпочитали бы заниматься этим вечно, входит в другую систему регулирования. Здесь с трудом было

воспринято то, что сказал президент об авторитете рубля. Но обратите внимание, с какой легкостью, буквально незаметно за январь–февраль рубль смел с рынка государств СНГ денежные суррогаты, которые пытались запустить в оборот и которые вызывали такую панику у многих специалистов и многих депутатов, как быстро обесценился украинский купон. При огромном, действительно скачкообразном росте цен реальный курс доллара к рублю не упал по сравнению с концом декабря. Это значит, что реально доллар сегодня стоит ровно в 4–5 раз меньше, чем он стоил в декабре. Это реальный результат реформы.

Разумеется, мы начали проводить очень жесткую бюджетную политику не для того, чтобы гордо записать себе нуль в бюджетном дефиците. Все это нужно было для того, чтобы спасти рубль, дать народному хозяйству, рынку то, в чем он остро нуждается, — устойчивую, стабильную национальную валюту как основу устойчивой, стабильной государственности.

Разумеется, набравшие собственную деструктивную инерцию процессы в сфере материального производства нельзя было остановить по мановению волшебной палочки. За резко упавшим уже к осени сокращением производства стоят и развал связей с Восточной Европой, и ухудшение условий торговли с государствами Содружества, и упавший импорт, и уже износившееся оборудование. Да и за саму финансовую стабилизацию, как известно, практически всем и везде в мире приходится довольно дорого платить падением производства.

Предполагать, что вслед за либерализацией цен немедленно начнется индустриальный подъем, могли лишь безграмотные авантюристы. И сейчас можно спокойно, без истерики разобраться с тем, что же у нас произошло за последние три месяца в сфере материального производства. Сделав это, мы увидим, что здесь перекрещиваются три существенно различных процесса.

Первый из них — постепенная стабилизация положения в базовых отраслях народного хозяйства. Остается устойчивой добыча газа, стабилизировалась добыча коксующихся углей. Это позволило приостановить падение производства в черной металлургии и отдельных видов продукции машиностроения. Заметно возросло производство важнейших химических конструкционных материалов: полиэтилена, полипропилена. Естественно, я сравниваю с реальной базой состояния экономики осени прошлого года.

Разумеется, мы видим, что и здесь продолжают развиваться неблагоприятные процессы, и в первую очередь они проявляются в нефтяной промышленности, где падение добычи пока остановить не удастся.

Второй — предельно неприятный процесс — сокращение производства целого ряда технически сложных товаров, в том числе технически сложных товаров длительного пользования, обусловленный нарастающим и продолжающимся развалом хозяйственных связей в Содружестве. Это действительно опасный процесс, его необходимо остановить.

Третий — начало структурного кризиса в целом ряде отраслей, производство в которых либо было избыточным, как в производстве вооружений, либо не было обеспечено соответствующим уровнем эффективности и себестоимости производимой продукции, как в сельскохозяйственном машиностроении, которое сворачивается, к сожалению, пока сравнительно быстро. Производство комбайнов, скажем, сократилось на треть.

В целом детальный анализ показывает, что к настоящему времени нет каких-либо признаков того, что запуск рыночных механизмов привел к углублению кризиса в материальном производстве. Нам придется пройти еще нелегкий путь до того, как удастся в полной мере остановить промышленный спад, создать предпосылки экономического роста, но оснований для паники нет.

После периода первых неудач, связанных с неотработанностью нового механизма внешнеэкономического регулирования, организационными сбоями, начал быстро расти экспорт. Существенное увеличение доли валюты, которую мы оставляем в распоряжении предприятий, рыночный валютный курс, действенные стимулы для экспорта машиностроительной продукции привели к перелому тенденции в этой сфере.

Если в прошлом году происходило ежемесячное сокращение экспорта (оно продолжалось и в январе), то к марту объем экспорта продукции из России увеличился по сравнению с январем более чем на 2 млрд руб. и более чем на 1 млрд руб. превысил уровень декабря прошлого года. Уровень экспорта в страны Восточной Европы, развал отношений с которыми был важнейшей причиной паралича нашей собственной промышленности, повысился за это время в 2 раза.

В 2 раза увеличился экспорт машиностроительной продукции, резко растет ее доля в нашем экспорте. Таким образом, мы постепенно перестаем быть государством, вывозящим только сырье. Введенные экспортные тарифы на вывоз сырья, топлива, энергетики — это жесткая мера, но она необходима для того, чтобы остановить чисто сырьевую направленность нашего экспорта, дать вздохнуть собственной обрабатывающей промышленности.

Разумеется, начиная реформы, мы не рассчитывали на существенную финансовую поддержку Запада. Знали: никто в мире не готов бросать деньги на ветер, никто не решит за нас наших собственных проблем. Знали и то, как долго и настойчиво приходилось многим странам идти по пути рыночных реформ, стабилизационной политики, прежде чем удавалось завоевать устойчивое доверие международного сообщества, открыть широкий путь притоку ресурсов, необходимых для структурной перестройки экономики, обеспечения устойчивого экономического роста.

Мы полагали, что в лучшем случае нам потребуются годы последовательных решительных рыночных реформ и проведения ответственной финансовой политики, чтобы переломить недоверие потенциальных инвесторов.

К счастью, в данном случае мы ошиблись. Осознав меру своей исторической ответственности, роль России в современном мире, влияние происходящих в ней процессов на судьбы всего человечества, ведущие государства мира достойно ответили на вызов времени.

Всего несколько месяцев серьезных рыночно ориентированных радикальных реформ потребовалось, чтобы переломить сомнения, отбросить накопившиеся предубеждения, принять решения о беспрецедентной по масштабам финансовой помощи реформам в России.

Как вы знаете, речь идет о выделении только в этом году 24 млрд долл., необходимых для обеспечения устойчивой конвертируемости рубля, жизненно важной бесперебойной работы промышленности, импортных поставок, финансирования масштабной структурной перестройки и обновления российской экономики.

Речь идет о программе, сопоставимой по масштабам и ее роли в мировой истории только со знаменитым планом Маршалла, проложившим дорогу экономическому возрождению Западной Европы после Второй мировой войны. Тогда Европа сумела достойно

распорядиться этим шансом: построила фундамент экономического процветания, здоровой собственной экономики, независимой ни от кого. Все возможности повторить этот успех сегодня есть у России. Будет верхом безответственности, если, испугавшись первых трудностей реформ, мы не воспользуемся этим шансом, повернем обратно в безнадежный тупик популистской политики, финансовых авантюр, команд и рапортов.

Сам факт принятия беспрецедентного по масштабам решения о финансовой поддержке реформ в России, связанные с ним изменения инвестиционного климата в отношении нашей страны повлекли вал предложений крупных, солидных западных компаний по инвестициям в российскую экономику, поднявшийся буквально в первые часы после объявления о принятых решениях. Это существенно меняет условия формирования и реализации экономической политики внутри России¹.

Конечно, нас по-прежнему волнуют острее текущие проблемы. Важнейшая из них сегодня — это кризис неплатежей, на причинах которого я подробно останавливаться не буду, как не буду говорить и о тех мерах, которые правительство уже наметило вместе с Центральным банком для того, чтобы эти проблемы решать. Важным является другое. Нам действительно сегодня придется существенно сместить акценты в своей деятельности. Можно сказать, что уже сформировались предпосылки для того, чтобы перейти от вдохновенной мужеством отчаяния кавалерийской атаки к подготовке и реализации широкой программы углубления экономических реформ и реконструкции российской экономики.

Среди возникших направлений этой политики глубокая перестройка структуры народного хозяйства, демилитаризация экономики, ее открытие, приватизация, формирование эффективной структуры собственности. Именно здесь сегодня предстоит скоординировать усилия любому российскому правительству, которое понимает сложившуюся ситуацию, видит перспективы и ответственно за судьбы России.

О конверсии. Разумеется, все мы прекрасно понимаем, что именно с конверсией оборонной промышленности связываем

¹ К сожалению, как известно, Запад не сумел выполнить это решение. Россия получила вместо 24 млрд долл. всего лишь около 1 млрд (плюс реструктуризация и списание некоторых долгов). Политики объясняли это тем, что общественное мнение в их странах не было склонно отдавать существенные средства на помощь бывшему врагу. — *Прим. ред.*

наши надежды на радикальную структурную перестройку, выход на мировой рынок с высокими технологиями. То, что мы вынуждены были входить в конверсию столь жестко, резко сокращая закупки вооружений, было связано в первую очередь с предельной ограниченностью наших собственных финансовых ресурсов.

Уже сегодня мы существенно расширяем финансирование конверсионных программ, работаем над программой создания на базе оборонных предприятий мощного комплексного производства нефтегазодобывающего оборудования, оборудования для лесотехнической, лесоперерабатывающей промышленности, для переработки сельскохозяйственной продукции, производства товаров народного потребления. Сюда мы предполагаем направить не только финансовые ресурсы бюджета, кредитные ресурсы российской банковской системы, но и значительную часть финансовых средств, предоставляемых международными финансовыми организациями.

Демилитаризация экономики, начало ее глубокой структурной перестройки открывают дорогу реализации нашей стратегической линии в области финансовой политики — линии на разгрузку государственного бюджета от неэффективных расходов.

Уважаемые народные депутаты! Ограниченность времени, разумеется, не позволяет мне мало-мальски систематично изложить нашу точку зрения на основные направления работы правительства. Хочу сказать лишь о главном.

Да, мы прошли очень тяжелые пять месяцев. Да, в этих пяти месяцах была сконцентрирована расплата за целый период нерешительности и безответственности. Да, уже сформировались уникальные предпосылки экономического подъема в России. Мы получили то, к чему страны идут годами. Мы получили возможность провести серьезную, глубокую структурную перестройку экономики на базе крупных дополнительных финансовых ресурсов, несопоставимых сегодня с ресурсами нашего собственного государственного бюджета.

Сегодня Россия имеет шанс войти в полосу экономического подъема. Упустить этот шанс, сорваться, испугаться трудностей было бы, на наш взгляд, преступлением перед Россией. (Аплодисменты.)

Обсуждение доклада «О ходе экономической реформы в Российской Федерации»

*Выступление на заседании VI съезда
народных депутатов Российской Федерации
в прениях*

9 апреля 1992 г.

Источник: VI съезд народных депутатов Российской Федерации. Бюллетень № 7.

Уважаемые народные депутаты! Разумеется, мы, члены правительства, прекрасно сознаем, что, тесно связанные с избирателями, вы, может быть, лучше всех понимаете ту боль, ту тяжесть, с которой идут неизбежные, необходимые, но болезненные реформы. Многие предложения, которые были высказаны в этом зале, лежат в русле программ правительства — в русле того, что мы сами считали бы целесообразным и необходимым делать в ближайшее время.

Разумеется, мы должны создавать основу последовательного снижения уровня налогообложения, хотя путь к этому не прост. Он лежит через сокращение государственных расходов, в первую очередь неэффективных. Разумеется, мы должны разнообразить формы и методы приватизации, потому что загнать этот процесс в жесткое прокрустово ложе нельзя.

Разумеется, мы сами уже решили несколько изменить стратегию размораживания цен на энергоносители, подойти к этому вопросу поэтапно. Да, мы сами считаем необходимым последовательно снижать уровень экспортных тарифов, отказываться от адресного административного квотирования, развивать клиринговые отношения с бывшими социалистическими странами, позволяющие поддерживать объем товарооборота.

Мы считаем необходимым повышать уровень адресности социальной защиты. Возросшие налоговые поступления марта расширяют нашу свободу маневра в этой области. Да, мы согласны с тем, что необходимо ускорить сроки введения в действие законов о медицинском страховании граждан без ломки существующей системы здравоохранения. Необходимо начинать глубокие реформы во всех системах социальной защиты, переходить от пожарных, экстренных мер по сокращению бюджетной нагрузки к последовательному разграничению полномочий между бюджетом Федерации и местными бюджетами, личными средствами граждан и средствами страховых фондов. Это долгосрочная работа, ее, конечно, не выполнишь за несколько недель, но она необходима и должна быть стержнем деятельности любого правительства.

Разумеется, мы согласны с тем, что нужно существенно укрепить управление государственной собственностью в целом ряде отраслей народного хозяйства, в первую очередь в промышленности, укрепить адресное руководство осуществлением реформ. После периода, когда акцент делался на финансовой стабилизации, сделать акцент на конкретных реформах, которые идут на местах, в отраслях народного хозяйства.

Да, мы согласны с тем, что наша политика пока была слаба в отношении региональной спецификации, адресовалась к общероссийским проблемам без учета специфики регионов. И нашу региональную политику, не разрушающую единую российскую экономику, надо будет усиливать.

Вместе с тем хотел бы остановиться на некоторых моментах, которые вызывают у меня недоумение. В первую очередь речь идет о том, что с этой трибуны, на мой взгляд, должны звучать только выверенные цифры и проверенные факты, потому что они адресуются всему народу. И когда говорят о полном провале бюджетной политики правительства в I квартале, просто не хотят узнать факты, посмотреть, спросить в своем же банке, подчиненном Верховному Совету, отчет о кассовом исполнении бюджета. Посмотреть и выяснить, что мы планировали и предлагали Верховному Совету дефицит бюджета на I квартал в размере 1% валового национального продукта, а судя по отчету, он получился в размере 1,5% валового национального продукта. И если это фундаментальный

провал бюджетной политики правительства, то я не знаю, что называть успехом.

Говорят о том, что в бюджете полностью провален баланс доходов и расходов по внешнеэкономической деятельности. Но это, к сожалению, основано либо на непонимании того, о чем идет речь, либо на заведомой дезинформации. С точки зрения бюджета, возможности финансирования оборонных, социальных программ, сельского хозяйства и т. д. имеет значение только одна цифра — это сальдо доходов и расходов от внешнеэкономической деятельности, короче говоря, сколько бюджет от всего этого получил. В бюджет на I квартал по предложениям правительства было заложено сальдо доходов и расходов от внешнеэкономической деятельности в размере 8 млрд руб. По отчетам об исполнении бюджета I квартала, которые нетрудно посмотреть в нашем Центральном банке, выясняется, что реальное сальдо составило 8 млрд руб.

Я не буду дальше останавливаться на подобного рода неточностях. Хочу сказать о другом. Я прекрасно понимаю реальные тяготы, которые в связи с реформой выпадают буквально каждой социальной группе. Но если суммировать весь набор предложений, которые звучали в этом зале, и попытаться воплотить его в жизнь, то он будет звучать примерно так: нужно увеличить военные расходы, расходы на централизованные капитальные вложения, на поддержку агропромышленного комплекса, на централизованную поддержку строительства, на культуру, на здравоохранение, на образование. И при этом снизить налог на добавленную стоимость, на прибыль, подоходный налог и т. д.

Да, можно пойти по этому пути. Вы можете взять и призвать другое правительство и сказать, что нужно так и делать. И все будут довольны. И потом вы будете смотреть, как разваливается рубль, как замыкаются мелкие региональные рынки, как за развалом финансов идет развал российской экономики, как бешено растут цены. Смотреть и думать: а кто же за все это отвечает? И менять, как перчатки, правительства, которые призваны, видимо, за все это отвечать.

Может быть, наше правительство сделало ошибку, создав для себя этакий образ технократов, для которых самое важное — это рынок и бездефицитный бюджет. Я хочу вас заверить, уважаемые народные депутаты, в правительстве собрались люди, которые бо-

леют за Россию, болеют, наверное, вместе с вами. В правительстве собрались люди, для которых и рынок, и финансовая стабилизация — это необходимые предпосылки возрождения России, необходимые предпосылки того, чтобы Россия была открытой миру, процветающей, целостной, потому что без здоровой экономики, целостности Россию нам не спасти. Благодарю за внимание. (Аплодисменты.)

О проекте постановления Верховного Совета Российской Федерации «О вступлении Российской Федерации в Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития и Международную ассоциацию развития»

*Выступление на IV сессии Верховного Совета
Российской Федерации*

22 мая 1992 г.

Источник: IV сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень №59.

Уважаемый председатель, уважаемые народные депутаты! Представленный на ваше рассмотрение документ можно было бы оценить как сугубо технический. Действительно, из него прямо не вытекают какие бы то ни было обязательства нашей страны в отношении прошлой экономической политики, из него не вытекают обязательства каких бы то ни было организаций предоставлять нам какие бы то ни было кредиты. Это нормальное присоединение нашей страны к одной из международных организаций, в которую входят 156 государств, акт, который уже осуществил ряд суверенных государств, сформировавшихся на базе бывшего Советского Союза, после соответствующего решения Совета Международного валютного фонда от 27 марта 1992 г.

Само по себе это накладывает на нас лишь стандартные обязательства по обеспечению экстерриториальности, которые распространяются на все ооновские организации, и обязательства по открытости статистики, которые мы, по существу, сами уже реализовали.

Вместе с тем, конечно, по существу речь идет об очень серьезном, ответственном и важном решении.

Можно по-разному относиться к Международному валютному фонду. Можно критиковать его за попытки единообразить подход к самым разным странам, можно жаловаться на произвол и бездушие чиновников Международного валютного фонда, но нельзя отрицать одного: Международный валютный фонд — это стержень современной мировой финансовой системы, это один из ключевых институтов, решения и политика которого оказывают определяющее влияние на весь ход финансовых процессов в мире. И дело не только в том, что Международный валютный фонд предоставляет крупные финансовые кредиты на уникально благоприятных условиях (долгосрочные и под проценты более низкие, чем где-либо). Дело в том, что позиция Международного валютного фонда и связанных с ним институтов — Международного банка реконструкции и развития, Международной ассоциации развития — оказывает определяющее влияние на решения, принимаемые практически всеми международными экономическими институтами.

Решения группы «большой семерки» всегда в первую очередь базируются на позиции, которую формируют Международный валютный фонд и Мировой банк.

Решения Парижского и Лондонского клубов, определяющих условия рассрочки обязательств по долгам, теснейшим образом связаны с позицией Международного валютного фонда и Мирового банка.

Более того, сами эти институты, по существу, тесно интегрированы с Международным валютным фондом. Переговоры, проводимые Парижским и Лондонским клубами, как правило, проводятся со странами — членами МВФ.

И наконец, частные инвестиции. Ни для кого не секрет, что как бы ни относились в мире к Международному валютному фонду и Мировому банку, но сотрудничество с ними является очень мощным сигналом для частного бизнеса, говорящим о том, что в эту страну можно вкладывать деньги. Каждый доллар кредитов Международного валютного фонда и Мирового банка, как правило, привлекает по крайней мере несколько долларов частных капиталовложений.

Разумеется, сегодня особенно понятны долгосрочные и негативные последствия решения, принятого в свое время, когда наша страна, Советский Союз, стояла у истоков формирования подобных институтов, — решения о том, чтобы отказаться от участия в их работе. По существу, это решение, его влияние на расстановку экономических сил в мире, на принятие решений во всей послевоенной истории сопоставимо, скажем, с таким, как если бы Советский Союз отказался от членства в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций. В результате мы оказались отрезанными от механизма влияния на принципиальные и важнейшие центры международной финансовой политики. Особенно ярко тяжелейшие последствия этого положения проявились, когда зашаталась финансовая респектабельность Советского Союза, когда в прошлом году мы столкнулись с тяжелейшим платежным кризисом, когда параллельно выяснилось, что при всем напряжении усилий мы не можем обслуживать накопившийся и плохо структурированный внешний долг и вместе с тем наша экономика по важнейшим секторам жизненно зависит от бесперебойности поставок целого ряда импортных товаров, в первую очередь зерна.

В этой ситуации невозможность быстро опереться на сотрудничество с такими организациями, как МВФ, Мировой банк, затяжка в связи с этим переговоров с Лондонским и Парижским клубами чуть не поставили нас на грань тяжелейшей катастрофы с продовольствием этой зимой — катастрофы, которая сегодня проявилась, безусловно, в падении поголовья скота. Впрочем, не в такой степени, как это могло бы быть при более тяжелом развитии событий.

Конечно, начинать переговоры с Международным валютным фондом в прошлом году пришлось с гораздо худшей базы, чем та, которая была (не говоря о 1944 г.), скажем, несколько лет назад. Конечно, было очень трудно добиться для России приемлемого, достойного места. Скажем, квота, а это принципиальный вопрос для влияния на процесс принятия решений в Международном валютном фонде. Мы начали процесс переговоров с квоты, которая была на 10% ниже квоты Китая. В результате довольно тяжелых, мучительных переговоров с привлечением дипломатических ресурсов, в том числе высшего уровня, удалось добиться квоты, которая примерно на 25% превышает квоту Китая. Одновременно нам гарантировано членство в Совете директоров. То есть мы вступаем при

тяжелой для себя ситуации, мы вступаем отнюдь не на самых лучших условиях, но все же на условиях, которые дают нам возможность сильной позиции во влиянии на механизм принятия решений в международной финансовой системе. После одобрения этого акта мы перестаем быть только страдающим элементом, только субъектом, с которым ведут неприятные переговоры. Мы начинаем сами влиять на процесс формирования этих переговоров, на процесс формирования позиций этих институтов. И в этом принципиальное значение данного документа.

Разумеется (еще раз подчеркиваю), его одобрение не означает, что мы соглашаемся на какую-то конкретную программу действий и Международный валютный фонд обязуется предоставить нам какие бы то ни было кредиты. Но это открывает для нас достаточно сильные переговорные позиции к тому, чтобы урегулировать проблемы, связанные с нашей задолженностью, для того чтобы добиться благоприятного исхода на переговорах по отсрочке долга Советского Союза, пожалуй, ключевого для нас вопроса, гораздо более животрепещущего, чем даже потенциальные кредиты. Это существенно усиливает наши позиции на переговорах практически со всеми зарубежными партнерами.

Я надеюсь, уважаемые народные депутаты, что вы поддержите данный документ, проголосуете за него и тем самым откроете России дорогу к возвращению в международное финансовое сообщество, к усилению ее влияния на принимаемые в нем решения.

О программе правительства по углублению экономической реформы

*Доклад на IV сессии Верховного Совета
Российской Федерации*

3 июля 1992 г.

Источник: IV сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень №74.

Уважаемые народные депутаты! В соответствии с решениями Шестого съезда народных депутатов правительство представляет проект среднесрочной программы углубления экономических реформ.

Работа над этим проектом началась непосредственно перед съездом. Мы неоднократно обсуждали его на заседаниях правительства, привлекали широкий круг ученых, научных коллективов, специалистов, народных депутатов в том числе, и сегодня представляем проект на обсуждение Верховного Совета.

Мы абсолютно согласны (и только так и представляли себе), что вносим проект для рассмотрения, для подробной, углубленной проработки его в комитетах и комиссиях, для того чтобы потом иметь возможность инкорпорировать в этот документ все разумное, все ценное, все интересное, что будет наработано и депутатским корпусом, и политическими партиями, профсоюзами, общественными движениями.

Мы считаем, что это открытая программа. Она, разумеется, будет служить основой непосредственной ежедневной работы правительства. Уже сейчас она служит ей. На основе ее мы готовим нормативные документы, пытаемся выстраивать подходы в своей стратегии. И вместе с тем это открытый документ. Мы отнюдь не считаем его совершенством. Мы видим в нем много недостатков, много недоработок, которые нам хотелось бы вместе устранить.

Может быть, совместная работа над этой программой могла бы стать шагом к нахождению нового уровня взаимопонимания между правительством и депутатским корпусом.

Теперь несколько слов о том, почему эта программа рождалась так тяжело. Вы знаете наверняка, что на протяжении последних двух с половиной лет в нашей стране было разработано примерно 12 официально одобренных программ углубления экономической реформы. К сожалению, все они, по существу, адресовались только к двум принципиальным проблемам — либерализации и финансовой стабилизации — в разных переборах и компонентах, с разной последовательностью, с разной степенью жесткости.

К тому времени, когда наше правительство приступило к работе, было ясно, что принципиальные вопросы здесь понятны. Важно, кто возьмет на себя нелегкий груз политической ответственности за практическое продвижение по этим путям.

Как раз теперь, когда мы всерьез только и начали реформы, когда вступили всерьез в рынок, запустили рыночные механизмы, возникает другая, неизмеримо более сложная, беспрецедентная задача, при решении которой мы не можем опереться на уже накопленный успешный опыт, — это задача восстановления экономического роста, роста производства в постсоциалистической экономике на основе запущенных рыночных механизмов. И вот эта задача действительно не может быть решена ни просто, ни быстро.

Ни в коей мере не пытаясь, разумеется, сейчас пересказать содержание этой программы (надеюсь, что депутаты с ней внимательно ознакомятся)¹, я хотел бы остановиться на некоторых принципиальных моментах, стержневых идеях, которые положены в ее основу.

В первую очередь для того чтобы решить задачу восстановления экономического роста, подъема производства, необходимо точно и четко ответить на вопрос: а что же, собственно, послужило причиной того глубокого экономического кризиса, того глубокого кризиса производства, через который мы сегодня проходим?

¹ Проект Программы углубления экономических реформ был опубликован в газете «Деловой мир» 14 и 16 июля 1992 г. — *Прим. ред.*

И здесь правильные, но тривиальные ссылки на тяжелое наследие далеко недостаточны. Надо понять причины, механизмы, воспроизводящие этот кризис практически повсеместно: и у нас в стране, и во всех странах СНГ, и в Восточной Европе — независимо от текущих колебаний экономической политики правительств. Ибо экономический кризис, начавшийся в 1989 г. во всем постсоциалистическом регионе одновременно с крушением тоталитарных режимов, явно имеет общие основы, общие причины. И значит, мы должны искать общие пути его преодоления...

Анализ показывает, что в основе этого кризиса — развал традиционного социалистического механизма обеспечения экономического роста.

Тоталитарное государство, имевшее возможность жестко подавлять любые претензии социальных групп на защиту собственных интересов, любые социальные конфликты, национальные конфликты, обеспечивало беспрецедентно высокий уровень налоговых изъятий, аккумуляцию финансовых ресурсов в руках государства и имело возможность на этой основе компенсировать относительно низкую эффективность накопления огромными объемами производственного инвестирования. Именно на основе государственного накопления, налоговых изъятий был сформирован очень мощный инвестиционный сектор, набор отраслей, которые постоянно и в крупных масштабах воспроизводили экономический рост даже в условиях постоянного падения эффективности производства.

С конца 1970-х — начала 1980-х гг. это падение эффективности производства уже перестало перекрываться масштабами накопления. Упали темпы роста народного благосостояния, усилились социальные конфликты. Политические институты утратили способность эффективно подавлять претензии социальных групп. Резко сократилась возможность государства аккумулировать финансовые ресурсы, отсюда кризис всей социалистической структуры накопления. Начиная с 1988 г. в нашей стране государство не сберегало ничего...

Аналогичная ситуация сложилась и в других странах Восточной Европы. Отсюда неизбежный острый кризис всей инвестиционной сферы. Экономика перестала получать ту накачку ресурсами, к которой она привыкла. И наряду с нарастающим старением фон-

дов практически во всех отраслях — от машиностроения до сельского хозяйства — немедленно обостряется тяжелый кризис в тех местах, в тех точках экономики, где крупные капитальные вложения абсолютно необходимы для обеспечения текущего производства, в первую очередь в топливной энергетике. Резкое падение накопления, резкое сокращение капитальных вложений в топливную энергетiku, падение производства топливно-энергетических ресурсов, сокращение их экспорта — вот наша дорога к экономическому спаду.

Одновременно выясняется, что попытки формально поддерживать высокий уровень капитальных вложений, не обеспечивая накоплением, приводят только к острому инфляционному кризису и к автоматическому обесценению формально выделенных финансовых ресурсов.

С включением в действие рыночных механизмов одновременно проявляется и другая сторона кризиса. Выясняется, что мощнейший инвестиционный комплекс, созданный в нашей стране, просто не имеет финансовых ресурсов, обеспечивающих его деятельность. Выясняется, что нет такого спроса ни на массовую машиностроительную продукцию, ни на строительные материалы, ни на общестроительные работы, ни даже на металл.

Острый кризис всей инвестиционной сферы, по существу ее свертывание служит пусковым механизмом к резкому падению общего объема производства.

Для того чтобы восстановить экономический рост, обеспечить его, мы должны решить принципиальную задачу обеспечения накопления. Выясняется, что в постсоциалистической экономике нет нормальных, традиционных для сформировавшегося рынка субъектов накопления.

Кто является этими субъектами в нормальной, рыночной экономике? Первое — государство, обеспечивающее капитальные вложения в инфраструктуру и т. д. У нас, как я отмечал, государство перестает быть субъектом накопления из-за расстройтва собственных финансов и перегрузки текущими расходами.

Второе — предприятие. Но предприятия как раз на стадии перехода к рынку оказываются в промежуточном положении, когда они явно не заинтересованы в долгосрочных капитальных вложениях. Неясно, как в перспективе сложатся отношения собственно-

сти. Органы управления предприятий, трудовые коллективы оказываются ориентированными на сугубо текущие интересы. Если они куда-то и готовы вкладывать, то в первую очередь в создание запасов сырья, готовой продукции, а не делать долгосрочные капитальные вложения.

Третье — население. Это крупнейший во всем мире источник финансирования накопления. Именно здесь мотор рыночного роста. У нас традиционно добровольные сбережения населения были очень низкими, никогда не превышали 3% валового национального продукта. Все остальное — это формальные сбережения. И сейчас этот кризис сбережений проявился. Только сейчас выяснилось, что нет этих крупных сбережений в народном хозяйстве. И их не может быть, потому что крупные сбережения всегда связаны с набором целевых задач: жилище, пенсионирование, здравоохранение, образование, т. е. набор тех сфер деятельности, для обеспечения которых традиционно люди во всем мире сберегают крупные средства. А как-то воздействовать на сбережения простыми, элементарными методами экономической политики невозможно.

И наконец, иностранные капиталовложения. Но иностранные инвесторы никогда не идут и не готовы идти в нестабильную экономику, в экономику, охваченную тяжелым инфляционным кризисом, без конвертируемой валюты.

Таким образом, к моменту развала традиционных механизмов регулирования, запуска рыночных механизмов мы оказываемся в экономике, где нет естественных источников накоплений. И даже если запуск рыночных механизмов дает нам резкий рост эффективности, то при нулевом накоплении любая эффективность накопления не работает, не позволяет нам запустить экономический рост.

Значит, для того чтобы переломить ситуацию, обеспечить экономический рост, нужно решить эту проблему. Что здесь можно сделать? И что правительство считает необходимым сделать в ближайшие годы для того, чтобы запустить механизм роста?

В первую очередь необходимо иметь четкую политику по отношению ко всем субъектам накопления: государству, предприятиям, населению, иностранным капитальным вложениям.

По государству. Необходимость восстановления роли государства как источника накопления смещает акценты в нашей финансовой политике. Для нас на перспективу особенно важен даже не сам по себе дефицит государственного бюджета, важны внутренние государственные накопления, важна разница между объемом капитальных вложений и дефицитом государственного бюджета. Это значит, что особый акцент мы должны сделать на разгрузку государственного бюджета от всех малоэффективных или избыточных, непосильных для страны текущих затрат, в первую очередь затрат на субсидии, дотации. Необходимы сокращение оборонных расходов, свертывание всех недостаточно эффективных, неадресных социальных программ. Только на этой основе, как показывают наши перспективные финансовые расчеты, можно в рамках реально обеспечиваемого уровня финансовых изъятий (а он действительно, я совершенно согласен, никогда устойчиво не может превышать 40–45% валового национального продукта) обеспечить хотя бы минимально необходимый объем капитальных вложений для того, чтобы государство могло финансировать приоритетные отрасли народного хозяйства.

Когда сегодня призывают увеличить капитальные вложения в ту или другую отрасль даже ценой увеличения дефицита государственного бюджета, то ставят неразрешимую задачу, потому что это означает, что мы автоматически обесцениваем те средства, которые сами направляем.

Второе — по отношению к предпринимательскому сектору. Здесь важнейшая задача — максимально быстрый запуск механизмов приватизации, в первую очередь крупномасштабной приватизации. У нас теперь, к счастью, есть утвержденная Верховным Советом программа приватизации. На днях был принят указ президента по ее исполнению, который запустил массовый процесс крупномасштабной приватизации. Теперь это не вопрос инициативы, теперь, для того чтобы превратить, преобразовать предприятия в акционерные общества, запустить процесс корпоративизации, не нужно инициативы, нужно только нормально выполнять принятые государственные документы на основе стандартных процедур.

Разумеется, у нас здесь нет иллюзий. Процесс приватизации нашей экономики будет длинным, он займет годы. Важно как

можно быстрее двинуться в этом направлении. И второе — важно сформировать такую структуру собственности, которая будет генерировать предпринимательские капитальные вложения, предпринимательские накопления. Именно поэтому мы пытались в программе приватизации избежать воспроизводства стереотипов рабочего самоуправления, гипертрофирования роли трудовых коллективов в управлении предприятиями, потому что для нас, для страны принципиально важно, чтобы средствами предприятия распоряжались собственники, ориентированные не только на текущие краткосрочные результаты, не только на средний уровень заработной платы, но и на обеспечение максимальной отдачи от своего капитала, на обеспечение эффективного перераспределения.

Именно поэтому, кстати, мы сделали такой упор на бесплатную, ваучерную приватизацию. Дело в том, что в условиях, когда накопления в народном хозяйстве столь ограничены, попытка вовлечь эти скудные ресурсы целиком в приватизационный процесс, провести целиком платную приватизацию, использовать эти доходы на текущие нужды подрывала бы перспективы нашего развития, подрывала бы возможности инвестировать в развитие приватизированных предприятий. Именно поэтому мы считаем ваучерную приватизацию необходимым компонентом восстановления экономического роста.

Наконец, население. Здесь, я еще раз подчеркиваю, нет простых способов, позволяющих автоматически переломить стереотипы поведения, резко увеличить добровольные сбережения населения. Это основа долгосрочной работы по перестройке всей системы социальной поддержки, социальной защиты. Мы вынуждены будем независимо от собственных пристрастий или приоритетов существенно реформировать всю систему социальной поддержки, с тем чтобы обеспечить ее целевую адресность, внедрить систему ваучеров, позволяющих задействовать рыночные механизмы в предоставлении социальных гарантий, и, наконец, диверсифицировать структуру социальной защиты, сформировать естественные рыночные механизмы, ее обеспечивающие.

Например, естественное направление этой работы — это перестройка системы пенсионирования, создание трехуровневой системы: собственно государственные пенсии, страховые пенсии и

частные пенсии. Перевод пенсионных выплат, которые сегодня как бы являются благодеянием государства, их переоформление как пенсионных облигаций, которые определяют права каждого труженика на получение пенсии, и предоставление ему возможности свободного размещения этих облигаций в государственных и негосударственных пенсионных фондах.

В отношении жилья придется неизбежно изменять структуру жилищного строительства, существенно повышая в нем долю платного жилья. Делать это надо постепенно, это нельзя сделать сразу. Мы предполагаем идти к этому на протяжении 1992–1996 гг., одновременно развивая систему долгосрочного кредитования жилищного строительства, соизмеряя продвижение с реальными возможностями, реальным уровнем доходов населения. Стратегически мы должны решить эту проблему, в противном случае частных сбережений в нашей стране никогда не будет.

Мы, естественно, должны будем идти в направлении страховой медицины, существенного повышения эффективности механизма предоставления страховых услуг и т. д.

Таким образом мы сможем создать предпосылки, позволяющие задействовать традиционные, известные во всем мире стимулы к добровольным сбережениям населения, которые затем перераспределяются системой рыночных институтов в направлении, обеспечивающем наиболее эффективные инвестиции.

Четвертое. Иностранные капитальные вложения. Анализ наших возможностей, перспектив по всем источникам внутренних национальных капитальных вложений показывает, что ситуация в этой области будет предельно напряженной при любой стратегии экономической политики правительства. Нет чудес, позволяющих радикально поправить дело в 1993–1995 гг. Именно поэтому для нас очень важно обеспечить запуск механизмов роста, создав благоприятные условия для привлечения иностранных капитальных вложений.

Это, в свою очередь, накладывает определенные ограничители на нашу внутреннюю экономическую политику.

Во-первых, прямые иностранные капитальные вложения никогда не идут в экономику без устойчивой, как правило, конвертируемой валюты. Обеспечение финансовой стабильности и конвертиру-

емости валюты остается необходимой, важнейшей предпосылкой восстановления экономического роста.

Во-вторых, иностранные капитальные вложения никогда в крупных масштабах не пойдут в закрытую экономику, отгороженную от мирового рынка набором количественных ограничений и высокими экспортными тарифами. Значит, мы должны последовательно снижать уровень закрытости экономики, уровень экспортных тарифов, отделяющих сегодня внутренний рынок от внешнего. Мы предполагаем идти в этом направлении на протяжении 1992–1993 гг., с тем чтобы к 1994 г. в основном устранить барьеры на пути экспорта ресурсов и товаров из России, одновременно создав за это время предпосылки адаптации отечественной экономики к принципиально новым ценовым соотношениям.

Перспективы накоплений в нашей стране и возможности финансирования и развития отечественной экономики заставляют нас очень жестко и четко подходить к выбору структурных приоритетов, к анализу перспектив развития в различных отраслях народного хозяйства.

Во-первых, очевидно, что у нас на протяжении 1992–1993 гг. сохранится существенное ограничение спроса на инвестиционные ресурсы и в связи с этим объем производства не может начать расти раньше 1994 г. Это означает, что мы за это время должны и можем разгрузить и создать предпосылки реконструкции наших принципиальных инвестиционных отраслей. У нас сильно изношенное оборудование в металлургии именно потому, что оно всегда было загружено до последнего предела, именно потому, что мы не могли позволить себе вывести из эксплуатации даже самые неэкономичные, даже самые грязные, даже самые очевидно неэффективные производства в этой отрасли, свернутые во всем мире.

Сейчас их резкое сокращение неизбежно. Долгосрочное сокращение спроса на все конструкционные материалы в нашей экономике на протяжении 1992–1994 гг. позволяет нам сформулировать задачи существенной реконструкции металлургии, вывода изношенных, неэкономичных и неэкологичных производств с одновременным завершением строительства тех производств, которые уже начаты и которые позволяют вывести отрасль на новый технический уровень. В первую очередь, естественно, речь идет о мощ-

ностях по производству холоднокатаного листа, по непрерывной разливке стали.

Второе. На транспорте у нас сохраняется сравнительно долгосрочная разгрузка основных коммуникационных путей в связи с общим сокращением объемов перевозок в народном хозяйстве на 1992–1993 гг., что позволяет нам сконцентрировать усилия на действительно ключевых, действительно самых важных транспортных проблемах, которые у нас сегодня есть. А это проблема выхода страны на внешние рынки. Это в первую очередь проблема сложившейся закрытости страны, утраты Россией портового хозяйства, выхода во внешний мир. На экспортно-импортных развязках мы должны будем сосредоточить свои основные инвестиционные ресурсы, направляемые в транспортный комплекс в ближайшее время, наряду с точечными капитальными вложениями в те отрасли, где транспортные развязки требуют небольших вложений, но позволяют добиться серьезных результатов. Таковы, например, развязки по Кузбассу.

Следующее. Для нас важнейшим является резкое повышение эффективности вложений в сельское хозяйство. К сожалению, все наши расчеты показывают, что решать проблемы подъема сельского хозяйства только на основе резкого роста объема направляемых сюда ресурсов оказывается невозможным.

Мы должны ставить принципиально другую задачу — резкого повышения эффективности этих ресурсов, концентрации их в тех точках, где мы несем максимальные потери. Это в первую очередь хранение сельхозпродукции, переработка сельхозпродукции, несколько важнейших импортозамещающих программ, таких как программа по зерну, подсолнечному маслу, сахару и т. д.

Важнейшей проблемой для нас, для подъема топливно-энергетического комплекса остается крупномасштабное привлечение сюда иностранных кредитов и прямых иностранных инвестиций, потому что никаких внутренних источников накопления не хватит, чтобы перейти на новые месторождения, весьма эффективные с точки зрения среднемировых, но существенно менее качественные с точки зрения внутрироссийских критериев, переход к которым будет определять перспективы добычи на ближайшие годы.

Уважаемые народные депутаты, эта неизбежная архитектура принципиальных структурных проблем экономики существенно

определяет и стратегию внешнеэкономических связей нашей страны. Мы не можем сегодня закрывать глаза на то, что долгосрочный инвестиционный кризис, долгосрочное сокращение спроса на инвестиционные ресурсы требуют от нас максимально энергичных, максимально последовательных усилий, направленных на поиск новых и восстановление старых рынков нашей инвестиционной продукции.

Это в первую очередь рынки Восточной Европы, которые ограничены, разумеется, тем, что сегодня эти страны переживают довольно серьезный инвестиционный кризис, но на них можно выйти и восстановить свои позиции. Это очень потенциально эффективные и потенциально значимые для нас рынки в таких странах, как Китай, которые могут стать важнейшим рынком сбыта для продукции наших основных депрессивных отраслей, нашего массового инвестиционного комплекса, включая машиностроительный комплекс.

Это вместе с тем означает, что важнейшей задачей будет обеспечение благоприятных условий для доступа высокотехнологичной продукции, которую мы сможем получать на основе неизбежной и крупномасштабной конверсии оборонного комплекса, на рынки развитых стран Запада.

Трудности со сбытом продукции внутри страны, которые неизбежно будут носить долгосрочный характер, заставляют нас продумать и разработать схемы создания институтов поддержки отечественного экспорта, в том числе поддержки его инвестиционным кредитованием. У нас есть печальный опыт крупномасштабного кредитования экспорта, который завершился образованием нереализуемых активов бывшего Советского Союза. Но это не значит, что мы должны с водой выплескивать ребенка. Система поддержки отечественного экспорта существует везде. Нам нужно создавать ее снова, деполитизировать, четко коммерчески ориентировать на те проекты, где мы уверены, что займы будут оплачены.

Важнейшей задачей становится и перестройка всей системы институтов, обеспечивающих эффективное перераспределение инвестиционных сбережений и накоплений. Сегодня таких институтов практически нет. Государство как источник перераспределения ресурсов практически ушло с этого рынка, а банковская система не заняла это место. В условиях высокой инфляции и предельно

высокой связанной с этим процентной ставки активность банковской сферы совершенно неизбежно переключается на сугубо краткосрочные, в основном спекулятивные операции. Демонтирована вся структура долгосрочного проектно-ориентированного финансирования. Воссоздание его в том числе с использованием активной государственной поддержки, создание соответствующих институтов долгосрочного кредитования, таких как Российский банк реконструкции и развития, который мы предполагаем учредить, и других институтов, позволяющих одновременно аккумулировать национальные сбережения, поддерживать эффективные долгосрочные проекты и направлять на приоритетные сферы те кредитные ресурсы, которые могут быть мобилизованы на внешнем финансовом рынке, остается важнейшей приоритетной задачей правительства наряду с естественной работой по созданию рынка ценных бумаг, также обеспечивающего эффективное перераспределение ресурсов.

Уважаемые народные депутаты! Тот набор проблем, с которым мы сталкиваемся, на наш взгляд, существенно предопределяет и выбор внешнеполитической стратегии страны. Надо честно и твердо сказать, что мы не сможем решить экономические проблемы, стоящие перед нами, решить проблемы восстановления и роста в обозримой и разумной перспективе, приемлемой для народа, если не обеспечим максимально благоприятные условия доступа российских товаров на мировые рынки, в первую очередь на рынки развитых государств, если не обеспечим в крупных масштабах приток кредитных инвестиционных ресурсов в российскую экономику.

Все это можно обеспечить лишь в том случае, если наши отношения с Западом полностью утратят элементы противостояния, станут подлинно союзническими и партнерскими. Наше правительство неоднократно упрекали в том, что мы «западники», что придерживаемся прозападной ориентации. Я хотел бы сказать, что это так. И мы придерживаемся прозападной ориентации, потому что глубоко убеждены в том, что это единственно разумная политика союзов для России в том положении, в котором она сегодня находится. Это политика, которая отвечает долгосрочным экономическим и политическим интересам нашей страны. Это политика, которая необходима для обеспечения предпосылок ее экономи-

ческого возрождения и обеспечения безопасности в тех регионах и в тех местах конфликтов, которые реально могут возникнуть на наших границах.

Уважаемые народные депутаты! Анализ показывает, что даже при благоприятном развитии событий восстановления народного хозяйства, начала экономического роста, обеспечения экономического роста на собственной основе невозможно добиться быстро, по мановению волшебной палочки. Мы рассчитываем на то, что в 1992–1993 гг. можно радикально поправить ситуацию на потребительском рынке, довести ее до восточноевропейских стандартов, сбить инфляцию, довести ее до приемлемого уровня 3% в месяц, совместимого со стабильностью национальной валюты, обеспечить конвертируемость рубля, существенно, практически полностью приватизировать сферу торговли, общественного питания, бытового обслуживания, корпоратизировать и радикально изменить поведение государственной промышленности, приватизировать до 30% отечественной промышленности; в 1994–1995 гг. на этой базе приступить к работе по крупномасштабной приватизации промышленности и завершить ее, довести уровень приватизированной промышленности до 50–60%, начать глубокие социальные реформы, повысить эффективность всей системы социальной защиты на основе введения ваучеров, пенсионных облигаций, создать предпосылки крупномасштабного привлечения иностранных капитальных вложений в нашу экономику, существенно продвигнуться в реконструкции важнейших больших отраслей народного хозяйства; наконец, с 1996 г., изменив поведенческие стереотипы населения, обеспечив базу внутренних накоплений, восстановив способность государства генерировать развитие, сформировав развитую систему рыночных институтов, обеспечить предпосылки устойчивого экономического роста уже на внутренней, национальной основе.

Да, я прекрасно понимаю — это не благостная картина. Да, я прекрасно понимаю, что хотелось бы добиться всего гораздо быстрее. Да, я прекрасно знаю и понимаю, что наш народ устал от обещаний, от призывов потерпеть, подождать и отложить оздоровление на будущее. Но, к сожалению, это жесткая логика цифр, экономических зависимостей. Обещать большее было бы безот-

ветственно, обещать меньшее означало бы не ответить на вызов времени.

Уважаемые народные депутаты, еще раз подчеркиваю, что представленная программа — это открытый документ. Мы с огромной радостью будем готовы принять любые конструктивные предложения. Мы очень рассчитываем на то, что она будет обсуждена в комитетах и комиссиях, на то, что это позволит нам действительно обогатить ее содержание, сделать более глубокой, более всесторонней, в большей мере отвечающей ожиданиям народа. Благодарю за внимание. (Аплодисменты.)

О социально-экономическом положении в Российской Федерации и ходе экономической реформы

*Доклад на заседании V сессии Верховного Совета
Российской Федерации*

22 сентября 1992 г.

*Источник: V сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень №1.
Стенограмма.*

Гайдар Е.Т., исполняющий обязанности председателя Правительства Российской Федерации.

Уважаемый председатель! Уважаемые народные депутаты! Сегодня я не буду говорить о концептуальной программе реформ в стране, а постараюсь сосредоточиться на той практической работе, которую вело российское правительство в последние месяцы реформирования экономики, создания предпосылок выхода из кризиса и начала экономического подъема.

Прежде всего о состоянии народного хозяйства.

Промышленное производство. Во втором полугодии спад промышленного производства ускорился. Если в январе — июне по сравнению с соответствующим периодом прошлого года производство сокращалось в среднем на 13–15%, то в июле падение производства составило 21,5%, а в августе оно достигло 27%. В целом за 8 месяцев производство снизилось на 16,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

В первом полугодии для промышленных предприятий был характерен инерционный тип развития. Основными факторами снижения объема производства были традиционные: несвоевременная или некомплектная поставка сырья или комплектующих изделий.

Начиная с июля ситуация стала меняться. Все большее значение приобретает платежеспособный спрос. Его снижение определяет и свертывание ряда производств, продукция которых не находит платежеспособного спроса. К числу основных факторов, определяющих объемы и темпы промышленного производства, добавилось изменение системы расчетов за потребляемую продукцию — предоплата.

По предварительным оценкам, падение производства к концу года может составить в целом за год около 20%.

Важнейшим фактором экономических отношений, влияющим на динамику производства, являются цены. Следует отметить, что к середине года выявилась устойчивая тенденция к их стабилизации. Если после майского повышения цен на энергоносители оптовые цены выросли в июне на 35%, то в июле — на 17, в августе — лишь на 13%. При этом в августе относительно «успокоились» даже цены в черной и цветной металлургии, где они до этого очень быстро и динамично росли. Можно предположить, что при предстоящем повышении цен на энергоносители общий рост цен будет сравнительно умеренным, примерно в соответствии с затратами на топливо и энергию в себестоимости продукции.

Необходимость перехода к новым ценам на энергоносители определялась крайне тяжелым финансовым положением предприятий данного комплекса вследствие опережающего роста цен на потребляемые в отрасли материально-технические ресурсы и неудовлетворительного состояния расчетов за используемые топливо и энергию. Тем не менее предприятия топливно-энергетического комплекса по сравнению с отраслями других комплексов промышленности в текущем году работают значительно стабильнее, что создает фундамент нормальной работы всего народного хозяйства.

Указ президента о переходе к новым, регулируемым ценам на энергоресурсы позволит стабилизировать финансовое положение отраслей топливно-энергетического комплекса, более полно обеспечить потребности экономики страны и экспорта.

Продолжается дальнейшее снижение инвестиционной активности в российской экономике. В первом полугодии объем капитальных вложений сократился по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 46%. По предварительным оценкам,

совокупный объем капиталовложений составит в 1992 г. примерно 50–55% уровня 1991 г. В то же время требования предприятий к бюджетным ассигнованиям на капиталовложения в течение года постоянно нарастали. В результате они составят в 1992 г. почти 50% всех инвестиций, что существенно выше рационального уровня. В связи с этим необходима целенаправленная, дифференцированная по секторам экономики с учетом их приоритетности поддержка инвестиционной активности прежде всего за счет внебюджетных источников финансирования.

Проводимая в настоящее время работа по переоценке основных фондов, которая должна быть завершена к 1 октября 1992 г., позволяет существенно расширить возможности финансирования капитальных вложений за счет амортизационных отчислений, переломить тенденцию к снижению инвестиционной активности в народном хозяйстве.

Трудности перехода народного хозяйства к рыночной экономике, огромный рост цен, ослабление хозяйственных связей между предприятиями государств Содружества в совокупности вызвали значительный рост неплатежей в хозяйстве в первом полугодии. Взаимные долги предприятий выросли с 34 млрд руб. на 1 января до 3,2 трлн руб. на 1 июля, т. е. примерно в 100 раз.

Начиная с марта правительство через Центральный банк начало оказывать государственную поддержку хозяйствам путем предоставления кредитов. В соответствии с Указом Президента от 1 июля такая помощь была еще более расширена. Была проведена частичная индексация оборотных средств. В августе Центральный банк провел зачет взаимных требований предприятий. В результате объем неплатежей в хозяйствах сократился до 900 млрд руб. на 1 сентября, или более чем в 3 раза.

В настоящее время решается вопрос, как использовать средства, числящиеся на счете, по зачету. Разовое направление их на расчетные счета предприятий может дать толчок к огромной дополнительной эмиссии денег и резкому ускорению инфляционных процессов. Это было бы опасно.

Выдача кредитов в значительных размерах влечет и рост денежной массы. В целом за год он ожидается в размере 1,4 трлн руб.

Существенное ослабление финансово-кредитной политики, которое началось в мае и продолжалось до августа, к концу этого ме-

сяца заметно усилило инфляционное давление, нарушило сложившуюся в июле–августе тенденцию стабилизации темпа роста розничных цен на уровне 1–2% в неделю, привело к резкому повышению курса доллара по отношению к рублю и резкому ускорению темпов роста розничных цен начиная с последней недели августа. Это свидетельствует о том, что возможности финансового маневра, смягчения финансово-кредитной политики, резкого увеличения объема кредитования в значительной степени исчерпаны. Нам придется существенно ужесточать в настоящее время кредитно-денежную политику для того, чтобы не допустить краха кредитно-денежной системы.

Положение в сельском хозяйстве. В нынешнем году, как вы хорошо помните, прогнозы были довольно мрачными: что сельское хозяйство будет развалено, что сначала не посеем, потом не уберем, а если уберем, то не закупим. Но реальная ситуация оказалась не столь трагичной. Практически по всем сельскохозяйственным культурам посевные площади больше, чем в прошлом году. Правительство приняло ряд мер по организованному проведению весеннего сева и уборке урожая в колхозах, совхозах, крестьянских, фермерских хозяйствах и других сельскохозяйственных предприятиях.

На развитие агропромышленного комплекса выделен 641 млрд руб. бюджетных ассигнований с учетом дотаций и компенсаций в действующих ценах. На текущие нужды выделено 178 млрд руб. льготных кредитных ресурсов. На компенсацию 50% затрат на горюче-смазочные материалы выделено 70 млрд руб. бюджетных ассигнований. Увеличены фонды горюче-смазочных материалов, даны поручения соответствующим службам об их ритмичной поставке.

Созревание хлебов на всей территории страны проходило с задержкой примерно на две недели по сравнению с нормальными сроками. На Северном Кавказе уборка существенно осложнялась дождями. Сейчас нелегкая ситуация на юге Сибири. Пострадали посевы на площади 15,6 млн га, в том числе зерновых — на площади 10 млн га.

Несмотря на это, урожай был значительно больше, чем в прошлом году. По предварительным данным, производство основной продукции растениеводства ожидается в следующих объемах: зер-

на — 96 млн т (это примерно на 7 млн т больше, чем в прошлом году), сахарной свеклы — 29 млн т (на 5,5 млн т больше по сравнению с прошлым годом). Больше, чем в прошлом году, предполагается получить овощей, подсолнечника. Чуть меньше будет урожай картофеля из-за очень тяжелых погодных условий в общественных хозяйствах, но частично это будет перекрыто резким увеличением производства картофеля на участках населения.

В целом по России на 21 сентября зерновые обмолочены на площади 43,3 млн га. Всего намолочено 87,6 млн т зерна, что примерно на 2,5 млн т больше, чем на ту же дату прошлого года. С гектара намолочено 20,2 центнера, это примерно на 4 центнера больше, чем в прошлом году.

Закупки зерна пока составили 17,6 млн т. Хорошо выполнили обязательства по закупкам в Центральном, Центрально-Черноземном, Волго-Вятском районах. Существенное отставание есть на Северном Кавказе, где темпы роста сдачи зерна были существенно ниже, чем в других регионах. Сейчас пока еще отстают юг Урала и Западная Сибирь в связи с тем, что здесь еще не завершена уборка.

Сложнее обстановка в животноводстве. За восемь месяцев текущего года реализация скота и птицы по сравнению с соответствующим периодом прошлого года снизилась на 22%, производства молока — на 17, яиц — на 12%. В общественных хозяйствах существенно сократилось поголовье животных. Только сокращение поголовья коров практически полностью было компенсировано его приростом в личных подсобных хозяйствах населения. Компенсация поголовья птицы, свиней и овец не произошла.

Важнейшие причины сокращения поголовья известны. Это крупный недостаток кормов в прошлом году, связанный с неурожаем прошлого года. С 1 июля сокращение поголовья резко замедлилось.

Сегодня главная проблема животноводства — это острейшая диспропорция в ценах на продукцию растениеводства и животноводческую продукцию. Резкий рост цен на зерно урожая этого года делает производство животноводческой продукции, особенно на крупных комплексах, не имеющих собственной кормовой базы, заведомо убыточным. Здесь придется изыскивать дополнительные ресурсы, потому что мы, разумеется, не можем допустить краха на-

шего промышленного животноводства. Пока правительство предполагает до конца года направить на нужды обеспечения финансовых потребностей крупных комплексов, не имеющих собственной кормовой базы, примерно 38 млрд руб.

Происходит становление нового фермерского уклада в сельском хозяйстве. На 1 сентября у нас существовало 138 тыс. фермерских хозяйств общей площадью 5,8 млн га. Их количество увеличилось за этот год более чем на 100 тыс. Дальнейшее их развитие, естественно, сдерживается ограниченными возможностями государственной поддержки, недостатком кредитных ресурсов, бюджетных ресурсов, которые государство может направить на эти цели.

Пока по состоянию на 1 сентября 1992 г. открыто финансирование на 13 млрд руб. по оказанию государственной помощи крестьянским хозяйствам, это примерно 65% от плановых объемов девяти месяцев. Предоставлены кредиты в размере 31 млрд руб. Предусмотрено направить на строительство объектов социальной и производственной инфраструктуры крестьянских хозяйств не менее 15% государственных централизованных капиталовложений.

Продовольственное снабжение. Возможности обеспечения населения продовольствием в этом году существенно сдерживались падением производства в первую очередь животноводческой продукции. Реализация по импорту примерно на 1,5 млрд долл. продукции сельского хозяйства, в первую очередь таких дефицитных видов, как сахар, который, как известно, Россия всегда в крупных масштабах завозила, и подсолнечное масло, которое мы получали из нынешних государств СНГ, позволила частично стабилизировать положение со снабжением населения этими группами товаров, но оно по-прежнему остается напряженным и отражается в предельно высоком уровне цен на сахар, подсолнечное масло.

По молоку и молокопродуктам и по мясу. С весны начинают сказываться в первую очередь факторы, связанные с ограничением платежеспособного спроса. Резкое его падение в связи с ростом цен при ограниченности платежеспособности населения привело к трудностям в реализации широкого круга видов животноводческой продукции. Ее запасы в торговле, оптовой торговле и промышленности в этом году резко возросли.

В связи с этим мы осуществляем маневр по импорту и резко ограничиваем все, что не предусмотрено контрактами, в частности закупки животноводческой продукции, перебрасывая валютные ресурсы на то, что сегодня предельно важно и дефицитно. Это в первую очередь сахар, подсолнечное масло и до последнего времени это было зерно.

Меры по повышению заработной платы способствовали некоторой активизации покупательского спроса начиная с июня–июля. В июле население приобрело в магазинах товаров примерно на 8% больше, чем в июне.

Сама торговля постепенно становится более свободной. Проводимые нами исследования показывают, что существенно сокращается доля продукции, которую предприятия торговли получают через оптовое посредническое звено, расширяется сеть прямых связей между магазинами и товаропроизводителями. Резко растет доля частного сектора, в том числе частных лиц, в удовлетворении платежеспособного спроса населения.

Важнейшей задачей, которую пришлось решать на протяжении последних двух месяцев, было обеспечение завоза продукции в районы Крайнего Севера, в районы с ограниченным сроком навигации. Впервые мы решали такую задачу в условиях рынка, без традиционных директивных методов и рычагов воздействия, которые позволяли решать ее раньше, поэтому пришлось использовать новые формы. В начале северного завоза возникли сбои. Мы существенно опоздали и в связи с поздним началом навигации, и в силу собственной неорганизованности, в силу того что не с самого начала отработали новые, адекватные изменившимся условиям формы. Тем не менее с июля ситуация здесь существенно улучшилась. Мы выделили 200 млрд руб. льготных кредитов, приняли решение о компенсации получателям 50% стоимости тарифа на перевозку грузов, о выделении для районов Севера нефтепродуктов из госрезерва. Были приняты необходимые организационные меры.

По состоянию на 1 сентября в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности отправлено 44,7 млн т грузов. Заметно улучшилось положение с поставками продовольствия. В июле его было завезено 200 тыс. т, в августе — 720 тыс. т, или в 3,6 раза больше.

Сейчас вызывает озабоченность только поставка в районы восточной Арктики и Чукотки, а также в район Норильска, но правительство принимает меры. Мы достигли договоренности об обмене нефтепродуктами с Канадой, чтобы упростить транспортную схему, урегулировали сложные отношения с Латвией, которая после распада Советского Союза оказалась владелицей традиционно используемого для завоза в регионы нашей Восточной Сибири специального ледокольного танкерного флота, пошли на целый ряд довольно дорогостоящих финансовых решений. В целом, по нашим оценкам, нам удастся обеспечить уровень поставок примерно на 92% по отношению к 1991 г., что позволит поддерживать нормальное жизнеобеспечение в районах Крайнего Севера.

О подготовке к зимнему сезону. Это вторая задача, которую приходится решать в новых условиях, без традиционных способов мобилизации ресурсов. Тем не менее пока здесь ситуация стабильная, не внушает серьезного беспокойства. Запасы топлива у потребителей больше на 1,3 млн т условного топлива по сравнению с прошлым годом, существенно больше запасы коксующихся углей, большие запасы угля, мазута, газа в подземных хранилищах. В основном в установленные сроки проведены ремонт теплосетей, плановый ремонт на электростанциях.

Ситуация с доходами населения и уровнем цен. За год, с августа 1991 по август 1992 г., потребительские цены выросли в 15,6 раза при росте заработной платы рабочих и служащих в 10,6 раза.

Детальный анализ показывает, что в настоящее время подавляющая часть населения сохраняет потребление продуктов питания на приемлемом уровне. В целом уровень потребления населением основных продуктов питания соответствовал в текущем году уровню 70-х гг., т. е. уровню до начала самотлорского периода, после которого он в значительной степени определялся массивными закупками за границей.

Численность населения с доходами ниже порога бедности, оцениваемого к концу первого полугодия примерно в 1200 руб. на человека, составляла около 13 млн. Эта часть населения включает в основном семьи с относительно большим количеством детей и неполные семьи с детьми.

В последнее время в результате ускорения роста денежных доходов произошло смягчение влияния на покупательский спрос первого резкого скачка цен, о чем свидетельствуют данные о соотношении размера дохода в расчете на душу населения и стоимости набора основных продуктов питания, составляющих основу покупок населения. Так, если в декабре 1991 г. стоимость этого набора в среднедушевом денежном доходе составляла 22,4%, а в январе резко возросла до 38,3%, то в июле снизилась до 35,8%.

Начало массовых закупок зерновых культур урожая 1992 г. по ценам, примерно в 25–30 раз превышающим уровень цен 1991 г., с конца августа стало существенно сказываться на уровне отпускных цен на продовольствие. В августе по сравнению с июлем почти в 2 раза выросли цены на продукцию мукомольно-крупяной промышленности (мука пшеничная, ржаная, отдельные виды круп).

Повышение цен на зерно оказало существенное влияние на динамику издержек и соответственно на динамику цен на продукцию животноводства. Таким образом, мы, к сожалению, в настоящее время должны быть готовы к существенному росту цен на продукцию этих отраслей. Как я уже отметил, мы предполагаем выделение дополнительных дотаций на оказавшиеся в наиболее тяжелом положении животноводческие комплексы и, видимо, будем прорабатывать вопросы, связанные с обеспечением хотя бы более плавного роста цен на важнейшие потребительские товары населения — в первую очередь на хлеб и хлебопродукты.

До конца августа происходило «затухание» темпов роста цен в промышленности и на потребительском рынке. В июле цены на промышленную продукцию возросли на 17%, в августе — на 13%. Индекс розничных цен в июне составил 13%, в июле — 7, в августе — 8%. Однако в условиях предоставления предприятиям значительных кредитных ресурсов и быстрого роста денежных доходов населения в последние недели темпы роста цен возросли, что свидетельствует о необходимости усиления антиинфляционной политики.

Серьезнейшей социально-конфликтной проблемой, доставшейся нашему правительству в наследство от предшественников, стала проблема оплаты целевых чеков, чеков «Урожай-90» и задолженности по закупкам урожая 1991 г. В этом году мы пытались пред-

принять усилия, направленные на решение этих проблем. В целом по состоянию на 21 сентября текущего года по всем видам чеков, а также сдатчикам сельхозпродукции реализовано 23,5 тыс. автомобилей, на что израсходовано 5,3 млрд руб., на дополнительную оплату товаров народного потребления еще 721 млн руб. Всего расходы бюджета на эти нужды составили 14 млрд руб.

В настоящее время, учитывая серьезные трудности предприятий автомобильной промышленности, которые вынуждены сами переходить со своими поставщиками на режим предоплаты, Министерство финансов заключило с Волжским объединением по производству легковых автомобилей договор на предварительную оплату за автомобили, выдаваемые владельцам целевых чеков, чеков «Урожай-90», а также сдатчикам сельхозпродукции. На указанные цели Минфином в последнее время перечислено 6 млрд руб. производственному объединению «АвтоВАЗ». Аналогичные договоренности мы выработываем и с другими крупнейшими предприятиями автомобилестроения.

В целом в расчете на весь объем продаж по ранее принятым обязательствам в этом году, по всей видимости, потребуются финансирование из бюджета в пределах 40 млрд руб. Кроме этого мы ведем интенсивные переговоры, направленные на то, чтобы покрыть хотя бы часть задолженности, образовавшейся по чекам «Урожай-90» и по 1991 г., за счет возможных кредитов, предоставляемых зарубежными государствами. Выделены соответствующие лицензии, квоты и кредитные ресурсы Центросоюзу для расчетов со сдатчиками сельхозпродукции.

Государственный бюджет и налоговая политика. Дефицит республиканского бюджета за первую половину 1992 г. составил 101,3 млрд руб., или 7,5% валового национального продукта. Бюджет был практически бездефицитным первые четыре месяца, но затем, с апреля и особенно с мая, произошел резкий рост дефицита, а в июле и августе развитие ситуации с бюджетом становится просто опасным.

По предварительным данным, за восемь месяцев общий объем дефицита бюджета составил около 800 млрд руб.¹ и резко вы-

¹ Видимо, имеется в виду бюджет не республиканский, а консолидированный — всех уровней. — *Прим. ред.*

рос именно в последние два месяца. По сравнению с I кварталом резко увеличилась доля расходов на народное хозяйство в ВВП — на 3%. Расходы социального характера выросли на 1%. На полтора пункта выросли расходы на оборону, выросли расходы на содержание правоохранительных органов.

В настоящее время, как я уже говорил, мы подошли к пределу возможностей дефицитного финансирования. И уже сегодня это очень серьезно сказывается на перспективах нашей валютной, бюджетной и финансовой политики. С сентября правительство принимает меры, направленные на существенное ужесточение бюджетной политики, с тем чтобы резко сократить расходы на финансирование народного хозяйства, снова ввести в разумные рамки расходы на оборону, на содержание органов государственного управления.

Конверсия. Цель нашей политики в области конверсии оборонного комплекса — сохранение ядра научно-технического и производственного потенциала для решения задач в военно-стратегической области; быстрое перепрофилирование освобождаемых от военных заказов мощностей на выпуск необходимой народному хозяйству гражданской продукции; сокращение государственных дотаций и свертывание неэффективных производств и предприятий.

Как вы знаете, производство вооружения в 1992 г. по сравнению с 1991 г. сократилось примерно на 60%. Это было очень тяжелым ударом по широкому кругу предприятий, производивших вооружение, — ударом слишком суровым, если бы не та ситуация, в которой оказалось народное хозяйство. Вместе с тем мы, естественно, начали мобилизовать ресурсы, необходимые для обеспечения работы предприятий оборонного комплекса, и в первую очередь для их перестройки на нужды народного хозяйства.

В целом в текущем году централизованные финансовые ресурсы на конверсию выделены в размере 124 млрд руб. Это бюджетные дотации на содержание социальной инфраструктуры, уникального стандового оборудования. Это внебюджетный фонд содействия конверсии в размере 21 млрд руб. Это пополнение оборотных средств конверсируемым предприятиям и вместе с тем это

77 млрд руб. долгосрочных кредитов на реализацию эффективных программ конверсии оборонной промышленности.

Учитывая специфику некоторых регионов (например, Удмуртия, Тула, Омск, Северодвинск), в которых концентрация оборонных производств особенно велика и их спонтанное свертывание чревато социальными конфликтами, Правительство Российской Федерации разработало специальные меры поддержки конверсии в этих регионах.

На основе анализа представленных и прошедших отбор конверсионных программ наибольший размер кредита (около 60%) направляется для реализации программы «Конверсия — сельскому хозяйству и потребительскому сектору». Перепрофилирование оборонных предприятий на выпуск товаров народного потребления позволит уже в 1993 г. создать дополнительные мощности по производству товаров на сумму 40 млрд руб. в сопоставимых ценах 1992 г.

Значительные кредиты направляются на осуществление программ по развитию гражданской авиации, авиационной промышленности (направление «Конверсия — транспорту и связи»). В программе развития гражданской авиации предусматривается завершение разработки и освоение выпуска нового поколения гражданской авиационной техники типа Ил-96-300, Ту-204, Ил-114, Ту-334, Ан-74, Ан-38 и др.

Использование льготного кредита позволяет начать реализацию программы возрождения российского флота, который после распада Советского Союза в существенной мере оказался ослабленным.

Программа развития средств связи и информатики нацелена на развитие спутниковой связи и телевидения, релейных линий, резкое увеличение производства АТС нового поколения, современных телефонных аппаратов.

Кредитование программ по направлению «Конверсия — медицине» обеспечит уже в 1993 г. рост мощностей по производству медицинского оборудования и лекарственных препаратов на сумму почти 10 млрд руб.

В целом можно сказать о том, что процесс перестройки важнейшего и наиболее передового в российской промышленности оборонного сектора на нужды народного хозяйства в этом году набирает темпы и уже в следующем году мы сумеем обеспечить

существенное ускорение темпов роста производства в этом секторе высококачественной гражданской продукции.

Внешнеэкономические связи. В этом году продолжалось падение импорта и экспорта. По итогам восьми месяцев мы имели положительное сальдо торгового баланса в размере примерно 500 млн долл. До 1 июля эффективность внешнеторговой деятельности существенно снижалась из-за уже заключенных контрактов, пересмотр которых был крайне трудным с правовой и финансовой точек зрения. В связи с этим мы в первом полугодии были вынуждены направить крупные финансовые ресурсы на обеспечение не слишком эффективного импорта, за что нас справедливо критиковали народные депутаты при обсуждении бюджета. Но с 1 июля мы существенно сужаем круг дотируемого импорта, ужесточаем режим импортного регулирования, ввели импортный тариф.

Одновременно принимаем меры, направленные на стимулирование экспорта, ограничение сферы квотирования и лицензирования в экспорте.

В настоящее время ведутся переговоры, направленные на обеспечение возможности доступа России к целому ряду рынков, перспективных для нас. Из них в первую очередь я бы выделил вопросы, связанные с резким усилением позиций России на рынке природного и обогащенного урана, где у нас имеются огромные возможности, связанные в том числе с сокращением потребностей на оборону, где отработаны прекрасные технологии, а себестоимость продукции более низкая (и существенно), чем у всех других поставщиков в мире. В настоящее время мы ведем переговоры по этим вопросам с Соединенными Штатами Америки. Здесь есть позитивные подвижки, так же как и в позиции стран Европейского сообщества.

Важнейшая сфера, где наша дипломатия также должна поддерживать российские внешнеэкономические усилия, — выход на мировой рынок наших высокотехнологичных отраслей (в первую очередь таких, как запуск в космос искусственных спутников с полезной нагрузкой), преодоление ограничений в доступе России к рынку, которые еще сохраняются.

Надо сказать, что в последнее время начали динамично развиваться отношения России с целым рядом очень перспектив-

ных стран — импортеров нашей продукции. В частности, с Китаем объем торговли в этом году мы имеем шанс стабилизировать, а в следующем — резко увеличить. Начали развиваться динамичные отношения с Ираном, в том числе в области ряда потенциально интересных инвестиционных проектов и т. д.

В целом, по нашим оценкам, создание мощных стимулов к экспорту, обеспеченных сегодня либерализацией внешнеэкономического режима, в том числе предельно заниженным курсом рубля по отношению к доллару, позволяет в перспективе надеяться на существенное увеличение (до 5–6 млрд долл. в расчете на год) экспорта продукции высокой степени обработки на протяжении следующих двух лет.

Привлечение иностранных инвестиций. В настоящее время определено около 500 конкретных объектов и предприятий, которые могут быть объектом иностранных инвестиций. По ряду из них заключены контракты, начата проработка технико-экономических обоснований. В числе важнейших я бы отметил контракты, заключенные с крупнейшей американской птицеводческой компанией по размещению двух крупных комплексов для производства бройлеров в Волгоградской области и в Шаховском районе Московской области. В области высоких технологий следует отметить проект производства самолетов Ту-244 на Ульяновском авиационном производственном комплексе «Авиастар» с фирмой «Роллс-Ройс». Отмечу проекты, связанные с привлечением иностранных инвестиций в разработку Удоканского медного месторождения, Озерного месторождения полиметаллических руд, целого ряда золотых месторождений, месторождений нефти и газа на Сахалинском шельфе, а также газовых месторождений в Баренцевом море.

При проработке этих проектов мы в первую очередь обращаем внимание на то, чтобы добиться максимального уровня загрузки национальных предприятий, которые в настоящее время сталкиваются с ограничениями платежеспособного спроса на свою продукцию. В частности, Удоканский и Озерный проекты в принципе позволяют загрузить предприятия Урала, в настоящее время переживающие тяжелые трудности. Проект, связанный с разработкой месторождений в Баренцевом море, позволяет загрузить оказав-

шиеся в тяжелом положении крупнейшие судостроительные предприятия Севера России. И т. д.

О ходе приватизации. Это важнейшая составная часть реформы. К сожалению, здесь у нас ушло довольно много времени на формирование структуры, необходимой организационной и нормативной базы. Сейчас они в основном сформированы и началась резкая интенсификация процесса приватизации — получения заявок на приватизацию, их реализации; резко пошли вверх доходы от приватизации. К началу сентября мы сумели приватизировать примерно 18 тыс. магазинов, предприятий службы быта и общественного питания. Доходы от приватизации к сентябрю превысили 10 млрд руб. При этом в августе рост числа поданных и реализованных заявок составил примерно 40% по отношению к июлю.

Особенно быстро идет процесс приватизации в центральных районах европейской части России, в крупных городах, где сосредоточена основная часть подлежащих приватизации объектов. Это в первую очередь Краснодарский край, Белгородская, Волгоградская, Нижегородская, Пензенская, Пермская, Свердловская области.

Важнейшая работа сегодня — развертывание приватизационных процессов в крупной государственной промышленности. В 1992 г. в открытые акционерные общества предполагается преобразовать 3 тыс. государственных предприятий. В целом же в акционерные общества будут преобразованы 7 тыс. государственных предприятий.

В конце августа началось печатание приватизационных чеков. Разработан жесткий график мероприятий, направленных на четкую реализацию ваучеров, на подключение населения к процессу приватизации. Выдача приватизационных чеков начнется с 1 октября и должна быть завершена к 31 декабря 1992 г.¹

В настоящее время, мне кажется, нам удалось добиться перелома в отношении к так называемой крупной приватизации. Сделано это, несмотря на непрекращающиеся споры о целесообразности

¹ Срок был продлен: хождение ваучеров, учрежденных 14 августа 1992 г. указом президента Б. Ельцина «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации», продолжалось до 1 июля 1994 г. — *Прим. ред.*

и путях крупной приватизации, о правильности и обоснованности определения цены приватизационного чека, о сбалансированности привилегий различных социальных групп в процессе приватизации. В осуществление некоторых из этих направлений мы готовы вносить необходимые частные коррективы. Вместе с тем процесс явно задел социальные интересы населения. Вы знаете, что в программу крупной приватизации были включены 4600 предприятий. Но сейчас в правительство обратились еще 1300 предприятий, которые хотят подключиться к этой программе.

Пожалуй, самым надежным свидетельством того, что нам удалось добиться баланса интересов, является тот факт, что практически нет обращений в правительство со стороны предприятий, которые хотели бы отказаться от приватизации. Напротив, есть противоположные обращения о том, чтобы как можно скорее включиться в реализацию приватизационной программы. Это значит, что сегодня при всей критике, которая есть и которая будет по поводу неадекватности тех или иных конкретных мер, идея о том, чтобы взять обратно выданные приватизационные чеки, явно не получает поддержки.

О социальной политике. Наиболее сложным в области социальной политики, без всякого сомнения, оставалось положение бюджетной сферы, в первую очередь образования, культуры, здравоохранения. Особенно критическим оно было, если помните, в марте, когда денежные доходы работников этой сферы действительно вышли за рамки порога бедности. Однако с марта двукратное повышение зарплаты в этой сфере позволило несколько стабилизировать ситуацию. С 1 сентября, ожидая неизбежного, к сожалению, инфляционного эффекта, связанного с новыми ценами на зерно урожая 1992 г., мы увеличили в полтора раза ставки и оклады работникам бюджетной сферы. Сейчас ведется работа, направленная на формирование единой тарифной сетки в бюджетных отраслях, и мы постараемся снять многие диспропорции, образовавшиеся в оплате труда работников бюджетной сферы.

Вместе с тем надо признать честно, что проблемы здесь (и серьезные) остаются. Определяются они в первую очередь ограниченностью финансовых источников, которыми может распоряжаться в настоящее время государство. Поиск дополнительных источников, в том числе тех, которые упоминались в начале се-

годняшнего заседания, без всякого сомнения, становится важнейшей предпосылкой стабилизации положения в бюджетных отраслях.

Политика правительства на рынках труда направлена на постепенное приведение структуры в соответствие с программой углубления экономических реформ и вместе с тем на разработку и реализацию системы мер по социальной защите безработных. Эта проблема в настоящее время становится важнейшей, очень социально конфликтной и находится под постоянным нашим вниманием. На 1 сентября количество безработных достигло 300 тыс. человек. Пока уровень безработицы невысок, он составляет 0,4% трудоспособного населения. Вместе с тем мы не должны закрывать глаза на то, что уже летом в режиме неполного рабочего дня работала примерно пятая часть всех промышленных предприятий Российской Федерации.

Таким образом, потенциал диспропорций и конфликтов в области занятости накапливается. Наиболее сложная ситуация с безработицей сложилась в Центральном экономическом районе России, не проста она на Северо-Западе, Северном Кавказе, на Урале. К концу 1992 г., как мы предполагаем, численность безработных может составить 1,5 млн человек, или 2% численности трудоспособного населения. Основные центры безработицы будут примерно там же, что и сегодня. Наиболее острой проблема занятости может стать в малых и средних городах, особенно в тех из них, где имеется одно-единственное предприятие.

Естественно, мы учитываем эту проблему, распределяя те финансовые ресурсы, которые выделяем на поддержку конверсии в оборонном комплексе. Ведь потенциально «оборонка» является, пожалуй, наиболее серьезным источником напряженности в области занятости. Вместе с тем разрабатываем программу содействия занятости населения Российской Федерации, предусматриваем практические шаги по ее реализации.

В целом ситуация с накоплением финансовых ресурсов для пособий по незанятости в настоящее время благоприятная, поступления туда растут, и пока они существенно выше потребностей, необходимых для обеспечения выплаты пособий. Вместе с тем мы должны быть готовы к тому, что потребность в финансовых ресурсах, необходимых для реализации целевых программ заня-

тости, которые мы разрабатываем сегодня, программ разрешения кризисных ситуаций в регионах с потенциально резким ростом безработицы, потребует от нас существенной мобилизации таких ресурсов.

Миграционная ситуация. Положение в России существенно усложняется постоянно возрастающим потоком беженцев и вынужденных переселенцев из так называемого ближнего зарубежья. На 1 сентября 1992 г. было зарегистрировано 460 тыс. беженцев. Причем 50 тыс. беженцев было только из Абхазии за последний месяц. Наиболее напряженная ситуация при этом сложилась в первую очередь на Северном Кавказе, в Краснодарском и Ставропольском краях, в Ростовской области. Вместе с тем начинается процесс вынужденного переселения из районов, которые не стали столь критическими точками, однако же в изменившихся условиях становятся крупным потенциальным источником дополнительной миграции в Россию. Вынужденных переселенцев в России сейчас около 700 тыс. человек: 30 тыс. из Казахстана, 13 тыс. из Кыргызстана и т. д.

В настоящее время правительством разработана Концепция миграционной политики России, долговременная республиканская программа «Миграция». Пока, к сожалению, Верховный Совет не принял закон о беженцах, поэтому мы вынуждены были регламентировать положение о беженцах и вынужденных переселенцах временными нормативными актами правительства, которые определяют их статус, возможные льготы.

В соответствии с программой «Миграция» ведется строительство поселков для компактного поселения в Воронежской, Калужской, Псковской и других областях — к настоящему времени развернуто строительство 35 таких поселков. Разработан порядок массового приема мигрантов в условиях чрезвычайной ситуации — его задействовали, когда обострялось положение с беженцами из Молдовы и Грузии. В настоящее время, к сожалению, мы ведем интенсивную работу по подготовке к приему беженцев из Таджикистана, где обстановка очень напряженная.

В целом, по нашим расчетам, нам придется направить в этом году примерно 4,9 млрд руб. на обеспечение финансирования программ, связанных с беженцами и вынужденными переселенцами.

Не буду останавливаться из-за предельно ограниченного времени на комплексе внешнеполитических и оборонных вопросов. Скажу лишь о нашей работе по урегулированию кризисных ситуаций. Как вы знаете, существенным успехом в последние два месяца, когда парламент не работал, была стабилизация положения в Южной Осетии. Здесь удалось добиться создания миротворческих сил, их ввода в регион и практического прекращения огня; начался возврат беженцев в Южную Осетию из Северной Осетии.

Мы выделяем финансовые ресурсы, необходимые хотя бы для проведения минимального объема работ по восстановлению жизнеобеспечения в этом регионе, помощи возвращающимся беженцам. В целом, на наш взгляд, это существенно стабилизировало положение на юге России.

Второй важнейший конфликт, в котором также удалось добиться некоторого прогресса, — конфликт в Приднестровье. В его урегулировании тоже определяющую роль сыграла активная позиция российской стороны, здесь тоже удалось добиться прекращения огня, ввода миротворческих сил (в первую очередь российских), наладить взаимодействие с другими государствами СНГ. И поток беженцев из Приднестровья уже повернулся обратно. Мы и здесь, в Приднестровье, оказываем поддержку в восстановлении нарушенного жизнеобеспечения.

К сожалению, гораздо сложнее обстоит дело с грузинско-абхазским конфликтом. Как вы знаете, в ходе переговоров в Москве было подписано соответствующее Соглашение о путях урегулирования грузинско-абхазского конфликта, создана миротворческая комиссия, и она работает. Удалось в основном развести войска на ключевых участках и добиться прекращения огня.

Вместе с тем в последние дни процесс урегулирования явно затормозился. К сожалению, нам не удастся добиться важнейшей предпосылки для стабилизации положения в этом регионе — обеспечения практической реализации договоренности об отводе грузинских формирований на взаимосогласованные точки на территории Абхазии, с тем чтобы создать условия для разблокирования железной дороги и вывода из района конфликта формирований, пришедших на поддержку абхазцев из Северного Кавказа. Здесь нам, видимо, придется более настойчиво поставить вопрос перед

правительством Грузии о необходимости полного и всестороннего соблюдения тех условий, договоренностей и понимания, которые были, когда мы подписывали соответствующее соглашение в Москве. Без этого ситуация в районе конфликта может обостриться и вновь стать неуправляемой.

Уважаемые народные депутаты! Благодарю вас за внимание и с удовольствием отвечу на ваши вопросы.

О Программе углубления экономических реформ

*Доклад на заседании V сессии Верховного Совета
Российской Федерации*

6 октября 1992 г.

*Источник: V сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень №5.
Стенограмма.*

Уважаемый президент! Уважаемый председатель Верховного Совета! Уважаемые народные депутаты! В начале июля на ваше обсуждение была вынесена представленная правительством Программа углубления экономических реформ. За время, прошедшее с этого момента, было проведено широкое обсуждение представленного документа. Программа обсуждалась в печати, в комитетах и комиссиях Верховного Совета, в органах местной власти, в научных учреждениях. Были сформулированы интересные предложения, замечания. Возникли альтернативные программы, которые предлагали пути выхода из сложившегося экономического кризиса, отличные от тех, которые отстаивает правительство.

Пожалуй, наиболее важными, ценными для нас были замечания, высказанные областными и другими региональными органами власти, — замечания, суть которых в необходимости делегирования прав на места, большего учета специфики регионов России при проведении аграрной реформы, приватизации, жилищной реформы, при решении многих других проблем.

Мы согласны с многими замечаниями, суть которых заключается в том, что недопустимо навязывание сверху темпов и структуры преобразований, недопустимы под прикрытием заботы о сохранении управляемости попытки сохранения старых, сложившихся форм управления, навязывания их регионам.

Очень интересные предложения были сформулированы в плане перестройки системы валютного регулирования, усиления контроля за движением валюты, развития страхования экспорта, а также по целому ряду других конкретных направлений.

Мы, без всякого сомнения, учтем интересные и ценные предложения, связанные с конкретными направлениями структурной политики, путями преобразования промышленной структуры России.

В результате обсуждения нам стало ясно, что по целому ряду направлений Программа углубления экономических реформ нуждается в совершенствовании. Она была дополнена рядом новых разделов, наиболее существенными из которых являются правовое обеспечение реформ, кадровое обеспечение реформ, информационное обеспечение реформ. Были внесены уточнения и в ряд разделов, существовавших ранее.

Разумеется, правительство не ограничивалось все это время работой только над текстом программы. Мы пытались уже сейчас воплотить ее в конкретных документах, в конкретных экономико-политических решениях. Исходя из того, что было написано в программе, подготовлена и представлена на рассмотрение Верховного Совета концепция долгосрочной энергетической политики России. Сейчас завершается работа над программой структурной политики на 1993–1995 гг.; завтра она будет обсуждаться на заседании правительства. Мы вели работу по уточнению конкретных механизмов социальной поддержки, в первую очередь социальной поддержки в бюджетной сфере. Это связано с переходом к единой тарифной сетке для бюджетных организаций, изменением механизма регулирования заработной платы в хозрасчетном секторе.

Вместе с тем я бы хотел сегодня в первую очередь остановиться на тех замечаниях и предложениях к программе, которые носят концептуальный характер, которые, по существу, определяют — каким путем идти России, какую стратегию преобразований выбрать или на что сделать основной упор, в конце концов как определить желаемое будущее России.

Если в связи с этим абстрагироваться от многих предложений, суть которых состоит в том, чтобы улучшить, углубить, усилить и т. д., т. е. состоит из понятий абсолютно правильных, но трудно облакаемых в конкретные управленческие решения, я хотел бы обратить внимание на некоторые принципиальные положения,

прозвучавшие из уст наших оппонентов и в каком-то смысле послужившие консолидации тех сил, политических групп и движений, которые считают целесообразным поиск других, альтернативных путей выхода из кризиса российской экономики по отношению к тем путям, которые предлагает правительство.

Если суммировать эти положения, то суть их состоит примерно в следующем. Почему Россия не Китай? Почему мы не можем использовать вполне успешный, хорошо зарекомендовавший себя на практике китайский опыт постепенного, поэтапного реформирования экономики? Почему мы не можем взять на вооружение двухсекторную систему управления экономикой, когда государственная дисциплина эффективно сочетается с последовательным развитием предпринимательства там, где для этого создались необходимые предпосылки? Почему мы пытаемся сразу разрушить систему государственного управления и на ее месте создать другую, альтернативную систему экономического регулирования, не используя в полной мере то, что у нас есть?

Как экономист могу сказать, что правительство больше всего желало бы, чтобы была возможность реализовать именно такую стратегию управления экономикой, если абстрагироваться от социально-политических последствий. Только хочу обратить внимание наших оппонентов, которые неоднократно обращали внимание на то, что Россия не Польша, на то, что Россия не Китай. Путь к китайской модели лежал через совсем другие ворота. В Китае была сохранена мощная структура авторитарного управления. В Китае любые попытки оппозиции дестабилизировать ситуацию жестко пресекались, в том числе кроваво (события на площади Тяньаньмэнь). В Китае нет разделения властей в условиях неопытной молодой демократии, когда представительная и исполнительная власти еще четко не знают и не смогли определиться при распределении прав и полномочий. Китай не федеративное государство, молодое, только становящееся на ноги, в котором постоянно происходит пересечение уровней компетенции между органами власти регионов, республик и органами власти федерации. Короче говоря, для того чтобы идти по китайскому пути, надо было выбирать другую политическую стратегию. И когда этот парламент, эти депутаты проголосовали в 1990 г. за Декларацию о государственном суверенитете России, я обращаю внимание, что именно тогда они сделали выбор,

который прочно закрыл для нас политическую возможность трансформации нашего общества и нашей экономики по китайскому варианту. После этого разговоры о том, чтобы пойти по китайскому пути развития, носят чисто спекулятивный характер, абсолютно не учитывают реальную политическую, административную, любую ситуацию в стране¹.

В связи с этим приведу ряд конкретных воплощений, так сказать, «китайской идеологии» трансформации нашей экономики как альтернативу тому курсу, который проводит наше правительство.

Первое — это идея о том, что необходимо замедлить темпы приватизации, что приватизацию надо проводить осторожно, постепенно, шаг за шагом, ни в коем случае не форсируя этот процесс. Самое интересное состоит в том, что с этими мыслями выступают, как правило, те самые силы, те самые авторы, которые не так давно упрекали правительство в том, что накануне либерализации цен, за три недели до этого, мы не умудрились приватизировать собственность в России. Теперь нам ставят в вину то, что мы пытаемся добиться в этом направлении серьезного прогресса за три года.

Если бы уважаемые коллеги попросили меня назвать всего-навсего один закон, одно экономическое решение, которое нанесло самый большой вред России и ее экономике за последние десятилетия, я бы назвал, пожалуй, союзный Закон о предприятиях и концепцию полного хозяйственного ведения. Ничего более страшного для экономики, чем то, что у нас есть сегодня в секторе управления предприятиями, придумать невозможно. Мы находимся в ситуации, когда предприятия имеют все права собственника. По большому счету практически вся собственность у нас сегодня приватизирована и принадлежит предприятиям. Они не несут никакой ответственности за эффективность использования собственности, за соблюдение элементарных принципов справедливости и прав при распределении этой собственности.

Тот процесс дикой номенклатурной «прихватизации», который набрал темпы еще в 1990 г., целиком и полностью базируется на этой концепции, потому что она позволяла без всякого контроля

¹ Впоследствии Е.Т. Гайдар уточнил и углубил свою позицию по рассматриваемому вопросу, изложив ее, в частности, в книге «Долгое время». См. данное Собрание сочинений, т. 3, с. 334 — 336. См. также его выступление в Курске 19.01. 1995 г., данный том, с. 281. — *Прим. ред.*

со стороны государства передавать собственность в частные руки на основе создания малых предприятий, передачи им собственности, фондов, имущества, причем по даровым договорам аренды.

Сегодня вопрос о темпах приватизации — это в первую очередь вопрос о темпах упорядочения отношений собственности, о темпах приведения отношений собственности в соответствие с логикой, здравым смыслом и законом, подведения под них какой-то нормальной экономической, правовой базы. Сегодня реформа отношений собственности — это абсолютно необходимая предпосылка минимальной управляемости российской экономики. Поэтому те, кто предлагает затормозить ее, отсрочить, — это люди, которые, по существу, объективно, независимо от их личной честности и личных намерений отстаивают продолжение процесса разбазаривания нашей российской собственности традиционными, хорошо отработанными в 1990–1992 гг. способами, с которыми мы только пытаемся как-то бороться. И без ее приватизации, не проведя кампанию акционирования, которая позволяет четко выявить права, ответственность и сферу компетенции, остановить этот процесс никакая милиция, никакое МВД, никакое Министерство безопасности нам не помогут.

Обращают внимание на то, что государственные предприятия сегодня, по существу, не отделены от государства, на то, что бессмысленно стабилизировать государственные финансы, поправлять макроэкономические дисбалансы до тех пор, пока предприятия четко не отделены от государства, пока есть каналы перелива средств из государственного бюджета, из государственной кредитной системы в предприятия. Ну что же? С этим, без всякого сомнения, можно согласиться. Это серьезнейшая проблема, которая проявилась в этом году, проявилась в том числе в тяжелейшем кризисе неплатежей, существенно подорвавшем эффективность проводимой нами политики.

Эта проблема не была для нас неожиданной. С ней сталкивались практически все страны, переходившие к рынку, пытавшиеся осуществить либерализационные и стабилизационные меры. Это проблема, которая не имеет простых решений.

Что же предлагают наши оппоненты? Предлагается, признав факт неразрывности финансов государства и предприятий, четко определить, на долгий срок зафиксировать, сколько государ-

ственное предприятие имеет право получить у государства. Скажем, 80% фонда заработной платы в первый год, 70% — во второй год, 60% — в третий год. Предоставить им соответствующие кредиты. Зато после этого строго запретить любому министерству под страхом увольнения министра предоставление любых дополнительных льготных кредитов предприятиям. Эта концепция хорошо известна как концепция группы представителей Стэнфордского института, она в последнее время была поддержана и Союзом промышленников и предпринимателей.

Я могу понять, когда с этой концепцией выступают представители Стэнфордского института, не знающие в деталях, как работает российская экономика и как реально строятся отношения между предприятиями и государством. Но когда с этой же концепцией выступают седовласые лидеры директорского корпуса, мне это, право слово, слышать несколько странно. Ведь любому здравомыслящему человеку абсолютно очевидно, что это элементарно — раздать предприятиям полтора или три триллиона даровых гарантированных кредитов. Эта часть программы автоматически реализуется, и последствием ее будет дальнейшее усиление инфляционных процессов. Вся трудность возникает на втором этапе, когда предполагается строго запретить выдачу любых дополнительных кредитов. Посмотрел бы я на министра, который под страхом этого строгого запрета не выдаст кредиты Норильскому комбинату, когда заканчивается срок завоза топлива в Норильск, или атомным электростанциям, у которых отключается связь из-за неплатежей по связи, да и в массе других случаев, которые демонстрируют тесную, неразрывную связь государства и предприятия, еще существующую сегодня. И разорвать их нельзя никакими простыми средствами, их можно разорвать только одним путем: действительно приватизировав предприятия, по меньшей мере акционировав их как можно быстрее, четко отделив то, за что отвечает государство. И уже там, где мы выделяем сферы, за которые отвечает государство, нужно четко определить государственную финансовую дисциплину, включая дисциплину заработной платы.

Следующий вопрос, по которому есть принципиальные споры, — это вопрос о стратегии структурной политики и в связи с этой стратегией — о внешнеэкономической политике.

Пожалуй, самым серьезным обвинением, которое выдвигается в адрес представленной на ваше обсуждение Программы углубления экономических реформ, является то, что она, по существу, ориентирована на превращение России в сырьевой придаток Запада. Нас ругают за то, что, создав благоприятные условия вывоза топливно-сырьевых ресурсов за рубеж, доведя цены на энергию до мирового уровня, мы тем самым обрекаем на гибель собственную национальную промышленность, обрекаем свою страну на роль этакого Кувейта в мировой экономике. В связи с этим предлагается сохранить на долгий срок заниженные цены на топливно-сырьевые ресурсы, оградить обрабатывающую промышленность высоким частоколом импортных тарифов, постоянно подкачивать ее финансово на основе обильных вливаний из государственного бюджета, тем самым воссоздав ту обстановку постоянной ресурсной подпитки оборонного и обрабатывающего секторов, которая существовала на протяжении предшествующего периода.

Во-первых, правительство отнюдь не предлагает (и из программы это достаточно четко понятно) немедленного открытия нашей экономики, доведения цен на топливно-сырьевые товары до мирового уровня. Именно очевидные соображения, связанные с необходимостью защиты нашей обрабатывающей промышленности, и заставляют нас быть осторожными в снятии количественных ограничений на вывоз сырьевых товаров, сохранять по крайней мере на ближайшие два-три года экспортные тарифы на вывоз сырья и топлива и вводить систему импортных тарифов, которые защищают отечественную обрабатывающую промышленность. Короче говоря, мы отнюдь не предлагаем с завтрашнего дня в полной мере открыть отечественную экономику и дать погибнуть обрабатывающей промышленности.

Но вот дальше уже начинаются вопросы стратегии: на что же мы всерьез собираемся ориентироваться? Так или иначе в силу транспортных факторов, ограниченности пропускной способности портов у нас неизбежно и всегда будут относительно дешевые природные ресурсы. У нас неизбежно и всегда будут в связи с этим относительно благоприятные условия для создания мощной, конкурентоспособной собственной обрабатывающей промышленности. Все наши прогнозы показывают, что долгосрочная ставка на вывоз, скажем, топливно-сырьевых ресурсов из России бесперспективна.

Резкое удорожание их добычи может сделать вывоз нефти нерентабельным в течение следующих пяти лет.

Единственно возможная стратегия — это действительно ставка на обрабатывающую промышленность, на создание для нее плацдарма, с которого она может наступать на мировые рынки. Вопрос в том, как создавать этот плацдарм. Жестко огораживая ее импортными тарифами, не давая возможности столкнуться с реальной конкуренцией? Так она никогда не завоюет рынок. И как только у нас реально иссякнут экспортные запасы нефти, выяснится, что нам просто нечего экспортировать и не на что жить в этом мире.

Единственно возможная стратегия здесь — это стратегия наступательная, это стратегия поддержки ориентированного на экспорт прорыва нашей экономики на целый ряд рынков, где она имеет благоприятные возможности для этого. Это рынки металлургического оборудования, оборудования для энергетики, атомного машиностроения, точного машиностроения, ракетной техники и т. д.

Но для всего этого мы должны четко представить себе, что единственно возможная здесь стратегия — это стратегия открытой рыночной экономики. В противном случае за забором протекционистских барьеров мы создадим убогую, материалоемкую, отстающую и, по существу, не работающую на благо человека обрабатывающую промышленность.

Несколько слов о конкретных направлениях работы, по которым мы считаем необходимым подготавливать меры по практической реализации реформ. Первое из них — это стабилизация положения в промышленности и начало реализации уже осмысленной, рыночно ориентированной стратегии структурной перестройки российской экономики. Здесь, в программе, на мой взгляд, довольно бесспорно выбраны приоритеты, во всяком случае, в ходе дискуссии они не были оспорены практически никем. Вопрос в том, как их подкрепить практической работой, как обеспечить ресурсами.

Важнейшая проблема здесь — это финансовое обеспечение структурной перестройки. Прекрасно понимаем, что структурная перестройка требует денег, соответствующего набора инструментов и рычагов, без них все разговоры о структурной перестройке будут бесплодными. Именно поэтому мы, разрабатывая программу структурной перестройки, в первую очередь проводили анализ финансовых возможностей реализации тех приоритетов,

которые, мы считаем, необходимо достигнуть, анализ инвестиционного потенциала предприятий, анализ возможных позитивных последствий резкого увеличения объема амортизационных отчислений, которые произойдут в связи с индексацией стоимости основных фондов, возможностей, которые создает привлечение прямых иностранных капитальных вложений, иностранных кредитов. Мы предполагаем, что, собственно, бюджетное финансирование структурной перестройки должно быть ограничено предельно узким кругом важнейших направлений и объектов, в первую очередь тех, где мы не можем изыскать альтернативные источники финансирования. Это, разумеется, социальная сфера, это Чернобыль, это программы, связанные с повышением плодородия почв, это в первую очередь набор сельскохозяйственных программ. В остальных областях, в том числе в металлургии, в развитии российских портов, в топливной энергетике, в конверсии, мы в первую очередь будем опираться либо на собственные ресурсы предприятий, либо (как в случае с конверсией) на кредитные ресурсы.

Важнейшее, серьезное направление структурной перестройки — это, без всякого сомнения, конверсия. В этом году мы выделили в общей сложности 77 млрд руб. льготных кредитов на осуществление конверсионных программ. И надо сказать, что хотя и медленно и тяжело, но эти вложения все-таки начинают давать отдачу. Уже в августе, несмотря на продолжающийся тяжелейший промышленный кризис, падение производства по широкому кругу видов продукции, в первую очередь по оборонной технике, появились первые признаки оживления производства как раз в тех отраслях, которые наиболее тесно связаны с конверсией. Признаки оживления появились в производстве стиральных машин, пылесосов, велосипедов, мотоциклов, фотоаппаратов, радиоприемных устройств, видеомagneтофонов и т. д., в производстве всей этой сложной бытовой техники, которое является одним из приоритетов конверсии. Первые неустойчивые признаки перелома, которые я никак не хотел бы переоценить (и просто даже не хотел бы здесь тешить себя иллюзиями), с июля, кажется, начинают обозначаться.

Если нам удастся закрепиться на этих рубежах (а мы надеемся, что нам удастся это сделать), выделить в следующем году на осмысленные, недорогие конверсионные проекты еще 160 млрд руб., то, видимо, уже в 1993 г. реальным станет увеличение объема

производства товаров народного потребления в военно-промышленном комплексе до 84%, т. е., по существу, удастся радикально развернуть этот комплекс от производства оборонной техники к работе на нужды людей, к производству технически сложных товаров длительного пользования, к работе на нужды фермеров, на нужды сельского хозяйства, топливно-энергетического комплекса и транспорта.

Разумеется, очень тяжело будет решить какие бы то ни было проблемы, если не удастся стабилизировать положение в энергетике.

Продолжающееся падение добычи нефти является, к сожалению, тяжелейшим фактором, который будет действовать и в 1993 г. независимо от предпринимаемых усилий и политических маневров, потому что он, этот фактор, технологически задан предшествующим дефицитом капитальных вложений в отрасль, сократившимся объемом бурения, резко усложнившимися условиями эксплуатации, не компенсированными притоком соответствующих финансовых ресурсов.

Здесь основные приоритеты, которые правительство пытается и будет пытаться реализовать, — это начавшееся уже сейчас развертывание широкого круга проектов по повышению эффективности нефтепереработки, чтобы, сохранив тот же объем перерабатываемой нефти, получить существенный прирост выхода нефтепродуктов. По нашему расчету, реализация начатых сегодня и обозначенных проектов позволит увеличить выход нефтепродуктов на 13 млн т.

Это также стабилизация добычи газа, в том числе с широким использованием кредитных ресурсов иностранных капитальных вложений для освоения Надым-Пур-Газовского районов и района полуострова Ямал.

Направлены усилия на стабилизацию добычи угля в первую очередь в Кузбассе на основе сооружений, необходимых транспортных развязок, консервации старых и освоения новых шахт.

Это наиболее срочные, экстренные мероприятия. С точки зрения стратегии мы убеждены в том, что России никогда не нужен будет тот уровень энергопотребления, который существовал у нас в 1990 г. Это был беспрецедентный уровень энергопотребления,

демонстрировавший крайнюю утяжеленность и неэффективность нашей экономики.

По нашим прогнозным расчетам, при любых темпах роста народного благосостояния тот объем энергопотребления и в быту, и в сельском хозяйстве, который был в 1990 г., никогда, по крайней мере до 2010 г., нам просто не нужен будет.

Сейчас возможность снижения энергопотребления связана с начавшейся серьезной структурной реконструкцией, сокращением производства военной техники, свертыванием неэффективных инвестиционных проектов. Связанное со всем этим снижение энергопотребления позволяет нам существенно развернуть наши приоритеты в среднесрочной перспективе по отношению к энергосбережению, к резкому повышению эффективности использования всех видов энергии. Именно это является стержнем той энергетической программы, которая представлена на ваше рассмотрение.

По аграрному сектору. Критика проводимой здесь правительством политики была, пожалуй, наиболее жесткой, наиболее сосредоточенной. Частично мы с вами согласны, потому что она определяется не нашими стратегическими приоритетами, а объективным и резким дефицитом финансовых ресурсов, которые мы можем направить на обеспечение существенных позитивных сдвигов в аграрной сфере.

Программа правительства (если прочитать ее мало-мальски непредвзято) не предполагает немедленной ставки исключительно на фермерское хозяйство, не предполагает какого бы то ни было объявления войны общественным формам ведения хозяйства в аграрной сфере. Мы прекрасно понимаем, что формирование развитой фермерской структуры сельского хозяйства займет годы. И хотя этот процесс идет сегодня довольно динамично, на протяжении ближайших двух-трех лет именно существующие сельскохозяйственные предприятия останутся основными производителями сельскохозяйственной продукции.

И вместе с тем надо сказать, что уже именно на этих предприятиях при всех серьезнейших проблемах обозначаются сдвиги в отношении к результатам труда, урожаю, его сохранности и т. д. Это просто естественное следствие заработавшего рубля, ужесточившихся бюджетных ограничений.

В области сельского хозяйства нашим приоритетом является дальнейшее завершение рыночно ориентированной перестройки системы заготовок сельхозпродукции. Мы прекрасно понимаем, что та система, которую мы использовали в 1992 г., — с обязательными поставками сельхозпродукции — далеко несовершенна и отнюдь не является триумфом рынка. Это был временный, подстраховочный механизм, который мы хотели использовать для того, чтобы подкрепить начавшие действовать рыночные механизмы. В 1993 г. мы предполагаем уйти от обязательных закупок сельхозпродукции, перейти к нормальной системе контрактации, к системе фьючерсных сделок, ограничить сферу федеральной ответственности по закупкам в основных вывозящих районах, резко расширив автономию местных органов власти в регулировании закупок на территории регионов.

Что касается ресурсной поддержки, то здесь наши основные приоритеты те же, что и в приватизационной программе: это в первую очередь преодоление тяжелейшей зависимости российского народного хозяйства от импорта зерна, на что потребуются, к сожалению, годы и серьезные усилия, направленные на повышение эффективности зернового производства; достижение серьезных сдвигов в самообеспечении растительным маслом и сахаром. Именно эти программы наряду с программами решения важнейших социальных задач на селе являются стержнем того, что предлагает делать правительство.

Уважаемые народные депутаты! После столь глубокого выступления президента я бы не хотел пытаться нарисовать целостную картину того, что собирается делать правительство в экономической сфере, как оно конкретно будет решать задачи экономической политики в том случае, если вы поддержите представленную на ваше рассмотрение программу. В конце концов, надо сказать, что президенту и вам, народным депутатам, решать, какое правительство дальше поведет страну, какое правительство будет реализовывать жизненно необходимые меры по выводу российской экономики из кризиса. Я хотел бы лишь просить вас: в любом случае, независимо от всего трезво подходить к объективным проблемам, которые стоят перед нашей страной, которые, к сожалению, не решаются сменой правительства, которые все равно придется решать органам власти, у которых нет простых отгадок, простых,

популярных и легких отгадок; помнить о том, что стратегия создания открытой миру, многосекторной, быстро структурно реформируемой экономики с постепенно восстанавливающейся способностью к внутреннему финансированию капитальных вложений, экономическому росту, по существу, сегодня объективно не имеет альтернативы. И это, пожалуй, самый существенный вывод, который (если посмотреть опять же непредвзято) можно сделать из той дискуссии, которая на протяжении последних двух месяцев велась вокруг Программы углубления экономических реформ.

Спасибо.

Промышленность и реформа

*Выступления перед руководителями
предприятий Уральского региона*

18–19 ноября 1992 г.

Опубликовано в NEWSLETTER журнала «Евразия». 1992. №8. (Текст публикации подготовлен на основе выступлений Е.Т. Гайдара перед руководителями предприятий в Екатеринбурге, Челябинске и Магнитогорске.)

Резкое сокращение возможности осуществлять инвестиционную деятельность было явлением совершенно неизбежным. Этот фактор наряду с резким сокращением оборонных заказов поставил колоссальную часть тяжелой промышленности России, сконцентрированную на Урале (и не только здесь), на грань финансового кризиса и остановки.

Что касается конверсии, вы, конечно, понимаете, что, если бы была хоть малейшая возможность проводить ее постепенно, в более мягкой форме, так и надо было бы делать. Но в нынешних условиях, если на Россию (это все-таки половина экономики Союза, а не вся), находящуюся в тяжелейшем кризисе, возложить тяжесть всей советской военной машины, она просто не выдержит, подкосятся ноги. Есть ведь ограничения — чего-то делать нельзя: перестать платить офицерам нельзя, перестать кормить солдат нельзя, прекратить хоть как-то субсидировать образование, здравоохранение нельзя. Мы давно привыкли к тому, что бóльшая и лучшая часть нашей экономики и науки работала на оборону, здесь, на Урале, это особенно хорошо знают — на оборону работали лучшие мозги и лучшие кадры, но это же нам абсолютно не по силам. Ну не может страна жить соперничеством со всем остальным миром. Мы ведь действительно в военной доктрине исходили из противостояния всему миру — и воевать, и выиграть войну, ну какая экономика это выдержит?

Поэтому, как ни тяжел этот путь, его надо было пройти, и резкое сокращение расходов на оборону — абсолютная необходимость.

Мне кажется, что в деле конверсии и приспособляемости оборонных предприятий нижняя точка кризиса пройдена. Почему я так думаю? Во-первых, потому, что в 1993 г. не будет сокращения оборонного заказа. Мы вышли на уровень 1992 г. и немножко его увеличили, процентов на десять, именно для того, чтобы поддержать те технологии, где дальнейшее сокращение равносильно прекращению производства. Во-вторых, этот оборонный заказ довели до предприятий более или менее своевременно, в сентябре. Все правительственные решения давно приняты, оборонный заказ по всем видам вооружений давно сформирован. Может быть, Министерство обороны еще что-то хочет получить, но это уже из области мечтаний, а не правительственных решений. В-третьих, предприятия уже в значительной степени сориентировались, нашли свои ниши в конверсионных программах, и теперь главное, что надо делать, — это смотреть, как разумнее использовать оборонный комплекс, как деньги потратить эффективнее, что даст большую отдачу, послужит толчком к дальнейшему развитию, чтобы не утратить достигнутый технологический уровень, чтобы не разменять его на производство кофемолок, на несопоставимо более низкой по технологии продукции.

Сегодня мы как раз обсуждали на электромеханическом заводе один из таких проектов, который позволит задействовать потенциал оборонной промышленности Урала — создание крупного уральского концерна по производству телевизоров, кинескопов, лазерных дисков и проигрывателей на основе как отечественных возможностей, так и кооперации с зарубежными партнерами. Программа, которую мы, без сомнения, поддержим, потому что она позволяет использовать ископаемые ресурсы, технологические возможности, рабочую силу, кадровый и научный потенциал Урала.

По нашим расчетам, и на Урале, и в целом по России оборонная промышленность в 1993 г. начнет восстанавливаться и расти, потому что оборонный заказ уменьшаться не будет, а производство товаров народного потребления уже сегодня растет. Много серьезных проблем возникло в связи с задержкой открытия кредитов, с тем, что мы отработывали систему кредитования, здесь много серьезных недоработок и у правительства тоже, но главное, что ме-

шает, — этот иждивенческий тон: дайте, выделите, спишите. Надеются, что откуда-то свалятся ресурсы, которые позволят ничего не менять. Уже ясно, что придется менять, и менять кардинально.

По проблемам, связанным с управлением экономикой и управляемостью экономики.

Я, по-моему, раз десять в разных местах говорил, что никто из нас никогда не объявлял рынок целью, как и смена формы собственности, разумеется, не цель. Цель у нас одна — сформировать высокоэффективную, динамично развивающуюся, работающую на человека российскую экономику. А все остальное — средства, которые удачно или неудачно используются для достижения этой цели. Можно спорить о том, правильно или неправильно что-то делается, в той ли последовательности, но относительно цели нет никаких споров.

Есть споры о масштабах государственного регулирования... Я бы так сказал: есть два типа регулирования. Первый из них — судорожные попытки восстановить отдельные элементы старого, традиционного механизма управления экономикой. Но та система была в высшей степени целостной и внутренне логичной, она не восстанавливается фрагментами. Как только из нее начинаешь выдергивать отдельные кусочки, которые кажутся применимыми сегодня, сразу же выясняется, что их восстановление немедленно приводит к восстановлению всей иерархии управления: обкомов партии, аппарата насилия и устрашения, системы распределения, идеологического давления, жесткого контроля за заработной платой — всего того, от чего мы уходим. Другое дело, что мы только сейчас начинаем формировать систему управления экономикой в условиях рынка — систему нормальных, во всем мире работающих рычагов, с помощью которых государство действительно управляет рыночной экономикой. Это система инвестиционных кредитов, система поддержки экспортных производств, льготное кредитование экспорта, селективная экспортно-импортная политика, антимонопольные меры...

Можно, конечно, нас упрекнуть в том, что не занимались этим раньше. Но вспомните на секунду ситуацию в России в конце прошлого года, когда мы пришли. Полностью деморализованный союзный центр, гулкие кабинеты союзного Госплана, в которых никто уже не работает, а если чем и заняты, так это созданием под

себя разных коммерческих структур, абсолютно проваленная работа по бюджету 1992 г., отсутствие в России какого бы то ни было управления ведущими отраслями, всем блоком отраслей, которыми управляли союзные структуры (вы прекрасно понимаете, что Россия никогда не управляла своей экономикой). Предстоял резкий переход в совершенно другое измерение, к строительству нового государства, у которого нет границ, армии, таможни, четкого и понятного определения гражданства, системы внешнеэкономического регулирования — какая там таможня, какие границы! Не говоря уже о том, что менялось радикально само содержание работы предприятий... Неизбежный прыжок в неведомое. Будучи реалистами, мы понимали — на формирование инструментов управления потребуется какое-то время. Не то, чтобы мы год назад считали, что управлять рынком в принципе нельзя и не нужно, а сейчас от этих взглядов отказались. Не потому, что на нас давят, мы изменили свою позицию. Нет, мы ее не изменили. Изменилась сама ситуация, которая сегодня и требует, и дает возможность реально рынком управлять, влиять на его формирование. Так что и здесь я не вижу больших разногласий между правительством и теми из руководителей, которые такого регулирования требуют и ждут.

Тяжелейший вопрос сегодняшнего дня — **о социальной инфраструктуре, о социальной составляющей реформы**, ее цене, которую платит народ. Трудный вопрос для жизни предприятий, для жизни территорий. На мой взгляд, эта проблема из тех, которые не имеют простых лобовых решений. Я уже говорил сегодня на «Уралмаше», что попытки переложить на население все расходы по жилью немедленно приведут к социальным обострениям, протестам, а в экономическом плане просто провалятся, люди откажутся платить за жилье. Надо постепенно наращивать условия платности жилья, постепенно увеличивать долю квартплаты в семейных бюджетах (в цивилизованных странах она равна 20–30%, а у нас — 1,5%). Но это задача на годы, а не на месяцы и не на дни. В течение нескольких лет придется выходить на уровень 15–20%.

Что можно сделать сегодня, как снизить бремя, которое несут предприятия по содержанию ведомственного жилья? Мы обратились с предложением в Верховный Совет, я надеюсь, что он нас в этом поддержит, — единственно разумный выход состоит в предоставлении местным органам власти права взимать дополнитель-

ные налоговые платежи на прибыль предприятий в размере до 5%. Местные власти смогут применять это право селективно в зависимости от того, в какой мере предприятия готовы содержать свою социальную сферу и имеют финансовые возможности выплачивать налоги в бюджет. Другими словами, когда акционированное предприятие решением акционеров «сбрасывает» социальную сферу, у местных органов власти появляется возможность получить средства для того, чтобы эта сфера все-таки жила.

Чудес не бывает, по-другому не получится, так или иначе нужно финансировать социальную сферу из прибыли предприятий.

К тому же с 1 января мы существенно ослабляем налоговое бремя. Во-первых, снизится ставка налога на добавленную стоимость с 28 до 20%, на продовольственные товары она снижается до 10%. Кроме того, с 1 января освобождается от налогов та часть прибыли предприятий, которая будет направлена на инвестиции, в расширение производства, поддержание социальной сферы и т. д. Для защиты от инфляции предусмотрена также индексация тех средств, которые предприятия накапливают для проведения модернизации.

Очень трудная проблема — заработная плата. Очевидно, что сложившиеся диспропорции несправедливы, крайне социально конфликтны и ведут к нестабильности общества. Надо что-то делать. Но что? Лобовые попытки заморозить зарплату опасны. Они кажутся возможными и терпимыми, пока дело не дошло до вашего предприятия. Тут терпимость кончается. Все разговоры с директорами о том, что надо что-то делать с зарплатой, с инфляцией, кончатся одним — просьбами отменить ограничения. С 1 января, кстати, минимальная заработная плата будет не 900 руб., а 2250 руб. Это, конечно, тоже мало. Ограничения встречают сопротивление прежде всего в тех отраслях, где выплаты велики. Попытка заморозить и тем более снизить заработную плату неким единым, универсальным государственным решением будет принята в штыки. Ведь каждое предприятие, каждый коллектив убеждены: где-где, а у нас-то все правильно, мы-то получаем заработанное, по труду, не то что другие...

Мы неоднократно обсуждали возможность введения инструмента типа абалкинского налога на прирост заработной платы¹. И после долгих колебаний решили этого пока не делать. Есть основания считать, что это приведет к обострению социальных конфликтов, волне забастовок, шантажа, мощному давлению на правительство со стороны жизнеобеспечивающих отраслей и новой спирали в гонке зарплаты и цен. Начнется новая лавина исключений из правил, из которой мы не выберемся, потому что, допустив одно исключение, вы никогда не объясните, почему не делаете других.

По-моему, можно использовать два реальных рычага. Первое — это увеличение нормативов налогообложения заработной платы, превышающей минимум в какое-то определенное число раз. Ну, скажем, не четыре минимума, но за восемь минимумов платите хотя бы 50% этой суммы в бюджет.

Регулировать ценами? А у многих есть возможность еще увеличить цены?

Есть и другой путь. Обычно в цивилизованном мире подобного рода проблемы, относящиеся к зарплате и ценам, регулирует не правительство, а предприниматели на основе официальных и неофициальных, формальных и неформальных соглашений между собой. Правительство США не занимается проблемой — как отрегулировать среднюю заработную плату в разных отраслях американской экономики. Но предприниматели, синдикаты, корпорации, банки, фирмы эти вопросы координируют. Для них не является главным вопрос — как вывести свою заработную плату выше других. Более того, если предприниматель так себя ведет, его в приличное общество не пригласят на чашку кофе. Короче говоря, если сами предприятия и отрасли займутся налаживанием взаимодействия, мы это будем только приветствовать. Должны быть договоренности о правилах игры в области цен и заработной платы, иначе предприятия сами себе и друг другу перекрывают кислород, препятствуют наступлению оживления в экономике. Другое дело, что правительство может вам помочь организовать, помочь расчета-

¹ «Абалкинский» налог (назван народом по имени тогдашнего вице-премьера академика Л.И. Абалкина) вводился с IV квартала 1989 г. и должен был снизить заинтересованность предприятий в повышении зарплат. Однако он не сработал, и с конца 1990 г. был отменен. — *Прим. ред.*

ми, статистикой, экспертами. Но тяжесть этого вы должны разделить с нами.

Теперь **о кризисных проблемах**, которые не очень понятно, как решать, — это прежде всего проблема переработки сельхозпродукции и пищевая промышленность. Парадоксальнейшая складывается ситуация: мы в крупных масштабах, десятками миллиардов дотируем мясо и молоко на федеральном уровне. Но дальше-то что происходит! Согласен, сельское хозяйство в тяжелейшем положении, закупочные цены предельно занижены, потому что, если они не будут занижены, будут повышены цены на хлеб, молоко, мясо. Население страдает, государство дотирует цены, но сельское-то хозяйство не получает ничего! Зато замечательно живут переработка сельхозпродукции, мясокомбинаты, хлебозаводы, овощебазы. Здесь рекордная заработная плата, высочайшая рентабельность, блестящие перспективы. А продуктов в магазинах нет, сельское хозяйство разоряется.

Здесь, разумеется, надо в полной мере использовать возможности, которые дает закон о монополистах, потому что речь идет о самом беззащитном и лобовом злоупотреблении. Возможности борьбы с монополизмом далеко не исчерпаны, но эта борьба должна вестись местными органами. Не из Москвы же по всей стране ревизоров посылать. И местная администрация должна получить все необходимые права, чтобы разобраться с этим. Ограничить уровень рентабельности этих предприятий, ввести санкции, налоги и прочее, укоротить их аппетиты можно.

Здесь ставили несколько конкретных вопросов, например о ситуации с шерстью в нашей текстильной промышленности. Ситуация тяжелая, что и говорить. В нашей легкой промышленности серьезный кризис. Он одинаково тяжел и для производителей, и для предприятий перерабатывающих... Но я бы предпочел избегать таких простых решений, как введение дотаций. Если вы требуете дополнительную дотацию на шерсть — скажите, какой налог и на кого мы должны ввести, чтобы эти миллиарды собрать. Что — НДС увеличить? Или на прибыль? Или акцизы? Каковы источники этих дотаций?

Я убежден, что проблема главным образом возникла потому, что многие предприятия не ищут возможностей нормальной работы в новых условиях. Не ищут, ждут. Нам говорят, что все комбинаты

стоят. Да не все! Есть предприятия, которые получили сертификат качества мирового уровня, активно работают на внешних рынках, выбирая между далеким американским и близким европейским, и на восток посматривают. Сами решают проблемы закупки шерсти внутри страны, создают собственную торгово-закупочную сеть, не дают возможности перекупщикам наживаться на своей нерасторопности и неразворотливости, занимаются рекламой. Есть такие предприятия. Конечно, это гораздо труднее, чем кричать: это проклятое правительство нас всех разорило, пусть вернет нам миллиарды... Конечно, это требует гораздо большей работы, сноровки, сил, но и отдача другая.

Более тяжелая проблема — обеспечение хлопком текстильных комбинатов. Связана она с резким ростом цен. Правильно тут говорили, что даже бинты становятся разорительны для медицины. Нам предлагают хлопок по мировым ценам. Мы же пытаемся решить проблему путем организации бартерной торговли с Узбекистаном и Туркменией. Закупки хлопка будем дотировать в основном за счет нашего экспорта нефти в эти республики.

Еще одна проблема — расчеты между странами Содружества и особенно проблема расчетов с Украиной.

Часто слышишь жалобы — вот платежка, выписанная на Украине, средства поступили в Центробанк России, а он не пропускает.

Что это на самом деле означает? Мы вошли в 1992 г. с уникальной экономикой, в которой каждое государство бывшего Союза могло путем несложных манипуляций соткать из воздуха такое количество рублей, какое ему хотелось. Между 1 января и 1 июля единственным сдерживающим фактором были моральные соображения. Скажем, «нарисовать» рублей больше 100 млрд как-то неприлично.

Кого-то эти соображения сдерживают в большей степени, кого-то в меньшей; некоторые «нарисовали» денег столько, сколько смогли. Мы не очень говорим об этом, чтобы не вызвать финансовой паники, но на самом деле между 1 января и 1 июля любая из республик могла запросто развалить финансовую систему. Мы, разумеется, знали об этом, потребовалось время, чтобы так организовать финансовую систему России, чтобы защитить себя от подобного развития событий.

Но 1 июля мы в значительной степени отделили свой рубль от других, российский — от стран СНГ. Российский рубль стал реаль-

ностью, потому что бесконтрольная эмиссия рубля уже невозможна. Для того чтобы другие республики могли переводить деньги в Россию и из России, они должны теперь иметь корреспондентские счета в российском Центральном банке и операции будут производиться в пределах сумм, имеющих на этих счетах.

Они могут выписать сколько угодно миллиардов, сто или триста, но, если денег на их счете нет, платежка не пройдет. Чтобы оплачивать торговлю Украины с Россией, надо что-нибудь продать России.

Проблему расчетов с Украиной сейчас во многом развязали, предоставив Украине крупный кредит под заключенные уже федеральной контрактной корпорацией договора о поставках в Россию в 1993 г. Первоочередные платежи на 127 млрд руб., которые Украина считала для себя важнейшими, она оплатила. После этого было принято решение о введении национальной украинской валюты. Что означает это для наших предприятий? Ситуация с неплатежами становится более понятной и реалистичной, у нее появляется решение. Возникает курс украинского купона к нашему рублю. Украинские предприятия смогут покупать рубли, наши — купоны, открывать друг у друга счета, с этих счетов проводить платежи. Но важно понять, что сегодня это другое государство со своей валютой.

Мы будем переходить в торговле с Украиной к международным ценам, не форсируя ситуацию. Если у предприятия есть нормальные взаимовыгодные отношения с украинскими партнерами, то и слава Богу. Я имею в виду не стратегические товары. Если не о них речь — ваше дело, как вы ими торгуете. Стратегические лицензируются, и цены на них контролируются государством. Ограничения пока не жесткие, но уровень цен будет, конечно, постепенно подниматься.

Ответы на вопросы

Вопрос: — *Почему продолжает расти аппарат? Насколько вырос аппарат и когда этот рост прекратится?*

Ответ: — Аппарат вопреки тому, что пишет уважаемая мной пресса, не увеличился, а сократился. Он сократился примерно на 40% — аппарат, управляющий российской экономикой.

Сокращены девять министерств, которые управляли оборонными отраслями промышленности, одиннадцать министерств, управлявших гражданскими отраслями промышленности. Сегодня все

это вместе — пять комитетов по промышленности и общая их численность примерно в 5 раз меньше, чем тех министерств, которые раньше занимались этой работой. Там, где раньше сидела тысяча чиновников, сегодня — сто. Предполагаем еще сократить процентов на десять в ходе нынешней реорганизации.

Но есть ряд структур, которые действительно очень быстро и очень динамично растут. В первую очередь это Государственная налоговая служба. Мы действительно впервые за последнее десятилетие (она существовала раньше) создаем налоговую службу. И сегодня она занимает примерно треть расходов на содержание органов управления. Растет таможенная служба, создается миграционная с качественно новыми задачами. Растет численность правоохранительных органов — МВД, прокуратуры, судов, следственного аппарата. На этом мы стараемся не экономить. Резервы для сокращения есть еще, надо посмотреть оставшиеся от прежних государственных структур многочисленные ассоциации и корпорации. Они сидят в бывших министерских зданиях, живут сдачей помещений и теми средствами, которые им даете вы, предприятия. Это вы их кормите — это ваша проблема. Если они вам нужны — пусть будут. Некоторые из них полезны, большинство совершенно бесполезны, но их судьба в руках не правительства, а тех, кто их создавал, — предприятий.

Вопрос: — *Прокомментируйте заявление академика Арбатова по «Радио Свободы», что нынешнее правительство страны скрывает темпы инфляции.*

Ответ: — Ну что ж... Правительство не скрывает реальные темпы инфляции. Мы в этом совершенно не заинтересованы, считаем сами существующее положение с инфляцией предельно опасным и возникшим не по нашей вине. Главное, чем мы занимаемся, — это пытаемся объяснить, что, если не принимать достаточно жестких мер по борьбе с инфляцией, она действительно очень быстро развалит всю финансовую систему. Ситуация с инфляцией следующая: темп ее был предельно высоким в январе (рост оптовых цен — 30–40%), затем темп роста цен замедлился до июля–августа, в июле мы вышли на высокий по мировым стандартам, но уже на что-то похожий индекс инфляции. Со второй половины августа началось резкое ускорение темпов инфляции, связанное с повышением цен на энергоносители и новыми закупочными ценами на

продукцию урожая 1992 г. Это совпало с большими суммами выданных кредитов, взаимных зачетов долгов, резким ослаблением кредитно-денежной политики. Все это привело к резкому росту денежной массы. Она росла примерно на 20%, а тут подскочила до 25. И инфляция примерно так же. Темпы роста потребительских цен, которые показывает Госкомстат, мне кажутся действительно заниженными, но правительство не контролирует Госкомстат. А цены действительно взлетели вверх, в октябре уже на 25–26%. Ситуация очень высокой инфляции определилась. Мы принимаем меры, чтобы ужесточить денежную политику, сократить расходы бюджета, притормозить эмиссию. Летом были неизбежные расходы, связанные с кредитованием сельхоззакупок, северным заводом. Теперь мы стараемся сократить расходы бюджета и темпы роста денежной массы. Ситуация стабилизируется. Месячный бюджет мы сейчас сводим с плюсом, но существует временной сдвиг в 2–3 месяца между ужесточением финансовой политики и инфляционными процессами. Если мы будем твердыми, темп инфляции снизится где-то к февралю.

Вопрос: — *Вам не кажется, что вы проводите приватизацию неолевшевицкими методами?*

Ответ: — Нас обвиняли в задержке приватизации, теперь в поспешности. «Это совершенно немисливо, да как же это можно так быстро и с наскоку, надо переждать, постепенно... вас не поддержат, народ отвернется». И что же? Подано на 2,5 тыс. заявок на приватизацию больше, чем мы предполагали. Я считаю — главный результат работы за последние три месяца состоит в том, что случаи, когда директор просит исключить из программы приватизации его предприятие, являются абсолютно единичными.

Идет совсем другой процесс: вот сегодня мы были на заводе, которому приватизация запрещена. И вопрос был один: почему мы не можем приватизироваться? Мы хотим стать акционерным обществом! Поэтому упреки в неолевшевицизме я категорически отметаю.

Вопрос: — *Когда будет повышена стипендия студентам?*

Ответ: — Она повышается с 1 декабря этого года.

Вопрос: — *Когда будет повышена зарплата преподавателям вузов?*

Ответ: — С 1 декабря в соответствии с единой тарифной сеткой она будет резко, скачкообразно повышена. Что касается дальней-

шего роста, она будет повышена тогда, когда Верховный Совет найдет источники финансирования Закона «Об образовании».

Вопрос: — *Когда будет решена проблема материальной базы вузов?*

Ответ: — Эта проблема входит в число приоритетов 1993 г. наряду с образованием, детским питанием, дошкольными учреждениями, но надо трезво представлять себе, что вряд ли в будущем году начнется расцвет вузов.

Вопрос: — *Какие цели преследует правительство, допуская необоснованное падение курса рубля?*

Ответ: — Действительно, стабилизация национальной валюты — важнейшая задача правительства и Центрального банка. Но давайте разберемся. Курс национальной валюты определяется двумя основными параметрами. Первый — это внутренняя денежная политика и то, насколько активно государство использует печатный станок, чтобы разрушать собственную национальную валюту. Второй — какие есть валютные резервы, насколько работает валютный рынок. С точки зрения второго фактора нам действительно удалось добиться некоторых результатов. В январе у нас был валютный микрорынок. Общий оборот его составлял 18 млн долл. Можно было говорить, что это искусственно маленький рынок, что он ничего не отражает, но он был такой. Сегодня валютный рынок уже очень серьезный механизм, через него в месяц проходит 600 млн долл. и соответственно сотни миллиардов рублей. Сегодня рынок явно отражает спрос и предложение. И все перекладывается на первый упомянутый нами фактор: каково предложение национальной валюты на этом рынке? Предложение национальной валюты определяется тем, какая проводится в стране денежная политика. С января по май проводили жесткую денежную политику. В результате у нас произошло резкое увеличение реального курса рубля. Номинальный курс рубля к доллару вырос с 231 до примерно 110 руб. за доллар, а реально он повысился примерно в 12 раз. После этого из-за серьезного ослабления денежной политики была выброшена огромная денежная масса, которая оказалась на валютном рынке. Нам часто говорят: предприятиям так трудно, давайте дадим им новые кредиты, в том числе для пополнения оборотных средств, это оживит экономику. Но надо трезво представлять себе, что в условиях существующего Закона о банках и банковской деятельности правительство не имеет инструментов отследить целевое выпол-

нение этих кредитов. И наш печальный опыт показывает, что примерно треть этих кредитов сразу, не залеживаясь ни дня, поступает на валютный рынок и сбивает курс рубля. Поэтому, если мы хотим окончательно развалить валютный рынок, надо приступить к щедрому кредитованию. Давать крупные кредиты от души — на переоснащение, на образование, на строительство вузов, на жилищное строительство, на здравоохранение — ну, тогда курс будет и тысяча, и тысяча двести к одному, и все будет мало, потому что цены немедленно полезут вверх за курсом.

Я убежден, что главное, что нужно делать, — это переломить крайне неблагоприятную динамику денежной массы. Связь тут прямая: насколько с июня по ноябрь вырос объем денежной массы, ровно настолько упал рубль по отношению к доллару.

К сожалению, у правительства много обязательств по долгам прежних правительств — союзных, российских: чеки «Урожай-90», беспроцентные целевые займы... Мы предусматриваем средства для выполнения этих обязательств, но все это вместе вырастает в сотни миллиардов рублей. И тоже влияет на курс рубля.

О Программе неотложных мер по оздоровлению экономики

*Выступление на V сессии Верховного Совета
Российской Федерации*

26 ноября 1992 г.

Источник: V сессия Верховного Совета РФ. Бюллетень №24.

По поручению Верховного Совета правительство подготовило Программу неотложных мер по оздоровлению экономики, рассчитанную на конец текущего и I квартал 1993 г. Должен сказать, что это не альтернатива среднесрочной программе реформ, а ее конкретизация по времени и по тем проблемам, которые остро встают перед нами накануне 1993 г.

За последнее время появился целый ряд программных документов Гражданского союза, Группы экспертов президента, Высшего экономического совета, Оргкомитета съезда товаропроизводителей, академических институтов. Поэтому в процессе работы над правительственной программой мы пытались максимально учесть все позитивное, что было наработано в этих программных документах. По инициативе Гражданского союза была создана совместная экспертная группа, которая интегрировала наиболее ценные идеи, заложенные во всех программных разработках.

Результатом этого стало появление согласованного раздела, в котором дается оценка хода реформ, определены основные цели программы и главные направления неотложных антикризисных мер.

Разумеется, с самого начала нашей совместной работы было оговорено, что правительство не пойдет на соединение несовместимых подходов, что есть принципиальные положения экономической политики правительства, отступить от которых мы считаем невозможным.

Первое. Мы глубоко убеждены в том, что сегодня не только неконструктивно, но и опасно пытаться решить острые экономические проблемы реставрацией традиционных моделей прямого адресного регулирования и распределения ресурсов: обязательные государственные заказы, планы прикрепления, фонды, наряды.

Сегодня, пусть пока еще не очень устойчиво, удалось сформировать принципиально иную, рыночную систему взаимосвязей, что проходило для предприятий очень тяжело, с большими потерями, и попытка разрубить проблемы по-живому, снова вернуться к старому, не подкрепленному к тому же необходимой правовой базой, стало бы просто серьезным дестабилизирующим фактором и только ухудшило бы положение в стране.

Второе. Мы категорически против идей, связанных с возможностью оживления экономики за счет массивной инфляционной накладки ничем не обеспеченной денежной массы.

Подобного рода попытки предпринимались во многих странах и даже у нас. Опыт показывает, что это приводит только к одному — резкому усилению инфляционных процессов, ускорению роста цен, обострению социальных диспропорций.

Третье. Мы не согласны с идеями о необходимости и возможности стабилизации экономики на основе широкомасштабного замораживания цен и заработной платы.

В нашей реальной сегодняшней ситуации это практически привело бы к восстановлению дефицита и диспропорций на всех видах рынков и к необходимости вновь распределять дефицитную продукцию, т. е. к попыткам реставрации той же самой административно-командной системы.

Мы также не считаем, что необходимо и возможно решать серьезные валютные проблемы страны на основе введения принудительно низкого курса для экспортеров, который по существу означал бы лишь дополнительный налог на те сектора экономики, которые зарабатывают для нас валюту, причем в том числе на такие, в росте экспорта которых мы максимально заинтересованы, — на обрабатывающую промышленность.

Вместе с тем есть целый ряд направлений экономической политики, по которым, мне кажется, нет принципиальных разногласий между правительством и конструктивными силами общества.

По тем направлениям, по которым нам договориться удалось, мне представляется, можно вполне конструктивно сотрудничать.

Это необходимость сохранения в процессе структурной перестройки кадрового научно-технического потенциала нашей промышленности и эффективная поддержка важнейших производств. Это курс на создание эффективной структуры собственности путем приватизации, демонополизации и поддержки предпринимательства. Это создание рыночных структур и институтов экономического регулирования. Это адресная помощь неимущим, поддержка бюджетных сфер, меры против безработицы, преодоление диспропорций в оплате труда, сдерживание ее хаотического роста в ряде отраслей. Это стимулирование производственных инвестиций как централизованных, так и децентрализованных, неинфляционное восстановление инвестиционного спроса. Это социальная экспортная переориентация промышленности, особенно ее оборонных отраслей. Это укрепление налоговой и бюджетной дисциплины, финансовая стабилизация, укрепление национальной валюты. Это стимулирование экспорта и импортозамещающих производств. Это регионализация реформ, реальный процесс переноса центра тяжести на места. Это защита российских национальных, в том числе экономических, интересов во внешней политике и прежде всего в отношениях со странами ближнего зарубежья.

Именно эти основные направления вошли в программу антикризисных мер. Теперь я бы хотел остановиться на основных целях, которых, мы считаем, возможно добиться в течение четырех месяцев, а также на приоритетных направлениях в политике, которые позволят этого достичь.

Первое. О целях. Экономическое положение остается крайне сложным. Хотя в октябре и сентябре темпы падения промышленного производства чуть снизились по сравнению с августом, они остаются высокими. И было бы наивно надеяться на то, что можно за четыре месяца восстановить экономический рост, обеспечить увеличение объемов производства.

Также неоправданной была бы попытка обещать немедленно остановить рост цен, снизить инфляцию за эти месяцы. К сожалению, резкое увеличение объема кредитования, рост денежной массы дали импульс к мощному всплеску инфляции во второй полови-

не августа. И, несмотря на все предпринимаемые усилия, сдержать ее пока не удастся.

Поэтому на ближайшие четыре месяца важнейшими целями должны быть три. Первая: существенно снизить темпы падения производства. Вторая: затормозить темпы инфляции, довести ее до уровня, существовавшего в июле–августе, и стабилизировать на этом уровне. И наконец, третье. Главное. За четыре месяца мы можем и должны добиться перехода кризиса нашей экономики из общего в структурный. Сформировать такие точки и очаги роста, где начнется реальное увеличение производства, а их отрасли станут локомотивом для последующего экономического оживления.

Когда мы говорим сегодня о кризисе нашей экономики, об общем крутом падении производства, надо вспомнить, в какой структуре экономики мы жили, причем жили не только в последнее время, а формировали ее 75 лет. Вспомним, еще сегодня в России больше танков, чем во всех остальных странах мира, вместе взятых. Еще совсем недавно мы не только производили больше стандартных вооружений, но и покупали их больше, чем все страны, которые можно было считать нашими потенциальными противниками.

Мы были абсолютными рекордсменами по объему рытья котлованов и т. д. Такая структура экономики, повернутая от человека, его потребностей, не может существовать, потому что она просто не нужна.

Поэтому наша задача не восстановить, не дай Бог, объем производства в том же виде и в той же структуре, в которой он существовал в 1989 г. Это не стабилизация экономики, а лишь реставрация ненужной, милитаризованной структуры.

Наша задача состоит в том, чтобы высвободить и использовать эти ресурсы на радикальную структурную перестройку, чтобы экономика повернулась к нуждам человека, а также на создание динамичных экспортно-ориентированных отраслей производства.

В этом году мы сократили производство (я говорю не о производстве, а о закупках из государственного бюджета) танков в 34 раза, боевых машин пехоты — в 18 раз, полевой артиллерии — в 33 раза.

Разумеется, эту перестройку, демилитаризацию экономики можно было растянуть на больший срок. Сначала производить,

например, <танков > в 3 раза больше, чем Соединенные Штаты, потом в 2,5 раза, потом в два и т. д. Но мы решили, что лучше пойти на разовое резкое сокращение оборонного производства, выделив при этом крупные ассигнования на содержание социальной сферы конверсируемых отраслей, на компенсацию заработной платы, на конверсионные программы, на перераспределение высококачественных, лучших в стране ресурсов на гражданские нужды. Но следует сказать, что на фоне целого комплекса кризисных факторов, начиная с задолженности предприятий и падения импорта и кончая развалом Союза и кризисом в торговле со странами СНГ, все-таки главным катализатором общепромышленного кризиса и падения производства в нынешнем году стало резкое сокращение оборонного производства. За этим тянется цепочка связанных производств — это и наиболее качественная металлургия, и потребляемые в ней ресурсы, и качественная химия, и многое, многое другое.

Сегодня нижняя точка падения в основном кризисообразующем секторе — оборонном.

Мы не собираемся сокращать в 1993 г. закупку вооружений. Уже удалось стабилизировать производство вооружений, и, по прогнозам, можно увеличить в будущем году объем их экспорта. К тому же буквально сегодня начинают работать крупные конверсионные программы. С сентября приостановился процесс падения производства невоенной продукции в оборонном комплексе, а по некоторым важнейшим видам продукции начался его рост. Именно этот процесс структурной перестройки и роста производства невоенной продукции в нашем военно-промышленном комплексе и должен стать стержнем структурной перестройки народного хозяйства на ближайшую перспективу. Именно здесь мы можем мобилизовать те ресурсы, которые позволят создать предпосылки экономического подъема.

Уже сегодня появились, пусть пока слабые, признаки структурной перестройки. Наблюдается довольно быстрый рост производства новых видов продукции потребительского сектора, выпускаемой в основном в военно-промышленном комплексе. Скажем, в этом году за 10 месяцев производство морозильников выросло на 41%, кухонных комбайнов — на 26, видеомагнитофонов — на 30, электромиксеров — на 31% и т. д. В машиностроении появился рост

спроса на целый ряд видов продукции, которая необходима для технического перевооружения. Например, возрос спрос на доменное и сталеплавильное, химическое, криогенное оборудование, на ряд других видов продукции.

Закрепить именно такую динамику — это и есть важнейшая задача, которую необходимо решить в следующие четыре месяца.

Что для этого необходимо сделать?

Первое — это создать источники, позволяющие финансировать структурную перестройку экономики. В этом году резкое сокращение инвестиций, в том числе финансовых источников, способных обеспечивать инвестиции, стало серьезным фактором, усугубившим падение объема производства. В значительной степени это было неизбежно. Ведь в основном инвестиции вкладывали в большое количество строек, которые мы вели десятилетиями, что никак не вписывается в рыночную экономику. Необходимо было появление новой структуры инвестиционного спроса, новой структуры проектов, которые уже выживают в принципиально изменившихся ценовых соотношениях, институциональных условиях. Сейчас эти предпосылки созданы. Значит, надо создавать соответствующие финансовые предпосылки, позволяющие осуществлять инвестиции.

Что здесь предполагается сделать?

Первое — резко расширяются возможности финансирования производства за счет амортизационных отчислений. Обесценение амортизации в этом году резко сократило инвестиционные возможности предприятий. На 1 октября мы произвели оценку основных фондов и приняли решение о регулярной переоценке основных фондов, которая позволит защитить от инфляции амортизационные фонды предприятий, создать надежный собственный источник инвестиционных проектов.

Второе. С 1 января 1993 г. от налогов освобождается прибыль, направляемая на техническое перевооружение, реконструкцию, расширение действующих мощностей, в социальную сферу. Это создает достаточно мощный дополнительный стимул направления собственных средств предприятий именно в те проекты, которые они считают эффективными.

Чтобы эти меры смогли действительно способствовать оживлению инвестиций, а не стали источником уклонения от уплаты на-

логов или не ушли на необоснованное увеличение заработной платы, мы предлагаем с 1 января ввести достаточно жесткую систему контроля за целевым расходованием средств, освобождаемых от налогов и направляемых на инвестиции. Это выделение специальных счетов и четкий контроль за тем, чтобы прибыль направлялась на инвестиции и освобождалась от налогов только в том случае, если предприятие в полной мере использует собственные амортизационные возможности финансирования капитальных вложений. Это должно позволить уже в начале 1993 г. существенно увеличить объем собственного финансирования предприятиями инвестиционных проектов.

Опыт показал, что уже в этом году важнейшей проблемой для финансирования проектов является отсутствие надежных долгосрочных кредитных ресурсов, которые можно использовать не для спекулятивных краткосрочных операций, а для долгосрочного инвестиционного финансирования. В условиях высокой инфляции, неопределенности коммерческие банки, как правило, не склонны предоставлять долгосрочные кредиты ни под какие проценты. Да и, собственно, уровень номинального процента таков, что использовать соответствующие кредитные ресурсы для разумно окупаемых проектов предельно сложно.

Поэтому для оживления производства становится все более очевидной необходимость формирования государственно поддерживаемой системы долгосрочного инвестиционного кредитования. Что в связи с этим предполагается?

Первое. Расширить сферу долгосрочного инвестиционного кредитования, которое идет через государственные каналы. Мы предлагаем, и это отражено в бюджетном послании, которое сегодня президент направил в Верховный Совет, выделить в следующем году в общей сложности примерно 500 млрд руб. на инвестиционные кредиты, половину из них направить на конверсионные программы, а остальные — на другие потенциально эффективные инвестиционные проекты в народном хозяйстве. Уже в этом году опыт показал, что система конкурсного отбора, привлечение банков к анализу проектов, необходимость четких гарантий возврата займов привели к резкому улучшению качества проработки программ, которые мы финансируем сегодня по конверсионной линии. Сейчас надо это закрепить и распространить на всю область

инвестиционного кредитования. Тогда мы не будем кредитовать долгострой, а только быстро окупаемые проекты структурной перестройки, где небольшие вложения в оборудование позволяют использовать уже имеющиеся мощности, потенциал кадров.

Кроме того, мы считаем необходимым и прорабатываем в настоящее время с Центральным банком вопрос об изменении норм регулирования резервных требований к коммерческим банкам, которые позволили бы часть средств, направляемых сегодня в резервы коммерческих банков, направить на финансирование долгосрочных инвестиционных проектов.

Надеемся, что соответствующее регулирование вместе с Центральным банком с 1 января нам удастся запустить в действие. Это позволит создать дополнительный, альтернативный по отношению к государственному источник долгосрочного кредитования.

Наряду с общим увеличением объема финансовых ресурсов, который с начала следующего года будет направляться в инвестиционную сферу, важнейшей задачей является формирование институтов, позволяющих разумно распорядиться этими ресурсами. К сожалению, действующее сейчас законодательство в области банков и банковской деятельности, да и традиционная система государственного регулирования распределения инвестиций к этому пока приспособлены слабо. Мы сейчас ведем работу по созданию систем государственной поддержки страхования частных инвестиций и государственной поддержки кредитных инвестиционных проектов долгосрочного характера. Эти системы новые для нас, но существующие и хорошо известные в мире.

Речь идет о создании российского банка реконструкции и развития, других институтов, способных страховать инвестиционные риски коммерческих банков, страховать их ликвидность, вместе с тем использовать нормальную процедуру конкурсного отбора, а не дележку по принципу лоббирования. Формирование такой институциональной структуры также является важнейшей предпосылкой, позволяющей предприятиям получить доступ к финансовым ресурсам для осуществления эффективных проектов.

Теперь об основных целевых и адресных программах, которые мы предполагаем осуществить. Первое, как я уже подчеркивал, — это программы, связанные с максимальным использованием мощностей и возможностей, высвобождаемых военно-промышленным

комплексом. По нашим оценкам, активное использование конверсионных кредитов позволит сохранить основу кадрового и технического потенциала военно-промышленного комплекса. Мы предполагаем, что 80% занятых, высвобождаемых в связи с конверсией и сокращением производства вооружений, удастся занять на тех же предприятиях на производстве необходимых народному хозяйству гражданских видов продукции.

Здесь наши основные приоритеты, на которые мы предполагаем направить кредитные ресурсы. Это создание высококачественного сектора производства технически передовых товаров длительного пользования для населения. Поддержка проектов, которые сегодня имеют надежную финансовую базу, долгосрочный спрос, позволит вместе с тем использовать высокий технический уровень оборонного комплекса. Это, например, проекты, связанные с освоением нового, современного поколения цветных кинескопов, или с развитием массового производства нового поколения телевизионной техники в целом, или с обеспечением рынка новым поколением швейных и стиральных машин, а также другие, которые дадут возможность закрепить отечественные позиции на нашем внутреннем рынке. Более того, у нас есть потенциальные преимущества и на внешних рынках, особенно в странах третьего мира.

Второе направление — это производство важнейших видов оборудования, раньше импортировавшихся из-за границы. Мы имели очень своеобразную структуру экономики, когда лучшие мощности были задействованы на производстве вооружений, в то время как сектор экономики, который в первую очередь обеспечивал страну валютой и по существу был источником преуспевания конца 1970-х — начала 1980-х годов, в значительной степени зависел от импортных поставок.

Вот, например, схема контракта «Газ — трубы». Мы покупали в больших масштабах трубы для перекачки газа за рубеж, а потом расплачивались в течение многих лет за эти трубы газом. Расплачиваемся до сегодняшнего дня.

Сегодня необходимо осуществить крупномасштабную программу конверсии наших оборонных мощностей, переориентировать и мощности тяжелой промышленности на нужды топливно-энергетического комплекса. Работа уже развернута, и ее результаты скажутся в 1993 г.

Очень многие из разработок, которые созданы сегодня в авиации, в производстве вооружений в целом, можно и необходимо использовать для полного обеспечения национальной экономики нефтегазопромысловым, трубопроводным оборудованием, системами управления, бурильной аппаратурой, практически всем, что нужно газовикам и нефтяникам. Тогда нам не нужно будет огромную часть валюты, получаемой за экспортируемую нефть, тратить на то, чтобы закупать по импорту трубы и элементарные виды нефтегазодобывающего оборудования. Их производство прекрасно можно наладить в стране.

Следующее направление — это использование конверсии для нужд агропромышленного комплекса, в первую очередь для переработки сельскохозяйственной продукции.

Сейчас агропромышленный комплекс переживает очень непростое время адаптации к новым условиям. В этом году удалось получить неплохой урожай. Выше, чем в прошлом году, по зерну, по сахарной свекле, примерно на уровне прошлого года по картофелю и по овощам. В основном сохранилось поголовье крупного рогатого скота. Вместе с тем резко сократилось потребление ресурсов в сельском хозяйстве. Если грубо посчитать, то потребление ресурсов при большем урожае в растениеводстве сократилось по стоимости в сопоставимых ценах примерно на 35%. В значительной степени все это, конечно, свидетельствует просто о том, какое колоссальное количество ресурсов раньше в сельском хозяйстве тратили предельно неэффективно, просто разбазаривали и выбрасывали.

Вспомним, что за двадцать лет мы резко сократили отставание или обогнали Соединенные Штаты по потреблению в сельском хозяйстве минеральных удобрений. Далек обогнали Соединенные Штаты по тракторам и комбайнам. И за эти же двадцать лет почти совсем не увеличились урожайность, сбор, конечный результат.

Опыт показывает, что неизбежное на первом этапе реформ резкое падение объема используемых в сельском хозяйстве ресурсов по мере адаптации сельского хозяйства к новым условиям сменяется всплеском спроса на эти ресурсы. И здесь предельно важно не загубить базу, необходимую для обеспечения роста спроса в будущем. Абсолютно очевидно, что у нас будет всплеск спроса на минеральные удобрения на внутреннем рынке, на сельскохозяйственную технику и т. д.

Поэтому, даже учитывая трудности с финансированием агропромышленного комплекса, необходимо в максимальной степени задействовать конверсионные программы на создание тех видов и поколений техники, которые будут необходимы сельскому хозяйству по мере стабилизации положения в отрасли, поддерживать сегодня это и льготными кредитами, и специальным целевым финансированием. Особенно, хотя она сейчас и не столь очевидна, <придется решать> проблему нехватки мощностей для переработки продукции животноводства и ее хранения. Именно сюда мы предполагаем в первую очередь направить ресурсы военно-промышленного комплекса.

Не буду подробно останавливаться на других конверсионных программах. Перейду к одной из традиционно больных отраслей российской экономики — металлургии.

Известно, что в Европе мартеновское производство прекращено еще пятнадцать лет назад. У нас же все металлургическое оборудование, особенно доменное и мартеновское, предельно устарело, изношено, бесконечно энергоемко, абсолютно неконкурентоспособно на мировом рынке.

Разговоры о том, что необходимы радикальная структурная перестройка металлургического комплекса, повышение эффективности, внедрение современных видов техники, ведутся на протяжении десятилетий. Но даже помыслить о том, чтобы сократить хотя бы на полмиллиона тонн выпуск проката, считалось преступлением против Родины, что практически закрывало путь к осуществлению программ реконструкции.

Сейчас со значительным сокращением производства вооружений существенно сократился спрос на многие виды металлургической продукции. Эта тенденция будет сохраняться и в 1993 г. Хотя в октябре производство металлургической продукции немного пошло вверх, мы считаем, что в 1993 г. оно будет ниже уровня 1992 г. Но именно это позволяет нам сегодня начать осуществление крупномасштабной программы технического перевооружения металлургии, используя не инфляционные, не бюджетные источники, а ресурсы, высвобождающиеся в связи с сокращением оборонного производства.

Мы имеем возможность существенно увеличить и увеличиваем экспорт собственно металлургической продукции, освобожда-

ем его от экспортных пошлин с целевым направлением средств на программу реконструкции наших крупнейших металлургических комбинатов. В общей сложности предполагается на эти цели направить 1,6 млрд долл., полученных от экспорта. Это самокупаемые проекты, под которые можно изыскать нормальные источники финансирования. Они позволяют существенно поправить экологическую обстановку в наиболее грязных металлургических регионах, создать новые, современные рабочие места, а не просто с течением времени полностью закрыть утратившие конкурентоспособность производства. Вместе с тем это программы, позволяющие загрузить высвобождающиеся мощности нашей тяжелой промышленности. Ведь в значительной степени именно спрос на продукцию нашей промышленности будет определять эти инвестиционные программы.

Теперь главное — добиться, чтобы в эти программы в полной мере были инкорпорированы возможности тяжелого машиностроения России, переживающего сегодня довольно непростое время.

Еще одно важнейшее направление нашей программы, что должно стабилизировать <ситуацию> и продвинуть к существенному восстановлению экономического роста, — это развитие и восстановление нашего машинно-технического экспорта.

Традиционно большая его часть направлялась в страны неплатежеспособные. В крупных размерах осуществлялся экспорт в Эфиопию, Вьетнам, на Кубу и т. д. Часть из них, кстати, никогда не сможет отдать даже 2–3% своей задолженности. Именно здесь сконцентрирована, к сожалению, большая часть тех 140 млрд долл., которые сегодня должны России. Но есть возможность использовать инвестиционный машинно-технический потенциал, создав соответствующие механизмы инвестиционного экспортного финансирования.

Если мы много раз обжигались на предоставлении крупных политических кредитов неплатежеспособным странам, то это еще не повод бросаться в другую крайность и полностью демонтировать используемую всеми странами мира систему экспортного кредитования крупных народнохозяйственных проектов, осуществляемых в платежеспособных странах. Уже сегодня у нас происходит резкая перестройка в структуре нашего экспорта: значительно падает доля неплатежеспособных стран и быстро растет торговля с плате-

жеспособными. Это Китай, Тайвань, Таиланд, Южная Корея, Израиль, Кипр, Иран и другие страны. Нам надо закрепляться на этих рынках. Сегодня это проблема конкретной проработки проектов. Главное — необходимо уже в 1993 г. создать и обеспечить систему надежного экспортного кредитования подобного рода разумных проектов. Именно на этой основе мы предполагаем осуществление и проектов, позволяющих задействовать мощности нашей атомной промышленности в Иране, Индии, Китае. Сейчас ведутся переговоры, рассматриваются различные проекты с рядом стран Ближнего Востока, где будут задействованы наши машиностроительные мощности, а также гидростроительные проекты в Индии, Китае и много других, которые позволят использовать ресурсы, появившиеся в связи с прекращением ряда неэффективных строек или строителей, для которых у нас нет нормальных, надежных источников финансирования.

Еще одна важнейшая задача сегодня — работа со структурно-кризисными отраслями, — с отраслями, которые оказались в тяжелейшем положении в первую очередь из-за радикального изменения отношений в бывшем Союзе. У нас несколько отраслей в тяжелом положении. Пожалуй, в числе первых из них я бы назвал легкую промышленность, ориентированную традиционно на поставки хлопка, красителей из бывших республик Советского Союза или из-за рубежа. Разрыв связей, резкое повышение цен на сырье поставили ее в тяжелейшее положение, даже с угрозой закрытия.

Сейчас мы выделяем кредитные ресурсы для поддержки таких производств. Но, видимо, важнейшие задачи, которые надо будет решить в 1993 г., — это, первое: налаживание новых, уже экономически эффективных связей со странами СНГ, в первую очередь по принципу прямого продуктообмена нефти, нефтепродуктов на хлопок, необходимый для нормальной работы легкой промышленности. Такие договоренности у нас достигнуты с Туркменией, Узбекистаном. Мы надеемся, что в 1993 г. их удастся в полной мере запустить в жизнь, что должно существенно стабилизировать положение в этой отрасли. Параллельно мы предполагаем развернуть серьезную программу производства отечественных важнейших химикатов, используемых в легкой промышленности, программу расширения производства льна в рамках России. Все вместе позволит существенно снизить меру зависимости легкой промышленно-

сти от импортных поставок, от предельно дорогих закупок за рубежом, от необходимости выделения валюты.

В целом нормализация связей со странами бывшего Советского Союза в 1993 г. остается важнейшей предпосылкой стабилизации положения в российской экономике.

В этом году мы прошли через тяжелейший этап перестройки, когда по существу старые связи, основанные на директивном прикреплении и распределении, уже не работали, а рынок в полной мере еще не работал в том числе из-за недостаточной координации денежной политики, отсутствия четкости во внешнеэкономическом регулировании и т. д.

С 1 января 1993 г. мы предполагаем, что у нас, во-первых, в полной мере будут прояснены денежные отношения между Россией и другими государствами рублевой зоны. С 1 января правительство вместе с Центральным банком предполагает ввести котировку валют стран, вышедших из состава СНГ, а при необходимости, если денежная политика не будет достаточно согласованной, и котировку рублей в других республиках бывшего Советского Союза. По существу это будет означать, что, оставаясь очень близкими, родственными, связанными валютой, мы все-таки обретаем достаточную долю самостоятельности в денежной области для того, чтобы поддерживать и защищать собственный внутренний рынок от нескоординированных действий других республик в денежной области.

Выступления на VII съезде народных депутатов Российской Федерации

Заседание третье

2 декабря 1992 г.

Источник: VII съезд народных депутатов Российской Федерации, 1–14 декабря 1992 г.: Стенографический отчет: в 4 т. Т. 1. С. 117–136. М.: Республика, 1993.

Уважаемый президент! Уважаемый председатель! Уважаемые народные депутаты!

Чуть больше года назад приступило к работе наше правительство. Мы с самого начала представляли себе, какой огромный груз ответственности ложится на наши плечи. Можно сколько угодно изучать чужой опыт, строить теоретические модели, проводить социологические исследования, изучать болевые точки своей экономики, и все равно никто, пока не начнутся реальные преобразования, не скажет, как отреагирует огромная, не знавшая в течение трех поколений рынка страна на принципиально новый механизм социально-экономического регулирования, не произойдет ли сбоев в основных системах жизнеобеспечения, не возникнут ли неконтролируемые социальные конфликты в сверхмилитаризованной, начиненной ядерным оружием стране.

Именно страх перед этой ответственностью сковал энергию последних союзных правительств, послужил основой их бездеятельности и в конце концов привел к краху Союза. Парализующее влияние страха перед этой ответственностью явно сказывалось и на работе первых демократически сформированных органов власти России в течение полутора лет накануне осени 1991 г.

Две разработанные, широко обсужденные и принятые программы углубления экономических реформ. Широкие дискуссии о том, что же лучше проводить сначала: приватизацию, либерализацию, стабилизацию, демонополизацию? Много неплохих рыночных за-

конов, уже надежно заблокировавших возможность управления старыми, традиционными способами. И результат: за полтора года разговоров о рыночных реформах к 1 января 1992 г. в России было приватизировано 107 магазинов, 58 столовых и ресторанов, 36 предприятий службы быта.

Разумеется, именно в этой ситуации, когда все уже устали от бесконечных разговоров о реформах, когда всем было ясно, что старая система не работает и разваливается на глазах, и стала возможна атмосфера Пятого съезда, решение президента взять на себя ответственность за то, чтобы наконец запустить практически процесс реформ, предоставление ему дополнительных полномочий.

Придя к рычагам управления в этой ситуации, мы, разумеется, не могли позволить себе и дальше заниматься приятными дискуссиями о том, в какой же последовательности осуществлять преобразования, тем более что как специалист могу вас заверить: теоретически выверенного ответа на вопрос, что надо делать раньше, чтобы обеспечить успех реформ, не существует.

В основу своей работы мы положили простой принцип: если старая система управления все равно не работает, в каждый данный момент надо пытаться делать все для того, чтобы запустить рыночный механизм. Исходя из этого мы и работали на протяжении последнего года. И сейчас можно подвести некоторые итоги, проанализировать, что получилось, что не получилось, посмотреть и оценить собственные ошибки, постараться извлечь из них уроки.

Первое и главное, что все-таки удалось сделать, — сдвинуть реформы с мертвой точки, запустить рыночный механизм. Да, он работает еще предельно несовершенно. Да, наш рынок далек от рынка совершенной конкуренции. Без всякого сомнения, он еще обременен рецидивами традиционной административно-командной системы. И вместе с тем чем дальше, тем более очевидно, что производство начинает реагировать на изменяющийся спрос, что директора начинают в первую очередь заботиться о проблемах сбыта, что деньги выходят на первый план, происходит обратная монетаризация экономики, что при всем несовершенстве нашего потребительского рынка заботы людей о приобретении продуктов в огромных, многочасовых очередях отходят на второй план по сравнению с другими, более серьезными проблемами, которых

у них остается достаточно много и которые стали результатом не совершенной, слабой рыночной экономики.

Нашей важнейшей задачей было, запустив этот рыночный механизм, не допустить сбоев в основных, принципиальных системах жизнеобеспечения.

Вы помните тональность дискуссий осенью прошлого года и здесь, и в прессе нашей и зарубежной. Ведь обсуждался вопрос не о том, насколько сократится в 1992 г. производство танков, минеральных удобрений или даже хлопчатобумажных тканей, а об угрозе массового голода, холода, паралича транспортных систем, развала государства и общества.

Ничего этого не случилось. Угроза голода и холода не стоит. Мы прошли этот тяжелейший период адаптации к реформам без крупных социальных катаклизмов. При всех разговорах о массовом недовольстве реформами нам удалось сохранить социальную стабильность в стране.

Парадоксально, но факт: за десять месяцев тяжелейших реформ число потерь времени от забастовок в промышленности сократилось в 6 раз по сравнению с 1991 г. Все труднее вывести людей на митинги, демонстрации протеста. Если в апреле состоялось 152 забастовки со 154 тыс. участников, то в октябре лишь 4 с 3 тыс. участников. При всей огромной тяжести преобразований, при всей трудности того пути, который приходится пройти, российский народ оказывается намного умнее и прозорливее, чем о нем думают не слишком уважающие его политики. Он точно понимает необходимость преобразований и готов трудиться, готов работать, а не раскачивать лодку нашего собственного благополучия, наших собственных перспектив.

Важнейшей нашей задачей было обеспечить реальный старт приватизации, перейти от слов к делу. Не всего удалось добиться. Мы немного отстаем от выполнения заданий по программе приватизации на 1992 г., видимо, по объему она не будет выполнена. По тому, как идет дело, ясно, что к концу 1992 г. будет приватизировано около 40 тыс. предприятий, т. е. мы делаем еще медленные, слабые, но уже реальные шаги к формированию многосекторной экономики.

Важнейшей проблемой, определяющей то, насколько нам удастся пройти этот тяжелейший год без серьезных, катастрофических

катаклизмов, была проблема валюты и взаимодействия с международным финансовым сообществом. Мы вынуждены были начать реформы с нулевыми валютными резервами, с абсолютно неуправляемым союзным долгом, с обязательствами выплатить в 1992 г. около 20 млрд долл. задолженностей, на обслуживание которых не было денег, с острой потребностью в важнейших ресурсах, поступающих по импорту, в том числе в связи с тяжелым неурожаем 1991 г.

На основе сложных переговоров с международным финансовым сообществом нам удалось добиться реальной отсрочки выплаты задолженностей и вместо 20 млрд выплатить примерно 1,5 млрд долгов, не остановив вместе с тем ни импорт, ни поток новых кредитов. За год мы получили возможность привлечь примерно 14 млрд долл. кредитов в виде двусторонних кредитов и кредитов международных финансовых организаций, на этой основе, особенно весной прошедшего года, профинансировать критический импорт, в первую очередь импорт зерна, а также импорт медикаментов, ряда важнейших комплектующих изделий. Если бы этой возможности не было, нужно вам сказать честно: угроза голода весной 1992 г. была бы абсолютно реальной, а падение поголовья крупного рогатого скота сейчас составляло бы не 3%, а как минимум 40%.

Что в первую очередь не получилось, по нашему мнению?

Наибольшие неудачи постигли нас в области финансовой стабилизации и в области политики укрепления рубля. Мы надеялись, что меры жесткой финансовой и денежной политики позволят из месяца в месяц снижать темпы инфляции, повысить реальный курс рубля по отношению к доллару, зафиксировать его на реалистичном уровне и перейти к конвертируемости рубля по фиксированному курсу.

В течение первых месяцев казалось, что мы близки к достижению этой цели: темпы увеличения денежной массы росли медленно, бюджет был практически сбалансированным, темпы инфляции от месяца к месяцу снижались, курс рубля к доллару рос. К сожалению, с июня произошло существенное ослабление и кредитно-денежной, и финансовой политики, резко пошли вверх темпы роста денежной массы. За четыре месяца она увеличилась почти в 2,5 раза. Естественно, это немедленно сказалось на курсе долла-

ра к рублю, сломало тенденцию к его снижению, а с характерным двухмесячным лагом привело и к перелому динамики цен, резкому всплеску их роста, начиная со второй половины августа. Здесь, без всякого сомнения, нас постигла тяжелая неудача, опасная и для сегодняшней ситуации, и для перспектив реформы.

Какие наиболее очевидные, наиболее существенные просчеты, по нашему мнению, были в работе правительства?

Во-первых, это, конечно, медленная работа по регулированию кризиса неплатежей. Все мы прекрасно знали, что кризис неплатежей неизбежен на этапе запуска рыночного механизма. Он происходил повсеместно, и известны даже пределы, которых достигает объем неплатежей в процентах к валовому национальному продукту. Примерно на 20% годовых мы и вышли к июню. Мы недоучли темпы нарастания кризиса. Стандартные проблемы, связанные с медленной адаптацией государственных предприятий к новым условиям, оказались дополнены и резко усилены происшедшим существенным замедлением расчетов в народном хозяйстве, увеличением сроков прохождения документов в связи с реорганизацией системы расчетов. В результате нарастание кризиса приобрело лавинообразный, неуправляемый характер, вышло далеко за рамки возможностей микроэкономической адаптации предприятий. Мы не разглядели этот кризис и темпы его нарастания. Пришлось идти на предельно опасные, болезненные, проинфляционные решения, для того чтобы разрешить платежный кризис.

Второе. Тяжелейшим испытанием стал кризис наличности, особенно в мае-июне 1992 г. Конечно, здесь можно пытаться перекладывать ответственность друг на друга, говорить о том, что это сфера компетенции банка, что Верховный Совет не принял вовремя решений, можно поднять стенограммы... И все равно ответственность за все лежит на правительстве. Значит, мы не были достаточно убедительны, значит, не сумели поставить вопрос достаточно остро, вовремя подключить к решению этой проблемы президента. В результате в мае-июне ситуация стала очень тяжелой. На мой взгляд, мы в тот момент находились на грани социальной катастрофы.

Правительство, без всякого сомнения, просчиталось в оценке роли и масштабов сезонных факторов в российской экономике, не разработало вовремя адекватных механизмов рыночного управле-

ния сезонностью, таких как фьючер- и форвард-контракты, система страхования, проценты и т. д.

В результате, когда сезонные проблемы, усугубленные обесцениванием средств агропромышленного комплекса, резко обострились, пришлось перейти на быстрое увеличение объема кредитования сельского хозяйства, широкомасштабную выдачу льготных кредитов, что также существенно дестабилизировало ситуацию в народном хозяйстве.

Наконец, определенные просчеты были допущены в сфере внешнеэкономического регулирования. Здесь мы долго не могли отработать действенные механизмы компенсации валюты производителям, слишком часто меняли механизм регулирования, создали для экспортеров и импортеров обстановку неопределенности, слишком далеко пошли по пути расширения прав экспортеров в области сырьевых стратегических товаров и вместе с тем не сформировали с самого начала систему государственной поддержки экспорта продукции высокой степени обработки.

Как выглядит ситуация сегодня? Она действительно очень и очень тяжелая, я бы сказал, критическая. Реальная тяжесть настолько серьезна, что мне трудно понять, зачем помощникам высокоуважаемого председателя для ее демонстрации пришлось прибегать к цифрам, которые не совсем точно соответствуют действительности. Скажем, посмотрев в статистический сборник, который, я надеюсь, вам роздан, нетрудно убедиться, что спад жилищного строительства за десять месяцев составляет не две трети, а 27%. Нетрудно заметить, что капитальные вложения в народное хозяйство составили не 170 млрд, а 1 трлн 500 млрд. Нетрудно убедиться, что на народное образование выделен не 21 млрд, а 600 и правительство предполагает не уменьшить эту цифру на 20, а увеличить на 56. И т. д. Я не буду множить список подобного рода недоразумений.

Если необходимо продемонстрировать реальную тяжесть сегодняшнего экономического положения, то это можно сделать вполне реальными, соответствующими действительности цифрами. И здесь, пожалуй, самое серьезное — это действительно предельно высокие, очень опасные темпы инфляции. К октябрю в результате ослабления кредитно-денежной политики мы вышли на уровень инфляции, соответствующий 25% в месяц. Это уже предельно

близко к 50% — технической границе гиперинфляции, когда начинается резкое ускорение обращения денег, нерегулируемое бегство от них, общее разрушение денежного обращения с фатальными последствиями для целостности экономики и государства. Именно поэтому задачи последовательной антиинфляционной политики остаются по-прежнему важнейшими в деятельности любого ответственного правительства.

Можно, разумеется, приводить и другие пугающие цифры. Можно приводить и цифры, свидетельствующие о начавшихся слабых, но позитивных сдвигах, обратить внимание на то, что с августа кризис приобретает все более структурный характер, посмотреть, как на протяжении трех месяцев устойчиво идут вверх темпы производства ряда важнейших товаров народного потребления. По предварительным данным ноября, которые были получены буквально вчера, по отношению к августу, скажем, производство видеоманитофонов выросло в 2,1 раза, телевизоров — на 35%, посуды — в 3 раза, стиральных машин — на 28%, магнитофонов — на 50% и т. д.

Однако в общем дело ведь не в том, чтобы пугать себя страшными цифрами катастрофы или утешать наметившимися слабыми, но позитивными сдвигами. Гораздо важнее ответить на вопрос о том, что же нам делать для того, чтобы стабилизировать ситуацию, взять ее под контроль, для того, чтобы заложить основы оздоровления экономики.

Во вчерашнем выступлении Руслан Имранович Хасбулатов сформулировал свой диагноз тех альтернатив, которые стоят сегодня перед Россией, того экономико-политического выбора, который предстоит сделать. Суть его такова. Есть две модели: монетаристская американская модель и социально ориентированная европейская (скандинавская). Надо выбрать, в каком обществе мы хотим жить (в скандинавском или американском), и исходя из этого строить экономическую политику в России в ближайшее время.

При всем желании мне пока очень трудно соотнести эту альтернативу с теми тяжелыми практическими проблемами, которые каждый день приходится решать российской экономике. Мы даже не будем здесь вступать в споры о том, насколько адекватна реальности эта теоретическая дихотомия.

Вспомним о том, что, скажем, германское социально ориентированное хозяйство куда ближе в своей денежной политике к традициям монетаризма, чем американская денежная политика. Или о том, что доля государства в валовом национальном продукте в Японии ниже, чем в Соединенных Штатах Америки. Дело в конце концов не в этом. Мы просто еще не дошли до того этапа, когда эта альтернатива станет реальной и определяющей.

Конечно, если мы будем очень хорошо и очень успешно работать, сумеем сформировать многосекторную экономику, приватизировать хотя бы 50% отечественной экономики, покончить с всевластием чиновничества, всерьез открыть широкую дорогу предпринимательству, интеграции нашей страны в мировой рынок, то через три–пять лет, может быть, нам действительно придется обсуждать, какой же мы хотим иметь тип общества — американский или скандинавский. Пока, к сожалению, я не могу столь высоко оценить результаты нашей работы. Попробуем наложить эту дихотомию на те практические вопросы, по которым у нас возникают разногласия с Верховным Советом.

Естественно, что, во-первых, они возникают в связи с утверждением бюджета на 1992 г. Верховный Совет принимает и записывает в бюджет дополнительные расходы на 1300 млрд руб. Что это — социально ориентированная политика и рыночная экономика? Результатом является резкое обострение бюджетных проблем практически во всех регионах, кризис региональных бюджетов, резкое увеличение расходов федерального бюджета и его обязательств, денежной массы с июля–августа и ускорение инфляции начиная со второй половины августа. Если это социально ориентированная рыночная экономика, прошу прощения, Людвиг Эрхард перевернулся бы в гробу. (Оживление в зале.)

Подобного рода решения, к сожалению, изучают совсем в другом разделе экономической теории, там, где речь идет об экономике популизма, там, где речь идет о проблемах хронической бедности и застойной слаборазвитости.

Другая практическая и очень острая проблема, по которой нам пока не удастся окончательно добиться единства мнений с Верховным Советом. Мы с огромным трудом в очень небогатом бюджете мобилизуем ресурсы, для того чтобы как-то удовлетворить самые первоочередные социально-культурные потребности, не дать

погибнуть культуре, поддержать работы по охране важнейших памятников, немного выправить положение с зарплатой в здравоохранении и образовании. Тем временем в Пенсионном фонде имеется больше 200 млрд руб. свободных остатков, вложенных в коммерческие структуры. Наши попытки мобилизовать эти средства для решения острейших социальных проблем пока не увенчались успехом. Что это, тоже проявление социально ориентированной рыночной экономики?

Реальная дилемма, которая стоит сегодня перед нашим обществом, к сожалению, гораздо более тяжела и драматична, чем выбор между американской и скандинавской моделями. Преступное промедление с давно назревшей структурной перестройкой экономики, с проведением назревших экономических реформ тянет, тащит нашу экономику вниз, в пучину слаборазвитости. Мощная, но страшно милитаризованная, обремененная архаичной структурой экономика пытается выбраться из этого кризиса. Куда мы пойдём? Сумеет ли вытащить нашу страну из слаборазвитости, сумеет ли взять твердый курс на присоединение к сообществу цивилизованных рыночных государств, а потом уже будем выбирать, хотим мы иметь высокие налоги и обильные социальные программы или низкие налоги и «дешевое» государство? Или все-таки инерция спада, инерция развала потащит нас дальше вниз, к хронически нестабильной финансовой системе, а из-за этого к предельно низким сбережениям и низким инвестициям, к хиреющему за протекционистским барьером собственному промышленному комплексу, к хронической бедности и поэтому политической нестабильности, к чередующейся столь привычной для третьего мира плеяде популистских политиков и авторитарных диктаторов? В этом состоит, по моему глубокому убеждению, реальная, гораздо более суровая альтернатива сегодняшней социально-экономической политике в России. (Аплодисменты.)

Конечно, очень легко скатиться на первый путь, на путь слаборазвитости. Для этого многого не надо, для этого даже не надо объявлять себя противником реформ. Для этого надо лишь постараться замедлить преобразования, которые, только будучи осуществленными предельно концентрированно и решительно, могут помочь нам сформировать нормальную рыночную структуру. Для этого не надо регулярно принимать безответственные, но без-

умно расточительные решения, не подкрепленные финансовой базой, не надо дестабилизировать собственные финансы. Для этого надо лишь втянуться в опасную конфронтацию между различными ветвями власти, и тогда развитие в направлении не к Швеции и Соединенным Штатам Америки, а к Африке и Латинской Америке будет нам гарантировано.

Для того чтобы уйти с этого пути, к сожалению, требуется гораздо больше. Для этого требуются точные и четкие ответы на самые острые вопросы, которые стоят сегодня перед нашей экономикой, последовательность, координация действий всех ветвей власти.

Коротко остановлюсь на тех важнейших проблемах, которые мы решаем в связи с этим сегодня, и на тех направлениях, по которым считаем необходимым идти дальше.

Первое. Еще раз подчеркну: важнейшая задача сегодня — это остановить инфляцию. Иногда складывается странное впечатление, что остановка инфляции нужна одному правительству или, может быть, международным финансовым организациям, а все остальные заинтересованы в нерегулируемом, неконтролируемом быстром росте цен. Напомню, кто в первую очередь и всегда, в любом обществе страдает от инфляции. Во-первых, это сезонные отрасли, в первую очередь сельское хозяйство; по нему инфляция всегда бьет сильнее всего, потому что оно один раз в год продает результаты урожая, а потом в течение всего года рассчитывается за потребляемые ресурсы по постоянно повышающимся ценам. И никаких способов защитить сельское хозяйство от последствий инфляции, кроме как остановить ее, к сожалению, не существует. Во-вторых, это вся бюджетная сфера. При любых системах индексации и компенсации она всегда отстает от реального роста цен, потому что индексация, компенсация всегда разовый процесс, а инфляция продолжается непрерывно, каждый день, каждую неделю. И наконец, это все отрасли, работающие на инвестиционный спрос, потому что инвестиционный спрос в первую очередь сжимается в условиях инфляции.

Инфляцию можно затормозить. Мы предпринимаем то, что можем, для этого. С сентября существенно ужесточили бюджетную политику. С временным лагом это уже сказалось на некотором замедлении темпов падения курса рубля по отношению к доллару. Если политика не сломается, это скажется и в переломе тенденции

в динамике цен. Здесь очень важно не отступить от этого курса, не дать себя еще раз обмануть легендой о том, что безответственная финансовая политика безвредна и безопасна.

Второе. В связи с этим возможно и необходимо добиваться оживления инвестиционной активности, начинать процесс поддерживаемой структурной перестройки народного хозяйства.

Мы совершенно сознательно пошли на резкое ограничение инвестиционной активности в 1992 г. Дело в том, что огромная часть начатых инвестиционных проектов просто никак не соотносилась с реальностями новой рыночной экономики, новыми пропорциями цен, новым валютным курсом, новыми условиями спроса, снабжения. Очевидно, что большая часть из них не будет никогда завершена в том виде, в котором они начинались, и завершать их не нужно. Возможность ограничения инвестиционного спроса была для нас важнейшим стабилизирующим фактором для того, чтобы не допустить развала важнейших жизнеобеспечивающих отраслей.

Вместе с тем сегодня новые ценовые пропорции уже начали складываться, новые рыночные реальности работают, пошли новые импульсы к структурной перестройке. И дальше важно подкрепить их соответствующими инвестиционными ресурсами, для того чтобы приспособление к рынку было не пассивным, а активным, не столько за счет сокращения, сколько за счет наращивания выпуска пользующейся спросом продукции.

Что здесь необходимо делать и что намечается?

Во-первых, это и резкое увеличение объема амортизации в связи с переоценкой фондов, и введение механизма регулярной индексации фондов, с тем чтобы не допустить дальнейшего обесценения амортизации. Уже это само по себе позволит более чем в 10 раз увеличить объем средств, которыми будут располагать предприятия на инвестиции.

Во-вторых, это освобождение от налогов с 1 января 1993 г. капитальных вложений, направляемых на расширение производства и реконструкцию, техническое перевооружение. При этом важно добиться того, чтобы это освобождение не было использовано просто как налоговая лазейка для уклонения от уплаты налогов, чтобы эти льготы мы предоставляли только тем предприятиям, которые действительно осуществляют интенсивную инвестиционную деятельность, в полной мере используют ресурсы фондов аморти-

зационных отчислений по целевому назначению и плюс к этому привлекают дополнительные средства из прибыли.

В-третьих, это формирование механизма бюджетного, ссудного, долгосрочного кредитования. К сожалению, в условиях высокой инфляции коммерческие банки, коммерческая система никогда не предоставляют ресурсы на долгосрочные капитальные вложения в масштабах, достаточных для структурной перестройки экономики.

Именно поэтому государству придется в 1993 г. в значительной степени взять этот груз на себя, предусмотреть предоставление крупных, пятисотмиллиардных долгосрочных кредитов на конверсионные программы и другие эффективные, высокоокупаемые программы структурной перестройки промышленности.

Кроме этого мы вместе с Центральным банком работаем над системой стимулирования коммерческих банков, заставляющей их вкладывать деньги в долгосрочные проекты. Для этого предполагаем использовать начиная с 1 января дифференциацию норм резервных требований коммерческих банков, предоставляя им возможность направлять часть средств не в резервы Центрального банка, а целевым порядком на долгосрочные инвестиционные проекты.

Все это, вместе взятое, одновременно с точным выбором приоритетов (а это в первую очередь приоритеты, позволяющие задействовать мощнейший военно-промышленный комплекс на решение болезненных структурных проблем, обеспечение потребностей переработки сельхозпродукции, производства высококачественных продуктов и товаров народного потребления, транспорта, связи, топливно-энергетического комплекса) может послужить основой той селективной политики, которая обеспечит уже в 1993 г. ярко выраженный структурный поворот народного хозяйства к нуждам людей, к реальным нуждам российской экономики.

Агропромышленный комплекс. Здесь важнее всего обеспечить уже в 1993 г. нормальную систему закупки урожая зимой-весной, с тем чтобы прокредитовать сельскохозяйственные работы 1993 г. От системы безвозвратного, распределяемого произвольно льготного кредитования мы должны перейти к формированию системы нормальных форвардных и фьючерсных закупок урожая. Именно на эти цели мы предполагаем использовать те средства, которые

выделялись и были закреплены за Росхлебпродуктом для закупок урожая, превратив их в оборотные средства этой системы.

Важнейшая задача здесь — это, конечно, сохранение животноводства, стабилизация положения в сельском хозяйстве. Вчера здесь говорилось, что каждый пастух уже знает, что 32% бюджета Европейского сообщества направляются на поддержку сельского хозяйства. Я согласен, действительно это знает каждый пастух, но, по-моему, даже не все профессора знают, что в этом тоненьком, маленьком бюджете Европейского сообщества эти 32% составляют лишь 1% валового национального продукта входящих в него государств, или значительно меньше, чем в России в 1992 г.

Так вот мы, видимо, вынуждены будем сохранить в 1993 г. систему дотаций на продукцию животноводства, с тем чтобы защитить эту отрасль от острых диспропорций в ценах, в первую очередь связанных с ростом цен на зерно и корма, но важнейшая задача — повысить эффективность использования средств. Пока, к сожалению, получается так, что мы, направляя огромные средства на поддержку животноводства, в значительной степени обращаем их на субсидирование предельно высокой заработной платы и рентабельности на предприятиях переработки сельскохозяйственной продукции. Деньги, которые мы направляем, реально не способствуют стабилизации положения в животноводстве, не доходят до хозяйств. Здесь, видимо, необходимо будет существенно усовершенствовать с 1 января механизм использования этих средств, ввести специальный механизм регулирования режима работы отраслей, перерабатывающих продукцию сельского хозяйства, учитывающий их монопольное положение, способный предотвратить злоупотребления этим положением в ущерб сельскохозяйственному производству.

Мы с самого начала не предполагали и не предполагаем резко форсировать процесс развития фермерского сектора в сельском хозяйстве, для этого у нас нет ни кредитных, ни материальных ресурсов. Необходимо очень осторожно, последовательно наращивать долю этого сектора, подкрепляя его поддержкой, не форсировать, не пытаться сделать его в течение ближайших лет ведущей составной частью нашей экономики. Конечно, тяжелейшую ношу долго еще будут нести крупные хозяйства, и главное, что пошел процесс их преобразования. Уже 42% из них прошли перерегистра-

цию, большая часть трансформирована в акционерные общества, товарищества, реально меняется заинтересованность, реально меняются ориентиры. В конце концов, все мы помним, как на протяжении десятилетий мы боролись за сокращение на 0,5%, на 1% в год себестоимости продукции сельского хозяйства. В этом году реально на 35% сократилось потребление ресурсов в растениеводстве при существенном росте совокупных результатов.

В области приватизации. Здесь важнейшая задача не потерять темпа, не сломаться в пути, не начать суетиться. Сегодня реальность в том, что государственная собственность в рамках системы правового регулирования, которая уже создана, в значительной степени неуправляема. Нам придется это поправлять вместе, меняя законы, включая Закон о предприятиях и предпринимательской деятельности. Нам придется реально ограничивать права и директоров, и коллективов тех государственных предприятий, которые остаются в государственной собственности. Но сейчас попытка остановить упорядоченную приватизацию означает дать дорогу для расхищения государственной собственности, дать дорогу тому, что называют «прихватизацией».

В этой области мы не предполагаем крупных новаций в политике 1993 г., считаем, что надо в первую очередь завершить тот процесс, который начали в 1992 г., обеспечить начало работы новых акционерных обществ, реализацию акций на инвестиционных конкурсах и аукционах, добиться, чтобы новый механизм контроля заработал. Важнейшей предпосылкой для решения этих задач является, на наш взгляд, быстрее принятие Верховным Советом внесенного законопроекта о трастовом управлении, потому что именно он позволит обеспечить возможность эффективной работы директоров приватизированных предприятий, именно он предоставит широкие возможности для формирования с ними долгосрочных, надежных правовых договорных отношений, опирающихся на доверительную собственность.

Важнейшая проблема, связанная с приватизацией, которая сегодня, пожалуй, заботит всех, — это судьба социальной сферы приватизируемых предприятий. Естественно, многие предприятия стремятся как можно быстрее от нее избавиться. Местные бюджеты не имеют возможности сразу взять на себя груз ответственности за эту приватизируемую инфраструктуру. В проекте программы при-

ватизации на 1993 г., который был обсужден правительством и будет вскоре представлен Верховному Совету, предполагается направить в социальную сферу все доходы по дивидендам от имущества, остающегося в федеральной собственности, для того чтобы помочь частично решить эту проблему. Одновременно, по всей видимости, нам придется предложить предоставить право регионам взимать дополнительные муниципальные налоги с тех предприятий, которые наиболее активно сбрасывают социальную сферу.

Важнейшая задача, без которой невозможно продвинуться в осуществлении реформ, — это их регионализация. Действительно, из Москвы можно было запустить этот механизм, использовать инициативу, но управлять всерьез процессом реализации реформ в специфических, предельно уникальных условиях каждого региона из Москвы невозможно, и мы не должны пытаться это делать.

Важнейшее стратегическое направление проведения реформ, не противоречащее политике сохранения единства России, единого экономического пространства, — это последовательное расширение прав и возможностей регионов в управлении собственной экономикой, в реализации реформ на местах.

В бюджетном послании на 1993 г. уже представлены предложения правительства, направленные на увеличение примерно на 1 трлн руб. доходной и расходной базы, передаваемой бюджетам территорий. Мы считаем, что именно на региональном уровне гораздо проще и эффективнее решать и вопросы поддержки агропромышленного комплекса, и вопросы содержания социальной сферы села, и проблемы определения приоритетных направлений инвестирования в агропромышленный комплекс, и многие другие проблемы.

Одновременно, естественно, мы предполагаем расширять права регионов и во внешнеэкономической деятельности, предоставив им возможность реализации доходов от внешнеэкономической деятельности, включая доходы от экспортной пошлины, позволив вести гибкую политику поддержки и субсидирования импорта.

Социальная сфера — это та область, где мы ни в коем случае не должны поддаваться соблазну безудержной ругани всего того, что оставили нам наши предшественники. При всех неразрешенных проблемах эффективности функционирования этой сферы надо сказать честно, что развитая для страны нашего уровня социальная

сфера, доставшаяся нам в наследство, — это действительно важнейшее завоевание социализма. И просто сам Бог велел нам на этапе этих тяжелых реформ сохранить ее основы, не дать ее разрушить.

Конечно, надежды на то, что в условиях тяжелейшего экономического кризиса, падения на 20% валового национального продукта мы сможем разом, с ходу решить те проблемы в этой сфере, которые десятилетиями не решались, — проблемы расширения материальной базы, массового строительства школ и т. д., просто нереальны.

Важнейшая задача, которую мы ставили перед собой и будем ставить дальше, — это ликвидация того тяжелейшего отставания бюджетной сферы, и в первую очередь социальной сферы, по уровню оплаты труда от сферы хозрасчетной, промышленной, которое сложилось в этом году. И здесь главная мера — это переход на единую тарифную систему исходя из минимума в 1800 руб. с декабря и 2250 руб. в первом квартале следующего года.

Это позволит резко увеличить уровень заработной платы в социальной сфере, снять наиболее острые диспропорции в оплате труда таких категорий работников, как, например, учителя, которые оказались серьезно ущемлены. Одновременно мы должны вести политику селективной поддержки и развития тех важнейших очагов, тех структурообразующих элементов социальной сферы, которые определяют будущее страны.

Президент подписал и представил в Верховный Совет Указ о поддержке вузов, в котором за ними закрепляется их имущество, включая землю, на которой они расположены. Это важнейший рыночный шаг, именно на этой основе в условиях кризиса выживали вузы в других странах. Принято решение об освобождении учреждений Академии наук от имущественного и поземельного налога. В Верховный Совет представлены предложения по существенному увеличению налоговых льгот учреждениям культуры. Президент подписал Указ о важнейших культурных памятниках, составляющих основу национального богатства. В настоящее время мы готовим нормативные акты, призванные заложить основу формирования системы федеральных научных центров, составляющих ядро нашего научного потенциала.

В социальной сфере общий принцип, видимо, должен быть такой: не навредить. Осуществляя реформы, постепенно повышать

эффективность, но так, чтобы при этом не нарушить реальное функционирование этой сферы. Мы пытались это сделать в 1992 г. в пределах крайне ограниченных ресурсов. Исходя из этого будем вести работу и в 1993 г.

Тем не менее надо сказать честно и самокритично, что в этой области, особенно в области реформ социальной сферы, отнюдь не все у нас получалось. Особенно много у нас претензий к Министерству здравоохранения, которое пока не смогло представить развернутую реалистичную программу реформ в системе здравоохранения и перехода на страховую медицину, определить подходы, концепции и границы развития платного здравоохранения. И здесь дело, видимо, не просто в руководителе министерства, а в необходимости радикального укрепления всего его верхнего эшелона.

Главный приоритет в нашей ближайшей работе и в 1993 г. — это, разумеется, внешнеэкономическая сфера. Без «открытия» нашей экономики, без постепенного завоевания ею позиций в мировой экономике для нас нет места в будущем мире.

Товарооборот в этом году продолжал сокращаться. Но в нем намечались определенные позитивные сдвиги в сторону торговли с платежеспособными странами. Еще в прошлом году мы в крупных масштабах продолжали поставлять товары в те страны, которые никогда с нами не расплатятся и никогда не собирались платить свои долги. В этом году с одновременным резким сокращением поставок в эти страны и торговли с ними резко увеличивается торговля и экспорт в платежеспособные страны — в страны, являющиеся надежными партнерами: в Южную Корею, Китай, Индию, Тайвань, Филиппины, Израиль и многие другие, которые с течением времени должны и могут стать основными потребителями российской продукции.

Конечно, здесь наша важнейшая задача — это формирование системы надежной поддержки российского экспорта продукции высокой степени обработки. Мы должны создать для наших метростроителей, строителей тоннелей, трубопроводов, энергетических систем, гидроэлектростанций те же условия конкуренции с их иностранными партнерами, которые создают другие развитые страны мира, обеспечивая их экспортными кредитами и поддер-

живая при необходимости (разумеется, там, где речь идет об эффективных проектах).

Другая важнейшая задача — упорядочение нашей внешнеэкономической деятельности в сырьевой области, в области экспорта нефти, минеральных удобрений, леса, т. е. всего того, что составляет основу экспортного потенциала. Главное здесь — навести порядок, добиться прекращения самоубийственной демпинговой конкуренции наших отечественных предприятий друг с другом. Именно на это направлено и ужесточение экспортного контроля, и введение регистрации экспорта важнейших стратегических товаров.

Существенной задачей для нас, особенно в условиях масштабной конверсии, является стабилизация объемов экспорта вооружений. Разумеется, мы не собираемся разжигать международные конфликты, поставляя вооружение в районы конфликтов. Вместе с тем нет никаких оснований уходить с этого важнейшего рынка.

Сейчас заключены крупные контракты с Китаем — примерно на 1 млрд долл., с Индией — на 650 млн долл., с Ираном — на 600 млн долл., заключены контракты с Сирией и рядом других стран, причем речь уже идет не о поставках в кредит безнадежным должникам, а о поставках либо за конвертируемую валюту, либо за необходимые стране валютные товары. Эту работу исходя из таких целей мы будем проводить и дальше.

Мы вошли в 1992 г. с чисто формальной, условной государственностью. Реально у нас не было границ, ни армии, ни таможни, ни контроля за денежной системой — да, по существу, никаких инструментов и институтов государственности. Мы назывались государством, а реально не были таковым. В течение этого тяжелого года шла работа, направленная на то, чтобы эти институты сформировать. С 1 января мы переходим к нормальной системе таможенного контроля на границе с нашими соседями. Она, разумеется, не исключает возможности подписания договоров о едином таможенном пространстве, не исключает самых свободных, самых либеральных соглашений по свободной торговле с теми, кто этого захочет, но вместе с тем позволит нам регулировать процессы вывоза ресурсов из России, позволит положить конец бесконтрольному и расточительному для страны разбазариванию ресурсов.

С 1 января 1993 г. завершается работа по обретению Россией суверенитета в денежной области. Введение котировки рубля России по отношению к рублям на территориях других бывших республик — это нормальная мера, позволяющая сохранить наш суверенитет. Она не исключает возможности самых тесных денежных союзов, платежных союзов, формирования межгосударственных банков, но она, по крайней мере, надежно защитит нас от возможности того, что где-то в другом государстве будут спокойно (и автоматически) печатать российские деньги и выбрасывать их на российский рынок, разрушая его.

С 1993 г. система таможенного регулирования и упорядочение отношений в денежной области позволят нам существенно изменить механизм наших торговых отношений с партнерами, перейти от принципа масштабной помощи к принципу взаимной выгоды, обеспечить паритет цен, не вызывая при этом лавинообразного сокращения и разрушения взаимной торговли.

Уважаемые народные депутаты! За столь короткое время я, разумеется, не имею возможности детально остановиться на всех направлениях работы правительства, на всем, что мы считаем необходимым делать для стабилизации российской экономики. Но еще раз подчеркну, что реальная ситуация, реальные возможности маневра в огромной степени предопределены валютным положением страны, отсутствием резервов, предельно опасной инфляционной ситуацией, деформированной структурой экономики, массой факторов, с которыми придется считаться любым органам власти, хотя бы они того или нет.

Мы не на широкой площади, где можно спокойно обсуждать, каким путем идти в счастливое будущее. Мы на тоненькой, узенькой тропинке. Только четкое продвижение по ней и может вывести нас из тяжелейшего кризиса, поможет войти в содружество цивилизованных народов. Сорваться с этой тропинки очень просто, если не будет конкретной, конструктивной, созидательной и ответственной работы всех органов власти России. Из этого мы и считаем необходимым исходить в своей работе. Спасибо.

*Заседание шестое**3 декабря 1992 г.*

Источник: VII съезд народных депутатов Российской Федерации, 1–14 декабря 1992 г.: Стенографический отчет: в 4 т. Т. 1. С. 303–305. М.: Республика, 1993.

Уважаемый президент! Уважаемый председатель! Уважаемые народные депутаты! Я не буду тратить ваше время, пытаюсь убедить, что в правительстве не собрались агенты международного империализма, иностранные шпионы. Убежден, что подавляющее большинство все равно в это не верит, а тех, кто верит, и так не переубедишь.

Все-таки давайте о деле. В выступлениях по этому вопросу звучали и серьезная боль за то, что происходит, и вполне справедливая критика наших серьезных недостатков в работе, и разумные предложения. Это относится и к проблемам экологии, проблемам Севера, и ко многим другим экономическим проблемам. Убежден в том, что любому правительству, которое будет сформировано после этого съезда, надо будет внимательно посмотреть результаты этой дискуссии, постараться максимально учесть их в своей работе.

Несколько идеологических проблем, которые были подняты. Мне кажется, что наши друзья и коллеги из центристских фракций недооценивают возможности компромисса и гибкости в сотрудничестве при формировании нормальной, цивилизованной экономики. Они почему-то до сих пор стесняются говорить о регулируемом рынке, говоря о регулируемом переходе к рынку. Видимо, боятся, что их заподозрят в консерватизме.

Уважаемые коллеги, так как меня вряд ли кто-то заподозрит в консерватизме и нелюбви к рынку, я могу сказать, что рынок во всем мире является регулируемым и нам, без всякого сомнения, нужно строить нормальный регулируемый рынок и учиться им управлять нормальными рыночными способами, разумеется, не так, как управляли пять или семь лет назад. И здесь я не вижу никаких идеологических разногласий.

Есть вопрос, поднятый одним из уважаемых мною лидеров центристского блока, Николаем Ильичом Травкиным, с которым я никак не могу согласиться. Это идея о том, что нужно немед-

ленно отстранить от участия в приватизации всю бюджетную сферу — учителей, врачей, работников культуры, пенсионеров, дескать, нечего им там делать, они и так за счет налогов зарплату получают, надо все отдать трудовым коллективам. Но если быть последовательным, то тогда эта логика должна привести к выводу, что надо Эрмитаж отдать музейным работникам, а данный зал, видимо, — кремлевскому полку. Глубоко убежден в том, что такой путь действительно привел бы к социальным катаклизмам, и та логика, которая заложена в принятой Верховным Советом программе приватизации, при всех неизбежных издержках и компромиссах гораздо ближе к социальному согласию, гораздо ближе к реализму, чем идея отдать все трудовым коллективам.

И наконец, по выступлениям непримиримой оппозиции, которые вчера и сегодня громко звучали в этом зале. Я рад, что теперь у нас, оказывается, нет противников реформ. Я рад, что теперь все за реформы. Это серьезное продвижение вперед. Ведь еще год назад противников рыночных реформ хватало. Но если посмотреть, какие же реформы нам предлагают, проинвентаризировать их, то получается интересная картина. Нам предлагают в рамках развития реформ отказаться от частной собственности на землю. Нам предлагают остановить процесс приватизации. Нам предлагают заморозить цены и заработную плату. Нам предлагают восстановить Госплан, призвать к порядку много возомнившие о себе бывшие союзные республики, а потом, наверное, построить и лагеря для агентов мирового империализма. (Шум в зале.)

Глубоко убежден в том, что подавляющее большинство народных депутатов, будучи трезвомыслящими людьми, не поддержат таких радикальных реформаторов. Такие реформы, право слово, не нужны нашему народу. Спасибо.

Заседание пятнадцатое

9 декабря 1992 г.

Источник: VII съезд народных депутатов Российской Федерации, 1–14 декабря 1992 г.: Стенографический отчет: в 4 т. Т. 3. С. 5–9. М.: Республика, 1993.

Уважаемый президент! Уважаемый председатель! Уважаемые народные депутаты!

Прежде всего хочу поблагодарить президента России Бориса Николаевича Ельцина за предложение моей кандидатуры на пост председателя правительства. Мне довелось выступить в этом зале, излагая довольно подробно позиции нашего правительства по отношению к нынешней ситуации, к тому, что надо делать для того, чтобы ее стабилизировать. Неоднократно выступал по программным вопросам в Верховном Совете.

В вашем распоряжении находятся документы правительства, начиная от программы углубления экономических реформ и кончая программой неотложных мер по стабилизации экономики, разработанной совместно с Гражданским союзом.

Не хочу и, разумеется, не собираюсь отказываться от того, что написано в этих программных документах. Убежден, что все проблемы, которые стоят перед страной, могут быть решены только на основе последовательного углубления экономических реформ, что попытка решать их на основе возврата к традиционным командно-административным методам была бы тупиковой, означала бы путь к хаосу и краху.

Не повторяясь, хочу лишь сказать очень коротко о том, чего, на мой взгляд, реально можно добиться в ближайшее время. Беспристрастные наблюдатели могут отметить, что я был всегда достаточно осторожен в своих обещаниях. И сейчас не буду обещать немедленного начала экономического процветания, такое могли бы сделать лишь безответственные люди.

Убежден в том, что можно в 1993 г. существенно сократить темпы падения объема производства и создать предпосылки для выхода страны из кризиса и для начала экономического оздоровления к 1994 г.

Убежден в том, что в 1993 г. можно придать кризису ярко выраженный структурный характер, уже в первом полугодии сформировать очаги экономического роста в отдельных отраслях, в первую очередь в тех, которые работают на нужды народного потребления.

Убежден в том, что в 1993 г. можно остановить дальнейшее падение уровня жизни.

Убежден в том, что мы не обречены на хроническую финансовую нестабильность, не обречены на неизбежный вход в гиперинфляцию, что инфляционные процессы можно затормозить, к весне свести темпы инфляции хотя бы до уровня, который мы реально имели в июле–августе этого года, т. е. до уровня 1–2% в неделю. И дальше, закрепившись на этом рубеже, идти по пути финансовой стабилизации.

Разумеется, решение этих задач означало бы существенное изменение в приоритетах работы правительства, существенное обновление его политики.

Если в 1992 г. мы в первую очередь вынуждены были решать задачи демонтажа традиционной административно-командной системы, задачи запуска рыночного механизма, то в 1993 г. на первый план выдвигаются задачи уже созидательной, конструктивной политики, задачи формирования активной структурной политики, поддержки жизнеспособных сегментов нашей экономики, предпринимательства, перехода от политики сдерживания тяжелого кризиса социальной сферы к глубоким структурным изменениям в этой области, к ее реформам. Постепенный переход от просто создания инструментов государственности России к формированию на их базе системы взаимовыгодных современных рыночных отношений между бывшими республиками Советского Союза позволит сохранить единое экономическое пространство.

Разумеется, эти новые задачи должно решать существенно обновленное правительство. Обновленное с точки зрения кадровой, обновленное с точки зрения его взаимоотношений с органами президентской власти, с Верховным Советом.

В первую очередь о кадрах. Вы прекрасно понимаете, что с правовой точки зрения принятие предложения президента означает техническую отставку существующего правительства, которое начало работать после Пятого съезда народных депутатов. В связи с этим неоднократно и в прессе, и в моих дискуссиях с фракция-

ми возникал вопрос о том, каковы будут эти кадровые изменения, кого Гайдар сдаст, кого не сдаст. Я должен сказать, что категорически отказываюсь обсуждать вопросы кадровой политики правительства с применением такой уголовной терминологии «сдачи — несдачи».

Вместе с тем должен сказать, что ни у кого, разумеется, нет наследственного майората на место в правительстве России. Мы не компания друзей, собравшаяся на посиделки, на нас огромная ответственность. Этот год показал, что правительство может работать слаженно. Вместе с тем он показал и определенные слабые места в нем. Он показал, что не все справляются со своими обязанностями и не все способны к командной работе. И естественно, в случае если предложение президента будет принято, то, сохранив костяк нынешнего правительства, мы должны будем внести в него существенные кадровые изменения, укрепив отдельные его блоки.

Второе. Отношения со структурами президентской власти. Когда президент в прошлом году в критический момент взял на себя управление, непосредственное руководство работой Совета министров, это был очень мужественный шаг, но вместе с тем шаг, который, конечно, снизил реальную роль правительства, привел к тому, что правительство в значительной степени оказалось растворенным в структурах президентской власти, размытым в его компетенции и реальной ответственности за положение в народном хозяйстве и в стране в целом. Это было терпимо в тот момент, когда важнейшей политической задачей было сохранение стабильности и запуск реформ. Теперь, когда на первый план выдвигаются созидательные задачи, в значительной степени задачи технические, конечно, правильно, если правительство вновь обретет свою естественную самостоятельную меру ответственности, свою естественную самостоятельную меру компетенции и свои естественные полагающиеся ему права.

Третье. Отношения с Верховным Советом. Я считаю серьезнейшей проблемой для того состава правительства, которое работало на протяжении последнего года, то, что Верховный Совет никак не мог принять это правительство, сформированное в значительной степени без его участия, в качестве своего партнера и соавтора в осуществлении реформ. Здесь, видимо, были и проблемы с нашей стороны, и некоторые проблемы со стороны Верховного Со-

вета. Должен сказать, что считал бы своей важнейшей задачей, в том случае, если это решение будет поддержано съездом, нормализацию отношений с Верховным Советом, налаживание конструктивного сотрудничества, в том числе в решении важнейших экономико-политических вопросов, кадровых вопросов, независимо от того, какие поправки будут или не будут приняты в Конституцию.

Правительство, которое находится в постоянной оппозиции к Верховному Совету, и Верховный Совет, который находится в постоянной оппозиции к правительству, — это слишком большая роскошь для России, находящейся в нынешнем довольно глубоком социально-экономическом кризисе.

Уважаемые народные депутаты! Хорошо знаю непростое отношение и в обществе, и в депутатском корпусе к политике, которую проводило наше правительство, и к моей кандидатуре. Должен сказать, что не питаю никаких иллюзий относительно приятностей роли председателя Совета министров в наше время, убежден в том, что это одна из самых неприятных работ, которые существуют. Тем не менее считал бы для себя долгом продолжать, если вы окажете мне доверие, работу, потому что, начав преобразования, начав тяжелейший процесс трансформаций, остановиться, уйти в сторону, заняться приятной критикой того, что делают другие, приятными обсуждениями того, как не дали осуществить реформы, по-моему, было бы недостойно. Здесь уж, начав дело, надо постараться довести его до конца, до реальных, серьезных, позитивных результатов. Поэтому благодарен президенту за то, что он предложил и поддержал мою кандидатуру.

В этом зале неоднократно звучали ссылки на Петра Аркадьевича Столыпина. Я позволю себе напомнить, что Петр Аркадьевич в свое время просил двадцать лет спокойствия для построения Великой России. Разумеется, сейчас, после 75 лет обещаний, было бы наивно просить хоть сколько бы то ни было лет спокойствия. И я, естественно, не решаюсь просить этого ни у общества, ни у народных депутатов. Единственное, чего я прошу, — это понимания сложности и кризисности нынешней ситуации в России, самоубийственности конфронтационной политики, необходимости сохранения политической стабильности.

Выступление на учредительном съезде избирательного объединения «Выбор России»

17 октября 1993 г.

Источник: учредительный съезд избирательного объединения «Выбор России». ЦАОДМ, ф. 8733, оп. 1, дело 9: Стенограмма.

В.А. ДАВЫДКИН

Слово предоставляется заместителю председателя Правительства Российской Федерации Егору Тимуровичу Гайдару. (Аплодисменты.)

Е.Т. ГАЙДАР

Дорогие друзья! Мы договаривались, что по программе блока специально выступит Геннадий Эдуардович Бурбулис, поэтому, с вашего разрешения, я хотел бы сосредоточить внимание на оценке сегодняшнего положения в стране, тех проблем, с которыми мы будем сталкиваться в ближайшие месяцы, и тех принципиальных проблем, которые нам, видимо, придется вместе решать после выборов в Федеральное собрание.

Когда начиналась работа по формированию блока «Выбор России», ситуация в стране, конечно, была принципиально иной, чем сегодня. Опасное двоевластие привело практически к параличу механизмов государственности в России, порождало все более острые экономические проблемы. Экономика стала заложницей политики. Невыполнимые решения, опасные обещания с каждым днем все больше подталкивали страну к развалу денежной системы, а следовательно, и тех слабых ростков рыночной экономики, которые удалось сформировать здесь за последние полтора года.

Это двоевластие не могло продолжаться долго, и оно разрешилось в кровавом, страшном конфликте 3–4 октября. В это время

страна была на грани гражданской войны, на грани захвата власти безответственными фашистскими авантюристами.

Это не удалось им. И в результате сложилась принципиально новая политическая реальность. Теперь вся ответственность за экономическое, политическое положение в стране легла на плечи президента, на плечи правительства. Это снимает целый ряд ограничений, стоявших на пути экономических реформ, на пути упорядочения власти, и вместе с тем ставит перед нами очень непростые организационные и политические проблемы.

Во-первых, уже набравший собственную инерцию ком обещаний, диспропорций, безответственных решений невозможно остановить сходу. Те тяжелейшие финансовые диспропорции, которые заложены в принятых Верховным Советом популистских законах, в утвержденных и ничем не обеспеченных бюджетных решениях, порождают целые цепочки трудностей для российских предприятий, порождают острейшие социальные катаклизмы и противоречия.

Впереди выборы, и, естественно, и у правительства, и у президента есть стимулы к тому, чтобы проводить мягкую предвыборную политику, к тому, чтобы именно сейчас попытаться заручиться поддержкой различных слоев общества, раздав дополнительные обещания. К сожалению, возможности, резервы для такой популярной политики сейчас полностью исчерпаны. Мы накануне выборов вынуждены брать на себя ответственность за тяжелые решения, которые необходимы для того, чтобы не дать развалиться российской экономике, для того, чтобы мы не подошли к выборам в положении, при котором новый парламент окажется у разбитого корыта, разбитого нашей собственной безответственностью, нашими собственными обещаниями.

И поэтому правительство и президент приняли решение, несмотря на избирательную кампанию, исходить сугубо из соображений дела в пользу российской экономики и реальных возможностей, формируя свою политику на ближайшее время. Это значит, что мы вынуждены брать ответственность за сокращение нагрузки на народное хозяйство, ограничение льготного кредитования народного хозяйства, ставшего важнейшим источником инфляции, диспропорций, да и просто коррупции. Мы готовим решение по резкому сокращению импортных субсидий с 1 ноября 1993 г. и

многие, многие другие решения, которые диктуются не предвыборной логикой, а соображениями ответственности за то, что происходит в стране.

Конечно, мы прекрасно понимаем, что даем козырные карты нашим политическим противникам. Мы знаем и видим, как сейчас они пытаются в полной мере задействовать хорошо знакомый им механизм пустых обещаний, популистских прожектов, обещаний снова решить все проблемы так, что никому ничего не будет стоить.

Мы убеждены, у нас нет другого ответственного выхода, у нас нет другого выбора, и мы верим в здравый смысл россиян, в их понимание того, что сегодня можно и что следует сделать в России.

Конечно, трагические события 3–4-го числа стали серьезнейшей угрозой для будущего российской демократии; я думаю, что еще одного опасного для страны безответственного парламента, парламентского большинства российская демократия не выдержит. Значит, принципиальный вопрос: каким же он будет, как он сформируется?

Конечно, мы прекрасно понимаем, что сейчас, используя объективные экономические трудности, объективное ослабление позиций ультрарадикалов с правого, левого флангов, будут приняты попытки сформировать парламент, состоящий из многочисленных и разрозненных групп. Логика будет примерно такая. Сегодня власть в руках правительства и президента. «Выбор России» — база поддержки курса реформ. Но надо заботиться о том, чтобы там были и другие силы, чтобы там была демократическая оппозиция. И я уверен, что на выборы выйдут много блоков, потенциально близких нам по многим позициям, которые они проповедуют. И каждый из них будет аргументировать необходимость такого разрозненного выхода на выборы тем, что нужно привлечь разные группы избирателей, тем, что нужно привлечь и тех, кто недоволен конкретными вариантами проводимой правительством политики, тем, что нужна демократическая оппозиция, тем, что оппозиция не может быть только коммуно-фашистской, и т. д.

Беда в том, что мы в результате можем снова получить предельно разрозненный, разобщенный парламент — парламент, вновь устроенный по принципу маленьких групп давления, отстаиваю-

щих частные интересы и по существу безответственных за судьбу страны, за происходящее в ней.

Может быть, вы помните, как в 1991 г. наше правительство, как только пришло к рычагам управления, предприняло попытку резко сократить численность аппарата управления, число министерств в несколько раз. Проанализировав потом работу Верховного Совета, вы увидите десятки решений о формировании новых органов государственной власти. Вы увидите, как этот поток, направленный на реставрацию огромной, бессмысленной в нынешних условиях государственной машины, слабо организованной инспирируется различными группами давления.

Если мы говорим о принципиальных проблемах, которые должен решить новый парламент, то в первую очередь это даже не экономическая реформа, а реформа всей системы российской государственности. Сегодня именно потому, что у нас огромное, дорогое и вместе с тем нищее государство, у нас нет эффективного механизма управления и выполнения законов, у нас нет четких гарантий прав собственности, у нас очень высокие налоги и вместе с тем предельно неэффективная система социальной защиты.

Реформа этой российской государственности, разгрузка государства от всего того, что оно не может и не должно делать в условиях рынка, — вот стержень, на мой взгляд, тех программных документов, которые представлены вам, того, что может и должен отстаивать наш блок «Выбор России».

Но надо честно признаться, что эта реформа российской государственности — огромное и тяжелое дело. Нет ничего более приятного, чем делить государственные деньги. Есть колоссальные интересы в том, чтобы эта дележка государственных денег постоянно воспроизводилась. Все те, кто в этом зале собрались, всегда поднимут руки за сокращение государственного аппарата, государственных расходов, безумной нагрузки, которую он тянет по всему народному хозяйству.

Но как только мы с вами дойдем до каждого конкретного маленького сокращения, до каждого комитетика, до каждой строчки в бюджете, выяснится, что за всем этим стоят очень жесткие, мощные, хорошо организованные социальные интересы. Без всякого сомнения, нам необходимо резко снижать нагрузку, связанную с импортными субсидиями. Но попробуйте провести это решение,

вы сразу увидите, какие это встречает ярость и сопротивление в ведомствах и министерствах, жаждущих получить валюту и кредит.

Да, конечно, льготные кредиты, существующие в жизни, стали источником коррупции. Но попробуйте их сократить на практике, и вы увидите, какая колоссальная волна сопротивления поднимется. И надо четко себе представлять, что это сопротивление не исчезло третьего и четвертого, оно продолжается сегодня, и оно будет продолжаться в следующем парламенте.

И вот здесь возникает принципиальный вопрос — какой же мы получим парламент? Мы получим парламент, в котором есть стабильное, ответственное парламентское большинство, отвечающее за положение в стране, которое должно расплачиваться за то, что не смогло выполнить свои обещания, за то, что оно не выполнило своих задач по сокращению этих безумных расходов, по постепенному снижению налогового бремени, налоговой реформе, по распределению средств социальной поддержки неэффективных предприятий, или мы опять получим парламент, в котором группки по 15–20 человек озабочены тем, чтобы выбить еще одну маленькую льготку, еще одну маленькую субсидию этой частной группке интересов, которая представляет...

Именно неверие в способность, возможность выработать ответственные парламентские демократические процедуры, ответственное парламентское большинство рождает разговоры о том, что судьба демократии в России — это дело далекого будущего, о том, что только авторитарный режим может проводить ответственную экономическую политику. Это неправда. Опыт и наш, и всего мира показывает, что демократия, нормально организовавшись, демократия, сформировав дееспособные, мощные политические структуры поддержки ответственной политики, способна наложить вето, неформальное вето на популизм, на безответственность, на неограниченный лоббизм, способна создать базу для нормальной, ответственной политики, способна снижать инфляцию, укреплять национальную валюту, снижать налоговое бремя, повышать эффективность тех функций, которые в первую очередь и должно выполнять государство: охрана порядка, обеспечение законности, поддержка самых слабых и малообеспеченных. Но для этого действительно нужна огромная воля политической элиты, для этого нужна способность организовать, добиться эффективного взаи-

модействия, не расколоться и не разделиться по мелочам, искать компромиссы и договариваться, чтобы вместе реализовывать достигнутые компромиссы.

Надо четко себе представлять, что после 1992–1993 гг., особенно после событий 3 и 4 октября, путь назад в экономике России закрыт. Ее нельзя снова восстановить и стабилизировать на тех основаниях, которые существовали у нас до 1985–1986 гг. Поэтому сегодня те, кто призывает назад, — это революционеры, они хотят еще одной революции собственности, революции хозяйственной в России. Но и больше того, надо четко себе представить, что если этот путь для нас закрыт, то путь к стабильности, путь к упорядоченной жизни существует только один — это последовательные, спокойные рыночные реформы и последовательный, спокойный демонтаж всего, что им мешает. Если мы уже не можем прыгнуть обратно в ушедший социализм, значит, стабильность в России зависит от того, насколько быстро мы сумеем сформировать те инструменты, при которых рынок, демократия и частная собственность могут нормально работать.

В связи с этим надо четко представлять себе, что призывы к умеренности и аккуратности в реформах, призывы поспешать медленно, не торопиться с жесткой антиинфляционной политикой, по-существу, это призывы к сохранению сегодняшнего беспорядка, сегодняшней нестабильности, к сохранению положения, в котором при высокой инфляции растут спекулятивные доходы, предпринимательская активность переключается исключительно на финансовую торгово-посредническую сферу, неизбежно растет дифференциация доходов. Если путь открыт нам только вперед и в рынок, это значит, что ответственная политика — это политика максимально быстрого формирования рыночных механизмов, приватизации, создания гарантий собственности.

Сегодня тот блок, который мы формируем, — это и есть партия порядка, партия того нового порядка, который единственно может быть создан сегодня в России — демократического и рыночного порядка, нового законодательства, которое надежно гарантирует права частной собственности.

И сейчас одной из важнейших задач правительства, на мой взгляд, является подготовка пакета базовых нормативных документов, которые закладывают основы надежной гарантии частной

собственности, таких как новый Гражданский кодекс, весь блок законов, гарантирующих частную собственность, да и просто весь блок новых, принципиально иных, фундаментальных правовых акций.

Работа в этом отношении правительством ведется, и мы надеемся, что эти нормативные акты сможем предложить в качестве основы работы нового парламента. Тогда он сможет сосредоточиться при поддержке ответственного парламентского большинства не на вмешательстве в текущие дела исполнительной власти, не на создании все новых органов и организаций, а на том, чем должен заниматься парламент, а это фундаментальное законодательство, бюджет, бюджетный контроль.

Мы не можем обещать легких путей решения проблем, стоящих перед Россией. Мы не можем обещать бесплатного излечения всех наших болезней. Та иллюзия, что эмиссионным финансированием можно решить хоть одну проблему, мне кажется, сегодня пропала даже уже не только у экономистов, но и просто у нормальных здравомыслящих людей, видящих, как при каждом витке инфляции у них забирают деньги из кармана. База понимания ответственной политики сегодня есть. Но если это так, то, значит, мы должны воспользоваться и разумно распорядиться этой базой. Значит, мы можем уже в следующем году, опираясь на бюджетную политику, резко сократить дефицит бюджета и перевести его на финансирование за счет нормальных, неэмиссионных источников, в 1994 г. резко сбить темп инфляции, создать принципиально новую ситуацию, при которой возможны и эффективны производственные и капитальные вложения, начать снижение процентной ставки на базе сокращения темпов инфляции, создать предпосылки постепенного снижения налогового бремени, повышения эффективности работы государственной машины.

Мы можем, наверное, обещать немного, но то, что принципиально важно, на мой взгляд, для страны, — стабильную валюту, стабильную власть, стабильное законодательство, защищающее частную собственность, перераспределение государственных средств на защиту действительно нуждающихся. Это не очень много, но это можно выполнить. Это реально, это может создать основу именно для такой политики.

Спасибо. (Аплодисменты.)

О Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации «Об укреплении Российского государства»

Выступление в Государственной думе

11 марта 1994 г.

Источник: Государственная дума Федерального собрания РФ. Первый созыв. Заседание 17 (17) от 11 марта 1994 г.: Сборник. Бюллетень № 17 (17). Ч. 1: Стенограмма.

Гайдар Е. Т., председатель фракции «Выбор России».

Уважаемые народные депутаты! Все-таки очень многих волнует то, что происходит в России, и желание поправить ситуацию звучало во многих выступлениях. К сожалению, гораздо легче, как все хорошо знают, искать виноватых, чем предлагать жизненные, реалистичные, продуманные решения, четко объясняющие, откуда возьмутся средства для решения той или другой проблемы, как конкретно его реализовать.

Разумеется, мы тоже могли бы ввязаться в интересные споры о виноватых. Скажем, спросите у наших оппонентов о 2 тыс. т российского золота, о их судьбе. Спросите о том, как, собственно, удалось на фоне рекордных объемов нефтяного экспорта накопить неуправляемый союзный долг, который сегодня на шее висит у нашей страны и является, пожалуй, ее самой серьезной и долгосрочной проблемой. Можно спросить о многом-многом другом. Но все-таки мне думается, что главное не искать виноватых, главное — пытаться найти пути выхода из того очень непростого положения, в котором оказалась сегодня страна и экономика. Самое интересное состоит в том, что в характеристике ситуации и даже в ее причинах сходятся столь разные люди, как президент и господин

Исаков¹. Оба они отметили, что наша страна, наше общество, наша экономика как бы застряли в болоте, не проскочив между нормальной, устойчивой, стабильной плановой экономикой и нормальным, стабильным, жизнеспособным, цивилизованным рынком. Именно это сегодня базовая, фундаментальная причина тех болезненных процессов, которые идут действительно во всех регионах, во всех отраслях нашей экономики.

Президент, сформулировав этот диагноз, предложил общее направление решения — укрепление российской государственности. Ну что ж, наша фракция в целом поддерживает это фундаментальное направление как способное послужить базой национального согласия. Да, никто не будет спорить с тем, что сегодня кризис российской государственности, слабость институтов власти, слабость правоохранительной системы, неэффективность государственного аппарата стали важнейшей проблемой России. Именно это во многом определяет те острые проблемы, с которыми сталкивается каждый россиянин.

Вопрос принципиальный и существенный заключается в следующем: а, собственно, как нам поправить дело? Что значит «укрепление российской государственности»? В последнее время и из выступлений с левой стороны от меня в зале, и даже из правительственных документов следует одна концепция — стратегическая концепция реконструкции российской государственности. Суть ее состоит, если предельно просто, в том, что главной проблемой сегодня стало недостаточное государственное регулирование экономики, что государственное регулирование экономики — увеличение государственного сектора, госконтроля за госсобственностью, более активная селективная политика, более активное государственное регулирование — это именно то, что сегодня способно вывести машину нашей экономики из кризиса. Надо сказать, что эта концепция в последнее время находит отражение и в практических документах, отнюдь не декларативных, таких как проект бюджета, который будет на днях представлен на рассмотрение Государственной думы.

¹ Исаков Владимир Борисович — юрист, политический деятель, один из руководителей Верховного Совета РСФСР, депутат Государственной думы РФ первого созыва, затем занимал посты в аппарате Думы, в Торгово-промышленной палате РФ; заведующий кафедрой Высшей экономической школы. — *Прим. ред.*

Если вы внимательно проанализируете этот бюджет (а это действительно стержневой документ экономической политики), то увидите, что в нем предполагается наиболее высокими темпами наращивать расходы не на здравоохранение, не на образование, не на культуру, а на содержание государственного аппарата. В нем впервые за последние годы намечена линия увеличения доли государства в валовом внутреннем продукте. Если раньше с трудом, сокращая военные расходы, сокращая субсидии, мы все-таки шаг за шагом продвигались к более дешевому государству, то сейчас намечается линия на более дорогое государство. Таким образом, возникает гипотеза, что главная проблема России в том, что у нас слишком мало чиновников и у этих чиновников слишком мало власти. Но если мы выбираем всерьез эту линию как стратегическую, надо четко себе представлять ее последствия. А последствия предельно просты.

Во-первых, тогда надо забыть пустые разговоры — или просто объявить их заведомо ложными — о снижении налогового бремени. Государственные расходы задают долгосрочную траекторию роста налогового бремени, и никакого другого пути их обеспечения нет. Если мы не ставим этой задачи, не ставим задачи сокращения налогов, надо забыть о том, что у нас будут какие бы то ни было стимулы к производительному вложению капитала, вообще стимулы к производственной деятельности. Нынешний уровень налогообложения и так предельно высок, и если мы попытаемся его еще увеличить, никакого экономического роста в России никогда не будет.

Больше того, эта линия тогда гарантированно обеспечит нам и финансовую нестабильность, и предельно высокие учетные процентные ставки, т. е. тогда российская экономика будет обречена на стагнацию, действительно на долгосрочный структурный кризис без инвестиций, обречена постепенно превращаться в колонию развитых рыночных стран. Если мы выбираем этот путь, то я, скорее, склонен согласиться с тем, что говорил здесь господин Исаков. Уж если встать на него, тогда нужно идти до конца, тогда нужно довести его до замораживания цен и заработной платы, монополии внешней торговли, как здесь было сказано, драконовских налогов... Я бы добавил в связи с этим, естественно, восстановление дефицита на всех видах товарных рынков, введение карточек, ре-

анимацию системы адресного распределения материальных ресурсов, ренационализацию собственности (потому что все это не может работать в условиях частной собственности) и, естественно, установление авторитарного режима, потому что ни в одной демократической стране такая система никогда не работала. Это понятный, последовательный и по крайней мере откровенный план, и я благодарен господину Исакову за то, что он здесь его так четко и откровенно изложил.

Мы этот план, разумеется, не можем принять. На мой взгляд, попытка его осуществления в России была бы страшной авантюрой. Мы очень дорого заплатили за то, чтобы попытаться выпутаться из огромных социальных и экономических проблем, связанных с попыткой реализовать такую авантюру первый раз в России. У нас нет ресурсов, чтобы осуществить это во второй раз, но, по крайней мере, это позиция. Мы ее не разделяем.

Мы глубоко убеждены в том, что выход из сегодняшнего состояния российской экономики один — это действительно путь укрепления российской государственности, но не за счет увеличения числа чиновников (и числа взяток, которые они будут иметь возможность получать). Это путь радикальных реформ, направленных на всемерное сокращение неэффективных государственных расходов, на сокращение государственного аппарата, на отказ от ненужных, по существу лишь порождающих коррупцию форм регламентации хозяйственной жизни, которые нам так и не удалось одолеть, начиная от лицензирования различных видов деятельности и кончая адресным регулированием внешней торговли, которое стало важнейшим источником коррупции по всей России.

Короче говоря, это путь серьезных рыночных реформ, которые позволяют создать институты, дающие возможность не просто существовать рынку, не просто покупать товары людям в магазинах без очереди, но расти, развиваться российской экономике, инвестировать, становиться технологически более развитой. Это путь к более дешевому государству, путь к государству более экономному, к более низким налогам, к более низким процентным ставкам, к четкой регламентации прав, обязанностей и действий государственного аппарата, путь к четкой регламентации прав частной собственности.

Без этих элементарных инструментов сегодня, хватаясь за утопии старых командных методов, вывести российскую экономику из кризиса мы не сможем. Именно с этих позиций наша фракция будет подходить к оценке и поддержке тех законодательных инициатив, которые будут выдвигаться в Думе.

Мы всегда поддержим предложения, направленные на снижение неэффективных государственных расходов, на перераспределение средств от неэффективных предприятий на науку, культуру, образование. Мы всегда поддержим предложения, направленные на снижение налогового бремени и налоговую реформу, естественно, хорошо подготовленную, непопулистскую. И мы всегда поддержим те предложения, которые позволят заложить надежные основы защиты собственности в России, без которой никакого развития рынка не будет.

Я убежден, что сильное российское государство — это не государство, бряцающее оружием и пытающееся запугать соседей. Это государство с сильной валютой, с низкими налогами, с надежными гарантиями собственности, с надежным правопорядком. Именно такое государство нужно сегодня россиянам. Спасибо.

Выбор, который мы предлагаем России

*Речь на учредительном съезде партии
«Демократический выбор России»*

12 июня 1994 г.

Источник: ЦАОДМ, ф. 8716, оп. 1, д. 7. Опубликовано в журнале «Открытая политика». 1993. Сентябрь. № 2. С. 49–53.

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Программа, предложенная на ваше рассмотрение, выработывалась на протяжении нескольких месяцев, активно обсуждалась, корректировалась на совещании региональных депутатов. Она вам роздана. Не буду ее пересказывать, так же как не стану говорить о таких сюжетах, как инфляция, рост денежной массы, дефицит бюджета, и о многом, многом другом, о чем приходилось говорить неоднократно и в этом, и в других залах.

Сегодня, обсуждая вопросы программы, хотел бы остановиться только на одном вопросе: зачем мы создаем партию, на какие традиции в истории России мы опираемся, какой, собственно, выбор мы России предлагаем?

Надо быть поразительно неосведомленным в истории собственной страны, чтобы полагать, что идеи экономического развития, базирующегося не на принуждении, а на законности, частной собственности, уважении к правам человека, привнесены в нашу страну из-за океана на парашюте. Сюжет русской истории на протяжении последних веков во многом вращается вокруг фундаментальной дискуссии о том, как России ответить на вызов времени.

Близкая к тому центру беспрецедентного ускорения экономического роста, каким стала Европа со второй половины нашего тысячелетия, культурно, географически связанная с Европой Россия не обладала набором предпосылок, которые обусловили это органичное, как бы вырастающее из земли ускорение экономического

развития: долголетней, протянувшейся на многие века стабильностью отношений собственности (в том числе земельной собственности); надежной уверенностью в том, что плоды твоего труда, твоей инициативы не отнимут по произволу ни чиновник, ни разбойник. Этот поток малых, больших и крупнейших инноваций, который, собственно, и сделал Европу центром экономического роста, был совсем рядом. Для России вопрос о том, как отреагировать на этот вызов времени, всегда был ключевым. В истории России на протяжении веков борются две принципиальные тенденции, два стратегических ответа на этот вызов.

Первый из них связан с максимальным усилением государства, с подчинением ему интересов личности, с концентрацией в руках государства максимально возможного объема материальных, финансовых, властных ресурсов и полномочий, с использованием этих ресурсов для укрепления военной мощи, инициирования экономического развития.

Второй связан с попыткой создать тот набор предпосылок, при которых потенциал России сможет реализовываться на основе инициативы граждан, стабильных, надежных источников постоянного экономического роста. Для одних история России — это путь от Ивана Грозного к Николаю I и Сталину, для других — это тяжелый путь от кодификации права, проектов Сперанского к великим реформам Александра II, к земству, к формированию местного самоуправления, к финансовым реформам Вышнеградского и Витте, к аграрным реформам Столыпина.

К началу XX в. казалось, что Россия твердо выбрала второй путь в своем развитии. Всякий, кто изучал историю начала XX в., знает, как с каждым месяцем росла экономическая мощь государства, как окрепла общественная система, как, наконец, на основе земельной реформы создались предпосылки роста благосостояния в деревне, как год от года укреплялись государственные финансы, как Россия, создав предпосылки, позволяющие ее народу мобилизовать огромный творческий потенциал, начинала догонять ушедшие вперед государства Западной Европы. Трагическая мировая война, экстремизм перечеркнули надежду на реализацию этого потенциала российского развития.

Общественный строй, который после революции в России воцарился на многие десятилетия, был, пожалуй, самым радикальным

и самым последовательным ответом на вызов Европы, реакцией на этот вызов, предполагавшей полное устранение всех механизмов общественного и экономического саморегулирования, всех, даже мельчайших, элементов общественной независимости, подчинение всех ресурсов страны государству, концентрацию их на задачах военного строительства и индустриализации. На протяжении 70 лет Россия демонстрировала миру великий эксперимент. Однако можно ли таким образом ответить на вызов мощного, растущего из земли органического роста? История дала однозначный ответ: нет, нельзя.

Здесь, в этом зале, присутствуют многие люди, приложившие руку к преобразованиям конца 1980-х — начала 1990-х годов. Но давайте не будем переоценивать собственную роль. Не мы сокрушили коммунизм. Коммунизм в России развалился. Он развалился под гнетом собственной неспособности решить проблемы страны, накопив огромный внешний долг, расхитив валютные запасы, разбазарив природные ресурсы, посадив страну на страшную иглу ежегодной зависимости от крупномасштабного аграрного импорта, явно утратив идеологическую привлекательность. Он развалился, оставив после себя отнюдь не цветущий луг, а бурьян, колючки, искореженную бульдозером почву. И в этом колоссальная проблема, которая стоит сегодня перед Россией, перед нами.

Потенциал роста, основанного на государственном принуждении, в России исчерпан. Этот эксперимент закончился. Но он в огромной степени нарушил те внутренние, органичные структуры общества, которые нужны, чтобы обеспечить динамичный, нормальный, спокойный экономический рост на основе общественной инициативы. Нет стабильных отношений частной собственности, нет традиций, которые их оправдывали бы. Нет стабильных традиций правопорядка в условиях демократии. Нет устойчивых социальных структур. Нет привычки к общественной самоорганизации. Нет всего того, что позволяет обществу развиваться органично и развивать процесс изнутри, из инициативы своих граждан. И все это не появляется по нашему желанию, просто потому, что нам так хочется. Чтобы создать почву органического роста, нужна огромная работа, нужна защита ее от тех, кто хотел бы еще раз утрамбовать российскую почву паровым катком.

Тот экономический курс, который проводится на протяжении последних полутора лет, является по своей природе курсом компромиссным, курсом в значительной степени колеблющимся. Он не дает ответа на фундаментальный вызов российского развития. Это скорее уход от ответа, чем ответ. У государства уже нет сил для того, чтобы обеспечивать экономический рост, у общества еще нет предпосылок для того, чтобы генерировать этот рост из себя. Мы уже не можем финансировать индустриализацию, экономическое развитие за счет еще больших объемов налогов, и вместе с тем мы еще не создали предпосылок, при которых это развитие идет за счет самоинициативы, частной инициативы, частных сбережений, частных инвестиций. Этот уход от вызова опасен. Он создает предельно нестабильную социально-политическую экономическую среду, являющуюся питательным бульоном для экстремистских экспериментов. Нет экономического роста, перебаламучена социальная структура, растет неравенство, не хватает денег на содержание социальной и производственной инфраструктуры, нет средств для поддержания на должном уровне образования, науки, культуры и того огромного потенциала, который все-таки существует и создан был в России. Если продолжить эту тенденцию, то за 3–4–5 лет страна окажется надежно отброшенной в реальную колониальную зависимость — отброшенной под фанфарные заявления о национальном величии, национальных интересах, о необходимости военного строительства, протекционизма и т. д. Все мало-мальски здравомыслящие люди понимают, что в сохранении статус-кво у России нет перспективы. Принятие такого выбора означало бы, что социалистический эксперимент надежно и навсегда закрыл нашей стране дорогу к достойному будущему. Я лично с таким ответом не согласен и убежден, что подавляющее большинство здесь присутствующих тоже. Но, конечно, из этого питательного бульона постоянно растут идеи, предложения, инициативы, направленные на то, чтобы еще раз повернуть развитие страны вспять, еще раз поставить крупномасштабный социалистический эксперимент, еще раз попытаться прищипорить развитие России по направляемому государством пути. У них есть база — база недовольства значительной части населения тем, что происходит сегодня, тем межсистемным беспорядком, когда нет ни надежного, устойчивого, хотя и неэф-

фективного, тоталитаризма, ни надежных, устойчивых гарантий демократии и частной собственности.

И эту дезориентированную часть населения будут всегда пытаться повернуть на службу опасному эксперименту, стратегически абсолютно безнадежному для России. Безнадежному потому, что нет уже пусть ошибочной, но демонически привлекательной идеи построения коммунистического общества. Безнадежному потому, что нет природных ресурсов, которые уже были разбазарены на прошлой попытке «великого скачка», потому что изменились сами закономерности нового этапа экономического роста. И тем не менее такая угроза, угроза радикального поворота, в России существует. Мы не должны о ней забывать. И те люди, которые думают о нашей стране, о ее интересах и ответственности перед миром, должны сделать все для того, чтобы поставить предел подобного рода попыткам.

Главное средство не допустить успеха подобных экспериментов очевидно. Это создание предпосылок устойчивого экономического роста на рыночной основе, т. е. завершение того дела, которое было начато реформаторами XIX в. и столь трагически оборвано в 1917 г. Создать предпосылки устойчивого экономического роста в переводе на простой, обыденный язык последних десятилетий означает создать предпосылки экономического чуда на российской почве.

Экономическое чудо в последнее время стало вполне техническим термином. В нем не больше чудесного, чем в радиотелефоне. Компоненты его — абсолютно необходимые предпосылки для того, чтобы обеспечить рост, базирующийся не на принуждении, не на том, что у граждан отбирают все, что у них есть, а на том, что создаются предпосылки, позволяющие использовать инициативу общества. < Они > достаточно ясны и очевидны. Стабильная национальная валюта, стабильный порядок, стабильное право, защищающее частную собственность, открытая экономика, низкие военные расходы, мирная внешняя политика, на этой основе высокие национальные сбережения, высокие частные инвестиции. Вот тот нехитрый объем предпосылок, который необходим для того, чтобы Россия, как и многие другие страны, пошедшие по этому пути раньше, начала быстро и динамично развиваться.

Создать эти предпосылки — вот фундаментальная задача, которую мы должны решить, чтобы быть на уровне вызова времени.

* * *

Не останавливаясь на всех компонентах этой работы, скажу о нескольких принципиальных проблемах, которые, по моему глубокому убеждению, должны быть решены, чтобы Россия смогла нормально развиваться.

* * *

Начну, пожалуй, даже не с экономики, а с одного из фундаментальных вопросов нынешней политики — с оборонной политики и безопасности.

Не бывает и не было еще в истории страны, которая обеспечивала бы динамичный экономический рост, направляя 5% своего валового внутреннего продукта на нужды обороны. Сегодня из каждого рубля налогов, которые поступают в федеральный бюджет, 50 коп. идет на финансирование оборонных расходов. И при этом армия недофинансирована, при этом остро не хватает денег на ее содержание, на нормальное вооружение, на разработку высокоточного современного оружия.

Конечно, России нужна надежная, высокоэффективная армия, мобильная, хорошо оснащенная, вооруженная «умным» оружием. Но мы никогда не будем ее иметь, так же как мы никогда не будем иметь динамично развивающейся экономики, если не соберемся с силами для серьезной, глубокой военной реформы. У нас сегодня армия, доставшаяся в наследство от Советского Союза, — армия, непосильная России ни по объему призывников, ни по финансовым ресурсам, армия, которая остро нуждается в серьезной и последовательной реорганизации, реформе, позволяющей сократить ее до тех размеров, которые, скажем, были в армии советской России в начале 1930-х годов, т. е. примерно в 4 раза по сравнению с нынешним уровнем, армии хорошо оснащенной, поэтому хорошо вооруженной, хорошо обеспеченной. Бессмысленно иметь огромную, плохо финансируемую, голодную армию. Она не будет адекватна своим задачам, она не будет нужна нашей стране. Количество генералов все-таки должно соответствовать количеству солдат, а не количество солдат — количеству генералов. (*Аплодисменты.*)

Еще раз подчеркиваю, что в этом нет ни грана неуважения к армии. Именно потому, что мы заботимся о ее боеспособности, мы абсолютно убеждены, что нужна последовательная, спокойная, организованная реформа, в полной мере учитывающая социальные проблемы военнослужащих.

Все наши расчеты и оценки показывают, что разговор о том, что сокращение армии нам финансово непосильно, основаны на дезинформации. Нам непосильна попытка удержаться в военном строительстве на том уровне, который был достигнут в условиях тоталитарного государства, все свои силы бросавшего на военные нужды.

* * *

Колоссальная проблема сегодняшней России — это огромный и неэффективный государственный аппарат, легионы чиновников, кстати не всегда хорошо оплачиваемых, но зато имеющих огромные возможности привлечения не совсем легальных дополнительных доходов, которые постоянно из себя генерируют все новые и новые инициативы, суть которых предельно проста: придумаем способ, позволяющий выстроить у наших кабинетов очередь людей, желающих получить вождеденное разрешение.

Сегодня именно незавершенность реформы государственного аппарата, огромные и ненужные ограничения на работу нормальных рыночных механизмов — вот главный источник коррупции, того страшного зла, которое разъедает Россию. Это же и серьезное препятствие на пути снижения реального налогового бремени, позволяющем добиться, чтобы производственная деятельность не была просто бессмысленной, как это происходит в нынешних условиях.

Необходима серьезная реформа государственного управления, отмена ненужных ограничений, сокращение государственного аппарата, реорганизация государственных расходов таким образом, чтобы они были сосредоточены на том, что нужно государству: на правоохране, культуре, образовании, здравоохранении, науке, т. е. на важнейших направлениях, которые определяют социальное здоровье и будущее общества. Эта задача должна быть решена для того, чтобы экономический рост России стал реальностью.

* * *

Структурная перестройка экономики и неэффективные предприятия. Нет ни одной успешной экономики, которая обеспечивала бы рост на основе массового сохранения неэффективных предприятий, на основе масштабного вложения в них средств, которые забирают у тех, кто работает хорошо и эффективно, и перераспределяют в пользу тех, кто работает плохо. Это не нужно никому, в том числе слабым предприятиям. Давайте не позволим вводить себя в заблуждение. Мы помогаем чаще всего не предприятиям, а директорам, не умеющим работать в условиях рынка, сохранить их кресла. (*Аплодисменты.*)

Анализ показывает, что при всех различиях в положении отраслей народного хозяйства, при всех объективных трудностях, которые сегодня есть, главный фактор, который определяет экономическое положение предприятия, — это способность его управленческой команды нормально работать в условиях изменившейся экономики, в условиях, когда нужны другие качества, другие знания и другие умения. Создать предпосылки реструктуризации предприятий, обновления управленческих кадров — это та задача, которая стоит перед нами. Вот почему мы всегда будем настаивать на усилении финансовой ответственности, на принятии эффективных законов о банкротстве, на том, чтобы центр тяжести перенести с поддержки «директоров-инвалидов» на поддержку действительно нуждающихся граждан.

Аграрная реформа. Здесь мы должны быть самокритичными. Уже в 1992 г., особенно после известного назначения г-на Руцкого главным начальником над аграрной реформой, она была существенно замедлена. Осенью 1992 г. был допущен ряд серьезных ошибок, еще больше тормозивших ее, а с 1993 г. она практически остановилась. Недавнее решение о передаче большей части фонда перераспределения земли обратно колхозам и совхозам практически поставило жирный крест на той попытке создания рыночного сектора в сельском хозяйстве, когда все-таки удалось дать импульс в конце 1991 — начале 1992 г.

Да, нам удалось легализовать право на выход из колхозов и совхозов с землей, с имуществом, закрепить это в нормативных ак-

тах. Не удалось сделать другого: добиться, чтобы это право не было просто декларировано, а могло быть реализовано на практике.

Мы категорически против любых форм насильственной реорганизации колхозов и совхозов, против того, чтобы сверху навязывать любые формы организации сельхозпроизводства. Но это не значит, что государство должно, как дойная корова молоком, постоянно кормить нежизнеспособные, неэффективные, заведомо нерентабельные хозяйства, чтобы, не дай Бог, на их месте нормальные, работающие мужики не организовали хозяйство так, чтобы оно было эффективным и конкурентоспособным. Слухи о том, что в России нельзя производить продовольствие, которое будет конкурентоспособным по сравнению с западноевропейским, при заработной плате, которая в 20 раз ниже той, которая существует в Западной Европе, — это, по-моему, просто свидетельство глубокого неуважения к собственному народу. (*Аплодисменты.*)

Нам нужен новый и серьезный этап аграрной реформы, суть которого — обеспечение на практике тех прав, которые были прокламированы; нужно новое законодательство о земле, нормально закрепляющее и легализующее частную собственность, без которой никогда не будет нормального сезонного кредитования и все сельхозпроизводители так и будут ходить с протянутой рукой за государством: «Подайте сезонные кредиты!» Нужна помощь в становлении системы крестьянских банков, инфраструктуры сельского рынка, естественная и нормальная защита наших товаропроизводителей от демпинга там, где это демпинг. Нужна помощь в экспорте сельхозпродукции там, где он может быть реальным и конкурентоспособным. Короче говоря, нужна серьезная аграрная реформа, а не попытки ухватиться за разваливающиеся остатки колхозно-совхозного строя. Это будущее российской деревни. (*Аплодисменты.*)

***

Важнейший для нас вопрос внешней политики при всей значимости всех других вопросов наших отношений с миром, с Соединенными Штатами, с Европой, с Китаем — это все-таки вопрос о так называемом ближнем или новом зарубежье, о наших отношениях с новыми независимыми государствами, сформировавши-

мися на базе Советского Союза. Это вопрос, задевающий судьбы 25 млн русских, проживающих в этих странах. Это вопрос, задевающий практически всякого российского человека, потому что у всех есть либо связи, либо знакомые, либо родственники в этих государствах, потому что мы культурно и экономически связаны. Это вопрос, задевающий почти каждое российское предприятие, имевшее связи, рынки сбыта, поставщиков в этих регионах. Это ключевой долгосрочный политический вопрос для России.

И здесь тоже есть две стратегии. Европу силой оружия пытались объединить много раз. И то, что никогда не удавалось ни с помощью гренадерских полков, ни с помощью танковых дивизий, было сделано на основе спокойной, организованной, лишенной внешней сенсационности работы по формированию единого европейского рынка. И мы глубоко убеждены в том, что спокойная, не подчиненная текущим краткосрочным политическим соображениям работа по формированию единого рынка, объединяющего территорию бывшего Советского Союза, — это стратегическая задача России, любого ответственного российского правительства, задача экономическая и политическая. Это спокойный путь от свободной экономической зоны к таможенному союзу, от таможенного союза к созданию координационных органов, к валютному союзу. Но это путь, который может быть реализован при двух фундаментальных предпосылках. Первая. В том случае, если сама российская экономика будет стабильной, рыночной и привлекательной. Пока при всех наших сегодняшних проблемах российский рынок — это самый привлекательный рынок для государств Содружества, пока российский рубль — одна из самых устойчивых валют здесь, конвертируемая валюта, до тех пор можно быть уверенным, что внутренние силы экономической интеграции будут работать на наше сближение. Они не дадут объективной возможности экстремистам, национал-экстремистам поставить пределы на пути развития нормального экономического сотрудничества, за которым всегда, если его не подстегивать, неизбежно, шаг за шагом, идет и развитие политического сотрудничества.

Но здесь есть огромная опасность — опасность поддаваться магии политических призывов, под лозунги немедленного восстановления единства сломать сложившийся стержень мало-мальски стабильных и устойчивых российских институтов.

Мы знаем, что нашему налогоплательщику вполне хватает того налогового бремени, которое взвалило на него государство. Переобременять его дальше будет неправильно, безответственно, и кончится это развалом российской экономики, за которым отнюдь не последует никакой интеграции в рамках бывшего Советского Союза. Поэтому наш выбор в этой политике предельно прост: мы за всемерное стабильное развитие экономической интеграции бывших республик Советского Союза. Мы за то, чтобы использовать имеющиеся в нашем распоряжении рычаги для защиты всех гражданских прав русских и русскоязычных в республиках бывшего Советского Союза. Но мы категорически против политиканства, против того, что может обернуться обострением национальных конфликтов, против решения проблем других государств за счет российского налогоплательщика. *(Аплодисменты.)*

Можно абсолютно твердо и однозначно сказать: у России стратегически сегодня нет другого курса, кроме курса стабильного экономического развития на базе рынка и частной собственности. Любые другие эксперименты обрекают Россию на катастрофу или долгосрочное прозябание, отнимают у нее шанс быть достойной своей истории великой страной.

Но надо видеть и другое. Этот курс верный, но это курс против сильного встречного ветра. У России действительно нет очень многих фундаментальных предпосылок, необходимых для того, чтобы движение по этому пути было легким и безболезненным. И самое главное — у нее действительно нет стабильных, долгосрочных традиций частной собственности, частного предпринимательства и законопослушания в условиях демократии.

Наши противники будут делать все, чтобы заблокировать шанс России на достойное будущее. У них в распоряжении испытанное, надежное оружие: демагогия, ложь, пустые обещания. Мы можем противопоставить этому только одно — правду. Но чтобы донести эту правду до российского общества, до избирателей, чтобы она не осталась только нашей с вами правдой, а стала правдой общества, нам нужна эффективная, сильная, серьезная политическая организация. Именно для этого мы и создаем партию! *(Аплодисменты.)*

Мы инициировали процесс создания партии, процесс создания достаточно организованной политической силы, объединяющей единомышленников. Думаю, подавляющая часть из присутствующую

щих по горло сыта слабыми межрегиональными коалициями, неспособными обеспечить претворение в жизнь собственных решений, сыта борьбой за власть в тех или других демократических структурах, сыта неорганизованностью и неразберихой.

Может быть, где-то мы ошиблись, может быть, где-то нам еще не удалось найти единомышленников, может быть, кто-то по ошибке сел на другой поезд. Еще есть время сойти с этого поезда, отойти в сторону.

Глубоко убежден, дезорганизованная, построенная как мягкая межрегиональная коалиция структура имела бы столько шансов победить в предстоящей нам борьбе, как удельная княжеская конница в бою против бронетанковой дивизии.

Мы создаем партию, потому что верим в свою страну, верим в ее потенциал, верим в то, что она может и должна стать страной свободных и обеспеченных людей. Мы создаем партию, чтобы отстоять достойное будущее России.

По поводу «Кролл интернэшнл»

Выступление в Государственной думе

21 июля 1994 г.

Источник: Государственная дума Федерального собрания РФ. Первый созыв. Заседание 51 (51) от 21 июля 1994 г.: Сборник. Бюллетень №51 (51). Ч. 1: Стенограмма.

Гайдар Е.Т., председатель фракции «Выбор России»:

Уважаемый председатель, уважаемые коллеги! Меня наш коллега депутат Семаго попросил осветить вопрос, связанный с деятельностью компании «Кролл интернэшнл» по контракту с российским правительством. Я коротко расскажу. Компания «Кролл интернэшнл» — довольно известная международная компания, занимающаяся вопросами финансовых злоупотреблений и поисками расхищенных средств за рубежом. Компания известна целым рядом успешных операций, в частности, по поискам денег, похищенных в свое время наследниками папы Дока в Гаити, иракских денег и т. д.

Компания обратилась к российскому правительству с письмом 27 ноября 1991 г. с предложением оказать помощь в розыске российских средств, укрываемых за рубежами России. В тот момент эта проблема нас в высшей степени беспокоила в связи с тем, что были открыты данные о катастрофическом снижении валютных резервов и золотого запаса, т. е. выяснилось, что только за 1990 г., скажем, золотой запас был сокращен примерно на 400 т, а в общей сложности сокращение составило с 1300 т в 1986 г. до чуть менее 300 т в конце 1991 г. Параллельно практически полностью были использованы валютные ресурсы, которые составляли около 15 млрд долл. в 1985 г. и к концу 1991-го сократились до нуля.

Так как, естественно, этот процесс не имел прецедентов в мировой финансовой практике, конечно, возник вопрос о том, а где, собственно, золото и где деньги? Такие задачи мы, конечно, ста-

вили перед нашими правоохранительными органами, включая Службу внешней разведки и Министерство безопасности. Два ответственных сотрудника Министерства безопасности, до этого работавшие в первом главке КГБ, обратились с письмом к Президенту Российской Федерации с предложением привлечь компанию «Кролл интернэшнл» к поиску вкладов. По поручению президента я принял этих сотрудников, после этого встречался с руководством компании «Кролл интернэшнл».

Есть две группы международных компаний, которые оказывают помощь правительствам суверенных государств в борьбе с подобного рода злоупотреблениями. Первые из них — это компании, которые берут на себя контроль в целом за экспортом и импортом, соответственно за злоупотреблениями в области поставок, качества продукции и цен. Сотрудничество с подобного рода компаниями для нас в то время было, к сожалению, невозможно по одной элементарной причине, о которой я сказал в самом начале: это очень дорогие услуги. Их стоимость составляет десятки миллионов долларов в год, а к этому моменту наши валютные ресурсы, к сожалению, ничего подобного делать не позволяли.

Работа компании типа «Кролл интернэшнл», конечно, намного дешевле и вместе с тем по той ситуации, которая складывалась к началу 1992 г., все равно была достаточно финансово обременительной. В связи с этим мы, посоветовавшись, приняли компромиссное решение: попробовать заключить временный контракт на три месяца. Он был заключен и продолжался, если память мне не изменяет, с марта по май 1992 г., с тем чтобы посмотреть, собственно, есть ли шансы поставить эту работу на самоокупаемость. Короче говоря, чтобы мы тратили деньги, ожидая и зная, что сможем получить крупные дополнительные валютные ресурсы, которые были укрыты от российских властей. Компания развернула эту работу, она вела ее вместе со Службой внешней разведки, с Министерством безопасности и Министерством внешних экономических связей. По итогам работы трех месяцев компания сделала в общем немало. Естественно, она вела работу своими методами. Я не имею никакой возможности их здесь описывать. Она вела работу в первую очередь по крупным российским контрагентам за рубежом и по крупным российским экспортно-импортным предприятиям. По итогам трех месяцев выяснилось, что, конечно,

объем работы совершенно огромный, а шансы найти и получить серьезные результаты крайне проблематичны в этой краткосрочной перспективе, т. е. много информации, много полезных данных, которые могут быть использованы в работе, но ничего такого, из чего можно на протяжении нескольких месяцев получить серьезные и крупные валютные ресурсы. Если бы ситуация складывалась, как сегодня, в 1994 г., при абсолютно другом валютном положении страны, мы могли бы продолжить этот контракт, сделать его долгосрочным и тогда, может быть, при сотрудничестве с СВР и МБ получить результаты. Но все понимают, что это все-таки «ловля рыбы», т. е. ты тратишь деньги с непредсказуемым результатом.

По ситуации, которая складывалась к маю 1992 г., когда наши валютные резервы составляли не несколько миллиардов долларов, а несколько десятков миллионов долларов, мы сочли невозможным продолжение данного контракта. Договорились с компанией о том, что в принципе мы открыты к сотрудничеству, если ситуация изменится, мы можем возобновить такую работу.

Я считаю, что ситуация сейчас совершенно другая, чем была весной 1992 г. Такое сотрудничество возможно. Но я абсолютно убежден, что оно может быть эффективно при одной, необходимой предпосылке: оно может быть эффективно только при очень тесной координации работы с нашими собственными правоохранительными службами, т. е. в первую очередь с СВР и со службой контрразведки по их инициативе. Без этого, если, скажем, эта работа ведется в отрыве от наших правоохранительных служб, это пустая трата валюты.

Вот вкратце то, о чем хотелось сказать.

Председательствующий: Спасибо.

Гайдар Е.Т.: Да, потратили 900 тыс. долл. Сумма на фоне того, что говорил вчера Павел Павлович Бородин¹, представляется достаточно комичной. Но по тем временам это были довольно серьезные деньги.

¹ 20 июля 1994 г. Дума заслушала информацию П.П. Бородина, управляющего делами Президента Российской Федерации, о реконструкции официальной резиденции Государственной думы и обеспечении депутатской деятельности — о жилье для депутатов и их семей, об автомашинах, дачах и тому подобных благах.

< О политике и политиканстве >

Выступление в Государственной думе

5 октября 1994 г.

Источник: Государственная дума Федерального собрания РФ. Первый созыв. Заседание 53 (53) от 5 октября 1994 г.: Сборник. Бюллетень № 53 (53). Ч. 1: Стенограмма.

Гайдар Е.Т., председатель фракции «Выбор России»:

Дорогие друзья! Я хотел бы поддержать по ряду направлений сегодняшние выступления господ Зюганова и Назарчука¹.

Во-первых, я хочу разделить их озабоченность очень непростым экономическим положением, которое складывается осенью 1994 г.

Во-вторых, я хочу согласиться с тем, что, пожалуй, самая острая на сегодня проблема — это недофинансирование бюджета и резкое расхождение того бюджета, который исполняется реально, с тем, который принимался в этом зале совсем недавно.

И в-третьих, я хочу согласиться с тем, что, конечно, на правительстве лежит значительная часть ответственности за тот острейший бюджетный кризис, который сегодня разворачивается в России.

Но все же я хотел бы призвать наших коллег к тому, чтобы, хорошо видя большую соломинку в глазу правительства, мы не забывали о том бревне, которое есть и в нашем собственном глазу. Этот бюджет мы принимали, прошу прощения, не сто лет назад и не за тридевять земель. Мы принимали его три месяца назад в этом самом зале, только не переоборудованном. И в этом зале мы неоднократно говорили, что бюджетные доходы завышены, резко завышены, поэтому бюджетные расходы в таком виде

¹ Назарчук Александр Григорьевич — государственный деятель, член Аграрной партии; в 1994–1996 гг. — министр сельского хозяйства РФ, в 1996–2008 гг. — председатель Алтайского краевого Совета народных депутатов; в разные годы был членом Совета Федерации и депутатом Госдумы РФ. — *Прим. ред.*

произведены не будут. Все мы знали прекрасно (кто хоть немножко знает российскую экономику), что не будет расходов в 27 пунктов валового внутреннего продукта, а будет максимум в 21.

Все, кто хоть что-то слышал про нашу экономику, знают, что налоговые поступления будут не 17, а 13... Об этом мы говорили. А что было сделано? А сделано было под давлением тех, кто сидит вот с этой стороны от меня, прямо противоположное.

Мы увеличили расходы на 10 трлн руб., потому что говорили, что у нас появятся какие-то крупные доходы... Потом внесли этот бюджет, потом здесь, в зале, увеличили расходы еще на несколько триллионов рублей, сказали, что еще какие-то доходы появятся. А теперь говорят: смотрите, не исполняется бюджет, нет доходов, что ж это делается? Куда же правительство смотрит? Давайте-ка его к ответу...

Вы знаете, есть политика и политиканство. Можно серьезно расходиться во мнениях о том, как расходовать бюджет. Можно спорить (действительно, согласен, отложив многие другие законопроекты) до хрипоты, не жалея времени, о том, на что потратить деньги в первую очередь: на дотации селу или на науку и культуру. Но это политика. А политиканство — это когда вы из воздуха придумываете триллионы, потом их делите, а после выясняется, что этих денег нет. И реальный бюджет исполняет, и принимает по нему решения не Дума, не президент и не правительство, а девочка в Министерстве финансов, которая выписывает платежки.

Если мы будем продолжать эту линию безответственного политиканства, прикрываемого слезливыми словами о бедах народа, не принимая на себя серьезной ответственности за то, чтобы те деньги, которые реально есть сегодня в стране, распределить наиболее разумным образом, тогда и не надо сожалеть о том, что мы своими руками отдаем власть, что после этого никто с парламентом в серьезнейшем вопросе распределения бюджета считаться не будет.

(Шум в зале, выкрики.)

Сегодня многие наши избиратели (а я, так же как и вы, с ними встречался) спрашивают: «А почему, собственно, в августе пошли вверх процентные ставки? А почему резко пошел вверх курс доллара в сентябре? А почему в сентябре начала резко

ускоряться инфляция?» В общем-то любому (опять же тому, кто хоть немножко знает нашу экономику и знает о стандартных временных зависимостях) ясно, что это происходит из-за того, что с апреля резко пошли вверх темпы роста денежной массы, а это в свою очередь произошло потому, что правительство дрогнуло под напором коммунистов и аграриев и на 9 трлн увеличило ассигнования в бюджете. И после этого думать, что можно избежать ускорения инфляции со стандартным четырехмесячным лагом, могут люди либо совсем ничего не знающие, либо, что более вероятно, не желающие знать о том, что им придется отвечать за собственные решения.

(Шум в зале, выкрики.)

Так вот я считаю, что главной проблемой для нашего парламента, если он хочет стать парламентом, хочет стать Государственной думой (*шум в зале*), является решение той задачи, которую смогли в четвертой и третьей Думе решить наши предшественники. Это требование реального бюджета — бюджета, который может быть исполнен, и разговоры, дискуссии только вокруг реального бюджета: как его распределить, а не сладкие сказки о том, что, мол, откуда-то возьмутся деньги, а потом всхлипывания: почему же они не взялись? (*Аплодисменты.*)

О национальной валюте и об ошибках Центробанка¹

Выступление в Государственной думе

12 октября 1994 г.

Источник: Государственная дума Федерального собрания РФ. Первый созыв. Заседание 55 (55) от 12 октября 1994 г.: Сборник. Бюллетень №55 (55). Ч. 1: Стенограмма.

Гайдар Е.Т., председатель фракции «Выбор России»:

Уважаемые коллеги, в данном случае я постараюсь быть абсолютно аполитичным, говорить о чисто профессиональных вопросах.

Есть масса сложных и интересных политических проблем, но динамика курса рубля в России в общем неплохо прогнозируема. Если вы посмотрите, что с ним происходило на протяжении двух с половиной лет, то моменты напряженности, падения и подъема курса поддаются довольно элементарному общеэкономическому анализу и прогнозированию. И что, собственно, показывает этот анализ? Конечно, довольно жесткую и неприятную связь между темпами роста денежной массы, агрегатами, которые называются М-2, М-3, и динамикой цен со стандартным лагом в четыре месяца, а также динамикой курса.

Что у нас произошло с конца 1993 г. и почему, собственно, уровень инфляции весной и летом был относительно низким, а динамика курса прогнозируемой? Было создано три фундаментальные предпосылки. Виктор Владимирович Геращенко называл их в своем выступлении. Первая — темпы роста денежной массы устойчиво «ушли» ниже 10% в месяц, примерно на уровне 7–8% в месяц. Вторая — была обеспечена сравнительная выгодность депозитов

¹ Выступление состоялось на следующий день после известного «черного вторника» — острого валютного кризиса, когда рубль сразу подешевел примерно на четверть. — *Прим. ред.*

рублевых по сравнению с депозитами долларовыми, т. е. с учетом темпов обесценения курса хранение денег в рублевых депозитах оказалось более выгодным. И третья — была обеспечена устойчивая позитивная процентная ставка.

Все эти три абсолютных технических параметра довольно жестко задали нам с естественным временным лагом снижение темпов инфляции весной и летом 1994 г. и прогнозируемую динамику курса, его обесценение примерно на 4% в месяц с небольшими колебаниями в полпроцента. И все это происходило на фоне высокого объема валютных резервов, которые к концу 1993 г. вышли на уровень, превышающий 5 млрд долл. Вот база относительной финансовой стабильности весны — лета 1994 г.

Где произошел существенный перелом? Существенный, базовый перелом произошел в апреле 1994 г., когда темпы роста денежной массы в первую очередь из-за увеличения объема финансирования бюджета вышли на уровень, примерно в 2 раза превышающий уровень осени 1993 — весны 1994 г., т. е. вместо 7% достигли примерно 15%. И, собственно, с апреля, когда темпы роста денежной массы вышли на этот уровень, общий перелом в динамике курса стал как бы неизбежным. Дальше был вопрос, когда и в каких формах это проявится, о чем в общем правильно говорил сегодня Геращенко.

Что дальше произошло наиболее существенного? Наиболее существенным было естественное, с естественным временным лагом, изменение важнейших денежных параметров в августе. Начала идти вверх рыночная процентная ставка, и начал резко идти вверх спрос на валюту. Здесь, на мой взгляд, Центральный банк допустил несколько серьезных технических ошибок.

Первая техническая ошибка состояла в том, что Центральный банк должен был, зная, что происходит с деньгами, не сегодня, а по крайней мере четыре-пять недель назад принять решение о повышении процентной ставки. Решение неприятное, но тем не менее абсолютно необходимое для того, чтобы удержать сбережения в рублевых, а не в долларовых депозитах.

Вторая ошибка состояла в том, что Центральный банк, зная о крупных денежных вливаниях, особенно в июле–августе, о том, что рубль реально этими вливаниями обесценен, тем не менее попытался удержать нереальный курс в конце августа — начале сентября, т. е. тогда, когда было уже совершенно очевидно, что доллар

не стоит 2000, что реально по спросу и предложению спрос на валюту существенно превышает предложение и надо, конечно, резко отпустить курс, а после этого массированными валютными интервенциями надежно его заблокировать. Центральный банк принял как бы баталию на заведомо непригодных позициях...

Председательствующий: Завершайте.

Гайдар Е.Т.: ... и в конце августа — начале сентября растранирил огромную часть валютного ресурса.

Из зала: Правильно.

Гайдар Е.Т.: В связи с этим я не считаю, что был хоть какой-то политический умысел. Я просто считаю, что это серьезные технические ошибки с очень тяжелыми последствиями для отечественной экономики. Есть такой общефинансовый принцип: председатель Центрального банка отвечает в первую очередь за устойчивость национальной валюты. Он может быть хорошим, он может быть плохим, но именно так принято в мире. И мне кажется, что мы не должны отказываться от этого принципа в России.

В связи с этим мы поддерживаем внесенное президентом представление¹.

Председательствующий: Спасибо.

¹ Представление парламенту об освобождении В.В. Герашенко от должности председателя ЦБ России в связи с событиями «черного вторника». — *Прим. ред.*

От «черного вторника» к коммунистическому субботнику

*Выступление перед общественностью
в Санкт-Петербурге*

23 октября 1994 г.

Опубликовано в: Открытая политика. 1995. № 1.

Дорогие друзья, сегодня вечером мы должны будем вылететь в Москву, а завтра Государственная дума обсуждает вотум недоверия правительству. К нему приурочена попытка организовать очередную всероссийскую стачку, из которой, я думаю, ничего не выйдет, а вот с вотумом недоверия правительству дело довольно серьезное. У нас как у партии, у фракции колоссальное количество претензий к нынешнему правительству. Мы считаем, что оно допустило серьезнейшие ошибки, которые во многом перечеркнули шанс на стабилизацию экономического положения в стране. И тем не менее мы завтра будем голосовать против вотума недоверия правительству.

Я вынужден буду сделать небольшое отступление для того, чтобы объяснить нашу позицию, объяснить, почему мы будем так поступать.

Исходная точка российских реформ сейчас как-то стирается из памяти, люди забывают, с чего мы начинали в конце 1991 г., — с полностью парализованной экономики, с пустых прилавков, с длинных очередей, с неотоваренных карточек, с полностью разбазаренного золотого и валютного запаса, с истощенного, а потом полностью исчерпанного государственного резерва. И вот с этой точки 15 образовавшихся независимых государств, разных — больших, маленьких, богатых природными ресурсами, как Казахстан, или бедных, как Эстония, — начали искать свой путь к стаби-

лизации экономического положения, искать свою экономическую стратегию. Довольно быстро выявилось, что при всех словах реально реализуются две экономические стратегии, в рамках каждой из которых имеются различия в небольших деталях, но очень существенные различия между ними.

Оставим пока в стороне Закавказье, Таджикистан и Молдову. В шести из десяти бывших республик начала реализовываться концепция мягкого, постепенного вхождения в рынок, ибо у власти в этих странах остались опытные хозяйственники, которые и раньше возглавляли экономику. И вот наша оппозиция, достаточно, скажем, почитать газету «Правда», предлагает то же самое. За последние 2,5 года в этих государствах, я имею в виду Украину, Белоруссию, Казахстан, Узбекистан, Киргизию, Туркмению, все предложения оппозиции были отработаны буквально, нет ничего из того, что делали бы в этих государствах и что не присутствовало бы сегодня в программах нашей оппозиции. Там разворачивались медленно и осторожно, там сохраняли государственный заказ, там сохраняли фондовое распределение, там обильно эмиссионно кредитовали промышленность и сельское хозяйство, там проводили взаимные зачеты, там сохраняли монополию внешней торговли, там ликвидировали валютный рынок или не создавали его вовсе, там предельно осторожно подходили к приватизации. Короче говоря, делали все, что сегодня предлагает нам оппозиция и что она нам предлагала на протяжении 2,5 лет.

К настоящему времени итог этой политики достаточно ясен — сохранение дефицита во всех видах рынка, очередей, зарплата в несколько раз ниже, чем даже в России, — 15, 20, 25 долл. в месяц, в Киеве, например, — 10–12 долл., 25 — это уже с шахтерами Донбасса, бурно нарастающее падение промышленного производства и полная зависимость экономик этих стран от того, согласится ли Россия и дальше поставлять им даром ресурсы.

В четырех государствах призвали команду завлабов, монетаристов и начали пытаться реализовать иную экономическую стратегию. Речь, естественно, идет о трех государствах Балтии и России. Здесь повсеместно были проведены быстрая и достаточно решительная либерализация цен, открытие внешнего рынка, введена конвертируемость национальной валюты, начался быстрый процесс приватизации. В двух республиках удалось воплотить эту

политику более или менее последовательно — так, как ее вырабатывали, — это Эстония и Латвия, в двух по ходу дела по политическим мотивам произошли перемены в правительстве и после первого года политика стала колеблющейся и не очень последовательной. Там, где политику проводили последовательно, к концу первого года был преодолен дефицит, к концу второго года в основном остановлена инфляция и стабилизирован курс национальной валюты, к середине третьего года начался экономический рост. Сегодня промышленное производство растет и начался экономический рост. Сегодня промышленное производство растет и в Эстонии, и в Латвии. Там, где процесс реформ оказался прерванным, удалось сохранить наполненный потребительский рынок, удалось обеспечить долларовую зарплату, близкую к Прибалтике, а не к Украине, но ни там, ни там не удалось ни обеспечить остановку инфляции, ни создать предпосылки экономического роста. Если 2,5 года назад можно было, что называется, спорить о путях реформы, о том, что надо делать, какая стратегия является разумной и оптимальной, сегодня этот вопрос за гранью серьезного обсуждения. Абсолютно очевидно любому беспристрастному человеку, что если уж старая система перестала работать, то нужны систематические и достаточно энергичные усилия, направленные на формирование новых условий, и беда нашей российской политики была, разумеется, не в том, что реформы были слишком радикальными, слишком решительными, а в том, что реформы оказались недостаточно последовательными, были прерваны во многом на середине, а дальше политика оказалась колеблющейся и компромиссной. Именно поэтому сегодня в России продолжает падать производство, продолжается инфляция, именно поэтому мы не богатеем.

В конце 1993 г. стало казаться, что наконец-то в России возникают предпосылки экономической стабилизации. Мы в 1991 г. неоднократно говорили, я выступал с этим и по радио, и по телевидению, и в газетах, мы говорили, что нет великого труда преодолеть дефицит, очереди, наполнить прилавки. Это первый шаг. Счастья само по себе это не принесет, счастье придет, когда вслед за изобилием придет благосостояние. Когда не просто товары появятся в магазине, а когда эти товары можно будет купить за разумную зарплату. И в связи с этим главная проблема реформ — это проблема не изобилия, а экономического роста, создания пред-

посылок, при которых экономика начинает расти, дышать. Люди начинают жить лучше.

Что для этого нужно? Ну, для этого нужна одна элементарная штука, одна предпосылка. Экономический рост — это инвестиции, это деньги, вложенные в производство. Значит, нужно, чтобы появились деньги, которые осмысленно и с толком вкладываются в производство. Есть два потенциальных источника этих денег. Первый источник — государство. Часто наши оппоненты говорят: пусть государство возьмет эти деньги, вложит в производство, производство начнет расти, мы будем богатеть. Замечательная идея, если бы не одна маленькая проблема... Для того чтобы вложить эти деньги, государству надо их иметь, для того чтобы их иметь, надо взять больше налогов. Ну, а то, что уровень налогообложения и так в России сегодня пределен, это в общем понятно как бы всем. Все понимают, если еще дальше задрать налоги, то еще большая часть экономики уйдет в тень, еще большими будут налоговые неплатежи. Значит, если этот источник не работает, то есть один — это добровольные сбережения населения и частные инвестиции предпринимателей. Будут они вкладывать в производство — будет расти экономика, не будут вкладывать в производство — экономический рост невозможен. От чего это, в свою очередь, зависит? Зависит от многих вещей, скажем, от гарантий частной собственности. Попробуйте уговорить человека вкладывать деньги в производство, если он знает, что могут прийти коммунисты и отобрать снова, как уже бывало, к сожалению, в истории нашей страны.

Первое, что абсолютно необходимо для экономического роста, — четкие и надежные гарантии частной собственности: и правовые, и политические, убежденность в том, что возврат невозможен. Второе, что тоже абсолютно необходимо, — это стабильная национальная валюта. Если ваша национальная валюта за день прыгает сначала на 27% вниз, а потом на 20% вверх, то ни один разумный предприниматель вкладывать деньги в проекты со сроком окупаемости 2–3 года не будет. Он будет вкладывать деньги в валютные спекуляции, в экспортно-импортные операции, в крайнем случае — в торгово-закупочные, но никогда не будет вкладывать их в производство. Именно поэтому стабилизация национальной валюты — абсолютно необходимая предпосылка для инвестиций в производство. Я довольно много знаю российских банкиров, и

не только российских, и знаю, что они прекрасно понимают: если база для финансовых спекуляций исчезает, если курс национальной валюты устойчив, если процентная ставка снижается, значит, ничего другого не остается, как вкладывать в производство. И наоборот. Именно поэтому финансовая стабилизация, скажем, в той же Эстонии, Латвии проложила дорогу экономическому росту, а у нас инфляция этот рост блокирует.

В конце 1993 г., после того как был преодолен кризис двоевластия, стало казаться, что экономическая политика начинает выправляться, что мы начинаем создавать предпосылки экономического подъема. Появились признаки, мало заметные широкой публике, но очень важные для специалистов. Существенно снизились темпы роста денежной массы, начиная с сентября прошлого года, с осени, процентная ставка стала положительной, т. е. если ты вкладываешь деньги в банк, ты не проигрываешь, а выигрываешь — она выше, чем темпы инфляции, вложение денег в рублевые депозиты стало более выгодным, чем вложение в долларские, т. е. если ты вкладываешь в рубли, ты выигрываешь, вкладываешь в доллары — реально проигрываешь.

Так было, по крайней мере, на протяжении первых семи месяцев 1994 г. И на этом фоне сразу стал вызревать целый ряд позитивных процессов, предвестников роста. Очень быстро стала расти доля сбережений в доходах населения — от денег перестали бежать, тем более что они не обесцениваются немедленно, стала расти доля долгосрочных кредитов в объеме кредитования, наметилась устойчивая динамика валютного курса — все знали, ну на 4% рубль упадет за месяц, может быть, на 3,5%, может быть, на 4,5, по крайней мере не на 10. Стала устойчиво идти вниз процентная ставка — если она была 210%, потом 180, 170, 130 и к концу лета стала где-то 110–120. И эти, только первые, признаки стабилизации сразу изменили направление потока капитала. У нас очень много говорят о бегстве капитала, о том, что он уходит из страны. Это правда, потому что он уходит из-за нестабильности. Только забрезжили первые признаки стабилизации, как направление этого потока резко изменилось. Все, кто имеет дело с мировым рынком капитала, знают, что с этой весны начался просто лавинообразный приток капитала. Ведь весь мир смотрит на то, что у нас происходит, со страхом и надеждой — огромные ресурсы, огромный потен-

циал, не хочется опоздать, если здесь ситуация стабилизируется, и вместе с тем очень страшно, потому что все может повернуться непредсказуемо. Только-только забрезжила стабилизация — и очень многие крупнейшие мировые банки резко увеличили поток инвестиций в Россию. Один банк вложил больше 1 млрд 800 млн долл. в акции российских предприятий, за ним пошли другие крупные банки. В целом создалось ощущение, что возникает предпосылка стабилизации экономического положения.

Я в конце 1993-го — начале 1994-го написал несколько записок президенту, говорил с ним неоднократно, убеждал его, что именно сейчас пришло время, когда нужно решительными мерами остановить инфляцию, покончить с политикой компромиссов и создать базу экономического роста, с тем чтобы в 1995 г. войти с растущей экономикой и к выборам президента подойти в ситуации, когда нам есть что показать избирателям. Но, к сожалению, в то время на это пойти были не готовы, политика правительства оставалась колеблющейся и компромиссной, и я поэтому вынужден был подать в отставку.

В апреле 1994-го правительство уступило нажиму аграриев и коммунистов. Оно принесло бюджет в Думу, на него нажали, правительство сказало: ну ладно, хорошо — и включило в бюджет еще триллионов десять ничем не обеспеченных доходов — на так называемую поддержку сельского хозяйства. С апреля денег стали печатать в 2 раза больше, чем печатали осенью 1993-го — весной 1994-го, а в июле–августе правительство закачало в экономику 13 трлн ничем не обеспеченных денег. Закачало под крики о том, что это нужно для подъема промышленности, сельского хозяйства, «спасения северов», хотя у нас уже пятиклассник хорошо знает, где эти деньги потом оказываются. И людей наивных, которые полагают, что каждые 13 трлн ничем не обеспеченных денег окажутся потом в отстающем колхозе, по-моему, уже нет. Все знают, что они окажутся в огромной степени на валютной бирже. Мы, естественно, предупреждали об этом. Они действительно уже в августе оказались на валютной бирже, и в августе резко пошел спрос на валюту.

Здесь Центральный банк допускает целый ряд серьезных ошибок. Я не буду подробно на них останавливаться, они носят профессиональный характер, они связаны с политикой процентной ставки, размещения государственных краткосрочных обязательств.

Короче говоря, Центральный банк при экстремальной ситуации должен был немедленно предложить хоть какие-то меры, направленные на то, чтобы удержать деньги в рублевой форме, хотя бы не давая им всем перетечь на валютный рынок, но он ничего не делает, и, естественно, деньги устремяются на рынок валюты.

К счастью, мы за 1992–1993 гг. накопили довольно большие валютные резервы, и по состоянию, скажем, на начало 1994 г. Центральный банк полностью владел ситуацией на валютных биржах, он мог сделать там все, что угодно. Но это же безгранично. Центральный банк выбрасывает первый миллиард долларов в конце августа, и соответственно на него уходят 2 трлн напечатанных, ничем не обеспеченных денег. Центральный банк выбрасывает второй миллиард долларов, и на него уходят еще 2 трлн с небольшим. Центральный банк выбрасывает третий миллиард долларов, но его тоже хватает примерно на две недели, ну а после этого у него валютные резервы оказываются истощенными, он умывает руки и говорит: а что, собственно? У меня деньги кончились, теперь будь что будет. Ну, а будь что будет — это как раз начало валютной паники: валютный курс быстро растет, и люди разумные — а сейчас даже домохозяйки понимают, когда надо покупать доллары, а когда продавать, — в соответствии с ситуацией размещают свои деньги. Тем и объясняется, что обесценение рубля будет не меньше 10% в месяц. Значит, выгоднее хранить в долларах, чем в рублях, и все, начиная от руководителей крупных банков и кончая домохозяйками, делают одну и ту же вещь — начинают быстренько перемещать свои депозиты из рублевого в долларовый фонд, и спрос на валюту растет лавинообразно.

После этого мы получаем мощнейший удар по валютному рынку с дестабилизацией курса и мощнейшим инфляционным ударом. Предельно ясно, что если курс начинает скакать вверх на, скажем, 29 пунктов, а потом обратно скачет вниз, то цены обратно уже не скачут. Это само собой разумеется опять же для всех мало-мальски разумных взрослых людей.

Правительству и Центральному банку приходится, чтобы как-то взять ситуацию под контроль, резко повышать процентную ставку. Значит, снова выгодны только финансовые спекуляции, значит, ни о каких инвестициях речь не идет, значит, ни о каком подъеме производства в 1995 г., по крайней мере в начале года, речи

идти не может. Мы получили удар по благосостоянию граждан и по перспективам экономического роста.

Сегодня мы подошли к ситуации очень опасной, зависшей ситуации, когда возможности старой, компромиссной политики во многом исчерпаны. Я был в Думе на следующий день после «черного вторника», в среду, каким счастьем светились глаза лидеров оппозиции — ну вот оно, наконец пошла карта, вот теперь есть возможность хорошенько поднажать и добиться от правительства, чтобы оно сделало все те глупости, которые еще не успело сделать. Когда правительство шло на компромисс с аграриями и коммунистами, было понятно, что в результате все это ударит по населению. Если продолжать ту же политику, сделать сегодня «три-четыре самые элементарные вещи», которые требует оппозиция, то мы очень быстро — на протяжении буквально двух-трех месяцев — сможем загнать российскую экономику строго в то положение, в котором она была в конце 1991 г.

Я могу объяснить, как в три месяца это делается. Первое. Вы нажимаете на правительство дальше, и правительство дальше продолжает эмиссионное кредитование предприятий, еще триллионов пять ничем не обеспеченных денег. Второе. Начнутся высокие инфляционные ожидания, все понимают, что рубль будет падать, доллар соответственно расти, куда эти деньги пойдут? Туда же, на валютный рынок. Нынешних резко сократившихся валютных запасов Центральному банку хватит примерно на три недели. Через три недели у него останется валюты тот же ноль, который был у нас в конце 1991 г. После этого курс валюты становится в принципе неуправляемым. После этого, естественно, реализуется следующее требование оппозиции — ликвидация валютного рынка, фиксированный курс. Фиксированный курс — это значит снова деревянный рубль, т. е. неконвертируемый. Тогда кому нужно экспортировать в Россию? Быстренько-быстренько, недели за две, весь этот импорт, который сегодня есть в магазинах, раскупается в рамках возникающей паники, и после этого поток его пересыхает. Что происходит дальше? Совершенно понятно, что сегодня этот импорт все-таки держится потому, что есть конкуренция соответствующих товаров. Если мы его убираем с рынка, значит, цены отечественных товаров резко идут вверх. Что делает правительство? Правительство выполняет следующий совет оппозиции. Оно

пытается заморозить цены. Что происходит после этого? Выясняется, что почему-то товаров по этим ценам нет в магазинах. Значит, надо вводить карточки. Вводить карточки — их надо после этого отоваривать. Как только у вас перестают работать деньги, выясняется, что в стране острейший дефицит зерна, потому что за деньги его теперь уже не купишь. Короче говоря, вы строго попали в ситуацию конца 1991 г. Валютных резервов больше нет, карточный дефицит, пустые прилавки, отсутствие резервов продовольствия, реальная угроза социально-экономической нестабильности.

Вот элементарный сценарий, в нем нет ничего фантастического, он весь состоит из совершенно естественных ходов, как бы продолжая ту линию, которая была в последнее время, и он надежно ведет к развалу тех росточков рыночной экономики, которые за эти три года удалось посадить.

Именно этого, на мой взгляд, оппозиция добивается сегодня от правительства, добивается и слушанием, и нажимом на правительство, и угрозами свалить его и т. д., потому что оппозиция потом будет на коне — ну как же, ну смотрите, они же пытались ввести рынок в России, к чему пришли? К полному развалу. Ну, значит, что? Значит, Россия обречена жить при тоталитарном режиме и карточной системе.

Можно от этого уйти? Да, разумеется, можно, и я рад, что правительство — лучше поздно, чем никогда — начало понимать, к чему, собственно, его толкают.

В прошлый четверг правительство обсуждало бюджет, имеющий свои недостатки, но в общем все-таки ориентированный на достаточно решительные меры по стабилизации положения. Предлагается полностью отказаться от эмиссионного финансирования дефицита бюджета, короче говоря, перестать печатать ничем не обеспеченные деньги, покрыть потребность за счет внешних займов, резкой активизации работы на финансовом рынке, короче говоря, занимая в долг, а не печатая. Эта стратегия рискованная, конечно. Скажем, если бы реализовывать ее весной, она вообще была бы обречена на успех, сегодня же, при неслыханных инфляционных ожиданиях, это рискованная, но единственная стратегия, которая дает шанс на успех.

Именно поэтому мы, разумеется, поддержим сегодня правительство, потому что, на мой взгляд, главная задача сегодня не в

том, чтобы наказать его за то, что оно сделало неправильно, а главное — не дать свалить его, не дать сделать еще несколько фатальных ошибок. Если эта стратегия правительства будет реализована, если у правительства хватит политической воли на этот раз не менять курс и хватит профессионализма пойти по этому пути, который в общем открывает дорогу к стабилизации, тогда можно к концу года стабилизировать курс рубля к доллару, тогда можно начать обратно наращивать валютные резервы, тогда можно к концу весны 1995 г. сбить инфляцию до величины 2–3% в месяц, тогда можно к осени 1995 г. создать предпосылки капитальных вложений и начала промышленного роста в 1996 г., т. е. пройти весь тот путь, который прошли Эстония, Латвия, а до этого Польша, многие, многие другие страны, в нем нет ничего загадочного. Для этого нужны действительно, еще раз подчеркиваю, воля и профессионализм. И мы сделаем все возможное для того, чтобы все-таки поддержать этот курс.

Разумеется, в России есть целый набор фундаментальных, долгосрочных проблем, которые скрываются за этой внешне сглаженной поверхностью финансовых бурь. То, в какой степени нам удастся открыть дорогу глубоким структурным реформам, определяет возможность и долгосрочного экономического роста в России.

Вот одна фундаментальная российская диспропорция, без устранения которой никакого устойчивого роста быть не может. Она очень простая и всем понятная — армия. Мы сегодня тратим на армию каждый второй рубль из налогового поступления федерального бюджета. Каждый второй рубль автоматически идет на содержание Вооруженных сил. И это в то время, когда армия недофинансирована, зарплату задерживают, на вооружение не хватает и т. д. Это значит, что мы пытаемся содержать армию, которая нам не по силам. Ведь эта армия досталась нам в наследство от Советского Союза. Она была приспособлена для другой страны — для страны, где есть среднеазиатский призыв, где были солдаты, которые обеспечивали возможность существования такого количества генералов. Сейчас все это ушло, у нас другие потребности, у нас другие соображения безопасности, а мы пытаемся содержать все ту же самую армию. К чему это приводит? Помимо того что это приводит к колоссальной перегрузке экономики — экономика не может расти, если мы столько тратим на Вооруженные силы, это

приводит и к небоеспособности значительной части армии. Если вместо того чтобы содержать одну укомплектованную боееспособную дивизию вы пытаетесь содержать пять, то вы содержите пять небоеспособных дивизий. Единственное, что они могут сделать, — это в лучшем случае охранять то имущество, которое есть. Если паче чаяния вам куда-нибудь ее надо двинуть, то выясняется, что двинуть вам абсолютно нечего.

Вот иллюстрация того, что я сказал. В свое время я, возглавляя правительство, решал задачу посылки миротворческого полка в Южную Осетию. Одного полка! Оказалось, это не так просто. Во-первых, начальник Генерального штаба три дня собирал полк по взводу, по роте из разных округов. И это при том, что, еще раз подчеркиваю, у нас огромная армия, и при том, что мы тратим на нее каждый второй рубль со своих налоговых отчислений. Совершенно очевидно, что без глубокой военной реформы, которая привела бы количество частей и соединений в соответствие с числом призывников, а не с числом генералов, мы эту экономику не поднимем, потому что она просто нас задавит. Ясно, конечно, что этого не хочется многим из тех, кто причастен к формированию военной доктрины. Глубоко убежден, что военная реформа слишком серьезное дело для того, чтобы доверять ее генералам. Именно поэтому наша партия выступает категорически за реорганизацию Министерства обороны с гражданским контролем в этом министерстве.

Аграрная реформа — страшная проблема России. Весной 1992 г., после назначения нашего бравого вице-президента главным реформатором, аграрная реформа у нас остановилась, а после того как эта сфера оказалась в компетенции наших идеологических друзей из коммуно-аграрного блока — я имею в виду г-на Заверюху¹, — о каких-то системных преобразованиях в этой сфере просто говорить стало невозможно. В результате, вместо того чтобы делать все для формирования рынка, мы делаем все, чтобы затормозить этот процесс.

Откуда взялись триллионы, которые выплыли на валютный рынок в «черный вторник»? Они появились из того, что правительство еще раз пообещало стать главным покупателем урожая 1994 г.

¹ Александр Харлампиевич Заверюха — в 1993–1997 гг. заместитель председателя Правительства России, курировавший Министерство сельского хозяйства. — *Прим. ред.*

Никому не приходит в голову, что государство должно быть главным покупателем шляпок, нефти, пластмассы, ботинок, но почему же оно должно быть главным покупателем сельхозпродукции? Ведь у государства деньги ограничены. Если вы берете на себя роль покупателя сельхозпродукции, значит, вы должны деньги снять с науки, образования, культуры. Но все уже придумано, уже нормально действуют сформировавшиеся мировые биржи, например Самарская зерновая биржа: приходи и покупай зерна сколько хочешь. Поставка сегодня, завтра, послезавтра, когда тебе удобно... Цена на этих биржах по состоянию, скажем, на июнь–июль по пшенице составляла 135 тыс. руб. за тонну. Какую цену устанавливает государство? Ровно в 2 раза выше. Под давлением, естественно, аграриев. Естественно, мы получаем рост цен на хлеб, на комбикорма, отсюда рост цен на молоко, мясо, яйца. И конечно, деньги не доходят до колхозников, в лучшем случае их получают к концу следующего года, зато выбитые таким образом деньги идут в государственные монополии типа Росхлебопродукта, а потом опять на валютный рынок.

Это сознательное торможение формирования рынка, которое больше всего, ярче всего проявляется в страшной битве против частной собственности на землю, одной из важнейших вещей, которая происходит сегодня в аграрном секторе России. Нет ни одного примера успешного сельского хозяйства без частной собственности на землю. Аграрники и коммунисты делают все, что могут, для того, чтобы частной собственности не появилось. Нам сейчас пришлось идти на компромисс с ними, чтобы провести Гражданский кодекс, исключив 17-ю главу, земельную главу. Они добились этого, потому что заблокировали принятие Гражданского кодекса, включающего земельный оборот. Если нет частной собственности на землю, значит, нет залогового кредитования, нет нормального рыночного сезонного кредитования, значит, всегда кредитование должно осуществлять государство за счет бюджета. Короче говоря, мы сами себя загоняем в этот порочный круг.

Государственный аппарат. Огромный, разбухший, вышедший за все рамки разумного. В 1991 г., когда мы пришли, начали с очень резкого сокращения госаппарата, сократили число министерств примерно со 100 до 23. К сожалению, в начале 1993 г., когда пришло новое правительство, эта тенденция поменялась на прямо противоположную — новые ведомства начали расти как грибы по-

сле дождя. И сегодня аппарат далеко оставил за собой все советские образцы и масштабы.

Вот простой бытовой пример. Я много езжу по стране и раньше ездил. Если раньше, скажем, приезжая в сельский район, видишь у здания райкома партии три машины, три черные «Волги», то сегодня, по моим наблюдениям, — от 11 до 18. Беда здесь даже не в том, что всех этих чиновников надо кормить за счет налогов, а в том, что в огромной степени они занимаются перераспределением наших денег. Ведь на каждый рубль, который тратится на содержание чиновника, нужно десять, которые он должен делить: квоты, лицензии, льготные кредиты, субвенции, субсидии, дотации... Что-нибудь делить. К тебе приходят, кланяются, может быть, взятки дают... Вот эта колоссальная обуза, связанная тесно с коррупцией, сегодня мне кажется важнейшей долгосрочной, структурной проблемой нашего общества.

Получается так: мы забираем через налоги деньги у тех предприятий, которые работают хорошо, а потом чиновник перераспределяет и отдает тем, кто работает плохо.

Мы проводили исследование, пытались выявить, от чего зависят сегодня успехи в работе предприятия: от возраста оборудования, от структуры оборудования, отраслевой специализации, территориального расположения? Есть один фундаментальный фактор, который все это забывает. Это квалификация директора. Умеет директор работать в новых условиях — предприятие живет, не умеет — ничего у него не получится. Короче говоря, мы отбираем деньги у тех людей, кто работает хорошо, отдаем их тем, кто работать не умеет. В связи с этим глубинные структурные реформы — резкое сокращение государственного аппарата, ужесточение финансовой ответственности, резкое сокращение субсидий, дотаций, военная реформа, аграрная реформа — это те серьезные преобразования, не осуществив которые, конечно, мы никогда не подведем фундамент под каркас устойчивого роста России.

Вот то, чего мы как партия, как фракция хотели бы добиться, вот то, что мы считаем при объединении усилий абсолютно реальным, вот то, за что мы боремся сегодня и будем бороться завтра.

Что мешает России подняться с колен

Выступление в Государственной думе

27 октября 1994 г.

Источник: Государственная дума Федерального собрания РФ. Первый созыв. Заседание 60 (60) от 27 октября 1994 г.: Сборник. Бюллетень №60 (60). Ч. 1: Стенограмма.

На повестке дня вопрос о доверии правительству.

Сегодня в докладе Виктора Степановича Черномырдина было высказано очень много соображений, с которыми я могу полностью согласиться.

Говорилось о том, что макроэкономическую стабилизацию нельзя растягивать надолго. Это совершенно правильно. Говорилось о том, что умеренно жесткая финансовая политика исчерпала свои возможности. Это тоже было правильно. Говорилось о том, что устойчивый и стабильный рост производства возможен только на основе стабильной национальной валюты. Это абсолютно правильно.

Я хорошо знаю, что премьеру было, наверное, не очень легко прийти к этим выводам. И если он пришел к ним, то у него были кое-какие основания.

Ведь положение премьера все-таки, согласитесь, немножко отличается от положения депутата. Депутат может выйти на трибуну, красиво выступить, предложить что-то захватывающее, а премьеру надо отвечать за свои действия, за то, что происходит в экономике, в том числе за собственные ошибки.

Я думаю, что сегодняшний поворот, который предлагает правительство, во многом действительно вытекает из трезвой оценки тревожного положения, которое сложилось в национальной экономике, из оценки тех рисков, с которыми связаны попытки проведения компромиссной, непоследовательной, колеблющейся политики.

Сегодня валютные резервы государства резко сократились после обильных эмиссионных вливаний июля–августа, инфляционные ожидания очень высоки. Если продолжать примерно ту же политику, которую проводили раньше, и особенно если делать еще больше уступок безответственным популистским требованиям, то практически неизбежен дальнейший рост спроса на валюту. Нынешних валютных резервов, как показывают несложные расчеты, хватит примерно недели на три валютных интервенций. После этого валютный курс станет неуправляемым. Возникнут широчайшие возможности для крупномасштабных финансовых операций, и правительству придется, наверное, тогда воплотить в жизнь очередную идею оппозиции: ликвидировать валютный рынок и ввести фиксированный курс рубля к доллару.

Конечно, это будет очень надежное средство защитить отечественного товаропроизводителя. За неконвертируемые деревянные рубли в Россию, конечно, никто ничего не повезет. Довольно быстро, на протяжении пары–тройки недель, произойдет деградация потребительского рынка и те цены, которые сегодня высоки, но все-таки как-то сдерживаются конкуренцией импортных товаров, быстро-быстро поднимутся в заоблачную высь. Что тогда останется делать правительству? Только одно — выполнять следующую идею оппозиции: вводить регулирование цен.

Что будет следствием этого? Да тоже нетрудно догадаться. Вдруг выяснится, что по этим ценам товаров больше купить невозможно. Значит, надо вводить карточки и выстраивать людей в очереди.

Таким образом, мы очень быстро придем к положению, когда у нас нулевые валютные резервы, длинные очереди, неотоваренные карточки — короче говоря, к тому положению, в котором мы были в конце 1991 г.

Трезвый анализ этой реальной угрозы, я думаю, и подвигает сегодня правительство к выводу о том, что если оно серьезно намерено и стремится стабилизировать положение в России, то у него нет другого ответственного выхода, кроме как поворот к решительной и достаточно жесткой стабилизационной политике. И мы, разумеется, приветствуем то, что правительство делает сегодня, предлагая этот поворот.

Конечно, нам бы очень хотелось, чтобы этот поворот был сделан раньше. Скажем, в 1993-м и даже весной 1994-го риски, связанные

с таким поворотом, были бы существенно меньше. И с большими валютными резервами, и с более низкими инфляционными ожиданиями, и т. д.

Но в данном случае вряд ли имеет смысл долго обсуждать вопрос о том, что надо было делать в 1993–1994 гг. Вопрос в том, что надо делать сегодня. И сегодня этот курс при всей его рискованности, при всех очень серьезных нагрузках, которые он означает для экономических институтов, дает надежду на выход страны из кризиса.

Ведь в чем элементарная и главная проблема нынешней российской экономики? Все ее, кстати, называют, поэтому нет разногласий. Это обеспечение условий для роста объема производства. А самое главное условие для этого тоже очевидно. Это инвестиции. Ведь разница здесь по одному вопросу: откуда эти инвестиции могут взяться?

И вот наши коллеги говорят, что их должно дать государство. Если эти инвестиции должно дать государство в разных формах — формах налоговых льгот, льготных кредитов, субсидий, прямого бюджетного финансирования, — то эти деньги сначала откуда-то должны взяться. Они должны взяться либо за счет налогов, и тогда нужно показать, что в России есть реальная и серьезная возможность существенного повышения налогового бремени, что, я думаю, ни один ответственный человек не согласится сделать, либо за счет безудержной эмиссии, но тогда придется принять на себя ответственность и за гонку цен, и за нестабильность курса национальной валюты, и за все ее тяжелейшие последствия для населения.

Если этих ресурсов нет, значит, остается один источник — частные сбережения, частные инвестиции. Создадим мы для них условия — будет экономический рост. Не создадим условий — экономического роста не будет. В конце концов, мы не одни начинали реформы. 15 независимых государств образовалось на базе бывшего Советского Союза. Большие, маленькие, разные. Где начался экономический рост? Да только в двух из них: в Эстонии и Латвии. Это две республики, в которых проводилась самая жесткая стабилизационная политика, где с самого начала признали, что макроэкономическую стабилизацию нельзя растягивать надолго.

Там в 1993 г. была в основном остановлена инфляция. В 1994 г. начался экономический рост. Почему? Да по той элементарной причине, что были созданы предпосылки, при которых инвестиции выгодно направлять не в валютные спекуляции, не на экспортно-импортные операции, а в собственную национальную промышленность.

А вот там, где проводили политику поддержки производства точечными инвестициями, там, где надеялись на государственные капитальные вложения, там, где больше всего говорили о структурной политике, там падение производства быстрое, лавинообразное и нарастающее.

Нет ни одного экономического предложения оппозиции, которое звучало в этом зале и на страницах оппозиционной печати и которое не было бы воплощено на практике в Украине, Белоруссии, Казахстане, Узбекистане. И оппозиции стоило бы задуматься о том, почему именно в этих странах сегодня труднее всего, почему именно их экономика зависит сегодня в полной мере от того, согласится ли Россия и дальше продолжать бесплатно или в надежде на безнадежные долги поставлять туда энергетические ресурсы.

Вот простая, элементарная дилемма, стоящая перед Россией: создадим условия, надежные условия, гарантирующие частную собственность, создадим условия, позволяющие иметь стабильную национальную валюту, создадим условия, при которых инвестиции в национальную экономику выгодны, — начнем расти и появятся ресурсы для решения социальных программ.

А если будем делить несуществующие деньги, так и будем подбивать экономику, подбивать правительство к тому, чтобы оно выбрасывало ничем не обеспеченные инфляционные триллионы, тогда падение производства в России будет продолжаться, а сидящие слева от меня коллеги будут проливать крокодиловы слезы жалости по поводу того, что же происходит в России и что мешает ей подняться с колен.

(Аплодисменты.)

< О подготовке к парламентским выборам >

Доклад на пленуме Совета партии ДВР

19 ноября 1994 г.

Источник: ЦАОДМ, ф. 8716, оп. 1, д. 14.

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Нам сегодня предстоит принять решение по комплексу достаточно важных, принципиальных вопросов, определяющих политическую позицию нашей партии по отношению к правительству, президенту, позицию на парламентских выборах 1995 г.

Принимая эти принципиальные решения, мы должны учитывать исторический контекст сегодняшних и завтрашних событий в России, тот набор реальных проблем и альтернатив, который определяет для нас область допустимых значений, возможности принятия решений.

В связи с этим разрешите мне сделать короткое отступление, важное, с моей точки зрения, для обоснования позиции, которую я буду отстаивать в своем докладе.

Очень полезно, анализируя не только экономические, но и социально-политические процессы постсоциалистических стран, внимательно посмотреть на опыт наших ближних соседей по Восточной Европе, попытаться извлечь из него уроки не для того, чтобы механически копировать их опыт, а чтобы, накладывая его на нашу собственную специфику, проверяя на весах здравого смысла, определять возможные варианты.

Что же показывает этот опыт? Он показывает, что реформы постсоциалистических экономик оказываются предельно тяжелыми и взваливают огромное бремя на молодые, неоформившиеся демократические институты. Реформы сами становятся возмож-

ными в условиях катастрофического развала старой системы экономики, и первые решения, которые приходится принимать демократическим правительствам, всегда тяжелые и непопулярные, за которые приходится отвечать.

В связи с этим проблема реформ — это всегда проблема политического риска и создания базы для преобразования. Опыт наших друзей и соседей убедительно показывает — лишь решительные, последовательные, а потому и успешные реформы позволяют достаточно быстро создать политическую базу разумного экономического курса, укрепить позиции реформистских сил. Самый типичный и самый яркий пример, наверное, Чехия — страна, где экономические реформы были начаты наиболее энергично, проводились наиболее последовательно, где под них именно поэтому удалось подвести надежную политическую базу демократической поддержки.

Опыт показывает также, что колебания, замедления, задержки в процессе реализации реформ почти неизбежно увеличивают политическую плату за реформы, объективно играют на руку всем, кто связан с коммунистами и их союзниками, и облегчают их приход к власти.

Опыт показывает и то, что успех в создании политической базы преобразований в значительной степени зависит от единства и организованности реформистских демократических сил. Нигде разрозненность и противостояние в среде реформаторов и демократов не прокладывали дорогу к победе. Они везде и всегда прокладывали дорогу только к приходу к власти коммунистов.

И наконец, еще нигде и никогда из-за недовольства реформами к власти не приходили альтернативные реформаторы. Ситуация в постсоциалистических странах биполярная. Общество, переживающее тяжелейший процесс перехода, делит политиков на тех, кто так или иначе выступает за эти реформы, и тех, кто связан с оппозицией этим реформам, со старой системой управления.

Не было примеров, когда бы на выборах в результате недовольства стратегией преобразований пришла к власти альтернативная демократическая сила. Везде и всегда там, где не удавалось обеспечить политическую поддержку преобразований, успех сопутствовал только коммунистам и их союзникам.

Я не вижу оснований, почему наша страна может быть исключением из этого общего правила.

Эта логика, если мы ее принимаем, задает достаточно жесткие рамки разумной экономической и политической стратегии нашей партии. Мы категорически не можем принять для себя тезис «чем хуже, тем лучше» почти независимо от того, какое конкретно правительство будет проводить экономическую политику.

«Чем хуже, тем лучше» — это лозунг наших оппонентов. Если они имеют возможность остановить процесс преобразований или, больше того, подтолкнуть правительство к принятию целого ряда опасных решений, от которых страдает благосостояние граждан, то они от этого и выигрывают. Это прекрасно показал и подтвердил опыт 1994 г.

Мы все это знали с самого начала, и наша стратегия реформ 1992 г. была нацелена на решение именно этих двух задач: достаточно быстрые и решительные преобразования и обеспечение единства демократических сил.

Те компромиссы, на которые президент был вынужден пойти в конце 1992 г., определялись серьезным риском прямой конфронтации, гражданской войны, которую хотелось предотвратить. И эти уступки определяли замедление реформ в качестве неизбежной платы за попытку добиться компромисса с оппозицией, попытку найти мирный способ разрешения конфликта. Вы помните это знаменитое конституционное соглашение декабря 1992 г., когда президент пошел на корректировки в правительстве, чтобы добиться референдума по новой Конституции.

Уже тогда было ясно, что мы заплатим за это замедление реформ осложнением ситуации на следующих выборах.

Но это была, видимо, неизбежная и правильная плата, потому что слишком велик был риск.

В конце 1993 г. и президент, и правительство стояли перед простым выбором. Что делать теперь, когда так или иначе двоевластие преодолено? Вновь встать на позицию решительных и последовательных преобразований, взять на себя ответственность за них, на этой основе стабилизировать весной 1994 г. финансово-денежное обращение, добиться стабильности курса национальной валюты, перейти к неэмиссионному финансированию государственных расходов, переориентировать на этой базе значительную

часть финансовых ресурсов со спекулятивных операций на производственные инвестиции, создать предпосылки притока капиталов в страну вместо бегства капиталов из страны и на этой основе к концу 1994 г. создать предпосылки экономического роста? Или продолжать тактику так называемой умеренно-жесткой, а по существу компромиссной, колеблющейся политики, тактику отсрочки принципиально важных решений, с тем чтобы посмотреть, что из этого получится?

Моя позиция в начале 1994 г. была предельно простой. Я был убежден, что только первое решение дает нам и экономические, и политические шансы, только оно позволит нам подойти к выборам 1995–1996 гг., имея надежную базу, только оно даст возможность четко сказать избирателям, что мы принесли не просто полные прилавки, мы принесли стабильные деньги, мы принесли остановку инфляции, растущую экономику, рост благосостояния. Короче говоря, нам есть с чем идти на следующие выборы.

Попытка отсрочить все это и дальше идти маленькими шажками с постоянными отступлениями играет на руку нашим оппонентам, потому что в этом межсистемном беспорядке между старой, устойчивой командной системой и сформированными предпосылками экономического роста на рыночной основе они каждый день будут черпать аргументы против демократии и реформ на следующих выборах.

Между тем наши коммунисты — это отнюдь не реформистские коммунисты из Восточной Европы. И следующие выборы для нас — это не просто одни из череды возможных, а это принципиальные выборы, которые снова могут стать последними в России на десятилетия.

К сожалению, тогда, в начале 1994 г., мне не удалось убедить президента в том, что предлагаемый вариант существенной радикализации реформ единственно разумный, единственно дающий надежду с политической точки зрения.

Весной 1994 г., когда с естественным 4–5-месячным лагом в экономике стали проявляться первые симптомы осенней финансовой стабилизации, когда стабилизировался валютный курс, пошли вниз темпы инфляции, начала расти доля долгосрочных кредитов в объеме кредитования, увеличивалась доля сбережений в доходах населения, короче говоря, когда появились первые пред-

посылки экономического роста, я уже твердо знал, что правительство встало на путь опасных компромиссов, тяжелых ошибок, которые с неизбежностью перечеркнут шансы на экономический рост в 1994 г. и приведут к новой вспышке инфляции осенью 1994 г. Честно говоря, было очень печально за этим наблюдать.

Правительство в апреле 1994 г. приняло предельно опасное решение — пойти на компромисс с коммунистами и аграрниками в процессе обсуждения бюджета, включив в бюджет дополнительные, ничем не обеспеченные доходы в размере 10 трлн руб., тем самым заведомо создав предпосылки резкой дестабилизации валютного рынка и ускорения инфляции осенью.

Уже с апреля пошли вверх темпы роста денежной массы. И в июле–августе, когда правительство и Центральный банк закачали в экономику вот эти ничем не обеспеченные деньги (13 трлн руб.), собственно, в этот момент шансы на финансовую стабилизацию, на экономическое оздоровление были подорваны. И всплеск экономических проблем этой осени был предопределен.

Еще раз опыт политического развития показал, что компромиссы с аграрно-коммунистическим лобби ни к чему хорошему ни экономически, ни политически не приводят. Аграрники и коммунисты отнюдь не протянули руку дружбы правительству, когда оно поскользнулось на «банановой кожуре», подброшенной ими. И это строго соответствует их циничной, но по большому счету эффективной политике, потому что для них действует принцип «чем хуже, тем лучше». Чем к большим ошибкам они смогут подтолкнуть правительство, тем больше будет наша плата за преобразования, тем выше будут их шансы на следующих выборах. Циничная позиция и тем не менее очень рациональная с точки зрения политического расчета. Они ее проводили и проводят.

Когда правительство осознало огромный риск, связанный с таким развитием событий, оно оказалось перед выбором.

Пойти дальше по пути, к которому его усиленно и энергично подталкивали коммунисты, националисты и аграрники, т. е. сделать еще несколько шажочков по той опасной дорожке, на которую правительство удалось толкнуть в конце весны, скажем ликвидировать валютный рынок, отказаться от конвертируемости рубля, широко ввести регулирование цен, далее столкнуться с развалом внутреннего рынка, с совершенно неизбежной ликвидацией кон-

курении импортных товаров и соответственно с всплеском инфляции, восстановлением дефицита на всех видах товарных рынков. В результате подойти к следующим выборам в положении, близком к тому, в котором мы были в 1991 г., как бы дать в руки нашим оппонентам волшебную палочку надежного успеха в выборах. Вот, дескать, к чему привели все реформы. Через четыре года от чего уходили, к тому самому и пришли. Ясно, что надо обратно под крыло мудрых начальников.

К счастью, правительство на этот раз увидело, к чему его толкают, увидело безнадежность для него, в частности для премьера, такой стратегии и сделало прямо противоположный вывод об исчерпанности курса политики экономических компромиссов и колебаний. Когда Виктор Степанович Черномырдин выступал в Государственной думе с докладом, мне было очень интересно его слушать, потому что там было, что называется, ни убавить и ни прибавить. Слова, которые я много раз говорил ему и президенту в конце 1993 г., были повторены в его докладе. И о том, что экономическую стабилизацию нельзя растягивать, о том, что умеренно жесткая политика исчерпала себя и т. д. Дело даже не в том, чтобы упрекать премьера за то, что он не сделал этих выводов в конце 1993-го, когда, конечно, поворот на этот курс был бы более надежным и менее рискованным. Я считаю, что гораздо важнее другое — он смог сделать эти выводы, когда к ним совершенно очевидно подтолкнула жизнь, в ситуации критического выбора и перелома.

В значительной степени та программа, которую декларировал премьер, которую воплотило сегодня правительство в бюджете на 1995 г., очень близка к той, за которую мы боролись, которую отстаивали. Разумеется, далеко не по всем позициям. В этой программе по-прежнему немало колебаний и компромиссов. В ней абсолютно не видна четкая концепция аграрной реформы. Более того, очень хорошо видно, особенно из последних назначений, что этой реформы как не было, начиная с назначения Руцкого весной 1992-го главным аграрным реформатором, так и не будет дальше. В программе слабо просматриваются конкретные контуры военной реформы и осмысленной работы по сокращению и структурированию Вооруженных сил. По-прежнему правительство принимает колоссальное количество популистских и необоснованных ничем, непо-

нятно откуда взявшихся решений по расходам, не включенных в им же представленный бюджет. По-прежнему безумно раздут аппарат управления и нет четкой программы сокращения бюрократического аппарата. И тем не менее в основных задачах, в стержне политики, в попытке добиться остановки эмиссионного финансирования, сформировать на этой основе предпосылки устойчивого роста, стабилизировать национальную валюту, весной 1995 г. резко затормозить инфляцию и заставить банки, финансовые структуры перераспределить сбережения в пользу инвестиций в национальную экономику есть тот поворот, который мы не можем не поддержать.

Каковы же в связи с этим вероятные варианты дальнейшего развития событий и наша позиция по отношению к правительству, президенту? Правительство представило бюджет в Государственную думу. Предложение о недоверии правительству не получило необходимой поддержки при голосовании. Но по тому, как проходило в Государственной думе обсуждение налогового законодательства, по тому, как прошли парламентские слушания по бюджету, можно сделать достаточно основательный вывод, что бюджет, скорее всего, Государственной думой принят не будет. Между тем в этом бюджете нет базы для торга, там нельзя добавить еще десяток триллионов рублей, чтобы еще раз купить голоса агрокоммунистического лобби. В бюджете и так задействованы все возможные резервы. Дополнительные уступки просто превратят предлагаемый экономический поворот из опасного маневра в безответственную авантюру. Если правительство будет серьезно подходить к собственным целям, повторить то, что было сделано весной, ему не удастся.

Если это так, то бюджет принят не будет. Само по себе это, конечно, очень неприятно, но не фатально. Непринятие бюджета означает финансирование экономики исходя из существующего бюджетного законодательства. Это будет финансирование в размерах $\frac{1}{12}$ плановых ассигнований на предшествующий год, что довольно близко укладывается в представленные на 1995 г. бюджетные ориентиры, т. е. реально представленный бюджет достаточно близок к тому, который будет реализован, если Дума просто ничего не примет и будет действовать бюджетное законодательство. Но если не будет принят бюджет, снова встанет вопрос о вотуме недоверия

правительству. Надо сказать, вероятность, что такой вотум пройдет, высока.

А это значит, что президент будет поставлен перед выбором — новое правительство, утверждаемое Думой, или роспуск парламента и новые выборы. Через нынешнюю Думу разумное и ответственное правительство, которое не было бы просто поставлено для того, чтобы добить отечественную экономику и создать предпосылки прихода коммунистов к власти, нам провести не удастся. В этой ситуации возникает серьезная вероятность досрочных выборов уже весной 1995 г. Это и есть то самое важное, что мы должны для себя сегодня уяснить, подо что ориентировать всю нашу работу. Мы не заинтересованы в этих выборах. Мы заинтересованы в стабильной работе правительства, что позволило бы ему реализовать свои цели и создать предпосылки экономического оздоровления. Но мы сегодня в том положении, когда есть основания вспомнить известное выражение: «Хочешь мира — готовься к войне». Хочешь спокойной работы правительства, готовься к выборам. Каково же в связи с этим наше отношение к правительству и его политике, к президенту, к другим демократическим блокам и организациям — потенциальным партнерам по предвыборной коалиции?

Первое. Отношение к правительству. Ряд наших коллег-демократов предлагают нам перейти в оппозицию правительству: забрать из правительства своих представителей, с тем чтобы снять с себя ответственность за проводимую им политику и повысить шансы на собственные успехи на выборах. На первый взгляд кажется, что в этом варианте есть здравый смысл.

Конечно, на выборы всегда легче идти, когда ты не отвечаешь за происходящее. Тем не менее глубоко убежден, что это не только не совсем моральная, но и близорукая стратегия, которая никаких политических дивидендов нам не сулит. На самом деле, если мы сегодня сами дестабилизируем правительство, которое наконец приняло по принципиальным вопросам именно наши предложения, есть очень серьезный риск и того, что правительство качнется в сторону намного менее осмысленной и разумной политики, и того, что в персоналиях оно станет намного менее удовлетворительным. И мы в результате подойдем к выборам в еще более худшем положении, чем в то, в котором можем подойти. Не надо иллюзий. От-

вечать за происходящее будет не правительство, а мы. И никакие наши маневры, никакие наши переходы в оппозицию этого фундаментального факта в общественном сознании не изменят. Мы начали реформы, мы — многие здесь присутствующие — у себя в регионах начали демократические преобразования, мы поддерживали президента Ельцина на выборах. Каким же надо быть идеалистом, чтобы думать, что нам как политическому движению можно за четыре месяца заработать какие-то дивиденды на оппозиционности. Сегодня мы должны быть предельно последовательными и ответственными, мы должны поправлять правительство там, где оно делает ошибки, решительно требуя от работающих в нем наших коллег и других членов правительства, чтобы они серьезно занялись борьбой против злоупотреблений в сфере распределения государственных субсидий и дотаций, сокращением государственного аппарата, чтобы они продвигали реформу по ключевым направлениям, а не имитировали это продвижение. Мы должны оказывать поддержку тому повороту, который предлагает правительство, только это для нас осмысленная политика. Единственно разумная логика — чем лучше, тем лучше.

Второе. Отношение к президенту. Ряд демократических движений делает наш переход в оппозицию президенту как бы ультимативным условием дальнейшего сотрудничества. Я имею в виду в первую очередь блок «Яблоко». Логика предельно простая — президент исчерпал свой политический потенциал, сегодня надо ставить на другие фигуры, давайте сплотимся в оппозиции к президенту и обеспечим единство демократических сил на этой основе. Это, по-моему, глубочайшее недоразумение. Ну какое может быть единство демократических сил на фоне противостояния президенту? Есть масса недовольства президентом, есть много проблем, за которые мы сами критикуем президента, отнюдь не всегда мы можем с ним согласиться. Но надо четко себе представлять, что сегодня никто больше президента для становления демократии в России, для защиты демократии не сделал. Другого, более авторитетного демократического лидера при всех наших претензиях к президенту сегодня не существует.

Сегодня линия на противостояние президенту — гарантированный путь к расколу демократов, но ни в коем случае не к их единству. Я еще раз подчеркиваю, что отнюдь не считаю, что все, что

делает президент, является правильным, я критикую его за ошибки и непоследовательность, за избыточные компромиссы, которые ровным счетом ничего не дают. Одно лишь назначение господина Назарчука¹ главным реформатором сельского хозяйства — свидетельство того, что в руки Аграрной партии дали еще один важнейший инструмент, чтобы парализовать аграрную реформу. Что получили? Получили то же самое голосование почти всей Аграрной партии по востановлению доверия правительству. Я пытаюсь понять, что господин Назарчук делает в правительстве? Реализует политику правительства или он туда пришел для того, чтобы проводить политику противоположную? Если этот так, то надо сказать об этом открыто. Но, несмотря на все эти ошибки, я глубоко убежден, что сегодня мы не можем позволить себе встать с коммунистической оппозицией в один ряд противников и яростных ниспровергателей президента.

Какой же мне видится наша тактика на предстоящих выборах?

Первое. Недавно в газете «Сегодня» было опубликовано очень взвешенное письмо Елены Боннэр, обращенное ко мне, Явлинскому и Федорову, где она не только ставит сакраментальный вопрос о единстве демократов, но и выдвигает в высшей степени разумное предложение, к которому мы все должны внимательно прислушаться и которое следует учесть в своей работе. Напомню о сути его. Вопрос о кандидатуре президента — вопрос 1996 г. Нет ни конституционных, ни политических оснований для досрочных выборов. Но, к сожалению, вопрос о кандидатуре президента сегодня разделяет демократов. Давайте же сегодня снимем этот вопрос. Нам в 1995 г. идти на парламентские выборы, давайте подумаем о выборах президента после того, как проведем выборы парламентские, а сегодня объединимся на этих выборах. Мне кажется, что это в высшей степени разумное предложение, которое мы можем сделать основой тактики объединения демократических, умеренных и ответственных сил в подготовке к парламентским выборам.

Посмотрите, в последнее время идет достаточно интересный процесс. Мы никогда не употребляли слово «центризм» в своей лексике. Слово «центризм» применительно к России для меня

¹ См. сноску на с. 237. — Прим. ред.

очень долго ассоциировалось, да и сейчас ассоциируется с отсутствием позиции, с постоянными колебаниями. Мы не пытались двинуться в сторону центра, не пытались заявить о себе как о центристском течении на протяжении всех предшествующих лет. Что же объективно произошло с центризмом? Он сегодня начал сдвигаться в нашу сторону. Не мы приходим к центру, а центр приходит к нам. Тот же Виктор Степанович Черномырдин, мой преемник на посту руководителя правительства. Он набил себе шишек и наконец осознал, что никакой другой осмысленной политики, кроме той, которую отстаиваем мы, не существует. Это центрист Черномырдин объективно сместился в нашу сторону. Сегодня мы его союзники, и не потому, что принимаем его линию, а потому, что он принимает нашу по многим принципиальным вопросам.

Но что это значит? Это значит, что возникает биполярный политический мир следующих выборов. Я еще раз подчеркну, что Дума сегодня биполярна. Все хорошо это знают, там есть блок коммунистов и, как теперь мне велено назвать по решению суда, «нефашистов». И есть демократический блок. Кто бы какие наклейки на себя не наклеивал, на самом деле вопрос будет предельно простой — кто получит большинство голосов на следующих выборах в Думу? Опять блок коммунистов и «нефашистов» или все-таки демократически ответственные, умеренные силы? Значит, у нас объективно возникает база для достаточно широкой предвыборной коалиции, которая включает не только зарекомендовавших себя демократов, но и просто умеренных, ответственных людей, которые не хотят новых революций, нового передела собственности, массовых тюрем и лагерей, новой милитаризации экономики, военных авантюр, короче говоря, всего того, что неотделимо от нашего поражения на выборах и победы наших оппонентов.

База для такого объединения есть, и она, как мне кажется, в первую очередь в регионах и в выборах по мажоритарным округам. Избирательный закон еще не принят. Нам только предстоит тяжелая борьба вокруг него. Но по тому, как складывается дело, ясно — доля мажоритарных округов не сократится, скорее всего, а возрастет. Есть два реальных варианта избирательного закона — это 225 мажоритарных округов, как было, или 300 мажоритарных округов и 150 по партийным спискам. Короче говоря, принципиальный и важнейший вопрос — это выборы в мажоритарных округах.

У нас уже сегодня есть база для взаимодействия по этим выборам гораздо лучшая, чем была в декабре 1993 г. Ситуация по сравнению с декабрем 1993 г. не радикально поменялась. В некотором смысле выборы декабря 1993 г. — это промежуточные выборы по отношению к выборам, скажем, весны или даже осени 1995 г. Это значит, что там, где демократы проиграли просто потому, что трое демократов соревновались за одно место, а один коммунист проходил, теперь мы можем посмотреть на этот округ и сказать — ну один из трех явно мог победить, если бы остальные его поддержали. Мы уже знаем, где наши позиции сильны, где они слабы, где мы скорее всего не победим, а победят наши разумные, умеренные коллеги, скажем, из ПРЕС, люди, которые, может быть, не во всем разделяют наши программные цели, но которые объективно в Думе голосуют на 90% так же, как мы.

Короче говоря, если мы делаем стержнем нашей работы создание широкой умеренно-демократической коалиции по мажоритарным округам, то, значит, мы эту работу можем начинать сегодня. У нас есть для нее информационная база, у нас есть вполне понятные механизмы взаимодействия, и мы здесь не являемся заложниками амбиций политических лидеров. Я думаю, что это именно та работа, которую мы должны в первую очередь разворачивать.

Разумеется, это не значит, что мы не должны пытаться добиться такого же взаимодействия в Москве, но его будет легче добиться, если оно будет опираться на уже начавшуюся в регионах работу по взаимодействию, по выработке единых поддерживаемых кандидатур в мажоритарных округах.

Второе, чего, конечно, хотелось бы добиться, — это соглашение о правилах предвыборной пропагандистской борьбы между демократическими блоками и потенциальными нашими союзниками из числа умеренных.

В огромной степени наши проблемы на выборах 1993 г. были связаны с тем, что даже наши вроде бы близкие союзники, даже те из них, кто сегодня у нас же спрашивает, как голосовать, или голосует строго так же, как мы, строили свою избирательную кампанию в первую очередь не на критике коммунистов, фашистов, не на собственных позитивных программах, а на огульной критике «Выбора России». Они не получили на этом преимущества. Они ни-

чего этим не завоевали и ничего не завоюют. Еще раз напомним — из-за разочарования народа в реформах к власти приходят фашисты и коммунисты.

Любые попытки изобразить из себя Зюганова второго сорта или Жириновского третьей свежести абсолютно безнадежны. Избиратель чувствует фальшь, он всегда предпочтет оригинал.

Я убежден, что нужно выступить с идеей широкой умеренно-демократической коалиции, которая взяла бы на себя обязательство сотрудничать на выборах в мажоритарных округах и в ходе пропагандистской работы приняла бы некие нормы поведения, которые, к сожалению, пока приняли только мы. Как вы знаете, мы всегда и сознательно не отвечали развернутой и решительной критикой на тот поток обвинений, который раздавался в наш адрес со стороны потенциальных союзников. Естественно, не потому, что нам нечего было ответить, а потому, что мы не хотели устраивать свару в демократических кругах на радость Жириновскому и Зюганову.

Убежден, если нам удастся добиться взаимодействия с потенциальными союзниками, наши шансы на следующих выборах будут существенно выше. Причем мы не должны ограничиваться взаимодействием только, скажем, с «Союзом 12 декабря» или с «Яблоком». Я абсолютно убежден, что есть очень много разумных людей в Партии российского единства и согласия. У нас было с ПРЕС немало разногласий, но по многим ключевым позициям мы все равно голосуем одинаково. Я считаю, что у нас есть резервы для сотрудничества, и я бы хотел видеть их в составе такой широкой коалиции. Кстати говоря, и в прессе происходит процесс размежевания. Я имею в виду историю с Затулиным, исключением его из фракции, постановкой вопроса о снятии его с поста председателя парламентского комитета¹. Это размежевание идет, оно объективно в биполярном мире.

¹ К.Ф. Затулин, политический деятель, в описываемое время депутат Госдумы РФ от ПРЕС, позднее от партии «Единая Россия». Основная сфера его политической деятельности — взаимоотношения с постсоциалистическими странами и положение русского населения, оставшегося в них после распада СССР. Упомянутый эпизод был связан с его, по мнению руководства партии, «имперскими амбициями» по отношению к странам СНГ. Отзыв его с поста председателя комитета провести не удалось, поскольку легального механизма для отзыва председателя делегировавшей его фракцией не существовало. — *Прим. ред.*

Более того, я вижу очень непростые процессы, происходящие в такой небольшой партии, как ДПР. И там тоже столкнулись с очень жестким выбором — нельзя сидеть между двух стульев. Есть люди, которые начинают активно дрейфовать в сторону коммунистов и националистов, и есть другие, которые осознают, что их-то тоже расстреляют вместе с нами, потому что, когда дойдет до дела, не забудут, что они делали в 1989–1991 гг.

Короче говоря, я абсолютно убежден, что сегодня мы не должны становиться на сектантские позиции, а попытаться создать максимально широкую коалицию. Это не значит, что нужно тянуть всех в один список. Коалиция должна обеспечить пропагандистское взаимодействие, взаимную помощь, координацию усилий по мажоритарным округам. Это единственный путь, дающий нам шансы на успех, на победу.

Нельзя идти на выборы, готовясь к поражению. И если мы идем на выборы, готовясь к победе, должны четко определить, чего хотим добиться в результате победы. В результате победы мы хотим сформировать в Государственной думе вместо нынешнего коммунистически-«нефашистского» большинства новое, умеренно-демократическое большинство, такое большинство, которое позволит заложить надежный парламентский фундамент под проводимую политику и, более того, существенно скорректировать эту политику по целому ряду ключевых направлений. Это избавит президента от необходимости опасных компромиссов в области аграрной политики, позволит наконец провести основные законы, защищающие частную собственность, провести земельное законодательство, которое сегодня заблокировано коммунистами и аграрниками, позволит всерьез создать базу военной реформы, не оглядываясь на оппозицию, и т. д. Это будет то большинство, которое позволит нам переформировать правительство, сделать его существенно более однородным, превратить его из аморфной коалиции, где взаимная борьба противоположных объективных тенденций в значительной степени парализует работу, в команду единомышленников, вновь сделать правительство сообществом людей, совместно заинтересованных в том, чтобы добиться максимально быстрого продвижения России к устойчивому развитию на рыночных и демократических основах.

Если мы сумеем это сделать, нам неизмеримо проще будет выработать и принимать решения по выдвижению и поддержке единого демократического кандидата, потому что за этим будет стоять опыт нашего взаимодействия на парламентских выборах, сложившееся парламентское большинство, реальное состояние общественного сознания, дающего нам картину того, что можно ожидать на президентских выборах.

Уважаемые коллеги! Я глубоко убежден, что с сегодняшнего дня подготовка к парламентским выборам должна быть стержнем организационной работы партии.

Мы использовали 1994 г. для строительства структуры нашей партии. Нам предстоит немало сделать для того, чтобы завершить эту работу, чтобы отладить механизм взаимодействия, чтобы пополнить собственные ряды. Но теперь совершенно очевидно — стержнем этой работы на ближайшие месяцы становится активная подготовка к избирательной кампании и в центре, и на местах. Исполком наш должен с завтрашнего дня стать штабом подготовки к будущим парламентским выборам. Только тогда мы сможем подойти к ним организованно, сможем не импровизировать в последний момент, только тогда мы имеем серьезные шансы на победу.

Заявление партии «Демократический выбор России»¹

Выпущено 11 декабря 1994 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Федеральные власти России пошли по пути силового решения чеченской проблемы. Российские войска продвигаются к Грозному. Конфликт вступил в новую, смертельно опасную фазу. В связи с этим партия «Демократический выбор России» заявляет:

Грозный не вражеская крепость, это российский город, его жители — граждане Российской Федерации, находящиеся под защитой российских законов. Штурм Грозного будет означать войну армии со своим народом. Фактически это будет началом гражданской войны.

Мы убеждены, что штурм Грозного не только аморален и незаконен, но и абсолютно бессмыслен. Последствием штурма будет волна насилия, которая захлестнет не только Северный Кавказ, но и всю Россию, приведет к установлению в стране режима полицейского государства. Это будет концом российской демократии.

Мы обращаемся к президенту — Верховному главнокомандующему с требованием ни в коем случае не допустить штурма столицы Чечни, остановить продвижение войск и вступить в переговоры с Джохаром Дудаевым. Со своей стороны по согласованию с лидерами Чечни мы уже направили в Грозный своих представителей для поиска мирного решения конфликта.

¹ Известно, сколь решительно выступал Е.Т. Гайдар против развязывания так называемой первой чеченской войны (конец 1994 г.). Редакция сочла возможным включить в данный том несколько подготовленных им в связи с этим документов, хотя часть из них, строго говоря, не соответствует заявленному общему жанру материалов тома: публичным выступлениям, а некоторые, в том числе письмо президенту, не были опубликованы в СМИ. — *Прим. ред.*

Мы призываем солдат и офицеров Вооруженных сил России и бойцов чеченских вооруженных формирований дождаться политического решения конфликта и не открывать огонь друг против друга. Люди не должны расплачиваться своими жизнями за бездарность и авантюризм политиков.

Председатель партии «Демократический выбор России»
Егор Гайдар

Заявление партии «Демократический выбор России» о позиции по чеченскому кризису

Выпущено 13 декабря 1994 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Позиция партии «Демократический выбор России», определенная Политсоветом партии 9 декабря 1994 г., состоит в следующем:

1. Мы исходили и исходим из необходимости политического решения чеченского конфликта. Выступая за целостность России, считая Чечню одним из субъектов Федерации, мы в то же время против силовых методов, которые, по нашему глубокому убеждению, не приведут к установлению стабильности и конституционного порядка в Чечне. Мы считаем вполне возможным решить чеченскую проблему путем переговоров.

2. Мы категорически против любых попыток использовать ситуацию в Чечне для дестабилизации российской государственности, подрыва законно избранной власти, организации досрочных президентских выборов и призывов к импичменту. Мы убеждены, что такого рода действия объективно играют на руку тем силам, которые спровоцировали чеченский конфликт и стремятся к свертыванию демократических преобразований в России.

3. Мы заявляем, что любые иные интерпретации позиции партии по чеченскому вопросу являются выражением личной точки зрения отдельных членов ДВР.

Изложенная здесь позиция была занята партией с самого начала чеченского кризиса и не подвергалась изменениям и переоценкам.

Председатель партии «Демократический выбор России»
Егор Гайдар

Письмо президенту

17 декабря 1994 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Москва, Кремль, Президенту Российской Федерации
Б.Н. Ельцину

Уважаемый Борис Николаевич!

Считая принятое сегодня решение Совета Безопасности трагической ошибкой, призываю Вас как президента и Верховного главнокомандующего не допустить эскалации военных действий в Чечне. Штурм и бомбардировки Грозного приведут к огромным жертвам, к затягиванию конфликта, к обострению внутривнутриполитической ситуации в самой России. Это будет удар по целостности России, по нашим демократическим завоеваниям, по всему, что было сделано Вами за последние годы. Убежден, что тот курс, который проводится от Вашего имени в последние дни, выгоден как раз тем силам, которые стремятся к смене власти в стране. Прошу Вас также учесть, что в Грозном сейчас находится группа депутатов Государственной думы во главе с Уполномоченным по правам человека РФ С.А. Ковалевым. Они не собираются покидать город.

С уважением
Егор Гайдар.
19.00. 17 декабря 1994 г.

Обращение фракции «Выбор России» Государственной думы к чеченскому народу

Подписано Е.Т. Гайдаром 18 декабря 1994 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Дорогие друзья!

В эти трагические дни, когда многие из вас оплакивают своих близких, когда тысячи людей лишились крова и имущества, мы обращаемся к вам со словами искреннего соболезнования. Мы скорбим о мирных жителях, обо всех ставших невинными жертвами военных действий. Мы хотим, чтобы вы знали, что далеко не все в России поддерживают эту войну, не все верят античеченской пропаганде и считают чеченцев врагами. Есть и те, кто с самого начала был против силового решения, кто помнит о сталинском геноциде чеченского народа и понимает, какие чувства испытываете вы, когда через пятьдесят лет после депортации в ваши дома входят солдаты.

Понимая, как трудно вам сегодня, мы тем не менее просим вас не забывать, что в этой войне виноват не русский народ и не те офицеры и солдаты, которые, подчиняясь приказу, вошли в Чечню. Мы призываем вас воздержаться от мести — кровь невинных людей не погасит пламя войны, а лишь будет раскручивать спираль ненависти и насилия.

Мы хотим заверить вас, что сделаем все от нас зависящее для того, чтобы война была остановлена, чтобы вернулся мир, чтобы русские и чеченцы никогда больше не смотрели друг на друга через прицел винтовки.

Обращение Егора Гайдара ко всем, кто против войны в Чечне

Выпущено 20 декабря 1994 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Сегодня, ровно через пятнадцать лет после начала афганской войны, наша армия ведет боевые действия на Кавказе. Как и пятнадцать лет назад, нам противостоит вооруженный народ, как и пятнадцать лет назад, от нас скрывают правду. Как и тогда, за решение, принятое узкой группой людей, наши сыновья будут расплачиваться своими жизнями.

Я призываю всех, кто против этой войны, подписать следующее обращение:

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ПРЕЗИДЕНТУ ЕЛЬЦИНУ
Я ПРОТИВ ВОЙНЫ В ЧЕЧНЕ. ВЕРНИТЕ СОЛДАТ ДОМОЙ.
Ф.И.О.
Обратный адрес:

Вырежьте из газеты этот текст, подпишите его, укажите ваш обратный адрес и пошлите по адресу: Москва, Государственная дума, Егору Гайдару. Мы передадим ваше письмо президенту. Если вы сами отправите президенту такую или аналогичную по содержанию телеграмму, пришлите нам квитанцию, мы проследим, чтобы ваше обращение дошло до адресата.

Мы не хотим, чтобы в наши дома приходили похоронки.

Партия мира победит партию войны!

Егор Гайдар

Удастся ли вывести Россию из экономического кризиса?

Выступление на встрече с активом в Курске

19 января 1995 г.

Опубликовано в: Политический курьер партии ДВР. 1995. №3: Стенограмма.

В свое время наполеоновский министр Талейран якобы сказал, что со штыками можно делать очень многое, нельзя делать одного — нельзя на них сидеть. И вот, по моему глубокому убеждению, судьба нашей страны, судьба России во многом зависит от того, в какой степени это будет страна, в которой людям будет хотеться жить, и соответственно в какой степени это будет страна с растущей, процветающей рыночной экономикой.

Никакой силой, разумеется, навязать единство страны невозможно. Для этого не хватит никаких солдат, и никакой армии, и никакой крови наших детей.

В свое время, когда инструменты экономического регулирования, характерные для авторитарного режима, развалились (а это было в 1989–1991 гг.), именно это — нарастающий экономический развал, — без сомнения, стало базой развала Союза, частью которого была и Чечня, обретшая фактическую независимость, когда Союз еще существовал, осенью 1991 г.

И как только в начале 1994 г. появились маленькие, первые, еще очень не уверенные признаки экономической стабилизации, сразу стало видно, как те же независимые государства, которые с таким энтузиазмом этой независимости добивались, начали выстраиваться в очередь к нам, чтобы договориться о более тесных формах экономической и политической интеграции. Это было видно и по Белоруссии в начале 1994 г., и по Казахстану, и даже по Украине.

Все-таки в чем же дело, от чего в первую очередь зависит, будет ли наша экономика и дальше быстро разваливаться, как она разваливается сегодня, или все-таки нам удастся преодолеть эти негативные тенденции и вывести Россию на путь устойчивого экономического роста?

Я вчера вернулся из Праги. Был там один день. Выступал, встречался со своими друзьями, коллегами. Я хорошо знаю практически все чешское правительство. В свое время я работал (как и многие мои друзья) в Институте прогнозирования Академии наук в Москве, а они почти все вышли из Института прогнозирования Академии наук Чехословакии. И премьер Вацлав Клаус, и министр финансов, и министр иностранных дел, министр экономики, министр промышленности. Мы в общем затевали реформы примерно по одному сценарию. Естественны различия, связанные с масштабом экономик. Но в общем пытались сделать близкие, сходные вещи. И так же как у нас, у них были очень тяжелые проблемы. В отличие от нас у них не было ни нефти, ни газа. Очень бедна ресурсная база. И у них тоже была сверхмилитаризованная экономика, огромная неэффективная тяжелая промышленность, т. е. те же самые проблемы, с которыми сталкивались и мы. Только они чуть раньше начали — в 1991 г., а мы в 1992-м. И положение у них было чуть лучше — не так развалено валютное хозяйство, не такая высокая задолженность. Но в целом мы многое затевали и делали вместе. Принципиальная разница была в одном: у нас была возможность работать примерно 11 месяцев, у них была возможность работать чуть больше трех лет.

И что же такое сегодня чешская экономика?

О ней стоит поговорить подробно, потому что это зеркало того, чем может и должна стать экономика России. В Чехии сейчас три года стабильный валютный курс, низкая инфляция. Жалуются, правда, на инфляцию, все равно, говорят, высокая — 10% в год, а в Австрии — 3%. Но все-таки 10% в год, а не 20 в месяц. Промышленное производство растет. Сейчас нет ни у кого сомнения в том, что Чехия станет одним из экономических чудес Европы в XXI в. Самая серьезная проблема, с которой они сталкиваются, — это избыточный приток иностранных инвестиций, иностранной валюты в страну.

Разумеется, и у них было падение производства ненужной продукции, и у них была проблема неплатежей. Но главное — они не начали колебаться и не свернули с пути, на который стали в 1991 г.

Собственно, и в России это уже очень многим понятно. Ну вот, скажем, Виктор Степанович Черномырдин. Не все помнят, что его привели в кресло премьера голоса фракции коммунистов, аграриев и националистов в декабре 1992 г. Не все помнят, что именно этот блок в свое время добился отставки моего правительства. Не все помнят сейчас, может быть, что Черномырдин пришел, пообещав построить рынок без базара, проводить реформы не ценой обнищания народа, долго обещал бороться с инфляцией немонетарными методами. Начинал с попыток за две недели взять больше кредитов в Центральном банке, чем мы за весь 1992 г., чтобы заморозить цены...

Ну и что? Прошло два года этой политики, два года колебаний, два года метаний. И к осени 1994 г., если вы послушаете Черномырдина, вы убедитесь, что он начал говорить почти как Гайдар в 1992 г. А что, собственно, случилось? Он что, съездил в Чикагский университет и там поучился немножко? Сейчас он говорит о том, что не бывает экономической стабилизации без остановки инфляции, что какая инфляция, такая и экономика. Он говорит об истощенности так называемых умеренно жестких методов борьбы с инфляцией и т. д.

С чем это связано? С очень простой вещью. Так или иначе, хочется ему или не хочется, но теперь он несет ответственность за происходящее в российской экономике и в связи с этим вынужден считаться с реальностью. Набив и себе, и нам шишек, убедился в том, что другого разумного пути все равно не существует.

От вас не так далеко Украина. Леонид Данилович Кучма работал премьером Украины, когда я был исполняющим обязанности премьера России. Он пытался тогда на Украине воплотить все то, о чем каждый день пишет коммунистическая печать. Если вы перечитаете «Советскую Россию» и «Правду» за последние три месяца и наложите на то, что делалось на Украине на протяжении трех лет, вы увидите: нет ни одной идеи, высказанной в этих газетах, которая не была бы там реализована.

Леонид Данилович пытался осторожно либерализовать цены, медленно вести приватизацию, сохранять государственные заказы, фондовое распределение, контроль за экспортом, монополию внешней торговли, регулировать валютный рынок... И к чему пришел в результате? Да к тому, что, когда его избрали президентом в прошлом году, выступил с программой, которая как две капли воды похожа на нашу программу 1992 г.

Что же он, тоже в Чикагский университет съездил? Да нет, просто жизнь заставила чему-то научиться. Он сегодня отвечает за украинскую экономику и не может позволить себе политиканствовать.

Что, собственно, показали последние три года и у нас, и у наших соседей? Вспомним: мы жили вместе в одной общесоюзной экономике, пока она не развалилась в августе 1991 г. После этого каждое из 15 разных независимых государств стало пытаться построить свою экономическую политику.

И сейчас можно уже очень четко понять, кто пришел к каким результатам. Были страны, очень богатые ресурсами, как, скажем, мы и Казахстан. Были очень бедные на ресурсы — Эстония, Латвия, Литва. Были страны средние по масштабу, как Украина. Но опыт показал, что главное, от чего зависят результаты, — это не развитость экономики и не богатство природных ресурсов. Главной оказалась проводимая экономическая политика.

За это время были отработаны две их модели. Первая была последовательно реализована в странах Балтии и начала было реализовываться, пока ее не прервали, в России. Мы все вместе достаточно решительно либерализовали цены, энергично начали процесс приватизации, ввели конвертируемость национальной валюты, отказались от государственных заказов, фондового распределения. Все вместе открыли внешние рынки.

Мы предполагали, что потребуется примерно три года, для того чтобы обеспечить предпосылки экономического роста. Это можно прочесть в программе углубления экономических реформ, которая была предложена нашим правительством.

Что там предполагалось за эти три года? В первый год — насыщение прилавков, ликвидация дефицита, очередей, работающая, или конвертируемая, национальная валюта.

Второй год — остановка инфляции и стабильный валютный курс. Третий год — начало экономического роста на основе частных сбережений и инвестиций.

Что оказалось? Первый год — действительно дефицит исчез, исчезли очереди, «колбасные» электрички. Была обеспечена конвертируемость национальной валюты.

Второй год — там, где эта программа была продолжена, был стабилизирован курс национальной валюты, остановлена инфляция. Третий год — начался экономический рост. Эстония сегодня растет, Латвия растет, Литва начинает расти.

В России, к сожалению, у нас не было трех лет, у нас было 11 месяцев. Поэтому были решены лишь первые задачи. Но не была обеспечена финансовая стабильность, валютный курс остался неустойчивым, сбережения утекают вместо производства на валютный рынок, на валютные спекуляции. В результате экономика, вместо того чтобы начинать расти, продолжает падать, и вместе с ней падает уровень благосостояния людей.

А что получилось там, где пытались действовать по-другому, сохранить государственный заказ, лимиты, фонды, государственное регулирование цен? А там быстрое и углубляющееся падение экономики. Инфляция еще значительно более высокая, чем в России. Там предельная нестабильность валютного курса и средняя зарплата в несколько раз ниже, чем даже в России сегодня (я уж не говорю о государствах Балтии). Многие жители соседних с нами государств согласны сегодня на любую работу в России, где зарплата им кажется высокой, а нам кажется, и справедливо, нищенской. Там полная зависимость экономики от того, будет ли Россия впредь продолжать задаром поставлять энергоносители. Там острейший валютно-финансовый кризис и нарастающий экономический развал.

Вот, собственно, очень простые уроки, которые сегодня ясны любому непредубежденному человеку, тому, кто хочет просто смотреть в глаза реальности.

Почему это происходит? Да в общем тут тоже нет никаких загадок. Будет экономический рост — будет благосостояние, не будет его — экономика будет падать дальше. Экономический рост — это инвестиции, деньги, которые вкладывают в производство. Откуда их взять? Есть только два источника, и первый из них — это государственный бюджет. Государственный бюджет вбирает в себя налоги, вкладывает деньги в производство, производство развивается, начинается расти...

И многие наши оппоненты говорят: мы раньше это делали, пусть и сейчас государство соберет много денег, вложит в производство, которое начнет расти, и вместе с ним начнут расти наши экономика и благосостояние. С этим трудно было бы спорить, если бы не одно маленькое обстоятельство. Для того чтобы эти деньги куда-либо вложить, их надо сначала иметь. Соответственно их надо собрать в виде налогов.

Так вот сегодня, по-моему, есть одна вещь, с которой согласно подавляющее большинство людей в России, — дальше повышать уровень налогов некуда. Их в результате могут перестать платить вовсе, экономику загонят в тень.

Но если мы не можем больше выжать ничего из налогов и вложить в производство по линии государства, значит, наш экономический рост оказывается долгосрочно зависящим от того, будут ли вкладывать деньги в производство частные люди. Короче говоря, если люди будут сберегать деньги и вкладывать их в российскую отечественную экономику — будет экономический рост. Не будет — экономического роста не ждите.

Что же нужно для того, чтобы люди вкладывали деньги в свою экономику? А нужно несколько очень простых и элементарных вещей. Во-первых — четкие и надежные гарантии частной собственности. Подумайте, можно ли уговорить человека вкладывать деньги в строительство завода, если он не знает — отберут у него этот завод или нет.

Вот это ключевой вопрос, потому что сегодня нестабильность и неурегулированность отношений собственности, включая земельную, создают обстановку правовой незащищенности частного сектора. Мы провели, правда, в Думе новый Гражданский кодекс. Это была наша парламентская победа. Но этого абсолютно недостаточно. К нему нужен целый ряд дополнительных законов, которые мы с огромным трудом пытаемся «пробить».

Сегодня у нас, скажем, колоссальное количество людей оказались жертвами мошенников и проходимцев. А закон о ценных бумагах, который мы давно внесли в Думу, до сих пор так и не принят, потому что наши оппоненты не считают его приоритетным. У нас сегодня половина страны работает в акционерных обществах. Права же собственников акционерных обществ до сих пор не гарантированы. А закон об акционерных обществах, подготовлен-

ный нами, так и валяется в Думе, потому что депутаты из коммунистических и националистических фракций также не считают его важным.

Земельное законодательство. Кто будет вкладывать деньги в производство, если земля не его и если ему в каждый момент могут сказать: ты построил — замечательно, а теперь убирайся отсюда, земля не твоя. А наш Земельный кодекс, который мы внесли в Думу, до сих пор не рассмотрен, и, судя по всему, его так и не удастся принять.

Больше того: люди просто понимают, что коммунисты могут снова прийти к власти и сказать: «А какая же это ваша собственность?» Почитайте их экономическую программу, воплощенную в так называемом законе о предотвращении экономической катастрофы. Там напрямую написано, что все отношения собственности будут ревизованы. Если это так, то какие могут быть частные инвестиции, откуда они вообще могут взяться? Люди, естественно, будут вкладывать деньги в краткосрочные финансовые спекуляции, в экспорт-импорт, в торгово-посреднические операции. Ну кто же будет строить в России заводы на такой политической базе?

Второе — деньги, деньги на инвестиции. Ведь колоссальная часть того производственного аппарата, который был создан за советское время, к сожалению, не может быть эффективно использована без крупных дополнительных инвестиций. Надо понимать, чем был военный сектор в нашей экономике, какую он играл в ней роль. И надо понимать, что перестройка военного сектора на гражданские рельсы требует серьезных денег, больших ресурсов.

Сегодня много говорят о бегстве капитала и чаще всего люди, абсолютно не представляющие, о чем на самом деле идет речь. Они, наверное, думают, что кто-то с мешком денег тайной тропой пробирается за границу и таким образом вывозится капитал. Да ничего подобного! У нас сегодня происходит не бегство капитала, а крупномасштабный ввоз конвертируемой иностранной валюты в страну. Не по каким-то оценкам никому неизвестных экспертов, а по банковской статистике. В 1994 г. в запечатанных контейнерах, в самолетах с разрешения Центрального банка по заявкам коммерческих банков в Россию было ввезено примерно 16 млрд долл.

Это значит, что российское население, россияне дали в долг американцам, американскому правительству на покрытие дефицита бюджета Соединенных Штатов Америки 16 млрд долл. Что это — свидетельство того, что мы все непатриотичны? Да нет, это естественное следствие проводимой сегодня денежной политики. Почему-то в Эстонию доллар не ввозят, и в Латвию массово не ввозят, и в Литву, и в Польшу, и в Чехию. Ввозят только в те страны, которые сами разрушают собственную национальную валюту.

Но люди же в конце концов ведут себя просто рационально. Инфляция, печатание денег — это самый эффективный налог, потому что для него не надо ни налоговой инспекции, ни налоговой полиции. Я печатаю деньги, обесцениваю вклады населения, обесцениваю каждый день денежные сбережения. И, естественно, люди хотят уйти от этого налога. Уйти куда? Они просто уходят в те валюты, которые надежны. И поэтому сегодня российские граждане вкладывают в иностранную валюту, кредитуют мир средствами, которые в три раза превышают все вложения в национальную банковскую систему.

Что надо сделать для того, чтобы эти деньги пошли в национальную экономику? Да элементарную штуку: надо перестать портить собственные деньги. Когда у нас на фоне стабилизационных мероприятий осенью 1993-го и в начале 1994 г. пошла вниз инфляция, многие банкиры из коммерческих банков стали говорить о том, что, если процентная ставка упадет ниже 100%, видимо, придется вкладывать деньги в производство, потому что валютный рынок становился абсолютно нерентабельным. Ну, а потом аграрии с коммунистами надавили на правительство, денежки напечатали, летом они выплеснулись на валютный рынок, инфляция и процентная ставка также пошли вверх. Об инвестициях в национальную экономику снова можно забыть по меньшей мере на год.

Вот, собственно, от таких элементарных вещей и зависит, появятся ли деньги для вложения в национальную экономику. При такой инфляции, как сегодня, деньги пойдут только на валютный рынок и никогда не пойдут в производство. Это надо понимать.

Поэтому когда противопоставляют задачу стабилизации промышленного производства, экономического роста стабилизации собственных денег — это полный нонсенс. Для того и нужна стабилизация денег, чтобы деньги населения шли не в американские

банки, не к американскому правительству, а на наши заводы. Это и необходимо сделать.

Еще раз подчеркну. Нет никаких экономических загадок по поводу того, как обеспечить рост экономики России. Мы в некотором смысле уже прошли самую тяжелую часть пути. Но есть ведь желание у человека, несущего телевизор на пятый этаж, устав, вдруг плюнуть на все и бросить его вниз с четвертого этажа. И вот сейчас страшно обидно будет, если мы отмахнемся от пройденного, заколеблемся, увеличив из-за этого тяжесть реформ, и пойдем назад, уничтожив даже то небольшое, что удалось сделать на протяжении 11 месяцев 1992 г. Ведь это только кажется, что нынешние удобства рыночной экономики с нами уже как бы на века. Вот привыкли сейчас люди жить без очередей и думают, что это уже навсегда. Да ничего подобного! Элементарно, несколькими точными движениями, просто реализовав первые пять пунктов экономической программы коммунистов, в течение нескольких месяцев можно получить даже не тот устойчивый, хотя и неэффективный тоталитарный режим, а именно тот бесконечный беспорядок, который мы все имели в 1989–1991 гг., когда сидели на карточках и карточки эти не отоваривались месяцами. Может быть, у вас в Курске ситуация была получше, но я хорошо ее знаю по другим регионам России. Она была достаточно тяжелой.

И надо хорошо себе представлять, что нас от этого отделяет буквально несколько месяцев безответственной и опасной политики. Выбор в общем сегодня за нами. Россия прекрасно может, если изберет разумный парламент и разумного президента, пойти по пути экономического роста, который очень быстро приведет нас к росту благосостояния и даст нам социальные ресурсы для решения наиболее острых проблем, — по пути, который выведет Россию на достойное место в XXI в.

А можно пойти назад, в третий мир, к расколу и развалу нашего государства. Вот это было бы действительно страшным выбором для наших детей.

Уважаемые коллеги, я на этом остановлюсь и дальше с удовольствием отвечу на ваши вопросы.

***

– Скажите, пожалуйста, какова модель реорганизации российской деревни?

– Надо признать, во-первых, честно, что аграрная реформа у нас практически и не начиналась. Те метания, которые были, назвать осмысленной аграрной политикой, разумеется, невозможно. Сегодня задача аграрной реформы, пожалуй, является ключевой наряду с задачей реформы военной. Что, на наш взгляд, абсолютно необходимо сделать в этой области? Первое — это, разумеется, ввести полноценную, хотя и регулируемую, частную собственность на землю. Надо четко себе представить, что нет ни одного эффективного сельского хозяйства в мире, которое бы не базировалось на ней. И точно так же нет ни одной страны, где бы существовала нормальная система сезонного кредитования без этой частной собственности. Надо понимать, что сельское хозяйство — это проблема всегда сезонного производства. Проблема сезонного производства — это проблема кредитования. Проблема кредитования — это проблема залога имущества. Проблема залога имущества — это и есть проблема частной собственности на землю. Если не будет частной собственности на землю, никогда не будет коммерческого кредитования, всегда деревня будет ходить с протянутой рукой к государству, говорить: «Дай!» — и всегда будет требовать потом списать долги. Деньги будут уходить как в песок. Без частной собственности на землю никакое серьезное развитие села невозможно.

Второе. Необходимы серьезные коррективы в проводимую финансовую политику поддержки села. Сегодня мы тратим очень серьезные средства на дотации ему и тратим их поразительно неэффективно. Но, скажем, есть так называемая система дотаций на сельхозпродукцию: на молоко, мясо, яйца и т. д. Ваша администрация говорила, что эти дотации доходят напрямую до хозяйств и те их регулярно получают. Может быть, это так, но не очень верится. На самом деле чаще всего эти деньги оседают в коммерческих структурах, в переработке сельхозпродукции. Единственный их результат — увеличение зарплаты у переработчиков. Ничего больше. Ничего до села реально не доходит. Так не лучше ли вложить эти деньги в небольшие инвестиционные проекты по переработке сельхозпродукции? Ввести такую систему, при которой вы вкла-

дываете свою долю — допустим, 50% — в такой проект и вам дают еще 50% бюджетной ссуды...

В тех регионах, где администрация активно пошла на развитие малой переработки, уже удалось ликвидировать монополизм переработчиков и огромную разницу между ценой заготовителей на сельхозпродукцию и ценой окончательной реализации. Ведь в этом же колоссальная проблема для села. Молоко в городе стоит дорого, а селяне получают за него мало.

А сколько денег без толку вкладывается в так называемое коренное улучшение жизни на селе? Может быть, у вас не так, но в целом по России видно, что это монополизированная отрасль, где по крайней мере $\frac{2}{3}$ ассигнуемых денег идут просто неизвестно куда. Может быть, лучше эти деньги дать напрямую на жилищные кредиты молодым семьям в селе? Сегодня все равно социальная сфера села дотируется за счет областного бюджета. И в результате у нас председатель колхоза — это царь и Бог, который всех в кулаке держит. Но если эти деньги бюджетные, не его, не заработанные им — их и надо отдавать напрямую, допустим, через муниципальные предприятия. А председатель колхоза пусть отвечает реально за собственное хозяйство. Тогда у него не будет аргумента: тебе не нравится, как я руковожу, — не дам дров.

Наконец, о реорганизации колхозов и совхозов. Надо понимать, что многие из них в том виде, в каком существуют сейчас, очень трудно или невозможно сделать эффективными предприятиями. Можно — лишь реорганизовав, подразделив на более мелкие хозяйства, реально увязав доходы с результатами. Это, кстати, делается сейчас в регионах. Именно с такой реорганизацией и надо связывать списание задолженностей. А то ведь что получается? Долги прощаем всем, не требуя никаких мероприятий по повышению эффективности. Посмотрите (я не знаю, может быть, у вас в Курске ситуация другая), сколько машин понакупили себе председатели колхозов, которым сейчас списывают задолженность за наш с вами счет, за счет бюджета, за счет социальной сферы.

Короче говоря, по моему глубокому убеждению, вот эти направления аграрной реформы, будучи реализованными, действительно дали бы нам шансы оздоровить положение в сельском хозяйстве.

— *С момента либерализации цен сбережения по вкладам населения обесценились. И пока государство не восстановит их стоимость,*

поддержки ни Вам как непосредственному участнику реформ, ни Вашей партии не будет. Принимаете ли Вы действенные меры в парламенте по восстановлению обесцененных денежных сбережений населения по вкладам в Сбербанке до очередных выборов?

— Думаю, что это будет трудно сделать. Надо хорошо представлять себе реальную сторону дела. У меня вот такой простой вопрос ко всем присутствующим. Вклады немцев после Второй мировой войны оказались, как вы все хорошо знаете, обесценены. От них ничего не осталось. Вопрос: а кто за это отвечает? Гитлер, который за счет этих вкладов финансировал войну, или Эрхард, который вынужден был признать, что этих денег не существует? Я читал одну совершенно секретную записку, поданную в Политбюро ЦК КПСС комиссией во главе с заместителем председателя союзного правительства Кириллиным. Она касалась вкладов населения по состоянию на 1979 г. (еще, помните, колбаса была в магазинах). По оценке этой комиссии, по состоянию на 1979 г., 53% вкладов населения были фиктивными. За ними ничего не стояло. А после этого прошли и антиалкогольная кампания, и авантюра перестройки, и печатание денег, и многое другое.

Так кто все-таки разбазаривал золотовалютные резервы? У нас в 1985 г. лежали те же 1300 т золота, которые царь оставил в свое время большевикам. А нам к концу 1991 г. сколько осталось? 296 т.

К 1985 г. сбережения населения были обеспечены 15 млрд долл. легкорезализуемых валютных активов. По состоянию на конец 1991 г. на счету у Российского государства остался ноль. Вся валюта была разбазарена двумя последними коммунистическими правительствами. Больше того, эти два последних коммунистических правительства разбазарили еще те 8 млрд, которые числились на счетах во Внешэкономбанке.

Нам же, к сожалению, досталась неприятная обязанность честно сказать: сейф пуст, там больше ничего нет. Горбачев боялся это сделать. Вы думаете, почему он так и не решился начать реформы? Почему развалил Союз? Он знал, что в сейфе страны ничего нет.

Удивительно то, что сейчас именно те политики, которые разбазарили золото, валюту и деньги вкладчиков, громче всех кричат об ограблении и разорении народа.

Это, по-моему, верх политического цинизма.

Теперь что касается восстановления сбережений. Популистскими мерами пытались восстановить их на Украине. Проиндексировали и обесценили в результате еще больше, чем у нас. Можно ли вообще их восстановить? Да, можно. Немцы (Эрхард тот же самый) восстановили в конце концов сбережения, которые разбазарил Гитлер. Но восстановление их началось через 10 лет после начала реформ, с 1958 г., и закончилось через 20 лет. Надо было сначала эти деньги заработать. Эрхард сделал это, обеспечив предпосылки устойчивого экономического роста в Германии, стабилизирував германские финансы, сделав Германию процветающей страной. И после этого он смог рассчитаться с теми, кого ограбил Гитлер. Мы тоже это сможем сделать при условии экономического роста в России.

— *Думаете ли Вы баллотироваться на выборах президента?*

— У нас есть твердая позиция партии по этому вопросу. Мы считаем важнейшей задачей сегодня — единство демократов. На наш взгляд, никакие личные амбиции не должны этому мешать. Поэтому мы предлагаем не обсуждать сейчас, в канун парламентских выборов, вопрос о том, кто должен быть кандидатом от демократов на следующих президентских выборах, потому что это может серьезно затруднить нам создание широкой демократической коалиции. Давайте сначала договоримся о ней, поддержим достойных кандидатов в парламент, отработаем механизм взаимодействия. Эти выборы надо рассматривать как своеобразную прелюдию к президентским выборам. После них будет легче договориться о том, кто может и должен быть достойным кандидатом от демократических сил в президенты.

— *Егор Тимурович, хочу спросить Вас о следующем. Вы помните, как сражался Ельцин за Вас на Верховном Совете. Не предаете ли Вы его сейчас, выступая против него?*

— Думаю, что нет. Он сражался, поддерживая политику реформ. Мы с ним взаимодействовали. Не во всем были согласны. Но в конце концов он сменил наше правительство в 1992 г., хотя я прекрасно понимаю аргументы, политические в том числе, которыми он руководствовался. И я всегда делал все возможное для того, чтобы поддерживать политику президента, пока эта политика казалась мне разумной, объективно работающей на Россию.

Что касается сегодняшнего дня, то, к сожалению, я серьезно не согласен с той политикой, которую начали реализовывать по урегулированию чеченского кризиса. С чем это связано? Собственно, с очень простой штукой. Чеченский кризис — это тяжелейшая национальная проблема. Это не проблема бандформирований и не проблема преступников. С преступниками не борются бомбардировками и введением масштабных бронетанковых сил. Это сложнейшая национальная проблема, которая заварилась еще в 1940-х гг., с депортации чеченцев. В 1991 г. после августовской попытки переворота реально образовалось не 15, а 16 независимых государств. Надо понимать, что Чечня с августа 1991 г. была де-факто независимым государством, хотя находилась на территории России, и мы не признавали никогда и не могли признать факт ее независимости. Это была проблема, которая требовала терпеливых и спокойных решений, отнюдь не истерики. С начала 1994 г., я знаю это прекрасно, в Чечне наконец стала переламываться ситуация в нашу пользу, в пользу единства России. Режим Дудаева к весне 1994 г. был предельно слабым. Ее экономика была не способна жить без России. Нефтеперерабатывающие заводы практически остановились, доходы от нефти резко пошли вниз. В России хуже-лучше, но были какие-то признаки стабильности.

От Дудаева начинают бежать его ближайшие соратники. Он теряет контроль над территорией, особенно над Надтеречным районом... В Москву едут представители одной оппозиции, другой... Ходят по московским кабинетам, говорят: давайте найдем хоть какой-то способ переговоров. Совершенно ясно любому разумному человеку, что пришло время спокойно, сочетая меры экономического и политического нажима, перевести Чечню на «татарский» путь и постепенно интегрировать в российскую экономику. Без истерики, не сразу, но это возможно. Ясно, что Дудаев ослаб, у него мобилизация проваливается, от него бегут сторонники.

И какие же делают выводы? Ну, раз он такой слабый, чего тут переговариваться? Давайте-ка быстренько употребим силу и все решим в момент...

Люди не понимают элементарной вещи: Дудаев до начала российской интервенции — это слабый Дудаев. После ее начала, после бомбардировок Грозного — это совершенно неизбежный лидер чеченского народа, который получает огромный прилив сил.

И в результате, вместо того чтобы потихоньку, как раз тогда, когда яблоко почти созрело, сорвать его и урегулировать конфликт, мы получаем кровавую, тяжелую войну с непредсказуемыми последствиями на Северном Кавказе.

Я считал это серьезной ошибкой, пытался убедить президента и премьера в том, что вставать на этот путь нельзя, что он приведет как раз к тем последствиям, к которым он сегодня привел, и, конечно, поддержать эту политику мы никак не могли. Мы не испытываем ни малейшего злорадства по этому поводу. Это все равно наш президент, и мы его выбирали и поддерживали. Это наш президент сделал ошибку. И мы, разумеется, будем делать все возможное, чтобы президент начал исправлять свои ошибки.

— *Почему Китай имеет крепкую экономику при более скудных ресурсах, чем в России, но имея население в 6 раз больше, чем у нас? При этом Китай не хочет вставать на российский путь развития...*

— По очень простой причине. Потому что китайские коммунисты оказались более умными и гибкими, чем российские коммунисты. Китайский путь на самом деле — это путь для страны, которая еще не реализовалась. В Китае по-прежнему живут намного хуже, чем у нас. Китай — это страна быстроразвивающаяся, в которой с начала реформ $\frac{4}{5}$ населения живут в деревне, страна, которая еще не прошла путь индустриализации, где можно строить новый частный сектор не вместо существующего государственного, а рядом с ним. Это тот путь, на который многие пытались вывести Советский Союз в конце 1950-х — начале 1960-х гг. О нем говорили в свое время и обсуждали в начале 1960-х, при подготовке хрущевских и косыгинских реформ. К сожалению, тогда у советского руководства не хватало ума и ответственности понять, что, если хочешь вывести страну без страшных потрясений из социалистического тупика, надо уводить ее тогда этим путем. К тому времени, когда все институты государства были практически разрушены и парализованы экономическим кризисом и мы имели сверхиндустриализованную и предельно неэффективную экономику, вопрос о китайском пути, разумеется, для нас был уже закрыт. Ни одна индустриализованная страна, прошедшая социализм, на китайский путь так и не смогла вступить.

— *Как Дума и верхняя палата могли допустить кровавую бойню в Чечне?*

— Это, на мой взгляд, очень серьезный вопрос и очень серьезная претензия к Думе и к верхней палате. Как вы знаете, наша фракция с самого начала заняла достаточно жесткую позицию, направленную на предотвращение военного решения, на то, чтобы добиться перевода развития событий в переговорное, мирное русло. Мы подготовили целый ряд абсолютно конкретных законов, которые, будучи принятыми, закрывали бы любые легальные лазейки продолжения интенсификации военных действий. Это были законы о поправках к бюджету на первый квартал, запрещающие финансирование военных действий до и без введения чрезвычайного и военного положения.

Второе — это поправки к Закону об обороне, которые запрещают использование армии тоже без введения чрезвычайного или военного положения. Это законы, которые устанавливают хотя бы обязательные нормы немедленной публикации сведений о погибших, раненых и пропавших без вести. Сегодня родители не могут получить этой информации.

Поразительно, но большинство Думы, в первую очередь фракция националистов, ЛДПР, фракция коммунистов, наибольшая часть аграриев, не поддержало эти законопроекты, включая и закон об опубликовании данных и сведений о погибших. Это, по моему, уже верх безответственности по отношению к женщинам, у которых дети служат в армии. На мой взгляд, после этого решения эти фракции взяли на себя серьезную часть ответственности, разделив ее с исполнительной властью, за продолжение масштабного кровопролития в Чечне.

Теперь что касается замечательной легенды о том, как Гайдар не только пьет кровь христианских младенцев, но еще и вооружил Джохара Дудаева.

Ситуация следующая. На самом деле Джохар Дудаев установил контроль над территорией Чечни, как вы хорошо знаете, осенью 1991 г. Первая легенда была в связи с этим замечательная: о том, что я убил майора контрразведки в октябре 1991 г., потому что он расследовал данные о том, как Гайдар передал оружие Дудаеву. Я был восхищен упадком искусства политической провокации в бывшем КГБ, потому что они не удосужились посмотреть на даты: а кем был Гайдар в октябре 1991 г., когда он убивал майора контрразведки и договаривался с Дудаевым? Тогда бы они уви-

дели, что в это время Гайдар был доктором экономических наук, директором Института экономической политики Академии наук и Академии народного хозяйства. Я мог вооружить Дудаева своими канцелярскими ножницами или указкой. Видимо, это как раз и расследовал убитый мной майор контрразведки. Я могу дальше подробно рассказывать, но, по-моему, все и так очевидно.

— *На каком основании Татарстан не платит налоги? Мы платим за то, что он согласен пока оставаться в составе России?*

— Ну, во-первых, это не совсем точно. Татарстан платил и платит налоги. Другое дело, что с Татарстаном было заключено соглашение о том, что часть этих налогов используется на финансирование федеральных программ на территории Татарстана. Мне не кажется подобного рода бюджетное решение самым эффективным. Я с Вами могу согласиться, но могу сказать только одно, что такого рода решение и медленная и спокойная дипломатия обходятся дешевле, чем решение военное.

— *На недавней встрече с депутатами Госдумы мы услышали, что повышение минимальной зарплаты — фикция, увеличатся пособия, а мы, госбюджетники, денег не увидим. Внесите ясность.*

— Вопрос об увеличении зарплаты бюджетникам — это в первую очередь вопрос бюджета. Вы прекрасно понимаете, что для того, чтобы эти деньги выплачивать, нужен бюджет, и в первую очередь региональный бюджет, потому что сегодня именно из него оплачивается большая часть бюджетников, по крайней мере в вашей области. Ключевой вопрос тут, по моему глубокому убеждению, это ограничение перераспределения денег через Москву. Ваша область является субсидирующей. Вы до сих пор вносите денег в федеральный бюджет больше, чем из него получаете. Это происходит в том числе из-за того, что используется очень неэффективная, неправильная схема распределения субвенций между регионами. Мы будем пытаться добиться того, чтобы эта схема в бюджете 1995 г. была изменена. Сегодня почему-то получается так, что самыми несчастными регионами, которым надо больше всего помогать, оказываются Краснодар, Ставрополь и Ростов. А источниками бюджетных поступлений являются такие процветающие регионы, как Архангельск, Мурманск, Вологда, Пермь, Свердловск, Курск. Решение этого вопроса поможет в первую очередь определять возмож-

ности реального повышения зарплаты бюджетникам, в том числе у вас.

— *Почему Вы осквернили память своих предков, деда и отца, которые боролись за улучшение жизни трудового народа?*

— Разница коммунистической идеи и фашистской состоит в том, что фашистская идея с самого начала человеконенавистническая. Это очень видно. Коммунистическая идея вроде бы прекрасна, она действительно завораживает. Ведь с ней в общем, пока она не опробована, очень трудно или невозможно спорить. Ну кто же будет против социальной справедливости? Кто будет против более упорядоченной экономической жизни? Кто будет против многого и многого из того, что было начертано на коммунистических знаменах 80 лет назад? И поэтому среди коммунистов, по моему глубокому убеждению, было очень много достойных, честных людей, которые искренне любили свою страну и хотели ей добра. Но одно дело верить в эти идеалы из красивых книжек и другое — когда все это было проверено страшным, кровавым опытом нашей страны, когда за все это заплатили миллионами жертв в коллективизацию, во время репрессий, заплатили страшным экономическим отставанием все социалистические страны. Северная Корея — тем, что она отстала от Южной, Восточная Германия — тем, что она отстала от Западной, Россия — тем, что отстала от Европы, с которой она шла почти вровень в начале века. Когда все это стало ясно, дальше продолжать разделять эти идеи значило бы уже разделять не великие заблуждения, а страшные предрассудки.

Поэтому я отнюдь не отрекаюсь от своего деда и считаю, что он воевал за будущее своей страны так, как он его видел. Я воюю за него так, как вижу его сегодня на основе богатого и трагического 75-летнего опыта.

— *Почему в очень напряженный момент для России надежда многих россиян — Гайдар, Федоров, Явлинский — разобцены? Это, мягко выражаясь, бросает тень на указанных политиков, да и выводы из последних выборов не сделаны.*

— Совершенно с Вами согласен. Наша позиция была и остается предельно простой: мы за объединение демократических сил как можно более тесное и без всяких предварительных условий. Было письмо вдовы А.Д. Сахарова Е.Г. Боннэр, адресованное мне, Явлинскому и Федорову, об этом же. И она нас там призвала: давайте

сейчас не обсуждать вопрос о президентских выборах, надо сплотиться для выборов парламентских, создать широкую коалицию. Мы обсудили письмо у себя на Совете партии, решили горячо поддержать эту идею. Мы действительно сейчас снимаем этот вопрос с обсуждения и предлагаем немедленно начать переговоры по созданию широкой демократической коалиции, по меньшей мере по выборам по мажоритарным округам, чтобы не получалось, что три демократа «дерутся» друг с другом, а безответственный человек от коммунистов или от фашистов проходит в парламент.

— *Вы выступили против импичмента президента...*

— Да, совершенно верно, мы выступили против импичмента президента и против досрочных выборов. Я еще раз подчеркну, мы не поддерживаем ту политику, которую проводит президент, но считаем очень важным соблюдать демократические, конституционные правила игры. Если республиканцам в США не нравится политика Клинтона, они критикуют ее и выигрывают выборы в конгресс и сенат. Но никому не приходит в голову при этом поставить вопрос об импичменте Клинтона. Он выбран на четыре года и все четыре года будет работать.

В связи с этим мы считаем, что главная наша задача добиться того, чтобы выборы в парламент и президентские выборы прошли в срок, чтобы мы пришли к этим выборам подготовленными и выбрали достойных кандидатов. Вот это наша задача.

< Экономика и выборы >

Встреча с предпринимателями. Курск

19 января 1995 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Е.Т. Гайдар:

Поскольку здесь собрались предприниматели, я постараюсь говорить не о политике в основном, а об экономике. Постараюсь рассказать о тех факторах, которые, по моему мнению, определяли развитие событий в экономике в 1994 г. и, видимо, будут определять и в 1995 г.

Конец 1993 г. с точки зрения экономической политики вообще был временем довольно серьезных надежд на экономическую стабилизацию. Надо сказать, что весь 1994 г. и 1995 г. могут быть описаны как драма экономических лагов, как драма взаимосвязи между разновременными процессами. Попросту говоря, российская экономика — это примерно как тяжеловоз, как тяжелый грузовик. Ты начинаешь тормозить, и через несколько десятков метров он останавливается, и разгоняется он не сразу. Короче говоря, если тебя интересует, что будет происходить социально в феврале, тебе надо смотреть не на январь, а на август–сентябрь. Если тебя интересует, что будет происходить с валютным курсом, тебе надо смотреть не на то, что происходило в предшествующие две недели, а на то, что происходило два месяца назад. Эти лаговые взаимосвязи сегодня уже неплохо изучены, исследованы. Они очень четкие и позволяют на короткие сроки сегодня чудесно прогнозировать целый ряд важнейших характеристик российской экономики.

Если бы мы горели одной жаждой любой ценой выиграть выборы 1993 г. в декабре, то мог бы вам сказать, что, зная эти лаговые зависимости, мы могли бы это сделать абсолютно элементарно. Для этого нужно было всего лишь навсего сразу после октябрь-

ского кризиса в Москве, в октябре–ноябре, начать быстро-быстро печатать деньги. И тогда бы мы выплатили все задолженности по бюджету, по зарплате, по социальной сфере, задолженности селу, накопившиеся из-за колеблющейся, безответственной политики Черномырдина весной 1993 г., показали бы, как может здорово работать правительство, не связанное с бывшим Верховным Советом, а потом, когда уже прочно и надежно выиграли бы выборы, расплачиваться за это пришлось бы резким ускорением инфляции только в феврале 1994 г., когда мы бы уже все прекрасно расселись в своих креслах.

Естественно, что ничего подобного мы делать не стали, а, наоборот, использовали эти месяцы для целого ряда очень жестких мероприятий, которые могут стоить поражения на выборах, к сожалению, любой из демократических партий. Именно в это время мы отменили хлебные субсидии, импортные субсидии, льготные кредиты, мы начали поэтапное повышение квартплаты и т. д.

Короче говоря, провели целый ряд мероприятий, которые позволили заткнуть самые крупные бюджетные дыры, резко сократить потребность в бюджетном заимствовании, соответственно резко снизили темпы роста денежной массы, создали предпосылки финансовой стабилизации в 1994 г., но за которые надо было дорого расплачиваться, что мы, собственно, и сделали.

После выборов 1993 г. российское правительство, российские органы власти, президент оказались перед очень серьезной стратегической альтернативой. Что делать? Можно было понять относительный неуспех демократов на выборах как следствие слабости, компромиссного характера реформ, неуверенности политики правительства Черномырдина. Если мы хотим добиться экономического роста до президентских выборов, нам надо сейчас резко увеличить наши усилия по финансовой стабилизации, активизации рынка, по созданию гарантий частной собственности, по военной и аграрной реформам и соответственно начать новый цикл реформ, что мы и предлагаем. А можно было интерпретировать эти результаты как следствие общего недоверия всех к демократии, необходимости большего государственного регулирования, большей державности во внешней политике, большего акцента на права полиции во внутренней политике и т. д.

В общем тогда был сделан второй выбор — выбор, по-моему, очень опасный, — выбор, за который мы сегодня расплачиваемся, в том числе экономически. И тогда основная драматургия года, в том числе экономически, была предопределена.

В начале 1994 г. еще продолжает действовать (опять же подчеркиваю: под влиянием лаговых зависимостей) вот эта финансовая сдержанность осени 1993 — зимы 1994 г. Темпы роста денежной массы резко сократились. И дальше начинает проявляться целый набор стандартных следствий. Ну, во-первых, предсказуемой становится динамика валютного курса. Все знают: валютный курс упадет на 4% в месяц, может быть, на полпроцента выше, может быть, на полпроцента ниже, но никак не за рамки этого показателя.

Второе. Начинают устойчиво снижаться процентные ставки, вплоть до 130%. Следующее. Сбережения перестают так быстро обесцениваться, и начинает расти доля сбережений в располагаемых доходах населения, появляются потенциальные финансовые ресурсы для инвестиции в национальную экономику.

С осени 1993 г. у нас устойчиво положительная процентная ставка. Соответственно возникают предпосылки для того, чтобы хранение денег в рублях стало выгоднее, чем хранение в долларах. И здесь многие хозяйственные агенты принимают решение: перевести свои авуары из долларовой в рублевую форму. Отсюда существенный рост доли денег во внутреннем продукте и быстрое торможение инфляции, которая довольно резко идет вниз весной, в начале лета 1994 г.

Все это вместе создает предпосылки для еще одного очень важного процесса — для изменения структуры распределения кредитных ресурсов. У нас впервые за долгое время начинает сокращаться доля краткосрочных кредитов и расти доля долгосрочных кредитов.

Возникает кредитный рынок: не только 3-месячных денег, 6-месячных денег, но и годовых кредитов и т. д.

Все, кто изучал экономику, механику стабилизации, подъема, знают, что это и есть как раз ключевые признаки намечающейся через полгода стабилизации. Так всегда и происходит. Именно по этим характеристикам ее и отмечают.

Самое обидное в это время состояло в том, что, казалось бы, все это как раз проявлялось, эти позитивные процессы уже шли, но

нам, к сожалению, было ясно, что перелом уже произошел, и перелом крайне негативный, который скажется в конце лета — осенью 1994 г.

Правительство, к сожалению, только два месяца (февраль и март 1994 г.) удерживалось на пути относительно сдержанной финансовой политики, создающей базу для стабилизации, для начала инвестиций в национальную экономику. Уже в апреле на правительство хорошо надавили коммунисты и аграрии и оно в очередной раз дрогнуло, под напором написало бюджет: 10 трлн руб. ничем не обеспеченных дополнительных расходов на субсидии.

Я разговаривал с моими друзьями в Министерстве финансов: вы понимаете, что этих денег не будет? Ну, конечно, понимаем, ну что делать, это политическое решение, решили пойти на компромисс.

Я выступал в парламенте несколько раз и говорил: коллеги, дорогие, ну не будет этих денег, не надо себя обманывать. Вы можете по-другому принять бюджет, вы можете сказать: мы вот с этим согласимся, что не надо денег на образование, а давайте эти деньги дадим на дотацию селу. Ну давайте делить деньги, которые есть, не будем делить воздух. Нет, проголосовали бюджет вот с этим воздухом. В июле–августе темп роста денежной массы резко идет вверх. Правительство берет в Центральном банке только за два месяца кредит 13 трлн руб. Обоснования те же: Север, сельское хозяйство и т. д.

Ну, когда это все происходило, мы неоднократно говорили: эти деньги не пойдут ни на село, ни на Север — они пойдут только в одно место: на валютный рынок. Сегодня, по-моему, не надо быть доктором экономических наук, чтобы это знать.

С августа начинается резкий рост спроса на валюту. И здесь Центральный банк допускает целый ряд очень серьезных ошибок, которые дорого обошлись. Первое. Уже после того как начал на полную мощность работать печатный станок (я имею в виду безналичные деньги), Центральный банк еще снижает процентную ставку и разрешает снижать ставку по депозитам Сбербанка, как будто сам подталкивает население к переводу денег из рублей в доллары.

Второе. Правительство, которое довольно активно работало на рынке ГКО (государственных краткосрочных обязательств) и оттягивало часть свободных денежных ресурсов на этот рынок, только

что напечатало много денег, оно закрыло основные свои потребности, и оно уходит с рынка ГКО, резко сокращая предложение и соответственно выгодность операций с ГКО. Значит, подтолкнули к доллару не только население, но и предприятия, банки. Естественно, начинает резко расти спрос на валюту. Центральный банк, вместо того чтобы понять, что спрос на валюту на этом уровне, валютный курс, который сложился в это время (2200), все равно удерживать невозможно, если уж напечатали столько денег, начинает тупо пытаться бороться с этой огромной волной рублевого выброса, валютной интервенцией. И вот эта интервенция доходит до 400–500 млн в неделю, и довольно быстро ЦБ выбрасывает 3 млрд долл. на эти валютные интервенции. Но за это время все равно становится ясно, что курс доллара вырастет за месяц не меньше чем на 10%. Это значит, что вложения в доллары снова эффективнее, чем в рубли.

И в этот момент вся экономика (от директора крупного банка до домохозяйки, имеющей 10 долл. в банке) принимает одно и то же стандартное решение: вложение в доллары сейчас выгоднее, чем в рубли, значит, перераспределяем свои депозиты на долларовые. Спрос на валюту, естественно, возрос, а у Центрального банка исчерпан валютный резерв. Соответственно он отпускает курс, курс начинает скакать, отсюда «черный вторник» и естественное резкое ускорение темпов инфляции осенью. Если у нас в августе инфляция была 4%, то к декабрю — 16%. Начинает появляться дефицит на разные виды товаров. Это все расплата за апрель.

Что приходится делать после этого ЦБ? Он снова повышает процентную ставку, снова наиболее выгодными стали только валютные операции (они были невыгодны в конце весны — начале лета), снова стало более выгодно хранить деньги в валюте, чем в рублях, снова падает доля денег во внутреннем продукте.

Короче говоря, все эти факторы стабилизации, которые мы видели весной 94-го года, были все перечеркнуты большой жирной чертой и можно забыть про инвестиции в отечественную экономику, по крайней мере, на конец 94-го — начало 95-го года.

Правительство понимает, к какой опасной черте мы подошли, что продолжение движения в том же направлении по существу лишает возможности маневра, может привести к полному исчерпанию валютных резервов, к скачкообразным изменениям курса, к дальнейшему резкому ускорению инфляции и т. д. И с октября пра-

вительство пытается довольно резко изменить политику, какое-то время Черномырдин вдруг начинает говорить языком Гайдара 1992 г., именно тогда он говорит, что умеренно жесткая политика исчерпала себя, о необходимости жесткого приоритета борьбы с инфляцией и т. д., и действительно кое-чего пытается заложить в макроэкономическую программу на 1995 г., бюджет на 1995 г. Уже с октября темпы роста денежной массы немножко идут вниз и разработан бюджет на 1995 г., основная идея которого — довольно серьезные стабилизационные меры.

В чем замысел его? Замысел предельно простой: немножко сократим бюджетный дефицит; откажемся полностью от заимствования у Центрального банка (перестанем печатать деньги); бюджетный дефицит покроем выгодными кредитами Международного валютного фонда и Мирового банка и кредитными операциями на внутреннем рынке. Таким образом, резко сокращаем темп выброса денежной массы, приводим как бы в соответствие темпы спроса народного хозяйства на деньги, стабилизируем где-то с марта-апреля курс рубля, замораживаем курс рубля к доллару, получаем под это еще стабилизационные кредиты Международного валютного фонда; делается намного более выгодным вложение денег в рубли по сравнению с долларами; постепенно с весны начинает падать процентная ставка; с весны же идет сокращение инфляции, к лету инфляция где-то сведена до уровня менее 4% в месяц; валютный курс стабильный, в страну идет приток валюты, падение процентной ставки практически неизбежно выпихивает сбережения населения в инвестиции, с конца 1995 г. начинается рост инвестиций. В 1996 г., к президентским выборам, выходим с растущей экономикой.

Такая схема достаточно рискованная. Конечно, гораздо лучше было бы работать с ней при более низком дефиците бюджета. Ну это уже упирается в системные реформы. Для этого надо было наступить на аграрное лобби, нужно проводить военную реформу. К этому правительство не очень готово. По крайней мере, эта схема очень рискованная, но это единственный шанс, дающий основу для работы.

Этот бюджет в общем мы принимаем в конце 1994 г. с некоторыми корректировками, скорее улучшающими, чем ухудшающими его, в первом чтении.

Беда в том, что весь этот бюджет, вся эта программа никак не рассчитаны на условия воюющей экономики. А мы к этому времени с размаху (я в данном случае не беру все сказанное здесь о политической стороне истории) оказываемся вовлеченными в довольно дорогостоящий военный конфликт, который почти сразу заметно изменяет экономическую ситуацию, резко ухудшает ее. Резко растет общий уровень инфляционных ожиданий. Общество разумно, оно видит (по телевизору) и понимает, что за все это надо будет платить. Оно даже догадывается, что, скорее всего, платить будем мы. Если платить будем мы, значит, повторение инфляции неизбежно. Значит, естественно опасаясь инфляции общество (домохозяйки) резко увеличивает вложения в долларах. В конце декабря, когда должен быть сезонный спрос на доллары, его не происходит, а в начале января начинается резкий скачок спроса на доллары на внутреннем рынке. На этом многие играют, и это довольно активно подогревают, и эти игроки играют на понижение курса рубля.

Центральный банк отвечает на это масштабными валютными интервенциями, опять как в августе. Мне, честно говоря, эта политика кажется достаточно опасной, потому что валютные резервы очень сильно истощены и есть риск не справиться, потом просто утратить контроль за рынком. Центральный банк опять отвечает на это повышением процентной ставки — уже до 200%.

Я, честно говоря, в создавшейся ситуации, наверное, не лавировал бы, я бы пошел на резкое снижение курса рубля по отношению к доллару — до 4300, это вывело бы его на соответствие с реальностями. Но, по-моему, ЦБ по политическим мотивам этого боится и, скорее всего, по этому пути не пойдет.

Теперь всплеск спроса на валюту и отсюда очень неприятная альтернатива для валютного рынка: либо удастся переломить все-таки эту волну резкого ажиотажного спроса, либо надо девальвировать рубль, либо можно пойти по пути, по-моему, самому опасному — усиления административного контроля на валютном рынке. Это уже начиналось после «черного вторника», когда произошел вполне понятный экономический катаклизм, все начали искать виновных в коммерческих банках, которые в этом участвовали.

И сейчас естественная попытка ЦБ ответить на этот вызов за счет ужесточения операций с валютой. В общем можно двигаться

по этому пути, но надо понимать, что здесь очень легко сорваться, придумать такую систему, при которой валютный рынок как бы у тебя есть, а на самом деле его уже нет. Вот как на самом деле сейчас существует в Казахстане, Украине, Белоруссии. Есть вроде рынок, а на самом деле ликвидного рынка нет. Купить и продать так просто валюту невозможно. И первый опасный симптом — это всегда возникновение разницы между курсом наличных денежных продаж валюты и официально выработанным курсом. А возникает это вследствие очень серьезного кризиса всех рыночных институтов валютного рынка. Вот движение в этом направлении, давление на правительство и ЦБ, с тем чтобы оно в том или ином смысле отказалось от свободного рынка валюты, — это, по-моему, самое опасное, что сейчас может грозить. Если это будет, то это такой звонок о том, что все рыночные инструменты в России под огромным вопросом. Это неизбежный удар по импорту. Соответственно это неизбежный резкий проинфляционный импульс. У вас выпадает конкурирующий импорт, резко ускоряется динамика внутренних цен. Соответственно возникает возможность просто... запутаться в различных формах регулирования цен. И дальше может пойти развал всех рыночных регуляторов.

Это та угроза, которая в настоящее время является вполне реальной. В общем происшедшее ставит огромный вопрос о возможности реализации всего курса правительства на 1995 г. Сейчас это инфляционные ожидания, повышение процентной ставки, но завтра придется платить по счетам.

Пока Черномырдин прислал нам бумагу, суть которой в том, что (он не знает, сколько будет стоить война, потому что война продолжается) восстановление будет стоить в первом варианте 5 трлн руб. и пойдет это за счет других статей. Короче говоря, то, что было на здравоохранение, пойдет на здравоохранение в Чечне, то, что шло на капвложения где-нибудь у вас, пойдет на капвложения в восстановление грозненского завода и т. д.

Это сама по себе цифра немаленькая. Это почти полпроцента валового внутреннего продукта. Но боюсь, что это не все. В перспективе мы оказываемся в самом неприятном положении. Война скорее всего не кончится с занятием президентского дворца. Об этом нетрудно догадаться. Значит, мы будем в положении, когда

мы одновременно вынуждены платить за то, что воюем с чеченцами, кормить чеченцев и восстанавливать то, что мы там разрушаем.

Вторая неизбежная угроза — это резкое усиление позиции армии при бюджетном торге. Армия всегда просит, как я заметил, практически все бюджетные поступления. В нынешней ситуации, конечно, возможности отказать армии или ограничить ее будут существенно уменьшены. Значит, возникает угроза существенного увеличения общих военных расходов.

Резерва в бюджете, как я уже подчеркивал, нет. Сразу встает естественный вопрос о кредитах Мирового банка. Не то, что политические организации волнует война в Чечне, а просто по бюджетным соображениям. Это крупнейший пакет, который был когда-либо в мире реализован, никто не будет торопиться, они будут тянуть время. Они тянут время, а вам нужно платить в бюджет по счетам сегодня. А откуда? Печатание денег — вся бюджетная программа похоронена.

Тем более в условиях инфляционных ожиданий вы точно уже знаете, что все напечатанные деньги попадут немедленно на валютный рынок и дестабилизируют рубль.

Вот, к сожалению, эта очень неприятная экономическая ситуация, в которой мы оказались. Наиболее разумный выход из нее в общем понятен. В плане внутренней политики это все-таки поиск путей, которые позволят нам существенно снизить издержки на финансирование военных операций. Я за мирное решение чеченского кризиса и по общеполитическим соображениям, и по экономическим, потому что вижу, что это хоронит все наши шансы на стабилизацию экономики в 1995–1996 гг. И соответственно ужесточение бюджетной политики, наиболее последовательные реформы в области аграрной сферы, военной сферы, серьезная военная реформа, сокращение и перераспределение средств через федеральный бюджет между регионами. Короче говоря, хоронит реализацию той программы, которая действительно может позволить нам получить надежные гарантии частной собственности, низкие темпы инфляции, низкие процентные ставки, предсказуемую динамику валютного курса и постепенно создать предпосылки снижения налогового бремени, что, собственно, и составляет базу для экономической стабилизации.

Удастся ли выйти на этот путь в 1995 г.? У меня, к сожалению, есть большие сомнения. Боюсь, что 1995 г., когда главная задача — недопущение развала экономических институтов в том виде, в каком они существуют хотя бы сегодня, и любые созидательные задачи — это все-таки в том случае, если нам удастся добиться приличных результатов на выборах в 1995–1996 гг.

Теперь я с вашего разрешения отвечу на поступившие вопросы.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, будет ли денежная реформа в России и как хотят поступать у нас с долларом?

Е.Г.: Первое. Надо сказать, что после двух абсолютно бессмысленных денежных операций, которые ЦБ провел в 1991 и 1993 г., я никогда не смогу дать какого бы то ни было ответа на этот вопрос, потому что мой общий ответ: она бессмысленна сегодня. Она бессмысленна была в 1991 г., она бессмысленна была в 1993 г.

Я не знаю сегодня о какой бы то ни было готовящейся реформе. Она сегодня абсолютно бессмысленна, если она готовится. Я не думаю, что ее будут в ближайшее время проводить. Это максимум того, что я могу сказать.

Теперь как хотят у нас поступать с долларом. Пока каких-то крупных решений по доллару, насколько я знаю, Центральный банк не вырабатывает и не готовит. Так что слухи о том, что предполагают заморозить доллар или обменять доллары, не имеют пока никакого подтверждения.

Надо понять, что если будет происходить стабилизация валютного рынка, то в тот момент, когда будет принято решение о подобных мерах, долларовые счета, естественно, окажутся под большим вопросом.

Вопрос: ...В свое время были отпущены цены. Знали ли Вы, что это обесценит вклады населения? Вам не кажется, что в том, что сейчас происходит в Чечне, виноваты силы, призывавшие голосовать за Конституцию, которая дала почти неограниченные права президенту?

— Первое — по сбережениям. Я, естественно, знал, что сбережения обесценены. Я даже не знал, что они будут обесценены, я просто знал, что они уже обесценены, еще до всякой либерализации цен. Я знал это из данных о валютных резервах, которые мне стали известны, когда я был назначен премьером, из тех записок, кото-

рые я видел еще в Политбюро ЦК КПСС и правительстве, которые мне были тоже известны. Короче говоря, я знал, что за сбережениями населения 1991 г. ничего не стоит, за ними больше не стоит 1300 т золота, которые были в 1985 г., а стоит их пятая часть. Я знал, что за ними не стоит 15 млрд долл. валютных резервов, которые были в 1985 г. Я знал, что там нет ни цента. Я знал, что изъято 8 млрд долл. физических и юридических лиц во Внешэкономбанке. Здесь есть предприниматели, наверняка это тоже кого-то затронуло. Я знал, что сбережения неэффективные. Я знал, что об этом прекрасно знает коммунистическое руководство, получившее соответствующие записки. Я знал, что именно поэтому они не решаются начать реформы.

Теперь что касается Чечни. Я помню прекрасно, что мы находились на грани точно такого же развития событий до принятия этой Конституции в 1992 г. в ноябре. В ноябре 1992 г., когда мы вводили войска в Ингушетию на фоне осетино-ингушского конфликта, была идея заодно решить чеченскую проблему. И тогда мне генералы тоже говорили, что за два часа всех раскидаем, наведем порядок. Я тогда не поверил, полетел во Владикавказ, потом в Назрань, побывал в войсках, поговорил с военными руководителями, потом позвал к себе дудаевского премьера Мамадаева¹ и договорился о приостановлении продвижения войск, потому что мне тогда уже стало ясно, что из этого получится не два часа, а большая, серьезная кровь, тысячи жизней с непредсказуемыми последствиями и, может быть, на долгие годы кровоточащая рана. Так что никакой Конституции для этого не надо было.

Вопрос: ...Для чего предназначались полученные Вами наличными 11 млрд руб. в конце сентября 1993 г.?

— Ну естественно, не для того, чтобы перевести за рубеж и положить на собственный счет...

Во-первых, получено не мной, а В.С. Черномырдиным, если быть совсем точным. Это очень простая история. Это было не в конце сентября, а вечером 3 октября, это было время, когда уже

¹ Мамадаев Яраги — чеченский политический и хозяйственный деятель, вице-премьер в правительстве президента Дж. Дудаева, с которым конфликтовал. В 1993 г. очень короткое время был премьер-министром республики, позднее — премьером правительства в изгнании; из эмиграции вернулся, в 2004 г. пытался баллотироваться на пост президента Чеченской Республики, но был исключен из списка.

взяли мэрию, был штурм Останкино и Хасбулатов обещал взять Кремль. Тогда Черномырдин велел Минфину, в частности Вавилову (он тогда был первым замминистра финансов), на случай возможной блокады Дома правительства подготовить наличные деньги. Такую команду он дал Центральному банку. Ночью они были в Дом правительства на Старую площадь завезены, а на следующее утро ситуация изменилась, стало ясно, что блокировать Дом правительства никто не будет, и они соответственно были возвращены. Вот и вся замечательная история.

Вопрос (от газеты «Коммунистическая правда»): В статье Плюхова утверждается, что благодаря Чубайсу крупнейшие объекты проданы дешевле, чем хоккеисты... Ваш комментарий. Чубайс работал под Вашим руководством...

— Это восхитительный вопрос, и на нем я с удовольствием остановлюсь.

Может быть, вы помните, а может быть, нет, что программу приватизации наше правительство представляло в конце прошлого — начале нынешнего года в Верховный Совет, и Верховный Совет должен был окончательно определять программу приватизации, в том числе то, как и за что продавать. Все, что здесь говорится, это на самом деле говорится о так называемых льготах трудовым коллективам, т. е. о 51% акций, которые коллектив по льготной, остаточной цене мог бы выкупать.

Я могу напомнить уважаемым коллегам, что второй вариант — 51% — не существовал в предложениях правительства. Он был введен Верховным Советом вопреки самым яростным протестам правительства и лично г-на Чубайса. Введен он был туда по инициативе коммунистической фракции бывшего Верховного Совета. Это именно коммунисты тогда, заботясь о правах трудовых коллективов, настояли на втором варианте с 51%, в результате чего эта часть имущества продается сейчас дешевле, чем хоккеисты. Больше того, именно Верховный Совет потом категорически запрещал правительству вводить повышающие коэффициенты, увеличивающие плату за имущество, выкупаемое трудовыми коллективами по остаточной стоимости, что Госкомимущество пыталось сделать.

Так что мы в данном случае вынуждены были реализовывать то законодательство, которое было действительно искорежено коммунистами и их союзниками, прекрасно понимая, к чему это при-

ведет. И многократно в Верховном Совете об этом говорят. Меня сейчас больше всего умиляет, что в этом теперь Чубайса упрекает газета «Правда».

Из зала: Но Вы тоже были коммунистом.

— Совершенно верно. Я состоял в КПСС. Я, больше того, могу ответить, что в КПСС в России состояло очень много народу и очень разного. В КПСС у нас были почти все — от фашистов до либералов, так или иначе все вышли из КПСС. Я вышел из КПСС 19 августа 1991 г., после того как стало известно о попытке государственного переворота, и никогда этого не скрывал. Тогда вышел из партии весь мой институт, и тогда мы закрыли нашу партийную организацию.

Вопрос: Низкий процент инфляции в начале 1994 г. в значительной степени результат задержки платежей крестьянству и другим сферам или не так? А если деньги в этих хаотических условиях уходят на валюту, то где же правительство, оно же должно управлять в интересах всего общества или это за него делает группа, умеющая перекачивать деньги из общего кармана в свой.

— Первое. Действительно, правительство в 1993 г., на мой взгляд, давало совершенно неприемлемый объем обещаний, что случилось после моей отставки в 1992 г., когда пришел В.С. Черномырдин. Пришел добрый, хороший, решил всем помогать. Он тогда восстановил дотации селу, которые мы отменили. Он ввел льготные кредиты снова. Он установил высокие закупочные цены на продукцию села, была принята куча разных очень популярных решений с одной-единственной проблемой: никто не знал, как за все это платить.

Поэтому на самом деле проводилась как бы политика двух полицейских. Есть добрый полицейский и злой. Есть добрый полицейский — это В.С. Черномырдин, премьер, он всех понимает, всем готов помочь, прийти на помощь, но у него одна беда — министр финансов Федоров, ну никак с ним невозможно справиться, он никому не платит, ну что с ним поделаешь! Это политика, которая позволила на некоторое время снять напряжение, но она приводила к очень серьезным долгосрочным неприятным последствиям. Именно поэтому, когда я вернулся в правительство (это случилось в сентябре 1993 г.), наши усилия были направлены не на то, чтобы не платить деньги, а на то, чтобы сказать правду и отменить те обе-

щания, которые сегодня невозможно выполнить. Именно поэтому тогда сразу отменили льготные процентные ставки, хлебные субсидии, импортные субсидии. Именно тогда, кстати говоря, мы пытались отменить субсидии на корма и отменили на самом деле. Я пришел к Черномырдину и сказал: все равно это не будет заплачено, нет для этого денег в бюджете. Он говорит: знаю. Давайте отменим. Скажите правду. Выпустили постановление правительства. Через день смотрю новое постановление правительства, эти субсидии восстановлены. Что, он нашел деньги? Нет. Будем платить? Нет, платить не будем.

Короче говоря, наши меры все-таки были направлены на то, чтобы устранить основные источники этого бюджетного пузыря. И к концу осени 1993 г. это в основном удалось.

Теперь что касается умения управлять спросом на валюту. Да, спросом на валюту надо и можно управлять. И как раз для этого существуют такие серьезные рычаги, как темп роста денежной массы, масштабы бюджетных заимствований, уровень процентной ставки, операции на открытом рынке. Короче, целый набор возможных инструментов. Но этот набор не является всесильным. Если ты хочешь приказывать валютному рынку, тогда тебе надо честно сказать, что у тебя неконвертируемая валюта, и забыть обо всех преимуществах, связанных с тем, что пока еще можно свободно обменять доллар.

Вопрос: *Кого Вы видите на посту президента России, кроме себя?*

— Я и себя там не вижу. У нас очень простая позиция. Мы считаем, что ситуация сейчас тяжелая и опасная, и поэтому главный вопрос для нас не в том, как нам получить идеального президента, а в том, что нам сегодня нужно очень широкое взаимодействие, просто разумность общества в процессе подготовки к следующим выборам. У нас может быть куча разногласий с Черномырдиным, но, если он начинает говорить про экономику так, как говорил Гайдар, значит, с ним можно взаимодействовать, как и со многими другими.

Короче говоря, наше предложение предельно простое: широкая демократическая коалиция, вместе проводим парламентские выборы, после этого легче будет договариваться, кого выдвинем и поддержим в президенты. Сейчас это может нас только разделить.

Вопрос: *На каком основании Ельцин выделяет Лужкову деньги, предназначенные для регионов, а Лужков вроде как от себя оделяет москвичей большими зарплатами, пенсиями. Что это — подкуп москвичей перед очередными выборами? Так позволено делать и Собчаку в Ленинграде. Неужели Вы думаете, что мы здесь, в регионах, совсем слепые и не видим все это безобразия? Мы требуем досрочных выборов президента...*

— Первое. Это совершенно разная ситуация. По Санкт-Петербургу это совершенно неправда. Санкт-Петербург не является дотированным городом. Больше того, на самом деле Санкт-Петербург — один из крупных плательщиков в федеральный бюджет. На самом деле по Москве тоже это не совсем правда, потому что по нетто-отношениям «регион — федеральный бюджет» Москва — крупнейший плательщик в федеральный бюджет, и как нетто-плательщик она вносит в федеральный бюджет гораздо больше многих и гораздо больше, чем Курская область, поэтому тут ситуация чуть-чуть не такая, как здесь сказано.

Другое дело, что и при этом целый ряд решений по Москве действительно, по-моему, являются абсолютно неправильными, неприемлемыми, особенно решение, которое предполагает выделение Москве валюты для закупок продовольствия в то время, когда испытывали огромные трудности с продажей продовольствия ближайшие регионы, в том числе, я думаю, и ваша область. Я категорически возражал против подобных решений. Это было в конце 1993 г. Главное, что это до москвичей не доходит. Не надо думать, что это все для москвичей. Москвичам было бы лучше, если бы масло покупали дешевле в ближайших областях. Это, на мой взгляд, чистый лоббизм и бенефициариями являются не москвичи, а чисто коммерческие структуры. Типичный пример опасного лоббизма.

А Ваше предложение по досрочным выборам президента. Я разделяю Ваше право его иметь, хотя мы не поддерживаем такую идею. Наша главная идея состоит в том, что, даже если мы расходимся с президентом сегодня в политике, главное, чтобы выборы состоялись в срок. Республиканцы, скажем, категорически расходятся с Клинтоном в направлениях американской политики, тем не менее никому из них не приходит в голову требовать досрочных

выборов Клинтона. Они знают, что выборы будут проходить ровно в тот срок, который они назначали.

Вопрос: *В одном из произведений 1939 г. Ваш дед Аркадий Гайдар писал, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную и счастливую землю, которая зовется Советской страной. Как Вы думаете, соответствуют ли этому призыву некоторые итоги, в том числе и Вашей, государственной деятельности? Страна уже не огромная, не счастливая и не советская.*

— Это как бы общий вопрос по моему отношению к деду и к тому, что он писал и делал. Я выступал здесь, повторять не буду, но предельно коротко. Дед был мальчишкой вовлечен в страшное кровавое колесо Гражданской войны. Он в 13 с половиной лет впервые был ранен и воевал с 14 до 19 лет. Он искренне верил в те прекрасные идеалы, которые были начертаны на знаменах коммунизма, как, кстати говоря, очень много честных, порядочных людей верили в эти идеалы, потому что эти идеалы действительно прекрасны, по крайней мере, пока они не были опробованы на жизнь, пока жизнь не показала, к какой страшной крови приводит попытка их воплотить, в каком историческом тупике оказываются практически все страны, вставшие на этот путь. Он честно в это верил, он честно сражался за эту страну и честно за нее погиб. Я живу в другое время, я должен извлекать уроки из того опыта, которого не было в его распоряжении. Я знаю, к какой крови, к какому историческому тупику это привело. И я должен думать, как из этого тупика выйти.

Вопрос: *Сегодня верхняя палата и Дума рассматривают предложение о соответствии правительства, недоверии ему, а Бориса Николаевича хотят привлечь к уголовной ответственности за нарушение Конституции. Как будут развиваться события?*

Вопрос: *...Реформы, каковы бы они ни были, тормозятся на местах местными властями всех уровней, народ не знает их.*

— Да, это правда. Это совершенно точно соответствует действительности. К сожалению, наша серьезная ошибка была в том, что в 1992 г. мы не нашли времени, сил, энергии, чтобы все-таки радикально поменять управленческие структуры на местах, особенно там, где они явно не понимали и не принимали реформ, делали все возможное, чтобы их затормозить. Мы как бы дали огромную власть в руки людям, которые, сами постоянно делая некие глупо-

сти, при этом постоянно показывали на Москву и говорили: вот видите, ну что они тут наделали, что же мы можем поделаться?..

Кстати говоря, именно поэтому очень важным считаю усиление наших организаций на местах, потому что из Москвы эту проблему серьезной кадровой реорганизации не решить. Опыт наших соседей показал: если ты достаточно решительно не меняешь кадры и не выделяешь людей, которые могут работать в новых условиях, успешно справиться с задачами рыночной экономики не сможешь. Никому это пока не удавалось.

Вопрос: *Нам сообщили о том, что до фермеров дошел один из 4 руб. льготных кредитов. Объясните, куда делись оставшиеся 3 руб.*

— Вы знаете, вот тут я несу некоторую долю ответственности. В конце года (мы раньше распределяли льготные кредиты через АККОР и через фонд поддержки фермеров. Это неидеальная структура, там были какие-то свои проблемы, наверняка какая-то часть кредитов не доходила и были свои возражения по этому поводу, был огромный пресс глав администраций: ну что мы будем через общественную организацию деньги распределять, дайте их нам на места и тогда-то мы уж точно доведем)... я поддался этим уговорам, и тогда мы эти деньги перенесли на распределение через местные администрации. И они стали совершенно поразительно исчезать. Куда деньги стали уходить, наверное, догадаться можно (большей частью на валютные биржи), но проследить это после того, как передали местным администрациям, никому не удавалось.

Вопрос: *Почему не сокращают из армии генералов, которые не могут выполнить комплекса для солдата: стрельба, бег, проживание в полевых условиях и т. д.?*

— Я, честно говоря, не знаю (в том, что надо сокращать генералов в целом независимо от того, выполняют они комплекс для солдата или нет, у меня нет сомнения), но у меня нет сомнения в том, что соотношение числа генералов и солдат в нашей армии абсолютно неприемлемо. У меня нет сомнения в том, что у нас огромное количество воинских соединений существует только для того, чтобы создавать генеральские должности, в том, что требуется реорганизация Вооруженных сил, чтобы сделать их дееспособными, боеспособными. Надо ли предъявлять генералам требования выполнения комплекса для солдат, я, честно говоря, не уверен. Я ду-

маю, в первую очередь они должны выполнять комплекс для генерала, соответственно уметь управлять войсками.

Вопрос: *Вы говорили, что в аграрный комплекс ушли миллиарды долларов, а в селах колхозники не получают рубли по 7 месяцев. Где эти доллары оседают?*

— Понятно, где оседают. Во-первых, большая часть денег, выбиваемых на дотацию селу, всегда уходила на поддержку тех политических сил, которые этой дотации добиваются. Это не является великим секретом. Но главная часть, конечно, идет дружеским коммерческим структурам и потом, в конце концов, идет на валютный рынок. В чем беда? Дело не в том, что мы против поддержки села. Мы считаем, что по ряду проблем она в высшей степени нужна. Скажем, бюджетные ссуды на малую переработку. Но беда в том, что те формы, по которым предлагается это делать, — это формы, заведомо гарантирующие полную бессмысленность выделения этих ресурсов. Чего стоит, скажем, система дотаций на продукты питания, выделяемые через предприятия по переработке сельхозпродукции. Эти деньги не доходят до колхозов и совхозов, они работают только на одно — увеличивают прибыль предприятий переработки и зарплату на этих предприятиях. Не знаю, как у вас, а во многих регионах именно так.

Вопрос: *Что, по Вашему мнению, надо сделать, чтобы производство в стране заработало эффективно?*

— Для того чтобы поднять производство, нужно, чтобы появились инвестиции, которые можно использовать для реструктурирования существующих производственных предприятий. Для того чтобы появились эти инвестиции, необходимо несколько элементарных предпосылок. Первая элементарная предпосылка — это надежная гарантия частной собственности. Если не будет надежной гарантии частной собственности, то никогда деньги в производство не пойдут. Заниматься вложениями в производство без таких гарантий абсолютно невозможно. Поэтому сегодня вот такие гарантии — это стержень законодательной работы нашей фракции. Мы для этого проводили Гражданский кодекс, пытаемся провести закон о ценных бумагах, закон об акционерных обществах, закон о земле и т. д. Если ваше предприятие расположено на чьей-то земле, вас могут завтра попросить с нее, если нет гарантий. Это первое, что необходимо.

Второе, что для этого необходимо и очень важно, — это резкое снижение инфляции. Инвестиции — это сбережения, превращенные во вложения в производство. Есть известные закономерности, что нужно сделать для того, чтобы механизм работал. Процентная ставка должна быть меньше 100% — лучше, конечно, ниже 20. Главная задача — снизить эту процентную ставку. Сделать это можно, снижая инфляцию. Предсказуемый валютный курс.

Очень важная стратегическая задача — это, конечно, снижение налогового бремени. Без его снижения трудно будет добиться инвестиций в производство. Но тут надо понимать одну фундаментальную штуку, что налоги — это есть государственные расходы. У нас как-то очень забавно получается: все готовы поддержать повышение государственных расходов и снижение налогов. Вот когда вы с человеком обсуждаете вопрос государственных расходов, он говорит: что, за счет моих денег? А у нас все время такое убеждение, когда речь идет о государственных расходах, что их какой-то дядя оплатит. Государственные расходы — это и есть налоги во времени. Поэтому наша фракция всегда была единственной политической силой, которая решительно выступала за снижение государственных расходов, т. е. общего налогового бремени, причем за счет снижения управленческих расходов, военной реформы, сокращения дотаций и субсидий и многих других направлений. Мы считаем, что это составляет абсолютно необходимую базу налоговой реформы, которая позволит поднимать производство.

Вопрос: *Номенклатура в области и в районах заняла все руководящие места и теплые места раздала своей челяди. Почему в России не вносится на рассмотрение Думы закон об обязательном конкурсе на все должности, чтобы у власти стояли порядочные, толковые люди?*

— Ну, мы подумаем. Я посоветуюсь с коллегами. У нас в процессе работы над законом о госслужбе кое-какие идеи подобного типа есть. Посмотрим, что тут можно сделать.

Вопрос: *Насколько в преддверии грядущих выборов демократические силы готовы к консолидации и выступить единым блоком и есть ли уже сейчас единая кандидатура на пост президента от демократических сил?*

— На последний вопрос я отвечал — пока нет. Насколько готовы к консолидации? У нас есть разработанные предложения, есть го-

товый проект соглашения о широкой демократической коалиции, есть предложения о том, как нам согласовывать позиции по мажоритарным округам. Короче говоря, с нашей стороны есть не только общая готовность, но и конкретный блок документов, который мы направили нашим партнерам.

Вместе с тем мы обратились и к региональным организациям, потому что в Москве не всегда легко договориться с демократическими лидерами, им застилают глаза личные амбиции. Мы считаем, в регионах часто это легче сделать, потому что отсюда гораздо виднее, поскольку все эти личные амбиции мало кого здесь интересуют. Поэтому мы считаем, что инициирование такой работы (мы будем заниматься и в Москве) должно идти и через регионы, и через региональные демократические организации.

***Вопрос:** Вы прекрасно разбираетесь в банках и их возможностях, но когда же Вы начнете понимать, что государственный аппарат, правительство обязаны в первую очередь заботиться о стимулировании производства?*

— Да это я, по-моему, всегда понимал. Если Вы почитаете нашу Программу углубления экономических реформ, то увидите, что ее стержень — создание предпосылок для стимулирования роста производства. Вы увидите, что мы точно наметили, когда это возможно. Вы увидите, сравнив это с опытом других стран, именно в эти сроки оно и начинается: третий год после начала реформ, на второй год после снижения инфляции повсеместно начинается реальный рост производства. Так что это всегда было нашей целью. Но мы прекрасно понимали, что идея инфляционной накачки экономики для стимулирования производства ни к чему, кроме экономического развала, не приводит.

***Вопрос:** Где Ваши предложения по развитию отечественного производства? Вы дали толчок к падению отечественного производства. Пора заняться самокритикой.*

— По поводу падения отечественного производства: здесь надо разделять два существенно разных процесса. Первое — совершенно неизбежное падение производства при структурной перестройке. Нам не нужно многое из того, что мы делали. Когда мне говорят: когда наша страна выйдет на уровень производства 1990 г.? — я считаю, что по некоторым направлениям, надеюсь, никогда. Надеюсь, мы никогда не выйдем на наш уровень производ-

ства не только по танкам, самоходным орудиям, БМП, пушкам, боеприпасам и т. д., но и по целому ряду других изделий. Я не думаю, что мы когда-нибудь выйдем на наш прежний уровень производства комбайнов, когда мы, закупая 30 млн т зерна в Америке, производили комбайнов в 16 раз больше, чем США. Вряд ли мы будем производить такое количество землеройной техники, потому что роем каналы так, как будто собираемся строить пирамиды, соревноваться с фараонами или быть мировыми чемпионами по рытью канав. Мы никогда не могли объяснить, для чего это делаем, где результаты. Мы вкладывали в мелиорацию каждый год намного больше, чем в легкую промышленность.

Короче говоря, по целому ряду направлений падение производства является абсолютно оправданным. Другое дело, когда начнется рост производства того, что нужно, когда пойдут инвестиции, позволяющие использовать этот производственный потенциал для выпуска продукции, которую можно было бы продать за деньги.

Вопрос: *По-прежнему ли Вы будете поддерживать тех, кто против строительства партии по производственному принципу? В современных условиях Вы ведь работаете главным образом среди пенсионеров. Едва ли это принесет успех.*

— Есть соответствующее законодательство. В общем мысль поддерживаем. Мы не поддерживаем идею построения партии по производственному принципу. Это ведет к тому, что директор завода или председатель колхоза говорит: ну-ка, записывайся в партию, а не хочешь — у тебя будет масса неприятностей.

Вопрос: *В 1991 г. вице-президент Руцкой настаивал на разоружении Чечни, утверждал, что через два года в Чечне мы получим такой очаг войны, который обойдется нам очень дорого материально и морально. Вы были с Ельциным против. Почему?*

— Я не был вместе с Ельциным против. Я просто в это время работал еще директором института. Я был назначен и приступал к исполнению своих обязанностей в тот момент, когда история с введением чрезвычайного положения < в Чечне > провалилась.

И мой первый день работы в правительстве был как раз тогда, когда Верховный Совет отменил введенное там чрезвычайное положение. Поэтому я как бы не наблюдал изнутри принятие решения, но потом, естественно, задним числом его пытался проанализировать. Действительно, Руцкой предлагал тогда решить

эту проблему с Чечней. Это замечательно, если было бы тогда реализовано. Мне рассказывал один из моих коллег, полковник Генерального штаба: его вызвали тогда срочно к Руцкому с картой Чечни. Положили карту, Руцкой рисовал там стрелы, какие войска куда должны идти и как все это надо сделать. Но дело в том, что это была осень 1991 г. Еще существовал Советский Союз. Это было время, когда все силовые структуры были просто парализованы, потому что Союз как бы еще есть, но его уже нет. Россия уже есть, но армии еще у нее нет. Руцкой дает приказ внутренним войскам, а Баранников мечется между ним, Ельциным и Горбачевым. Горбачев дает приказ никуда не двигаться. 300 человек внутренних войск попадают в аэропорт, их там блокируют немедленно, а техника никуда не идет. Технику перебрасывают в одну сторону, например в Моздок, а живую силу — в другую. Короче говоря, выясняется, что никакие силовые структуры в данный момент в Советском Союзе, в России реально не работают. Это та реальность, которая сложилась после августа 1991 г., от которой мы начинали. Если у меня до чеченской авантюры были иллюзии, что у нас еще есть какие-то силовые структуры, то после того как это все провалилось, у меня эти иллюзии исчезли. И я прекрасно понимал, что сначала надо что-то отстроить, добиться того, чтобы армия выполняла приказы, тогда уже стали возможны такие операции, как мирное разграничение Южной Осетии, Молдовы, потом с большой кровью, но все-таки остановленная война в Ингушетии, Осетии. Это уже 1992 г. Осень 1991-го? Надо понимать, что никакая армия тогда вообще никого не слушала, никаких приказов.

Вопрос: *Считаете ли Вы возможным поставить вопрос в Думе в связи с сообщениями относительно отстранения президента Ельцина от власти?*

— Нет. Мы обсуждали этот вопрос. Мы не поддерживаем эту инициативу, я уже сказал, по каким аргументам. Наша главная задача состоит в том, чтобы укоренились демократические институты. При этом надо добиться, чтобы выборы прошли в срок: и парламентские, и президентские.

Вопрос: *Несете ли Вы лично ответственность за события в Чечне?*

— Непосредственной ответственности, думаю, что не несу. Думаю, что сделал все возможное, от меня зависящее для того, что-

бы войну предотвратить, действуя как бы аппаратными каналами, пытаюсь убедить президента и премьера, остановив один раз в ноябре 1992 г., создав предпосылки, позволявшие, на мой взгляд, к 1994 г. урегулировать эту проблему на основе экономического и политического давления, переговоров, сделав все, что мог, для того чтобы убедить президента в страшных последствиях этого решения. Вроде нет. Ну что ж, в конце концов я когда-то возглавлял российское правительство, в какой-то степени ответствен за все, что произошло с этого времени.

Вопрос: *Правду ли говорит Явлинский, что в Вашей программе 1991 г., которую Вы предложили Ельцину, был предусмотрен раскол Советского Союза?*

— Совершенно правильно. Как бы исходным было соображение, что Советский Союз как реальное государство перестал существовать с августа 1991 г. На самом деле любой может вспомнить, что в то время не было ни одного клочка суши, на котором действовали союзные законы, что во всех республиках было принято законодательство о том, что республиканские законы действуют поверх союзных, что к этому времени все таможи подчинялись республиканским органам, что 15 центральных банков были независимы и т. д. Это просто был объективный факт, из которого, к сожалению, приходилось исходить. Весной 1991 г. я голосовал за сохранение Советского Союза, но после того как Советский Союз реально после 19 августа 1991 г. распался, это была реальность, с которой надо было считаться.

Вопрос: *Не жалеете ли Вы о поддержке Ельцина в 1993 г.?*

— Нет, все-таки не жалею о поддержке Ельцина в 1993 г., так же как и о поддержке Ельцина в 1991, в 1992 г. Вы знаете, российская демократия — штука очень молодая и ее надо каждый раз защищать по-новому. Я считаю, что Ельцин был правильным человеком для России, когда он в августе 1991 г. выступал на танке, в общем остановил развитие событий. Это сейчас они кажутся опереточными, а вполне могло быть сопротивление серьезным. Я думаю, что он был правильным человеком, когда все-таки не ушел от ответственности, как многие, в том числе Горбачев, и в 1992 г. дал возможность проводить реформы. В 1993 г. он много раз (я это знаю изнутри) пытался найти компромисс с Верховным Советом. Я ушел в отставку в декабре 1992 г. из-за одного из таких

компромиссов. И я видел, как большинство Верховного Совета категорически от таких компромиссов отказывалось, полностью потеряв стыд к этому времени из-за приватизации служебных московских квартир, и т. д. Поэтому я не жалею о том, что поддержал его в 1993 г. Другое дело — за демократию, еще раз подчеркиваю, надо сражаться в России долго. И если мы были вместе в 1993-м, а сегодня он делает нечто опасное для демократии, естественно, я не могу это поддерживать.

Вопрос: *Ваше отношение к социальной политике, в частности к повышению минимальной зарплаты, пенсии?*

— Я считаю, социальная политика должна быть в первую очередь честной. Не надо никогда врать в социальной политике. Социальная политика — это в первую очередь бюджет, реальные деньги, которые вы выделяете. Главный мой аргумент против принятия того закона, который был выдвинут, очень простой: разработчики не показали ни одного расчета о том, за счет чего все это произойдет. Если таких расчетов нет, значит, это типичный, классический случай обмана. Мы часто видели, когда всем пообещают, а потом говорят, что нет денег. Я считаю, что политика должна быть правдивой. Надо поддерживать социальную сферу и надо перераспределять деньги (это как бы наше программное требование) с поддержки неэффективных предприятий на поддержку необеспеченных людей. Именно поэтому мы поддерживаем принятие закона о прожиточном минимуме, но только с конкретными просчетами, точно зная, откуда возьмутся обещанные деньги.

Уважаемые коллеги, я полностью исчерпал время.

Вопрос: *Свыше 1600 офицеров запаса стоят в очереди на жилье. В стране около 120 тыс. бесквартирных военнослужащих запаса. При Вас принималось постановление от 20 августа по обеспечению жильем, но оно не выполнено. В чем дело?*

— Совершенно точно: не выполнено. И дело здесь в первую очередь в том, о чем я сказал, в том, что у нас реально военная реформа, о которой много говорили в 1992 г., так и не началась. А если это так, то, значит, все деньги будет съедать сегодня денежное довольствие, содержание огромной армии, которая нам просто не под силу. И все обещания по этому поводу так и будут оставаться только обещаниями.

Уважаемые коллеги, спасибо.

Вопрос: *Как можно все же сделать, чтобы правительство перестало говорить неправду?*

— Ну это очень просто — надо перестать говорить неправду.

Вопрос: *Идет ли реформа в армии? Генерал Лебедь утверждает, что нет.*

— В данном вопросе я согласен с генералом Лебедем.

Вопрос: *В какое время может быть проведена реформа в армии и в каких направлениях она должна идти?*

— Ну, здесь нет чудес. Думать, что завтра можно начать экономить на армии, было бы глубокой ошибкой. Нужны серьезные усилия по ее реорганизации. Главное направление вполне естественное: сокращение численности Вооруженных сил; приведение состава частей и соединений в соответствие с численностью и реальными угрозами безопасности; повышение доли мобильных частей; оснащение армии высокоточным оружием, позволяющим компенсировать сокращение численности; постепенное повышение уровня социальной защищенности тех, кто продолжает служить в армии; постепенное, не сразу, но увеличение доли тех, кто служит в армии на профессиональной основе.

Вот основные направления. Здесь нет ничего мудреного. Это все очень просто. Какие только странные вещи не говорили, что вообще армию нельзя сокращать, что это слишком дорого. Это ерунда, считаем, всегда дорого содержать ту армию, которая тебе не по силам. Все остальное все равно дешевле.

Так что это можно сделать. Это не быстро. Это вопрос не месяцев, а двух-трех лет. Но за 2–3 года можно очень серьезно реорганизовать армию, привести ее в соответствие с нашими реальными потребностями и возможностями.

Вопрос: *Как Вы относитесь к высказыванию Ленина: политика есть концентрированное выражение экономики.*

— Я думаю, что Владимир Ильич во многом здесь прав.

Вопрос: *Что происходит вокруг налогов, какие решения, по Вашему, будут приняты?*

— Правительство сейчас немножко пересмотрело свои предложения после последнего заседания правительства, после последнего обсуждения налоговой системы. Что сейчас предлагается и что, видимо, будет принято? Первое. Отмена 3%-го специального налога, дополнительного НДС. Второе. Увеличение с 6 до 8 миниму-

мов необлагаемой заработной платы. Третье. Упорядочение льгот по налогу на добавленную стоимость и отмена нулевой ставки налога на добавленную стоимость на импорт. Четвертое — предлагается повысить верхнюю ставку подоходного налога с 30 до 35%. Я должен сказать, что наша фракция будет голосовать против этого. Мы убеждены, что верхняя ставка подоходного налога должна быть 30%.

Это, пожалуй, все из наиболее крупных вещей, которые будут приняты в ближайшее время.

Если говорить о наших ориентирах, мы считаем, что стратегически мы должны идти по пути увеличения доли по земельным, имущественным налогам, налогам на загрязнение окружающей среды при сокращении налога на доход.

Эта война никого не обойдет стороной

Выступление на Съезде солдатских матерей. Назрань

23 февраля 1995 г.

Опубликовано в: Открытая политика. 1995. №2. Март.

Если обсуждать то, что происходит сегодня в Чечне, с точки зрения здравого смысла, пользы России, то понять, что там делается, в принципе невозможно. Ну вот представьте себе. Живет народ с тяжелейшей судьбой, — народ, который 51 год назад (как раз сегодня годовщина) был целиком депортирован, потерял половину своих сыновей и дочерей, народ с тяжелой исторической памятью. В сложнейший узел в Чечне завязаны политические, экономические, психологические проблемы. Узел этот можно потихонечку, осторожно распутать по ниточке, петля за петлей.

Однако можно и по-другому. Российская армия начинает решать эту национальную проблему ракетно-бомбовыми ударами по полумиллионному прекрасному городу Грозному.

Неужели кому-то непонятно, что если, скажем, Джохару Дудаеву не хватало бойцов, то самый лучший, самый надежный способ доставить ему больше бойцов — это начать бомбардировку Грозного? Неужели это такая сложная мысль, что ее никак невозможно понять? Идет массированный артобстрел, наносятся ракетно-бомбовые удары, гибнут в первую очередь, естественно, мирные люди. Если у человека под бомбежками погибли мама, дети, то что он пойдет делать после этого: неужели он не пойдет воевать? Все, что делалось за последние два месяца, делалось для того, чтобы у Дудаева было больше солдат, чтобы против наших мальчишек в Грозном воевало больше людей. Да, можно полностью разбомбить Грозный, как его, собственно, и разбомбили. Там не осталось сейчас ни одного целого дома, сотни тысяч людей стали беженцами, вот здесь, рядом с вами, десятки тысяч погибли.

Надо совсем ничего вообще не знать о том народе, который здесь живет, чтобы не понять, что это самый надежный путь к тому, чтобы получить партизанскую войну на годы. Ведь опыт истории показал — Россия воевала на Кавказе десятилетия: если дальше продолжать эту политику, можно снова воевать десятилетия. Причем надо понять, в чем специфика партизанской войны. Никто не навешивает себе табличку: «Я партизан». Днем они будут вести себя как мирные люди, приходиться за гуманитарной помощью, а вечером — брать автоматы и идти убивать. И это может продолжаться и год, и два, и пять. Это абсолютно просто и, по-моему, понятно любой разумной женщине, любому разумному мужчине. Не нужно обладать каким-то особым умом, чтобы понять полную тупиковость этой политики. Продолжая делать то, что власть делает сегодня, она обрекает нашу страну на то, что она будет воевать годами, с каждым днем будут ухудшаться отношения между чеченцами и русскими и что здесь будет литься все больше и больше крови. Неужели это совсем непонятно?

На мой взгляд, на все эти вопросы есть ответы, причем ответы простые, и нитки от этих узелков тянутся на самом деле не из Чечни, они тянутся в Россию. И то, что происходит сегодня в Чечне, — это часть той борьбы, которую мы ведем все вместе за то, какое будущее будет у нашей страны.

Когда развалилась старая, тоталитарная система, основанная на жестком политическом контроле, Россия оказалась на перепутье, куда идти: вперед, к мирному строительству, к мирной экономике, к демилитаризованному обществу, к сокращению военных расходов, к военной реформе, к более маленькой армии, к стабильной демократии, к федерации, к растущей экономике на основе рынка и частного интереса или же попытаться пойти назад: вновь в военный лагерь, вновь в общество, которое тратит половину всего, что производит, на военные расходы, вновь к тому, чтобы увеличить службу в армии, чтобы армия была побольше, чтобы было больше на нее затрат, больше прав полиции, чтобы сила власти и власть силы ничем не ограничивались. Вот та главная проблема, которая сегодня решается в России. Вот вокруг чего идет сегодня борьба.

И надо понять, что тем людям, которые хотели бы ремилитаризации нашей страны, хотели бы снова превратить ее в военный лагерь, война нужна, просто жизненно необходима. Когда я сегодня

ня вижу директора большого оборонного предприятия, выступающего со счастливой улыбкой по телевизору и говорящего: ну вот наконец-то мы обеспечены военным заказом, поскольку выяснилось, как нужны системы залпового огня и т. д., то понимаю, кому это нужно. Когда всего три дня назад в Государственной думе поднимали вопрос о том, что нужно срочно брать студентов в армию, не предоставлять им отсрочки, увеличить срок службы с полутора до двух лет, а на флоте до трех лет, тоже понимаю, кому все это нужно.

Если страна находится в долгой тлеющей войне, то как можно говорить о сокращении оборонных расходов, серьезной военной реформе, сокращении числа частей и соединений? Если разрастается партизанская война, суть которой — терроризм, то какие могут быть ограничение прав полиции и защита прав человека, что тогда можно говорить о свободе печати и демократии? Мы же воюем!

Я глубоко убежден, что это именно те, кто мечтает в России о реставрации, жаждет жесткого политического контроля, очень хочет, чтобы мы снова половину всего, что производим, тратили на армию. Они заинтересованы в том, чтобы эта война продолжалась, может быть, годы, потому что здесь нужна «не победа, а участие», важно продолжение войны.

Если исходить из этого, то все, что делается, становится понятным, потому что нужен противник, нужно продолжение боевых действий, в эту топку надо постоянно подбрасывать угольки.

Наша позиция, наверное, вам известна. Мы с самого начала очень решительно выступали против этой войны и доказывали, что ее можно и нужно остановить, что это абсолютно необходимо как раз для России, для ее целостности. Нет ничего более опасного для целостности России, чем ракетно-бомбовые удары по российским городам. И вот когда мы все это говорили, нам многократно возражали: ну ведь невозможно ни о чем договориться с Дудаевым, ну разве можно вести какие-то переговоры, ну все равно они будут бесплодными, ну все равно же он не контролирует ситуацию. А несколько дней назад при помощи и по инициативе властей Ингушетии (которым, я думаю, мы все должны быть благодарны) начались переговоры представителей группировки федеральных войск с представителями Дудаева. И выяснилось, что можно раз-

говаривать. Как только договорились, так сразу практически был прекращен огонь из тяжелого оружия, а потом был прекращен огонь из стрелкового оружия и использовано было это недельное примирение для того, чтобы захоронить часть погибших. И можно было продолжать в том же духе, и можно было захоронить всех, и можно было обменивать пленных. Уже была соответствующая договоренность о гуманитарных коридорах. Короче говоря, стало ясно, что можно двигаться по этому пути.

Есть две стратегии на переговорах. Первая — если ты не хочешь договориться, тогда ты с самого начала ставишь самый сложный вопрос, по которому нельзя найти согласия. Если сегодня не договорились, давайте будем дальше воевать. Это хорошая стратегия, если ты хочешь сорвать переговоры. Если сегодня в центр переговоров поставить вопрос о суверенитете, о том, что Чечня — часть России или не часть России, это надежный повод к тому, чтобы дальше воевать. А если сказать: давайте мы этот вопрос обсудим не сегодня, а послезавтра, а сегодня обсудим вопрос о том, как нам прекратить огонь, наладить снабжение беженцев водой и продовольствием, восстановить снабжение в Грозном, организовать гуманитарные коридоры, захоронить погибших и т. д., то, нарабатывая каждый день потенциал доверия, можно подойти и к решению более сложных вопросов. И было видно, как эти переговоры начинают давать результаты: ребят наших стало гибнуть меньше, меньше стреляли.

Но с другой стороны, успех переговоров оказался очень страшным для тех, кто эту войну затеял, потому что если можно договариваться и переговоры приносят результаты, то неизбежен вопрос: а зачем тогда все это затеяли, почему нельзя было, не уничтожая несколько десятков тысяч человек, в декабре вот так же начать договариваться? Именно поэтому прилагаются самые энергичные усилия к тому, чтобы любые переговоры сорвать. Именно поэтому сейчас в Грозном опять льется кровь.

На днях В.С. Черномырдин встречался с делегацией представителей мусульманского духовенства, Советом алимов (уляма) Чечни. Договаривались о возможности прекращения огня хотя бы до конца Рамадана, до 5 марта. Три дня не могла делегация мусульманского духовенства встретиться с представителями российской группировки. То нелетная погода, то другие задачи, другие дела.

Я надеюсь, что все-таки эта встреча даст результат. Здесь главное: никогда не оставлять усилий. Самое простое, что можно сделать, — это махнуть рукой и сказать: нет, больше переговоры невозможны. Ну, тогда надо понять, что из этого следует.

Поэтому я убежден, что единственно разумная тактика сегодня — это тактика переговоров. Я абсолютно убежден в том, что она может при самом маленьком желании со стороны федеральных властей привести с течением времени к миру.

Что мы все можем и должны для этого сделать? Еще раз подчеркну: наша позиция известна, мы выступали против этой войны, мы вносили соответствующие законопроекты в Государственную думу и поправки к Закону «Об обороне», которые запрещают использование впрямую Вооруженных сил в рамках такого конфликта, и поправки к Закону «О бюджете» на первый квартал, которые впрямую запрещают финансирование этой войны, и вносили специальный закон о гласности в армии, который делал бы обязательной для военных должностных лиц немедленную публикацию данных, по крайней мере, о погибших, раненых и плененных. Пока нам не удалось провести это через Государственную думу. Поразительно, но оказалось, что очень большая часть наших депутатов, выбранных от многих фракций, не захотела поддержать даже вот такой, казалось бы, бесспорный закон, как закон о гласности, который каждой матери дает возможность знать о том, сын ее жив, ранен или в плену. Мы должны продолжать эти усилия, должны добиться перелома в российском общественном мнении. Наша партия, наша фракция многократно организовывали митинги против войны, сбор подписей против войны, мы довольно активно пытаемся работать по организации гуманитарной помощи. Я знаю о той огромной работе, которую ведет движение солдатских матерей по мобилизации людей против войны. Надо признать, что пока наши совместные усилия были малоэффективными. Нам не надо друг друга убеждать в том, что война — это плохо, потому что мы в этом и так убеждены. Мы можем и должны убедить наших сограждан в том, что эта война грязная, безумная, бессмысленная, жестокая.

Все опросы показывают: большая часть россиян эту войну не поддерживает и не одобряет. Крушение надежды тех, кто говорит, что вот-вот поднимется волна национальных чувств, все пойдут крушить кавказцев, показало, что все-таки эти люди слишком пло-

хо думают о нашем народе. Народ в целом оказался разумным и в общем войну не одобряет. Но подавляющая часть наших сограждан поразительно пассивна. Они как будто искренне считают, что все это обойдет их стороной, что эта проблема небольшой части общества, у которых дети служат в Чечне. Но не их.

Наша общая задача — попытаться объяснить, что эта война никого не обойдет стороной, что, если мы ее не прекратим, она продлится годы и тогда может дойти до крайности. У каждого есть дети, у каждого есть внуки, каждый может попасть сюда. И мы сегодня уже платим за эту войну большими экономическими лишениями. Шахтеры из-за нее не получают заработную плату, я мог бы доказать, что из-за нее не получают зарплату бюджетники, из-за нее резко выросли цены в декабре–январе.

Все это надо разъяснить людям, которые обмануты и не понимают, что из чего. Только тогда мы сможем все-таки заставить их всерьез сесть за стол переговоров.

И еще. Вспомните 12 декабря 1993 г., когда многие россияне, разочарованные, недовольные своей жизнью (и справедливо недовольные), проголосовали за партию, возглавляемую, на мой взгляд, опасным авантюристом, — партию, которая обещала «последний поход на юг» и реорганизацию России в 50 губерний. Эта партия сегодня самым активным образом поддерживает войну, именно она блокирует все наши законы в Государственной думе. Проголосовали за «поход на юг» — получили поход на юг. Мы должны не допустить повторения этого, если не хотим, чтобы наши дети погибали бессмысленно.

Я убежден, что в России угроза фашизма есть и она очень реальна. Вы здесь находитесь, поэтому многое знаете, видели своими глазами. Посмотрите сегодня телевидение, почитайте многие газеты, вы увидите, какая волна лжи сегодня поднимается, как набирает силу отвратительная, мерзкая, разжигающая национальную рознь пропаганда против чеченцев, против ингушей, против кавказцев, «иногородцев» и т. д. А это что такое? Это надежный признак фашизма. Там, где пытаются разжигать национальную рознь и на этом поднимать собственное державное величие, маячит признак фашизма.

Недавно я выступал по радио в программе «Юность», рассказывал о том, что думаю по поводу войны, а потом отвечал на вопро-

сы радиослушателей. И вот звонит женщина средних лет и милым голосом у меня спрашивает: «Скажите, пожалуйста, а почему нельзя сегодня решить чеченскую проблему так же эффективно и бескровно, как решил ее Иосиф Сталин 50 лет назад, в 1944 г.?»

Это наглядный пример того, как глубоко эта человеконенавистническая пропаганда проникла в общественное сознание. Речь шла о депортации, в рамках которой погибла половина чеченского народа, — о депортации, которая была проведена быстро и эффективно, потому что взрослые чеченцы, мужчины, воевали на фронте, выселяли в первую очередь женщин, детей и стариков. И вот сегодня нам говорят: «Ну почему бы вот так не решить эту проблему?» Это значит, что, если мы очень сильно не озаботимся тем, что происходит в России — стране, которая победила фашизм, он может стать реальностью.

Короче говоря, самое опасное, что мы можем сделать, — это махнуть рукой и сказать: «Бесполезно, ничего не помогает, давайте займемся другими делами!» Наши противники именно на это и рассчитывают.

Эта братоубийственная война кончится ровно через день после того, как в российских органах власти придут к пониманию того, насколько она опасна.

О политической ситуации в стране и позиции партии

Выступление на пленуме Совета партии ДВР

11 марта 1995 г.

Источник: ЦАОДМ, ф. 8716, оп. 1, д. 37.

Дорогие друзья! Когда мы собрались в ноябре 1994 г. на последнее заседание Совета партии, мы в первую очередь обсуждали проблемы экономической платформы правительства на 1995 г., приняли решение поддержать тот поворот, который предлагает правительство, приняли решение о необходимости начала подготовки к выборам 1995 г., о наших инициативах по созданию широкой демократической коалиции для этих выборов.

Прошедшие с этого времени 4 месяца стали периодом тяжелым и для страны в целом, и для нашей молодой демократической политической партии.

Развитие событий оказалось под сильным влиянием того фактора, который мы не обсуждали на прошлом Совете партии, который не был у нас в центре внимания и который во многом оказал влияние на развитие событий в стране, общественное мнение, на разграничение политических сил и, конечно, нашей партии. Я имею в виду начало войны в Чечне.

Поэтому с вашего разрешения я в своем выступлении хочу остановиться как бы на трех взаимосвязанных проблемах. Первое — на чеченской войне и позиции нашей партии по этому вопросу, второе — на современной экономической ситуации, политике правительства и позиции нашей партии по отношению к этой политике. И наконец, третье — на наших внутрипартийных задачах в связи с теми проблемами, которые нам предстоит решать в ближайшие месяцы.

Первое — чеченская война. Пусковым моментом, спусковым крючком к силовому решению чеченского кризиса, тяжелого, доставшегося с момента еще распада Советского Союза, без всякого сомнения, стала экстремальная слабость режима Дудаева по состоянию на осень 1994 г. Всем было видно, что режим утратил популярность, динамизм, что от него отворачиваются ближайшие сторонники, он теряет поддержку. И в связи с этим было две стратегии дальнейшего решения этой проблемы. Первая, не очень драматичная, не очень красивая, но в долгосрочном плане наиболее эффективная, — это стратегия сочетания экономического и политического давления и переговоров, компромиссов. И вторая — это попытка силового решения.

В ноябре был взят курс на силовое решение. Это нам стало ясно в конце ноября — начале декабря, и наша партия, политсовет выработали свою позицию по этому поводу.

Какие основные факторы мы вынуждены были учитывать, выработывая эту позицию? Первое. Мы были убеждены, что гораздо легче начать войну на Северном Кавказе, чем завершить войну на Северном Кавказе. Мы были убеждены в том, что те люди, которые подталкивают президента к силовому решению, не имеют ни малейшего представления о том, как реально будет развиваться процесс использования силы в Чечне, и о том, как они собираются завершить процесс использования силы и стабилизировать положение в этом регионе. В связи с этим для нас было совершенно очевидно, что ни о каких двух часах, ни о каком парашютно-десантном полке речь идти не будет, что будет затяжная, тяжелая и кровавая война, что будут огромные жертвы, в том числе и в первую очередь среди мирного населения, женщин, детей, что будет огромное разрушение гражданских объектов. Будет много крови, война будет тяжелой, бессмысленной и непопулярной. Было ясно и то, что эта война станет серьезным испытанием для всех демократических и рыночных институтов, что во многом эти силы, которые хотят повернуть на военный путь решение чеченской проблемы, имеют целью отнюдь не только Чечню. Они имеют целью демократию в России, рынок в России. Если страна воюет, то какая может быть свободная пресса?.. И отсюда мощнейшее наступление на свободу прессы в декабре 1994-го параллельно с началом военных действий. Если страна воюет, то какие могут быть выборы?..

И отсюда широко распространенное заявление — декларация о целесообразности переноса выборов и о том, что если мы так хорошо поработали, то давайте поработаем еще дольше. Отсюда предложение о повороте экономической политики, ренационализации собственности. Короче говоря, предложения, которые ознаменовали перевод развития в России на путь недемократический, нерыночный. Значительный удар по всему, что мы делали, за что боролись.

Вырабатывая свою позицию, мы понимали и другое. Мы понимали, что, если мы выступим решительно против тех методов, которые будут использованы для решения чеченского кризиса, это неизбежно резко изменит наши отношения с властью. (Так или иначе наша партия начинала формироваться как партия демократическая, реформаторская и вместе с тем как партия, близкая к власти, к демократической власти. Если она даже оппонирует демократической власти, то все равно, без всякого сомнения, с ней связана.) Это неизбежно существенно сократит наши возможности влиять на принимаемые решения — чего во многом добивались те, кто подталкивал к силовому решению чеченского вопроса. Это неизбежно вызовет внутреннюю дискуссию в самой нашей партии и приведет к процессу размежевания по крайней мере с некоторыми нашими сторонниками и союзниками.

В этой ситуации сложились как бы три точки зрения, которые высказывались в обсуждениях в первичных партийных организациях, в регионах, да и в дискуссиях на Политсовете партии.

Первая состояла в том, что так или иначе, конечно, мера это неэффективная, использование силы будет неэффективно, но это наша демократическая власть, она борется с малоприятным, где-то криминальным режимом. У нас нет другого пути, кроме как поддержать то, что она будет делать, закрыв глаза на кровь, на жертвы, подставив свое плечо для того, чтобы поддержать президента, одновременно тем самым сохранив возможность влияния, возможность корректировать проводимую политику.

Но есть и противоположная крайняя точка зрения. Суть ее в том, что если президент, правительство стали на путь военного решения чеченской проблемы, — путь, который неизбежно приведет к огромным жертвам, то мы не имеем другой возможности, кроме как потребовать отставки президента и правительства, немедленно отозвать своих представителей из правительства, отмежевать-

ся от тех представителей, которые захотят там остаться, призвать международное сообщество к введению экономических санкций против России, ведущей неправую войну, и т. д.

И все-таки подавляющее большинство членов Политсовета и членов партии по всем обсуждениям этого вопроса (а я обсуждал это с десятками организаций), по данным, которые мы имеем, заняло другую позицию, как мне кажется, более разумную и взвешенную. Суть ее вам хорошо известна, она отражена в документах Политсовета, они все в вашем распоряжении, и я не буду ее повторять¹.

Два слова как бы в обоснование этой позиции. Первое. В дискуссии с теми, кто призывал бы нас скрепя сердце поддержать президента. Я в данном случае даже не апеллирую к соображениям моральности или неморальности такой политики, и не потому, что они незначимы, а потому, что сознательно хочу вывести это за скобки. Да, мы ведем тяжелую борьбу за будущее России, и она ведется на многих досках, там много полей. И действительно, мы должны думать не только о том, насколько красива будет наша позиция, но и о том, чтобы не проиграть всю партию. И не надо иллюзий.

Если бы мы даже, закрыв глаза на все страшные моральные издержки чеченской войны, поддержали ее в тщетной надежде на то, что эта поддержка позволит нам как бы сохранить влияние и через это влияние ограничивать масштабы страшных последствий для России выбранной политики, это была бы фатальная ошибка.

Мы неизбежно разорвали бы связи с собственно той частью общества, которая поддерживает нашу партию, служит ее базой. Мы неизбежно дискредитировали бы себя в глазах именно тех, кто нас

¹ Подробно эти позиции были изложены в резолюции пленума Совета партии ДВР «О политической ситуации в стране», принятой по докладу Е. Гайдара 11 марта 1995 г. В частности, в ней говорится: «Нельзя забывать, что Российская Федерация — многонациональная страна и решать национальные проблемы можно только мирным путем, тактично и уважительно. Трудно оценить тот колоссальный моральный урон, который нанесли идее целостности Федерации действия федеральных властей на Кавказе. Единство России достигается не кровавыми экзекуциями, а мощным и неостановимым подъемом производительных сил страны, спокойным владычеством закона и гарантиями прав каждого человека любой национальности на всей территории Федерации, ростом экономической самостоятельности регионов и местных общин, развитием культуры, широкой самостоятельности и самодеятельности органов местного самоуправления». — *Прим. ред.*

поддерживает, по крайней мере, большинства из них. И маргинализованная наша партия не была бы политической силой, которая на кого бы то ни было могла бы в этой ситуации оказывать влияние. Не надо иллюзий: уважают и считаются только с сильными политическими партиями. С политически слабыми, в том числе с готовыми на безграничные компромиссы, никто не считается и считаться не будет, поверьте моему опыту, в том числе знанию механизма принятия решений в конкретных российских органах власти.

Почему я считал невозможным и неправильным принятие более радикального решения о том, что мы должны немедленно потребовать отставки президента, отозвать своих представителей из правительства, и других решений? Вот здесь как раз, по-моему, следует учитывать всю сложность ситуации в России. Ведь те, кто начинал чеченскую волну и толкал президента к чеченской войне, ни о чем больше бы не мечтали, как о том, чтобы в правительстве больше не осталось наших единомышленников, чтобы у них появилась полная возможность развалить рыночные институты, чтобы у них были полностью развязаны руки.

Да, я согласен с тем, что чеченская война как массовое нарушение прав человека не является чисто внутренним делом России. Но давайте подумаем, к какому результату, скажем, вело бы введение экономических санкций против России? Я уверен, что наши противники просто ликовали бы, они бы аплодировали этому решению. Оно снимает с них всякую ответственность за последствия собственных глупостей, собственных преступных ошибок. После этого не Чечня, и не чеченская война, и не просчеты в экономической политике, а вот Запад и те, кто призывал к этим санкциям, отвечали бы за неизбежные и огромные социально-экономические издержки, суть которых была бы не в санкциях, разумеется, а в последствиях самого военного решения и тех политических ошибок, которые были бы с этим связаны.

Это была бы индульгенция органам власти на безответственную экономическую политику, — индульгенция, которую мы выписали бы собственными руками.

Если проанализировать развитие событий на протяжении последних трех месяцев, мне кажется, что в целом оно подтвердило то, что наша позиция была правильной, то, чего мы опасались, к

сожалению, происходило, наши прогнозы, к сожалению, оправдывались, мы бы очень хотели ошибаться по многим направлениям. Что, на мой взгляд, было важным и что было во многом результатом нашей работы — это то, что потерпели полный крах надежды тех, кто полагал, что российское общество с энтузиазмом на волне радикального национализма воспримет новую начавшуюся войну.

Такие иллюзии были, и я могу рассказать вам, что в разговорах с многими высокопоставленными государственными деятелями слышал эти аргументы. Мне говорили: ну что вы, дорогие друзья, вы же понимаете, война будет популярной, инородцев сейчас не любят, общество поддержит, почему же вы-то не хотите получить политические дивиденды от этого? Но все-таки оказалось, что российское общество более или менее рассуждает здраво, и я думаю, что сработали и наши пропагандистские усилия. По всем данным наших социологических опросов (часть из них вам роздана, часть вам известна, а о части, может быть, расскажет Леонид Гозман), подавляющая часть общества не поддержала чеченскую войну, потому что не поверила, что избранные средства действительно реализуют те цели, которые были прокламированы, не поверила в то, что они работают на обеспечение целостности России и порядка в стране.

Нам не удалось остановить войну. Это наше серьезное поражение. Но я считаю, что нам удалось добиться решения ряда серьезных задач, которые мы ставили перед собой. И в результате наших усилий была остановлена волна эксплуатации чеченской войны для радикального слома событий в самой России. Не произошло реальной ликвидации свободы слова. Она сегодня сохранена. Президент решительно отмежевался от предложения перенести выборы. Я думаю, что это правильно. В результате тяжелой борьбы вокруг экономической политики, перспектив экономической политики (о которой я скажу чуть позже), перелома, негативного для нас перелома экономической политики не произошло, хотя, конечно, за чеченскую войну мы уже платим, и платим очень дорого.

В чем, я считаю, были наши серьезные просчеты и где мы потерпели поражение во всем, что мы делали вокруг чеченской войны? Я думаю, что очень серьезной проблемой была слабость нашего пропагандистского обеспечения того, что мы делаем. Конечно, надо понимать, что мы единственные как бы игроки в этой тяже-

лой борьбе. Против нас играют и работают опытные, квалифицированные люди и структуры. Надо сказать, что наша работа на протяжении последних трех месяцев не всегда оказывалась на уровне и отсюда довольно серьезные издержки.

Первое. Как вы помните, наша позиция по чеченской войне была выработана с самого начала, до начала собственно военных действий, была поддержана большей частью Политсовета и в общем никогда не пересматривалась. И в каждом последующем решении мы вынуждены были поддержать предыдущее, потому что жизнь их подтверждала сама. Тем не менее, используя совершенно неизбежный, естественный факт существования в демократической партии полифонии мнений по такому сложному вопросу, неизбежное существование уважения к мнению меньшинства, занимающего, скажем, крайние позиции по обе стороны от центра, нашим противникам удалось создать абсолютно превратный образ позиции и политики «Демократического выбора России» — политики мечущейся, колеблющейся, кидающейся из крайности в крайность, иногда истеричной.

Как это делается, вы все хорошо видели: вырывали куски из контекста высказываний отдельных членов нашей партии, представляли как позиции, отличные от позиции большинства, противопоставляли друг другу и на этой основе говорили о том, что позиция партии радикально меняется, и меняется в обратную сторону, в партии раскол по этому вопросу, и т. д.

Ну что ж? Это элемент жизни. Надо понимать, что так и будет и мы не уговорим наших противников играть по другим правилам. Это надо учитывать в работе, в своей пропагандистской работе как данность и просто, выстраивая ее, учитывать эти проблемы, с которыми нам необходимо справляться гораздо лучше.

Чеченская проблема, на мой взгляд, вскрыла и целый ряд слабостей в организации нашей работы, в организации работы нашего исполкома, который не всегда своевременно и четко обеспечивал прохождение информации в наших партийных организациях в регионах. А это как раз тот случай, когда запаздывание даже на два-три дня играет на руку оппонентам, как и слабость отдельных наших региональных партийных организаций, которые оказались неготовыми к серьезной разъяснительной работе и пропаганде наших позиций.

И сегодня для меня абсолютно очевидно, что путь силового решения проблемы в Чечне бесперспективен. Кстати говоря, это становится очевидным именно тем, кто раньше выступал главными энтузиастами такого решения. Уже министр обороны П.С. Грачев рассказывает, что мы воевать там будем, оказывается, не два часа, а пять лет. И уже выступающие генералы жалуются на то, что как же так, вот приходят сначала за гуманитарной помощью, а потом берут автомат и стреляют в наших солдат. Как будто кто-то не знал, что именно так и ведется любая партизанская война. И приходит понимание того, что, начав эту войну, мы выпустили джинна, которого очень трудно загнать в бутылку. И ясно, что сегодня пути к миру на Северном Кавказе гораздо более трудные, чем они были осенью 1994 г. И вместе с тем я убежден, что продвижение к нему возможно. Это, кстати, показал и опыт переговоров с руководителями религиозных конфессий, со старейшинами, муфтиятом Чечни. Это показали и переговоры, которые велись в Назрани между российским командованием и командованием вооруженных формирований, которые были очень эффективными с точки зрения прекращения военных действий до тех пор, пока они велись.

У меня есть твердое убеждение, что тот мирный план, который был предложен в свое время Сергеем Адамовичем Ковалевым, обсужден с привлечением широкого круга специалистов на конференции при нашем участии «Мир Кавказу — мир России», остается наиболее реалистичным путем к постепенному, не впечатляющему, медленному, но все-таки повороту к миру.

И здесь я убежден: дорогу осилит идущий. При желании продвигаться по этому направлению это, без всякого сомнения, можно делать. И мы будем приветствовать любые шаги федеральных органов власти в этом направлении.

Экономическая ситуация. Еще до того как правительство начало реализовывать собственную концепцию 1995 г., которую мы поддерживали, эта концепция оказалась под градом тяжелейших ударов, тесно связанных с началом чеченской кампании. Ну, во-первых, начало чеченского кризиса неизбежно и резко подхлестнуло инфляционные ожидания. Инфляция декабря-января была аномально высокой не только из-за продолжения последствий летней денежной накачки, но и из-за фактора инфляционных ожиданий. Это показывают все наши обзоры. Высокие инфляционные ожидания

вызвали тяжелейшие перегрузки валютного рынка, вынудили Центральный банк повышать процентную ставку. Повышение процентной ставки, конечно, нанесло тяжелейший удар по перспективам стабилизации, потому что суть стабилизационной программы 1995 г., в некотором смысле ее стержень, — это постепенные меры по снижению процентной ставки и создание предпосылок для инвестиций в отечественную промышленность. Вместо этого в самом начале года процентную ставку пришлось еще дальше повышать.

Естественное недоверие к национальной валюте, к государству привело к кризису на рынке государственных краткосрочных обязательств. Те надежды на развитие этого рынка, которые были заложены в проект бюджета, по крайней мере, в январе–феврале оказались в высшей степени нереалистичными. Предельно высокие процентные ставки по государственным обязательствам делали ситуацию рискованной, реально угрожали при экспансии использования этих средств превратить систему ГКО в государственную пирамиду с тяжелейшими последствиями для национальной финансовой системы. Кроме того, начавшаяся война неизбежно резко осложнила переговоры с международными финансовыми организациями, расчет на льготные кредиты которых уже был включен в бюджет на 1995 г. И то соглашение, которое, как все рассчитывали, должно было быть заключено в конце декабря 1994 г., реально было заключено только вчера. Плюс к этому, естественно, дополнительно крупные издержки: на финансирование военных действий, на помощь беженцам, на восстановление разрушенного городского и народного хозяйства, издержки, которые пришлось финансировать за счет перераспределения расходов, за счет недофинансирования социальной сферы, по существу за счет благосостояния граждан.

Все это вместе, конечно, заложило бомбу, серьезнейшую бомбу под всю экономическую программу правительства на 1995 г., сделало возможность ее реализации в том виде, в котором она разработана, предельно низкой и, я бы сказал, несуществующей.

В этой ситуации возникла довольно жесткая и неприятная альтернатива. Те, кто, собственно, и подталкивал к чеченской войне, очень хотели, как мне кажется (и больше того, как я знаю), использовать ее для радикальной смены экономического курса. Выступления, которые звучали в российском правительстве, с высокого

уровня о необходимости ренационализации собственности, были лишь прологом к тому возможному и вполне реальному повороту в экономической политике, который состоялся бы, если бы правительство отреагировало на чеченскую войну резким ростом военных расходов, эмиссионным кредитованием недофинансируемой социальной сферы, дальнейшим ужесточением административного контроля над валютным рынком, неизбежным в связи с этим отказом от конвертируемости рубля, восстановлением административного контроля цен и многими, многими другими мерами, к которым правительство подталкивали.

К счастью, на мой взгляд, в правительстве возобладала противоположная точка зрения, суть которой состояла в том, что и в этой сложнейшей ситуации, при всех издержках единственно разумный путь — это попытаться удержаться в рамках рынка и стабилизационной программы на 1995 г. Это было тяжело. Это привело к серьезным напряжениям. И все-таки мне кажется, что ситуация здесь небезнадёжна.

В последнее время, особенно в последних решениях, принятых президентом, впервые, пожалуй, за последние годы начинает просматриваться целостность и внутренняя логика, ощущение единства принимаемых решений, воля людей, которые знают, что они делают, принимая те или другие решения. Скажем, такие меры, как отмена льгот по импортным и экспортным тарифам в сочетании с отменой административных ограничений экспорта, реально служивших лишь источником коррупции в органах государственной власти и злоупотреблений, на мой взгляд, резко повышают шансы на то, что экономическая политика правительства может иметь возможности успеха, может быть, не в том виде, в котором она представлена, не столь впечатляющая, не до 1% инфляции в конце года. И все-таки мы же говорим не об арифметике, а о политике, об экономике, и все-таки шансы на то, что нам удастся и в этой сложнейшей ситуации сохранить основные антиинфляционные ориентиры, существенно снизить темпы инфляции к началу лета, процентную ставку к началу лета, создать предпосылки большей финансовой стабильности, к осени создать предпосылки к началу инвестирования в производственную сферу... Сегодня после этих решений, которые, мне кажется, мы должны горячо поддер-

жать, потому что это то, к чему мы всегда призывали, шансы резко возросли.

Я думаю в связи с этим, что было особенно видно, насколько правильным было решение сохранить наших коллег в правительстве, поддержать ту работу, которую они там проводят. Наша фракция поддержала проект бюджета. Мы настаивали на внесении в него целого ряда изменений. Некоторые из этих изменений нам удалось провести, в частности корректировки, позволившие увеличить финансирование науки, культуры, программы «Ведущие вузы России» по образованию. Не по всем направлениям удалось отстоять свою позицию. Блок аграриев и поддерживавших их фракций оказался сильным. Тем не менее бюджет на 1995 г., мне кажется, дает основание для сдержанного, умеренного оптимизма.

Наиболее серьезные проблемы, с этим связанные (их тоже надо хорошо видеть), начнутся с середины года, особенно ближе к осени, в сентябре-октябре. Бюджет на 1995 г. разработан исходя из очень сдержанных, я бы сказал, заниженных оценок темпов инфляции и соответственно размеров валового внутреннего продукта. Это делает возможной довольно жесткую бюджетную политику, вместе с тем абсолютно неизбежно приведет к резкому усугублению социальных проблем, по крайней мере с середины 1995 г., в связи с недостаточностью финансирования для обеспечения минимальных потребностей социальной защиты населения.

И в связи с этим именно в этот момент правительство, да и мы все вместе окажемся перед тяжелым выбором, к которому, я думаю, мы должны быть готовы. Попытка просто как бы закрыть глаза на эти социальные проблемы, на мой взгляд, абсолютно бесперспективна. Она приведет просто к тому, что она резко будет сорвана и так или иначе это или другое правительство вновь вернется к бесперспективному, но масштабному эмиссионному финансированию, опять поставит крест на всех наших усилиях.

В связи с этим то, что мы должны делать, то, в чем, мне кажется, должны попытаться помочь, интеллектуально помочь нашим коллегам, на что их ориентировать, — это необходимость подготовки комплекса документов, комплекса решений, позволяющих именно со второго полугодия 1995 г. внести серьезные коррективы в систему социальной защиты, позволяющие сделать меры этой защиты значительно более адресными, эффективными, отреагировать на

рост социального напряжения не линейным и туповатым увеличением финансирования по всем статьям, выгоду от которого получают в первую очередь высокооплачиваемые, высокообеспеченные, а в первую очередь адресной поддержкой тех социальных групп, которые окажутся в наиболее сложном положении.

Закон о прожиточном минимуме, над которым мы работаем, в принципе открывает для этого дорогу. Мы будем продолжать эту работу и в нашей фракции, и вместе с правительством. Убежден, что именно здесь стержень и предпосылка для возможности успеха экономической программы 1995 г.

В этой ситуации я думаю, что, критикуя правительство во всех тех сферах, где оно, на наш взгляд, серьезно ошибается, критикуя его явное бездействие в области военной, аграрной реформ, ту бюрократическую роскошь, которая по-прежнему сохраняется у нас во всех структурах власти — исполнительной, законодательной и является вызовом обществу, общественному мнению сегодня, все же мы должны продолжать диалог с правительством и поддерживать любые его шаги, которые, на наш взгляд, являются разумными и позволяют все-таки создать предпосылки для вывода российской экономики из кризиса.

Наши внутрипартийные дела и внутрипартийные задачи.

Естественно, радикальное изменение наших отношений с властью, происшедшее на протяжении последних трех месяцев, не могло не вызвать серьезные проблемы и разногласия в самой партии. Там была внутренняя дискуссия: большинство, меньшинство. Вы знаете, наверное, что председатель исполкома нашей партии Олег Викторович Бойко оказался в меньшинстве по тому вопросу, который я обсуждал вначале, о Чечне. Его позиция не была поддержана большинством Политсовета. В связи с этим он на заседании Политсовета проинформировал наших коллег о том, что, не разделяя позицию большинства Политсовета по этому, хотя и частному, но очень важному вопросу, он, оставаясь нашим единомышленником по многим другим вопросам и членом партии, не считает себя вправе занимать высший исполнительный пост в партии, как бы пост, который отвечает как раз за реализацию той политики, которую вырабатывает Политсовет. Я считаю, что это было достойное решение, вполне понятное и естественное. На Политсовете мы поблагодарили Олега Викторовича за его работу, несмотря на ту кри-

тику в адрес исполкома, которая неизбежно звучала и у нас многократно на Политсовете, и, я уверен, будет звучать в этом зале. Дело в том, что Олег Викторович сделал все-таки много для того, чтобы наша партия стала организованной, получила широкую региональную сеть. Мы благодарим его за работу, и я думаю, что он останется нашим политическим союзником и нашим товарищем по партии.

Так как этот вопрос входит в компетенцию съезда, то по действующим нашим нормативным документам я могу только возложить временное исполнение обязанностей на одного из наших коллег впредь до съезда. Мы обсудили этот вопрос, я принял решение и предложил временное, впредь до съезда, исполнение обязанностей председателя исполкома <возложить> на члена Политсовета нашей партии Валентина Ивановича Татарчука¹.

Без всякого сомнения, нам нужно будет подкорректировать многое в работе исполкома. Мне кажется, что там были и сильные места, и слабые места. Наиболее слабыми мне кажутся, пожалуй, две вещи. Первое — это недостаточное внимание к нашей пропагандистской работе, в том числе недостаточное внимание с точки зрения организационной, финансовой поддержки именно этого важнейшего ключевого направления, потому что наша политическая организация бессмысленна и бесплодна, если она не имеет серьезной пропагандистской компоненты. Она лишена главного — предметности нашей работы. И это самое серьезное, как мне кажется, что надо будет поправлять в работе исполкома.

Второе — проблема недостаточной связи наших центральных органов, в первую очередь исполкома, аппарата, с работой местных партийных организаций.

Главная претензия, которая звучит постоянно и которую я регулярно высказываю на заседаниях Политсовета, состоит в том, что, как бы охотно засыпая наши низовые организации потоком запросов на информацию различного рода, исполком, аппарат партии и Политсовет были крайне скудными в обеспечении наших партийных организаций текущим потоком информации о том, что про-

¹ Татарчук Валентин Иванович — инженер, политический деятель, депутат Государственной думы первого созыва (был ответственным секретарем фракции «Выбор России», заместителем председателя Комитета по промышленности, строительству, транспорту и энергетике); член Политсовета партии «Демократический выбор России». — *Прим. ред.*

исходит, о нашей позиции, — информации, которая жизненно необходима в организации нашей работы на местах.

Должен сказать, что мой опыт работы в том числе в регионах, знакомство с этой ситуацией показывают, что есть, конечно, серьезные проблемы в наших региональных организациях. Здесь, как бы отдавая дань просчетам нашего центрального аппарата, надо видеть и те проблемы, которые есть в регионах.

К сожалению, немало региональных партийных организаций, которые проявляют поразительную беспомощность в решении самых элементарных вопросов, таких, скажем, как своевременное представление финансовых отчетов, что просто потенциально подставляет партию, не говоря о многих других. Иногда как бы обильная и справедливая критика центрального аппарата подменяет, собственно, полную неспособность и неготовность организовать самую элементарную работу по разъяснению наших позиций, а есть и случаи, когда видно, что партийная организация, руководители местной партийной организации сами боятся роста числа наших членов и сторонников, причем не потому, что они боятся, скажем, того, что в партию придут люди, способные их скомпрометировать (это правильное опасение, и слава Богу), а потому, что они как бы пытаются и надеются построить партийную организацию под себя, рассматривая ее не как организацию единомышленников, совместно принимающих решение, выбирающих себе лидеров и организованных для совместной работы, а как бы свою маленькую внутреннюю группу поддержки, которая всегда должна поддержать того или другого лидера независимо от того, какую позицию он занимает. Эта проблема есть, и с ней надо обязательно разбираться.

У нас молодая партия, и совершенно неизбежно в ней будет происходить и происходит процесс политического размежевания, учитывая особенно те вызовы, с которыми встречаемся. Не вижу в этом ничего страшного, считаю, что хорошо, что происходит сегодня и происходило, скажем, вчера, а не будет происходить в первую очередь завтра и послезавтра, когда нам максимально будет нужно единство в рамках избирательной кампании.

Мы молодая партия, мы партия формирующаяся, совершенно неизбежно (и это будет так) в нашу партию будут приходить люди нечестные, люди недобросовестные и иногда люди как бы сознательно имплантированные в нашу партию для ее дискредитации.

Такой метод активно использовался в свое время КГБ для работы с демократическими организациями, и он будет использоваться и используется нашими противниками для дискредитации нашей партии. Я убежден, что чем жестче, решительнее мы будем освобождаться от собственных проходимцев, от тех, кто своими злоупотреблениями объективно дискредитирует партию, тем выше будет ее авторитет. Я считаю это нашей важнейшей задачей и в центре, и на местах.

По нашей партийной работе в связи с подготовкой выборов. Сейчас уже начинается интенсивный период избирательной кампании. Мы будем обсуждать этот вопрос чуть позже, и Валентин Иванович < Татарчук > об этом будет говорить, вам розданы кое-какие документы по этому поводу, по второму вопросу повестки дня. Не забегая вперед, хочу сказать о результатах работы, которая была нам поручена в связи с этим прошлым Советом партии, в течение действия прошлого Совета партии. Важнейшая из них была связана с работой по созданию широкой демократической коалиции.

Мы разработали конкретные предложения по механизму создания такой широкой коалиции. Суть этих предложений, основа — в первую очередь координация нашей работы по выборам по мажоритарным округам, взаимное снятие кандидатов, создание контрольных и координационных межблоковых механизмов для решения спорных вопросов, координация собственно пропагандистских усилий.

В общем на сегодняшний день наши переговоры дали неопределенные промежуточные результаты. Наши потенциальные партнеры, я понимаю, это вопрос как бы деликатный, поэтому не хочу вдаваться в детали, но наши потенциальные партнеры по коалиции занимают положение, я бы сказал, выжидательно-неопределенное. Никто не решается впрямую сказать — нет, мы против широкой демократической коалиции. Никто пока не решается сказать — да, давайте конкретно начинать эту работу, работу эту надо начинать.

Поэтому я думаю, что мы будем продолжать эти усилия в центре. По тому, как я вижу эту ситуацию, она небезнадежна, я все-таки надеюсь, что здравый смысл и ответственность восторжествуют и наши потенциальные партнеры поймут хотя бы меру своей ответственности за неизбежные и тяжелые последствия разрознен-

ных усилий. Но, я думаю, что мы были правы, когда сказали о необходимости переноса тяжести этой работы на места, в первую очередь в региональные партийные организации и консультации в регионах, потому что именно там можно и нужно в первую очередь договариваться о главном вопросе для нас — о координации усилий по выборам по мажоритарным округам. Эта работа уже начала разворачиваться. В ряде регионов, по нашим данным, уже достигнуты серьезные договоренности о единстве действий демократических сил по следующим выборам. Очень надеюсь, что нам удастся широко развернуть ее во всех регионах России. Тогда база для давления, в том числе на политических лидеров в Москве, тех, кто не будет или не хочет договариваться, будет существенно укреплена, тогда наши призывы не будут просто призывами из Москвы, а будут жестким требованием наших единомышленников по всей России.

Дорогие друзья!

Те три месяца, которые отделяют нас от прошлого заседания Совета партии, были не простыми для нашей партии и для нашей страны. Это были времена тяжелых решений и непростых испытаний.

Вместе с тем я категорически отказываюсь обсуждать сегодняшнее положение в терминах истерики и паники. При всех наших проблемах на сегодняшний день, без всякого сомнения, мы самая сильная демократическая общероссийская федеральная организация, организация не московская, организация, имеющая серьезную базу в подавляющем большинстве регионов России.

У нас и до сих пор есть серьезные возможности влиять на проводимую политику, в частности и в первую очередь политику экономическую, и реализовывать, по крайней мере, существенную часть наших программных положений в практической работе и даже, что самое парадоксальное, иногда в законотворческой деятельности, несмотря на огромные проблемы в государственной жизни.

За нами твердое знание того, что нужно России, за нами историческая правда. В этой ситуации впасть в панику, начать посыпать себе голову пеплом и говорить, что все пропало, на мой взгляд, могли бы люди малодушные, безответственные, люди, которые просто ничего как бы не испытали и не готовы ни к какой серьезной борьбе.

Убежден, что таких в нашей партии подавляющее меньшинство.

Уважаемые коллеги, разрешите на этом завершить свое выступление.

Спасибо. (*Аплодисменты.*) По регламенту у нас есть вопросы, я на них отвечу. Письменно или устно?

В.И. ТАТАРЧУК: *Пожалуйста, есть вопросы, которые устно будете задавать? Давайте примем сразу решение, что вопросы будем задавать в письменном виде.*

ИЗ ЗАЛА: *Каковы взаимоотношения с президентом? (Не слышно.)*

Е.Т. ГАЙДАР: Мне, честно говоря, казалось, что я о них только и говорил. Хорошо, я скажу. Каковы отношения с президентом? Мы, разумеется, круто разошлись с президентом на вопросе о чеченской войне. Мы заняли другую позицию. Мы категорически осудили те решения, которые были приняты, и откровенно сказали, что, на наш взгляд, за эти решения президент несет личную, персональную ответственность. Конечно, он не один принимал эти решения, были люди, которые к ним его подталкивали, которые тоже должны отвечать, были люди, которые бездарно реализовывали эти решения, они тоже должны отвечать. Но он президент, по своей должности он отвечает и за тех людей, которые подают ему неправильные советы, и за тех людей, которые бездарно реализуют его решения.

Выступление в дискуссии «10 лет для разных поколений»¹

15 апреля 1995 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Егор Тимурович Гайдар — председатель фракции «Выбор России» в Государственной думе РФ, председатель партии «Демократический выбор России», директор Института экономических проблем переходного периода.

Уважаемые коллеги, все сидящие в этом зале получили марксистское образование. Не вижу смысла отказываться в анализе перестройки от того, что было сильной стороной марксизма, а именно от естественно-исторического подхода к изучению социальных процессов. Ведь доминируют в них не цепь заговоров или подвигов великих или ужасных политиков, а мощные социально-экономические тенденции, которые надо анализировать, чтобы понять суть событий, в том числе происходивших с нами на протяжении последнего десятилетия.

Сейчас нам намного яснее, чем в начале века, видна роль социализма в экономическом развитии. Социализм — это система, ориентированная на максимальное ограничение роли рынка и частной собственности, на бестоварное хозяйство, в микроэкономике которого вплетена власть. Конкретные транзакции идут при социализме не на основе экономического интереса, а на основе решений власти. Фонды, лимиты, планы, директивы — все это неотъемлемая составная часть экономической жизни на микроуровне.

Ясно теперь и то, какие задачи эта система вполне прилично решает с точки зрения экономики. Она оказалась способной, правда, при огромных социальных издержках, решить задачу форсирован-

¹ Политическая дискуссия «10 лет для разных поколений» была проведена 15 апреля 1995 г. Российским движением демократических реформ (рук. Гавриил Попов). — *Прим. ред.*

ной индустриализации в догоняющих странах за счет массивного изъятия ресурсов из аграрного сектора. Эта задача повсеместно, где социалистическая система укоренилась, была решена быстро и обеспечила высокие темпы экономического роста на некоторое время. Точно так же ясно сегодня и то, какие задачи социалистическая система решить оказывается фатально неспособной. Нигде не были обеспечены устойчивое индустриальное развитие, гибкая структурная перестройка.

Эти закономерности приводят как к росту популярности, привлекательности социалистического пути на первом этапе, так и к постепенной утрате динамизма потом. Не случайно поэтому огромный разрыв в уровнях экономического развития неизбежно накапливается в так называемых разделенных странах: Финляндии и России, Восточной и Западной Германии, Южной и Северной Кореи.

Именно наиболее сильные стороны социализма, которые проявляются на этапе индустриализации, потом обратной стороной бьют по экономике на этапе индустриального развития, накапливая структурные диспропорции. Когда оказываются исчерпанными возможности перераспределения ресурсов из аграрного сектора, начинается кризис традиционного социализма.

Страны, в которых коммунистические элиты оказались способными понять эту закономерность и начать в такой момент процесс мягкого выхода из традиционного социализма, процесс использования частнособственнических и рыночных механизмов в рамках структур социалистических, получили возможность выхода из социализма без серьезных экономических катаклизмов, без резкого падения объемов производства.

Я имею в виду Китай, Вьетнам — страны, где началось бурное развитие частнособственнических секторов, в то время как большая часть занятых по-прежнему была в деревне. В этих условиях можно было строить частнособственнический сектор не вместо архаичного, неэффективного государственного, а рядом с ним, постепенно перераспределяя бремя финансирования роста с традиционного государственного на частное.

Для России этот момент в развитии структуры экономики приходится на 1950-е гг. после смерти Сталина. В тот период советская элита могла, видимо, попытаться мягко перевести развитие

на путь, который потом, через десятилетия, получил название «китайский». К сожалению, эта возможность была упущена в ходе дискуссий и политической борьбы 1950-х — начала 1960-х гг.

К тому времени, когда в Советском Союзе начались разговоры о перестройке (я даже в данном случае не разделяю Андропова и Горбачева), эта возможность была уже упущена. Ресурсы сельского хозяйства были в полной мере мобилизованы. Мы давно прочно сели на зерновой импорт, сельское хозяйство стало потребителем крупных дотационных ресурсов, кризис его стал хроническим, поэтому идея перераспределения чего бы то ни было из сельского хозяйства была просто за гранью обсуждения.

Впрочем, у нас была другая возможность — постепенно перевести развитие на тот путь, который условно можно назвать венгерским: создать и начать внедрять рыночные частнособственнические институты в рамках продолжающих работать инструментов микроэкономического регулирования, основанного на власти. При этом у нас по-прежнему работали бы фонды, лимиты, наряды, Госснаб. Приказы выполнялись бы, а финансовая стабильность не была бы нарушена. (Кстати говоря, важнейшая несущая конструкция устойчивого социализма — это как раз финансовая стабильность.) Но параллельно, рядом со всем этим мы могли формировать систему рынка, либерализовать цены на некоторые товары, начать готовить рыночное законодательство. Это обеспечило бы базу для более мягкого выхода из социализма, без катастрофических последствий.

Таков, на мой взгляд, стержень экономической борьбы, экономической дискуссии периода перестройки: удастся ли перевести развитие страны на «венгерский» путь развития?

Этот путь тоже нельзя назвать безболезненным. Уже сформировалась структура производства. Часть отраслей крайне неэффективна. Пришлось бы сокращать, скажем, сельхозмашиностроение, я уже не говорю о ВПК, об огромных диспропорциях в металлургии. В некотором смысле любой шаг к рынку — это всегда начало некоего структурного кризиса. Но необязательно в таких масштабах и такой интенсивности, как кризис, с которым мы столкнулись сегодня.

Страны, начавшие выходить из социализма вовремя, как Китай и Вьетнам, показали, что это можно сделать при правильной стра-

тегии без падения объемов производства. Те же страны, где своевременно были сформированы соответствующие системы институтов, продемонстрировали, что падение производства при переходе к рынку может быть, по крайней мере, некатастрофичным. Такова Венгрия — страна с меньшим (по сравнению со средними показателями по Восточной Европе в 1990–1994 гг.) падением производства, хотя и там оно было. Беда в том, я не буду подробно на этом останавливаться, что в 1985–1991 гг. в Советском Союзе построить необходимые рыночные механизмы не удалось. Вместо этого были быстро разрушены базовые, несущие конструкции традиционной социалистической системы.

Одна из главных таких конструкций, как я уже говорил, финансовая стабильность. Если 1985 г. был еще годом относительной финансовой стабильности, то 1990–1991 гг. — это уже момент экстремального финансового кризиса.

С потерей контроля над макроэкономической стабильностью был утрачен и контроль над инструментами, позволяющими управлять подавленной инфляцией. Поскольку вся система социалистических инструментов экономического регулирования базируется на управлении в условиях подавленной инфляции, то неизбежно стали нарастать экономические проблемы, подрывающие политическую стабильность, доверие к власти. Отсюда закономерное крушение этой власти, в конце концов происшедшее после 19 августа 1991 г.

Теперь представим себе ситуацию, сложившуюся сразу после этого. Была система микроэкономического регулирования, основанная на эффективной власти, иерархия которой связывала начальников на Чукотке и Камчатке, в Магадане и Таллине. Была жесткая система санкций для того, чтобы это работало. С 21 августа 1991 г. все это рушится: нет больше страха перед КГБ, нет страха перед компартией. Первая неделя после путча была отмечена весьма характерным моментом, мало кому известным, — произошло падение объема поставок зерна по госзаказу в 4 раза. Страх уже нет, а деньги еще не нужны. Вот здесь, собственно, мы и вступили в совершенно новую экономическую ситуацию.

Возник коллапс всей системы макроэкономического регулирования, угрожающий нормальному процессу жизнеобеспечения ве-

душих городов. Отсутствовало даже элементарное снабжение продовольствием.

Сегодня мы уже располагаем фактурой, цифрами по двум с половиной десяткам экономик, которым пришлось столкнуться со сходной ситуацией. Развал системы политической власти в России совпал по вполне понятным причинам с крахом социализма в Восточной Европе. Анализ этих фактов и цифр однозначно выявляет наличие строгих закономерностей в процессе трансформации постсоциалистических экономик.

Выясняется, что везде, где правящая элита оказалась неспособной обеспечить плавное вхождение в рынок, падение производства на протяжении первых трех лет составляет величины не меньше 20–25%. Везде резко сокращаются так называемые реальные доходы населения, хотя, разумеется, в условиях подавленной инфляции учет реальных доходов всегда крайне затруднителен. Повсеместно возникают дополнительные проблемы, связанные с резким ростом социального расслоения.

Однако есть и различия. Там, где после развала старой системы начали быстро, энергично и последовательно формироваться рыночные институты, уже на второй год резко замедляется инфляция, а на третий год после начала реформ, как правило, начинается экономический рост. Причем последовательность всегда именно такова: сначала замедляется инфляция и только потом начинается экономический рост. В таких странах, где реформы были наиболее решительными и последовательными, экономика сегодня растет темпами, превышающими среднеевропейские.

В других государствах, где предпринимались попытки, несмотря на фактический развал системы политической власти, сохранить как можно больше элементов привычной плановой системы управления, а рыночные преобразования проводились наиболее медленно и непоследовательно, самые высокие показатели падения производства и инфляции, а экономические кризисы продолжают углубляться.

Подводя итог сказанному, хочу подчеркнуть, что сегодняшней экономический кризис, без всякого сомнения, серьезнейший и один из крупнейших в истории России. Он сопоставим только с кризисом периода Гражданской войны.

По моему глубокому убеждению, этот кризис является платой:

- а) за неспособность вовремя начать выходить из социализма и повернуть развитие российской экономики на так называемый китайский путь уже в 1950–1960-х гг.;
- б) за нежелание и неумение плавно перейти на «венгерский» путь развития и начать формирование рыночных институтов в 1985–1991 гг.;
- в) за отсутствие достаточно решительной и последовательной политической поддержки той реформаторской политики, которая оказалась единственно возможной в условиях, когда старая система управления в полной мере развалилась.

В одну реку два раза не войдешь. Не дано и нам вернуть сегодня социально-экономические реальности 1950-х гг. На нынешнем этапе экономического развития России и стабилизация производства, и начало экономического роста, и решение любых социальных проблем жестко зависят от одного главного фактора — роста частных сбережений и частных инвестиций. Поэтому все, что способствует развитию частных сбережений и частных инвестиций, отвечает интересам стабилизации экономики России и в значительной мере определяет перспективы экономического роста нашей страны. Спасибо.

Общество и выборы

*Выступление на общегородском собрании
Московской городской организации партии ДВР*

20 мая 1995 г.

*Опубликовано в: Политический курьер партии «Демократический выбор России».
Экспресс-выпуск. 1995. №1. Май.*

Сегодня я хотел бы остановиться на четырех взаимосвязанных вопросах. Первое — коротко об экономическом положении в России. Второе — о сути социально-экономического выбора, который стоит перед нами. Третье — о наших возможных политических союзах. Четвертое — о наших внутрипартийных делах.

Начну с экономики. Я глубоко убежден в том, что экономическая программа, которую сегодня реализует правительство, имеет серьезные шансы на успех. Инфляция идет вниз и будет идти дальше, если правительство не откажется от пройденного курса и не начнет делать опасные глупости. Есть серьезные шансы на то, что во втором полугодии 1995 г. мы будем иметь устойчиво низкую инфляцию, предсказуемую динамику валютного курса, снижающуюся процентную ставку и соответственно начало экономического роста хотя бы в отдельных отраслях экономики.

Если с этого курса не сбиться, с 1996 г., особенно со второй его половины, может начаться не только стабилизация экономики России, но и начало роста производства.

Мне очень обидно, что это произойдет в 1995-м и в 1996 г., а не в 1994-м, когда это могло произойти. Мне очень обидно, что наша страна заплатила за экономическое образование главы нынешнего правительства дороже, чем кто бы то ни было и когда бы то ни было платил за экономическое образование. И тем не менее лучше поздно, чем никогда. И только потому, что мы считаем, что эта политика при технических несовершенствах, серьезных издерж-

ках имеет шансы на успех, мы поддержали бюджет, представленный правительством на этот год. Мы поддерживали его экономический курс и голосовали против вотума недоверия правительству. Это стоило нам, наверное, каких-то политических дивидендов, упущенных выгод, но я убежден, что это единственно достойная и разумная позиция.

Именно поэтому мы считали возможным, несмотря на разногласия по принципиальнейшим вопросам, участие наших единомышленников в работе правительства. И считаем это возможным по-прежнему.

Мы убеждены, что успех экономической политики правительства — это важнейшая предпосылка возможности остановить экстремистов от их прорыва к власти на следующих парламентских и президентских выборах. В связи с этим никто больше нас с вами не заинтересован в том, чтобы этот успех был независимо от того, кто его «приватизирует».

И именно потому, что экономика России, кажется, наконец приближается к стабилизации, именно потому, что наконец мы начинаем, кажется, выходить из тяжелейшего экономического кризиса, есть основание поговорить о принципиальных, стратегических вопросах. Когда корабль получил пробоину, главная задача в том, чтобы ее ликвидировать и откачать воду. Когда это сделано, полезно подумать: а куда, собственно, держит курс корабль, какие стратегические ориентиры у этого судна? И вот теперь, когда, кажется, появляются признаки экономической стабилизации, можно сказать о том, что капиталистическая революция, которая началась в 1991 г., завершилась успехом. Капиталистическая экономика в России состоялась, стала реальностью.

Как либерал, я противник любых революций. Я считаю эту революцию также страшной трагедией России. Я считаю ее платой за неспособность коммунистической элиты, коммунистического режима обеспечить мягкий выход из социализма. И тем не менее я горд тем, что мне довелось принимать некоторое участие в борьбе за победу этой капиталистической революции. Если вы спросите меня, нравится ли мне тот капитализм, который сформировался в России, я вам скажу — конечно, нет. Он отвратителен и ужасен. Он ворует и социально несправедлив.

Мог ли он быть другим? Честно говоря, думаю, что нет. При своей наследственности, при тех страшных родимых пятнах, которые оставил социализм, при том повороте, который произошел на рубеже 1992–1993 гг., он другим быть и не мог.

Он нравится мне, да и многим здесь присутствующим ничуть не больше, чем господину Говорухину. Другое дело, что я, например, прекрасно понимал, каким будет этот российский капитализм после краха коммунизма, в тот момент, когда он снимал известный нам всем фильм «Так жить нельзя».

Что же теперь делать с этим капитализмом? Здесь есть три пути и три серьезные социально-политические силы, которые выступают за каждый из этих путей. Вот, по существу, вокруг этого выбора и будет происходить политическая борьба в России на протяжении ближайших месяцев и лет.

Кому нравится этот капитализм? Я могу сказать. Есть мощная социальная сила, которой именно этот капитализм нравится больше, чем любой другой. Эта социальная сила — российское чиновничество. Тот капитализм, который возник, можно с полным правом назвать чиновничьим. В нем уже разделены государственная и частная собственность. Частная собственность уже существует. И они вместе с тем неразрывно слиты.

Отсутствие прозрачности механизма государственной власти, крупномасштабные возможности разбазаривания государственных средств открывают огромный, неограниченный потенциал перераспределения государственных средств в пользу дружественных частных компаний и фирм. Одна рука — в кармане государства, другая — в кармане дружественной частной фирмы, и перекаldывание денег из одного кармана в другой — это идеал чиновничьего капитализма. И отсюда бурно разрастающийся чиновничий аппарат. И отсюда промедление в совершенно очевидных институциональных реформах. И отсюда явно разный подход — индивидуальные льготы для тех или других секторов экономики, частных фирм и предприятий.

Короче говоря, существующий вариант капитализма — это мечта чиновничества. Это самая благоприятная социальная среда для его существования и функционирования.

И естественно, что в такой ситуации должна была сформироваться партия, которая защищает интересы именно этого выбо-

ра для России, — партия власти, которая на своих знаменах пишет одно слово: «стабильность». Когда проходил съезд движения «Наш дом — Россия», один из выступающих очень откровенно сказал: властвующие тоже хотят побороться за свою власть, за ее сохранение. И это правда — они хотят, имеют основание и будут бороться. Это нормально.

Блокирует ли такой капитализм возможности для экономического роста? Нет. Здесь надо сказать откровенно: нет, не блокирует. Экономический рост и в рамках такого варианта развития возможен. Он будет не очень быстрым, результаты его будут распределены социально несправедливо. И тем не менее это все равно открывает возможности на пути самого эффективного экономического развития на капиталистической, рыночной основе. Но сама несправедливость, предельно вопиющая несправедливость распределения результатов этого роста, сама вороватость этого капитализма, конечно, дает блестящие аргументы, козырные карты тем, кто хочет играть на антикапиталистической и радикально-националистической риторике. И именно это определяет потенциал возможностей укрепления позиций коммунистической партии и ее объективных союзников — процесс, который мы должны хорошо видеть и отдавать себе отчет в том, насколько он серьезен.

Конечно, не надо иллюзий, нынешняя КППФ — это никакая не внесистемная оппозиция, это в некотором смысле часть истеблишмента, большая часть ее руководства как села в 25 лет в черную «Волгу», так до сегодняшнего дня из нее и не вылезает. Это люди, которые хотят использовать социальный протест, оправданное социальное недовольство людей происходящим для того, чтобы пробиться к власти и захватить в ней ключевые позиции.

Хотят ли они построить социализм и восстановить вновь тоталитарный экономический и политический режим? Честно говоря, не думаю. Не могу, конечно, этого исключить, но не думаю. Уж слишком тесно они связаны сегодня собственными коммерческими структурами, собственными коммерческими интересами. Нет, скорее всего, этого они не хотят. Но они хотят другого, и это тоже очень опасно. Если вы посмотрите основные программные документы коммунистов, там сквозит идея «грабь награбленное». Там ключевые слова — это «национализация несправедливо нажитой собственности». По всей видимости, придя к власти, они собираются

национализировать, на их взгляд, неправильно нажитую собственность, т. е. собственность, нажитую не связанными с ними коммерческими структурами, и передать ее в руки тем, видимо, кто «праведно» ее нажил, — своим коммерсантам.

Но надо понять, что само насильственное перераспределение собственности — это всегда революция, социально-экономическая революция по своей природе. А революция — это кровь. Я разговаривал, к примеру, в регионах с десятками фермеров, и среди них были очень сильные, которые на это поставили себя, свои семьи. Они в один голос говорят: нет, мы своего так не отдадим, будем стрелять при необходимости. И уже очень много людей, которые вот так просто ничего не отдадут. Сколько понадобится крови, чтобы отобрать, неизвестно, но совершенно ясно, что революция — это хаос в отношениях к собственности, это страшный удар по экономике и социальной ситуации в России. Это риск войны гражданской и войны внешней. Это, конечно, гарантированная блокировка любых возможностей экономического роста, так как никто и никогда не будет вкладывать свои деньги в частные предприятия, зная, что их могут конфисковать. И в связи с этим такая угроза представляется мне, пожалуй, наиболее серьезной.

И наконец, третья позиция — тех, кто заинтересован в нормальной, цивилизованной эволюции нынешнего капитализма, в том, чтобы сделать его гораздо более честным, прозрачным, с тем чтобы ввести нормально существующие в мире и отнюдь не являющиеся изобретением антикоррупционные механизмы, такие как тендеры при государственных закупках, и многие другие. Я говорю про те силы, которые заинтересованы в том, чтобы государство служило обществу, а не общество было рабом государства, которые выступают за постепенный процесс приспособления капитализма к нуждам российских людей, к нормальной жизни, для того чтобы в этом капитализме было нормально и удобно жить. Это те силы, которые условно можно назвать демократами. Они не отказались от этого слова, сколь бы сегодня ни пытались сделать его бранным, ругательным и непопулярным.

Вот, собственно, эта ключевая альтернатива, стоящая перед Россией, на мой взгляд, должна определять и наши политические позиции, потому что не конъюнктура, а принципы здесь самое главное. И в связи с этим, конечно, первая и главная задача для

нас — это остановить войну и революцию. Это программа-минимум. И в решении программы-минимум мы, без всякого сомнения, должны и можем сотрудничать с партией власти.

В конце концов, я знаю одну выборную кампанию, которая велась под лозунгом: «Лучше вор, чем фашист!» И в общем, как это ни горько и ни печально, может быть, в этом есть истина. Поэтому еще раз подчеркну: мы не должны закрывать для себя возможности сотрудничества и коалиций в решении главной, стержневой, принципиальной задачи — предотвращения революции и войны в России. И вместе с тем я глубоко убежден, что наше братание с партией власти, отказ от стратегических позиций и разногласий были бы фатальной ошибкой для демократического движения. В конце концов, кто-то должен нести знамя борьбы за нормальное, демократическое, цивилизованное общество. Не понимаю, почему мы должны от него отказываться.

Нас разделяет с нынешней партией власти целый ряд очень серьезных разногласий. Мы не принимаем того, как партия власти считает возможным распределять социальное бремя издержек и финансовой стабилизации, и в целом экономической трансформации.

Когда обсуждался бюджет на 1995 г., наша фракция наиболее энергично боролась за увеличение финансирования науки при сокращении расходов на дотации и субсидии, колоссальная часть которых разворовывается.

По результатам I квартала расходы субсидий, скажем, АПК профинансированы на 200%, расходы на науку — на 73%. Я не могу понять этой логики, в соответствии с которой возникают мощнейшие, крупномасштабные преференции для отдельных сфер и отраслей экономики просто потому, что они тесно связаны с властью.

Я не понимаю, почему у нас должны существовать составляющие десятки триллионов рублей фонды, такие как Фонд финансовой стабилизации Газпрома, размеры которого примерно в 15 раз превышают все ассигнования из федерального бюджета на финансирование российской культуры. Я не понимаю этой логики и не могу ее принять.

Мы категорически не согласны с поразительным промедлением в осуществлении давно назревших антикоррупционных мероприятий, хотя бы таких, как перевод финансирования Вооруженных

сил на казначейство, позволяющий обеспечить реальный финансовый контроль, или переход к тендерной системе распределения заказов на государственные закупки, позволяющей, как показывает практика, на 30–40% сокращать реальные расходы на соответствующие закупки. Есть много других направлений, давно назревших и поразительно медленно реализуемых. И мы не можем об этом молчать и не можем с этим соглашаться.

Мы не можем соглашаться с тем, как бурно, словно на дрожжах, растет государственный аппарат, как в нем сохраняются крупномасштабные звенья, функциональное назначение которых в нынешних условиях непонятно мне как бывшему главе правительства, и одновременно не формируются структуры жизненно необходимые именно в условиях рынка. Когда у нас крупнейшие монополии регулируют сами себя, то это издевательство над логикой рыночной экономики.

Разумеется, мы не можем согласиться с полной остановкой реформы в аграрном секторе, с тем, что ее пытаются подменить крупномасштабными субсидиями, большая часть которых никогда до крестьян не доходит, так и оседает в коммерческих структурах.

Реально сегодня сложилась ситуация, при которой аграрный кризис больше всего нужен именно тем, кто зависит от распределения аграрных субсидий.

Складывается обидный порочный круг: аграрный кризис, крик о гибели села, выбивание из бюджета крупномасштабных субсидий, направление этих субсидий в коммерческие структуры. Коммерческие структуры используют их, разумеется, не для того, чтобы расплачиваться с крестьянами, а вкладывают их в спекуляции на валютном рынке и на рынке ГКО. Крестьяне не получают деньги за сданный урожай. Аграрный кризис углубляется. Новые крики об обнищании села, требования дополнительных ассигнований. Полученный круг для меня сегодня ясен, прозрачен. И мы категорически не можем согласиться с продолжением подобной порочной политики.

Наконец, у нас, разумеется, есть очень серьезные разногласия с существующей властью по проблемам военной реформы.

Фактически ничего не делая для военной реформы, не реализуя имеющиеся здесь совершенно очевидные возможности и резервы сокращения параллельных и дублирующих структур, сокращения численности армии за счет ликвидации обслуживающих

подразделений, ненужных в условиях рыночной экономики, нынешнее правительство пытается подменить это увеличением срока службы, по существу, подгоняя численность военнослужащих под существующие военные структуры, вместо того чтобы их реформировать.

Это политика, с которой я, например, никогда не соглашался и сейчас не вижу оснований соглашаться.

И наконец, нас, разумеется, разделяет вопрос о трагических событиях в Чечне, о начатой там войне, которая обошлась россиянам уже в десятки тысяч жизней, создала кровоточащую рану на теле России и пагубные результаты которой с каждым днем становятся все более и более очевидными.

Этот вопрос для меня тоже не является второстепенным, на него нельзя закрыть глаза, формируя те или иные политические блоки и коалиции.

Таким образом, наша позиция, как мне кажется, должна быть и может быть и принципиальной, и прозрачно ясной. Да, в борьбе за программу-минимум, за то, чтобы остановить войну и революцию, мы, разумеется, готовы к любым политическим союзам. Но в борьбе за цивилизованный российский капитализм, за демилитаризацию российского общества, за создание предпосылок социально справедливого, устойчивого российского развития мы должны нести свое знамя и не должны никому его отдавать.

Следующий момент — единство демократов. Честно говоря, до самого последнего момента я был абсолютно спокоен за единство демократов на следующих выборах.

Я знал, что при всех наших прошлых разногласиях с «Яблоком» (а давайте все-таки говорить честно — сегодня две представленные в парламенте фракциями крупные демократические силы — это «Выбор России» и «Яблоко») по принципиальным сегодняшним вопросам мы находим все больше взаимопонимания, и поэтому был убежден, что мы сможем договориться о тесном взаимодействии на выборах, тем более что представители «Яблока» неоднократно обращались ко мне, к моим коллегам по фракции с неформальными консультациями о том, можно ли будет добиться объединения демократических сил, если ценой за это объединение будет наше согласие выдвинуть Григория Алексеевича Явлинского объединенным кандидатом в президенты.

Так как я хорошо знаю притчу о соломоновом суде — двух женщинах и ребенке, то в споре о том, кому дороже всего российская демократия, я всегда был готов встать на позицию женщины, которая говорит: он твой. И был готов поддержать кандидатуру Григория Алексеевича Явлинского, если в результате мы получаем единство демократических сил и идем на выборы стройными колоннами, а наши избиратели понимают наконец, что демократы готовы чем-то поступиться ради единства. Я убежден был, что это даст нам огромный эффект объективности, это создаст новую серьезную, позитивную волну, ощущение понимания того, что абсолютно не неизбежным является триумф коммунистов и фашистов на следующих выборах.

К моему огромному изумлению, когда наконец мы приняли это предложение, Григорий Алексеевич на протяжении следующих двух дней забрал его обратно и начал подробно объяснять, почему единство «Яблока» и «Демвыбора России» невозможно ни при каких условиях.

Ну что ж, я не могу это оценить иначе как предательство.

Я думаю, что наши избиратели по достоинству оценят эту позицию, на мой взгляд, просто безответственную и деструктивную. Это, разумеется, не облегчит нашу борьбу на следующих выборах. Это тяжелый удар в спину демократическим силам. Но тем не менее я убежден, что мы должны и в этих условиях нести свое знамя и не отказываться от него.

Если союз с «Яблоком» невозможен, значит, мы должны объявить о создании на базе существующих, имеющих региональные структуры демократических организаций нового избирательного объединения, нового избирательного блока и начать переговоры сейчас с теми из них, кто готов вместе с нами идти на следующие выборы, идти, разумеется, с общей принципиальной позицией, разделяя наши принципиальные программные установления, и, конечно, в первую очередь мы предполагаем начать консультации с теми организациями, которые не являются московскими салонными, а имеют развитую региональную сеть, представляют серьезный электоральный организационный потенциал.

Такие переговоры, я думаю, мы в ближайшее время начнем.

Присутствующие должны понять одно обстоятельство. Оно еще не всеми осознано. Несколько дней назад президент подписал Закон о президентских выборах. И там есть положение, возлагающее

на нашу партию огромную ответственность. Для того чтобы быть выдвинутым кандидатом в президенты, нужен миллион подписей, причем не более 70 тыс. из одного региона. Те, кто участвовал в политических кампаниях, представляет себе, насколько это тяжелая и огромная работа. Я убежден, что сегодня она посильна, конечно, коммунистам и они выдвинут своего кандидата. Она, конечно, посильна аграриям, и они выдвинут своего кандидата. Она, конечно, посильна партии власти, и она выдвинет своего кандидата.

Я думаю, что единственная из демократических организаций, которой при огромном напряжении сил и большой организационной работе в принципе посильна эта задача, — это «Демократический выбор России». И отсюда надо понять, что, видимо, у нас действительно будет один кандидат в президенты, и вопрос о том, кто будет этим кандидатом, нам придется решать на съезде «Демократического выбора России».

Убежден, что подходить к решению этого вопроса мы должны с позиций ответственности, с широких общедемократических позиций, не выдвигая на первый план свои узкопартийные интересы. Я думаю, что мы можем позволить себе не торопиться с решением этого вопроса. Следует провести широкие консультации с другими демократическими силами, с российским обществом, поработать и поговорить в регионах, с тем чтобы предложить обществу ответственного и сильного кандидата, которого мы все вместе поддержим и постараемся сделать реальным кандидатом в президенты России. Это огромная ответственность, которая ложится на наши плечи. Очень хочется, чтобы наша партия оказалась на ее уровне.

Несколько слов о внутрипартийных делах. Надо признать, что период между началом чеченской войны и сегодняшним днем, когда образован блок «Наш дом — Россия», был периодом кризиса в нашей партии. Кризиса понятного и, видимо, неизбежного. Дело в том, что все-таки наша партия в какой-то степени создавалась как некая возможная коалиция партии демократии и партии власти. И в ней было довольно много людей, которые, может быть, по ошибке или по другим причинам думали, что они пришли в партию власти, в партию российского чиновничества.

Когда с декабря стало ясно, что это не так, пошел естественный процесс размежевания. И в рамках этого процесса наша фракция в Думе потеряла 20 депутатов из 74 и в целом ряде организаций

некоторые наши бывшие сторонники перешли или переходят под знамена партии власти.

Должен сказать, что воспринимаю этот процесс как абсолютно естественный, больше того — благотворный для нашей партии.

Ни в коей мере не хочу одной краской мазать всех. Есть люди, которые действительно являются идейными сторонниками партии власти, ошиблись и сейчас перешли туда. Но вместе с тем, наблюдая за ситуацией во многих организациях, в том числе региональных, я вижу, что как раз тех людей, которые, как мне казалось, могут скомпрометировать нашу партию или компрометируют уже, тех, от которых мы не знали, как избавиться, их сейчас как пылесосом вытаскивает из нашей партии.

Мне кажется, что из этого размежевания наша партия может и должна выйти значительно более сплоченной, значительно в большей степени партией единомышленников, партией, которая может всерьез претендовать на право называться партией честных людей.

Надо признать, что следующие выборы будут (я имею в виду парламентские и президентские) для нас очень тяжелыми, может быть, максимально рискованными для России. Вся тяжесть революции уже за плечами общества. Почти все возможные благоприятные результаты реформ еще впереди. Возможности радикальной антикапиталистической риторики широчайшие. Еще активно поколение людей, которых довольно легко обмануть вновь мелькающими красными флагами и социалистическими идеалами и на базе этого обмана прорваться к власти.

Если нам удастся не проиграть на этих выборах и не отдать власть безответственным авантюристам, есть твердая надежда на то, что развитие России на базе рынка, начинающийся экономический рост, объективные возможности финансирования социальных программ навсегда закроют для этих сил путь к власти.

В связи с этим перед нами тяжелое испытание. Мы должны быть на уровне своей ответственности. И вместе с тем надо четко себе представлять — историческая правда за нами! Историческое будущее за нами! Нам бы только день простоять и ночь продержаться!

Испытание выборами

Выступление на II (внеочередном) съезде партии ДВР

18 июня 1995 г.

Источник: ЦАОДМ, ф. 8716, оп. 1, д. 31. Опубликовано в: Открытая политика. 1995. № 5(7). Сентябрь. Текст печатается с сокращениями.

Сегодня я хотел бы остановиться на пяти важнейших, как мне кажется, вопросах.

Первое — то, что все равно сегодня не идет из сознания, все равно на первом плане, — это ситуация в Буденновске¹.

Второе — это уроки прошедшего года. Основные итоги этого года для страны и для нашей партии.

Третье — это суть того выбора, который стоит сегодня перед страной.

Четвертое — это логика политических союзов нашей партии.

И пятое — это наши программные приоритеты.

Начну со Ставрополя. Все происходящее там неразрывно связано с той политикой, которая была избрана полгода назад для решения чеченского кризиса. Тогда мы многократно говорили, объясняли, вновь говорили и еще раз объясняли — попытка силой решить этот конфликт приведет только к тяжелой террористической и партизанской войне. Там нет военного решения. Война неизбежно дестабилизирует положение в России и приведет к тому, что один народ удастся натравить на другой. Это будет смертельно опасно для России, для ее граждан, для демократии в России. Тогда нам возражали и говорили: террористической войны не бу-

¹ Имеются в виду события 14–21 июня 1995 г. — террористический налет на этот город с многочисленными убийствами и захватом сотен заложников. Налетом руководил Шамиль Басаев. В нем участвовало около 200 боевиков, их требованием было прекращение чеченской войны. — *Прим. ред.*

дет, партизанской войны не будет — мы ее не допустим. Как «не допустили», мы видим сегодня собственными глазами.

Надо было быть абсолютно некомпетентными во всем, что относится к истории и традициям народа, с которым ты собираешься воевать и который живет на протяжении столетий в соседстве и в течение более века в одной стране с нами, чтобы не понять: к чему, к каким абсолютно неизбежным результатам приведет там ставка на силу. На мой взгляд, случившееся в Буденновске никак нельзя вычленивать из контекста того, что происходило до этого в Чечне. Сегодня высшие должностные лица государства говорят: вы видите, какие они бандиты. Да, без всякого сомнения, те, кто воюет с женщинами и детьми, бандиты. Но вы что, не понимали, к чему ведете дело? Неужели кто-то мог сомневаться в том, что массированные полугодовые бомбардировки городов и сел Чечни абсолютно неизбежно приведут именно к таким результатам, причем независимо от воли и желания того или другого чеченского лидера или руководителя...

Теперь о наших стратегических, принципиальных программных вопросах. С I съезда партии «Демократический выбор России» прошел год. Этот год стал годом нарастающих авторитарных тенденций и в российской политике, и в российской обществе, годом неустойчивой, колеблющейся экономической политики и все-таки, несмотря на огромные просчеты и ошибки власти, слабо, неуверенно, но намечающихся признаков экономической стабилизации и, наконец, годом решительного размежевания партии власти и партии демократии.

Я глубоко убежден в том, что все эти три процесса не случайно соединены вместе в течение одного года.

Чечня — это ведь не изолированный эпизод на фоне российской политики. Она вся с начала 1994 г. все более явно клонилась в сторону ставки на силу, имперскость, авторитаризм. Вспомним основные направления, по которым нам удавалось продвигаться в самом конце 1980-х — начале 1990-х гг. в развитии и укреплении демократии в России.

К началу 1990-х осознание того, что насилие как метод решения политических конфликтов неприемлемо, является тупиком и ни

к чему не ведет, стало общераспространенным в российском обществе.

Сегодня же наше общество с каждым днем все больше и больше привыкает к тому, что насилие возможно, позволительно, допустимо. Насилие превращается из исключительного средства в естественный политический инструмент, в том числе во внутренней политике.

Серьезным завоеванием российской демократии был поворот к демилитаризации российского общества, к тому, чтобы превратить его из общества экономики, живущей для обороны, из общества укрепленного лагеря в общество светское, гражданское, в котором армия — один из подконтрольных ему институтов.

Прошлый год стал годом постоянно нарастающих тенденций обособления силовых министерств, явной утраты эффективного гражданского контроля за ними, начала ремилитаризации российского общества, принятия удивительных по своей разрушительной силе законов, направленных на увеличение срока службы в Вооруженных силах, на отмену отсрочек по призыву для выпускников вузов и многих других решений, в значительной степени перечеркивающих все, что было завоевано раньше.

Борьба за права человека была знаменем российской демократии на протяжении предшествующих лет. С огромным трудом в наше законодательство удалось ввести ныне существующие инструменты, позволяющие, хотя и не очень эффективно, защитить права личности. Указы президента летом прошлого года, вся практика правоприменительных органов сегодня как бы ставят жирный крест на этих завоеваниях. Через законодательство, через практику все в большей мере реконструируют инструменты и традиции не правового, а авторитарного государства, в котором права человека ничем не защищены и не гарантированы. Многие из вас, приехавшие сюда из регионов, хорошо знают, что все это используется не для борьбы с организованной преступностью, а для сведения политических счетов, вымогательства, страшно деформирует социальную, политическую обстановку во всей России. И закономерным итогом, а отнюдь не изолированным эпизодом всей этой линии стала ставка на силу в чеченском конфликте, которая привела войну на нашу землю.

На протяжении первых лет российской революции предметом нашей гордости было то, что нам удалось избежать гражданской войны. И вот теперь гражданская война, пусть локальная, — это российская реальность. А локальная гражданская война очень легко перекидывается на другие регионы России.

В то же время в экономике при всех серьезнейших просчетах власти в прошлом году, при том, что экономическая политика весны и лета 1994 г. была просто авантюристичной, безответственной и перечеркнула все надежды добиться стабилизации в 1994 г., прослужив прологом резкого всплеска инфляции, все же начинают пробиваться первые ростки экономической стабилизации.

Истекший год в России и в других государствах, сформировавшихся на базе Советского Союза, подвел черту под многими спорами о том, как можно и как нельзя реформировать отечественную экономику.

Если предельно коротко суммировать итоги, то суть их такова: нам не в чем себя упрекнуть. Страны, которые использовали ту же стратегию по реформированию экономики, за которую мы выступали в 1992–1993 гг., сегодня демонстрируют экономическую стабильность и даже некоторый рост производства. Ну а там, где после краха социализма пытались опробовать альтернативные — более мягкие и щадящие — модели развития, сейчас констатируют позорный провал этих попыток.

Опыт показал, что главной проблемой любых реформ после развала социализма является наличие колебаний, метаний, медлительности и непоследовательности. Что только там, где реформы проводятся целостно, систематично, быстро и решительно, удается добиться максимально высоких результатов, восстановления экономического роста.

Мы дорого заплатили за то, чтобы осознание этого факта стало общим местом для значительной части политической элиты, для всех людей, которые в 1992 г. считали все это вычитанными из учебников бреднями.

Сейчас появились первые надежды на экономическую стабилизацию. Собственно, это произошло на переломе 1994–1995 гг. Правительство и Центральный банк перестали наращивать чистые

внутренние активы или, проще говоря, перестали печатать ничем не обеспеченные деньги.

И буквально через три месяца в экономике начали происходить те изменения, о неизбежности которых мы давно говорили. Почему-то сегодня все, что происходит на валютном рынке, вызывает панику и непонимание. Что же там делается? Да ничего неожиданного не делается. Мы на протяжении трех лет выпихивали деньги из собственной страны. Облагая граждан и предприятия инфляционным налогом, мы заставляли их вкладывать деньги в доллары. Стоило перестать «портить» свои деньги, как немедленно поток капитала поменял направление. У нас начался мощный процесс дедолларизации сбережений сначала банков, потом предприятий, а теперь и населения.

Кстати говоря, это процесс сложный, вызывающий отдельные проблемы, — процесс, которым надо уметь управлять и которым, к сожалению, правительство и Центральный банк из-за того, что они не ждали таких результатов собственной политики, управляли, на мой взгляд, в последние месяцы довольно неумело. И тем не менее это тот процесс, который был совершенно неизбежен. Он создает базу для радикального изменения положения в стране.

Я совсем не хочу переходить на технические термины и рассказывать, какие тут возникают проблемы с платежным балансом и динамикой курса, но подумайте по существу, что происходит. У нас только через руки населения из страны за границу ежегодно уходило 20 млрд долл. Сейчас эти деньги потекли обратно в страну.

Главная проблема для отечественной банковской системы — решить, что делать с этим потоком денег. И ведь совершенно не случайно, что проблема, о которой мы много говорили — как государство будет финансировать свой дефицит бюджета в этом году за счет ГКО, — оказалась автоматически решенной. Проблема сейчас в другом — ставки процентов по ГКО предельно низки. Они не спасают от еще сравнительно высокой инфляции.

Для банковской системы еще вчера вложения в отечественную экономику, в отечественные промышленность, сельское хозяйство были какой-то непонятной авантюрой. Сегодня же и тем более завтра это становится жестко заданной необходимостью.

Не вдаваясь еще раз в технические детали, хочу сказать, что, хотя правительство и Центральный банк делают серьезные технические ошибки, хотя социальное бремя распределено в нашем обществе предельно несправедливо, хотя у нас есть серьезные замечания к тому, как проводятся реформы, тем не менее надо признать, что инфляция будет продолжать снижаться, никакого обвала рубля осенью, если, конечно, Центральный банк и правительство не предпримут каких-то немыслимых и глупых действий, не произойдет, процентная ставка будет оставаться низкой, процесс дедолларизации сбережений и притока капитала в страну будет набирать силу, а значит, возникают предпосылки для начала экономического роста в России.

Уже сегодня к числу довольно быстро восстанавливающихся отраслей, таких как черная металлургия, химическая промышленность, производство минеральных удобрений, присоединяются такие важнейшие отрасли, как жилищное строительство, производство легковых автомобилей. И совершенно очевидно, что, если еще раз подчеркну, правительство и Центральный банк не предпримут каких-то немыслимых авантюр, спектр этих растущих отраслей будет расширяться и в течение нескольких месяцев от экономической стагнации мы сможем перейти к экономическому росту на рыночной основе.

Как это ни странно на первый взгляд, но мне кажется, что нарастание авторитарных тенденций и медленная экономическая стабилизация в России на базе рынка, частной собственности и капитализма — процессы взаимосвязанные.

Вспомним, в 1991–1994 гг., когда рухнули коммунистический режим и коммунистическая экономика, возникла очень своеобразная, неустойчивая, но заданная логикой общих интересов коалиция, представленная, с одной стороны, наиболее прагматичной частью элиты и российского чиновничества, которые сделали ставку на капитализм и рынок, решив, что так они намного лучше обеспечат собственные позиции и собственный интерес, и с другой — российскими демократами, теми, кто хотел построить в России цивилизованное, развитое капиталистическое общество.

Это была коалиция, может быть, без большой любви и сердечности, но до тех пор, пока проблема в целом — состоится ли рос-

сийский капитализм — была главной и нерешенной, эта коалиция работала.

Решение же этой проблемы вывело на первый план другую, не менее важную и не менее жесткую альтернативу: какой, собственно, капитализм мы хотим иметь в России?

И здесь размежевание между партией власти, или партией российского чиновничества, и партиями демократии становится абсолютно неизбежным, потому что оно определяется не конъюнктурными моментами и даже не такой фундаментальной для нашего общества проблемой, как война в Чечне, а выбором стратегического курса России.

Мы реалисты и понимали, что путь из коммунизма после 75 лет безрыночного тоталитарного режима неизбежно лежит через не слишком приятную и не слишком красивую реальность номенклатурного капитализма. Но для нас эта реальность номенклатурного капитализма была лишь неизбежным переходным этапом к совсем другому капитализму — развитому, цивилизованному, рыночному.

А вот для партии власти именно тот капитализм, который есть сегодня, капитализм уродливый, коррумпированный, вороватый, предельно социально несправедливый, и является целью, образом желаемого, возможного, приемлемого общества.

В чем суть нашего современного капитализма, если абстрагироваться от эмоций и посмотреть на дело с точки зрения социально-экономических реальностей?

Власти и собственность вроде бы разделены. Существует большой частный сектор, уже доминирующий в экономике. И есть сотни каналов, по которым государственная власть умножает собственность дружественных коммерческих структур и одновременно душит конкурента, завышая цены, раздавая льготные кредиты, предоставляя выделенные из бюджета средства в распоряжение «своих» коммерсантов.

Отсюда совершенно неизбежная масштабная коррупция в государственном аппарате и неразрывно связанная с ней организованная преступность — родная сестра коррупции. Отсюда предельная социальная несправедливость в распределении тягот переходного периода, а затем в распределении результатов экономического роста. Отсюда совершенно неизбежные острые социальные конфликты, социальная нестабильность в обществе и

агрессивность власти, ее опора на силу для того, чтобы добиться поддержания порядка.

Все это характерные черты номенклатурного капитализма, которые есть сегодня в России, — черты, которые обрекают страну на путь в третий мир, если нам не удастся радикально изменить эту реальность.

Надо быть честными. Все это не блокирует экономического роста. Даже наш несовершенный рынок и уродливый капитализм могут генерировать экономический рост, но рост нестабильный, рост, результаты которого всегда несправедливо распределены, рост, который всегда может быть перечеркнут очередной социально-политической катастрофой.

Именно перечисленные черты нашего капитализма формируют благоприятную среду для деятельности партий радикального рванша, разжигающих социальную рознь, с тем чтобы на волне общественного недовольства пробиться к власти.

Авангард этих сил сегодня — Коммунистическая партия Российской Федерации. Разумеется, это отнюдь не партия пауперов по своей природе, это часть политической элиты, которая чувствует себя обделенной при распределении власти и собственности и достаточно цинично использует лозунг, принесший коммунистам победу в прошлой революции: «Грабь награбленное». Именно таким образом расшифровывается положение «конфискация несправедно нажитой собственности». Надо понимать так, что, придя к власти, коммунисты будут решать, какая собственность нажита несправедно, а какая праведно, и, видимо, будут отнимать ее у тех, кто нажил «несправедно», чтобы передать близким структурам, которые нажили ее «праведно».

Насильственное перераспределение собственности — это всегда огромный социальный конфликт и революция, которая ввергнет Россию в состояние хаоса и гражданской войны. Но надо видеть и другое. Как бы ни были циничны нынешние коммунистические лидеры, как бы ни думали они, что, разжигая социальную рознь, они потом сумеют на крови управлять, история показывает — выпустив джинна из бутылки, очень трудно загнать его обратно. Вся история коммунистической партии — это история отсечения наиболее умеренных ее элементов. И на мой взгляд, придя к власти на лозунге «грабь награбленное», коммунистам будет очень трудно

остановиться и не начать масштабное восстановление всех структур тоталитарного общества, что навсегда закроет России дорогу к экономическому процветанию.

Но есть и другой путь — это развитие России в русле цивилизованной рыночной экономики. Мы можем и должны пройти этот путь не за столетия и даже не за десятилетия, а гораздо в более короткий срок, как бы это ни было трудно. Современный капитализм — это капитализм мирный, социально ориентированный, открывающий широкие возможности предпринимательству, инициативе и вместе с тем позволяющий регулировать наиболее острые социальные конфликты и обеспечивать надежную поддержку науке и культуре, образованию и здравоохранению. Именно борьба за такой капитализм — суть задачи, которую ставит перед собой наша партия и которую можно по праву назвать демократической.

Итак, выбор у нас невелик: стагнация номенклатурного капитализма, новая революция или постепенные упорядоченные изменения в экономике, позволяющие реконструировать российское общество. Все эти варианты и следует рассматривать, занимаясь выбором стратегии наших политических союзов.

И если мы принимаем эту логику, то должны понять, что главной угрозой для нас сегодня остается партия реванша. Нет большей угрозы для страны, чем угроза новой революции. Я как человек, которому выпало принимать участие в руководстве одной из революций, происшедших в России на протяжении XX в. (а то, что произошло между 1991-м и 1993 гг., без всякого сомнения, революция), могу сказать, что революция — это всегда страшная трагедия.

Мы сейчас только-только начинаем залечивать раны той трагедии. Россия уже заплатила двумя революциями за попытку установить коммунистический режим, а потом с огромным трудом выйти из него. Еще одна революция в России — это самое страшное, что может произойти в нашей стране. Поэтому главная задача — любой ценой не допустить ее начала. И здесь мы должны взаимодействовать со всеми силами, которые не заинтересованы в революции, независимо от того, нравятся они нам или не нравятся.

Исходя из этого мы и должны строить свою стратегию взаимодействия с партией власти. Мы не можем быть полными единомышленниками, так как у нас категорические расхождения и

по частным вопросам, и по поводу того, какую Россию мы хотим иметь в будущем. И тем не менее это партия, с которой мы должны взаимодействовать для того, чтобы не допустить революции.

Российские регионы очень разнятся между собой. Есть регионы, где партия власти до отвращения коррумпирована и очень тесно идейно связана как раз с партией реванша. Но есть регионы, в которых власть все-таки проводит реформаторскую политику и, кстати говоря, находится под огромным давлением блока коммунистов и аграриев.

Естественно, мы считали правильным предоставить возможность нашим региональным организациям на месте исходя из своих условий определять тактику отношений с партией власти. Убежден, что это правильное решение.

Но стратегическая линия у нас должна быть одна — мы союзники в борьбе за программу-минимум. Ни нам, ни им не нужна революция.

Разумеется, будучи союзниками по этой программе-минимум, мы не можем и не должны скрывать своих стратегических разногласий, мы хотим совсем другой России, и мы совершенно не готовы закрывать глаза на то, что творит нынешняя власть.

И в борьбе за эту другую Россию мы можем и должны быть готовы к союзу с теми политическими силами, которые являются нашими единомышленниками по принципиальным на сегодняшний день вопросам. Не по вопросам, которые будут главными через десять лет, — скажем, какова оптимальная пропорция в стабильной рыночной экономике между налогами и социальными программами. Эта проблема встанет перед нами нескоро, и мы, может быть, разойдемся с нашими потенциальными нынешними союзниками по этому вопросу. Но сегодня, когда одна из главных проблем в России — это борьба за то, чтобы собственность и власть были четко разделены, чтобы государственный аппарат и его работа были открыты для общественности, чтобы сформировать мощные антикоррупционные экономические и законодательные механизмы, чтобы не допустить ремилитаризации российского общества, чтобы сохранить основные права человека и перераспределить социальное бремя преобразований, проводя эффективную социальную политику, мы, без всякого сомнения, можем и готовы быть союз-

никами широкого спектра демократических организаций с отличающимися от нас во многом долгосрочными идеологическими или экономическими приоритетами.

Именно поэтому я был убежден, что широкий демократический блок, включающий и две сильнейшие на сегодняшний день фракции в парламенте — «Выбор России» и «Яблоко», был бы полезен российской демократии, несмотря на все наши прошлые и будущие разногласия.

К сожалению, работа по созданию этого блока не принесла результатов. Но жизнь не кончается, и я убежден, что логика предвыборной борьбы заставит нас взаимодействовать, по крайней мере, в регионах при выборах в мажоритарных округах. Именно потому, что я убежден в необходимости, благотворности объединения демократов, я поддержал идею формирования объединенного демократического блока, который включил бы широкий круг демократических организаций, разделяющих принципиальные для нас программные ценности.

Вы знаете, что уже подписаны документы по созданию такого блока. На первом этапе его подписали несколько организаций: наша партия — «Демократический выбор России», Партия социальной демократии, которую возглавляет А.Н. Яковлев, Крестьянская партия во главе с Ю.Д. Черниченко, Конгресс национальных организаций, движение «Женщины за солидарность» и движение «Военные за демократию».

Мы сейчас ведем переговоры с движением «Выбор России», с движением «Демократическая Россия», надеемся, что и они присоединятся к этому блоку.

Вот о чем мы договорились.

Прежде всего о создании координационных органов для взаимодействия, диалога в процессе подготовки и ведения избирательной кампании. О координации наших программных ориентиров и согласовании приоритетов. О согласовании позиций по мажоритарным округам. И наконец, мы решили начать переговоры о возможности создания единого федерального списка демократического блока.

С чем же, собственно, мы собираемся идти на выборы, что мы считаем жизненно необходимым сделать в России для того, чтобы

российское общество стало более цивилизованным, более справедливым, более пригодным для нормальной жизни?

На мой взгляд, может быть, главное из того, что необходимо сделать в следующие годы, — это провести коренную реорганизацию российского государственного аппарата. Его надо намного сократить. Но не в этом одном суть дела.

Как человек, возглавлявший правительство и знающий как бы изнутри его работу, я могу сказать, что нынешняя государственная машина России абсолютно непригодна для решения тех задач, которые стоят перед нами в ближайшие годы. В ней по-прежнему существует колоссальное количество звеньев никчемных и даже вредных в условиях рыночной экономики, являющихся причиной масштабной коррупции. Вместе с тем у нас зачастую нет жизненно необходимых структур, без которых нормальная рыночная экономика просто не в состоянии эффективно работать.

Когда мы пытаемся одинаково управлять, скажем, машиностроением и газовой промышленностью (в машиностроении есть конкурентные отрасли, а газовая промышленность — монополия, где жесткий государственный контроль абсолютно необходим), получается, что мы плодим ненужное количество чиновников, распределяющих неизвестно что в конкурентных отраслях экономики, и создаем абсолютно ненормальную ситуацию в тех отраслях, которыми общество, страна не способны эффективно руководить.

Сравнив структуру заработной платы в отраслях народного хозяйства, вы увидите одну железную диспропорцию: быстрее всех она выросла у естественных монополистов. Самая высокая зарплата сейчас в Газпроме, в электроэнергетике. Когда уборщица на предприятии электроснабжения получает в три раза больше профессора, — это яркий пример того, как нельзя организовывать управление государственной экономикой в условиях рынка. Надо понять, тут мы имеем дело не с издержками рыночной экономики, а с полной неспособностью государства решать те задачи, которые оно обязано выполнять.

Я не буду останавливаться на всем, что необходимо сделать. Отмечу только несколько моментов.

Механизм государственных закупок. Сегодня его не существует. Сегодня и государство, и государственные монополии распределяют госзаказы абы как. Допустим, господин говорит, что ему не хва-

тает 26 трлн на закупки чего-то и нужны какие-то фонды, которые он с удовольствием бы пораспределял. Можно себе представить, как можно пораспределять эти деньги. Я знаю, насколько неэффективной является нынешняя система закупок, насколько широкие возможности для произвола и коррупции она открывает. А ведь не надо изобретать велосипед, весь мир давно отработал антикоррупционные механизмы в этой сфере. Они называются «закупочный кодекс» или тендерные процедуры при всех государственных закупках, производимых естественными монополистами. Введение этих механизмов, как показывает опыт, позволяет снизить цену покупаемого государством имущества на 45–50%, и одновременно эти механизмы являются мощнейшим фактором борьбы со злоупотреблениями и коррупцией. Почему же они внедряются так медленно, с таким скрипом? Неужели случайно?

Борьба за формирование механизмов, позволяющих резко повысить эффективность государственной машины и перераспределять часть протекающих через государственный карман ресурсов в пользу социальной сферы, без всякого сомнения, один из приоритетов при реформе государственного устройства.

В идеале мы видим государственный аппарат более компактным, прозрачным, не имеющим возможности принимать произвольные решения. Этот аппарат должен не бороться с рынком, а работать в тех сферах, где рынок не может эффективно действовать без государственной поддержки.

Налоговая реформа. Не надо забывать, что нынешняя налоговая система формировалась в 1992 г. в условиях экстремального кризиса, когда мы вынуждены были реализовывать задачи кризисного управления и не дать государству, как кораблю, перевернуться и потонуть. Мы отнюдь не считали, что все созданное тогда возможно как долгосрочное решение, как долгосрочный выход. Давно назрела задача серьезной налоговой реформы в России. Вот ее основные направления.

Первое — следует резко ограничить круг применяемых налогов. Сегодня сама их множественность (есть регионы, в которых применяются 70–80 видов налогов) — это не способ увеличения доходов государственного бюджета: многие из этих налогов не аккумулируют и тех средств, которые тратятся на их взимание. Это способ запутать ведение дел, предельно усложнить бухгалтерию, с

тем чтобы добиться высокого уровня штрафных санкций, на которые до последнего времени и жили налоговая инспекция и налоговая полиция. Резкое ограничение круга применяемых налогов — жесткая необходимость сегодняшней жизни.

Второе направление работы нашей налоговой системы — безадресные налоговые льготы, которые открывают дорогу масштабному уклонению от уплаты налогов. Реально налоговые льготы сегодня — это налоговые льготы богатым, большей частью занятым в сфере краткосрочных спекулятивных операций. Налоговые льготы сегодня делают нашу налоговую систему предельно несправедливой. Борьба за всемерное ограничение безадресных налоговых льгот абсолютно необходима, это достаточная предпосылка серьезного снижения уровня налогообложения. Таким образом, справедливые, равномерные и более низкие налоги — второй компонент налоговой реформы.

Третье — четкие и жесткие гарантии прав налогоплательщиков. Те абсолютно беспредельные возможности бюрократического рэкета и вымогательства, которые до нынешнего времени наше налоговое законодательство открывает перед органами, занимающимися фискальными задачами, сами по себе провокационны. Нельзя давать в руки чиновника возможность по собственному усмотрению ликвидировать любое предприятие, а именно это предусматривает нынешний механизм регулирования налогообложения. Мы предлагаем и будем отстаивать регулирование, которое вводит отношения между налогоплательщиком и налоговыми органами в жесткие правовые рамки и отдает на усмотрение суда, а не чиновника любые разногласия и конфликты между ними, связанные с определением вины налогоплательщика.

Четвертое — необходима особая система налогообложения для предприятий малого и среднего бизнеса. Речь идет не о каких-то льготах для них, я категорический противник этого, иначе мы просто наплодим множество фиктивных малых предприятий. Речь идет о нормальной системе, в рамках которой они будут платить налоги наравне с другими, но которая будет предельно простой. Надо свести все виды налогов лишь к одному платежу — в процентах от дохода. По нашему убеждению, он должен составлять 10% оборота соответствующего предприятия без уплаты других нало-

гов. На деле это уже будет огромным вкладом в становление среднего класса России.

(Есть еще много элементов налоговой реформы. Например, кодификация налогового законодательства. Налоговые отношения следует урегулировать налоговым кодексом, а не бесконечным числом произвольно меняющихся налоговых инструкций.)

Мы намерены добиваться четких гарантий частной собственности. Надо понять, что сегодня гарантии частной собственности — это не личное дело того или иного предпринимателя, это вопрос будущего России.

Будет ли российская экономика динамично развиваться — зависит от местных инвестиций и местных сбережений. Люди будут вкладывать деньги в производство, а не только в спекулятивные операции, если их собственность будет надежно гарантирована. Вся структура нашего права и нашего государственного аппарата на протяжении десятилетий была по своей природе античастной. Еще десять лет назад можно было посадить человека в тюрьму за употребление слов «частная собственность» применительно к реалиям нашей страны.

Эти традиции очень сильны в нашем праве и сейчас, мы боремся в Думе за радикальную реконструкцию и правовой системы, и правовой традиции, и правоприменительной практики. Именно на это был направлен Гражданский кодекс, общую часть которого при поддержке нашей фракции удалось провести и который сегодня уже вполне действен (это видно на примере целого ряда дел, которые выигрывают на его основе).

У нас впереди еще огромная работа. До сих пор не подписан закон о ценных бумагах, который позволил бы поставить барьер проходимцам и обманщикам. До сих пор не принят закон об акционерных обществах, гарантирующий права акционеров. До сих пор нам не удастся продвинуть закон о земле в городах. Не принят новый Уголовный кодекс, закрывающий многие лазейки для злоупотреблений, крупномасштабного мошенничества, других преступлений против собственности.

Следующая важнейшая задача — радикальное изменение бюджетных приоритетов.

Мы и в нынешнем, и в прошлом году вели ожесточенную борьбу за то, чтобы изменить пропорции бюджета, чтобы сократить в нем

расходы на дотации, на управление. Требовали сократить объем перераспределения ресурсов через Москву, одновременно увеличив финансирование тех социальных сфер, которые нам кажутся стратегически важнейшими для России, — науки, образования, культуры, здравоохранения, помощи малообеспеченным.

Убежден, что все меры, о которых я сказал — реформа российского государственного аппарата, его сокращение, улучшение эффективности государственных закупок, — открывают серьезные возможности реального изменения структуры государства в пользу этих сфер. Экономический рост в отличие от экономического кризиса — это та ситуация, когда можно всерьез, а не демагогически обсуждать проблемы новых социальных программ.

Нельзя обещать чуда, но можно и нужно бороться за то, чтобы и культура, и наука, и здравоохранение, и образование получили достойную поддержку от Российского государства.

Еще одна серьезная задача — реформа самой социальной сферы, ее бюджетного механизма. Надо понять, что, к сожалению, увеличение бюджетного финансирования этой сферы — необходимая, но недостаточная предпосылка для того, чтобы добиться здесь перелома. Нужно серьезно менять практику распределения средств, направляемых в социальную сферу. В противном случае они просто будут размазаны тонким слоем и не приведут к серьезному перелому ситуации.

Приведу один пример — положение в сфере образования. У нас, действительно, если есть что хорошее в России — так это образовательная традиция. Я изучал положение с образованием в других странах и убежден, что возможности России выиграть гонку в XXI в. в гораздо большей степени зависят от уровня нашего образования, нежели от наших запасов нефти и газа. Образование необходимо поддержать в первую очередь, но не просто поддержать. Здесь нужно реальное изменение самого механизма финансирования.

Надо переходить от финансирования учреждений к финансированию учеников и студентов, к системе, при которой у родителей есть выбор, в какую школу отдать своего ребенка, и при которой та или иная школа сама должна быть заинтересована в том, чтобы ученики посещали именно ее. Надо переходить к системе, которая одновременно открывает возможность для частного образования, ни в малой степени не сокращая при этом поддержку обще-

ственного; к системе, где распределение бюджета любого уровня начинается не просто с какого-то норматива на абстрактное образование, а с норматива отчислений на школьника и студента, на конкретное образовательное учреждение.

Другая болезненная проблема для России — аграрная реформа. Сегодня в Думе идет ожесточенная борьба за то, чтобы брать у крестьян даже то небольшое, что мы смогли им дать в 1991–1992 гг., — хотя бы формальные права на землю, на земельный надел, право на выход из колхоза с землей и имуществом. Суть законов, которые энергично пробиваются сегодня через Думу, очень проста: это вторичное закрепощение российского крестьянства. Мы боролись против этого и будем продолжать бороться, так как убеждены, что как в конце XIX в., так и теперь будущее российской деревни зависит от того, получит ли крестьянин, сельхозпроизводитель возможность свободного труда на своей земле.

Да, без всякого сомнения, нам нужны крупные предприятия в сельском хозяйстве. Вся Россия никогда не будет целиком фермерской. Но обеспечить действительное — не на словах, а на деле — равноправие форм собственности, адекватную поддержку слабому, задавленному, формирующемуся частнособственническому сектору в деревне, резкое изменение всей системы финансовой поддержки сельского хозяйства, чтобы деньги, которые с таким трудом выбиваются из бюджета, не разворовывались, а шли действительно на то, что очень важно для формирования рыночной инфраструктуры села, для стимулирования частных капитальных вложений в переработку и хранение сельскохозяйственной продукции, на формирование финансовой и биржевой инфраструктуры, — вот что самое главное.

Я недавно был на Украине. Там уже действует масштабная биржа сельхозпродукции. Огромная часть сельхозоборота идет через нее. Это реальная возможность для крестьян быстро продавать свою продукцию, не ожидая потом три месяца оплаты, и вместе с тем возможность резко повысить эффективность механизма государственных закупок. И вот наши противники что есть сил борются за то, чтобы никогда не допустить ничего подобного в России — формирования рынка сельхозпродукции, потому что такой рынок есть смертный приговор всей распределительной системе,

на которой и держатся власть агроначальства и влияние Аграрной партии.

Теперь о военной реформе. О ней уже много говорилось, и, видимо, не стоит повторяться. Скажу только одно: то, что сейчас происходит в армии, — это попытка заменить реформу чем-то совершенно иным, и прежде всего увеличением срока службы при сохранении всего громоздкого армейского хозяйства, в том числе почти двух десятков разных структур, огромных управленческих подразделений. Таким образом сохраняется неоправданно большая и потому плохо финансируемая и слабо организованная армия, в которую матери не хотят отпускать своих сыновей.

У нас есть четкая программа военной реформы. Мы знаем, как ее провести, что нужно сокращать и что оставлять в армии. Конечно, переход к контрактной армии — это не одномоментный процесс, он требует соответствующей большой работы, и тем не менее это та стратегическая задача, которую мы можем поставить и можем реализовать при последовательной работе.

...Если суммировать все, что я сказал, то станет очевидно: главное, за что мы боремся, — это чтобы российский капитализм стал цивилизованным, растущим, мирным, социально справедливым и стабильным, — капитализмом, который базировался бы не на авторитаризме, не на принуждении, не на силе карательных механизмов, а на воле народа, на массовой поддержке российского общества.

И последнее, о чем бы я хотел сказать. У нас что-то странное происходит со словом «патриотизм». Мы, демократы, почему-то приняли правила игры, в соответствии с которыми патриоты — это обязательно люди, разжигающие национальную рознь, готовые втянуть Россию в новые военные авантюры во имя собственных политических амбиций.

Так давайте скажем: «Мы патриоты!» Патриоты, потому что мы верим в наш народ. А народ наш достоин демократии — той единственной системы власти, при которой он сам принимает решения. Мы патриоты еще и потому, что верим в то, что российская экономика не навсегда обречена быть нищей на подпорках, что, если мы создадим хотя бы минимально необходимые правовые и экономические предпосылки, наша промышленность сможет на рав-

ных побороться с любой другой. Мы патриоты, так как убеждены: российская культура и наука не нуждаются в том, чтобы их поднимали с колен, они никогда не бывали на коленях, они слишком велики и значимы для всего цивилизованного мира, чтобы не быть замененными никакими суррогатами. Мы, наконец, патриоты, потому что верим в то, что вместо России нынешней, номенклатурно-капиталистической, будет Россия новая, Россия процветающая, Россия стабильная, Россия, которая станет одной из самых динамично развивающихся стран XXI в.

Борьба за такую Россию — суть той программы, с которой наша партия идет на выборы.

Заявление съезда партии ДВР (по трагедии в Буденновске)

Принято на II (внеочередном) съезде партии

18 июня 1995 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Трагедия в Буденновске резко изменила ситуацию в стране. Мирные люди стали жертвами фанатиков-террористов. Мы категорически заявляем — нет оправдания бандитам.

Выражаем глубокое соболезнование семьям погибших.

Провокационная политика властей, начавших войну в Чечне, сделала неизбежными самые трагические ее повороты.

Мы требуем:

1. Немедленных переговоров со всеми, от кого зависит спасение людей. Человеческая жизнь ценнее любых политических амбиций.

2. Немедленно создать парламентскую комиссию для самого тщательного расследования всех обстоятельств трагедии в Буденновске. Власти продемонстрировали полную неспособность обеспечить безопасность государства и его граждан.

Расформировать нынешний Совет безопасности, пытающийся подменить собой конституционные органы власти.

Немедленно реорганизовать силовые ведомства и спецслужбы. Отправить в отставку их руководителей.

Позиция фракции «Выбор России» по вопросу о доверии правительству будет определяться тем, в какой мере оно проявит ответственность и профессионализм в деле спасения жизни людей.

О недоверии президенту

Выступление в Государственной думе

21 июня 1995 г.

Источник: Государственная дума Федерального собрания РФ. Первый созыв. Заседание 112 (112) от 21 июня 1995 г.: Сборник. Бюллетень №112 (112). Ч. 1.

Гайдар Е. Т., председатель фракции «Выбор России»:

Уважаемый председатель, уважаемые коллеги! У нас немало претензий к политике правительства — экономической и социальной. Я мог бы довольно долго о них говорить, они были бы фондированными. Политика, которую оно проводит, является вялой по целому ряду направлений. Господин Лапшин абсолютно прав: полный провал — это, конечно, политика в области сельского хозяйства, которую на протяжении последних двух с половиной лет проводят, кстати, представители аграрной фракции. Я рад, что наконец они готовы уйти в отставку, приняв тем самым на себя ответственность за провал этой политики.

Вместе с тем я хочу обратить внимание на то, что главное, стержневое направление критики в адрес правительства звучит как раз по тому направлению, по которому позже, чем надо, намного позже, но наконец оно начало поворачивать на путь ответственной, последовательной политики.

Что, собственно, произошло всерьез в нашей экономике на протяжении последних шести месяцев? Одно: в нашей стране перестали печатать пустые деньги. Профессионально это называется: не растут чистые внутренние активы, на простом языке: не печатают пустые деньги. И что же? Ровно через три месяца после этого тот поток, бегство капитала, о котором столько говорили в последние годы (и справедливо говорили), начал менять направление и начался быстрый процесс репатриации капитала в страну. И он сегодня идет, и, кстати, правительство на редкость неудачно им

управляет, но он тем не менее все равно идет. Сегодня пошел процесс деколонизации сбережений, он создает серьезные профессиональные проблемы, еще раз подчеркну, не самым лучшим образом регулируемые правительством. Но это деньги, которые пошли не из России, а в Россию. И это самое главное из того, что происходит сегодня в стране. Именно поэтому пошла вниз процентная ставка, именно поэтому появились секторальные области роста, именно это дает основание надеяться на то, что, вопреки всем просчетам политики правительства, стабилизация российской экономики может состояться.

Я знаю, в этом зале сидит много людей, которые с томительной надеждой ждут, что эта политика провалится, что придет новый «черный вторник», что осенью курс рухнет. Могу их разочаровать: если правительство проявит хотя бы минимум квалификации и ответственности на протяжении следующих месяцев, ничего подобного не произойдет и те позитивные процессы, которые начались, действительно положат основу медленному, постепенному началу роста экономики России.

Я убежден, что именно этот страх, именно понимание того, что этот начинающийся рост стабилизации экономики может перечеркнуть политические шансы тех, кто хотел бы пробиться к власти на волне справедливой критики ошибок правительства, сегодня важнейшая база для постановки вопроса о вотуме недоверия. Убежден: сегодня по экономическим основаниям голосовать за вотум недоверия правительству — это значит голосовать против шансов на стабилизацию экономики России.

(Шум в зале.)

У нас немало претензий к правительству в политической области. Все знают, что мы выступили категорически против чеченской кампании. Мы убеждены, что трагедия, которая произошла в Буденновске, неразрывно, тесно, органично связана с той ставкой на силу, которая была сделана в декабре 1994 г. Мы неоднократно предупреждали, что эта война не может иметь успеха, что единственным результатом может быть только перевод военных действий в форму террористической, партизанской войны. Нам говорили: «Мы этого не допустим. Этого не будет». На протяжении последней недели мы видели, как «не допустили» и что будет на самом деле.

Я считаю, что правительство слабо и беспомощно реагировало на события в Буденновске между средой и субботой прошлой недели, поставив под угрозу жизнь многих людей. И все-таки надо сказать и о другом. С вечера субботы руководство правительства предприняло очень серьезные шаги, которые в конце концов позволили спасти жизнь более тысячи людей. И было бы безответственно, безнравственно с нашей стороны этого не замечать.

Знаю не из вторых рук, насколько трудно это было сделать. (Знаю, сколько было сторонников того, чтобы, провалив свое дело, провалив полностью борьбу с преступностью, позволив совершиться тому, что совершилось, потом биться за честь своего мундира до последнего ребенка, до последней беременной женщины.) Знаю, что это решение далось нелегко. И вместе с тем премьер его принял и реализовал. Я думаю, что сегодня голосовать за вотум недоверия правительству — это голосовать против того, что правительство пусть поздно, но начало становиться на путь здравого смысла, в том числе в урегулировании этого тяжелейшего национального конфликта.

(Шум в зале.)

Да, должны отвечать те, кто привел к этой трагедии. Мы неоднократно говорили и повторяем: должны отвечать и те, кто своими безответственными политическими советами подталкивал к силовым решениям в Чечне, и те, кто бездарно вел эту войну так, что десятки тысяч жизней оказались потерянными, и те, кто проявил беспредельную некомпетентность в руководстве силовыми структурами, позволив захват заложников. Мы неоднократно говорили правительству на протяжении последних трех дней: наша позиция по голосованию о вотуме недоверия полностью зависит от того, будет ли сохранена жизнь заложников. Правительство сделало все возможное для сохранения жизни заложников, и сегодня мы не поддержим вотум недоверия правительству. Но сегодня мы говорим уже не правительству, а говорим президенту: если не будут наказаны министры, виновные в войне в Чечне, в том, что произошло в Буденновске, мы будем ставить вопрос об ответственности за происходящее не правительства, а президента.

(Аплодисменты.)

По докладу В.С. Черномырдина о социально-экономическом положении России

Выступление в Государственной думе

19 июля 1995 г.

Источник: Государственная дума Федерального собрания РФ. Первый созыв. Заседание 120 (120) от 19 июля 1995 г.: Сборник. Бюллетень №120 (120). Ч. 1.

Гайдар Е.Т., председатель фракции «Выбор России»:

Уважаемые коллеги, экономическое образование — очень полезная вещь. Если им заниматься, не будешь делать детских, не очень приличных ошибок. В этом зале звучали абсолютно правильные слова о том, что инфляция в первом полугодии прошлого года была ниже, чем инфляция в первом полугодии 1995 г. Это правда. Но делался абсолютно неверный вывод, что финансовая стабилизация завершилась провалом и крахом. Я вообще-то должен сказать спасибо тем людям, которые вспоминали низкую инфляцию первого полугодия 1994 г., потому что это комплимент в значительной степени и в мой адрес. (Шум в зале.)

В экономике есть известные всем закономерности. Когда Маркс писал об экономических законах, там было много правды. Так вот в российской экономике денежная, финансовая политика сказывается на инфляции со стандартным, хорошо известным специалистам шестимесячным лагом. В связи с этим все, что происходило в нашей экономике с ценами между январем и июнем, вообще никакого отношения к финансовой политике этого года не имеет. Только в последние 18 дней июля начали сказываться результаты январской экономической политики правительства.

То, что происходило в первом полугодии 1994 г., было в полной мере предопределено последним полугодием 1993-го. Знать такие

вещи очень важно и в политической борьбе. И вот почему. Сегодня многие призывали правительство... и даже приветствовали, говорили: «Как здорово, что правительство начало идти на уступки, начало понимать необходимость тратить деньги. Накануне выборов оно немножко расслабитя, даст подачки».

Уважаемые коллеги, должен вас проинформировать, что если бы правительство сегодня было абсолютно беспринципным, то, без всякого сомнения, «Наш дом — Россия» очень легко выиграл бы выборы. Я вам скажу, как это сделать. Просто начиная с сегодняшнего дня оно начало бы активно печатать деньги и платить всем. Все это сказалось бы на инфляции только с января 1996 г., когда выбранные довольные депутаты расселись бы в этих креслах и потом уже начали бы ругать: «Что же такое происходит у нас с экономикой?»

Кстати говоря, мы их прекрасно понимали в 1993 г. и, естественно, по этому пути не пошли. Я убежден, зная тех людей, которые работают в правительстве, что и они не пойдут по этому пути во втором полугодии 1995 г., что их политика останется достаточно ответственной в финансовой области. И это значит, что у нас действительно есть серьезные шансы на успех в финансовой стабилизации, а значит, и в создании базы для частных инвестиций.

На что в связи с этим мы как фракция хотели бы обратить внимание правительства как на направления, где мы крайне не удовлетворены результатами работы?

Первое — это отсутствие целостной, систематической работы по реформированию государственного аппарата. Я не имею здесь в виду только сокращение числа чиновников или министерств и ведомств. Дело в другом. Дело в том, что сегодня у нас оказались неотрегулированными как раз те сферы деятельности, где государственный контроль должен быть наиболее жестким и наиболее эффективным, — естественные монополии. Трудно привести пример большего провала в политике правительства последнего времени, чем то, что происходит у нас в электроэнергетике, на железнодорожном транспорте, в газовой промышленности. Вы не найдете ни одной экономики — ни плановой, ни рыночной, — где заработная плата в естественных монополиях настолько отклонялась бы от заработной платы в среднем в промышленности. Такого не было никогда, и это наглядное свидетельство того, что эти

отрасли регулируются крайне неэффективно. По существу, мы отдали регулирование этих отраслей на откуп самим же естественным монополиям.

Второе. Если мы проводим политику довольно жесткой финансовой стабилизации, жесткой по отношению ко многим отраслям, здесь не может быть «отраслей-любимчиков», здесь не может быть исключений. Сегодня экономически невозможно объяснить, почему экспортные пошлины на газ столь разительно отличаются от экспортных пошлин на нефть. Сегодня невозможно объяснить, почему огромная и в высшей степени рентабельная естественная монополия должна пользоваться такими льготами.

И я, честно говоря, очень надеюсь на то, что наши коллеги в правительстве осознают необходимость равного подхода ко всем отраслям и равного распределения социального бремени.

Огромные проблемы связаны с неэффективностью контроля за использованием государственных финансовых ресурсов. Мы в 1992 г. начали важнейшую работу по созданию государственного казначейства. Это предпосылка реального контроля за тем, как расходуются государственные средства.

И вместе с тем в развитии этой важнейшей работы были допущены очень серьезные просчеты. В результате казначейство раздулось, а контроль за использованием средств по-прежнему крайне неэффективный, особенно в аграрной сфере. (Шум в зале.)

Завершая, я хотел бы сказать, что очень многие в этом зале говорили: «Крах неизбежен, крах неизбежен!» Знаю, многие хотят краха и на этом будут строить свои политические кампании, свой политический капитал. (Выкрики из зала.) Мы убеждены, что эта политика безответственна по отношению к России. Вы хотите выгоды себе, а не стране. (Аплодисменты.)

Заявление фракции «Выбор России» (по событиям в Югославии)

Зачитано на заседании Государственной думы

12 августа 1995 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Председатель фракции Е.Т. Гайдар:

В связи с последними трагическими событиями на территории бывшей Югославии фракция заявляет:

1. «Выбор России» решительно осуждает кровавые методы разрешения межнациональных конфликтов, с чьей бы стороны они ни исходили.

2. «Выбор России» призывает МИД России сделать все возможное для принятия международным сообществом согласованных мер, направленных на снятие экономических санкций по отношению ко всем участникам конфликта на Балканах.

3. «Выбор России» категорически против любых односторонних действий по снятию эмбарго на поставки оружия воюющим сторонам.

4. «Выбор России» призывает всех участников конфликта соблюдать права человека и проявлять максимально гуманность к мирному населению и беженцам в зоне конфликта.

< О предвыборной платформе >

Выступление на III (внеочередном) съезде партии ДВР

26 августа 1995 г.

Источник: ЦАОДМ, ф. 8716, оп. 1, д. 34.

Уважаемые коллеги!

Наша предвыборная платформа подробно обсуждалась на прошлом, II съезде ДВР. После этого мы получили широкий круг предложений и замечаний от региональных организаций и членов партии, от наших потенциальных союзников по предвыборному блоку и попытались в максимальной степени учесть эти замечания.

К сожалению, не во всех случаях это удалось сделать. Например, у курской организации ДВР были очень интересные наработки, которые лично я очень хотел бы сделать частью нашей предвыборной платформы. Однако ни по объему, ни по структуре эти материалы не ложатся в единый документ. Есть и другие, не менее интересные разделы, которые не вошли в итоговый текст. Однако думаю, что это не страшно.

Дело в том, что предлагаемая предвыборная платформа лишь часть нашей программы, которая непременно будет сопровождаться пакетом разъясняющих документов и комментариев. Полагаю, что предвыборная программа в целом сможет включить практически все наработки, сделанные нашими региональными организациями и членами партии.

Не хотел бы сегодня повторять свои аргументы в пользу основных положений предвыборной платформы. Остановлюсь лишь на нескольких ключевых моментах, которые должны быть учтены в нашей практической работе.

Как вы помните, наш прошлый съезд работал в те дни, когда происходили трагические события в Буденновске. В своих переговорах с правительством партия ДВР твердо выступила за такое

урегулирование кризиса, которое позволило бы сохранить жизнь заложников и способствовать мирному процессу в Чечне. На съезде мы увязали вопрос о своем голосовании по вотуму доверия правительству с тем, как будет разрешен кризис в Буденновске.

Правительство пошло нам навстречу, прислушалось к нашим аргументам и приняло, на наш взгляд, ответственное и единственно возможное в сложившейся ситуации решение. Мы, естественно, выполнили свое обязательство и проголосовали за доверие правительству, когда этот вопрос был поставлен в Государственной думе.

На мой взгляд, политика правительства в Чечне была на протяжении последних двух месяцев значительно более разумной, чем в начале года. Осознание тупиковости силового варианта позволило правительству открыть дорогу переговорам. Эти переговоры идут, хотя и тяжело.

Развязать войну легко, а остановить очень трудно. Для этого необходимы мужество, последовательность усилий, сдержанность, готовность и умение избегать ультиматумов. Причем усилий нескольких авантюристов может быть достаточно, чтобы сорвать переговоры.

Поэтому мы приветствуем те шаги, которые в настоящее время предпринимаются для достижения мира в Чечне, и поддерживаем проводимую правительством политику переговоров.

Таким образом, можно констатировать, что, по крайней мере, по двум крупным и значимым для нас вопросам есть основа для сближения позиции ДВР с позицией российского правительства. Это, во-первых, проводимая правительством уже с января 1995 г. политика финансовой стабилизации, близкая к той, за которую мы выступаем. Во-вторых, заметное изменение отношения правительства к вопросам мира, происшедшее в последние месяцы.

В связи с этим вновь возникает вопрос: насколько серьезны наши разногласия с партией «Наш дом — Россия», правильно ли то, что мы не заключаем с ней тесный избирательный союз?

Убежден, несмотря на все позитивные изменения в политике правительства, решение, принятое прошлым съездом нашей партии, было и остается верным. Оно основано не на анализе меняющейся политической конъюнктуры, а на соблюдении основных программных принципов нашей партии.

Для нас прежде всего важны не сегодняшние политические реальности, а то, какой мы хотим видеть Россию в будущем.

Предвыборная платформа партии «Наш дом — Россия» пронизана одной простой мыслью: период либеральных реформ в России завершен. Надо обладать достаточно развитым чувством юмора или полностью отрешиться от здравого смысла, чтобы назвать последние два с половиной года периодом либеральных реформ в нашей стране. Правда, по отдельным направлениям в правительстве шла борьба за либеральные реформы. Однако назвать политику, которую правительство проводило с 1993 г., либеральной означало бы, мягко говоря, допустить грубую неточность.

С чем же связано желание авторов этой программы как бы подвести черту под периодом либерализма? Мне кажется, их несложные рассуждения выстраиваются примерно таким образом: опросы показывают, что сегодня россиян волнуют уже не столько проблемы инфляции, безработицы или промышленного спада, сколько преступность, в том числе организованная. Обыденное сознание подсказывает — либерализм не слишком хорошая среда для наведения порядка. Для этого нужны могучий генерал-диктатор да большая дубинка. Вот тут-то уж в России будет порядок. Отсюда желание откреститься от либерализма даже у тех, кто еще три-четыре года назад клялся и божился в своей верности его принципам. Отсюда распространенное заблуждение, что кто-то может навести в России порядок «железной рукой».

По моему глубокому убеждению, это невозможно не только у нас в стране, но и нигде в мире. Думаю, многие здесь присутствующие разделяют мою уверенность.

Чтобы понять это, достаточно вспомнить, что подавляющее большинство диктаторских военных режимов возглавляют списки наиболее коррумпированных государств мира. В то же время, как показывает мировая практика, самый надежный способ побороть организованную преступность и коррупцию — это построение того цивилизованного, демократического, либерального общества, которое и является нашей программной целью.

Постараюсь проиллюстрировать этот тезис на примере проблем, с которыми сталкивается сегодня российское общество, и которые являются важнейшим источником коррупции и организованной преступности.

Яркий пример — неравенство условий хозяйствования, отсутствие предпосылок для развития честной конкуренции.

Мы являемся сторонниками свободы торговли, но не отвергаем возможности разумного протекционизма в принципе. Известно, что предприятия и экономика в целом могут успешно приспособиться к разным уровням таможенного тарифа. Есть страны, где тариф равен 5%, в других он составляет 15 или 20% стоимости товара. И при этом конкуренция оказывает позитивное влияние на развитие экономики. Однако нормальное экономическое соревнование становится невозможным, если одни предприятия вынуждены платить 20%-й тариф, а другие от него вообще освобождены. В таких условиях те, кого обязали платить высокий тариф, могут или закрыться, или искать пути, позволяющие уравнивать условия, т. е. нарушить закон и не платить тариф. Иного выбора у них просто не остается.

Та же ситуация возникает и при распределении бюджетных средств. Если они выделяются кому-то без всякого конкурса и практически даром, то о честной конкуренции говорить не приходится. Конкуренты таких «счастливых» экономических субъектов вынуждены, если они не хотят разориться, научиться давать взятки, чтобы тоже получить доступ к дешевым бюджетным кредитам.

Когда крупные государственные монополии предоставляют отдельным фирмам огромные скидки при транспортировке продукции до границ страны и тем самым позволяют по демпинговым ценам поставлять ее на экспорт, остается только один способ выжить в данном бизнесе — найти то место, где дают взятки за предоставление льготных тарифов, и тоже нарушать закон. Иначе неминуемо разорение.

Нельзя сказать, что российское правительство совсем ничего не делает в данном направлении. Скажем, в этом году, слава Богу, начали распределять хотя бы часть инвестиционных ресурсов через систему открытых конкурсов с четко определенными правилами. Таким путем было распределено 78 млрд руб. Но, к сожалению, через бюджетные ссуды, распределяемые по чисто субъективным критериям, прошло ровно в 50(!) раз больше. А ведь эти ссуды являются важнейшим источником коррупции. Не здесь ли следует искать корни организованной преступности в нашей стране?

Именно поэтому главная задача, которая ставится в экономической части программы нашей партии, — обеспечение равенства условий хозяйствования. Мы хотим исключить возможность распределения государственных средств по усмотрению отдельных чиновников, обеспечить прозрачность и жесткие законодательно закрепленные критерии процедур, связанных с предоставлением кому-либо государственных ресурсов. Только так можно преодолеть ситуацию, когда взятка является чуть ли не единственным способом эффективного хозяйствования в России.

Убежден, наша программа — это единственная серьезная программа борьбы с коррупцией и порождаемой ею организованной преступностью. Именно либеральная программа может позволить покончить с этим страшным злом в нашей стране. Только заткнув колоссальное количество дыр, через которые сегодня хлещут государственные финансовые ресурсы в честные и не очень честные руки, можно всерьез подкрепить социальную сферу, изменить систему бюджетных приоритетов. Именно это еще одно важнейшее направление нашей работы, одна из основных задач, поставленных в предвыборной программе нашей партии.

Несколько слов о развитии экономической ситуации на сегодняшний момент, в том числе исходя из наших программных задач.

На прошлом съезде ДВР мы говорили, что в целом макроэкономическая политика правительства является разумной и заслуживает поддержки. Вместе с тем последние месяцы показали, что в значительной степени успех экономической политики зависит от четкости, скоординированности и профессионализма, которых, к сожалению, не хватает в работе как многих правительственных ведомств, так и Центрального банка. Сегодня это проявляется в очень острой и опасной форме банковского кризиса¹.

Надо сказать, что еще в марте 1995 г. я ознакомил общественность с результатами исследований нашего института, суть которых состояла в том, что на протяжении следующих месяцев будет устойчиво снижаться инфляция, стабилизируется и начнет расти курс рубля по отношению к иностранным валютам, существенно

¹ В августе 1995 г. в России произошел серьезный банковский кризис, выразившийся в остром дефиците платежных средств у банков, который парализовал работу межбанковского рынка примерно на месяц. Были ликвидированы десятки банков. — *Прим. ред.*

снизится процентная ставка по банковским кредитам и все это неизбежно послужит катализатором серьезного кризиса банковской системы.

Мы подчеркивали, что российская банковская система сформировалась при высокой инфляции и не умеет работать в иных условиях, не умеет подбирать надежных клиентов, работать с промышленностью. Российским банкам предстоит тяжелая работа, направленная на то, чтобы изменить систему организации собственной деятельности.

У Центрального банка были месяцы, чтобы подготовиться к новой реальности, провести серьезную работу по реконструкции банковской системы. К сожалению, практически ничего не было сделано.

На протяжении последних трех-четырёх дней банковский кризис приобрел острую форму. Приходится принимать экстренные, пожарные меры. Сейчас к этому вопросу активно подключилось правительство.

Я знаю, что делается для преодоления кризиса. Полагаю, что принимаемые меры в целом достаточны для того, чтобы не допустить катастрофического развития событий и развала отечественной банковской системы. Случись такое — какие бы то ни было шансы разумных сил на успешные выборы в декабре 1995 г. были бы полностью подорваны.

Вместе с тем очень жаль, что вновь приходится платить дороже, чем можно было бы. Платить в том числе замедлением снижения инфляции по сравнению с темпами, на которые рассчитывали мы и наши единомышленники в правительстве.

Сегодня наступает момент, ради которого, собственно, и создавалась наша партия. Уже при ее создании мы знали, что следующие выборы будут одновременно и очень тяжелыми для демократов России, и очень важными для судьбы самой российской демократии. Именно поэтому в прошлом году мы начали совместными усилиями активную работу по созданию организованной, дееспособной политической партии, которая сможет донести слово правды до избирателей, когда придет время выборов. Это время пришло.

Теперь от того, насколько четко, активно и организованно мы будем работать, зависит гораздо больше, чем просто то, кто сядет в парламентские кресла (убежден, для подавляющего большинства

здесь присутствующих этот вопрос в высшей степени второстепенен). От нашей работы зависит сегодня, удастся ли сохранить шансы на демократию в России.

Я прекрасно помню утро 19 августа 1991 г., как, я думаю, помнят его и все находящиеся в этом зале. Тогда угроза свободе в России подступила жестко, зримо, драматично — в виде танковых колонн, входящих в Москву. Сегодня эта угроза подступает медленнее, не так видимо, но подступает вполне серьезно, мощно, опираясь на огромные пласты авторитаризма и антидемократизма, которые присутствуют в нашем общественном сознании.

Надеюсь, что за время, прошедшее после августа 1991 г., все поняли, что борьба за свободу в России — это не только три героических дня у Белого дома. Предстоит тяжелая многолетняя борьба. Мы взяли на свои плечи огромную ответственность.

Сегодня от того, в какой мере мы окажемся на уровне этой ответственности, действительно зависит судьба России XXI в. Мы знаем, что нынче лежит на весах.

Спасибо. (Аплодисменты.)

< О военной реформе >

*Выступление на учредительном съезде движения
«За военную реформу»*

24 сентября 1995 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Уважаемые коллеги!

С вашего разрешения буду говорить о сугубо профессиональных вопросах, а именно об экономических факторах, которые определяют возможность и необходимость проведения военной реформы.

Анализ опыта экономического развития разных стран в последние 50 лет показывает, что существует обратная корреляция между долей военных расходов в валовом внутреннем продукте и темпами экономического роста, т. е. чем больше тратится на оборону, тем ниже темпы экономического роста.

Конкретная цифра военной нагрузки на экономику может меняться в пределах 1–5% ВВП, не разрушая полностью delicate и хрупкие механизмы рыночной экономики. Эта доля, естественно, возрастает, когда страны находятся в состоянии интенсивного военного конфликта или получают существенную внешнюю военную помощь. Она также зависит от уровня военных угроз и от приоритетов в целом. И все же можно с достаточной степенью точности определить верхнюю границу допустимой доли военных расходов в валовом внутреннем продукте как 5%. Только такая военная нагрузка совместима с работой рыночных механизмов.

Разумеется, можно найти исключения — случаи, когда военная нагрузка на рыночную экономику намного превышала эту цифру. Скажем, большая война — типичный пример. Но не случайно, что именно в такие моменты эти экономики по существу перестают быть рыночными. Хрупкие механизмы рынка неизбежно начинают давать сбой под тяжестью возросших военных расходов, и их

приходится заменять прямым адресным распределением ресурсов. Вслед за этим возникают государственные фонды, карточная система, черный рынок и все остальные хорошо нам известные черты, присущие нерыночной огосударствленной экономике.

Выключение даже на небольшой срок рыночных механизмов оказывает очень негативное влияние на формирование потока эффективных капиталовложений, на структуру экономики. Поэтому сразу после окончания войн директивные механизмы государственного вмешательства в экономику демонтируются, а уровень военных расходов вновь опускается ниже критической отметки 5% валового внутреннего продукта.

Все это касается случаев, когда руководство страны понимает, что рынок необходимо сохранить ради продолжения эффективного экономического развития.

Специфика нерыночной социалистической экономики позволяла советскому руководству обеспечивать феноменально высокий уровень военной нагрузки на экономику в социалистическом лагере. Серьезное искажение структуры цен делает предельно сложной задачу научного определения реального уровня военных расходов в валовом внутреннем продукте Советского Союза. Данные, представляющие ее как 10% по состоянию на 1990 г., не учитывают огромной переоценки доли легкой промышленности и нереально низкой оценки затрат на военное производство. Они также не учитывают затрат на охрану границы, мобилизационные мощности и содержание внутренних войск.

Таким образом, самая скромная дооценка показывает, что в Советском Союзе мы имели армию, содержать которую можно было, лишь тратя на нее 15% валового внутреннего продукта страны. При этом, как я уже сказал, предельные размеры финансирования, совместимые с работой рыночных механизмов, составляют 5% ВВП, т. е. ровно втрое меньше. Это, разумеется, очень тяжелые стартовые условия для начала абсолютно неизбежных и остро необходимых уже сейчас преобразований в наших Вооруженных силах.

На сегодня существует 4 возможные стратегии решения проблемы военных расходов.

Первая предполагает демонтаж рыночной экономики и создание административно-командной системы управления. Тупиковость этого пути не только в том, что он предельно неприятен для

российского общества, знакомого с его отвратительными политическими последствиями, но и в том, что он объективно не позволяет найти решения для стратегических экономических задач. Социалистическая система развалилась именно потому, что стала непреодолимой преградой для дальнейшего экономического роста. Она себя полностью исчерпала уже на этапе индустриализации. После этого социалистическая экономика неизбежно деградировала и будет продолжать деградировать, если, не дай Бог, вернуться на этот путь. Такая система не способна была бы обеспечить даже то содержание, которое имеет армия сегодня.

Вторая стратегия — это масштабное эмиссионное финансирование военной промышленности, т. е. выпуск ничем не обеспеченных денег и передача их на нужды ВПК. К сожалению, положительные последствия для военных отраслей будут ощущаться в этом случае лишь несколько месяцев, а катастрофические результаты увеличения затрат на вооружение хотя бы до 10% ВВП будут долго разрушать и без того едва начинающую выправлять свое положение экономику. Капиталы вновь рекой хлынут за рубеж, а все национальные ресурсы, как раз сейчас начинающие переориентироваться на инвестиции в экономику, снова переключатся на спекуляции. Короче говоря, стратегия эмиссионного финансирования — это стратегия экономического кризиса, который делает невозможным сколько-нибудь сносное обеспечение Вооруженных сил финансовыми и материальными ресурсами. Так что и на этом пути решить задачу поддержания боеспособности наших Вооруженных сил невозможно.

Третий путь — это путь, по которому более или менее последовательно шло российское руководство в последние три года. Сохраняя армию в том виде, в котором на ее содержание требуется не менее 15% валового внутреннего продукта, оно пытается финансировать ее за счет 5% ВВП. Этот путь не так разрушителен для экономики, как предыдущий, но абсолютно разрушителен для самих Вооруженных сил. Именно нежелание что-либо менять в армии, несмотря на объективную невозможность выделять на ее финансирование больше чем 5% ВВП, привело нас к тому, о чем сегодня здесь немало говорилось.

Нет денег на боевую подготовку, летчики не могут иметь нормального налета часов, не хватает современного вооружения, нет

денег на жилье и достойную зарплату офицерам. Неудивительно, что все это деморализует нашу армию, делает ее неуправляемой. В этой армии не хотят служить, а матери не хотят отпускать туда своих сыновей. Такая армия становится недееспособной и неуправляемой. Именно поэтому данная стратегия самая страшная.

Четвертая стратегия — это радикальная военная реформа. Сегодня, как видите, это не вопрос выбора или доброй воли, а уже жесткая необходимость. Любая другая стратегия обречена на провал с точки зрения как экономического роста, так и обеспечения безопасности.

Только приведя армию к той численности, которая может быть полноценно профинансирована за счет 5% валового внутреннего продукта, мы сможем надеяться на улучшение положения в Вооруженных силах и повышение их боеспособности. Причем экономический рост в не перегруженной военными расходами стране позволит постепенно увеличить и финансирование армии. Ведь те же 5% будут иметь гораздо более значительный вес.

В любом случае необходимо четко себе представлять, насколько узка здесь, как говорят математики, область допустимых значений. Если нижняя граница военных расходов может колебаться в зависимости от конкретных внешнеполитических условий, то верхняя не может превысить 5%, не нанеся непоправимого вреда всей экономике.

Исходя из этого, а также зная, насколько неполно удовлетворяются сегодня потребности армии во всех видах ресурсов, оптимальную численность Вооруженных сил можно сегодня оценить примерно как 650–700 тыс. человек, не считая пограничников и внутренних войск. Причем напомню, что речь идет о верхней границе финансирования и, следовательно, о верхней границе численности. При попытках выйти за эти границы мы моментально получаем серьезные проблемы и в экономике, и в военной сфере.

Полагаю, коллеги имеют представление, о каких цифрах идет речь. Только, скажем, на содержание дополнительных 100 тыс. человек в бюджет Вооруженных сил направляется столько же, сколько предусмотрено в бюджете на культуру.

Опыт показывает, что Министерство обороны не способно сегодня переломить порочную тенденцию к раздуванию численно-

сти армии при ее очевидном недофинансировании. При сохранении этой тенденции наша армия обречена быть недееспособной.

Преодолеть эту тенденцию, доказать и продемонстрировать ее тупиковость, а главное, предложить реальную и единственно возможную альтернативу — вот как мне видится цель движения «За военную реформу».

О проекте закона о федеральном бюджете

Выступление в Государственной думе

4 октября 1995 г.

Источник: Государственная дума Федерального собрания РФ. Первый созыв. Заседание 126 (126) от 4 октября 1995 г.: Сборник. Бюллетень №126 (126). Ч. 1.

Гайдар Е.Т., председатель фракции «Выбор России»:

Уважаемые коллеги, бюджет, представленный на 1996 г., конечно, продолжает линию бюджета 1995 г. со всеми его преимуществами, со всеми недостатками. Сейчас больше говорили о том, что была существенно недооценена прогнозная инфляция. Но на самом деле в бюджете 1995 г. была и вторая характерная черта — это существенная переоценка доли возможных налоговых поступлений в структуре валового внутреннего продукта. Причем она была почти столь же радикальной, как и недооценка инфляции. В бюджете, представленном на 1996 г., присутствует опять и то и другое, и то и другое примерно компенсирует друг друга. Если мы проанализируем предлагаемые налоговые изменения, скажем неизбежные последствия снятия налога на сверхнормативный фонд заработной платы, последствия отмены экспортных тарифов, то увидим, что, конечно, предположения насчет того, что на 20% повысится доля налоговых поступлений в валовом внутреннем продукте, в высшей степени оптимистичны. По нашим оценкам и прогнозам, минимальный объем недопоступления налогов сегодня — это примерно 1,2–1,4 процентного пункта ВВП, или примерно 10%.

Эти цифры частично компенсируют ту недооценку доходов, которая связана, на наш взгляд, с действительно несколько недооцененной инфляцией. В связи с этим мы готовы поддержать предложение по созданию согласительной комиссии. Считаю в высшей степени разумными многие предложения, с которыми вышел Ко-

митет по бюджету. Но с двумя идеями, которые здесь высказывались, хотя и не нашли отражения в официальной позиции Бюджетного комитета, мы категорически не согласны.

Первая из них — это вопрос о финансировании дефицита бюджета и соответственно о возврате к эмиссионному покрытию его за счет кредитов Центрального банка¹. Здесь, мне кажется, надо системно оценивать последствия подобного рода решений. В 1992 г. мы неоднократно и довольно долго спорили с нашими коллегами из фракции «Яблоко» (тогда из ЭПИцентра). Мы говорили, что бюджетный дефицит для нашей страны, для нашей конкретной ситуации очень опасен, а нам возражали, мол, важен не бюджетный дефицит, а то, как он финансируется — эмиссионно или неэмиссионно.

Сегодня они первые говорят о том, что неэмиссионное финансирование дефицита бюджета, оказывается, тоже очень болезненно и очень опасно, потому что приводит к увеличению доли обслуживания государственного долга в структуре бюджетных расходов. Отсюда возникает новая (и соответственно старая) идея. Раз это так дорого и так тяжело, давайте мы снова начнем покрывать дефицит бюджета за счет печатного станка.

Я бы с огромным удовольствием ознакомился с моделями, на основе которых рассчитаны параметры, в соответствии с которыми 50%-е увеличение чистых внутренних активов почему-то приводит к увеличению инфляции на 0,5–0,7 процентного пункта (просто было очень интересно посмотреть чисто профессионально). Но, не входя в детали и частности, надо просто понять, какие конкретные последствия имело бы принятие этого решения, т. е. речь идет примерно о 30-триллионном покрытии дефицита бюджета за счет кредитов Центрального банка, которые есть в предложениях фракции «Яблоко».

На мой взгляд, события развивались бы примерно так же, как в 1995 г., но в строго противоположной последовательности. Первая реакция на это решение — неизбежный всплеск инфляционных ожиданий и то, что наиболее крупные и наиболее разумные банки

¹ Речь здесь идет о фактическом призыве к пересмотру принятого 9 марта 1995 г. исторического решения — о прямом отказе от кредитования правительства Центральным банком, сыгравшего очень большую роль в обеспечении устойчивости финансовой системы страны.

сразу понимают, что ситуация радикально поменялась, курс доллара перестает быть стабильным и начинает в ближайшие месяцы довольно быстро падать. Отсюда изменение потока капитала. (Как в апреле у нас произошло изменение потока капитала и он пошел обратно в страну, так в результате этого решения мы снова получаем массовое бегство капитала.)

Сначала крупные банки, потом предприятия, потом население понимают: держать деньги в национальной валюте снова стало невыгодно, надо снова «убегать в доллары». Если надо снова «убегать в доллары», значит, курс доллара резко растет. Что это значит? Это значит, что теряют привлекательность те ценные бумаги, о которых столь гордо говорил министр финансов. Так какой же умник будет вкладывать в облигации федерального сберегательного займа или в государственные казначейские обязательства?!

Мы как-то очень быстро забыли ситуацию января 1995 г., когда у нас процентная ставка по ГКО доходила до 400% годовых. Что, мы по этим процентным ставкам тогда будем обслуживать собственный государственный долг? Тогда надо понять, что, если уж мы встали на этот путь и если у нас поток долларов, подкрепляющий рынок ГКО, иссяк и пошел обратный поток, значит, мы должны забыть о тех 50 трлн дополнительных рублей от размещения государственных займов, которые предложены в бюджете в варианте фракции «Яблоко». Тогда эти доходы в принципе невозможно мобилизовать, если, конечно, не втягиваться в абсолютно саморазрушительную финансовую пирамиду. Если они выпадают, тогда их нужно замещать, либо сокращать дефицит бюджета, чего, по моему, в предложениях нет, либо замещать их дополнительными эмиссионными кредитами, т. е. получается уже не 30 трлн, а где-то 80 трлн эмиссионных кредитов Центрального банка для финансирования дефицита бюджета. Значит, рост чистых внутренних активов уже не на 50%, а в 2,2 раза. Ну тогда, простите меня, откуда 3%-я инфляция? Мы с вами боремся с тем, что у нас инфляция недооценена, при том что, скажем, продолжается эта инерционная политика. И она, конечно, не будет составлять 1,2%. Но если мы реализуем эти предложения, то правительство оказывается строго в том же положении. Мы заложили 3%-ю инфляцию, но, как там ни крутись, меньше чем 8–10% в год просто не получается. Значит, все то же самое: снова недооцененные доходы бюджета, снова в связи

с этим возможность получения крупных сверхплановых доходов и произвольного распоряжения ими.

В связи с этим мы считаем, что в рамках согласительных процедур категорически исключен отказ от того, к чему с трудом пришли в 1995 г., от того, что сегодня дает какие-то шансы на поворот потока капитала, — от неэмиссионного финансирования дефицита бюджета.

Второе. Я абсолютно согласен с озабоченностью (которая звучала здесь в словах нашего председателя Счетной палаты) стоимостью обслуживания внутреннего государственного долга и угрозами, связанными с его быстрым дальнейшим ростом. Это действительно опасно, особенно учитывая сохраняющиеся высокие инфляционные ожидания и высокую реальную процентную ставку. Но надо тогда понять, что если самоубийственным был бы возврат к эмиссионному кредитованию дефицита бюджета, то не менее самоубийственными были бы предложения по дальнейшему увеличению дефицита бюджета, который и так, на наш взгляд, заложен в бюджет на недопустимо высоком уровне.

Вот эти две позиции, на наш взгляд, должны быть обязательно учтены для того, чтобы мы своими руками не развалили бюджет на 1996 г.

< Большевицкий реванш не состоится никогда! >

*Выступление на съезде кандидатов в депутаты
Государственной думы от избирательного блока
«ДВР — Объединенные демократы». Москва*

11 ноября 1995 г.

Источник: ЦАОДМ, ф. 8716, оп. 1, д. 47.

Е.Т. Гайдар:

Дорогие друзья!

Мы идем на выборы¹ с хорошо проработанной платформой, с пакетом конкретных законопроектов. То, что мы собираемся делать в следующей Государственной думе, — это не декларации, это конкретно проработанные программы и документы. Мои коллеги немного подробнее расскажут.

Сегодня не хочу говорить о технических деталях, частностях и, честно говоря, об экономике. На предстоящих выборах решается вопрос о будущем России и поэтому хочу сказать о том, в чем вижу суть предстоящего выбора, в чем вижу суть национальных интересов народов России, государственных интересов России.

Коммунистический режим оставил нам в наследство не только разбазаренные ресурсы (нефть Самотлора), не только вывезенный золотой запас, не только растраниженные валютные резервы, не только 108 млрд долл. внешнего долга Советского Союза, он оставил нам в наследство изувеченную экономику и изувеченное общество. Надо понять, общество сегодня тяжело больно. Мы с трудом выпрыгнули с третьего этажа горящего дома. Да, спаслись, но тяжело поранились. Нам больно. Сегодня очень легко себя убаю-

¹ Выборы в Государственную думу второго созыва, назначенные на 17 декабря 1995 г. — Прим. ред.

кать. Да, когда приезжаешь в Вологду и видишь в магазине 12 сортов колбасы в голодной Вологде, очень приятно за то, что сделано. Когда летаешь по всей стране и видишь всероссийскую стройку, отнюдь не только стройку сверхбогатых, тоже приятно за то, что сделано. Когда знаешь, что в Москве парк автомобилей увеличился в 3 раза за последние три года, это отнюдь не 2 млн только сверхбогачей купили, тоже есть чем гордиться. Вместе с тем мы не должны себя убаюкивать. Обществу очень больно. Оно привыкло жить совершенно по другим законам. Мы получили в наследство сверхмилитаризованную экономику, традицию неуважения к частной собственности, нелегитимность частной собственности, страшно неэффективное и коррумпированное государство. Мы получили в наследство государство, в котором частная собственность и власть слиты, и поэтому успех любого дела в колоссальной степени зависит от взяток, данных чиновнику, а не только от умения организовать это дело эффективно.

Обществу больно, нам больно. И здесь люди, которые почему-то называют себя российскими патриотами, которые, собственно, изувечили российское общество, начинают с садистским сладострастием ковырять в свежих ранах ржавым гвоздем, с тем чтобы заставить это больное общество решиться на самоубийственный прыжок назад. Вот суть того, что они делают сегодня.

По существу, наша программа — это программа комплексного оздоровления российского общества, терапии его наиболее серьезных, наиболее глубоких болячек. К сожалению, лечить их нам придется отнюдь не месяцы, а годы.

Стержневые моменты, что в первую очередь необходимо сделать. Самая острая, самая главная проблема сегодня — это вот эта слитая с властью собственность. Именно она питает коррупцию. Рынок — это гениальное изобретение человечества. Он прекрасно работает на благосостояние общества. Это показал XX в. Его не заменить в этой роли. Но рынок работает так только при одной абсолютно необходимой предпосылке — если успех в деле зависит от твоей способности выпускать качественную продукцию, снижать затраты, выходить на новые рынки, обеспечивать внедрение достижений научно-технического прогресса. Тогда рынок — это блестящий, созидающий механизм. А что происходит, если успех твоего дела зависит не от этого, а от того, дали ли тебе даровые

деньги из бюджета, льготные кредиты, налоговые льготы, тогда весь рынок становится извращенным, номенклатурным, искаженным. Тогда успех моего дела зависит не от эффективности производства, а от связей в органах власти. Тогда я буду думать не о том, как повысить эффективность, а о том, как научиться давать взятки чиновнику. Тогда главные инвестиции в экономике — это бюрократические инвестиции, тогда рынок работает не на экономический рост, а на рост социальной дифференциации, на расслоение общества, на социальный конфликт.

Нам говорят: рынок сегодня плох, государство коррумпировано, давайте ужесточать государственное регулирование. Вот суть предложений наших оппонентов. Больше всего это напоминает мне агрономический прием, который называется пустить козла в огород. (Аплодисменты.) Суть нашей программы, суть тех законов, с которыми мы идем на выборы, суть предложений по реформе российской государственности предельно проста — четко отделить собственность и власть, добиться равенства условий игры, добиться, чтобы рынок начал работать на благосостояние народа, добиться того, чтобы чиновник не имел права распределять и делить по усмотрению, чтобы закон, а не чиновник решал, как расходуется каждая государственная копейка. Вот, если говорить по существу, смысл наших предложений, суть того, с чем мы идем на выборы. (Аплодисменты.)

Реформа государственного управления, позволяющая сделать наше государство менее коррумпированным. Налоговая реформа, которая позволит сделать производственные капитальные вложения разумными и возможными в России, которая заделает те дырки, которые сегодня есть в налоговой системе — системе, которая позволяет на законных основаниях уклоняться от уплаты налогов тем, кто не хочет их платить, и заставляет взваливать все налоговое бремя на честных.

Меры по защите частной собственности, которые создадут базу частных капитальных вложений, российских частных капитальных вложений в российскую экономику. Изменение бюджетных приоритетов от бездарно растаскиваемых дотаций — <перевод их > на социальную сферу, поддержку малообеспеченных, науки, культуры, образования. Вот основные, стержневые моменты того, что мы хотим сделать в Российском государстве в ближайшие годы. Попро-

сту говоря, мы хотим включить механизм экономического роста, мы хотим добиться того, чтобы экономика на базе разумной налоговой системы, стабильной, крепкой национальной валюты, на базе рыночных стимулов пошла в рост и чтобы результаты этого роста в первую очередь были направлены на решение социальных проблем, на поддержку российской науки, культуры, образования. Вот стержень, стержневая идея нашей предвыборной платформы.

Убежден, национальные интересы России не в том, чтобы соревноваться с США по количеству ядерных боеголовок. Они в том, чтобы наконец начать соревноваться с развитыми рыночными демократиями по продолжительности жизни нашего населения.

Наша задача не в том, чтобы копать больше канав, чем копают их во всем остальном мире, а в том, чтобы тратить на культуру большую долю государственного бюджета, чем тратит любая другая страна мира. (Аплодисменты.) Убежден, наша задача не в том, чтобы, ошестившись колючей проволокой, попытаться вновь отгородиться от Европы, а в том, чтобы решить историческую, многовековую задачу России — вернуться обратно в наш европейский дом, вернуться равноправным партнером, а не незванным гостем. Вот это реальные национальные интересы России. (Аплодисменты.)

Наша стратегия воплощена в конкретных законах, конкретных программах. Именно это дает нам сегодня базу для взаимодействия, именно это дает основу возможных коалиций в процессе выборов в Государственную думу, в самой Государственной думе в процессе подготовки к предстоящим президентским выборам. Мы будем определять наши союзы и формировать их исходя не из личных амбиций и личных пристрастий, не из того, кто кому нравится, не на основе беспринципной дележки в органах исполнительной власти, мы будем формировать эти союзы для того, чтобы реализовать те реформы, которые, на наш взгляд, жизненно необходимы России. (Аплодисменты.)

Суть выбора, перед которым сегодня стоит Россия, предельно проста: какую страну мы хотим иметь в начале XXI в.? Нищую, но сверхмилитаризованную, закрытую, боящуюся всего мира и своих соседей и вместе с тем пугающую весь мир и всех своих соседей или Россию свободную, Россию открытую, Россию процветающую, Россию, которая внушает уважение миру не своим военным

потенциалом, а огромным вкладом в мировую культуру, своим быстрым экономическим ростом, своими социально-экономическими успехами? Вот суть той альтернативы, перед которой стоит сегодня наше общество.

Сегодня очень многие начали бежать с демократического корабля. Те, кто в 1993 г. говорили, что угроза тоталитарного реванша — выдумка «Выбора России», она невозможна, сегодня первые в панике брызнули с корабля российской демократии. И ведь опять рискуют серьезно просчитаться в своей трусости. Именно сегодня, когда угроза большевистского реванша начинает восприниматься как реальность, у нас появилась возможность разбудить молчаливое большинство тех, кто, может быть, не очень интересуется текущими перипетиями российской политики, но кто очень хорошо знает, что не хочет новой полосы смут и авантюр. Сегодня, если мы сумеем привести их на выборы, а их, действительно разумных, рассудительных людей, в России большинство, этот большевистский реванш, триумф национал-коммунизма в России не состоится ни сегодня, никогда. (Аплодисменты.)

Россия не обречена демонстрировать чудо нищеты в богатейшей стране. Мы должны дать ей шанс. (Аплодисменты.) Это зависит только от нас с вами. Еще не вечер, господа, еще не вечер! (Аплодисменты.)

Беседы с избирателями

Публикуется по тексту брошюры: Гайдар Е.Т. Беседы с избирателями. «Демократический выбор России». М.: Евразия, 1995.

Ниже представлено содержание брошюры, в обобщенной форме отвечавшей на вопросы, заданные Е.Т. Гайдару во время встреч в поездках по стране в период избирательной кампании 1995 г. Из этих встреч и бесед стало ясно, что, будь то на севере или юге России, на западе или востоке, вопросы волнуют людей всюду одни и те же. Возникла идея систематизировать ответы и предложить ознакомиться с ними всем избирателям, которые хотят разобраться в сложившейся ситуации в стране, которых волнует будущее России. — Прим. ред.

Моя политическая карьера началась очень просто — утром 19 августа меня разбудила жена, сказав, что у нас переворот. Горбачев арестован. С этого момента совершенно неожиданно для себя я, академический человек, доктор экономических наук, директор Института экономической политики АН и АНХ СССР, сознательно ни в какую политику не лезший, был в нее втянут, потому что надо было принимать решение, не допустить, чтобы власть взяли опасные авантюристы.

В нашем молодом институте был лозунг: «Мы политикой не занимаемся, мы ее изучаем». Хотя время от времени к нам обращались за советом и союзные, и российские власти, мы слишком хорошо видели, что в 1990–1991 гг. им было совсем не до экономики. А писать впустую программы, которые никто не собирался всерьез реализовывать, не хотелось. Но 19 августа стало ясно: пришло время, когда попытка отсидеться в стороне просто недостойна уважающих себя людей. Проведя короткое последнее собрание партийной организации, мы приняли решение о ее расформировании в

связи с выходом из партии всех ее членов и отправились к Белому дому.

Только спустя много времени я понял: придя в политику, взяв на себя ответственность за страну, потом очень трудно от этой ответственности освободиться. Борьба за реализацию тех целей, которые поставил, солидарность с соратниками диктуют свою жесткую логику поступков.

РЕФОРМЫ ЭКОНОМИКИ, МОДЕЛИ РЕФОРМ

В 1991 г. старая система не могла работать без устойчивого политического контроля за всей территорией страны, без достаточно целостной иерархии. И перед нами в условиях максимально острого кризиса стояла задача выработки программы реформирования российской экономики, экономики других государств, где социалистическая система хозяйствования развалилась. Проблема эта в научном отношении нетривиальная, потому что соответствующего опыта работы в подобного рода ситуациях не было. Этот вопрос стал предметом научных дискуссий специалистов, в рамках которых можно было приводить аргументы как за ту или другую модель, так и против. Но окончательный ответ могла дать только практика. Мы, допустим, считали, что после социализма все равно будут работать некие стандартные зависимости между денежной массой, процентной ставкой, нормой сбережения, валютным курсом, долей краткосрочных кредитов и т. д. А наши оппоненты, скажем, могли считать, что экономика настолько структурно деформирована, что все эти зависимости работать не будут, а будут работать совсем другие, нам неизвестные.

За три с лишним года бывшие социалистические страны прошли тяжелый путь, перепробовали разные модели. Сейчас накоплен огромный статистический материал и часть дискутируемых ранее теоретических вопросов оказалась решенной эмпирически. Известный английский экономист Р. Лейард выпустил недавно учебник для университетов «Макроэкономика», в котором весь иллюстративный материал статистически подобран на опыте России¹.

¹ Издано в переводе на русский язык: *Лейард Р. Макроэкономика: Курс лекций для российских читателей.* М.: Джон Уайли энд санз, 1994. — *Прим. ред.*

Таким образом, многие вопросы, которые еще три года назад были темой для сложной интеллектуальной дискуссии, ныне стали просто предметом изучения студентов соответствующих специальностей, так как ответы на них уже даны историей, даны четко.

Нами исходя из нашего понимания экономики в 1991 г. была предложена трехлетняя программа стабилизации российской экономики на базе рынка. Она предполагала три этапа. Первый этап, первый год — открытый рынок, ликвидация дефицита, очередей, конвертируемая национальная валюта¹. Второй этап — остановка инфляции, стабильный валютный курс. Третий этап — начало экономического роста на основе частных сбережений, частных инвестиций. По этому пути попытались пойти мы, попытались идти еще несколько стран, живших раньше по той же модели, что и мы.

В России, как вы знаете, нам история отпустила вместо трех лет всего 11 месяцев для проведения той политики, которую мы выработали. В первый год нам действительно удалось ликвидировать дефицит, карточки, очереди, сделать валюту конвертируемой. Но после первого года политика сломалась, стала политикой колеблющейся, постоянно компромиссной. И как следствие не были решены задачи остановки инфляции, стабилизации курса, все деньги пускали в спекуляции на валютной бирже или обращали в торгово-закупочно-импортные; не пошли деньги в промышленность — и промышленность продолжала падать. Поэтому хотя сегодня в России действительно еще есть свободный рынок, конвертируемая валюта, отсутствует дефицит, но нет ни экономического роста, ни благосостояния, ни стабильных цен.

Сегодня у нас за плечами опыт более трех лет реформ в России, у нас есть также опыт свыше двух десятков стран, которые выходили из социализма. В них сменились десятки правительств. Они проводили разные виды экономической политики. Накоплены массивы данных: у кого какие результаты сопутствовали той или другой политике. Сегодня мы уже не строим гипотез, а знаем, что действует и что не действует, что с чем связано и какие результаты сопровождают каждое политическое решение. Опыт, и положительный, и

¹ Имеется в виду внутренняя конвертируемость (или обратимость) — когда население имеет возможность обменивать свои деньги на валюту по некоему устанавливаемому государством валютному курсу, использовать его в экспортно-импортных операциях. — *Прим. ред.*

иногда горький, позволяет нам сегодня увидеть, какие виды экономической политики привели к каким результатам. Условно можно выделить три группы стран.

В первой группе стран к рычагам управления призвали, как правило, молодых экономистов-рыночников, которые начали реализацию достаточно радикальных экономических преобразований, того, что получило неправильное название «шоковая терапия». В этих странах были быстро разморожены цены, быстро унифицирован валютный курс, быстро введена внутренняя конвертируемость национальной валюты, либерализована внешнеэкономическая деятельность, ликвидированы фонды и лимиты, начался процесс достаточно глубокой приватизации национальной экономики.

Во второй группе рычаги управления остались у опытных хозяйственников, как правило, красных директоров предшествующего периода. Здесь население запугивали ужасами шоковой терапии, вели политику постепенного, медленного вхождения в рынок, пытались долго сохранять контроль цен, очень много говорили о поддержке производства, выделяли дотации, субсидии, льготные кредиты, неоднократно пополняли оборотные средства, проводили зачеты взаимной задолженности, очень осторожно подходили к приватизации и практически не начинали ее вовсе, довольно долго сохраняли фонды и лимиты, долго не решались подойти к конвертируемости валюты.

Наконец, третья группа стран, где были начаты радикальные преобразования, но по комплексу причин они не получили достаточной политической поддержки, реформы замедлились. И эти страны оказались как бы зависшими между двумя полюсами — между радикальными реформаторами и так называемыми хозяйственниками.

Опыт показал, что там, где были созданы политические предпосылки, где курс был изменен на протяжении короткого времени, получилось примерно одно и то же. Возьмем Эстонию. Первый год — полные прилавки, второй год — остановка инфляции, стабильная национальная валюта, третий год — начало экономического роста на основе частных сбережений, частных инвестиций. То же самое в Латвии, Чехии, Словакии, Польше.

Во второй группе стран, где пытались реализовать то, к чему сегодня каждый день призывают такие газеты, как «Правда», «Со-

ветская Россия», к осени 1994 г., когда тупик такой политики был в значительной мере осознан национальными политическими элитами, характерными показателями экономики стали нарастающий экономический развал, быстро углубляющееся падение производства, средняя зарплата в несколько раз ниже скудной российской, полная зависимость экономической жизни от продолжения бесплатной поставки из России энергоносителей. Я имею в виду Казахстан, Украину, Белоруссию, Узбекистан.

Опыт выявил и общие для всех закономерности, например, что падение производства в первые два постсоциалистических года абсолютно задано и не зависит от проводимой экономической политики. И в первой, и во второй группе производство первые два года падает, и довольно резко. Это сказываются издержки социалистической экономики. А вот с третьего года ситуация радикально меняется. В первой группе стран наблюдается довольно динамичный экономический рост. Во второй — ускоряющееся падение производства. Маленькая ли это страна или большая, богатая или бедная ресурсами, входила ли она ранее в состав СССР или не входила — не это оказало влияние на конечный результат.

Наглядный пример — сопоставление Албании и Белоруссии. Албания являлась самой нищей страной Европы. Белоруссия была витриной Советского Союза. Если бы кто-то три-четыре года назад сказал, что средняя заработная плата в долларовом выражении в 1994 г. в Албании будет в 3 раза выше, чем в Белоруссии, ему бы никто не поверил. И тем не менее это так, потому что Албания все это время достаточно устойчиво шла по пути рыночных реформ, а Белоруссия колебалась, металась, сохраняла старую номенклатуру и в полной мере развалила свою экономику. Поэтому сегодня албанская экономика растет на 7% в год, а белорусская — падает на 26%.

Получается, что экономика растет везде, где к власти пришли жесткие монетаристы, не желавшие поддерживать производство. И она падает везде, где у власти остались те, кто больше всего говорит о поддержке производства, о льготных условиях для предприятий.

Когда говорят, что Гайдар не осознает необходимости роста производства, а заикнулся на остановке инфляции, на остановке роста цен, финансовой стабилизации, то просто не понимают одной элементарной вещи, что в условиях рыночной экономики стабиль-

ные национальные деньги — это стартер к экономическому росту. Если его вынешь, сколько угодно бензина наливавай, сколько угодно нажимай на газ, все равно машина никуда не поедет.

В связи с этим главная, принципиальная проблема сегодня — это не проблема выработки какой-то необычной, новой экономической стратегии. Ясно, что надо делать сегодня в экономике, и ясно, как делать. Вопрос в том, удастся ли нам мобилизовать политическую волю, политическую поддержку для этого курса.

Сейчас уже мало кто помнит, что реформы в России были существенно заторможены после первого же полугодия. А в декабре 1992 г. именно коалиция коммунистов и аграриев добилась своей стратегической победы — устранения правительства реформ, привела к власти наше нынешнее правительство. Тем самым она прервала движение к рынку, экономическому росту, тем самым она парализовала даже имевшиеся возможности повышения благосостояния и роста заработной платы. И тем не менее они как бы ни за что не отвечают, во всем у них демократы и реформаторы виноваты.

ПАТРИОТИЗМ

Конечно, я патриот. Я убежден, что то, что мы делаем, нужно России. Я убежден, что у России нет другого пути в нормальное завтра. Я готов неустанно доказывать, что любые попытки увести Россию на другой путь приведут к тупику, к пропасти. Это подтверждено опытом мирового развития, это прослеживается на истории экономического развития самой России. Я абсолютно убежден, что те люди, которые хотят видеть Россию закрытой, окуклившейся, просто исполнены чувства национальной недостаточности, национальной ущемленности. Они не верят в потенциал русского народа, не верят, что русский народ может на равных конкурировать с другими народами мира, они думают, видимо, что он ущербный. Я так не думаю. Я думаю, что у нас прекрасный, очень талантливый народ. Я считаю, что русская культура абсолютно не нуждается в покровительственном, снисходительном к ней отношении. Я убежден, что она будет мировой культурой в XXI в., как она была мировой культурой и в XIX, и в XX вв.

ОТСТАВКА

В 1992 г., по моему глубокому убеждению, страшной проблемой России было двоевластие, потому что никто не мог сказать, а кто, собственно, что решает. Где кончается прерогатива правительства, где начинается прерогатива Верховного Совета, где кончается прерогатива Федерации, где начинается прерогатива регионов? И это было очень опасно, потому что из-за этого буквально каждый день я видел, как разваливается российская государственность. Когда даже милиция и прокуратура не ловят преступников, а занимаются политической борьбой друг с другом, потому что одна структура подчинена президенту, а другая — Верховному Совету.

В декабре 1992 г. я ушел со своего поста именно потому, что мы пытались найти компромисс с оппозицией — Верховным Советом, позволяющий бесконфликтно, без крови разрешить этот кризис двоевластия. Тогда мы пошли на так называемое конституционное соглашение. Президент поменял правительство, зато Верховный Совет, Съезд дали согласие на референдум по новой Конституции. Потом об этом согласии, естественно, «забыли».

ЧЕЧЕНСКИЙ КОНФЛИКТ

Советский Союз реально уже в 1991 г. развалился не на 15, а на 16 частей, потому что осенью 1991 г. Чечня де-факто обрела самостоятельность. Один из регионов России фактически от нее откололся, и контроль федеральных органов над его территорией был полностью утрачен. Есть множество объяснений, почему именно Чечня, а не один из других 89 регионов России пошел тогда по такому пути. Связаны они и с трагической историей предшествующих депортаций чеченцев, и с национальными традициями, и со спецификой экономического положения республики, дававшей, казалось, ее лидерам надежду на то, что нефтедобыча и нефтеперерабатывающая промышленность послужат надежной основой самостоятельности.

Чечня — неотъемлемая часть России. В тот момент ни одно российское правительство не согласилось бы на признание ее независимости. Тогда перед нами стояла другая принципиальная проблема — какими методами добиваться интеграции Чечни обратно

в российскую структуру? Как не допустить того, чтобы другие регионы России последовали ее примеру? Что необходимо сделать, чтобы начали преобладать интеграционные процессы на всей территории бывшего Советского Союза?

Были и в то время попытки решать эту проблему силой. К чему это привело? В начале ноября 1991 г. был издан Указ о введении чрезвычайного положения на территории Чечни. Через несколько дней позорный провал этой авантюры обозначился в полной мере. Верховный Совет был вынужден отменить Указ о введении чрезвычайного положения. Я считал, что иллюзии относительно возможности силой удержать регионы в составе России после этой неудачной акции должны были исчезнуть.

Единственным способом сохранения целостности России было создание предпосылок для возвращения Чечни в конституционное поле нашей страны. Для этого, как и для развития интеграционных процессов на территории бывшего Советского Союза, необходимо было обеспечить работу рыночной экономики в России.

К началу 1994 г. ситуация в Чечне выглядела плачевно. Экономика в развале. Нефтеперерабатывающий завод, на который столь понадеялись, работает на 15% мощности, нефтяные месторождения в тяжелейшем состоянии, пенсии не выплачиваются, уровень жизни низкий. Стало ясно, что чеченская экономика не способна нормально функционировать вне российской экономики. В результате Чечня стала чем-то вроде пугала для других регионов, подумывающих об отделении от России.

Именно в это время явно обозначился кризис режима Джохара Дудаева. От него начали отходить ближайшие сподвижники, он стал терять контроль то над одним районом Чечни, то над другим. В Москву потянулась вереница эмиссаров от различных оппозиционных, полуоппозиционных и официальных кругов с предложением сесть за стол переговоров и наладить отношения с Россией. Было очевидно, что продолжения политики экономического и политического давления в сочетании с конструктивными переговорами может быть достаточно для того, чтобы спокойно, неторопливо, недраматично, но неуклонно добиться интеграции Чечни в российское конституционное поле. Этот вариант мы отстаивали, именно его я предлагал. Абсолютно убежден, что при наличии

политической воли, элементарного умения его можно было реализовать.

Возможно, предельная слабость Д. Дудаева послужила провокацией. Раз он так слаб, то зачем переговоры? Давайте пошлем туда один воздушно-десантный полк и за два часа наведем порядок¹. Это будет гораздо более драматично, эффектно, даст сильные аргументы в пользу дееспособности российской государственности. На мой взгляд, корни принципиальной ошибки были именно в том, что вместо стратегии экономического, политического давления, с одной стороны, и стимулов, связанных с интеграцией в российскую экономику, — с другой, была избрана заведомо проигрышная в национальных конфликтах стратегия силы. Если кто и выиграл от этого, то только Д. Дудаев. Из обанкротившегося политика, теряющего контроль над территорией, он в одночасье превратился в народного героя. Силы его возросли не на проценты, а на порядок.

Предвидя такой исход, мы все время пытались отговорить от этой авантюры. Мы сначала использовали все методы негласного воздействия на власть. Когда же я понял, что речь идет о вводе войск, было созвано экстренное заседание Политсовета партии. Мы выступили с обращением к президенту, правительству с призывом не делать этого, надеясь убедить повернуть на путь здравого смысла. Нас не захотели услышать. На следующий день войска были введены. Я писал записки президенту. 16 декабря он предложил сесть за стол переговоров и почти сразу же предъявил новый ультиматум, предписывая Дудаеву явиться в Моздок для подписания документов о сдаче оружия.

Ясно, что сегодня нам выпутаться из создавшегося положения уже труднее. Ну зачем надо было развязывать войну против своего народа, да еще в такое тяжелое для страны время, когда большинство живет в нищете?

Знаете, не бывает бандформирований, с которыми надо воевать, вводя отечественную армию, нанося многомесячные ракетно-бомбовые удары, организуя танковые штурмы и т. д. А если это все-таки так, значит, речь идет о вооруженном народе, но все партизанские войны XX в. показали, что есть только один надежный

¹ Имеется в виду высказывание тогдашнего министра обороны России П.С. Грачева (1948–2012) накануне начала первой чеченской войны, в ноябре 1994 г. — *Прим. ред.*

способ их выиграть — полностью уничтожить народ. Если мы не готовы — а я надеюсь, что не готовы, — идти по этому пути, то эта война может тянуться сколько угодно, она может тянуться десятилетиями. И все равно, раньше или позже, придется садиться за стол переговоров.

Если заранее настраиваться на неудачу, то можно и не садиться за переговоры. Именно этим, судя по всему, руководствовались российские власти на протяжении последних месяцев.

На мой взгляд, худшей из возможных неудач является война, и в международной политике это исключительное средство, а тем более в политике внутренней, когда речь идет о соотечественниках. Что может быть хуже гибели тысяч мирных граждан?

Да, бывает, что переговоры затягиваются надолго и к согласию удается прийти не сразу. Иногда это может длиться годами и даже десятилетиями. Россия и Япония до сих пор не могли окончательно договориться об урегулировании оставленного нынешним политикам в наследство вопроса о четырех Южно-Курильских островах. Можно было много раз сказать, что переговоры окончательно провалились. Но сегодня ни одному из ответственных политиков в России или Японии не придет в голову призывать к решению имеющихся разногласий силой. Последствия слишком очевидны. Именно потому, что не льется кровь, переговоры не прервались. Они будут продолжаться, будут трудными, может быть, займут многие годы. В ход будут идти аргументы экономического и политического давления на партнера, но надеюсь, что никогда не будут использованы ракетно-бомбовые удары. Позиция, занятая российским руководством в чеченском конфликте, когда призывы к переговорам и в декабре, и в январе оборачивались требованием безоговорочной капитуляции, могла иметь один результат — войну.

Наша фракция не готова признать независимость Чечни. Мы вообще считаем, что этот вопрос не должен быть сегодня стержневым на переговорах. Можно и нужно договариваться о прекращении огня, обмене пленными, помощи раненым, захоронении убитых, создании коридоров для гуманитарной помощи, о восстановлении продовольственного снабжения, о том, как создать предпосылки для нормализации обстановки, как избежать неkoordinированного движения Вооруженных сил и открытия огня, как создать контрольные комиссии. Речь должна идти о шагах, позво-

ляющих снизить уровень противостояния, о том, как с течением времени создать предпосылки для свободных и справедливых выборов в Чечне. Об этом можно и нужно разговаривать с теми, кто может прекратить кровопролитие. А значит — с Дудаевым и его людьми. Говорят, что с бандитами нельзя садиться за стол переговоров. Еще как можно!

Переговоры ведут даже с террористами, захватившими заложников. Израильские политики нашли в себе мужество и вышли на путь, еще очень тяжелый и ненадежный, но все-таки путь к миру.

Британские органы власти осознали необходимость сесть за стол переговоров с террористами из Ирландской республиканской армии, иначе нельзя было стабилизировать обстановку в Северной Ирландии.

На Дудаеве лежит огромная ответственность за ту беду, к которой он привел Чечню. Тем не менее именно с ним придется разговаривать, чтобы перестала литься кровь, поскольку российские власти не признают Дудаева законным президентом Чечни, то и вопрос о статусе Чечни обсуждать с ним совершенно бессмысленно. Об этом можно и нужно будет вести переговоры после того, как в Чечне пройдут свободные выборы и появятся легитимные органы власти. Убежден: лучше долгие и трудные переговоры, чем долгая и трудная война.

Сейчас идет активный поиск того, кто виноват. Было несколько кандидатов — О. Попцов, потому что он неправильно информирует, С. Ковалев, потому что неправильно борется за права человека, Е. Гайдар, потому что много говорит о Чечне.

Что сделал «Выбор России» для предотвращения сложившейся ситуации в Чечне?

Мы внесли в Думу три существенные законодательные инициативы, суть которых была в том, чтобы убрать любые легальные основания для продолжения чеченской войны.

Первая — поправки к Закону об обороне, которыми мы пытались прямо запретить использование Вооруженных сил на территории России без введения военного и чрезвычайного положения.

Вторая — поправки к Закону о бюджете на первый квартал, где мы предлагали прямо запретить финансирование военных действий в Чечне без введения чрезвычайного положения.

И наконец, третья — Закон о гласности, согласно которому военное командование обязано публиковать немедленно списки раненых и пропавших без вести.

Я, честно говоря, ожидал, что нам предстоит непростая борьба за первый и второй законы, знал, что их не поддержат жириновцы, есть угроза, что их не поддержат коммунисты и аграрии. Но был убежден, что уж третий-то закон — Закон о гласности — пройдет. И мне было удивительно, как коммунисты, ЛДПР и аграрии проголосовали против закона, который делает обязательной информацию для матерей о том, жив их сын или нет, ранен или пропал без вести... Я считаю абсолютно аморальной позицию голосовавших против принятия этого закона. Мы будем добиваться его принятия. И очень надеюсь, что избиратели в данном случае нам помогут.

Теперь о моей личной ответственности за ситуацию в Чечне. Вопросы передвижения Вооруженных сил и распоряжения вооружением никогда не входили в сферу моей компетенции, в том числе в то время, когда оружие было передано Дудаеву. Это находилось в сфере компетенции двух президентов — Советского Союза и России, М. Горбачева и Б. Ельцина, двух министров обороны — Е. Шапошникова и П. Грачева, а также заместителей министра обороны, которые занимались этим вопросом. Я не имел никаких полномочий, прав, обязанностей и возможностей давать указания о том, что делать с вооружением. Правительство не имело никакого административного отношения к этому достаточно закрытому вопросу, который никогда не выносился на правительство и не обсуждался.

Должен заметить, что в России всегда было два правительства — правительство хозяйственно-экономическое и правительство военно-политическое. Так было при царе, так было при большевиках, так было при демократах. Военно-политическое возглавлял царь, генеральный секретарь, президент (он же главнокомандующий, по всем военным вопросам напрямую взаимодействует с министром обороны). Во главе правительства хозяйственно-экономического — премьер. Премьер никогда в России не дает указания по перемещению войск, распоряжению оружием и т. д. К нему Министерство обороны входит лишь по нескольким вопросам, из которых главным является финансирование.

Я не являюсь идейным противником применения государством силы. Убежден, иногда это бывает необходимо. Когда под прикрытием прошедших у патриарха переговоров начался вооруженный мятеж с участием нацистов, штурм мэрии, рекой полилась кровь у «Останкино», был убежден: государство обязано применить минимально необходимую силу, чтобы в зародыше остановить гражданскую войну.

Если бы у меня были хоть какие-нибудь основания надеяться, что Дудаев и его гвардейцы от 12 выпущенных по президентскому дворцу болванок разбегутся, я, по меньшей мере, был бы готов обсуждать целесообразность применения силы для стабилизации положения в Чечне.

Теперь о корнях этой войны. Я уверен: вопрос о Чечне решили сами россияне, когда 12 декабря 1993 г. отдавали свои голоса за людей, которые предлагали поход на юг. Вот вам поход на юг. Что хотели — то и получили. Я хорошо знаю, как принимали решения после подведения итогов этого голосования.

Я говорил, пытался убедить в этом Б.Н. Ельцина, что итоги выборов — это наглядное свидетельство того, что нельзя больше колебаться в реформах, что надо решительно и быстро идти вперед по пути преобразований. Только так можно реально дать понять россиянам, что в их интересах на следующих выборах голосовать за тех, кто предлагает путь преобразований, а не за тех, кто призывает бряцать оружием.

А другие советники говорили: да что вы! посмотрите, россиянам просто наплевать на эту демократию, на все эти права человека, им нужна более жесткая власть, им нужна более дерзкая политика, как можно больше демонстрации силы и т. д. Возобладание этой тенденции и привело к такому решению чеченского вопроса.

РЕФОРМА АРМИИ

Необходимость военной реформы, обусловленной изменившимися внутривнутриполитическими и экономическими условиями, изменившейся геополитической обстановкой в мире, резко усилилась в связи с наметившейся милитаризацией страны, многочисленными нарушениями основных прав человека на военной службе

и ограниченными возможностями федерального бюджета по финансированию.

В Чечне перед армией были поставлены не свойственные ей задачи. Любая армия, тем более армия демократического государства, не создается для участия в гражданской войне, для ведения боевых действий на своей территории, против своего народа. Это страшное испытание для любой армии. И наша не стала исключением.

Вместе с тем эта операция выявила поразительную некомпетентность ряда представителей высшего военного руководства. Начиная с 1992 г. мы неоднократно говорили о необходимости серьезной реформы в армии. Тот факт, что к ней так и не приступили, что после 1993 г. даже разговоры на эту тему как бы «вышли из моды», породил сегодня глубокие стратегические проблемы обороноспособности и экономики России.

Армия, которую мы имели в Советском Союзе, могла существовать только в условиях тоталитарного политического контроля и командной экономики, когда общество было вынуждено половину своих ресурсов направлять на военные нужды.

Почти каждый второй рубль наших налогов в 1994 г. уходил на финансирование только Вооруженных сил, и это без милиции, без внутренних войск, без пограничников, без ФСК, без всяких других военизированных структур — только на содержание Министерства обороны. Но тем не менее армия недофинансирована, Министерство обороны не расплачивается по военному заказу, не может выполнить обязательства по социальной защите военнослужащих. При этом армия продолжает требовать почти половину всех доходов, поступающих в федеральный бюджет. Эта огромная нагрузка тянет вниз российскую экономику, она не может подняться, а следовательно, все более и более тяжелым становится бремя военных расходов.

Задачи, которые предстоит решить в военной области, выходят за рамки реформы армии или простого строительства Вооруженных сил.

Суть заключается в том, чтобы осуществить осмысленный переход от военной организации тоталитарного государства, ориентированного на военную конфронтацию с большинством развитых стран мира, и порядков на военной службе, попирающих досто-

инство личности военнослужащего, к военной организации правового демократического государства, обеспечивающего свою военную безопасность во взаимодействии с мировым сообществом, и военным порядкам, гарантирующим соблюдение основных прав человека.

Военная реформа призвана решить следующие задачи:

- создать систему государственно-политического контроля над военной сферой, соответствующей правовому государству;
- привести в соответствие потребности военных ведомств с возможностями федерального бюджета;
- создать профессиональную армию;
- изменить порядки в войсках, нарушающие основные права человека, ограничить единоначалие рамками законов и морали;
- выделить необходимую и перспективную часть военного производства и конверсировать избыточную часть производства;
- адаптировать мобилизационную подготовку промышленности к рыночной экономике.

Построение армии, адекватной нашим нынешним задачам и возможностям, нашему демографическому потенциалу, становится не просто задачей Вооруженных сил, а стратегической задачей развития России в целом. Абсолютно очевидно, что, если мы не сократим резко собственную армию, одновременно приведя количество генералов в соответствие с количеством призывников, перераспределив деньги на эффективное вооружение, на боевую подготовку, эта армия всегда будет давить нашу экономику, одновременно являясь источником серьезной опасности, так как будет недееспособна.

Если руководство страны справится с этой задачей, тогда есть шансы обеспечить рост экономического благосостояния и одновременно получить меньшую по объему, лишенную такого количества параллельных структур, но более боеспособную, социально защищенную армию. В этом суть той программы военной реформы, которую предлагает партия «Демократический выбор России».

Если мы не начнем военные реформы, никогда не будет денег на строительство жилья для военнослужащих. То, что Министерство обороны уходит от гражданского финансового контроля, приводит к тому, что большая часть денег идет не по назначению. За 1994 г.

примерно половина денег, направлявшихся на финансирование строительства жилья, была использована предельно неэффективно. Поэтому мы сейчас разработали и будем предлагать к принятию в Думе документ о порядке разработки военного бюджета.

Военно-промышленный комплекс сегодня переживает очень тяжелые проблемы в связи с резким сокращением оборонного заказа. Тем не менее ВПК выходит на некоторые новые рынки, осваивая гражданское производство. Скажем, наиболее активно, на мой взгляд, идет конверсия в судостроительной промышленности, где бывшие военные заводы быстро переориентируются на выпуск гражданской продукции. И довольно успешно началась конверсия в авиационной промышленности, где военные заводы переходят на выпуск нового поколения гражданских самолетов.

Вы знаете, лет десять ЦК КПСС пытался заставить оборонный сектор начать выпуск оборудования для нефтеперерабатывающей промышленности. И каждый раз находилась бездна объяснений, почему это сделать невозможно. Но как только резко сократилось производство вооружения, наши нефтяники оказались заваленными предложениями от наших военных машиностроителей, чтобы и то, и другое, и третье оборудование перестать закупать за границей, а начать делать у себя.

В целом я считаю, что потенциал возможностей конверсии оборонного комплекса очень велик, именно от реализации этих возможностей зависит потенциал России как технологической державы в конце этого века.

ИНТЕГРАЦИЯ

Развал СССР — серьезная трагедия для нашей страны. В марте 1991 г. я голосовал за сохранение Союза. Я начал работать в правительстве в ноябре 1991 г. Я видел, что представляет Союз после августовских событий. Не было никакого Союза. Была вывеска «Советский Союз», была вывеска «российская государственность». На самом деле был полный беспорядок, анархия государства, законы которого не выполняются ни на одной из территорий. Советский Союз прекратил существование 19 августа 1991 г. Это была трагедия, она на совести лидеров ГКЧП и М. Горбачева.

Процесс распада Советского Союза на протяжении 1990–1991 гг. начался с упадка армии, КПСС и КГБ, скреплявших его. Распад стал необратимым с принятием Резолюции о суверенитете Российской Федерации, за которую, кстати, голосовали все, включая коммунистов, продолжился подписанием Декларации о суверенитетах в автономиях и завершился, когда вместо подписания союзного договора мы получили 19 августа 1991 г. — попытку ввести ЧП.

Именно тогда со всей остротой встала стратегическая проблема: как обеспечить единство России, как добиться того, чтобы Россия не пошла по пути Советского Союза, как переломить инерцию распада и создать базу для экономической интеграции?

В целом я очень позитивно отношусь к идеям экономической интеграции с бывшими республиками Советского Союза. Я глубоко убежден, что это в интересах России и бывших республик. И больше того, я убежден, что если мы не развалим российскую экономику, а она будет идти по пути устойчивого развития, то такая экономика неизбежно породит мощный интеграционный процесс. Вспомним 1991 г., когда все республики думали о том, как бы отделиться друг от друга, чтобы построить собственный рынок. Сегодня же все прекрасно понимают, что доступ к российскому рынку — это привилегия. Я уверен, что тот путь к интеграции, который Европейское сообщество прошло за 40 лет, Россия может пройти за 3–4 года, но только в том случае, если мы не развалим наш собственный рынок.

Опыт последних пятидесяти лет окончательно подтвердил правоту Талейрана, сказавшего, что со штыками можно сделать многое, но на них нельзя сидеть. Все попытки урегулировать национальную проблему силой привели к полному провалу. Эффективная интеграционная работа всегда базировалась на прочной экономике, стабильной валюте, заинтересованности в общем деле. Ни одна попытка объединения Европы штыками и танками на протяжении последних двух веков не удавалась. Только общий рынок привел Европу к единству.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

В условиях России единственно приемлемой региональной политикой является политика реального федерализма. Пока мы имеем фактически унитарное государство, в рамках которого бюджет любого региона, находящегося за тысячу километров от Москвы, определяется на период в несколько месяцев путем переговоров между главой местной администрации и заместителем министра финансов России. Благополучие регионов зависит не столько от разумности экономической политики, сколько от отношений в московских коридорах власти.

Федерализм предполагает переход к такой структуре отношений, где четко закреплены доходные источники федерального и региональных бюджетов, сферы ответственности и механизмы финансовой поддержки. Первые шаги в этом направлении были сделаны в конце 1993-го и в начале 1994 г. К сожалению, многое по-прежнему осталось неразумным в схеме межрегиональной финансовой поддержки, которая была использована в 1994 г. Убежден, что только на путях согласования экономических интересов можно сохранить единство России. Попытки его укрепления с помощью военной силы заведомо бесперспективны. Надеюсь, что очень дорого доставшийся урок остановит российские органы власти от повторения подобных авантюр.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Я со всей серьезностью отношусь к проблеме прав национальных меньшинств в республиках бывшего Советского Союза, в том числе в тех, где у власти находятся бывшие коммунисты. Без всякого сомнения, необходимо направлять на решение этих проблем максимум усилий. Я рад, что наша дипломатия в последнее время в полный голос заявляет о существующих здесь противоречиях и расценивает это направление в своей деятельности как одно из главных. Убежден, что еще очень многое предстоит здесь сделать.

Однако язык ультиматумов в данном случае абсолютно неприемлем. Провокации, к которым нас иногда пытаются подтолкнуть, — это самое страшное, что сейчас можно сделать для людей,

которые действительно оказались не по своей вине и не по своей воле в очень непростом положении.

Мы рассматриваем проблему реализации прав лиц, принадлежащих к этническим, культурным и религиозным меньшинствам, через призму воплощения в каждодневную политическую практику общего основополагающего для современных цивилизованных отношений принципа недискриминации. Мы эту проблему видим как часть работы по защите прав человека.

В Российской Федерации имеются два наиболее общих типа национальных меньшинств. Одни из них имеют свои национально-территориальные или же национально-государственные образования, другие не имеют. При этом надо учитывать, что некоторые национальные меньшинства составляют абсолютное меньшинство населения внутри собственной национальной административной единицы. В других случаях большая часть меньшинства живет за пределами соответствующего административного образования. Наконец, в целом ряде автономий внутри России русские составляют меньшинство населения. И к ним должны применяться те же самые правила, что и по отношению к любому национальному меньшинству.

Мы считаем наиболее адекватными для России два типа политики в отношении этнических, языковых, культурных и религиозных меньшинств.

Во-первых, плюрализм, т. е. создание — как один из вариантов — специальной политической и (или) административной структуры или предоставление местной автономии в решении широкого круга вопросов тем районам, где компактно проживают группы меньшинств.

Во-вторых, интеграция, т. е. объединение различных групп общества и предоставление им путем специальных мер центральной и местной администрации возможности сохранить свои отличительные особенности.

Партия последовательно выступала и выступает за сохранение суверенитета, территориальной целостности и единства Российского государства.

В сфере межгосударственных отношений мы считаем, что было бы весьма опасно под предлогом защиты родственных групп, проживающих в соседних государствах, предпринимать действия, ко-

торые могли бы нанести ущерб единству и целостности той или иной сопредельной страны. Однако мы требуем, чтобы и в отношении русского меньшинства в странах нового зарубежья применялись нормы, разработанные и одобренные международным сообществом наций.

Я должен сказать, что считаю аморальной и отвратительной политику, которая очень серьезные проблемы прав национальных меньшинств, прежде всего русских и русскоязычных, делает картой в своей мелкой и суетной игре. Говоря высокие слова, выбравшие подобную позицию, по существу, делают из русских как бы пятую колонну, натравливают на них живущих рядом представителей других национальностей, превращают всех русскоязычных в заложников ради своих политических амбиций, ради сомнительной цели восстановления империи.

Доходы, инфляция

Я совершенно согласен с утверждениями о том, что разница между доходами богатых и бедных в России сегодня очень велика. Она велика, и она несовместима с социальной стабильностью. Задача сближения высокодоходных и низкодоходных групп населения стратегически важна. И в общем понятно, как ее можно решать и как ее решать нельзя. Самая безумная попытка решения проблем дифференциации доходов — это попытка решать ее, печатая необеспеченные деньги, потому что если чему-то опыт экономического развития и учит особенно жестко, так это тому, что инфляция всегда болезненнее всего бьет по бедным. Богатые всегда уходят от инфляции лучше бедных. Это общая закономерность. Поэтому если мы хотим (а мы хотим), чтобы эта грань начала сужаться, а не расти, то должны в первую очередь остановить рост цен. Это стержень нашей программы. Тогда любые социальные программы начинают становиться реальными, если они базируются на реальных ресурсах, а не на бумажных, которые обесцениваются с каждым оборотом печатного станка.

Государство не имеет права, ссылаясь на рынок, делать вид, что цены растут как-то сами собой. И главная задача государства сегодня — это не смотреть на инфляцию как на стихийное бедствие, а остановить рост цен. Могу вас заверить, что никаких загадок в том,

как остановить рост цен, не существует. Когда три года назад рыночная экономика была в новинку в России, можно было спорить о том, как она отреагирует на те или иные управленческие воздействия. Сейчас любой студент 4-го курса (если он хорошо учится, разумеется) может довольно подробно рассказать, что нужно сделать, чтобы остановить рост цен. Для этого необходимо остановить печатный станок, и тогда через шесть месяцев рост цен затормозится.

Вот такая связь между денежной массой и ценами сегодня в России. Кстати говоря, когда мы осенью 1993 г., приняв на себя целый ряд тяжелых решений, начиная от ликвидации хлебных субсидий и кончая ликвидацией импортных субсидий, резко остановили печатный станок, то через полгода действительно рост цен резко затормозился. Другое дело, что потом политика правительства сменилась. В.С. Черномырдин под давлением аграриев и коммунистов включил в бюджет 10 трлн пустых, дутых доходов, потом эти деньги напечатал, через несколько месяцев эти деньги выплеснулись у нас на рынок, приведя к тому, что в декабре 1994 г. рост цен превысил августовский в 4 раза.

Прожиточный минимум

Я считаю, социальная политика должна быть честной. Социальная политика — это в первую очередь бюджет, реальные деньги, которые вы выделяете. Наш главный аргумент против принятия закона о повышении минимальной заработной платы, который был выдвинут, очень простой: разработчики не показали ни одного расчета, за счет чего все это произойдет. Если таких расчетов нет, значит, это типичный, классический случай обмана. У нас бывает, когда всем пообещают, а потом говорят, что нет денег. Я считаю, что политика должна быть правдивой. Надо поддерживать социальную сферу. И надо перераспределять деньги (это как бы наше программное требование) с поддержки неэффективных предприятий на поддержку необеспеченных людей.

Реформа социальной поддержки — один из самых больных вопросов, который требует безотлагательного решения: человек не должен чувствовать себя униженным. Но нынешняя система социальной помощи, к сожалению, не выполняет своей важнейшей

задачи — заботы о действительно нуждающихся. Издевательский уровень минимальной заработной платы и минимальной пенсии является воплощением тупика нынешней системы социальной поддержки. Дело в том, что привязка системы окладов к минимальной заработной плате не содержит естественного инструмента помощи тем, кто в первую очередь в ней нуждается. Нельзя сейчас повысить минимальную заработную плату, одновременно не повысив тем самым зарплату министров, президента, генералов, прокуроров и других самых высокооплачиваемых людей в государстве. В результате растет общая денежная масса — как следствие растут цены. А разрыв покупательной способности у разных социальных слоев сохраняется. Социальная политика тут становится прямо контрпродуктивной. Не так уж много денег надо, чтобы помочь самым малообеспеченным. Но чтобы одновременно увеличивалась зарплата всем, даже не нуждающимся, — на это никаких денег не хватит. Самое обидное, что депутаты, министры, т. е. высокооплачиваемые, свои деньги получают вовремя, а вот медики, учителя, рабочие получают... задержку зарплат.

Мы пытаемся провести в парламенте закон о прожиточном минимуме, который не поднимал бы уровень оплаты труда высокооплачиваемых одновременно с социальной защитой нуждающихся. Я за снятие также безадресных пособий, которые идут не только нуждающимся, а всем подряд, в том числе их заодно получают и люди со средними и высокими доходами.

На мой взгляд, необходимо введение законодательно закрепленного пособия малообеспеченным. И должна быть система этих пособий, потому что минимальная заработная плата всех проблем отнюдь не решает. Я знаю, что есть проблемы и в семьях, получающих зарплату намного выше минимальной. Но мы будем голосовать за принятие закона о прожиточном минимуме только в том случае, если он будет опираться на конкретные расчеты, если мы будем точно знать, откуда возьмутся обещанные деньги.

Вклады и сбережения

Уже для коммунистического руководства не было секретом, что сбережения населения разбазарены. Существовали совершенно секретные записки советского правительства в Политбюро ЦК КПСС,

суть которых предельно проста: сбережения фиктивные, за ними ничего не стоит.

Когда-то за сбережениями стоял золотой запас — 1300 т золота. К концу 1991 г. от этого золотого запаса осталась $\frac{1}{5}$ часть. Когда-то за сбережениями населения стояло 15 млрд долл. валютных резервов. К концу 1991 г. от них не осталось ни цента.

Мы оказались в том же положении, в котором оказался министр финансов германского демократического правительства Л. Эрхард после Второй мировой войны. Сбережения немцев обесценили Гитлер и нацисты, их поглотили бездонная бочка гонки вооружений и ненасытная бюрократия, а г-ну Эрхарду пришлось за них отвечать. Так же и у нас. Сбережения российских граждан были обесценены коммунистами, которые тратили их на холодную войну, афганскую авантюру, а отвечать за это пришлось нам. И М. Горбачев (я знаю это из записок) знал реальное положение, именно поэтому боялся начать реформы. У нас не было другого выхода, кроме как прийти, открыть сейфы и показать, что там ничего не лежит. Все, что там было, промотали.

Можно ли восстановить эти сбережения? В общем можно. Именно Л. Эрхард с течением времени восстановил сбережения немцев, которые Гитлер промотал. Но только для этого потребовалось сначала создать работающую немецкую экономику, стабильную валюту, заложить основы бурного экономического роста в Германии. Иногда опыт Л. Эрхарда ставят в пример как образец «социально ориентированной» политики реформ. Должен сказать, что западногерманская послевоенная реформа проводилась решительно, последовательно, но, увы, была и довольно болезненной. Но именно благодаря ей с конца 1950-х гг. населению действительно стали возвращать сбережения за счет доходов резко пополнившегося немецкого бюджета, начавшего опираться на мощную, растущую экономику.

Убежден, что это можно сделать и у нас, но только за счет реальных доходов, а не фиктивных операций и широких обещаний. Тот, кто обещает, что можно из воздуха взять деньги и отдать сбережения, которые на протяжении 10 лет разбазаривали три последних советских правительства, тот заведомый проходимец.

То, что рубли перестали быть деньгами и превратились в бессмысленные фантики, было ясно уже задолго до начала реальных

реформ. Достаточно вспомнить (хотя спасительное свойство человеческой памяти легко стирает из записей прошлого такие вещи) голые прилавки магазинов, многочасовые очереди за самым необходимым, всевозможные виды талонов, карточки покупателя, чтобы понять очевидный факт — запись в сберкнижке давно уже стала фиктивной. Обанкротившееся государство фактически выписывало нам фальшивые векселя. Люди, разуверившись в возможности купить товары, покорно несли свои трудовые рубли в Сбербанк, а оттуда их быстренько, под метелку, выгребали на финансирование дефицита государственного бюджета, а значит, на военные расходы, помощь зарубежным компартиям, безвозвратные кредиты «дружественным» регионам. Товаров от этого не прибавлялось, и люди вновь несли пустые деньги в Сбербанк. Круг замыкался.

Когда именно меня обвиняют в том, что сбережения «пропали», мне вспоминается популярный анекдот времен застоя. Известный деятель, спалив в топке паровоза и уголь, и дрова, и даже мебель из вагонов, предлагает задернуть занавески и говорить «чух-чух», представляя себе, что поезд продолжает двигаться. Это и происходило. Мы лишь открыли занавески...

Ну, а если серьезно, надо, разумеется, пытаться как можно скорее и надежнее стабилизировать нашу национальную валюту. Только после этого можно будет предпринимать попытки хотя бы постепенно компенсировать пропавшие накопления. Ведь мы несли в Сбербанк не фиктивные, а вполне реальные, трудом заработанные рубли и были уверены, что деньги эти лежат в надежном месте. Никто не интересовался нашим мнением, когда разстранжировали золотой запас страны, когда разбазаривали валютные резервы, когда набирали нереальные и непосильные кредиты.

Я понимаю боль тех людей, у которых были отняты их сбережения. Я понимаю их вопросы, они многого не знали, от них многое скрывали. Звучали победные фанфары, нам всем внушали, какая у нас замечательная и богатая страна, как в ней хорошо живет народ, когда на самом деле мы с каждым годом нищали и все больше отставали от развитых стран. Но меня коробит, когда претензии предъявляет та самая политическая сила, которая разбазарила эти сбережения, промотала золотой и валютный резервы, беззастенчиво врал всем. А сегодня они встают в позу радетелей за народ и с видом невинных младенцев спрашивают: а где же сбережения на-

селения? что вы с ними сделали? зачем вы развалили страну? Это, на мой взгляд, типичная форма мерзкой политической демагогии. Не мы это сделали, а те, кто до нас так «успешно» управлял страной. Нам лишь выпала горькая честь объявить правду.

Я считаю, что, распорядившись деньгами частных вкладчиков как собственными, коммунистические чиновники допустили страшную несправедливость, если не сказать больше. Я очень сочувствую тем, кто лишился своих трудовых сбережений вследствие бездумных и безответственных решений, принимавшихся в 1980-х и начале 1990-х гг. Надеюсь, что люди все-таки рано или поздно поймут, кто же на самом деле их ограбил.

Когда станет возможной какая-либо компенсация? Это зависит от степени осмысленности экономической политики, которая будет проводиться в России. В послевоенной Германии, например, начали компенсировать потери лишь через 10 лет. И это при вполне рациональной и довольно жесткой финансовой политике. Пока же в нашей ситуации любые индексации и компенсации будут мгновенно сведены на нет неизбежно сопровождающим их очередным витком роста цен.

ПРАВА АКЦИОНЕРОВ

Абсолютно необходимы надежные гарантии прав акционеров, которые до сих пор зависят от произвола директоров. Мы давно внесли проект закона об акционерных обществах, защищающего права акционеров, но никак не можем провести его через Думу: почему-то наши оппоненты не посчитали его приоритетным. Также нами давно уже внесен проект закона о ценных бумагах, который позволил бы защитить миллионы россиян, ставших сегодня жертвами проходимцев из криминальных структур. В частности, там есть прямой запрет на операции с ценными бумагами на предъявителя, которые в основном были использованы всеми проходимцами. И до этого закона никак не доходила очередь. На мой взгляд, затяжка с подписанием этого важнейшего закона связана только с огромными деньгами, которые создатели «пирамид» потратили на то, чтобы он никогда не был принят. Кстати, ни фракция коммунистов, ни господа из ЛДПР не выражали ни малейшего энтузиазма по поводу того, чтобы запретить

предъявительские акции. Очень рад, что нам все-таки удастся закон провести.

Сейчас нами представлены в Думу законодательные инициативы по введению ответственности за ложное банкротство и за фиктивное банкротство, — той ответственности, которая позволит сажать за решетку проходимцев.

ПРИВАТИЗАЦИЯ

Сегодня приватизацию обвиняют во многих грехах. Причем одно из самых частых обвинений состоит в том, что собственность отдали задешево. Напомню, что именно те политические силы, которые выступают с таким обвинением, включая фракцию коммунистов, весной 1992 г. на заседании Верховного Совета добились радикального пересмотра программы приватизации, которую вносило правительство.

Именно большинство в Верховном Совете категорически запретило правительству и Госкомимуществу повышать цену приватизируемого имущества. Эти же люди внесли так называемый второй вариант приватизации, против которого правительство возражало. В рамках второго варианта приватизации трудовые коллективы и получили все те льготы, в которых сегодня приватизацию упрекают. Мы упорно, и в Верховном Совете, и в прессе, объясняли, к чему все это приведет. Увы, они тогда оказались сильнее.

И вот теперь, когда приватизация осуществляется по такому закону, против которого мы выступали, авторы злосчастных поправок упрекают в этом нас. Ну что ж, это свидетельствует об уровне их политической морали.

Говорят, что надо вести реформы не за счет народа. Красивые слова, которые легко вызывают симпатию к произносящему их. И все было бы замечательно, если бы был какой-нибудь другой счет. У нас же ведь никакого другого счета, кроме счета народа, нет. Это надо понять. И слова «не за счет народа» — это все дешевая демагогия. Нет доброго дяди с толстым кошельком. Это мы сами взяли у себя из одного кармана, переложили в другой. А дальше должна быть реакция: эффективно мы переложили или неэффективно. Если неэффективно, мы становимся только беднее. Моя позиция

такова: надо перекладывать как можно меньше из одного кармана в другой.

ВАУЧЕР

Стоимость ваучера — чистая условность. На самом деле реальная стоимость его определяется только одним — спросом на имущество. Я хорошо знаю, что идеальной приватизации не бывает. Приватизация по своей природе является алогичной, иррациональной. Уважение к частной собственности не произрастает из ее репутации в мире, оно произрастает из длинной-длинной эволюции отношения к собственности, производству, ремеслу и т. д., из столетнего уважения к ремеслу, из всего того «чернозема», который был начисто уничтожен у нас за последние 75 лет. И когда мы оказались перед ситуацией, что частная собственность может возродиться только из приватизации, было ясно, что задача очень тяжелая и может быть решена только на основе социальной политики.

Программа приватизации была утверждена Верховным Советом, а основные, ключевые моменты были сформулированы, как ни парадоксально это звучит, коммунистической партией, которая сегодня возмущается, что был принят не тот вариант приватизации. Мы горячо протестовали против принятия этого закона, пытались объяснить, к чему такая приватизация приведет, но... вынуждены были затем реализовывать именно его.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Проблема гарантии частной собственности в условиях постсоциализма перестает быть частным делом частных лиц. Это становится проблемой, от которой жестко зависит, будет экономика расти или падать. В России до сих пор существует тяжелейшая антиприватная традиция. Вся правовая структура была антиприватная. Вся логика работы правоохранительных органов была антиприватная. До сих пор российский прокурор не рассматривает частную собственность как нечто, заслуживающее защиты. И в связи с этим нужны очень серьезная правовая реформа и реформа

всей системы государственных институтов, позволяющая обеспечить базу уважения к частной собственности.

Еще раз подчеркну: опыт XX в. четко и убедительно показал, как создать условия для устойчивого экономического роста. Все экономики, которые преуспели во второй половине XX в., в некотором смысле использовали одну и ту же модель роста — на основе частных сбережений, частных инвестиций. Суть ее — стабильная гарантия собственности, стабильная национальная валюта, вложения населения в собственную экономику, экономический рост; население богатеет, сберегает еще больше, еще больше вкладывает в свою экономику и богатеет еще быстрее. Собственно, такой путь прошли и Япония, и Германия, и Южная Корея — все, кто мало-мальски преуспел в экономическом росте.

И в общем ничто экономически не препятствует тому, чтобы Россия вслед за Польшей, Эстонией и другими странами встала на этот путь. Главная проблема — сумеем ли мы создать для этого политические предпосылки.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ

Частная собственность на землю — это не самоцель, это экономическая неизбежность при переходе к рыночному типу экономики. Тот, кто вкладывает в землю капитал, будет стремиться к ее рациональному использованию. Неспособный вести на ней эффективное хозяйство будет вынужден к отчуждению своего участка в пользу более рачительного производителя.

Нельзя сказать, что частная собственность на землю — безусловно положительная вещь. И с экономической, и с социальной точек зрения ей присущи определенные недостатки. Человечество уже осознает эти недостатки. Поэтому понятия абсолютной частной собственности на землю, при которой собственник не ограничен в своих полномочиях, уже нигде в мире не существует. Государство как выразитель интересов всего общества все больше и больше регулирует земельную собственность, все больше вводит экологические ограничения, планирует землепользование, контролирует сделки с землей и т. д. И тем не менее земельный оборот везде сохраняется как неизбежный элемент рыночной экономики.

Земля приобретает цену на рынке, а это значит, что становится возможным заложить ее для получения производственного кредита. Земля приобретает стоимость, и в силу этого становится возможным реально оценивать эффективность всевозможных проектов. Может быть, мы бы не затопили при строительстве гигантских ГЭС такое количество ценных сельскохозяйственных угодий, если бы при рассмотрении подобных проектов была учтена реальная, т. е. рыночная, стоимость земли. При наличии цены земли отпадает надобность в надуманных, искусственных «нормативных ценах», к которым сегодня приходится прибегать при любых земельных трансакциях, что плодит произвол чиновников, искажает реальные экономические отношения при обмене земли и т. д.

Конечно, в развитых странах процесс становления земельного рынка складывался веками, а в переходных условиях нашей страны возникает много проблем. Чего боятся наши оппоненты прежде всего? Спекуляции землей, ее скупки гражданами других стран, выводом из оборота? Но давайте взглянем на реалии сегодняшнего дня без предвзятости. Любой знакомый с проблемой знает, в каких масштабах идет спекуляция землей и от лица государства, и специальными риелторскими фирмами, и просто предприятиями, имеющими землю в пользовании. Происходит это полулегально, без четкого законодательного регулирования. В теневой экономике это приобретает все более нежелательные черты. Так, земельная спекуляция в тех регионах, где для земельного оборота есть экономические корни, идет в хищнических формах, с нарушением целевого использования земли, без какого-либо контроля со стороны государства. И поэтому российскому обществу не удастся избежать ни одной из тех проблем, которых хотелось бы избежать в ходе приватизации земли, да еще при этом теряются возможные налоговые поступления от земельных сделок. Мы считаем, что нужны полноценная нормативная база и организационный механизм для осуществления цивилизованного земельного оборота в стране.

Бюджет 1995 г.

Ситуация с бюджетом на 1995 г. действительно очень сложная. Мне в нем отнюдь не все нравится, и не все в этом бюджете реалистично. Этот бюджет был разработан для условий мира. Он раз-

рабатывался, когда никто не собирался начинать войну в Чечне. И сейчас, когда эта война началась, он становится еще менее реалистичным. Уже сегодня очевидно, что инфляция будет выше прогнозной, что расходы на Чечню огромные. И в связи с этим ясно, что некоторые коррективы в бюджет придется вносить. Мы сами, кстати говоря, выступили инициаторами того, чтобы бюджет индексировался и расходы индексировались по результатам реального его выполнения, с учетом реальных поступлений в бюджет. В условиях тяжелейшей бюджетной ситуации, когда у нас огромное напряжение на валютном рынке, очень высокая инфляция, можно очень быстро, несколькими движениями развалить все то, что еще осталось от рыночного механизма. Поэтому для меня бюджет сегодня — это все-таки какая-то точка опоры в борьбе против развала, за финансовую сдержанность.

АССИГНОВАНИЯ

В 1994 г., когда проходил бюджет, мы добились некоторого увеличения ассигнований на культуру и образование, очень скромного, но добились. Мы считаем, что затраты на образование занижены и должны быть увеличены за счет сокращения ассигнований на поддержку Севера, на дотации агропромышленному комплексу, содержание аппарата управления.

НЕПЛАТЕЖИ

Когда бюджет составлен нечестно, когда в него включены отсутствующие реальные доходы, которые не будут получены, — это основа целой волны неплатежей, в том числе невыплат заработной платы. Правительство заказывает продукцию, скажем оборонную технику, оборонные заводы, в свою очередь, заказывают комплектующие. Для этих комплектующих заказывают металлы. Потом правительство говорит: извините, мы доходы не получили, поэтому расплатиться не можем. Это вызывает целую цепочку неплатежей. Надо составлять честный бюджет. Не надо в него записывать то, чего не будет.

Второй источник неплатежей — очень низкая финансовая ответственность перед собственным коллективом. Вы попробуйте в

Англии, во Франции, Америке не заплатить собственному коллективу. Очень жесткие будут санкции. А у нас мягкие меры. Закон о банкротстве защищает только одного человека, директора, от необходимости платить, в том числе всему коллективу. Надо ужесточить Закон о банкротстве и добиваться того, чтобы этот Закон выполнялся. Невыплата же заработной платы при наличии денег на депозитах, валютных счетах коммерческих предприятий — это одна из разновидностей неплатежей.

Третья причина — воровство. Неплатежами называют такую банальную штуку, как директорское воровство. Продукцию поставляют фиктивным коммерческим структурам, а они, видите ли, не платят. Точнее, платят, но не в карман предприятия. И здесь просто нужна эффективная борьба с мошенничеством.

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА

Сегодня много уклонений от уплаты налогов. И тем не менее факт остается фактом — производство резко упало. Если такое, скажем, произошло бы в Америке, в Америке была бы революция. И пришли бы к власти коммунисты или фашисты. У нас революции не произошло. Не произошло ее ни в Польше, ни в Чехии, ни в Балтии, нигде. Почему?

Обвал производства, страшное падение. В Москве в конце 1991 г. было 700 тыс. машин. А на 1 июля 1994 г. стало два с лишним миллиона. Это что, 1 млн 300 тыс. машин одни жулики, что ли, завезли? Видеомагнитофон 4 года назад был редчайшей роскошью. Сегодня это достаточно распространенная вещь.

Бывает и падение производства в два раза. Бывает, что количество автомобилей резко увеличивается. Не бывает того и другого вместе. Что, собственно, произошло? В чем причина? А причина очень простая. Ее надо искать в том, что мы производили четыре года назад.

Мы жили в уникальной стране, которая готовилась воевать со всем миром. Это была основа нашей доктрины. Я с ней ознакомился, когда уже работал в правительстве. Она была ориентирована на то, что мы готовы были воевать с Америкой, Европой, Китаем, Японией. Поэтому мы делали не просто больше танков, чем

их делали Америка и Китай, но и больше, чем их производили все страны мира, вместе взятые.

Куда шла сталь, которую выпускали в Череповце? В оборонную отрасль. Металлы из Норильска? В оборонный сектор. Химическая отрасль работала на оборону. И естественно, что, когда мы резко сократили производство вооружения, у нас начался серьезный индустриальный кризис. Именно поэтому у нас производство в целом резко сократилось, а потребление отнюдь не настолько.

Но дело не только в военном секторе. Мы в целом производили колоссальное количество того, что не нужно. Был такой анекдот в старое время. Что это такое — жужжит, летает, в ухо не попадает? Ответ: советская летающая жужжалка для попадания в ухо. Вот у нас колоссальная часть экономики работала на производство летающих жужжалок для попадания в ухо. Делались вещи, которые ни за какие деньги не продашь. Скажем, была такая «замечательная» отрасль — водная мелиорация. Мы в нее на протяжении 20 лет вкладывали в 2 раза больше денег, чем в производство потребительских товаров, но никогда не смогли показать хоть какого-нибудь положительного результата всей этой деятельности. (Отрицательные последствия были.)

Короче говоря, главная проблема у нас не в том, что мы перестали производить то, что не нужно. Главная проблема у нас в том, что нам остро нужны инвестиционные ресурсы, капитальные вложения для того, чтобы начать производство того, что нам нужно, чтобы переориентировать нашу промышленность на выпуск того, что можно продать за деньги, на то, что нужно рынку — и нашему внутреннему, и мировому.

Для того чтобы появились эти инвестиции, необходимо несколько элементарных предпосылок. Первая предпосылка — это надежная гарантия частной собственности. Если не будет такой гарантии, то никогда деньги в производство не пойдут. Заниматься вложениями в производство без таких гарантий абсолютно невозможно. Сегодня такие гарантии — стержень законодательной работы нашей фракции. Мы для этого утвердили Гражданский кодекс. Для этого мы пытаемся утвердить закон о ценных бумагах, закон об акционерных обществах, закон о земле.

Второе, что для этого необходимо, — это резкое снижение инфляции. Инвестиции — это сбережения, превращенные во вложе-

ния в производство. Есть известные закономерности для работы этого механизма. Процентная ставка должна быть меньше 100%, а лучше, конечно, ниже 20%. Главная задача — снизить эту процентную ставку. Сделать это можно, снижая инфляцию. И должен быть предсказуемый валютный курс.

НАЛОГИ

Очень важная стратегическая задача — снижение налогового бремени. Без снижения налогового бремени трудно добиться инвестиций в производство. Но тут надо понимать одну фундаментальную вещь: налоги — это есть государственные расходы.

У нас все готовы поддержать повышение государственных расходов и все готовы поддержать снижение налогов. Когда речь идет о государственных расходах, то существует убеждение, что это платит какой-то дядя. Но государственные расходы — это и есть наши с вами налоги. Наша фракция единственная политическая сила, которая всегда решительно выступала за снижение государственных расходов, т. е. за снижение общего налогового бремени за счет снижения управленческих расходов, за счет военной реформы, за счет сокращения дотаций и субсидий и многих других направлений. Мы считаем, что это составляет абсолютно необходимую базу налоговой реформы, которая позволит поднимать производство.

Существует неоправданно большое количество малых налогов с предельно низкими налоговыми поступлениями. Кстати, большая часть этих налогов носит местный характер (есть регионы, в которых применяется 70–80 видов этих налогов). Беда с этими налогами в том, что, принося минимальные доходы в бюджет, они одновременно требуют очень серьезной бухгалтерской работы по расчету и создают широкие возможности для наложения разнообразных штрафов и санкций на предприятия и предпринимателей. Многие из этих налогов не восполняют затраты тех средств, которые тратятся на их взимание. Мы предлагаем довольно узкий перечень тех налогов, которые могут быть использованы субъектами Федерации, с тем чтобы они не вводили налоги на все. Резкое ограничение круга применяемых налогов — жесткая необходимость сегодняшней жизни.

Следующее важнейшее направление налоговой работы — это борьба с налоговыми льготами. У нас высокие уровни налогов. Отсюда большое давление со стороны тех, кто желает, чтобы им предоставили налоговые льготы. Реально налоговые льготы сегодня — это налоговые льготы в основном богатым, большей частью занятым в сфере краткосрочных спекулятивных операций. Налоговые льготы сегодня — это то, что делает нашу налоговую систему предельно несправедливой. Налоговые льготы предоставляются — следовательно, поступлений в бюджет меньше. Значит, надо опять увеличивать налоговые ставки. Еще больше появляется тех, кто желает добиться налоговых льгот. Это очень опасная тенденция. Мы за справедливые, равномерные и более низкие налоги.

Следующая задача — регламентировать работу налоговой полиции и налоговой инспекции в соответствии с нормальной правовой практикой. Не секрет, что налоговая полиция и налоговая инспекция — при всем моем глубоком уважении к их работе — за последнее время стали как бы государственным рэкетом. Ведь они живут штрафами, и им вообще-то безразличны налоговые поступления. Это абсолютно иррационально с точки зрения государственной службы. Нельзя давать в руки чиновника возможность по собственному желанию ликвидировать любое предприятие, а именно это предусматривает нынешний механизм налогообложения.

Должна быть особая система налогообложения для малого и среднего бизнеса. Речь не идет о каких-то льготах для них — я категорический противник этого, иначе мы наплодим множество фиктивных малых предприятий. Речь идет о нормальной системе, в рамках которой они будут платить налоги наравне с другими, но которая будет предельно простой. Надо свести все виды налогов лишь к одному платежу — в процентах от дохода. На деле это уже будет огромным вкладом в становление среднего класса России.

Есть еще много вещей, которые могут и должны стать элементами налоговой реформы. Упомяну только одну — кодификацию налогового законодательства. Налоговые отношения должны быть регулируемы налоговым кодексом, а не бесконечным числом произвольно меняющихся налоговых инструкций.

БЕГСТВО КАПИТАЛА

Это действительно фундаментальная, очень серьезная проблема. В 1994 г. вывезено за границу абсолютно легально 20 млрд долл. Как это происходит? Идет поток долларов и марок в контейнерах, самолетами по разрешению и лицензиям Центрального банка, по заявкам коммерческих банков в Россию. А российские граждане эти доллары и марки покупают. В прошлом году российское население вложило в конвертируемую валюту примерно в 3 раза больше денег, чем в национальную банковскую систему. Почему это происходит и как с этим бороться? Почему этого нет, скажем, ни в Эстонии, ни в Латвии, ни в Польше и т. д.? Потому что там жесткие административные регулирования? Да ничего подобного. Там просто не печатают необеспеченные деньги, не портят национальную валюту.

Ведь что порождает бегство капитала? Инфляция (печатание денег) — один из самых простых, жестких и эффективных налогов, это налог на держателей денег. Ровно на ту же сумму, на которую Центробанк или министр финансов напечатали денег, они обесценили ваши денежные активы. Немедленно поднимаются цены, и ваши деньги обесцениваются. Естественно, для того чтобы взимать такой налог, не нужно ни налоговой инспекции, ни налоговой полиции. Это самый простой налог в мире и одновременно самый разрушительный, потому что он подрывает веру в собственные национальные деньги. Если с каждым оборотом печатного станка забирают у вас деньги из кармана, что вы делаете? Вы пытаетесь от этого налога уйти. Как уйти? Естественно, вы уходите в валюту тех стран, которые пустые деньги не печатают. В результате российское население становится крупным кредитором иностранного государства. Мы в 1994 г. отдавали крупные дешевые кредиты Соединенным Штатам, Германии просто потому, что наше население даже на свои нищенские сбережения покупало хотя бы по пять долларов, а все это вместе аккумулирует огромные суммы, которые вкладывались в американскую или немецкую экономику. Люди, защищающие продолжение инфляционной политики, способствуют тому, чтобы наши сбережения уходили за рубеж.

Есть только два способа эффективной борьбы с бегством капитала. Либо это жесткая монополия внешней торговли, но тог-

да, конечно, надо забыть конвертируемую валюту, национализировать все экспортные поступления и т. д. Либо это стабилизация собственной финансовой системы и прекращение порчи денег. Как только это сделано, бегство капитала прекращается, наоборот, начинается обратный приток капитала в страну.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА

На мой взгляд, главная причина нынешних проблем сельского хозяйства — это предпринимаемая в последнее время попытка избежать каких-либо реформ в сельском хозяйстве. Я напому, что сельским хозяйством у нас уже с весны 1992 г. руководил г-н А. Рущкой, а с конца 1992 — начала 1993 г. руководство этой отраслью перешло в руки Аграрной партии, представители которой сегодня занимают посты вице-преьера по сельскому хозяйству и министра сельского хозяйства. Как ни странно, почему-то они все время отказываются от ответственности за происходящее.

Нормальная частная собственность на землю — абсолютно необходимая основа эффективного сельского хозяйства. Без нее никогда не будет перераспределения земли в пользу эффективного собственника, сезонного кредитования, без нее всегда сельское хозяйство будет зависимым от государственных кредитов. Без введения частной собственности на землю сельское хозяйство всегда будет государственно управляемой отраслью. А практика показала, что государственно управляемая отрасль — путь к развалу. Нет ни одного успешного сельского хозяйства, управляемого государством.

Абсолютно необходимо реорганизовать колхозы и совхозы, вычленив из них структуры, которые выполняют сегодня муниципальные функции. У нас сегодня колхозы и совхозы — это одновременно муниципальные предприятия, которые отвечают за дрова, газ, свет, теплоснабжение и т. д., и хозяйственные предприятия.

Реорганизовав колхозы и совхозы, мы сможем преобразовать их в более мелкие, компактные предприятия, где каждый видит результаты своего труда. Уже сегодня есть десятки тысяч фермеров, которые твердо встали на ноги, готовы сражаться за свою землю даже с оружием в руках. Конечно, фермеры сегодня переживают непростое время, потому что вся помощь сельскому хозяйству

идет через структуру Аграрной партии, которая, по моему глубокому убеждению, к фермерам относится, мягко говоря, негативно. А мы бы хотели, чтобы доля фермеров в любых формах финансовой поддержки сельского хозяйства была гарантирована.

Необходимо также изменение приоритетов в направлении средств, которые выделяются на поддержку села. Мы кучу денег вкладываем до сих пор в дотации на мясомолочную продукцию. Они не доходят ни до потребителя, ни до производителя. Все они оседают в переработке мясомолочной продукции. Там, как вы знаете, очень высокая зарплата в среднем по стране, там высокая рентабельность. Чем больше мы туда будем вкладывать, тем выше там будет заработная плата.

Почему же нельзя эти деньги, вместо того чтобы вкладывать их в эту монопольную отрасль, направить на маленькие инвестиции, помогающие малой переработке молока и мяса? Только так можно сократить разрыв между очень низкой закупочной ценой, по которой мы покупаем молоко и мясо у колхозов, и очень высокой ценой, по которой мы покупаем эти продукты в городе. Кстати, в тех регионах, где пошли по этому пути, этот разрыв резко сократился и финансовое положение хозяйств уже намного лучше. Там возникли предпосылки стабилизации финансового положения колхозов и совхозов.

Не секрет, однако, что большая часть денег, выбиваемых на дотации селу, всегда уходила и до сих пор уходит на поддержку тех политических сил, которые этой дотации добивались. Но главная часть, конечно, идет дружеским коммерческим структурам, а в конце концов попадает на валютный рынок.

Беда в том, что те формы, по которым предполагается осуществление поддержки, — формы, заведомо гарантирующие полную бессмысленность выделения этих ресурсов.

Сейчас, когда реформа оказалась в руках аграрной партии и коммунистов, ее судьба в высшей степени незавидна. Аграрники, пришедшие в Министерство сельского хозяйства, надеются провести нормативный акт, который отнимает у крестьян право выхода из колхоза с землей, предоставленное им в 1992 г.

Абсолютно убежден, что нормальное развитие аграрного сектора в России неотделимо:

- а) от полноценной частной собственности на землю, естественно, регулируемой;
- б) создания системы залогового кредитования сельского хозяйства, связанного с этой частной собственностью;
- в) создания полноценного рынка продуктов питания и снятия административных ограничений на работу этого рынка;
- г) активного участия государства в развитии рыночной инфраструктуры сельского хозяйства, системы оптовой торговли, крестьянских банков и т. д.

Помощь Запада

Переоценивать помощь Запада, разумеется, нельзя. Применительно к масштабам российской экономики потенциальные оценки притока иностранных инвестиций очень малы. Это иллюзия, что иностранный капитал прямо рвется в Россию, спит и видит, как бы сюда пробиться, стоит в очереди. Не надо думать, что иностранные инвестиции нас спасут, но и не надо паниковать, что «нас купят».

Идея финансовой помощи была полностью реализована в ГДР. Запад на этом примере показал, что может «вытащить» небольшую страну. Но в Россию-то надо было бы Западу вкладывать примерно 500–600 млрд долл., что находится просто за гранью здравого смысла. Такую сумму нам никто не даст. Но Запад мог бы немножко подтолкнуть, а дальше все зависит от нас самих.

К сожалению, мы упустили благоприятный момент финансовой стабилизации (первый и второй годы после либерализации цен). Тогда у нас были высокие налоговые поступления, еще не началось резкое снижение объема производства в связи со структурной перестройкой. И задача обеспечения сбалансированности бюджета, торможения инфляции и потом перехода к финансированию дефицита за счет внутреннего рынка была вполне реализуема.

Что получилось у нас? Мы пропустили этот момент. Не смогли остановить инфляцию, когда это было возможно. Начала падать налоговая база. Возник разрыв между реально собираемыми налогами и тем, что надо потратить. Если компенсировать это упущение за счет эмиссионных источников, то не будет валюты, не будет внутренних источников накопления, не будет инвестиций, будет продолжаться падение производства. Этот разрыв надо вре-

менно закрыть. И здесь нам мог бы помочь долгосрочными льготными кредитами Запад. Но не следует уповать на то, что Запад залатает все наши дыры и решит все наши проблемы.

О ПРЕСТУПНОСТИ

Проблема преступности сейчас, по-моему, самая важная для большинства наших сограждан. Того, что это проблема в высшей степени реальная, я ни в коей мере не отрицаю. И рост преступности, конечно, страшный, но сегодня плюс ко всему на это накладываются изменения информационного мира. Ведь хорошая новость не новость, поэтому сегодня о каждом происшедшем преступлении говорят все средства массовой информации. И надо также учитывать, что о массе существовавших и прежде проблем мы раньше из-за отсутствия гласности просто не знали. Разумеется, я не призываю бороться со средствами массовой информации, чтобы успокоить население. Это глупо. Необходимо наводить порядок. Нужна реформа уголовного законодательства, уголовно-процессуального законодательства. Мы внесли поправки в Уголовный кодекс, мы внесли определение организованной преступности, повысили меру ответственности за организованную преступность, за терроризм, за похищение людей, за хищения частной собственности. Мы работаем над новым Уголовным кодексом, который должен будет соответствовать новым реальностям.

Но в первую очередь надо бороться с источниками преступности, а не с ее следствиями. Например, организованная преступность всегда тесно связана с коррупцией. Коррупция возникает всегда и везде, если у чиновников излишние права, если излишне количество чиновников. Там, где делят нефтяные квоты, там всегда будет коррупция, а вокруг нее организованная преступность. Возможность дать или не дать лицензию тоже порождает коррупцию и преступность. Там, где ведают льготами и индивидуальными привилегиями, всегда будет коррупция и организованная преступность. Поэтому первейшая задача — ликвидировать ситуации, дающие возможность злоупотребления властью, чтобы не провоцировать коррупцию и последовательно бороться с льготами и привилегиями.

Нужен и новый закон о прокуратуре. Мы убеждены, что прокуратура сегодня должна быть освобождена от многих не свойственных ей функций, чтобы иметь возможность целиком сосредоточиться именно на своей важнейшей задаче — борьбе с преступностью. Проект такого закона внесен нашей фракцией в Государственную думу.

Экология

Меня очень волнуют вопросы экологии. Мы с В. Ярошенко и О. Попцовым в свое время были первыми сопредседателями Российского «зеленого» движения. Я знаю, в какой степени (и хорошо знаю, профессионально) наша индустриальная структура одновременно была структурой хищнического разрушения природы, окружающей среды. И как хорошо, что мы сегодня не проводим очень многих видов хозяйственной деятельности, по которым стонут коммунисты и аграрники, но которые были страшно разрушительными. На самом деле база экологической разумной политики создана именно сейчас, именно сейчас мы можем закрывать мартены, выводить устаревшие мощности электроэнергетики. Именно сегодня у нас прекращена массивная и страшно вредная водная мелиорация.

Я считаю, что правительство, в общем, что-то делает, но достаточно пассивно. А нужна реальная и действенная экологическая политика.

Церковь и политика

Мы считаем безнравственной, а иногда даже и кощунственной сложившуюся в последнее время практику суеты политических лидеров вокруг церкви. По-моему, это оскорбление чувств верующих, когда в погоне за голосами избирателей политики начинают демонстрировать свой подчеркнутый интерес к религии, прилюдно неумело крестятся, сюсюкают вокруг этого.

Мы поддерживаем полезные контакты с иерархами церкви. Среди клира и мирян немало наших сторонников. В напряженном ритме нашей бурной политической жизни мы всегда чувствовали моральную поддержку со стороны видных представителей церкви.

Однако мы убеждены, что церковь должна находиться вне политики и выше политики. Мы с огромным уважением относимся к Русской православной церкви, считаем ее важнейшим инструментом российской общественной жизни, неотъемлемой частью нашей культуры. И именно поэтому я всегда был и буду против вовлечения церкви в текущие перипетии современной политической жизни.

ПРАВИТЕЛЬСТВО

Экономическая программа, которую сегодня реализует правительство, имеет серьезные шансы на успех. Инфляция идет вниз и будет идти дальше, если правительство не откажется от пройденного курса и не начнет делать опасные глупости. Есть серьезные шансы на то, что во втором полугодии 1995 г. мы будем иметь устойчиво низкую инфляцию, предсказуемую динамику валютного курса, а с 1996 г., особенно со второй его половины, можно ожидать не только стабилизации экономики России, но и начала роста производства.

Жаль только, что все это не произошло в 1994 г., когда это могло произойти, что наша страна заплатила за экономическое образование главы нынешнего правительства дороже, чем кто бы то ни было и когда бы то ни было платил за экономическое образование. И тем не менее лучше поздно, чем никогда. И только потому, что мы считаем, что эта политика при всех ее серьезных издержках имеет шансы на успех, мы поддержали бюджет, представленный правительством на этот год. Мы поддерживали его экономический курс и голосовали против вотума недоверия правительству. Это стоило нам, наверное, каких-то политических дивидендов, упущенных выгод, но я убежден, что это единственно достойная и разумная позиция.

Именно поэтому мы считали возможным, несмотря на разногласия по принципиальнейшим вопросам, участие наших единомышленников в работе правительства и считаем это возможным по-прежнему.

Мы убеждены, что успех экономической политики правительства — это важнейшая предпосылка возможности остановить экстремистов от их прорыва к власти на следующих парламентских и президентских выборах.

ЧИНОВНИЧИЙ КАПИТАЛИЗМ

Капиталистическая экономика в России стала реальностью. Но тот капитализм, который состоялся в России, отвратителен и ужасен. Он вороват и социально несправедлив. Мог ли он быть другим? При своей наследственности, при тех страшных родимых пятнах, которые оставил социализм, при том повороте, который произошел на рубеже 1992–1993 гг., я убежден, что он другим быть и не мог.

Но есть мощная социальная сила, которой нравится именно этот капитализм. Эта социальная сила — российское чиновничество. Тот капитализм, который возник, можно с полным правом назвать чиновничьим. В нем уже разделены государственная и частная собственность. И вместе с тем они неразрывно слиты.

Отсутствие прозрачности механизма государственной власти дает возможность крупномасштабного разбазаривания государственных средств, открывает неограниченный потенциал перераспределения государственных средств в пользу дружественных частных компаний и фирм. Отсюда бурно разрастающийся чиновничий аппарат с его колоссальными возможностями давать льготы по выбору — тем или другим секторам экономики, частным фирмам и предприятиям. И отсюда же промедление в совершенно очевидных институциональных реформах.

Короче говоря, существующий вариант капитализма — это мечта чиновничества, самая благоприятная социальная среда для его существования и функционирования. И естественно, что есть, формируется и должна была сформироваться партия, которая защищает интересы именно этого выбора для России, — партия власти, которая на своих знаменах пишет одно слово: «стабильность». Когда проходил съезд движения «Наш дом — Россия», один из выступающих очень откровенно сказал, что властвующие тоже хотят побороться за свою власть, за ее сохранение.

Блокирует ли такой капитализм возможности для экономического роста? Нет. Экономический рост и в рамках такого варианта развития возможен. Он будет, правда, не очень быстрым, результаты его будут далеки от социальной справедливости. И тем не менее (мы должны об этом честно сказать) он все равно открывает возможности для эффективного экономического развития. Но сама

несправедливость распределения результатов этого роста, сама вороватость этого капитализма, конечно, дает блестящие аргументы, козырные карты тем, кто хочет набрать себе очки на антикапиталистической и радикально-националистической риторике. Именно уродливость чиновничьего капитализма играет на руку коммунистической партии.

ЕЩЕ ОДНА РЕВОЛЮЦИЯ?

До сих пор мы говорили о силе, которая приветствует российский капитализм в его нынешнем виде. Рассмотрим теперь другую силу — силу, которая собирается его свергнуть, — коммунистическую партию России, якобы радеющую о благе народа. Конечно, не надо иллюзий, большая часть руководства нынешней компартии как села в своей юности в черные «волги», так до сегодняшнего дня из них не вылезала, разве что кое-кто поменял их на «мерседесы». Это люди, которые хотят использовать социальный протест, оправданное социальное недовольство людей происходящим, для того чтобы пробраться к власти и захватить в ней ключевые позиции. Еще активно поколение людей, которых довольно легко обмануть вновь мелькающими красными флагами и социалистическими идеалами, и на базе этого обмана они хотят прорваться к власти.

Хотят ли они построить социализм, хотят ли они восстановить вновь тоталитарный экономический, политический режим? Честно говоря, не думаю. Уж слишком тесно они связаны сегодня собственными коммерческими структурами, собственными коммерческими интересами. Нет, скорее всего, этого они не хотят, но хотят другого и тоже очень опасного. Если вы посмотрите основные программные документы коммунистов, там сквозит идея: «грабь на грабленное». Там ключевые слова — «национализация несправедливо нажитой собственности». По всей видимости, придя к власти, они собираются национализировать «несправедливо» (на их взгляд) нажитую собственность, т. е. собственность, нажитую не связанными с ними коммерческими структурами, и передать ее в руки тем, кто «справедливо» нажил собственность, т. е., видимо, связанным с ними коммерческим структурам.

Но надо понять, что само насильственное перераспределение собственности — это всегда революция, социально-экономическая революция по своей природе. А революция — это кровь. Я знаю много людей, я ведь езжу много по регионам, разговаривал с десятками фермеров. Фермеры разные. Есть среди них те, кто поставил на кон себя, свои семьи, они в один голос говорят: нет, мы так просто свое не отдадим, мы будем стрелять при необходимости. Причем очень много людей, которые без борьбы не отдадут то, во что они уже вложили труд и что у них придут отбирать как «неправедно нажитое». Значит, будет кровь, будет хаос в отношении собственности. Это будет страшный удар по экономике, социальной ситуации в России. Вот что следует видеть за программными лозунгами коммунистов — риск революции, риск гражданской войны. Это, пожалуй, самая страшная угроза, которая стоит сегодня перед Россией. Вслед за этой кровью нам гарантирована блокировка любых возможностей экономического роста.

МЫ ДЕМОКРАТЫ

Мы заинтересованы в нормальной, цивилизованной эволюции нынешнего капитализма, в том, чтобы сделать его гораздо более честным, прозрачным, чтобы ввести уже существующие в мире антикоррупционные механизмы. Мы за то, чтобы государство служило обществу, а не общество было рабом государства. Мы выступаем за постепенный процесс приспособления капитализма к нуждам российских людей, к нормальной жизни, чтобы в этом капитализме было нормально и удобно жить. Мы демократы. Мы не отказались от этого слова, сколь бы сегодня ни пытались сделать его бранным, ругательным и непопулярным.

Первая и главная задача для нас — остановить войну и предотвратить революцию. Это наша программа-минимум. И в решении программы-минимум мы, без всякого сомнения, должны и можем сотрудничать с партией власти.

В конце концов, я знаю одну выборную кампанию, которая велась под лозунгом: «Лучше вор, чем фашист!» И в общем, как это ни горько и ни печально, может быть, в этом есть истина. Поэтому еще раз подчеркну: мы не должны закрывать для себя возможности сотрудничества и коалиций в решении главной, стержневой,

принципиальной задачи — предотвращения революции и войны в России. И вместе с тем я глубоко убежден, что наше братание с партией власти, отказ от своих стратегических позиций и разногласий были бы фатальной ошибкой для демократического движения. Ведь кто-то же должен нести знамя борьбы за нормальное, демократическое, цивилизованное общество. Не понимаю, почему мы должны от него отказываться.

ПАРТИЯ ДВР

«Демократический выбор России» — это молодая партия, но быстро формирующаяся, насчитывает уже 72 региональные организации. Это, пожалуй, сегодня все-таки самая структурированная демократическая организация России.

Мы знаем, что у нас больше сторонников среди городского населения, чем среди сельского, среди квалифицированных работников, чем среди неквалифицированных. Мы знаем, что у нас больше сторонников на севере, чем на юге, но будем бороться за то, чтобы донести свою правду до всех россиян и расширить сферу нашей поддержки.

Довольно много российских предпринимателей поддерживают «Демократический выбор России». Есть два типа предпринимателей. Есть те, которые хотят вкладывать деньги в Россию, хотят здесь построить большое, серьезное дело. Для них предельно важно, чтобы это дело не было разрушено какими-то политическими авантюрами. Такие предприниматели нас поддерживают. Но есть и такие, которые хотят схватить, хапнуть и убежать. Им безразлично, что будет с Россией дальше. Типичный пример второго типа предпринимательства — это, конечно, С. Мавроди с его МММ, который прошел в депутаты и получил свою неприкосновенность при поддержке В. Жириновского.

ВЫБОРЫ

Конечно, стержнем нашей работы сегодня является развернутая подготовка к выборам 1995 г. Именно парламентские, а затем президентские выборы — это главное испытание, которое мы должны пройти и которое очень важно для России. Некоторые говорят: ну

что парламентские выборы, подумаешь, эка невидаль парламент, что от него зависит, давайте ими всерьез не заниматься и сосредоточимся на президентских выборах.

По моему убеждению, это очень серьезная ошибка. На самом деле в колоссальной степени то, что случилось в 1994 г., было следствием нашего поражения на выборах 1993 г. И факт остается фактом: сегодня большинство в парламенте — это мощный блок коммунистов, националистов и т. д.

Если мы не сможем переломить эту ситуацию и получить приличные результаты на парламентских выборах, мы почти обречены на поражение на президентских. И тогда при президентской Конституции надо четко себе представлять, какими страшными последствиями все это может грозить России. Как мы все знаем, то, что у Г. Зюганова на уме, то у В. Жириновского на языке. И когда г-н Жириновский говорит: здорово, что создается партия «Демократический выбор России», мы будем знать, кого расстрелять и посадить в лагерь, — то он просто говорит вслух то, что другие думают.

ДВР формировалась одновременно как партия демократическая и партия как бы у власти. И к нам шли люди демократических убеждений, и к нам шли те, кому хотелось быть рядом с властью. И конечно, сейчас к нам приходит больше людей, чем раньше, которые хотят быть демократами, но зато уходит какая-то часть тех, которые хотели быть близко к власти. Это, на мой взгляд, естественно и, по-моему, не так страшно, так как, скорее, повышается качество партийных рядов наших единомышленников, чем ослабляет.

Я должен сказать, что люди понимают напряженность ситуации. И я очень благодарен тем, кто не боится поддерживать те политические силы, которые связаны с российской демократией.

Наша партия заинтересована в том, чтобы выборы состоялись в срок, потому что это дало бы возможность правительству проводить последовательную политику и получать экономические результаты.

Надо признать, что предстоящие выборы (я имею в виду как парламентские, так и президентские) будут очень трудными, может быть, максимально рискованными для России. Вся тяжесть революции уже за плечами общества. Почти все возможные бла-

гоприятные результаты реформ еще впереди. Возможности для радикальной антикапиталистической пропаганды широчайшие.

Если нам удастся не проиграть на этих выборах и не отдать власть безответственным авантюристам, есть твердая надежда на то, что развитие России на базе рынка, начинающийся экономический рост, объективные возможности финансирования социальных программ навсегда закроют для этих сил путь к власти.

Ключевой для нас вопрос — вопрос явки на выборы, потому что наши избиратели, которые нас обычно поддерживают, — это те, кто, к сожалению, хуже всего ходит на выборы. К нам лучше всего относятся молодежь, люди высококвалифицированного труда, городские жители. А активнее всего голосуют пожилые, малообразованные и проживающие в сельской местности. Поэтому наша задача — максимальная мобилизация людей на выборы.

Выходит журнал нашей партии «Открытая политика», выходит «Политический курьер ДВР» с публикацией текущих материалов и программных документов по работе нашей партии. Мы готовим маленькие информационные бюллетени по работе фракций, которые рассылаем по регионам, пытаемся работать через существующие средства массовой информации. Мы имеем дело не с жуликами, поэтому у нас таких средств, как у г-на Жириновского, нет. К сожалению, мы в настоящий момент не можем позволить себе выпуск ежедневной газеты, поэтому будем работать через существующие издания, наиболее нам близкие. Есть общедемократические газеты, мы будем там выступать. Поддерживаем тесную связь, например, с газетами «Дело», «Утро России», в которых публикуем материалы, связанные с деятельностью нашей партии. Будем пытаться проводить эту работу и в других средствах массовой информации.

Мы начали готовить набор пропагандистских материалов. С этой целью могут быть использованы наши журналы «Открытая политика», «Политический курьер ДВР». Начинаем печатать пропагандистские брошюры. Вышла моя книга «Государство и эволюция». Есть два фильма по поездкам: «Вопросы и ответы», есть аудиокассеты. Наши программные документы также могут быть использованы в агитационной работе.

ПРЕЗИДЕНТ

Я не жалею о поддержке Б. Ельцина в 1993 г., так же как и о его поддержке в 1991-м, в 1992-м. Вы знаете, российская демократия очень молодая и ее пришлось не один раз защищать. Я считаю, что выбор Б. Ельцина был правильным для России в августе 1991 г. Я думаю, что он был прав, когда все-таки не ушел от ответственности и в 1992 г. дал возможность проводить реформы. В 1993 г. он много раз пытался найти компромисс с Верховным Советом. Я ушел в отставку в декабре 1992 г. из-за одного из таких компромиссов. И я видел, как большинство членов Верховного Совета категорически отказывались от таких компромиссов.

В 1993 г. в сентябре-октябре у президента не было другого выхода, кроме как объявить выборы, вынести на референдум новую Конституцию и распустить съезд. Поэтому я не жалею о том, что поддержал его в 1993 г., но — еще раз подчеркиваю — за демократию надо сражаться долго, и, если мы были вместе в 1993 г., а сегодня он делает нечто опасное для демократии, естественно, я не могу это поддерживать.

Я очень огорчен тем, что он совершил страшную ошибку, начав эту чеченскую авантюру, — ошибку, о которой я пытался его предупредить. Он ни на кого не может переложить эту ответственность. Он может сказать, что его неправильно информировали, но он сам выбрал тех людей, которые его стали информировать. Что неправильно реализовывали его приказы, но он сам поставил тех людей, которые должны были реализовывать его приказы. Никто эту ответственность не может с него снять. Хотя это, по-моему, и не повод для злорадства.

Почему мы выступили против инициативы по немедленному импичменту президенту, досрочным выборам и т. д.? Потому что мы прекрасно представляем себе, насколько хрупкими сегодня являются все демократические механизмы власти; ты немножко их толкни, а потом с удивлением увидишь, чему на самом деле ты проложил дорогу. Я убежден, что если у нас есть шанс иметь выборы вообще, то это именно выборы в срок. И надо способствовать тому, чтобы они состоялись.

У меня есть и другие точки расхождения во взглядах с президентом. Я категорически не согласен с отсутствием политики военной реформы, попытками заменить ее призывом в армию студентов

и удлинением срока службы. Я не согласен с рядом других указов президента. Позиция «Выбора России» по отношению к президенту отнюдь не является позицией безусловной поддержки.

Я сожалею о том, что в результате страшной ошибки, допущенной началом военных действий в Чечне, у президента изменился баланс его поддержки. Сегодня наиболее решительными защитниками у него оказались русские фашисты и националисты.

ДЕМОКРАТЫ И ВЛАСТЬ

Нас разделяет с нынешней партией власти целый ряд очень серьезных разногласий. Мы не принимаем то, как партия власти считает возможным распределять социальное бремя издержек и финансовой стабилизации.

Когда обсуждался бюджет на 1995 г., наша фракция наиболее энергично боролась за увеличение финансирования науки при сокращении расходов на дотации, субсидии, колоссальная часть которых разворовывается.

По результатам I квартала расходы субсидий, например, на АПК профинансированы на 200%, расходы на науку — на 73%. Я не могу понять этой логики. Я не могу понять логики, в соответствии с которой возникают мощнейшие, крупномасштабные льготы и преимущества для отдельных сфер и отраслей экономики просто потому, что они тесно связаны с властью.

Я не понимаю, например, почему у нас должны существовать составляющие десятки триллионов рублей необлагаемые фонды, такие, например, как фонд финансовой стабилизации «Газпрома», размеры которого примерно в 15 раз превышают все ассигнования из федерального бюджета на финансирование российской культуры.

Мы категорически не согласны с поразительным промедлением в осуществлении давно назревших антикоррупционных мероприятий. Хотя бы таких, как перевод финансирования Вооруженных сил на казначейство, позволяющий обеспечить реальный финансовый контроль, или переход к тендерной системе распределения заказов на государственные закупки, которые, как показывает практика, могут на 30–40% сократить реальные расходы на соответствующие закупки. Есть много других направлений, решения по которым давно назрели и никак не реализуются. И мы не можем об этом молчать и не можем с этим соглашаться.

Мы не можем соглашаться с тем, что, как на дрожжах, бурно растет государственный аппарат, как в нем сохраняются крупномасштабные звенья, функциональное назначение которых в нынешних условиях мне как бывшему главе правительства совершенно непонятно. И в то же время не формируются структуры, жизненно необходимые в условиях рынка. Когда у нас крупнейшие монополии регулируют себя сами, то это издевательство над рыночной экономикой.

Разумеется, мы не можем согласиться с полной остановкой реформы в аграрном секторе, с тем, что ее пытаются подменить крупномасштабными субсидиями, большая часть которых никогда до крестьян не доходит, оседает в коммерческих структурах. Сегодня реально сложилась ситуация, при которой аграрный кризис больше всего нужен именно тем, кто распределяет аграрные субсидии.

Складывается порочный круг: аграрный кризис, крик о гибели села, выбивание из бюджета крупномасштабных субсидий, направление этих субсидий в коммерческие структуры. Коммерческие структуры используют их, разумеется, не для того, чтобы расплачиваться с крестьянами, они вкладывают их в спекуляции на валютном рынке и на рынке ГКО. Крестьяне не получают деньги за сданный урожай. Аграрный кризис углубляется. Новые крики об унижении села, требования дополнительных ассигнований. Этот порочный круг сегодня предельно ясен, прозрачен. И мы категорически не можем согласиться с продолжением подобной политики.

Есть у нас и серьезные разногласия по проблемам военной реформы. Фактически ничего не делается для проведения военной реформы, не реализуются имеющиеся здесь совершенно очевидные возможности и резервы сокращения параллельных, дублирующих структур, сокращения численности армии за счет ликвидации обслуживающих подразделений, ненужных в условиях рыночной экономики, и многое другое. А нынешнее правительство пытается разрешить все проблемы увеличением срока службы, по существу подгоняя численность военнослужащих под существующие военные структуры, вместо того чтобы их реформировать.

Это политика, с которой я, например, никогда не соглашался и сейчас не вижу оснований соглашаться.

И наконец, нас, разумеется, разделяет вопрос о трагических событиях в Чечне, о начатой там войне, которая обошлась россиянам

уже в десятки тысяч жизней, создала кровоточащую рану на теле России и пагубные результаты которой с каждым днем становятся все более и более очевидными.

Этот вопрос для меня тоже не является второстепенным, на него нельзя закрыть глаза, форсируя создание тех или иных политических блоков и коалиций.

Таким образом, наша позиция, как мне кажется, должна быть и может быть и принципиальной, и прозрачно ясной. Да, в борьбе за программу-минимум, за то, чтобы остановить войну и революцию, мы, разумеется, готовы к любым политическим союзам. Но в борьбе за цивилизованный российский капитализм, за демилитаризацию российского общества, за создание предпосылок социально справедливого, устойчивого российского развития мы должны нести свое знамя и не должны никому его отдавать.

Возможно ли сотрудничество с властями на местах? Надо понимать, что сама власть в регионах очень разная. Есть власть, которая проводит разумную, ответственную политику. С ней нам легче сотрудничать. А есть власть, полностью коррумпированная и очень опасная. С ней будем бороться.

ДУМА

Наиболее мощный блок в Думе — это блок коммунистов, аграриев и ЛДПР. У них примерно 200 депутатов. Второй блок, менее мощный, — блок демократов, их примерно 130. Между ними есть «болото» — 120 депутатов. Таким образом, коммунистам, аграриям и националистам нужно перетянуть на свою сторону всего 26 депутатов, чтобы провести свои решения. Поэтому нам очень трудно дается проведение любого решения через Думу.

Если посмотреть на решения, принятые за последний год, то, как ни странно при такой Думе, там много разумных законов.

РАЗНОГЛАСИЯ

Разногласия московских демократических лидеров... Очень многое, на мой взгляд, зависит от нашей способности объединить демократические силы, создать достаточно широкую демократическую коалицию. Мы постоянно работаем над созданием такой широкой коалиции и делаем конкретные предложения по поводу

того, как этого добиться, и не теряем надежды, что здравый смысл все-таки восторжествует.

Опыт показывает, что российские демократы более или менее удовлетворительно взаимодействуют только в условиях кризиса и предельной опасности. Сейчас мы находимся именно в такой ситуации. Люди понимают, как опасны попытки прорваться к власти тех, кто способен втянуть страну в рискованные авантюры как во внешней политике, так и в политике экономической.

Такое чрезвычайное событие, как война в собственной стране, естественно, изменяет политический ландшафт, формирует новые союзы и часто, к сожалению, разводит в разные стороны прежних единомышленников. Это элемент политической реальности, и с ним надо считаться.

С фракцией «Яблоко» мы по многим принципиальным направлениям занимаем общие позиции, поддерживаем законопроекты друг друга. Жаль, что такое взаимодействие не стало основой и для работы на предстоящих выборах. Да, у нас есть экономические разногласия. Они носят мировоззренческий характер. Я по своим убеждениям правоцентрист, если говорить в европейской терминологии. Моими друзьями являются в Англии консерваторы, в Германии ХДС/ХСС, партия умеренных в Швеции, республиканцы в США и т. д. Г. Явлинский — левоцентрист, он выступает за большее огосударствление экономики. Его партнеры соответственно партии более левой ориентации.

Г. Явлинский считает, что нужно более сильное государство, а следовательно, более высокий уровень налогов. Мы считаем, что нужны более низкие налоги и соответственно более скромное государство. У нас разногласия в том, что лучше: идти к более рыночной или к более дирижистской экономике.

Эти разногласия значимы, стратегически немаловажны. Но я глубоко убежден, что они являются разногласиями завтрашнего-послезавтрашнего дня, сегодня они не имеют принципиального значения, потому что на предстоящих нам ближайших выборах будут решаться вопросы, будет ли частная собственность в России, быть ли рынку в России, быть ли свободе слова, быть ли мирной внешней политике. А по этим вопросам у нас нет разногласий. Именно поэтому я до последнего был уверен — нам удастся договориться, выступить единой демократической коалицией, тем

более что представители «Яблока» неоднократно обращались ко мне, к моим коллегам по фракции с неформальными консультациями о том, можно ли будет добиться объединения демократических сил, если ценой за это объединение будет наше согласие выдвинуть Григория Алексеевича Явлинского объединенным кандидатом в президенты.

Так как я хорошо знаю притчу о соломоновом суде, то в споре о том, кому дороже всего российская демократия, я всегда был готов встать на позицию женщины, которая говорит: он твой, и поддержать кандидатуру Г. Явлинского, если в результате мы получаем единство демократических сил, а наши избиратели понимают, что демократы готовы чем-то поступиться ради единства. Я убежден был, что это даст нам огромный эффект объективности, это создаст новую позитивную волну, ощущение понимания того, что абсолютно не неизбежным является триумф коммунистов и фашистов на следующих выборах.

К моему глубокому изумлению, когда мы уже согласились принять это предложение, Г. Явлинский на протяжении следующих двух дней забрал его обратно и начал подробно объяснять, почему единство «Яблока» и «Демвыбора России» невозможно ни при каких условиях.

Сожалею, что руководство «Яблока», поколебавшись, пометавшись, твердо встало на путь раскола демократических сил. Не сомневаюсь: российские коммунисты будут им за это горячо благодарны. Осенью 1993 г. я говорил: дорогие друзья, будем вместе, иначе победят коммунисты и фашисты. И слышал в ответ: да вы что, какие коммунисты, какие фашисты, где вы их видели? Сегодня уже так сказать невозможно, все уже поняли: такая опасность реальна.

Именно сейчас, когда угроза демократии предельно жестка и реальна, главное, чего мы должны постараться избежать, — это внутренних разборок в демократическом лагере. Мы должны избежать того, чтобы личные амбиции тех или других демократических лидеров послужили препятствием на пути к консолидированным, координированным, единым действиям.

Позиция раскола, на мой взгляд, безответственна и деструктивна. Это, разумеется, не облегчит нашу борьбу на следующих выборах. Это тяжелый удар в спину демократическим силам. Но тем не

мене я убежден, что мы должны и в этих условиях нести свое знамя и не отказываться от него. Если союз с «Яблоком» невозможен, значит, мы должны объявить о создании на базе существующих, имеющих региональные структуры демократических организаций нового избирательного объединения, нового избирательного блока и начать переговоры с теми из них, кто готов вместе с нами идти на следующие выборы, — идти, разумеется, с общей принципиальной позицией, разделяя наши принципиальные программные установления, и, конечно, в первую очередь мы предполагаем начать консультации с теми организациями, которые действительно не являются московскими салонными, а имеют развитую региональную сеть, которые представляют серьезный организационный потенциал.

Ряд политиков, которых мы традиционно считали своими потенциальными союзниками, заняли позицию, объективно подрывающую стабильность рыночных механизмов и демократии в России, да и целостность России как таковой.

Не теряем надежду, что само развитие событий, очевидные всем последствия избранного силового курса все-таки заставят наших бывших единомышленников взглянуть правде в глаза и признать, что курс, который они поддерживают, ведет к тоталитаризму. Тогда и взаимодействие с ними, на мой взгляд, будет возможным.

Та позиция, которую мы заняли по отношению к чеченскому кризису, была принята не из соображений выгоды ее для предвыборной кампании, а на основании нашего видения пользы России. Убежден, что военное решение наносит непоправимый ущерб и благосостоянию россиян, и целостности нашей страны.

Каждая бомба, сброшенная на Грозный, — это бомба по целостности российской государственности. Как показывают проводимые опросы общественного мнения, подавляющее большинство россиян разделяют нашу позицию и не видят смысла и перспектив в военном решении.

Создание блока «Наш дом — Россия» не было для нас неожиданностью. «Выбор России» изначально был как бы блоком демократии и власти. После начала военной авантюры в Чечне мы, к сожалению, но естественно вынуждены были довольно радикально разойтись. У власти возникла задача создания для себя политической опоры, каковой и призван служить блок В.С. Черномырдина.

Повторяю: мы готовы и будем сотрудничать с этим правительственным блоком, но в реализации только тех программных установок, которые поддерживаем. Мы будем категорически выступать против тех политических направлений, где считаем нынешнюю политику неправильной или очень опасной. Я имею в виду нежелание проводить военную реформу, попытку ремилитаризации общества, внешнеполитическую имперскую риторику, массированное использование силы внутри страны и т. д.

НАШИ ОППОНЕНТЫ

Коммунистам удалось в 1992 г. вместе с националистами остановить движение страны по пути реформ. Если вы помните, именно коммунисты и их голоса вместе с голосами националистов привели в декабре 1992 г. В.С. Черномырдина на пост премьера. Именно они тогда прервали процесс реформ. В результате Россия застряла в промежуточном положении, когда действительно дефицита уже нет, товары есть, но производство падает, инвестиции не идут, инфляция высокая, цены скачут, дифференциация доходов растет. И вот теперь, сделав первый шаг, остановив реформы в их начале, они очень хотели бы воспользоваться тем естественным недовольством населения, тем промежуточным, невыигрышным положением для того, чтобы сделать следующий шаг.

Коммунистической фракцией Думы внесен проект закона о предотвращении экономических катастроф. Посмотрим, к чему приведет изложенная там экономическая программа коммунистической партии. Первая идея, которая там есть, — крупномасштабная денежная эмиссия. Допустим, напечатаем много денег, чтобы пополнить оборотные средства, заплатить дотации, увеличить ассигнования на оборону и т. д. Напечатали много-много денег. И куда идут эти деньги? По-моему, уже даже ребятам школьного возраста это ясно. Они уходят на инфляционные ожидания, они идут, разумеется, на валютную биржу. Валютные резервы у государства ограничены. Для активных валютных интервенций их хватит ненадолго. После этого курс начнет скакать на тысячу, две тысячи рублей в неделю, открывая широчайшие возможности для спекуляции.

Что тогда делать? Придется реализовывать следующее положение программы коммунистов: ликвидировать валютный ры-

нок, вводить фиксированный курс, делать рубль вновь неконвертируемым. После этого автоматически выполняется третий программный пункт: отечественный товаропроизводитель надежно защищен — больше импортные товары за деревянные неконвертируемые рубли, разумеется, никто сюда не повезет. В итоге импортные товары быстро вымываются из торговли, а они ведь сегодня все же немного сдерживают рост цен, потому что по многим товарным группам цены выше, чем мировые, все равно не получается установить.

Мы напечатали много денег, убрали конкуренцию импортных товаров, а что же происходит с ценами? Они как следствие резко идут вверх. Что приходится делать? Реализовывать следующий пункт из проекта того же закона: вводить верхние пределы цен, вводить и замораживать. Заморозили цены, ввели верхние пределы. Что получается? Нетрудно догадаться. Товары почему-то вдруг исчезают с прилавка. И надо снова привыкать отмечаться в очереди, рисовать на руке номер, ходить за карточками, а потом ждать, когда эти карточки отоварят, да еще и искать, где бы их отоварили. Естественно, надо вводить систему распределения продукции по всей стране. Система распределения, кстати сказать, плохо живет в условиях частной собственности. Значит, частную собственность надо немножко подвинуть.

Из предложенной коммунистами экономической программы ясно, что они не хотят восстановления целостной, устойчивой коммунистической системы образца, скажем, 1937-го или 1953 г. Нет. Они не хотят, скажем, национализировать всю собственность, снова восстанавливать жесткую иерархическую структуру. Но у них есть желание восстановить тот предельный беспорядок, который у нас был в 1989-м, 1990-м, 1991 гг., когда старая система уже не была целостной и как таковая не могла наладить нормальную работу, а рынок, новая система хозяйствования еще не сложились. Сегодня очень большая часть старой политической элиты оказалась вовлеченной в бизнес и никто из них, разумеется, не захочет национализировать собственные предприятия. Но вот отобрать собственность у конкурента, вытеснить его, иметь возможность его задуть, иметь возможность льготами, квотами, субсидиями, льготными кредитами поддержать свои предприятия — вот это замечательно!

Так и видится эта идеальная схема: две руки, одна — государственная, другая — частная, из государственной — в частную. Вот малопривлекательное будущее, которое нам готовят в том случае, если мы не удержимся на пути реформ.

Против демократических сил выступают не только коммунисты. Есть силы, которые ведут открытую политику разжигания национальной розни, противопоставления людей друг другу по национальному признаку, не исключают возможности военного решения межгосударственных, межнациональных проблем (а иногда даже прямо призывают к этому). Они делают ставку на силу, на авторитаризм и тоталитаризм в политике. Все это родовые признаки фашизма, национал-социализма. И любой выступающий с этих позиций, за каким бы названием ни скрывались его движение или партия, на самом деле пособник фашизма (или национал-социализма, что одно и то же).

Мы никогда не ставили знак равенства между коммунистами и фашистами. Это разные политические силы, и для нас очень печально, что эти две политические силы сегодня в России сплотились и фактически выступают единым союзом. Коммунисты и фашисты, красные знамена и свастики рядом, на одних митингах и демонстрациях — это трагический парадокс истории нашей многострадальной Родины.

Коммунистическая партия, коммунистическая идея неотделимы от нашего прошлого. Другое дело, что эта идея оказалась страшной по своим последствиям, обманчиво-соблазнительной, но страшной. Именно она унесла миллионы жизней, именно она завела нашу страну в исторический тупик, именно она породила то экономическое устройство, которое стало основой наших сегодняшних тяжелых проблем.

Сегодня даже люди, называющие себя коммунистами, как правило, не решаются напрямую отстаивать коммунистические идеалы. Ведь, ругая свое настоящее, люди здравые вовсе не желают повторения прошлого. Поэтому те, кто называет себя сегодня коммунистами, вынуждены искать для себя опору в идеологии принципиально иной — в идеологии национальной исключительности, национального противопоставления, в идеологии по сути своей фашистской. А ведь именно борьба с этой идеологией была стержнем и содержанием Великой Отечественной войны.

Люди, победившие фашизм, спасшие мир от фашизма, защитили человечество от страшной угрозы XX в., может быть, даже самой страшной. И мы будем делать все, что в наших силах, чтобы их жертвы оказались не напрасными и чтобы внутренний фашизм не одержал верх в нашей стране.

ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ

Попытаюсь кратко резюмировать самые первоочередные задачи, которые наша партия ставит перед собой.

Военная реформа. Реорганизация Вооруженных сил, сокращение их штатной численности в 2,5 раза, изменение структуры Вооруженных сил, вывод из них натурального хозяйства, увеличение ассигнований на подготовку личного состава, на современное вооружение.

Нормальная, полноценная, регулируемая частная собственность на землю как основа сезонного кредитования сельского хозяйства и аграрной реформы, позволяющая реорганизовать колхозы и совхозы, выделение из колхозов и совхозов нехозяйственных, муниципальных функций в отдельное предприятие, изменение приоритета в финансовой поддержке сельского хозяйства с дотаций на стимулирование инвестиций, переработки и на помощь формированию структуры коммерческого кредитования сельского хозяйства.

Резкое сокращение государственного аппарата, ликвидация в нем тех звеньев, которые абсолютно излишни в нынешних условиях.

Целый ряд законодательных актов, надежно защищающих частную собственность. Вторая часть Гражданского кодекса. Нормальный земельный кодекс, легализующий частную собственность на землю и рыночный оборот земли. Закон об акционерных обществах, закон об ипотеке. Все это, вместе взятое, позволит создать надежную базу экономического роста. На этой базе постепенное снижение налогового бремени, ограничение, исключение из налогов и снижение общего уровня налогообложения.

В структуре госбюджета постепенное снижение расходов на дотации, оборону, государственное управление. Постепенное увеличение расходов на социально-культурное обеспечение, здравоохранение, образование, науку и культуру. Реформа системы социальной защиты, превращение ее в адресную.

НАДЕЖДЫ

Да, нападки на демократию сегодня действительно усилились со всех сторон. Те, кто больше всего хочет краха демократии, кто руководствуется ленинским принципом «чем хуже — тем лучше», немало сделали для того, чтобы дискредитировать саму идею демократии в России, даже само слово «демократия».

Но я верю в здравый смысл своих соотечественников. Наш народ способен четко себе представить, что ждет нас при отказе от демократии. Ведь стоит нам допустить маленькие отступления от демократических принципов управления — последуют военные авантюры, похоронки на сыновей. А там — до слез знакомая ситуация с всевластием «любимого» начальника, лучше нас знающего, как нам нужно жить, думать и говорить, привычные старшему поколению «колбасные» электрички в Москву, талоны, многочасовые очереди.

Такая беспросветная жизнь слишком хорошо известна россиянину старше 30 лет. Нужно только не обольщаться временным просветлением. Все это очень даже может вернуться, причем в значительно ухудшенном варианте. Ведь ресурсы, которые хоть как-то поддерживали полумертвую социалистическую экономику на искусственном дыхании, были разграблены еще до того, как демократы пришли к власти.

Сегодня мы выбираем: или продолжение пусть трудного, но уже четко просматриваемого движения к стабильному, обеспеченному и свободному обществу, или срыв в новую полосу смут, экономических бедствий и политических авантюр, которые неизбежно последуют за отказом от выбранного пути.

Именно поэтому, веря в здравый смысл и природную мудрость россиян, я рассчитываю на успех нашей партии, для которой гражданские свободы были и остаются важнейшей основой общественного развития.

Предстоящие нам выборы — это испытание для России. Проиграет наша партия выборы — проиграет вся Россия. Мы все вместе и каждый в отдельности должны сознавать свою ответственность. И вместе с тем надо четко себе представлять — историческая правда за нами! Историческое будущее за нами! Нам бы только день простоять и ночь продержаться!

Записки из зала

Публикуется по тексту брошюры: Гайдар Е. Записки из зала. Демократический выбор России. М.: Евразия, 1995.

В брошюре «Записки из зала» читатель мог познакомиться с содержанием вопросов, заданных Е.Т. Гайдару во время поездок по стране в бытность его руководителем партии «Демократический выбор России».

Содержание брошюры — и это естественно — перекликается с содержанием предыдущей работы автора «Беседы с избирателями». (Встречаются и отдельные текстуальные совпадения. Но редакционная коллегия «Собрания сочинений» не сочла возможным вносить существенные изменения в опубликованный текст.) Записки, обращенные к Е.Т. Гайдару, как справедливо сказано в предисловии к брошюре, дают объективный срез стоявших перед людьми проблем, а также рисуют некий портрет российского общества того периода. В этом их ценность. — Прим. ред.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Записки из зала» — такое название эта книжка, которую вы держите сейчас в руках, получила не случайно. Перед вами не просто ответы лидера партии «Демократический выбор России» Егора Тимуровича Гайдара на вопросы пришедших на встречу с ним людей. Эти вопросы интересны сами по себе. Они дают объективный срез стоящих сегодня перед людьми проблем, а также рисуют сегодняшний портрет нашего общества.

Какие мы, россияне, лета 1995 г.? На встречи приходят люди разных взглядов и убеждений: заинтересованные в судьбе России или только в своей личной судьбе, искренне желающие и пытающиеся разобраться в непростой экономической и политической ситуации в России или же заранее предубежденные, даже враждебно настроенные. Приходят и просто растерявшиеся в этой но-

вой, неузнаваемой России. Сломался привычный уклад жизни, свобода печати обрушила такую массу негативной информации, что иногда кажется, что лучше бы этого и не знать вовсе. Свобода слова позволила высказываться всем, а кому верить? Скоро опять выборы — а за кого голосовать? И стоит ли вообще голосовать? Разве от этого что-нибудь изменится?

Да, изменится. Те, кто не пошел на выборы в декабре 1993 г., считали, что не стоит голосовать за какую-то Думу, — что, мол, от нее зависит? Впоследствии же оказалось, что результаты именно тех выборов во многом определили нашу с вами жизнь на эти два года. В частности, выбор в декабре 1994 г. силового варианта разрешения чеченского кризиса был предопределен итогами декабрьского голосования 1993 г. И если вам не нравятся те или иные принятые законы, регламентирующие ныне нашу жизнь, то ведь эти законы принимали те, за кого проголосовали граждане России. А не пришедший на выборы, проигнорировавший их тем самым предоставил другим решать за себя свою судьбу.

Назначена дата новых выборов в парламент — 17 декабря 1995 г. Но фактически предвыборная борьба уже давно идет. И вновь активизировались нападки на демократов. Нужно сказать, что поначалу под лозунгом демократии шли и те, кто на самом деле лишь пытался таким образом удержаться на гребне волны, вызванной рухнувшим в одночасье режимом. И к сожалению, эти псевдодемократы сумели нанести немалый вред делу демократии. Воспользовавшись этим, наши противники пытаются внушить людям: «Смотрите, до чего демократы довели!»

Но нам кажется, что сам факт, что люди приходят и задают вопросы, свидетельствует: они хотят знать правду, все-таки жива в них надежда на перемены к лучшему. Мы надеемся, что эта брошюра поможет понять, какой же путь предлагает партия «Демократический выбор России», чтобы эти перемены к лучшему действительно произошли.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ РЕФОРМ

— Не были ли несколько преувеличены рассуждения о катастрофическом состоянии российской экономики в конце 1991 г.?

— *Ответьте, пожалуйста, кому Вы сделали хорошо своими реформами?*

— *Не кажется ли Вам, что возглавляемое Вами правительство сделало в свое время успешную попытку развала страны?*

— Я не согласен с такой оценкой. Напомню, в каком состоянии была страна, когда я был назначен премьером. Первые документы, с которыми я ознакомился, были следующие:

От председателя Межкомбанка: валютные резервы полностью исчерпаны, валюты на счету нет.

От председателя Госкомдрагмета: золотой запас разбазарен. (Из 1300 т золота, которые достались большевикам от царя и еще были на 1985 г., на протяжении последних шести лет было промотано $\frac{4}{5}$ и остались жалкие остатки. Только в 1990–1991 гг. из страны было вывезено 800 т золота.)

От председателя Внешэкономбанка: страна неплатежеспособна и не может обслуживать внешний долг.

Из Комитета по хлебопродуктам: запасов зерна (и это при сниженных на 20% нормах потребления!) стране хватит лишь до февраля 1992 г.

Из Комитета по торговле: практически нигде карточки не отовариваются, по всей стране огромные перебои с продуктами. Снабжение повсеместно развалено, его фактически не существует. По отдельным регионам продовольственных ресурсов осталось на 2–3–4 дня. (Напомню, что уже начались беспорядки из-за неотovarивания карточек, «табачные бунты».)

Из Госснаба: договоров на следующий год заключено на 0%. Следовательно, вся система административного регулирования тоже не работает.

Я вынужден напоминать об этом, потому что некоторые уже легко забыли, как будто это все было не с нами, как будто не стояли в этих очередях, с ночи занимая их, как будто не думали о том, чем накормить ребенка, потому что детского питания купить невозможно.

И в этой ситуации экстремального кризиса, когда старая система безнадежно развалилась, надо было как можно быстрее, без подготовки запустить пусть плохо работающую, но как-то работающую новую систему, позволяющую добиться того, чтобы люди получили возможность купить хлеб, чтобы хоть какое-то продо-

вольствие появилось в магазинах, чтобы можно было избавиться от этих огромных, уныло безнадежных очередей, чтобы можно было создать предпосылки нового экономического роста в России.

В общем нет ни хлеба, ни золота, ни валюты, ни возможности платить по кредитам и привлекать новые. Неудивительно, что круг тех, кто в подобной ситуации был готов взять на себя ответственность за экономическую политику разоренной страны, оказался узким. Я хорошо знаю, что президент неоднократно и ко многим обращался с просьбой и предложением в этот момент возглавить правительство или войти в него.

Я убежден, что в этой ситуации, если бы мы не решились взять на себя ответственность и начать реформы, это грозило бы неизбежным крахом для России. Это кончилось бы серьезным, настоящим голодом начиная с февраля 1992 г. И я горжусь, что нам удалось этого не допустить в условиях катастрофического развала, к которому привела поразительная неспособность последнего коммунистического руководства хоть как-то обеспечить упорядоченный выход из социализма. Начатые в этих условиях реформы не получили достаточной политической поддержки. Именно поэтому они оказались прерванными. В результате сложилась та реальность, которая сегодня не нравится ни вам, ни нам. Но рассуждения невежд или проходимцев о каких-то «мягких», «социально безболезненных» реформах, которые решают все вопросы и никому ничего не будут стоить, у тех, кто был осведомлен о реальном положении страны, могли вызвать лишь горькую улыбку.

— *Зачем нужна была либерализация цен в январе 1992 г.?*

— Вспомните конец 1991 г. — острое ощущение опасности от надвигающейся зимы, с наступлением которой ожидали обострения продовольственной проблемы, перебоев в снабжении городов топливом. Угроза голода и холода реально нависла тогда над страной, а значит, угроза социальной катастрофы была очень реальной. Ведь именно попытки государственного перераспределения продуктов в условиях обвала системы власти стали непосредственными причинами революционных взрывов 1917 г. Мировой опыт показал, что во всех странах, которые во второй половине нынешнего столетия сумели без социальных катаклизмов пройти период полностью разбалансированной экономики, в качестве первого шага

на пути к выздоровлению власти вынуждены были принять трудное политическое решение об «отпуске» цен.

— *Но были ведь и другие варианты, без «шоковой терапии»?*

— Конечно, можно было попытаться стабилизировать экономическую ситуацию при помощи внеэкономических инструментов, в основе своей традиционных для советского хозяйственного механизма, — ужесточить снабженческо-сбытовую систему, сбалансировать цены путем их очередного подъема, прибегнуть к широкомасштабному использованию карточного распределения потребительских товаров по социально обоснованным ценам и т. п. Короче говоря, логика подобной политики может быть сформулирована так: стабилизация экономической ситуации должна предшествовать осуществлению реформ. Именно такому курсу отдавал предпочтение Г. Явлинский осенью 1991 г.

И этот вариант был бы более понятен как для советской хозяйственно-политической верхушки, так и для широких слоев населения, в принципе ожидавших от властей мероприятий административно-принудительного характера (во всяком случае в экономической сфере) и привыкших за десятилетия коммунистического режима, что именно такой курс избирается для преодоления хозяйственных затруднений. Однако практическая реализация подобной политики в случае ее выбора упиралась в одну «малость». К этому времени в России не было политических и организационных механизмов, способных обеспечить осуществление «административной стабилизации». Не было уже жесткой вертикали организации власти сверху вниз, утратили былую эффективность органы принуждения, основательно подорванной оказалась система поддержания правопорядка. Словом, Россия (равно как и СССР в последние месяцы своего существования) оказалась страной с ослабленными государственными институтами.

Слабое государство было объективной реальностью, которая должна была приниматься в расчет при выборе экономико-политической стратегии. Слабое государство Россия получила в наследство от СССР, и она должна была практически заново воссоздавать свою государственность. Это в значительной мере предопределяло выбор экономического курса. Вполне очевидны были и сложности решительной либерализации. Такая политика была малопонятной и непривычной для общественного мнения. Она почти гарантиро-

вала падение популярности решившихся ее осуществлять политиков. В кратчайшие сроки она переводила экономику страны в качественно новую ситуацию, в которой практически ни у кого из экономических агентов не было опыта функционирования. Было ясно, что цены резко вырастут в момент их либерализации, причем осложняющим фактором являлась высокая степень монополизации народного хозяйства.

Словом, избранный тогда курс реформ исходил из признания горьких реалий и поэтому был не только болезненным, но и реалистичным. Он порывал с бессмысленными надеждами на возможность использования силы государственной власти, ясно отдавая себе отчет в отсутствии этой силы.

Жизнь показала правоту такого выбора. Несмотря на все тяготы переходного времени, уже с весны 1992 г. Россия практически полностью избавилась от угрозы холода и голода. И более того, наши сограждане оказались избавлены от унижительного многочасового стояния в очередях за самым необходимым. Да, перед нашими гражданами, перед страной стоит сейчас немало острых, тяжелых и болезненных проблем. Но это проблемы другого цивилизационного порядка, существенно отличные от проблемы простого физического выживания человека. А ведь именно так, напомним, стоял вопрос накануне либерализации цен.

— *Возможно, Вы правы и либерализация цен была необходима. Но, может быть, было бы лучше «отпустить» цены не так резко, а постепенно?*

— Сторонники постепенной либерализации цен связывают преимущества этой политики с возможностью обеспечить контролируемый характер социально-экономической трансформации, предотвратить злоупотребления предприятий-монополистов, обеспечить минимальные социальные гарантии в виде доступности важнейших потребительских товаров и предсказуемости динамики цен на основные производственные ресурсы. Однако опыт многих стран и элементарный экономический анализ показывали, что в условиях острого финансового кризиса и открытой инфляции попытки удержать часть цен под контролем государства вызовут резкие диспропорции в ценах, тяжелую нагрузку на бюджет, возродят товарный дефицит и очереди. В результате неизбежным становится регулярное значительное повышение государственно контро-

лируемых цен, что становится сильным дополнительным источником инфляции.

— Я вспоминаю времена до перестройки, когда колбаса была по два двадцать, и думаю: а зачем нужны нам реформы? Вернуть бы все как было.

— У нас поразительно короткая историческая память. И до 1991 г. колбаса по два двадцать была далеко не везде, были «колбасные» электрички (помните: «Что это такое — длинное, зеленое, пахнет колбасой? — Электричка из Москвы»), курсировали автобусные «экскурсии» за продовольствием. А к осени 1991 г. уже опустели прилавки и в Москве. Люди еще по привычке едут из Тулы, Воронежа, Рязани, Владимира в Москву, бегают по магазинам в надежде хоть что-нибудь купить здесь, потому что у них в магазинах давно уже ничего нет. Но и здесь уже ничего нет. На протяжении месяцев девственно пустые прилавки, на которых иногда стоял уксус. Исчезло все, ничего нет, и непонятно, откуда вдруг будет и будет ли. Общее ощущение наступающего голода, вызванное развалом систем жизнеобеспечения. Весна 1992 г., реформы только начались, общество еще в панике. Вся страна, включая москвичей, сажает картошку, горожане вскапывают каждый свободный клочок земли. Ощущение жесткого физического катастрофизма пронизывает художественную литературу тех лет. Вспомните произведения А. Кабакова, Л. Петрушевской и других литераторов. Сегодня все это напрочь ушло из памяти, как будто этого не было. Мы не любим дурных воспоминаний. Забыли страшное унижение перед продавцом, который может швырнуть тебе что-то, а может и не швырнуть. Видимо, работает анестезия — было очень плохо, давайте про это забудем. А в памяти остаются парад на Красной площади, красные галстуки детишек, полет Юрия Гагарина, да и масса другого, что действительно было хорошего и красивого. Другое дело, что вспоминается, как правило, та часть старой жизни, когда режим себя еще не исчерпал.

Нельзя вернуться в прошлое, каким бы хорошим оно вам сейчас ни казалось. Оно себя изжило. Нужно строить будущее. Экономический рост в России возможен. В общем сегодня можно сказать, что мы одолели самую тяжелую часть пути. Все страны прошли через эту стадию. И сейчас перед нами стоит не только экономический, но и политический вопрос, вопрос будущего страны. Абсолютно

ясно, что нужно сделать для того, чтобы российская экономика начала выбираться из того кризиса, в котором она оказалась.

Но что, если народ, обманутый, уставший от этого промежуточного положения, когда нет ни устойчивого плана, ни устойчивого эффективного рынка, разочаруется во всем и проголосует за возврат к власти прежних начальников?

Должен сказать, что это будет путь не к стабильному обществу, а к хаосу 1989–1991 г., потому что для той стабильности, о которой Вы вспоминаете, задавая свой вопрос, уже нет ни природных ресурсов, ни высокой кредитоспособности, ни золотого запаса, ни валютных ресурсов — ничего этого нет. Идти, если мы хотим счастья своим детям, если мы хотим, чтобы они жили в достойной и процветающей стране, можно только вперед.

Главная наша задача — это не сорваться сейчас с этого пути. Мы действительно прошли его значительную часть. Немного времени нужно для того, чтобы разумная экономическая политика привела Россию на тот путь, по которому прошли все преуспевающие сегодня государства. Мы видим свою задачу в том, чтобы дать ей этот шанс.

О СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ

— Вы говорили об унижении перед продавцами. Сейчас многие испытывают примерно такое же унижение, когда не могут достать денег, чтобы купить те продукты, которых теперь полно.

— В то время, когда многие мечтали об изобилии товаров на прилавках, мне приходилось объяснять, что само по себе изобилие — это отнюдь не решение всех проблем. Больше того, это вообще не решение, это только маленький, но абсолютно необходимый шаг к их решению. Когда побывавшие за границей говорили о том, какое это счастье, когда все есть, они не понимали, что важно ведь не просто, чтобы все было, а не менее важно, чтобы у них были деньги для покупки.

В 1991 г. мы обещали, что наполним прилавки, что проблема дефицита уйдет в прошлое, не будет очередей. Но мы и говорили, что это только первый шаг на пути благосостояния. Тогда, кстати говоря, нам никто не верил. Можно поднять старые подшивки газет, где на разные лады муссировались толки о демократах как о роман-

тиках-несмышленишах, мечтающих о несбыточном, не знающих реальной жизни: как это не будет дефицита? При нас был, при отцах был, при дедах был, а они, видите ли, сделают так, что не будет, что за глупости такие? Я прекрасно помню все эти аргументы, они постоянно звучали и по телевидению, и по радио, и в газетах. Нам было понятно, как можно решить эти проблемы при некоторых серьезных институциональных изменениях. Но это действительно только первый шаг. Главное, чего мы хотели добиться, — это не просто заполнения прилавков, а запуска механизма экономического роста на рыночной основе. И это было стержнем предложенной нами программы углубления экономических реформ, которая была рассчитана на три года и главная задача которой состояла именно в том, чтобы создать базу экономического роста.

— *Вы предвидели, когда начинали Ваши реформы, возможность таких негативных проявлений, какие мы наблюдаем в сегодняшней действительности?*

— *Ваши реформы с треском провалились. На что Вы надеетесь, агитируя за них вновь и вновь?*

— На Съезде народных депутатов накануне моей отставки в своем выступлении я говорил, что, если мы попытаемся сойти с узкой тропинки, которая ведет нас к растущей рыночной экономике, мы неизбежно попадем в ситуацию, когда сочетаются высокая инфляция, растущая социальная дифференциация, обнищание низших слоев среднего класса и продолжающееся падение производства.

Сегодня я не торжествую, что мое предупреждение сбылось, что я все это предвидел. Мне больно, что получилось именно так. В тех странах, где наши друзья-единомышленники имели возможность реализовать ту программу, которую мы выработали, уже растет экономика, низка инфляция, снижается разница в доходах населения и т. д.

Можно ли переломить сложившуюся на сегодняшний день ситуацию? Можно. А надеюсь я на огромный потенциал России, в том числе на потенциал здравого смысла.

— *Вот Вы говорите, что самый тяжелый период прошел. Мне кажется, не для всех. Одни деньги гребут лопатой, а другие концы с концами не сводят. Выдумали какую-то индексацию, а что мне с нее? Моей пенсии только на хлеб и молоко хватает, и то если купить не каждый день.*

— Реформа социальной поддержки — один из самых больных вопросов, который требует безотлагательного решения. Вы правы: человек не должен чувствовать себя униженным. Но нынешняя система социальной защиты, к сожалению, не выполняет своих важнейших задач — обеспечивать заботу и помощь действительно нуждающимся. Издевательский уровень минимальной заработной платы и минимальной пенсии является воплощением тупика нынешней системы социальной поддержки. Дело в том, что привязка системы окладов к минимальной заработной плате не содержит естественного инструмента помощи тем, кому действительно это нужно. Нельзя сейчас повысить минимальную заработную плату, одновременно не повысив тем самым — и резко! — зарплату министров, президента, генералов, прокуроров, самых высокооплачиваемых людей в государстве. В результате растет общая денежная масса — как следствие растут цены. А разрыв покупательной способности у разных социальных слоев остается. Социальная политика тут становится прямо контрпродуктивной. Не так уж много денег надо, чтобы помочь самым малообеспеченным. Но чтобы одновременно увеличивалась зарплата у всех, даже ненуждающихся, — на это никаких денег не хватит. Самое обидное, что депутаты, министры, т. е. высокооплачиваемые, свои деньги получают вовремя, а вот медики, учителя, рабочие получают... задержку зарплат.

Мы пытаемся провести в парламенте закон о прожиточном минимуме, который не поднимал бы уровень оплаты труда высокооплачиваемых одновременно с социальной защитой нуждающихся. Я за снятие также безадресных пособий, которые идут не самым нуждающимся, а всем подряд, их заодно получают и люди со средними и высокими доходами. На мой взгляд, необходимо введение законодательно закрепленного пособия малообеспеченным. И должна быть система этих пособий, потому что минимальная заработная плата всех проблем не решает.

— *Раньше в магазинах продавали в основном товары отечественного производства. Теперь все завалено импортом, а свое производство падает. Получается, что в ходе реформ мы стали жить за счет нехитрого обмена топлива на ширпотреб, т. е. вывозим невосполнимые топливно-энергетические ресурсы, а ввозим шмотки. Не разбазарим ли Россию?*

— Здесь переплетаются по крайней мере несколько вопросов. Прежде всего неправильно утверждение, что мы разбазариваем ресурсы в обмен на ширпотреб. На самом деле импорт по сравнению с прежними временами значительно сократился. Более того, экспорт примерно вдвое превышает импорт, а количество вывозимой за рубеж нефти, например, сократилось по сравнению с уровнем 1980-х гг., т. е. говорить об «обмене нефти на ширпотреб» было бы по крайней мере неточно.

Другое дело, что сильно изменилась структура импорта. Раньше в ней доминирующие позиции занимали продукция производственного назначения и зерно. Значительная часть оборудования годами валялась без всякого применения и нередко приходила в негодность, будучи так и не установленной в цехах предприятий. Зерновой импорт свидетельствовал о крайней неэффективности отечественного сельского хозяйства и о продовольственной зависимости нашей страны. Теперь же завозится в основном то, что находит сбыт у российских покупателей.

Время пустых прилавков прошло, и хочется надеяться, что навсегда. Наша торговля еще не блещет изобилием, но уже можно говорить об очевидном разнообразии товаров. Сам факт наличия в магазинах разнообразных товаров создает стимулы по крайней мере двоякого рода.

Во-первых, к зарабатыванию денег. В условиях всеобщего дефицита, когда честно заработанные деньги невозможно было потратить честно (а только через черный ход магазина), нельзя было всерьез говорить ни о каком «стимулировании рублем».

Во-вторых, к производству высококачественной конкурентоспособной продукции. Наличие импортных товаров в магазинах является важнейшим барьером на пути отечественных монополистов, известных своим стремлением производить некачественную и дорогую продукцию, навязывая ее не имеющему возможности выбора потребителю.

И в первом, и во втором случае мы имеем свободу выбора как для гражданина (личное потребление), так и для предприятия (производственное потребление), поскольку и тот, и другой одинаково страдали от диктата продавца.

— *В России сейчас выгоднее торговать, чем производить. Почему?*

— Такая ситуация возникает всегда, когда в стране быстро растут цены. Чем выше инфляция, тем менее выгодно вкладывать деньги в производство. Ведь производство требует времени, и капитал, вложенный в производство в условиях инфляции, быстро обесценивается. Поэтому в выигрыше оказывается тот, кто сможет вложить деньги и получить на них прибыль (т. е. «обернуть капитал») в предельно сжатые сроки. Наиболее быстро капитал оборачивается в торговле. Следовательно, в условиях высокой инфляции предприниматели стремятся прежде всего вкладывать деньги в торговлю.

— *Почему для власти в Москве нет закона? Они все развалили и не несут ответственности.*

— На экономических факультетах изучают научную дисциплину — экономику коррупции. В этой дисциплине есть одна аксиома, суть ее предельно проста: объем коррупции в стране прямо пропорционален объему избыточного государственного регулирования. Когда государство без толку и без нужды верит в регулирование экономической жизни, вводя различные ненужные ограничения, перераспределяя ресурсы, оно тем самым порождает огромный соблазн для тех, кто хочет за взятки добиться укрепления собственного положения. И если мы хотим, чтобы у нас был закон, порядок и не было коррупции, то важнейшее программное направление — добиться, чтобы государство было посылно для общества, чтобы чиновничества было ровно столько, сколько это действительно необходимо, и чтобы полномочия этого чиновничества были строго определены рамками законов.

— *Что может стать «локомотивом» экономического возрождения России?*

— *Так называемые новые русские возводят себе хоромы, а как быть простому человеку? Мне не нужны эти хоромы, но откуда взять миллионы на нормальную квартиру, если цены на жилье непомерные, а жить тоже хочется по-человечески, и не когда-нибудь, а сегодня?*

— Я считаю, что реальная экономическая политика означает выбор государством звеньев, которые могут стимулировать рост частных сбережений, инвестиций. По мнению «ДВР», ключевым звеном осуществления структурной перестройки, иными словами, локомотивом обновления отечественной промышленности является в настоящее время в России жилищная политика.

В этом пункте наша позиция радикальным образом отличается от программных установок и заявлений практически всех политических партий современной России, в представлении которых роль подобных локомотивов призваны сыграть военно-промышленный комплекс, космическая индустрия, аграрный сектор — именно о них обычно говорится как о потенциальных «точках роста» российского народного хозяйства.

Современная научно-техническая революция позволяет перенести центр тяжести в решении проблемы роста на отрасли, непосредственно связанные с обслуживанием потребностей граждан страны. Возможность существенного улучшения жилищных условий является важнейшим стимулом человека к эффективному труду, накоплению и инвестированию. Это один из важнейших источников роста в любой рыночной экономике, и поистине решающим он может стать в нашей стране, задыхающейся от нехватки капитальных вложений.

Разумеется, жилищная проблема никогда не будет решена, если не изменится коренным образом весь механизм производства и распределения этого важнейшего для каждого человека блага, т. е. если по-прежнему начальник, чиновник останется центральной фигурой при выделении ресурсов на строительство и при распределении квартир.

Однако известны и другие пути решения жилищной проблемы, хорошо зарекомендовавшие себя во многих странах, осуществивших в нынешнем столетии переход от тоталитарной экономики к рыночной. Главное здесь — предоставить самим гражданам возможность решить свои проблемы. Разумеется, сколько ни собирай денег в копилку, на квартиру не наберешь.

Поэтому мы выступаем за широкое развитие системы жилищного кредита, предоставляемого на льготной основе через соответствующие банковские структуры. Именно государство должно позаботиться о том, чтобы сделать этот кредит льготным. Более того, будучи противниками льготных кредитов как системы, мы убеждены, что именно жилищный кредит является тем единственным исключением, на которое может и должно пойти государство, несмотря на все тяготы переходного периода, несмотря на трудности балансирования бюджета.

Единственное условие здесь то же, о котором шла речь в связи с решением другой проблемы отечественной экономики, — чтобы эти кредиты стали возможны, необходимо сперва существенно снизить инфляцию. Жилищный кредит создает весомые стимулы к накоплению, формирует устойчивый спрос на продукцию важнейших отраслей отечественной промышленности и тем самым подталкивает производство к росту. Эти стимулы, идущие непосредственно от населения, и создают в итоге механизм устойчивого и сбалансированного роста, когда производство будет развиваться не ради производства, а для потребления, когда потребности человека перестанут восприниматься в качестве досадной помехи или источника лишних затрат.

РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА

— Вы в своей книге «Государство и эволюция» большое внимание уделили первоначальному накоплению капитала. Мы на местах сталкиваемся с такой практикой, когда так называемые красные директора окружают себя дочерними предприятиями, фирмами. Руководство таким образом добывает себе средства для их последующего использования в своих интересах. Но это же не является честным первоначальным накоплением капитала, как Вы считаете?

— Я считаю, что мы должны ставить себе реальные задачи. Отнять собственность у бюрократии, строго говоря, невозможно. Это означало бы пойти на социальную революцию, результатом которой было бы море крови и торжество той же бюрократии или другой, более молодой. Процесс участия бюрократии в приватизации собственности начался задолго до того, как мы пришли к рычагам управления. Уже в 1989–1991 гг. он шел полным ходом. Но есть две задачи, которые можно попытаться решить.

Первая — ввести этот процесс в мало-мальски правовые рамки. Одним из первых нормативных актов в этом направлении является запрет сдачи предприятий в аренду с правом выкупа. Ведь самые серьезные злоупотребления были связаны с тем, что одно лицо (допустим, муж) могло отдать другому лицу (например, жене) лучший участок возглавляемого им предприятия, с лучшим оборудованием, в аренду с правом выкупа по остаточной стоимости, т. е.

за символическую плату. Злоупотребления совершались в полном соответствии с законом.

В случае конкурсов, аукционов, конечно, тоже есть возможность сговора, но по крайней мере это вводит какое-то нормативное регулирование, позволяет обеспечить хотя бы минимальный уровень контроля. Второе, что абсолютно необходимо сегодня, когда ответственность уже в существенной степени распределена в пользу бюрократии, — это установить систему эффективного рыночного контроля.

Политика, проводимая нынешним правительством, очень хороша для номенклатуры. Старый страх уже ушел, не надо бояться КГБ, партконтроля и т. д. А новый страх — страх перед жестким рынком, жесткой финансовой ответственностью, нормативным регулированием акционерами — еще не пришел. Но ведь мало урвать ответственность, ею надо еще уметь распорядиться. И поэтому жесткая ответственность рынка, жесткая финансовая дисциплина, жесткое законодательство о банкротстве — это именно то, что нужно для того, чтобы ответственность у номенклатуры рыночными методами изъять и передать ее в руки тех, кто умеет ею разумно распорядиться.

— *А куда деваться рабочим при банкротстве?*

— Банкротство направлено не против рабочих. При банкротстве отстраняется от управления предприятием руководство. Поэтому банкротство грозит прежде всего руководству. А вот оно-то обычно предпринимает все усилия, чтобы запугать коллектив, хотя боится прежде всего за свое место. Государство может выделить средства на это предприятие, но обанкротившийся директор уже ни в коем случае не останется во главе обанкротившегося предприятия. Даже в случае проведения процедуры банкротства до конца, до расформирования предприятия, государство берет на себя заботу о рабочих. Но на самом деле коллектив при отстранении директора-банкрота обычно только выигрывает, у рабочих при этом появляется шанс.

— *Зачем нужна частная собственность на землю?*

— Частная собственность на землю — это не самоцель, это экономическая неизбежность при переходе к рыночному типу экономики. Тот, кто вкладывает в землю капитал, будет стремиться к ее рациональному использованию. Неспособный вести на ней эффек-

тивное хозяйство будет вынужден к отчуждению своего участка в пользу более рачительного производителя.

Нельзя сказать, что частная собственность на землю безусловно положительная вещь. И с экономической, и с социальной точек зрения ей присущи определенные недостатки. Человечество уже осознает эти недостатки. Поэтому понятия абсолютной частной собственности на землю, при которой собственник не ограничен в своих полномочиях, уже нигде в мире не существует. Государство как выразитель интересов всего общества все больше и больше регулирует земельную собственность, все больше вводит экологических ограничений, планирует землепользование, контролирует сделки с землей и т. д. И тем не менее земельный оборот везде сохраняется как неизбежный элемент рыночной экономики.

Земля приобретает цену на рынке, а это значит, что становится возможным заложить ее для получения производственного кредита. Земля приобретает стоимость, и в силу этого становится возможным реально оценивать эффективность всевозможных проектов. Может быть, мы бы не затопили при строительстве гигантских ГЭС такое количество ценных сельскохозяйственных угодий, включив в рассмотрение реальную, т. е. рыночную, стоимость земли. При наличии цены земли отпадает надобность в надуманных, искусственных «нормативных ценах», к которым сегодня приходится прибегать при любых земельных трансакциях, что плодит произвол чиновников, искажает реальные экономические отношения при обмене земли и т. д.

Конечно, в развитых странах процесс становления земельного рынка складывался веками, а в переходных условиях нашей страны возникает много проблем. Чего боятся наши оппоненты прежде всего? Спекуляции землей, ее скупки гражданами других стран, вывода из оборота? Но давайте взглянем на реалии сегодняшнего дня без предвзятости.

Любой знакомый с проблемой знает, в каких масштабах идет спекуляция землей и от лица государства, и специальными риелторскими фирмами, и просто предприятиями, имеющими землю в пользовании. Происходит это полулегально, без четкого законодательного регулирования. В теневой экономике это приобретает все более нежелательные черты. Так, земельная спекуляция в тех регионах, где для земельного оборота есть экономические корни,

идет в хищнических формах, с нарушением целевого использования земли, без какого-либо контроля со стороны государства.

И поэтому российскому обществу не удастся избежать ни одной из тех проблем, которых хотелось бы избежать в ходе приватизации земли, да еще при этом теряются возможные налоговые поступления от земельных сделок. Мы считаем, что нужны полноценная нормативная база и организационный механизм для осуществления цивилизованного земельного оборота в стране.

— *Что Вы понимаете под аграрной реформой? Роспуск колхозов и совхозов? Или что-то еще?*

— Если посмотреть наши официальные документы, то вряд ли кто-то обнаружит в них однозначные и жесткие требования именно роспуска. Мы против «насильственной деколлективизации», равно как и против каких-либо других насильственных мер. Чего мы действительно хотим — так это равноправного соревнования различных предприятий независимо от организационно-хозяйственной формы. Другое дело, что фермерское хозяйство как совершенно новая для современной России, только возникшая форма работы на земле требует сейчас пристального внимания и особой поддержки.

Мы рассматриваем аграрную реформу как часть общей трансформации российского общества, перехода от административно-командной экономики к рыночной, от централизованного регулирования всех сторон социальной жизни к местному самоуправлению. Первоочередная задача аграрной реформы заключалась в создании хозяйствующих субъектов, ориентированных на рынок, способных быстро реагировать на экономическую конъюнктуру, стимулом деятельности которых является прибыль. Очевидно, что колхозы и совхозы создавались как элементы совершенно иной системы и к функционированию на рынке были в своем прежнем виде не способны.

Первым решением этой проблемы стали возникающие фермерские хозяйства, которые по своей природе изначально рыночные производственные единицы. Для создания фермерского сектора был необходим механизм перераспределения земли, что уже само по себе было шагом вперед по пути реформ. Но фермерский сектор стал мощным катализатором рыночных изменений во всей аграрной экономике. Во-первых, возможность самостоятельно хо-

зяться на земле, возможность выбора явились фактором экономической демократии, без которой рынок немислим. Во-вторых, находящееся в процессе становления фермерское хозяйство дало пример принципиально иного поведения производителя в экономической системе.

Тем не менее изначально было понятно, что в ближайшей перспективе фермерский сектор не будет основным производителем сельскохозяйственной продукции в стране. Тому есть исторические, экономические, социально-психологические, технологические причины. Поэтому важнейшей составляющей институциональной реформы в сельском хозяйстве является трансформация колхозов и совхозов. Сегодня формально-юридическая часть этого процесса пройдена: коллективам этих хозяйств отданы фонды и земли, они как бы отделены от государства, от государственных систем сбыта, снабжения, финансирования. Каждому крестьянину дано право без согласия коллектива выйти со своей долей имущества и земельным участком, что дает определенные гарантии каждому селянину.

Теперь стоит задача более длительная — реальная трансформация этих предприятий в рыночные субъекты. Часть хозяйств будет под воздействием внешних экономических условий разделена на более мелкие предприятия, фермы. Другие хозяйства, по-видимому, трансформируются в относительно крупные коммерческие фермы на наемном труде и с четко закрепленной ответственностью. В этом вопросе не может быть единого шаблона для всей России, не может быть нормативных моделей и уж совсем не должно быть директивного насилия над крестьянами.

Если на первой стадии аграрной реформы государство преимущественно ушло из сферы сельскохозяйственного производства, то последующий этап — уход государства из сферы распределения сельскохозяйственной продукции. Но, ликвидируя государственную монополию в закупках, оптовой торговле, хранении, переработке и т. п., государство должно параллельно всемерно и целенаправленно поддерживать частные структуры в этой области. Государственные инвестиции, политическая поддержка правительства должны сегодня быть направлены не столько в само сельскохозяйственное производство, сколько в тех, кто его обслуживает, кто соединяет его с конечным потребителем, — в посредников,

оптовых и розничных торговцев, переработчиков, комиссионеров и т. п. Только встав на ноги, эта традиционно отсталая сфера может потянуть за собой и сельскохозяйственное производство. Так было во всем мире, так должно быть и в России.

В сельском обществе необходимо изживать накопившееся за долгие годы тоталитаризма иждивенчество. В деревне нужно возродить традиционный коллективизм, самоуправление. Многие вопросы социальной инфраструктуры села могут гораздо успешнее решаться в рамках местного самоуправления.

На макроуровне аграрная реформа выражается в принципиально иной аграрной политике правительства. Наши оппоненты обычно ссылаются на то, что во всех развитых странах мира государство в значительной мере поддерживает собственных сельскохозяйственных производителей. Это не совсем так. Европа и весь мир осознали неразумность такого протекционизма. Но дело даже не в этом. Российское сельское хозяйство составляет четверть национальной экономики, в то время как в развитых странах эта доля не превышает 5% (за исключением Турции, Греции, Ирландии, где она составляет 10–15%). При таком удельном весе нашего аграрного сектора его массивная поддержка обществу просто не по карману. Это будет лишь ухудшать общее экономическое положение страны, а тем самым и самого сельского хозяйства.

С другой стороны, активное вмешательство государства в аграрный сектор ведет к искажению рыночных сигналов, сельскохозяйственные производители оказываются дезориентированы в экономическом окружении и их положение еще более усугубляется, так как они не успевают провести структурную перестройку производства.

Поэтому политика поддержки аграрного сектора должна исходить из преимущественного субсидирования не цен, не доходов, а конечного потребителя. Только этот подход не ведет к раскручиванию дотационной спирали, когда чем больше вливаний в сектор, тем больше ресурсов требуется для продолжения такой политики.

— *Ваше отношение к экономическому союзу с бывшими республиками СССР?*

— Если коротко — то позитивное. Однако при соблюдении одного очевидного условия: при заключении подобного рода соглашений нельзя допускать ущемления экономических интересов росси-

ян. Между тем предложения о союзе, о заключении тех или иных двусторонних и многосторонних экономических соглашений нередко имеют в своей основе желание наших партнеров по СНГ получить те или иные преимущества за счет российского налогоплательщика. Более точный же ответ на вопрос об экономическом союзе требует и более конкретного его рассмотрения.

Что имеется в виду, когда мы говорим о нашей поддержке идеи экономического союза? Прежде всего создание зоны свободной торговли между государствами-членами СНГ, т. е. отмена всяких ограничений на продвижение товаров и капиталов на нашем общем экономическом пространстве. Это стало бы важным шагом на пути воссоздания единого рынка, который стал бы одним из крупнейших в мире.

Важен и платежный союз, т. е. достижение ситуации взаимной конвертируемости валют стран — членов соглашения о платежном союзе. Тем самым упростились бы расчеты между нашими предприятиями, были бы сняты многие технические препятствия на пути производственной кооперации между ними. Это существенно облегчило бы хозяйственную деятельность, стимулировало бы развитие взаимовыгодных экономических связей. Кроме того, платежный союз является инструментом решения ряда сложных социальных проблем. Он значительно упрощает процесс выдачи пенсий, социальных пособий гражданам, живущим на территории другой республики. На место почтовых переводов денег приходят более простые и эффективные межбанковские расчеты.

Мы выступаем за унификацию экономического законодательства. Мы убеждены, что страны, объединенные общими целями экономического строительства, могут и должны основывать свои отношения на едином, эффективном и современном хозяйственном законодательстве. Неплохую основу для решения этой задачи дает, по нашему мнению, новый Гражданский кодекс Российской Федерации, который могли бы использовать у себя и другие члены СНГ.

Общих подходов требуют и антимонопольное регулирование, и денежно-банковское законодательство, природоохранная система, и т. д. Учитывая экономический и политический вес России, накопленный ею опыт реформирования экономики (который, безусловно, заметно опережает опыт других членов СНГ), мы убеждены,

что именно российское законодательство должно рассматриваться в качестве базы для состыковывания законодательств государств Содружества.

Еще более определенно это можно сказать и о денежной политике: Россия никогда не должна соглашаться на передачу части своих денежно-кредитных полномочий общему собранию других государств, поскольку она не только является самым продвинутым по пути реформ членом СНГ, но и аккумулирует у себя большую часть всего его денежного оборота. Хотя надо отдавать себе ясный отчет, что путь к реальному экономическому единству стран СНГ будет длинным и непростым — если мы хотим достичь этого единства на современном европейском уровне и не за российский счет.

— *Почему иностранному капиталу дают преимущество по сравнению с российскими предприятиями?*

— Мы против этого, хотя нас всячески пытаются убедить, что в современной России нет достаточной политической и экономической стабильности для притока иностранного капитала, столь необходимого нашему народному хозяйству. Отсутствие этих условий пытаются компенсировать созданием разного рода льгот.

Наша позиция состоит в создании условий, благоприятных для конкуренции отечественного капитала с иностранным. В условиях высокой степени монополизации отечественной экономики лишь присутствие иностранных товаров и капитала может спасти россиянина-потребителя от унижительной зависимости от монополиста-продавца. Однако это вовсе не означает, что иностранный капитал должен иметь узаконенные преимущества в конкурентной борьбе с отечественным производителем. Капитал придет. Повторяю: дело за общеэкономической и политической стабильностью.

О БЮДЖЕТЕ И ФИНАНСАХ

— *Много говорилось о том, что государственный бюджет должен формироваться снизу. Но все осталось по-старому: бюджет формирует правительство и утверждает Дума, т. е. все идет сверху. Когда же это кончится?*

— Бюджет должен формироваться не сверху и не снизу, а на основе нормального федерализма, который предполагает, что средства из госбюджета выделяются регионам независимо от личных

отношений просящего и дающего. У нас сейчас субвенции распределяются смешно: «бедному» югу — больше, «богатому» северу — меньше. По сути, такие регионы, как Мурманская, Вологодская, Кировская, Пермская области, являются донорами Краснодарского и Ставропольского краев, Волгоградской и Ростовской областей. Это происходит по очень простой причине: активно голосующие в парламенте коммунисты-южане «забивают» не в меру спокойных северян и успешно перетягивают одеяло дотаций на себя.

— *По некоторым оценкам, предложенный правительством бюджет на 1995 г. лучше предыдущего. Это действительно так?*

— Действительно так. Правительство предложило бюджет, в котором дефицит хотя и не радикально, но все же в сравнении с 1994 г. был сокращен, т. е. в бюджете присутствует тот здравый смысл, который диктует жесткую финансовую политику. Стержневая идея — переход к неэмиссионному финансированию дефицита бюджета. Вообще дефицит бюджета — это страшная штука для национальной экономики. Я об этом говорил начиная с 1992 г., а мне возражали: эка невидаль, у многих стран есть бюджетные дефициты и их как-то покрывают. Но в том-то и дело, что не «как-то», а из неэмиссионных источников, которых у стран с развитой рыночной экономикой множество, а у нас финансовый рынок незрелый, только-только формирующийся. Тем не менее можно закрыть брешь за счет долгосрочных внешних кредитов и разумной работы на внутреннем рынке. В эту фразу надо теперь вставить слово «было»: можно БЫЛО закрыть брешь бюджетного дефицита, если бы не чеченская война.

Ситуация с бюджетом на 1995 г. действительно очень сложная. Мне в нем отнюдь не все нравится, и не все в этом бюджете реалистично. Но этот бюджет был разработан для условий мира. Он разрабатывался, когда никто не собирался начинать войну в Чечне. И сейчас он становится еще менее реалистичным. Уже сегодня очевидно, что расходы на Чечню огромные. И в связи с этим ясно, что некоторые коррективы в бюджет придется вносить. Мы сами, кстати говоря, выступили инициаторами того, чтобы бюджет индексировался и расходы индексировались по результатам реального его выполнения, с учетом реальных поступлений в бюджет. В условиях тяжелейшей бюджетной ситуации, когда у нас высокая инфляция, можно очень быстро, несколькими движениями развалить все

то, что вообще еще осталось от рыночного механизма. Поэтому для меня бюджет сегодня — это все-таки какая-то точка опоры в борьбе против развала, за финансовую сдержанность.

— *Не считаете ли Вы, что правительство расходует недопустимо мало средств на развитие образования, науки, культуры, здравоохранения?*

— Безусловно, считаем. Именно это составляло основное содержание поправок фракции «Выбор России», которые вносились к проектам бюджетов и на 1994-й, и на 1995 г.

Вообще в этом отношении ситуация в нашей стране складывается уникальная. Обычно в парламентах демократических государств левые (социалисты и коммунисты) выступают прежде всего с требованиями поддержки социальной сферы, а правые борются за сокращение государственных расходов как таковых. У нас же левые фракции (коммунисты и мало чем отличающиеся от них аграрии) голосуют за финансирование прежде всего промышленных отраслей и сельскохозяйственных предприятий, причем, как правило, неэффективных, обреченных на прозябание. На социальную же поддержку населения денег в таком случае почти не остается, да и эти крохи «съедаются» инфляцией, порождаемой бездумным финансированием тех же неэффективных отраслей.

Напротив, «Демвыбор России», который политологи относят к правому центру, настаивает на расширении поддержки граждан, а также отраслей непроизводственной сферы — науки, культуры, образования. Мы уверены, что экономия в этих сферах может обернуться невозвратными потерями. А денег эти отрасли требуют гораздо меньше, чем для поддержки неэффективных производств.

Словом, именно в развитии и укреплении социальной сферы, в эффективной поддержке населения, а не в бездумном поддержании «на плаву» отечественных промышленных монстров, которые не приносят ничего, кроме убытков, и не в подпитке бюрократического аппарата должна состоять важнейшая задача государственного бюджета.

Когда обсуждался бюджет на 1995 г., наша фракция наиболее энергично боролась за увеличение финансирования науки при сокращении расходов на дотации, субсидии, колоссальная часть из которых разворовывается. По результатам первого квартала расходы субсидий, например, АПК профинансированы на 200%, рас-

ходы на науку — на 73%. Я не могу понять этой логики. Я не могу понять логики, в соответствии с которой возникают мощнейшие, крупномасштабные льготы и преимущества для отдельных сфер и отраслей экономики просто потому, что они тесно связаны с властью. Фракция «Выбор России» при обсуждении бюджета на 1995 г. резко критиковала правительство за его неготовность реально расширить финансирование науки, за стремление держать ученых на голодном пайке. Именно по нашему настоянию в бюджете 1995 г. выделено дополнительно 300 млрд руб. на фундаментальные исследования.

— Судя по Вашим заявлениям, инфляция является самой тяжелой экономической проблемой современной России. Однако в условиях глубокого спада производства и перспективы быстрого роста безработицы самой главной задачей руководства должна быть всемерная поддержка производства, не так ли?

— Почему ваша партия выступает против предоставления слабым предприятиям финансовой поддержки? Ведь льготные кредиты или помощь из госбюджета могли бы приостановить спад производства.

— Прежде всего надо правильно понимать роль и причины спада производства. В советской экономике на протяжении последних десятилетий значительная часть производимой продукции была по сути бесполезной. Мы производили вооружений больше, чем весь остальной мир, причем отнюдь не только вооружений наивысшего качества. Военно-промышленный комплекс был не просто важнейшей частью отечественной экономики, но, по сути дела, ее краеугольным камнем, по сравнению с которым большинство отраслей выглядело карликами. Имея производительность труда в сельском хозяйстве примерно 20% от европейской, мы производили огромное количество тракторов и комбайнов (опять же больше, чем все другие страны), причем техника эта отличалась исключительно низкой производительностью и качеством. Селу ее приходилось нередко продавать насильно, по партийной разнарядке.

Можно привести еще десятки аналогичных примеров. Но ведь за всем этим стоит производство миллионов тонн стали и других металлов, топливно-энергетических ресурсов, продукции химической промышленности, станкостроения и т. д. И все это расходовалось, если признаться честно, впустую. Сокращение всего этого

бессмысленного производства не трагедия, а огромное благо для России. Если бы мы продолжали после 1991 г. производить все, что производили ранее, то у нас не осталось бы ресурсов для развития отраслей, способных производить пользующуюся спросом продукцию.

Против приведенных нами соображений иногда выдвигают такой аргумент: нельзя было идти на такие решительные сокращения производства вооружения, которое мы экспортировали за рубеж на сумму около 15 млрд долл. в год.

Но в том-то и дело, что эта статистика не вполне честная. Действительно, СССР поставлял в год за рубеж вооружения примерно на такую сумму. Но продавал не более чем на 2 млрд долл. Остальное оружие шло как бы в долг так называемым дружественным (а часто на самом деле террористическим) режимам, которые никогда не собирались за него расплачиваться. Сейчас экспорт оружия Россией в физическом выражении значительно сократился, но объемы валютных поступлений от этой статьи нашего экспорта отнюдь не уменьшились.

Второй аргумент наших оппонентов звучит так: спад производства (особенно в оборонном секторе) подрывает отечественный научный потенциал, который действительно в значительной мере был замкнут на оборонку.

Здесь мы предлагаем примерно те же решения, что и в социальной сфере. Значительно дешевле и эффективнее финансировать научные исследования непосредственно, а не поддерживать непомерные объемы производства не пользующейся спросом продукции. Мы реалисты и считаем, что спад, как это ни печально, был необходим нашему хозяйству.

Требовать предоставления льготных кредитов и бюджетного финансирования в сколько-нибудь ощутимых размерах — это все равно что требовать ускорения роста цен. Это экономический закон, многократно подтверждавшийся в десятках стран мира. Инфляционная поддержка предприятий не способствует их росту, а втягивает экономику страны в пучину еще более глубокого кризиса. Недаром инфляционное финансирование народного хозяйства нередко сравнивают с попытками лечить наркоманию приемом новых доз наркотиков.

Да и идут эти дешевые деньги, как правило, не наиболее прогрессивным и эффективным производствам, а тем, у кого имеются наилучшие связи в «коридорах власти». Понятно, что индустриальные монстры, выпускающие никому не нужную продукцию, имеют гораздо больше шансов получить денежную помощь от государства, чем вновь возникающие небольшие высокотехнологичные частные производства.

И нужно еще отметить, что льготные кредиты и бюджетные субсидии зачастую не попадают к тому, кому они предназначены, или же приходят со значительным опозданием. В одном случае они долго «крутятся» в банках-посредниках, принося немалые барыши, а тем временем в значительной мере обесцениваются в условиях высокой инфляции. В другом случае эти средства, даже дойдя до предприятия, прямиком попадают на валютный рынок.

Иными словами, государственная раздача денег кроме всего прочего способна лишь обогатить близких к власти «деловых людей» и чиновников, затормозить структурную перестройку народного хозяйства, без которой наша страна обречена оказаться на обочине истории.

Опыт всех стран мира, которые успешно решили (или решают в настоящее время) задачи, сходные с нашими, свидетельствует: без остановки инфляции не может начаться рост производства. Сколько на Украине и в Белоруссии ни вкладывали денег в поддержание производства — спад производства и уровня жизни оказывался там в конечном счете просто катастрофическим. А стоило Польше или Латвии затормозить инфляцию, как в течение года после этого у них начался экономический рост.

— *Вы весьма категорически выступаете против финансовой поддержки всех предприятий. Не боитесь ли, что так могут погибнуть целые отрасли?*

— *Как, по Вашему мнению, можно преодолеть спад производства и обеспечить экономический рост?*

— Я уже говорил, что сама проблема спада не может оцениваться однозначно. Для того чтобы оценивать состояние и перспективы отечественного производства, ведущего к реальному росту благосостояния россиян, необходимо иметь в виду, что должны идти одновременно два процесса.

С одной стороны, свертывание ненужного и неконкурентоспособного производства, с другой — концентрация ресурсов там, где производится эффективная и качественная продукция, пользующаяся спросом, где есть перспектива роста.

Для решения второй задачи необходимы инвестиции. Их можно получить из двух источников. Основные — в результате сбережений россиян: граждане накапливают средства в банках, а банки инвестируют эти средства в производство. Дополнительные — в результате притока в страну иностранного капитала. Возможны и государственные инвестиции, но практика XX в. свидетельствует о том, что в больших масштабах они оказываются, как правило, неэффективными. Вы сами можете вспомнить множество примеров долгостроя, гигантомании, результатом которых являлось омертвление капитала.

Для того чтобы частные накопления и иностранные инвестиции стали практической реальностью нашей жизни, надо остановить или существенно замедлить инфляцию. При высоком уровне инфляции, разумеется, никто не накапливает деньги, которые эта инфляция «съедает». Инфляция также ограничивает возможность инвестора оценивать эффективность вложения капитала, что является мощным заслоном на пути иностранных инвестиций в страну.

Наконец, важным фактором экономического роста является и политическая стабильность, без которой инвестиций в экономику также странно ожидать. Нельзя недооценивать и роль государства в обеспечении экономического роста.

Во-первых, именно оно должно обеспечивать стабильность, столь необходимую для экономического роста. Стабильность как экономическую (резкое замедление инфляции), так и политическую.

Во-вторых, государство может использовать ограниченные ресурсы для прямых инвестиций. Однако их желательно прямо привязать к частным инвестициям. Например, еще в 1993 г. мы предлагали использовать такой критерий — государство участвует в инвестировании, если предприниматели и региональные администрации готовы вложить в проект 70–80% своего капитала, т. е. они непосредственно участвуют в риске, оценивают его, а не ограничиваются привлечением дармовых (для них, а не для всего народа, конечно) государственных ресурсов.

И в-третьих, государство должно определиться с точками экономического роста. На протяжении последних лет в понятие точечной (или селективной) политики однозначно вкладывался вульгарный смысл, который придавали ему идеологи отраслевого лоббизма, когда каждый имел в виду необходимость закачки государственных денег именно в «свою» отрасль.

— *Неплатежи — серьезнейшая проблема российской экономики. Каково отношение к этой проблеме ДВР?*

— Хронический кризис неплатежей, существенно затрудняющий нормальное развитие отечественной экономики, действительно несет серьезную опасность для народного хозяйства, для продолжения рыночных реформ. Этот кризис представляет собой «боло-то», в котором вязнут многие важные институциональные и экономические преобразования.

Надо откровенно признать, что значительная часть неплатежей связана непосредственно с деятельностью руководителей предприятий, способных лишь к замораживанию или проеданию оборотных средств. Поскольку шансов на получение банковского кредита у финансово неблагополучного предприятия практически нет, оно вынуждено искать средства путем отказа от оплаты по выставленным счетам. Грубо говоря — руководить предприятиями должны люди квалифицированные. К сожалению, в нашей стране в настоящий момент не существует механизмов смены экономически несостоятельных администраций предприятий. Такой механизм необходимо срочно создать, и ДВР имеет достаточно четкие и понятные предложения на этот счет.

Еще одной причиной кризиса неплатежей являются личные корыстные интересы директоров предприятий. На некоторых предприятиях значительная часть выручки поступает на счета созданных администрацией ТОО, а предприятия не имеют возможности оплачивать свои счета. Еще чаще встречается ситуация, при которой последовательность оплаты выставленных предприятию финансовых требований зависит не от порядка их поступления, а от личных отношений кредиторов с администрацией. Единственной возможностью бороться с такой ситуацией является жесткая позиция исполнительной власти вплоть до уголовного преследования руководителей подобных предприятий.

Следующей причиной, имеющей свой источник в политике правительства, являются нереалистичные обещания государства, частично внесенные в расходную часть государственного бюджета. Предприятия (чаще всего оборонные), которым даны такие обещания, не получают за свою продукцию денег из бюджета (в связи с тем, что реально собираемые в бюджет средства заметно меньше, чем запланированные). А это влечет цепочку неплатежей во всей экономике.

Эта разновидность неплатежей особенно опасна тем, что именно она порождает массовые невыплаты заработной платы, влекущие повышение социальной напряженности (на которой часто спекулируют различные политические силы). Кроме того, поскольку бюджетные обещания полностью или частично необходимо выполнять, такая политика приводит к росту инфляционных ожиданий (а потом и к самой инфляции). К сожалению, именно в этом вопросе правительство В. Черномырдина не проявляло необходимой твердости.

Еще одной важной причиной, связанной с политикой исполнительной власти, является нерациональная и запутанная политика в отношениях со странами ближнего зарубежья. Правительство из чисто политических соображений, «симпатий» идет на экономическую поддержку наших соседей, неизбежно создавая цепь неплатежей по всей технологической цепочке, следующей за топливно-энергетическим комплексом.

Отметим, что основная часть неплатежей сконцентрирована в топливно-энергетическом и транспортном (железные дороги) секторах российской экономики. Это связано как с технологическими причинами, так и со спецификой этих отраслей как естественных монополий. Отсутствие механизмов регулирования естественных монополий и тесная связь этих отраслей с правительственными структурами приводят к тому, что цены на их услуги часто бывают завышенными (особенно для платежеспособных предприятий).

— *Что Вы можете сказать о существующей налоговой системе?*

— Главный изъян нынешней налоговой системы состоит в том, что у нас слишком высокие налоги. Этот изъян, к сожалению, связан со вторым базовым изъяном нашего государства — что у нас слишком высокие государственные расходы. Вопрос о налогах тождественно равен вопросу о государственных расходах. И наша

фракция, наша партия, пожалуй, единственная, которая последовательно отстаивает линию на сокращение государственных расходов. Когда разговор о снижении налогов ведут люди, которые до этого только что проголосовали за очередные триллионы увеличения госассигнований, это непрофессионально и несерьезно.

Если говорить только о налогах, то надо признать, что существует неоправданно большое количество малых налогов с предельно низкими налоговыми поступлениями. Кстати, большая часть этих налогов носит местный характер (есть регионы, в которых применяется 70–80 видов этих налогов). Беда с этими налогами в том, что, принося минимальные доходы в бюджет, они одновременно требуют очень серьезной бухгалтерской работы по расчету и создают широкие возможности для наложения разнообразных штрафов и санкций на предприятия и предпринимателей. Многие из этих налогов не восполняют тех средств, которые тратятся на их взимание. Мы предлагаем перечень, довольно узкий, тех налогов, которые могут быть использованы субъектами Федерации, с тем чтобы они не вводили налоги на все. Резкое ограничение круга применяемых налогов — жесткая необходимость сегодняшней жизни.

Следующее важнейшее направление налоговой работы — это борьба с налоговыми льготами. У нас высокие уровни налогов. Отсюда большое давление со стороны тех, кто желает, чтобы им предоставили налоговые льготы. Реально налоговые льготы сегодня — это налоговые льготы в основном богатым, большей частью занятым в сфере краткосрочных спекулятивных операций. Налоговые льготы сегодня — это то, что делает нашу налоговую систему предельно несправедливой. Налоговые льготы предоставляются, следовательно, поступлений в бюджет меньше. Значит, надо опять увеличивать налоговые ставки. Еще больше появляется тех, кто желает добиться налоговых льгот. Это очень опасная тенденция. Мы за справедливые, равномерные и более низкие налоги. И в связи с этим готовы взять на себя ответственность неприятную и тяжелую по резкому сокращению льгот, в том числе таких, как льготы инвалидам, и т. д., потому что колоссальное количество этих льгот, особенно когда речь идет не о льготах самим инвалидам, а о льготах организациям инвалидов, реально на практике используется, скажем, для торговли спиртными напитками, торговли табаком.

А если мы самые налогообъемные товары выводим из-под налогообложения, откуда взяться налоговым поступлениям?

Следующая задача — регламентировать работу налоговой полиции и налоговой инспекции в соответствии с нормальной правовой практикой. Не секрет, что налоговая полиция и налоговая инспекция — при всем моем глубоком уважении к их работе — за последнее время стали как бы государственным рэкетом. Ведь они живут штрафами, и им вообще-то безразличны налоговые поступления. Часто бывает так: налоговый инспектор приходит и говорит: «Сумму штрафа такую признаешь — полтора процента от оборота. Не признаешь — будет плохо». Это абсолютно иррационально с точки зрения государственной службы. Нельзя давать в руки чиновника возможность по собственному желанию ликвидировать любое предприятие, а именно это предусматривает нынешний механизм налогообложения.

Должна быть особая система налогообложения для малого и среднего бизнеса. Речь не идет о каких-то льготах для них, я категорический противник этого, иначе мы наплодим множество фиктивных малых предприятий. Речь идет о нормальной системе, в рамках которой они будут платить налоги наравне с другими, но которая будет предельно простой. Надо свести все виды налогов лишь к одному платежу — в процентах от оборота. По нашему убеждению, он должен составлять 10% оборота соответствующего предприятия без уплаты других налогов. На деле это уже будет огромным вкладом в становление среднего класса России.

Есть еще много вещей, которые могут и должны стать элементами налоговой реформы. Упомяну только одну — кодификацию налогового законодательства. Налоговые отношения должны быть регулируемы налоговым кодексом, а не бесконечным числом произвольно меняющихся налоговых инструкций.

— *Чем было вызвано бегство капитала из страны? Как это вообще происходит?*

— Непоследовательность финансовой политики, финансирование дефицита бюджета за счет эмиссионных ресурсов Центрального банка привели к тем результатам, которые можно было предсказать заранее. Самым важным из них стало массовое бегство капитала из России — совершенно естественное и неизбежное следствие высокого инфляционного налога. Со временем не только

крупные банки, но и домохозяйки понимают, что если правительство печатает слишком много денег, то самое разумное — хранить свои сбережения в форме устойчивой, конвертируемой валюты.

Разумеется, не надо это представлять так, что коварные контрабандисты тайными тропами под покровом ночи тащат мешки, набитые деньгами, через границу. Нет, все проще и прозаичнее. Центральный банк вполне легально ввозит в страну миллиарды долларов, которые покупают российские граждане.

Так вот только в 1994 г. российские граждане вложили свободные средства в покупку около 20 млрд долл. И соответственно Россия, российское население тем самым предоставили примерно на эту же сумму кредиты Федеральной резервной системе Соединенных Штатов Америки. Мы сейчас один из крупнейших кредиторов Соединенных Штатов. Надо сказать, что население поступало так не потому, что ему так уж нравится зеленый цвет или так уж хотелось кредитовать американский бюджет. Россияне делали это не из антипатриотических соображений, а потому, что так понимали свою выгоду. Когда государство само разрушает собственную валюту, то общество, предприятия, отдельные граждане только так и могут себя вести. Не завозят же доллары в Чехию, страны Прибалтики, потому что собственная валюта в этих странах в результате жесткой финансовой политики вполне устойчива, тверда.

— Было понятно, когда наш «деревянный» рубль стал падать. Но почему вдруг стал падать доллар, а рубль расти? И надолго ли это?

— Я уже говорил, что у меня есть претензии к бюджету на этот год, но все-таки я должен отметить, что реальный дефицит бюджета был сокращен до 3,5% за первые 5 месяцев 1995 г. и этот дефицит стал финансироваться из нормальных источников, т. е. за счет внутреннего и внешнего финансового рынка. Развитие финансовых инструментов, таких как государственные казначейские обязательства, позволяет сегодня без большого напряжения финансировать дефицит бюджета, равный примерно 2% валового внутреннего продукта. (Дополнительно процент с небольшим идет за счет финансирования из внешних источников.)

Центральный банк практически перестал выдавать кредиты бюджету, последний такой кредит был выдан в январе на восполнение кассовых разрывов и составлял сравнительно небольшую величину — 3,5 трлн руб. Это не могло не повлиять на всю ситуацию

на денежном, и в первую очередь на валютном рынке. Здесь она начала меняться радикально с февраля–марта. Это не сразу было осознано и рынком, и обществом, реакция была сначала замедленной, но зато потом очень мощной, создающей дополнительные проблемы. С конца марта — начала апреля наиболее разумные, прозорливые крупные российские коммерческие банки осознали тот факт, что в изменившейся ситуации выгоднее хранить свои средства в рублевых, а не в долларовых активах, и начали быстро переводить свои пассивы в долларовую форму, а активы — в рублевую. К концу апреля это начали понимать и другие банки, а с начала мая это начало осознать и население.

Здесь правительство и Центральный банк столкнулись с в общем понятной, прогнозируемой, но не до конца ими продуманной проблемой. В нашей двухвалютной экономике на протяжении трех лет огромные деньги были вложены в долларовые активы. Такое стремительное изменение политики Центробанка должно было привести и привело к очень мощным сдвигам в поведении людей и в самой финансовой ситуации. Уже с апреля начался панический сброс валютных резервов коммерческими банками, а с мая — населением.

Он привел к резкому росту денежной базы и денежной массы уже не в силу кредитования дефицита бюджета, не в силу предоставления крупных эмиссионных займов правительству, а в силу необходимости сдерживать падение курса доллара на внутреннем рынке, с тем чтобы избежать слишком мощного удара по экспортерам.

Правительство оказалось перед дилеммой, ненамного более приятной, чем дилемма 1994 г. Либо допустить очень быстрое падение курса доллара (если бы Центральный банк не проводил интервенций — падение доллара в мае–июне, без всякого сомнения, могло бы составить не 10%, как это произошло, а приблизиться к 25–30%) с очень тяжелым ударом по всем экспортерам, либо — второй вариант — масштабными рублевыми интервенциями поддерживать курс, но, разумеется, увеличивая при этом инфляционный потенциал конца второго полугодия. Честно говоря, я убежден, что здесь было выработано не самое правильное и недостаточно быстрое решение. Думаю, что уже в начале мая необходимо было вводить фиксированный курс рубля по отношению к доллару. Тем самым снижалось бы инфляционное ожидание, вводилась бы до-

полнительная предсказуемость курса для хозяйственных агентов, благодаря этому существенно снизились бы инфляционные эффекты роста чистых международных резервов. В этом случае рост денежной массы, связанный с дедолларизацией экономики, мог бы рассматриваться просто как изменение формы хранения денежных сбережений и, как мне представляется, серьезных инфляционных последствий могло бы не быть. К сожалению, очень много влиятельных людей, как правило совершенно не понимающих российских реальностей, угроз, связанных с такой вот двухвалютной экономикой, отговаривали российских государственных деятелей (включая и президента) от того, чтобы идти по этому пути. Я, как известно, человек весьма либеральных взглядов в экономике, но все должно быть разумным. Если в двухвалютной экономике с огромными долларовыми авуарами, где основные соображения носят краткосрочный характер и динамика курса определяется в первую очередь интересами недельными и месячными, а отнюдь не платежным балансом, мы даем возможность курсу «прыгать» вверх-вниз на 20–30%, то это страшно дестабилизирует экономическое положение, полностью лишает экономику каких бы то ни было элементов устойчивости. К сожалению, правительство затаило решение этого вопроса, но все-таки сейчас сделаны некоторые шаги в правильном направлении.

Вы знаете, что недавно было принято решение о введении валютного коридора в диапазоне от 4300 до 4900 руб. за доллар на III квартал. Это, без всякого сомнения, шаг в правильном направлении. У правительства и Центрального банка есть все ресурсы для удержания курса в пределах этого коридора, но коридор 14% слишком широк для того, чтобы экономика стала прогнозируемой. Поэтому я убежден — и это убеждение разделяют многие в российском правительстве, — что это, конечно, промежуточный этап перед переходом к системе значительно более жесткой и определенной.

— *А какие последствия нас ожидают в связи с падением курса доллара?*

— Утрата привлекательности валютного рынка, естественно, существенно меняет ситуацию и для банков, и для предприятий. Отечественная банковская система за период высокой инфляции привыкла обходиться без российской промышленности, оперируя на двух рынках — валютном и рынке ГКО. Сегодня банки сталкива-

ются с абсолютно новой для себя ситуацией: валютный рынок явно теряет привлекательность, процентные ставки по ГКО упали. Значит, чтобы остаться в бизнесе, надо делать то, что делать не привыкли, — искать надежных клиентов, создавать инвестиционные отделы, надо начинать работать с промышленностью.

Наиболее сильные и перспективные банки именно это сейчас и начинают делать. Этот важнейший стратегический поворот в работе финансового сектора не может произойти без кризиса. Кризис банковской системы в России (надеюсь, не катастрофический) в общем-то неизбежен. Многие банки, которые так и не смогут научиться работать с реальной экономикой, вынуждены будут уйти из бизнеса. Вместе с тем это поворот, без сомнения, позитивный, потому что только на этой основе возможен какой бы то ни было экономический рост.

Таким образом, за последние месяцы наметилось изменение направления движения капитала — от бегства капитала из страны мы переходим к бегству капитала в страну, к репатриации капитала. Одновременно наметилось существенное изменение в структуре приоритетов кредитной политики — от кредитования только валютных и только торгово-закупочных операций кредитный сектор вынужден переходить к кредитованию инвестиций в отечественную промышленность.

Это и есть база для начала стабилизации российской экономики, начала экономического роста, что уже заметно стало ощущаться и в динамике производства. В мае этого года промышленное производство в России впервые выросло по сравнению с маем 1994 г., в июне эта тенденция, еще очень неустойчивая, сохранилась.

Более важны, чем такие общие макропоказатели, — показатели структуры. Конечно, наиболее быстрый рост идет в секторах, ориентированных на экспорт. У нас быстро растут черная металлургия, химия, производство минеральных удобрений, обозначился рост в отдельных отраслях лесной промышленности (начиная от целлюлозы и кончая бумагой), а также в отдельных отраслях промышленности строительных материалов и — что особенно приятно — начал быстро увеличиваться объем жилищного строительства. Правда, продолжается довольно тяжелый кризис в легкой промышленности, где, к сожалению, производство во многом неконкурентоспособно, а адаптация идет медленно. Не спадает кризис

в производстве технически сложных товаров длительного пользования — они находятся в жесткой конкуренции с импортными товарами, и без серьезного снижения издержек и серьезного повышения качества им будет очень трудно эту конкуренцию выдерживать.

Во всяком случае если правительство Черномырдина не встанет на путь неких опасных экономических авантюр (а я надеюсь, что все-таки этого не случится), то есть реальная надежда на то, что во втором полугодии спектр растущих отраслей будет расширяться.

— Назовите, пожалуйста, хотя бы 2–3 приоритетных шага, которые необходимо сделать сегодня в экономике?

— Каковы основные приоритеты экономической политики ДВР?

— Среди бесспорно приоритетных шагов в экономической политике правительства я бы назвал следующие:

1. Остановить инфляцию, затормозить рост цен.
2. Обеспечить неуклонное снижение государственных расходов на аппарат управления, неимоверно разбухший за 1993–1995 гг.
3. Благодаря остановке инфляции, снижению госрасходов и налогов стимулировать рост производства.
4. Провести реформу государственного бюджета в направлении усиления финансирования социальной сферы — здравоохранения, науки, культуры, образования.
5. Ужесточить контроль за расходованием государственных средств. Выделяемые отраслям промышленности и аграрному лобби, они идут сейчас не на поддержку производства, а перекачиваются в коммерческие структуры самих же промышленно-аграрных генералов или попадают на валютную биржу.
6. На этой базе обеспечить снижение налогов как с предприятий, так и с граждан.
7. Осуществить реальный процесс банкротства неэффективных предприятий, направив средства, которые сейчас бессмысленно расходуются на их содержание, на переквалификацию занятых на этих предприятиях, на создание новых рабочих мест, не говоря уже о том, что сама угроза банкротства является хорошим стимулом, заставляющим предприятия «подтянуться».
8. Стимулировать конкуренцию на внутреннем рынке, бороться с монополизмом, в том числе либеральными условиями внешнеэкономической деятельности. Надо помнить, что конкуренция с

иностранным товаром является лучшим средством против отечественного монополиста. И в этом смысле мы всегда на стороне потребителей, которые должны иметь возможность выбора товара в зависимости от его цены и качества.

9. Важна и поддержка производителя, но не индивидуальными льготами, а стимулированием инвестиционной деятельности, привлечением капиталов к использованию их в производственных целях.

10. Поддержка бедных и слабозащищенных слоев населения. Но эта поддержка должна быть именно целевой в отличие от формальной индексации минимальной заработной платы, что на практике приводит в первую очередь к автоматическому многократному увеличению доходов госчиновников, особенно высокооплачиваемых.

ЕДИНСТВО И СЕПАРАТИЗМ

— *Был ли распад СССР неизбежным?*

— Он стал неизбежным после 19 августа 1991 г. Организаторы попытки государственного переворота окончательно подорвали доверие союзных республик к федеральному центру, к стабильности и предсказуемости его политики.

Кроме того, лидеры ГКЧП наглядно продемонстрировали реальность возвращения неэффективного, если не маразматического, коммунистического режима, который не поддержали даже руководители Белоруссии, Таджикистана и Туркмении, отличавшиеся тогда особенным консерватизмом. Недаром в течение двух недель после путча практически все республики официально заявили о своем суверенитете.

Именно после поражения путчистов СССР практически лишился центрального руководства: Правительство (Кабинет министров) СССР было заменено Межреспубликанским экономическим комитетом (МЭК), причем союзные республики сосредоточили в своих руках реальный контроль за «своей» экономикой. Вопросом, наиболее активно обсуждавшимся на заседании МЭК уже в сентябре–октябре 1991 г., был дележ золотовалютных резервов СССР, которых, правда, к тому времени уже почти не осталось. Попытки заключения межреспубликанского экономического соглашения в сентябре–октябре закончились полным провалом, причем отнюдь

не по вине России — подписать соглашение отказалась Украина, без чего оно лишалось смысла.

Наконец, была и более фундаментальная причина, которая делала ликвидацию СССР практически неизбежной. Разные республики Союза, их руководители не только ориентировались на различные целевые установки своего развития, но и по-разному видели пути преодоления кризисных явлений в экономике. В одних республиках явно доминировало стремление к реформированию экономики на началах современной рыночной демократии, в других в качестве образца для подражания были избраны добившиеся крупных экономических успехов авторитарные режимы Азии (Южная Корея, Тайвань, Таиланд), третьи стремились к сохранению неокommунистического статус-кво, немного перекрашенного в национальные или исламские цвета.

До августа 1991 г. еще оставалась надежда преодолеть все эти центробежные тенденции при проведении союзным центром четкой, ответственной и последовательной экономической политики. Попытка государственного переворота «сверху» и ее бесславный провал окончательно дискредитировали союзные органы власти. В результате без авторитетного руководства и имея разные представления о перспективах выхода из кризиса, республики уже осенью 1991 г. фактически оказались по отношению друг к другу на положении независимых, хотя и связанных общей историей соседних государств.

— *Ваше отношение к объединению республик на новой, добровольной основе.*

— История показала: никакое единство силой не обеспечишь и долго не сохранишь. Все империи разваливались. Бисмарк не объединил Европу штыками, Гитлер не объединил ее танками. А вот союз угля и стали помог объединению.

Точно так же как было невозможно объединить Европу танками, а стало возможным объединить работающим рынком, так и республики бывшего Союза можно будет объединить на интересе работающего рубля. Но я выступаю против политиканства в этой сфере, я против того, чтобы непростые проблемы этих республик решались за счет российского налогоплательщика. Я отнюдь не считаю, что мы настолько хорошо живем, что можем позволить себе взва-

ливать на свои плечи еще дополнительные проблемы. Да и не это нужно для интеграции.

— *Как обеспечить единство России?*

— *Не кажется ли Вам, что Россия тоже может распасться, как распался Советский Союз?*

— Опасность распада России действительно существовала и в известном смысле существует вплоть до настоящего времени.

Как и за распадом Союза, за угрозой распада России стоят прежде всего экономические причины. Советский Союз прекратил свое существование, когда центральное руководство не смогло обеспечить единой и эффективной экономической политики, заинтересовывающей отдельные республики в сохранении единого экономического пространства, единой валюты и общего для всех рынка.

Главными экономическими врагами единства великой страны стали всеобщий товарный дефицит и отсутствие денежной единицы (валюты), привлекательной как для производителей, так и для потребителей.

Товарный дефицит всегда был характерен для советской экономики. Но к концу 1980-х гг. он приобрел всеобщий характер. Денег печаталось все больше, а купить на них можно было все меньше товаров, поскольку прилавки все более пустели. Не только рядовые граждане, но и руководители отдельных республик СССР все чаще задавались вопросом: «Мы производим товары, а они проваливаются, как в черную дыру. Понятное дело — их забирает союзное правительство и отдает другим регионам. Разве это справедливо? Все сразу изменится к лучшему, если мы сами будем контролировать производство и распределение продуктов, будем оставлять их у себя и не допустим “чужих” покупателей на свой рынок».

Так и развивались события в последние годы правления коммунистической партии. На Украине твердо верили, что за продовольственным кризисом в республике стоят неумные аппетиты россиян. Средняя Азия была уверена, что весь Союз живет за счет вывозимого отсюда хлопка по ценам ниже мировых (о том, что качество этого хлопка было тоже значительно ниже мирового, никто, естественно, не задумывался). Россия утверждала, что ее грабят, вывозя энергоресурсы по заниженным ценам. И т. д.

В результате единое некогда экономическое пространство стало разрываться таможенными. Сперва власти союзных республик, а затем и отдельных регионов России стали исповедовать в своей политике два нехитрых принципа. Во-первых, запрет на вывоз «своей» продукции за пределы региона. Во-вторых, ограничение на покупку производимой в республике (области, крае, автономии) продукции жителями других регионов. И одновременно все были крайне заинтересованы сбывать «свою» продукцию за свободно конвертируемую валюту — пусть и по ценам значительно ниже рыночных.

Всем памятна Россия конца 1991 г. Во всех регионах товары, если они еще остались в магазинах, продаются только по карточкам. Во многих регионах карточки уже не отовариваются. Повсеместно запрещено вывозить продукцию за пределы своего региона. Это было действительно очень опасно. Единственное, что было возможно в тех условиях для предотвращения распада России на удельные княжества, — сделать рубль привлекательным платежным средством.

И это удалось за считанные месяцы. Таможни внутри России исчезли. Это произошло как бы само собой к весне 1992 г., по мере заполнения прилавков товарами. Вдруг выяснилось, что рубль является не таким уж деревянным, что за покупателя надо бороться и что главной проблемой является не сберечь товар, а найти для него покупателя.

Более того, выяснилось, что проведение ответственной денежной политики — дело не такое уж простое и на уровне удельного княжества нерешаемое.

Соответственно изменилось отношение к России других республик бывшего СССР. Выяснилось, что российские покупатели с их рублями являются желанными гостями и на рынке украинского сала, и белорусского ширпотреба, и грузинских мандаринов, и узбекского хлопка, и молдавских фруктов. Другое дело, что и россияне теперь могут сравнивать и выбирать — покупать ли сало на Украине, одежду в Белоруссии, а хлопок в Узбекистане или обращаться к другим поставщикам, или, наконец, производить самим, если это выгодно.

Итак, единство СССР сохранить не успели. Но решительные действия правительства на рубеже 1991–1992 гг. остановили гораздо более тяжелую трагедию — распад Российской Федерации. Однако

значит ли это, что опасности ее распада не существует? Эта опасность существует до тех пор, пока сохраняется возможность реставрации жесткого коммунистического режима, который возьмет на себя смелость (или глупость) восстановления практики централизованного руководства товаропотоками из Москвы и попытается вернуться к государственному ценообразованию. Реакцией на это станет немедленное восстановление всеобщего дефицита, потеря рублем его привлекательности как платежного средства и стремление местных руководителей уберечься от перераспределительных амбиций центральной власти. А это с неизбежностью будет означать возрождение сепаратистских настроений с угрозой для целостности Российской Федерации.

— *Как относится ДВР к возможности выхода отдельных регионов из состава России?*

— Партия ДВР твердо придерживается принципа территориальной целостности Российской Федерации. Мы федералисты, поскольку убеждены, что в такой огромной стране, какой является Россия, нельзя управлять на унитарных основаниях. Однако мы не распространяем свой федерализм столь широко, чтобы признавать право отдельных сепаратистов вести дело к развалу единого государства.

Более того, мы уверены, что в условиях нормального, мирного, рыночного развития территориальному единству России ничто и не угрожает. Россия — страна с глубокими историческими традициями единого государства, с доминированием русского и русскоязычного населения, с единой культурой, объединяющей всех наших граждан. Как говорится, культурных и языковых различий между россиянами Владивостока и Смоленска гораздо меньше, чем, скажем, между немцами Гамбурга и Мюнхена.

Практика показывает, что сепаратизм в России становится популярным, когда центральное руководство оказывается неспособным к проведению осмысленной экономической политики и его действия приводят к резкому ухудшению экономического положения страны. Тогда-то территория России оказывается перегороженной таможенными, а в крупных городах, остающихся без достаточных запасов продовольствия, зреют зерна политического взрыва, чреватого распадом государства.

Вместе с тем мы полагаем, что пребывание в составе Федерации, поскольку это связано с немалыми экономическими и политическими преимуществами для ее участников, налагает на них соответствующие обязательства.

— Нет ли у Вас ощущения, что сейчас области не в полной мере доверяют центру и постепенно начинают отходить от Москвы? Или Вы считаете, что Москва по-прежнему единственная твердыня России?

— На протяжении последних четырех лет ситуация не раз менялась. Конец 1991 г. — явные и очень опасные разрушительные тенденции к децентрализации при предельном ослаблении федеральных властей. Областные таможни как раз свидетельство отсутствия эффективной власти, в конце 1991 г. они были повсеместно.

С начала 1992 г. таможни начали исчезать, стали ясны преимущества общероссийского рынка и конвертируемого рубля. Появилось ощущение постепенной разумной рецентрализации. И по состоянию на лето 1992 г. Федерация была значительно крепче, чем в конце 1991 г.

А вот чеченские события нанесли удар по Федерации и удар по центростремительным тенденциям. Во-первых, центр, который предпринимает такого рода действия, — центр непредсказуемый, соответственно от него хочется держаться подальше. Если бомбят Грозный, то почему не может то же самое повториться в другом регионе. Во-вторых, центр посылает призывников на непопулярную войну. В-третьих, центр требует на все это денег и т. д. Так что «наведение конституционного порядка» в Чечне явилось не мерой по усилению реальной Федерации, а, наоборот, причиной серьезного ослабления центростремительных тенденций.

Для России ее единство зависит и от того, будем ли мы бомбить собственные города. Каждая бомба — это удар по единству России. Именно потому, что мы за единство России, мы очень боялись страшных, разрушительных последствий чеченского конфликта и всегда были категорически против силового решения.

ОБ АРМИИ

— Чем обусловлено продление срока службы в армии? Не лучше ли сделать армию полностью наемной?

— Предложение о продлении срока службы связано напрямую с торможением военной реформы. Пытаются сохранить ту армию, которую имели в Советском Союзе, хотя она в таком виде нам и непосильна, и не нужна. Армии сегодня не нужно такое натуральное хозяйство, которое нужно было при социализме, не нужны сотни военных совхозов, не нужны стройбаты в таком количестве, не нужны заводы строительных материалов, военно-ремонтные заводы и многое-многое другое. Ей не нужны такого огромного масштаба управленческие структуры, не нужно столько округов, не нужно столько дивизий.

Есть реальная задача: приспособление армии к сегодняшним реальным условиям (демографическим, экономическим возможностям страны в том числе). Напомню, что в свое время М.В. Фрунзе сократил Красную Армию в 10 раз, сохранив ее боеспособность. И на этом, кстати говоря, базировался устойчивый золотой червонец.

Что касается перехода полностью на наемную профессиональную армию, я в целом поддерживаю это направление. Хотя, конечно, понимаю, что одним росчерком пера эту проблему не решишь. Мы пытались в 1992 г. помочь перейти армии на контрактную основу, выделив для этой цели Министерству обороны деньги. П.С. Грачев распорядился этими деньгами очень странно: призвал 100 тыс. женщин в Вооруженные силы. Как будто таким образом можно решать проблемы военной реформы.

— *Кто из депутатов голосовал за принятие Закона о продлении службы в армии? Почему об этом молчат?*

— Я могу назвать фракции, которые голосовали за этот закон: коммунистическая, аграрная, ЛДПР, «Новая региональная политика», «ПРЕС», те депутаты, которые входят в движение «Наш дом — Россия». Я убежден, что этот закон не повышает обороноспособность страны. Более того, он вреден, так как заменяет военную реформу. По существу, это попытка привести количество солдат в соответствие с количеством генералов. Мы будем добиваться отмены этого Закона.

— *Есть утверждение, что реформа армии обойдется дороже, чем содержание нынешней.*

— Это глупость. Расчеты показывают совсем другое. А здравый смысл и опыт многих цивилизованных государств, отнюдь не ха-

латно относящихся к вопросу своей национальной безопасности и защиты, свидетельствуют, что компактная, грамотно организованная армия гораздо выгоднее для государства, чем разросшийся монстр. Она лучше управляема, ее легче, дешевле обеспечить самыми новейшими видами вооружений.

— *Есть ли гарантия, что армия еще подконтрольна политической власти?*

— Дорогу осилит идущий. Если ограничиться только созерцанием происходящего со стороны, то совершенно ясно, что очень скоро армия не будет подконтрольна никому. Надо четко понимать, что продолжение нынешней политики совершенно определенно приведет к авторитарному режиму. Причем режим этот не будет гражданским.

Чечня

— *Каким образом тяжелое оружие попало к Дудаеву и когда?*

— Вопросы передвижения Вооруженных сил и распоряжения вооружением никогда не входили в сферу моей компетенции, в том числе в то время, когда оружие было передано Дудаеву. Это находилось в сфере компетенции двух президентов — Советского Союза и России, М. Горбачева и Б. Ельцина, двух министров обороны — Е. Шапошникова и П. Грачева, а также заместителей министра обороны, которые занимались этим вопросом. Я не имел никаких полномочий, прав, обязанностей и возможностей давать указания о том, что делать с вооружением. Правительство не имело никакого административного отношения к этому достаточно закрытому вопросу, который никогда не выносился на правительство и не обсуждался.

— *Кто виноват в развязывании войны? И кто может ее остановить?*

— Пусковым моментом к силовому решению чеченского кризиса, доставшегося нам в наследство со времени распада Советского Союза, без всякого сомнения, явилась экстремальная слабость режима Дудаева по состоянию на осень 1994 г. Всем было видно, что режим утратил популярность и поддержку своих ближайших сторонников. В результате наметились две стратегии дальнейшего решения этой проблемы. Первая, не очень демократичная и краси-

вая, но в долгосрочном плане наиболее эффективная, — стратегия сочетания экономического и политического давления с переговорами, компромиссами. И вторая — попытка силового решения, на которую и был взят курс в конце ноября.

Если бы у меня были хоть какие-нибудь основания надеяться, что Дудаев и его гвардейцы от 12 выпущенных по президентскому дворцу болванок разбегутся, как баркашовцы с макашовцами в 1993-м, я по меньшей мере был бы готов обсуждать целесообразность применения силы для стабилизации положения в Чечне. Мы были убеждены, что начать войну на Северном Кавказе гораздо легче, чем ее завершить.

Мы были убеждены, что люди, подталкивающие президента к силовому решению, не имеют ни малейшего представления о реалиях процессов, связанных с использованием силы в Чечне, и о стабилизации положения в этом регионе. В связи с этим для нас было совершенно очевидным, что ни о каких двух часах, ни о каком парашютно-десантном полке речи идти не может. Это будет затяжная, тяжелая и кровавая война с огромными жертвами, в том числе среди мирного населения, и разрушениями. Война будет тяжелой, бессмысленной и непопулярной. Было ясно и то, что эта война станет серьезным испытанием для всех демократических и рыночных институтов России, что во многом те силы, которые хотят повернуть на военный путь решение чеченской проблемы, имеют своей целью отнюдь не только Чечню, но и демократию в России, рынок в России.

К сожалению, многое из того, чего мы опасались и что прогнозировали, произошло. Но потерпели полный крах надежды тех, кто полагал, что российское общество с энтузиазмом на волне радикального национализма воспримет начавшуюся войну. А такие иллюзии у многих высокопоставленных государственных деятелей были. Во всяком случае при наших разговорах с людьми, близкими к президенту и влияющими на процесс принятия решений, именно эти аргументы очень часто звучали: «Неужели вы не понимаете, что нам нужна маленькая победоносная война?» Но оказалось, что российское общество рассуждает более здраво.

Нам не удалось остановить войну. Хотя наша позиция по чеченской войне была выработана еще до начала военных действий. Предвидя такой исход, мы все время пытались отговорить от этой

авантюры. Мы сначала использовали все методы непубличного воздействия на власть. Когда же я понял, что речь идет о вводе войск, было созвано экстренное заседание Политсовета партии. Мы выступили с обращением к президенту, правительству с призывом не делать этого, надеясь убедить их повернуть на путь здравого смысла. Нас не захотели услышать. На следующий день войска были введены.

Сегодня выпутываться из создавшегося положения уже труднее. Надо было быть абсолютно некомпетентными во всем, что относится к истории и традициям народа, с которым ты собираешься воевать и который живет на протяжении столетий в соседстве и в течение более века в одной стране с нами, чтобы не понять, к каким абсолютно неизбежным результатам приведет там ставка на силу. На мой взгляд, случившееся в Буденновске никак нельзя вычлениать из контекста того, что происходило до этого в Чечне. Сегодня высшие должностные лица государства говорят: вы видите, какие они бандиты? Да, без всякого сомнения, те, кто воюет с женщинами и детьми, бандиты. Но вы что, не понимали, к чему ведете дело? Неужели кто-то мог сомневаться в том, что массированные полугодовые бомбардировки городов и сел Чечни абсолютно неизбежно приведут именно к таким результатам, причем независимо от воли и желания того или другого чеченского лидера или руководителя?

Когда жизни заложников в Буденновске висели на волоске, мне с огромным трудом удалось связаться с высшими должностными лицами государства, в том числе при помощи радио и телевидения. После этого Виктор Степанович Черномырдин разговаривал с Сергеем Адамовичем Ковалевым и предоставил ему полномочия. Благодаря этому стал возможен переговорный процесс с главарем Шамилем Басаевым. Люди были спасены. В настоящее время идут переговоры с чеченскими лидерами. Идут трудно. Да, бывает, что переговоры затягиваются надолго и к согласию удастся прийти не сразу. Но другого пути нет.

Теперь о корнях этой войны. Я уверен: вопрос о Чечне решили сами россияне, когда 12 декабря 1993 г. отдавали свои голоса за людей, которые предлагали поход на юг. Вот вам поход на юг. Что хотели — то и получили. Я хорошо знаю, как принимались решения после подведения итогов этого голосования. В России суще-

ствуют структуры, которые хотели подтолкнуть президента к такой развязке.

— *Какой ущерб нанесла война в Чечне России? Отразится ли это на увеличении налогов?*

— Чечня уже нанесла довольно серьезный удар по российской экономике. Она существенно затруднила стабилизацию в первом полугодии 1995 г. Война — это дополнительные затраты, которые придется нести. Чеченская война перечеркнула многие возможности, в том числе возможности финансовой стабилизации. Можно спорить о том, сколько средств вытянет из напряженного бюджета эта авантюра, но неоспорим факт, что мы уже начали расплачиваться за чеченскую кампанию. Неимоверная глупость — не затрагивая политический, правовой и нравственный аспекты — заключается в том, что мы затрачиваем средства сначала, чтобы разбомбить Чечню, а следом, чтобы разрушенное восстановить.

— *Что сделал «Выбор России» для разрешения сложившейся ситуации в Чечне?*

— Мы внесли в Думу три существенные законодательные инициативы, суть которых была в том, чтобы убрать любые легальные основания для продолжения чеченской войны.

Первая — поправки к Закону об обороне, которыми мы пытались прямо запретить использование Вооруженных сил на территории России без введения военного и чрезвычайного положения.

Вторая — поправки к Закону о бюджете на первый квартал, где мы предлагали прямо запретить финансирование военных действий в Чечне без введения чрезвычайного положения.

И наконец, третья — Закон о гласности, согласно которому военное командование обязано публиковать немедленно списки раненых и пропавших без вести.

Я, честно говоря, ожидал, что нам предстоит непростая борьба за первый и второй законы, знал, что их не поддержат жириновцы, есть угроза, что их не поддержат коммунисты и аграрии. Но был убежден, что уж третий-то закон — Закон о гласности — пройдет. И мне было удивительно, как коммунисты, ЛДПР и аграрии проголосовали против Закона, который делает обязательной информацию для матерей о том, жив их сын или нет, ранен он или пропал без вести... Я считаю абсолютно аморальной позицию голосовавших против принятия этого Закона.

— *Что нового для себя Вы открыли в российской политике и в российских политиках в связи с событиями в Чечне?*

— Мне была очевидна нестабильность той ситуации, в которой как бы застыла Россия с 1993 г.: без серьезного продвижения к устойчивому экономическому росту на рыночной основе, без укрепления демократических институтов, но, с другой стороны, и без последовательного отката назад, свертывания того, что худо-бедно было сделано в конце 1991-го и в 1992 г. Это неустойчивое равновесие не могло сохраняться долго. Колеблющаяся политика, политика компромиссов способна лишь на некоторое время отложить решение фундаментального вопроса: куда идти дальше? По пути цивилизованного рыночного развития, уважения прав человека, мирной внешней политики, демилитаризации экономики, устойчивого экономического роста, снижения уровня налогового бремени? Или в обратном направлении — к административному контролю над экспортом, отмене валютного рынка, стабильному субсидированию военной промышленности, поддержке предприятий-банкротов и соответственно к фиксированному курсу рубля, к свертыванию приватизации, к милитаризации экономики, к карточкам и т. д.? Вот та дилемма, которая не была решена ни в 1993-м, ни в 1994 г.

Для меня было ясно, что есть мощные силы, которые очень хотят столкнуть Россию на путь, перекрывающий возможности демократического рыночного развития.

Если рассматривать проблему Чечни саму по себе, то все, что мы там делали в последнее время, вообще не поддается рациональному объяснению. Давайте восстановим некоторые вехи. 1991 год (сентябрь, октябрь, ноябрь). Советская Армия на фоне полного безвластия (Союза фактически уже нет, а России еще нет) оставляет в Чечне вооружение, боевую технику и уходит до последнего солдата. Чечня реально независима. Главная задача того момента — не допустить, чтобы вирус распространился на остальную Россию, не втянуться в чеченскую войну.

Следующая ключевая точка — весна 1994 г. Российское государство состоялось. Сложились его новые структуры, сложился рубль, складывается рыночная экономика. Преодолено двоевластие, консолидирован федеральный центр. В это время маленький непокорный анклав на Северном Кавказе в тяжелейшем состоянии. Внеш-

него врага вроде бы нет, но экономика развалена. Грозненский нефтеперерабатывающий завод, за счет которого долго жили, давно не работает. Начинаются интриги, от Дудаева бегут его ближайшие сподвижники, за его спиной делят наследство. Уже потянулись в Москву ходоки от различных оппозиций и полуоппозиций. Кажется, еще немного мало-мальски спокойной политики, сочетающей меры давления (экономического, ограничение в доступе на территорию и т. п.) с поиском партнеров по диалогу, и власть совсем уйдет из рук Дудаева, после чего, совершенно ясно, ситуация в Чечне будет стабилизироваться.

Что делается вместо этого? Москва посылает в Грозный 26 танков со своими экипажами, посылает их фактически в мышеловку, вследствие чего вся операция заканчивается полным крахом. При этом отрешивается от своих людей, заявляя, что это наемники, неизвестно как туда попавшие, а российских войск в Чечне нет и быть не могло. Короче, все делается для того, чтобы создать Дудаеву образ народного героя и победителя, а Россию изобразить злой, но бессильной, к тому же подлой (потому что отрешивается от своих людей) и трусливой (потому что не хочет брать ответственность за то, что творит). Провалившиеся незадолго до этого мобилизации Дудаева сменяются приливом к нему новых сил. Дальше — больше: заявляют о намерении вести переговоры и одновременно посылают танки, начинается бомбежка жилых кварталов Грозного, других населенных пунктов...

Я не верю в концепцию заговора. Но если допустить, что кто-то жаждет в Чечне большой крови, которая zalьет российскую демократию, то для этого сделано максимум возможного.

Для меня не секрет, что в России есть люди, всегда мечтавшие о таком повороте событий. Для меня не секрет, что в органах власти много попросту неумных людей, которые всегда прокладывают дорогу провокаторам. Но меня поразила концентрация страшных по своим последствиям решений. Если бы я, повторяю, исходил из гипотезы заговора, я бы понял, что происходит. Вне этой гипотезы объем ошибок выходит за рамки понятного мне даже при моем знании того, как принимают решения в коридорах власти.

Далее. Начались якобы точечные бомбардировки, в результате которых разрушаются жилые кварталы. Следовательно, военного смысла эти бомбардировки не имеют. Или: нам все время напо-

минают, что Грозный — российский город. Стало быть, восстанавливать все разрушенное — России. Где тут смысл? Либо мы имеем дело с криминальным уровнем глупости, либо приходится принять версию заговора, потому что только тогда я смогу понять: чеченцев просто подбивают к тому, чтобы они ответили кровавым террором в Москве, гнев от которого спишет все: раз чеченцы *такие*, то тогда все правильно, что же еще с ними было делать?

О ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

— *Как Вы относитесь к правительству Черномырдина?*

— Нынешнее правительство уже набило себе достаточное количество шишек, пометавшись между разными противоречащими друг другу стратегиями. Это и неловкая попытка В.С. Черномырдина построить «рынок без базара», заморозив цены и накачав экономику деньгами. Потом был постепенный переход к политике финансового сдерживания, за которым последовали широкие обещания премьера о поддержке производства и новая накачка деньгами. Была попытка торможения инфляции осенью 1993 г., снова разговор о немонетарных способах борьбы с инфляцией и новая накачка денег в экономику. Конечно, никакого экономического роста при этих колебаниях курса не было и быть не могло.

Мне кажется, сейчас ситуация как-то переломилась. Правительство наконец поняло, что просто лбом стену не прошибешь. Сейчас оно становится на путь, который дает шансы на успех. Жаль только, что сейчас уже не 1992-й, а 1995 г., что столько времени упущено. Я далеко не все одобряю в проводимой экономической политике, но, повторяю, шансы на успех сегодня появились. Если бы на место нынешнего премьера сейчас пришел другой хозяйственник, он повторил бы все те ошибки, которые уже делал В.С. Черномырдин, потому что есть масса вещей, которые можно понять, либо уже имея соответствующее базовое образование, либо обучаясь на своем горьком опыте. «На своем опыте» стране обходится дороже. Виктор Степанович Черномырдин получил в этом смысле самое дорогостоящее экономическое образование в мировой истории — за его обучение платила и платит вся Россия.

О ПРЕЗИДЕНТЕ

— *Как Вы относитесь к Борису Николаевичу Ельцину?*

— Мое отношение неоднозначно, как неоднозначна роль этого человека в российской истории. Мы должны быть благодарны ему за то, что он вывел страну на путь преобразований, взвалив на свои плечи всю тяжесть ответственности за реформы. Но это человек очень сложный по своему прошлому, традициям, привычкам. Они тянут его в другую сторону, отсюда его колебания, особенно усилившиеся в 1993 г. Я думаю, на Ельцина очень сильно повлияли результаты декабрьских выборов. Он (разумеется, не без помощи окружения) сделал вывод, что, коль скоро большинство голосов получили коммунисты и националисты, значит, россиянам демократия не нужна, а нужна им сильная рука.

— *Президент принимает такие решения, что иногда кажется: он совершенно не владеет ситуацией, не читает газет, не смотрит телевизор. Что Вы думаете по этому поводу?*

— Ну, это не так. Конечно, читает и смотрит. Но он слишком доверяет секретной информации, которая крайне недобросовестна. В свое время это привело к полному отрыву от жизни Горбачева, теперь, как мы видим, подводит и Ельцина.

— *Возникает вопрос о Ваших отношениях с президентом. Почему Вы долгое время его поддерживали, даже тогда, когда он, по сути, Вашу поддержку отверг?*

— Я всегда считал, что мы должны сделать все возможное, чтобы предотвратить переход президента на антидемократические и антиреформаторские позиции. Демократы привели Ельцина к власти, демократы защищали его в 91-м и 1993-м. Мы несем за него ответственность. Я глубоко убежден, что всякие соображения личного порядка, амбиции, обиды и т. д. не должны заслонять соображений в пользу дела.

До тех пор пока я считал, что мы с президентом, существенно расходясь во многом (в том числе в ощущении возможных границ компромисса, в кадровых решениях), все-таки стоим вместе против единого, очень опасного для России фронта национал-реваншистов, до тех пор я был абсолютно убежден в необходимости его поддерживать. Но я не могу поддерживать политику, которая опасна не только для Чечни, но и для России.

— Почему Вы не выступаете за импичмент Ельцину? Одна чеченская кампания его стоит!

— Потому что даже в сегодняшнем своем состоянии, обремененный тяжелым грузом трагических ошибок, президент Ельцин противостоит приходу к власти отъявленных негодяев.

О СЕБЕ

— Ваш дед был уважаемым патриотом своей Родины. Его книга «Тимур и его команда» положила начало тимуровскому движению, сыгравшему большую роль в воспитании молодежи в годы Великой Отечественной войны. Что заставило Вас изменить делу деда и отца?

— Ваше отношение к трудовому и боевому ратному подвигу предков? Не думаете ли о покаянии?

— Коммунистическая идея, как она изложена в «Манифесте», на уровне лозунгов, которые она выдвигает, очень привлекательна. Кто может спорить против свободы, справедливости, братства людей? Именно поэтому миллионы людей, честнейших, достойнейших, были искренне убеждены, что коммунистическая идея приведет Россию к счастью. Среди них были и мой дед, и мой отец.

За эту идею пролилось много крови, и не только в России. И не только Россию эта красивая на вид идея завела в тупик.

Отношение мое к деду уважительное. Я от него не отрекся и отречься не собираюсь. Дед был втянут в страшное, кровавое колесо революции, гражданской войны совсем мальчишкой. Первый раз ранен в 13 лет. В 20 лет контуженный и тяжело больной был уволен из армии. Писал хорошие, добрые книги. А в 1941 г. погиб, защищая свою страну.

Убежден: разделять коммунистические идеалы до того, как они были испробованы на практике, до того, как стало известно, к какой страшной катастрофе привели попытки их воплощения в жизнь, в какой исторический тупик они завели нашу страну, и упорствовать в них сегодня — разные вещи. Поэтому сегодня я борюсь за будущее моей страны так, как понимаю его сейчас. Кстати, напомню, что Тимур в повести защищает частную собственность — сады дачников — от хулиганов.

— Если не секрет, как Вы голосовали на референдуме о сохранении СССР 17 марта 1991 г.?

— Голосовал за сохранение Союза. Понимал, что надежд на реальное сохранение оставалось немного — слишком много ошибок, ведущих к подрыву единства страны, совершило к этому времени руководство СССР. И все-таки надеялся, что власти после референдума найдут в себе мужество и силу встать на путь решительных и последовательных мер, способных предотвратить распад единого государства.

Даже чисто экономические действия, направленные на преодоление тотального товарного дефицита и тем самым восстановление единого всесоюзного рынка товаров, ослабили бы сепаратистские настроения в бывших союзных республиках. Кстати, именно по этому пути пошло российское руководство, когда в конце 1991 г. с угрозой распада столкнулась уже Российская Федерация.

К сожалению, после мартовского референдума руководителям Советского Союза не хватило ни дальновидности, ни мужества, ни ответственности. Они не смогли четко поставить диагноз, т. е. в полной мере понять комплекс причин, ведущих к распаду СССР, а следовательно, не могли и осуществить тот комплекс экономических и политических мероприятий, которые позволили бы избежать распада страны.

— Вы Россию приняли за скаковую лошадь, решили поездить, подняли ее на дыбы, потом сбежали, а Россия продолжает стоять на задних ногах.

— Ну что я на это могу ответить? Я не сбежал, пытался работать до тех пор, пока это было возможно. Я ушел в декабре 1992 г., поскольку надеялся, что это поможет избежать того страшного кризиса российской государственности, который все-таки реально разразился в октябре 1993 г. Уже в 1992 г. было видно, что конфронтация властей, исполнительной и законодательной, подошла к опасной черте. Именно поэтому я был одним из инициаторов конституционного соглашения между президентом, правительством, Верховным Советом, Конституционным судом. Суть этого соглашения — я ухожу в отставку, оппозиция получает нового премьера, но за это без крови и танков проводится референдум по Конституции и далее продолжается спокойная работа. Если вы помните, коммунисты и националисты охотно скрепили пакт рукопожатием, торжественно поаплодировали в Кремлевском двор-

це, проголосовали, а потом, когда они получили то, что хотели, решили, что свою часть соглашения они могут не выполнять.

— *Считаете ли Вы себя патриотом?*

— Что-то странное происходит со словом «патриотизм». Почему-то приняты правила игры, в соответствии с которыми патриоты — это обязательно люди, которые разжигают национальную рознь, готовы втянуть Россию в новые военные авантюры и оттого предельно опасны для нашей страны, которую, видимо, в грош не ставят в погоне за собственными политическими амбициями.

Наша партия честно заявляет «Мы патриоты!», потому что верим в наш народ. А народ наш достоин демократии — той единственной системы власти, при которой он сам принимает решения. Мы патриоты еще и потому, что верим в то, что российская экономика не навсегда обречена быть нищей на подпорках, что, если мы создадим хотя бы минимально необходимые правовые и экономические предпосылки, наша промышленность сможет на равных побороться с любой другой.

Мы патриоты, так как убеждены: российская культура и наука не нуждаются в том, чтобы их поднимали с колен, они никогда не стояли на коленях, они слишком велики.

Мы, наконец, патриоты, потому что верим в то, что на месте России нынешней, номенклатурно-капиталистической, будет Россия новая, Россия процветающая, Россия стабильная, одна из самых динамично развивающихся стран XXI в. Борьба за такую Россию — суть той программы, с которой наша партия идет на выборы.

— *Почему Вы не несете ответственности за расстрел людей в октябре 1993 г.?*

— Расстрел Белого дома не входил в планы реформ. Больше того, я могу сказать, что, наверное, сделал больше, чем кто-либо другой в России, чтобы предотвратить происшедшие события. Я хотел бы напомнить историю Седьмого съезда народных депутатов. Оппозиция получила то, что она хотела: отставку нашего правительства и отставку реформ как плату за согласие на референдум по новой Конституции и свободные выборы. Ровно через неделю та же оппозиция заявила, что она никаких обязательств за собой не числит и проводить референдум не будет. Вот тогда уже оппозиция встала на путь конфронтации, который раньше или позже, но дол-

жен был привести к страшному противостоянию, очень опасному для России.

А если конкретно об октябрьских событиях, то я могу сказать следующее. Когда под прикрытием прошедших у патриарха переговоров начался вооруженный мятеж с участием нацистов, когда господин Руцкой призвал к штурму мэрии, рекой полилась кровь у «Останкино», то государство обязано было применить минимально необходимую силу, чтобы в зародыше остановить гражданскую войну.

— *Почему Вы называете коммунистов фашистами? Те, кто пережил войну, не могут поставить между ними знак равенства. Вам не кажется, что Вы теряете таким образом потенциальных сторонников?*

— Давайте уточним. Я вовсе не считаю коммунистов фашистами и никогда не ставил между ними знака равенства. Это разные политические силы, и для нас очень печально, что эти две политические силы сегодня в России сплотились и фактически выступают единым союзом. Для нас это трагический парадокс российской истории. Ведь именно наша страна пережила страшнейшую войну с фашизмом.

Коммунистическая партия, коммунистическая идея неотделимы от нашего прошлого. Другое дело, что эта идея оказалась страшной по своим последствиям, обманчиво-соблазнительной, но страшной. Именно она унесла миллионы жизней, именно она завела нашу страну в исторический тупик, именно она породила то экономическое устройство, которое стало основой наших сегодняшних тяжелых проблем.

Сегодня даже люди, называющие себя коммунистами, как правило, не решаются впрямую отстаивать коммунистические идеалы. Ведь, ругая свое настоящее, люди здравые вовсе не намерены возвращаться в такое, как у нас, прошлое. Именно поэтому люди, называющие себя коммунистами, вынуждены сегодня искать для себя опору в идеологии принципиально иной — в идеологии национальной исключительности, национального противопоставления, в идеологии по сути своей фашистской. А ведь именно борьба с этой идеологией была стержнем и содержанием Великой Отечественной войны.

Этот исторический парадокс — коммунисты и фашисты, красные знамена и свастики рядом, на одних митингах и демонстрациях — для меня воплощение трагической истории нашей многострадальной родины.

Убежден, что те люди, которые спасли мир от фашизма, защитили человечество от страшной угрозы XX в. — может быть, даже самой страшной. И мы будем делать все, что в наших силах, чтобы их жертвы не оказались напрасными и чтобы внутренний фашизм не одержал верх в нашей стране.

— *Будет ли национализм в XXI в.?*

— Не верю я в то, что XXI в. будет веком национализма, не вижу к тому никаких объективных предпосылок. На мой взгляд, то, что происходит сегодня, — это как бы возвратная, откатная волна того всплеска национализма, которым ознаменовались начало и середина века. Очень обидно, если он захватит Россию. Но в XXI в. не он будет главной тенденцией. Всегда здесь есть смысл посмотреть на опыт опережающих стран — он во многом показывает тенденцию. Кто бы мог подумать 50 лет назад, что Франция, Англия, Германия снимут границы между собой и будут обсуждать проблему единого наднационального государства? А сегодня это данность. Интеграционные тенденции, не противоречащие культурному развитию народов, будут преобладать в XXI в., а отнюдь не средневековые.

— *Этика и политика в Вашем понимании.*

— Широко распространена легенда, что политика не может быть нравственной. На мой взгляд, ее придумали люди, которые хотят как бы облегчить свою жизнь. Раз, мол, она не может быть нравственной, то что нам, право слово, стыдиться. Я глубоко убежден, что, как и всякий другой вид деятельности, она бывает и нравственной, и безнравственной. Журналистика бывает нравственной и безнравственной. Наука бывает нравственной и безнравственной. И политика может быть нравственной и безнравственной.

— *А как это понять — «нравственная журналистика»?*

— Нравственная журналистика не врет, не клеветает, не продается.

— *В то время как лидеры других партий всячески стараются выразить свои симпатии Русской православной церкви, Вы ее как буд-*

то сторонитесь. Не боитесь ли таким образом потерять голоса избирателей?

— Мы считаем безнравственной такую постановку вопроса. По моему, это оскорбление чувств верующих, когда в погоне за голосами избирателей политики начинают демонстрировать свой подчеркнутый интерес к религии, сюсюкают вокруг этого.

Мы поддерживаем полезные контакты с иерархами церкви. Среди клира и мирян немало наших сторонников. В напряженном ритме нашей бурной политической жизни мы всегда чувствовали моральную поддержку со стороны видных представителей Церкви.

Однако мы убеждены, что церковь должна находиться вне политики и выше политики. Мы с огромным уважением относимся к Русской православной церкви, считаем ее важнейшим инструментом российской общественной жизни, неотъемлемой частью нашей культуры. И именно поэтому я всегда был и буду против вовлечения церкви в текущие перипетии современной политической жизни.

— Вы иногда говорите о своих экономических программах непонятным широкой аудитории языком. Может, надо говорить попроще?

— Экономика, да и вообще жизнь устроены не совсем просто. Человек, который говорит совсем просто о сложных вещах, либо вовсе не понимает того, о чем говорит, либо сознательно стремится ввести слушателей в заблуждение.

Мы будем стараться доказывать свою позицию, быть доходчивыми. Вы понимаете, я же никогда раньше не занимался политикой, а только экономикой. Был директором Института экономической политики. Мы изучали процессы, происходящие в экономике, давали анализ, экспертировали проекты. И премьером я был назначен как экономист, а не благодаря своим завлекательным речам. Может, я говорил слишком усложненно об экономических проблемах и не умел объяснять. Я стараюсь научиться доходчиво доказывать правду, чтобы людям стали понятнее и доступнее некоторые важные для их жизни, для их будущего, для нашей страны вещи, тем более что все аргументы и правда на нашей стороне. И все-таки мои слова обращены к желающему разъяснений, а не утешений человеку.

— У Вас были ошибки или Вы безупречны?

— Ошибки были. Я хорошо их знаю. Я мог бы рассказать о технических ошибках, которые сегодня видны. Скажем, о неточно выработанных решениях регулирования внешнеэкономической деятельности с 1 января 1992 г., о тех корректировках, которые я внес бы в тактику размораживания цен, и т. д. Но они не имели принципиального значения. А вот одна ошибка, на мой взгляд, имела принципиальное значение — это избыточная мягкость в кадровой политике, когда мы оставили на ключевых постах слишком много людей, которые реформ никогда не принимали и охотно их дискредитировали, постоянно возлагая ответственность при этом за все свои грехи на реформы, на реформаторов, рынок.

— *Насколько Вы откровенны?*

— Я стараюсь быть откровенным. Я никогда не говорю неправды. Я не всегда могу вам сказать всю правду; скажем, как бывший премьер я знаю кое-что, чего не могу раскрыть, чтобы не наносить ущерба безопасности моей страны. Но в этих рамках всегда пытаюсь быть откровенным.

— *Судя по всему, Вы человек, уверенный в себе. Что Вам дает эту уверенность?*

— Человек теряет уверенность в себе, когда приходится принимать решения по вопросам, в которых он не слишком разбирается. Я хорошо знаю, что происходит в российской экономике, в экономике других посткоммунистических государств. Неоднократно убеждался в том, что экономические прогнозы сбываются, нравится это кому-нибудь или нет. Это вселяет уверенность в правильности сделанного выбора. Если знаешь последствия собственных решений, их легче принимать.

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

— *Не кажется ли Вам, что после взлета в 1990–1991 гг. демократическое движение в регионах России переживает все более углубляющийся кризис, а параллельно зреет оппозиция курсу на продолжение реформ?*

— К сожалению, реформы во всех посткоммунистических странах даются заведомо тяжело. Коммунистическая тоталитарная система не разваливается до того момента, пока она полностью не исчерпает экономических ресурсов своей страны. И у нас тоже рух-

нула только после того, как были разбазарены валютные резервы, золотой запас, самые эффективные месторождения нефти и к тому же набраны огромные кредиты. К этому времени возможности преодоления экономического кризиса оптимальным путем, с помощью каких-либо легких, потенциально популярных решений уже были безвозвратно упущены.

Именно поэтому на долю демократического правительства выпала тяжелая плата за перебитые горшки, ответственность за вынужденные, совершенно необходимые и неизбежно болезненные для людей преобразования. Коммунистические же лидеры и их структуры, едва отойдя в сторону от рычагов управления страной, получили прекрасную возможность взвалить ответственность за все происходящее на демократов. Общество, быстро забывая «прелести» коммунистического режима, не задумывается о том, что невозможно в два счета выправить последствия всего, что творилось на протяжении долгих десятилетий. Поэтому победы перекрашенных коммунистических партий на вторых выборах после начала реформ перестали быть новостью. Это наглядно проявилось в ряде стран Восточной Европы. Хотя нельзя забывать, что бывшие коммунисты наших соседей по «социалистическому лагерю» претерпели сильную трансформацию и фактически давно перешли на социал-демократические позиции. Их приход к власти не ведет ни к каким переменам в политическом строе и не столь уж существенно сказывается на экономической политике.

— Способна ли российская демократия на нынешнем этапе как-то противодействовать военной авантюре, воспрепятствовать установлению авторитарного режима?

— Российская демократия просто обязана сделать для этого все возможное. При этом надо четко понимать одну вещь: ведь нам никто не гарантировал устойчивости демократии. Надо понимать и то, что демократию мало один раз защитить, как это было в августе 1991-го или в октябре 1993-го. Если она нам дорога, то за нее надо бороться постоянно, каждый день.

Легче всего на демократию обидеться — она, мол, оказалась непривлекательна, нехороша, несовершенна — и отказаться от нее вовсе. Но боюсь, что плата за отказ от демократии окажется очень дорогой, гораздо дороже, чем плата за ее защиту.

Поэтому подчеркиваю: демократию надо защищать каждый день, а сегодня она, без всякого сомнения, под угрозой особенно сильной, потому что раздроблена и ослаблена. Это было, на мой взгляд, одним из серьезных факторов, которые проложили дорогу нынешним авантюрам. Чтобы их остановить, надо сделать все возможное для восстановления дееспособности российской демократии, добиться максимального единства всех здравомыслящих сил.

— *В чем Ваши принципиальные расхождения с Григорием Явлинским?*

— С фракцией «Яблоко» «Выбор России» по многим принципиальным направлениям занимает общие позиции, мы поддерживаем законопроекты друг друга. Жаль, что такое взаимодействие не стало основой и для работы на предстоящих выборах. Да, у нас есть экономические разногласия. Они носят мировоззренческий характер. Я по своим убеждениям правоцентрист, если говорить в европейской терминологии, т. е. моими друзьями являются в Англии консерваторы, в Германии — ХДС/ХСС, партия умеренных — в Швеции, республиканцы — в США и т. д. Г. Явлинский — левоцентрист, он выступает за большее участие государства в экономической жизни. Его партнеры соответственно социал-демократы, партии более левой ориентации.

Григорий Явлинский считает, что нужен более высокий уровень государственных расходов, более сильное государство. Мы считаем, что нужны более низкие налоги и соответственно более скромное государство. У нас разногласия в том, что лучше: идти к более рыночной или к более дирижистской экономике.

Эти разногласия значимы, стратегически немаловажны. Но я глубоко убежден, что они являются разногласиями завтрашнего-послезавтрашнего дня, сегодня они не имеют принципиального значения, потому что на предстоящих нам ближайших выборах будут решаться вопросы: будет ли частная собственность в России? быть ли рынку в России? быть ли свободе слова? быть ли мирной внешней политике? А по этим вопросам у нас нет разногласий.

Позиция раскола, на мой взгляд, безответственна и деструктивна. Это, разумеется, не облегчит нашу борьбу на следующих выборах. Поэтому «Демократический выбор России» всегда призывал демократов забыть о частных разногласиях, о разногласиях по мелким, не имеющим принципиального значения вопросам и создать широкую коалицию, которая способна была бы повернуть

развитие страны на путь здравого смысла, мира и экономического роста и демократии, тем более что представители «Яблока» неоднократно обращались ко мне, к моим коллегам по фракции с неформальными консультациями о том, можно ли будет добиться объединения демократических сил, если ценой за это объединение будет наше согласие выдвинуть Г.А. Явлинского объединенным кандидатом в президенты.

Так как я хорошо знаю притчу о соломоновом суде, то в споре о том, кому дороже всего российская демократия, я всегда был готов встать на позицию женщины, которая говорит: он твой, — и был готов поддержать кандидатуру Г. Явлинского, если в результате мы получаем единство демократических сил, а наши избиратели понимают, что демократы готовы чем-то поступиться ради единства.

Я был убежден, что это даст нам огромный эффект объективности, это создаст новую, позитивную волну, ощущение понимания того, что абсолютно не неизбежным является триумф коммунистов и фашистов на следующих выборах. К моему глубокому изумлению, когда мы уже согласились принять это предложение, Г. Явлинский на протяжении следующих двух дней забрал его обратно и начал подробно объяснять, почему единство «Яблока» и «Демвыбора России» невозможно ни при каких условиях.

Но тем не менее я убежден, что мы должны и в этих условиях нести свое знамя и не отказываться от него. Если союз с «Яблоком» невозможен, значит, мы должны объявить о создании на базе существующих, имеющих региональные структуры демократических организаций нового избирательного объединения, нового избирательного блока и начать переговоры с теми из них, кто готов вместе с нами идти на следующие выборы, — идти, разумеется, с общей принципиальной позицией, разделяя наши принципиальные программные установления. Конечно, в первую очередь мы предполагаем начать консультации с теми организациями, которые действительно не являются московскими салонными, а имеют развитую региональную сеть, представляют серьезный организационный потенциал.

— *Есть ли в стране силы, способные разумно противопоставить глупой политике умную?*

— Я думаю, что эти разумные силы — демократические силы. К сожалению, они сейчас раздроблены. Во многом будущее зави-

сит от единства действий демократов. А пока этого нет, сохраняется возможность авантюрных решений.

ПАРТИЯ ДВР

— *Какие люди составляют партию «Демократический выбор России»?*

— *Интересы какого социального слоя россиян выражает партия «Демократический выбор России»?*

— Прежде всего подчеркнем, что ДВР выступает категорически против деления людей по социально-сословному признаку (равно как и расовому) при ответе на вопрос, чьи интересы выражает эта партия, хотя это и не означает, что мы претендуем на звание «партии всего народа», как это пыталась делать КПСС.

Мы партия квалифицированных людей, партия профессионалов. Это вытекает из наших программных принципов, да и из нашего практического опыта.

Говоря о практическом опыте, мы имеем в виду, например, предыдущие выборы и сегодняшние многочисленные опросы общественного мнения, которые однозначно доказывают: число поданных голосов на выборах 1993 г. и число готовых отдать за нашу партию голосов в настоящее время увеличивается по мере движения от менее образованных групп населения к более образованным.

Наши программные принципы во главу угла ставят снятие всяких преград, сковывающих возможности любого гражданина проявлять инициативу и творчество в трудовой деятельности. Мы выступаем против чиновничьего произвола, против неоправданного вмешательства властей в жизнь граждан, за возможность каждого свободно выбирать сферу реализации заложенного в каждом человеке таланта. Но для того чтобы реализовать свои таланты, человек должен много и напряженно трудиться. Лучше всего воспользоваться свободой может квалифицированный, активный человек. Поэтому-то мы и утверждаем, что именно квалифицированные люди являются нашей главной опорой.

То же можно сказать и про предпринимателей. Бизнесмен бизнесмену рознь.

Одни работают на мировом уровне эффективности, не боятся конкуренции, вкладывают капитал в производство (непосред-

ственно или через банки). Государство нужно им не для выкачивания «дешевых денег», не для борьбы за льготы и привилегии, а как гарант поддержания стабильности в обществе, как источник законов и порядка. Понятно, что это профессионалы.

Другие способны выжить только при постоянной государственной поддержке — или в виде денег, перекачиваемых от эффективно работающих предприятий, или в виде таможенной защиты от конкурентов (тем самым отечественный потребитель лишается выбора и мы опять попадаем в ситуацию господства монополистов). Они крайне заинтересованы в инфляции, так как нестабильная обстановка позволяет выбивать себе дополнительные льготы. Здесь трудно найти подлинное мастерство, профессионализм.

Мы опираемся на ту часть отечественного бизнеса, которая способна к настоящему творчеству, которая готова и способна побеждать в честной конкурентной борьбе, которая нацелена на инвестиции, а не на отмывание капиталов и вывоз их за границу.

Словом, если в общих чертах охарактеризовать социальную базу ДВР, то ее можно определить понятием «квалифицированные работники». Те, кто хочет жить собственным трудом, будь это работа руками или головой, кто верит в свой труд, в свой талант, в свои способности. Кто не хочет зависеть от произвола чиновника и бюрократа. Кто требует, чтобы государство гарантировало каждому человеку возможность в полной мере реализовать свои способности и вместе с тем не давало бы в обиду слабым.

Именно поэтому ДВР — партия квалифицированных рабочих, без которых немыслимо существование никакого производства, — тех рабочих, которые не зависят от произвола начальства, но, напротив, в силу своей квалификации и авторитета определяют производственный и моральный климат на своих предприятиях.

Именно поэтому ДВР — партия интеллигенции, для наиболее полного раскрытия талантов которой государство должно гарантировать максимальную свободу творчества, которое должно быть ограждено от произвола в любой форме, будь то произвол бюрократии или денежного мешка.

Наконец, ДВР — это и партия крестьянства — того крестьянства, которое имеет опыт, талант и вкус работы на земле. Тех крестьян, которые способны найти свое место в рыночных отношениях, которые работают не на консервацию отсталости нашего сельского хозяйства, а активно занимаются возрождением российского села.

И конечно, мы не рассчитываем на поддержку тех, чье благополучие зиждется на близости к распределительной кормушке, тех, кто паразитировал на дефиците и до сих пор пытается искусственно воссоздать дефицит в отдельных секторах отечественной экономики. Мы не рассчитываем на поддержку тех, кто решает свои проблемы кликушескими призывами, требуя отщипнуть большой кусок от общего пирога, и не интересуется, чем же обернется удовлетворение его потребностей для остальных россиян. Не поддержат нас и те, чьей профессией стала ловля рыбы в мутной воде нестабильности и неопределенности, паразитируя на которых можно в одночасье сколотить огромные состояния.

Националисты, прикрывающиеся марксистскими фразами, фашисты, рядящиеся в либералов и демократов и готовые втянуть Россию в пожар новых войн, сутенеры, именующие себя бизнесменами, просители, привыкшие себя считать директорами, — все эти персонажи хорошо известны нашим согражданам. И от них-то исходит настоящая опасность для нашего государства.

— *С какими партиями или движениями ДВР могла бы заключить союз?*

— *Готовы ли Вы к сотрудничеству с местными властями?*

— Наша позиция в этом вопросе и принципиальная, и в то же время прозрачно ясная. Да, в борьбе за программу-минимум, за то, чтобы остановить войну и революцию, мы, разумеется, готовы к любым политическим союзам. Но в борьбе за цивилизованный российский капитализм, за демилитаризацию российского общества, за создание предпосылок социально справедливого, устойчивого российского развития мы должны нести свое знамя и не должны никому его отдавать.

Возможно ли сотрудничество с властями на местах? Надо понимать, что сама власть в регионах очень разная. Есть власть, которая проводит разумную, ответственную политику. С ней нам легче сотрудничать. А есть власть, полностью коррумпированная и очень опасная. С ней будем бороться.

— *Какую модель западного общества ваша партия хотела бы построить на российских просторах?*

— Вообще идея прививать на нашей почве какие-либо модели — американские, шведские, сингапурские, китайские и т. д. — приходит в голову только поразительно неразумным и некомпетентным людям. У нас в России сложилась своя специфическая среда,

как, между прочим, и в любой большой стране с древней и мощной культурой. И единственная модель, которая может прижиться в этой среде, сотканной из исторических традиций, опыта и противоречий, — это российская модель.

Другое дело, что рассуждения о российской национальной специфике, абсолютно правильные по существу, иногда прикрывают абсолютно унижительные и оскорбительные для нас, для нашей культуры убеждения в якобы нашей фатальной исторической непригодности к труду, в природной лени и глупости нашего народа. Нас пытаются убедить в том, что только периодическая порка да строгий начальник могут заставить россиянина что-то делать, и т. п.

Да, у нас есть тяжкое наследие крепостничества в сознании — крепостничества как феодального, так и коммунистического. Вместе с тем опыт последних лет показал, что в нашем народе заложен такой колоссальный потенциал работоспособности и предприимчивости, какого трудно было ожидать после стольких лет советской власти. Именно поэтому мы категорически отказываемся верить в то, что мы нация социальных инвалидов, которой необходимы бесконечные подпорки.

Абсолютно убежден, что если мы создадим мало-мальски нормальные и устойчивые условия для российского предпринимательства и российской экономики, то Россия может стать одной из наиболее динамично развивающихся стран в мировой экономике XXI в.

— *Тем, у кого реформы «свели» все сбережения, трудно проникнуться симпатиями к Гайдару. Понимаете ли Вы, насколько серьезна эта проблема?*

— Очень хорошо понимаю, так как эта проблема коснулась всех семей, в том числе моей. Сбережения моей семьи пропали точно таким же образом. Мой тесть Аркадий Натанович Стругацкий, известный писатель, чьи книги печатали в десятках стран, все свои гонорары держал на сберкнижке; и эти сбережения у его вдовы обесценились, как и у всех, когда реальную стоимость рубля перестали скрывать. Та же участь постигла, естественно, и вклады моих родителей, и мои собственные сбережения.

— *Знаете ли Вы, что «Выбор России» сильно потерял в глазах российской общественности, не разъяснив вопрос со вкладами населения?*

— Как Вы можете смотреть в глаза униженным и оскорбленным, загнанным в нищету? Вам не снятся они по ночам? Мы честно защищали Родину, затем восстанавливали страну, а теперь остались у разбитого корыта. У стариков отняты даже их «гробовые». Ответьте, если сумеете.

— Я считаю, что могу честно смотреть в глаза всем. Я никого не обманул. Я никогда не ставил личные амбиции выше интересов России. Я вам отвечу так. Сбережения немцев, как все знают, после Второй мировой войны были полностью обесценены. Кто это сделал? Гитлер, который на эти деньги финансировал свою военную авантюру? Или министр экономики Л. Эрхард, который пришел на свой пост после войны и вынужден был довести до сведения людей, что за их вкладами ничего не стоит, что казна полностью пуста? Не я растрачивал ваши сбережения. Существует секретная записка советского правительства в Политбюро ЦК КПСС за 1979 г.; уже в ней докладывается, что 53% сбережений фиктивные, за ними ничего не стоит. А с тех пор прошли афганская война, водочная кампания и много-много других авантур, которые тоже потребовали денег.

Я понимаю боль тех людей, у которых были отняты их сбережения. Я понимаю их вопросы, они многого не знали, от них многое скрывали. Звучали победные фанфары, нам всем внушали, какая у нас замечательная и богатая страна, как в ней хорошо живется народу, когда на самом деле мы с каждым годом нищали и все больше отставали от развитых стран. Но меня коробит, когда претензии предъявляет та самая политическая сила, которая разбазарила эти сбережения, промотала золотой и валютный резервы, беззастенчиво врала всем. А сегодня они встают в позу радетелей за народ и с видом невинных младенцев спрашивают: а где же сбережения населения? Что вы с ними сделали? Зачем вы развалили страну? Это, на мой взгляд, типичная форма мерзкой политической демагогии. Не мы это сделали, а те, кто до нас так «успешно» управлял страной. Нам лишь выпала горькая честь объявить правду.

Коммунистам и националистам удалось в декабре 1992 г. свалить правительство реформ. В результате благодаря их усилиям Россия застряла в промежуточном положении. А теперь они очень хотят воспользоваться естественным недовольством населения, чтобы вернуть себе утраченную власть.

Кстати, Людвиг Эрхард после окончания Второй мировой войны нашел способ вернуть населению те сбережения, которые рас-

тратил Гитлер. Он их отдал потому, что сумел укрепить немецкую марку, сумел создать предпосылки для германского экономического чуда. Правительство Германии вернуло старые долги уже в 1960-е гг., когда укрепилась экономика. И мы способны это сделать. Но для реализации программы компенсации сбережений нам нужна растущая российская экономика, а не призывы типа: «Назад, к светлому прошлому!» Чтобы вернуть деньги людям, надо их зарабатывать.

— *Не могли бы Вы, если это не секрет, хотя бы вкратце перечислить те меры, которые Вы примете, если ДВР победит на выборах?*

— Военная реформа. Реорганизация Вооруженных сил, сокращение их численности в 2,5 раза, изменение структуры Вооруженных сил, вывод из них натурального хозяйства. Увеличение ассигнований на подготовку личного состава, на современное вооружение.

Нормальная, полноценная, регулируемая частная собственность на землю как основа сезонного кредитования сельского хозяйства и аграрной реформы, позволяющей реорганизовать колхозы и совхозы; выделение из колхозов и совхозов нехозяйственных, муниципальных функций в отдельное предприятие; изменение приоритетов в финансовой поддержке сельского хозяйства с дотаций на стимулирование инвестиций, хранение и переработку сельскохозяйственной продукции и на помощь формированию структуры коммерческого кредитования сельского хозяйства.

Резкое сокращение государственного аппарата, ликвидация в нем тех звеньев, которые абсолютно излишни в нынешних условиях.

На этой основе резкое ограничение и сокращение дефицита бюджета, снижение процентной ставки, темпов инфляции, создание предпосылок для капвложений в отечественную экономику.

Целый ряд законодательных актов, надежно защищающих частную собственность. Вторая часть Гражданского кодекса. Земельный кодекс. Закон о ценных бумагах, закон об акционерных обществах, закон об ипотеке. Все это, вместе взятое, позволит создать надежную базу экономического роста. На этой базе постепенное снижение налогового бремени, ограничение, исключение части налогов и снижение общего уровня налогообложения.

В структуре госбюджета — постепенное снижение расходов на дотации, на оборону, на государственное управление. Постепенное увеличение расходов на социально-культурное обеспечение, здра-

воохранение, образование, науку и культуру. Реформа системы социальной защиты, превращение ее в адресную социальную защиту.

— *Прошла информация, что ДВР с протянутой рукой обратилась ко всем за помощью в сборе средств на избирательную кампанию. А какие привилегии получат те, кто даст вам деньги?*

— Не слышал ни об одной партии, которая вела бы свою работу за счет манны небесной. Политическая борьба, пропаганда — это всегда и финансовые ресурсы. Вопрос лишь в том, как ты их мобилизуешь — честно, открыто или ханжески. Мы давно выбрали для себя открытую политику и считаем ее единственно моральной.

Считаю категорически неприемлемым приспособлять свою политическую линию к тому, что для партии финансово выгодно или невыгодно. Знаю: та позиция, которую заняла наша партия в конце прошлого года по отношению к чеченской войне, отнюдь не самая популярная у значительной части представителей крупного российского бизнеса. Может быть, именно поэтому для нас проблема мобилизации средств на политическую работу сегодня особенно непроста.

Я также категорически протестую против заявлений, что для нас существует иерархия людей в зависимости от того, в какой мере они готовы финансово поддержать ДВР. Знаю: это довольно широко распространенная в мире практика, но для меня лично она неприемлема.

О ВЫБОРАХ

— *Почему на выборах кандидаты много обещают народу, а как только пройдут, ничего не делают?*

— Все зависит от вас, кого вы выберете. Конечно, если, разведав уши, слушать и верить кандидату, который наобещает каждому жаждущему водку по три рубля, а каждой незамужней женщине непьющего мужа, то вы и получите парламент, состоящий из проходимцев.

Вспомните выборы 12 декабря 1993 г. Тогда многие не пришли голосовать, устав от политики. А те, кто поверил в самое откровенное вранье, пришли и проголосовали. А ведь была обещана не только почти даровая водка, но и «поход на юг», что мы в результате и получили — кровавую бойню в Чечне. А партия Жириновского оказалась как бы главной опорой проводимой «жесткой» по-

литики в Государственной думе. И если за них проголосуют снова, то представители этой фракции могут оказаться и в правительстве, а они этого очень добиваются. Тогда их воинственные заявления могут стать реальностью.

— *Ваш прогноз на предстоящие выборы? Насколько возможен приход к власти коммунистов, фашистов?*

— *Вы надеетесь на победу на предстоящих выборах?*

— Прогнозировать не хочу. Самое главное — чтобы выборы были в срок, и парламентские, и президентские.

Приход к власти фашистов и коммунистов возможен. На это не надо закрывать глаза. Если мы будем пассивны, а они воспользуются недовольством населения, сыграют на этом, перетянут к себе колеблющихся, то это будет весьма трагично для России. Это будет еще одна страшная катастрофа для России в этом веке, которая вряд ли оставит нам шанс на нормальную жизнь в XXI в.

Мы идем на выборы на этот раз для того, чтобы капитализм, который сложился сегодня в России, стал цивилизованным и был более пригодным для нормальной жизни. Надо признать, что предстоящие выборы (я имею в виду как парламентские, так и президентские) будут очень трудными, может быть, максимально рискованными для России. Вся тяжесть революции уже за плечами общества. Почти все возможные благоприятные результаты реформ еще впереди. Возможности для радикальной антикапиталистической пропаганды широчайшие.

Если нам удастся не проиграть на этих выборах и не отдать власть безответственным авантюристам, есть твердая надежда на то, что развитие России на базе рынка, начинающийся экономический рост, объективные возможности финансирования социальных программ навсегда закроют для этих сил путь к власти.

Предстоящие нам выборы — это испытание для России. Проиграет наша партия выборы — проиграет вся Россия. Мы все вместе и каждый в отдельности должны сознавать свою ответственность. И все-таки мы убеждены — историческая правда за нами, историческое будущее за нами.

Итоги выборов и политическая ситуация

*Выступление в заключение дискуссии по докладу Политсовета
партии ДВР «Итоги выборов в Государственную думу
Российской Федерации и политическая ситуация в стране»*

24 февраля 1996 г.

Источник: ЦАОДМ, ф. 8716, оп. 1, д. 70.

Дорогие друзья!

Хотя это не всегда очевидно по моей манере разговора, я по своей природе человек очень решительный. И я очень склонен вынимать саблю и махать ею. Думаю, что, если бы это было не так, я в жизни не ввязался бы руководить реформами в России в ноябре 1991 г. и много-много другого бы не сделал.

Поэтому должен сказать, что та ситуация, в которой сегодня объективно оказалась наша партия, для меня тяжелее, чем для многих здесь присутствующих. Больше всего хочется немедленно принять решение и начать это решение воплощать в жизнь. Но как только на место рубаки, которому хочется вытащить саблю, приходит аналитик, он сразу понимает, что практически любое решение, которое можно принять сегодня, является заведомо проигрышным. Да, очень хочется определить позицию. Но на второй день мы поняли бы, что совершили тяжелейшую, вряд ли поправимую ошибку.

Давайте я попробую обосновать этот тезис.

Первое. Главная задача (например, для меня, но думаю, что и для подавляющего большинства присутствующих) не допустить нового коммунистического эксперимента в России. Здесь главная задача в том, какие действия можно было бы предпринять, чтобы этого добиться. Мы провели широчайшее обсуждение в региональных организациях. Ситуация ясна. Мы смогли бы объединиться в широ-

кий умеренный демократический блок, если бы выдвинули в качестве кандидата демократов человека, который имеет наибольшие шансы быть избранным.

Таких людей на самом деле всего двое. Они очень разные. Это В. Черномырдин и Б. Немцов. По разным причинам они могли бы объединить широкий демократический блок, объединить тех, кто для себя решил, что они никогда не будут голосовать за Ельцина, с теми, кто для себя решил, что они никогда не будут голосовать за Явлинского, с теми, кто для себя решил, что они не будут голосовать за Гайдара, и т. д.

Мы пытались «вытащить» один из этих непроигрывающих вариантов. Все наши действия последнего времени были связаны именно с этим.

К сожалению, есть два человека, способных заблокировать выдвижение каждого из двух кандидатов. Первый из них — Борис Николаевич Ельцин. Второй — Григорий Алексеевич Явлинский.

Я думаю (и нижегородская делегация со мной согласится), что нет ни у кого сомнения в том, что Немцов, конечно, согласился бы баллотироваться, если бы Явлинский поддержал его кандидатуру. И он имел бы очень серьезные шансы пройти во второй тур и победить в нем. К сожалению, Явлинский однозначного ответа на этот вопрос на наших консультациях не дал. А действующему губернатору ввязываться в такую авантюру без малейших шансов на успех бессмысленно.

Второе. Виктор Черномырдин. Он очень много понимает. Он лучше многих из нас понимает, насколько непроходной является кандидатура Ельцина.

Я обращался с письмом к Ельцину. Я говорил публично о том, почему прошу его не баллотироваться. Сергей Александрович Филатов говорил мне, что Ельцин колебался.

Но в любом случае Ельцин принял это решение и таким образом заблокировал вместе с Григорием Алексеевичем оба варианта, дающие надежду на победу.

Дальше, к сожалению, мы должны признать, что в рамках этой стратегии, этого расклада, когда у нас есть два кандидата, каждый из которых слаб с точки зрения возможности противостоять Зюганову, но каждый из них надежно блокирует возможность выдвиже-

ния любого другого кандидата, мы оказываемся в нулевой области осмысленных допустимых решений.

Что мы дальше ни делаем, все оказывается полным нулем.

Естественно, возникают идеи псевдоактивных действий. Давайте в этой ситуации выдвинем Гайдара, например, заставим его баллотироваться.

Я вам честно скажу, что, внимательно проанализировав ситуацию, подумал: а не мои ли личные пристрастия играют роль?

Я посоветовался с вами. Многим из вас звонили кураторы. Я пришел к выводу, что нет, это не мои личные предубеждения. Это элемент политической реальности.

Ну, как вы пошлете людей собирать подписи за Гайдара, если первое, что их спросят:

— А вы действительно думаете, что Гайдар может быть сегодня президентом России?

Как вы будете объяснять все эти сложные моменты, маневры при всем том, что Гайдар неоднократно говорил о том, что он не будет баллотироваться, что он будет делать все возможное, чтобы добиться выдвижения единого кандидата.

Кто это поймет?

Я должен честно сказать, что у нас есть и организационные, и финансовые ресурсы. Отнюдь не безграничные, но они есть для того, чтобы включиться в эту схватку, для того, чтобы получить миллион подписей.

Но что это практически означает? Это означает, что нужно угрожать в это дело все наши ресурсы, отказаться от участия в местных выборах, отказаться от какой-то серьезной пропагандистской активности. Все вложить, а потом в результате прийти к чему? К тому, что завтра же вся печать, которая сегодня требует от нас что-то, будет кричать:

— Смотрите, до чего они додумались. Теперь раскалывают в этой ситуации демократический электорат!

И мы все равно приходим к тому, что будем вынуждены снимать свою кандидатуру. Причем в глупейшей ситуации, когда не будем знать, в пользу кого снимать.

Вот и выясняется вроде бы как активный вариант, вроде бы как сильный, а на самом деле просчитаешь на два хода вперед и ви-

дишь заведомое поражение гарантированное. Суета, ощущение су-
еты, непоследовательности! Ничего больше не получилось.

Второй вариант, когда говорят: «Давайте в этой ситуации прямо
сейчас определим позицию и поддержим Ельцина».

Приверженцы этой позиции, вы просто вспомните свои чувства
21 января 1996 г. после всех событий в Первомайском.

Вы вспомните. И как вы будете смотреть своим избирателям в
глаза, когда произойдет нечто подобное?

Хорошо. Тогда говорят другое: «Если мы не можем сейчас под-
держивать Ельцина, потому что крайне непонятно, что он будет де-
лать в ближайшее время (уже не говоря о том, что он делал), давай-
те тогда немедленно поддержим Г.А. Явлинского».

А мы в последний год не видели интересных маневров Явлин-
ского? А мы уверены в том, что, если мы его поддержим завтра, по-
слезавтра он не побежит немедленно брататься с силами, которые
для нас крайне малопримлемы?

А мы что, опять будем менять свою позицию? То поддерживать,
то не поддерживать?

И выясняется, что, как бы ни хотелось побыстрее обозначить
позицию, реально обозначаемая позиция является заведомо про-
игрышной, ослабляющей и так не слишком благоприятное наше по-
ложение.

Поэтому когда мы говорим, что нам надо взять паузу, это не
потому, что боимся принять решение. Нет решения в создавшей-
ся ситуации.

Я абсолютно не исключаю морально для себя, что возникнет та-
кая ситуация, при которой, жестко следуя принципу наименьшего
зла, я пойду голосовать за Ельцина! И больше того — буду призы-
вать всех, кто мне доверяет, голосовать за Ельцина, прекрасно по-
нимая, какой это режим на самом деле будет. Но я еще лучше по-
нимаю, какой режим будет, если выберут Зюганова.

Но сегодня этот момент категорически не настал. Я считаю, что
мы должны искренне вести разговоры с Явлинским и не закрывать
для себя возможности таких коалиционных переговоров и соглаше-
ний. В конце концов, я еще раз подчеркиваю, что мы выбираем
не из хорошего и прекрасного.

И тут при всех самых серьезных претензиях к Явлинскому мы
не должны закрывать для себя двери.

Кстати, ситуация сейчас меняется очень быстро. Если завтра Борис Немцов решит вступить в эту борьбу, то это, конечно, радикально изменило бы нашу позицию и дало бы нам серьезные шансы бороться за победу.

У Явлинского мало шансов выиграть в первом туре и мало шансов выиграть во втором. У Ельцина больше шансов выиграть в первом туре и очень мало шансов выиграть во втором. Сегодня мы обсуждаем в значительной степени вопрос — сделать все, что мы можем, для того, чтобы не пустить коммунистов. Мы обсуждаем проблему чести, вопросы того, что мы должны делать, чтобы оправдать надежды людей, которые нам доверяют.

В связи с этим что мы должны делать? Я не исключал бы серьезных переговоров с «Яблоком» сегодня, я всех бы попросил думать сейчас не о его непоследовательности.

Я не исключаю и такой ситуации. Зная, что Явлинского не выберут президентом, мы вынуждены будем призывать своих сторонников голосовать за него.

Меня призывают наши коллеги из «Мемориала» заключить соглашение с «Яблоком» об общей позиции в первом туре, связав «Яблоко» общей позицией во втором туре. Это принципиальный вопрос. Это не только то, что будут делать наши избиратели в первом туре, но и то, что будут делать избиратели «Яблока» во втором туре.

Явлинский, выступая на Политсовете, сказал очень интересную фразу. На вопрос о том, за кого он будет голосовать сам и призывать людей голосовать во втором туре, он ответил примерно следующее: если будут Жириновский и Зюганов, он будет призывать вместе с нами голосовать против обоих. Если будут Зюганов и Ельцин, тогда он будет готов консультироваться по общим позициям. А если мы не будем с ним в блоке, то он будет призывать голосовать против обоих. Это тоже понятно.

Короче говоря, у нас очень непростая позиция. Я убежден, что мы должны подходить ко всему этому с точки зрения одной прагматической, самой главной задачи — не допустить Зюганова.

В связи с этим мы не можем себе позволить исключение рассмотренных вариантов, но принимать решение надо, конечно, гораздо ближе к выборам.

Здесь отмечалось, что ближе к выборам наше решение никому не нужно. Да ничего подобного! Вот как раз сегодня оно будет интересно, завтра и послезавтра, а после послезавтра оно уже никому не будет интересно. Мы уже сказали, и ясно, что не можем менять свою позицию, но дальше все наше участие в избирательной кампании кончится.

Если мы позволим себе поддержать паузу и принять решение ближе к выборам, когда ситуация действительно будет определена, вот тогда наш голос действительно может прозвучать более громко. Я понимаю, как всем нам как политической силе хочется немедленно броситься в бой. Но я вас уверяю, что, если мы только наберем в легкие воздух и заставим себя сделать паузу, будет лучше.

Что мы в этой ситуации должны делать?

Первое. У нас есть одна общая и абсолютно фундаментальная задача независимо от того, кто является основным кандидатом. Нам абсолютно понятно, кто является нашим основным противником. Это господин Зюганов, <фактически > уже находящийся во втором туре. Когда мы говорим о том, что же мы должны делать сейчас, пока еще легально существуем, а не находимся в подполье, то мы должны понимать, что необходимо использовать это время для последовательной антикоммунистической пропаганды.

Второе. Традиционно проблемой нашей партии была сконцентрированность внимания на федеральном уровне. У нас очень серьезные проблемы местных выборов. Учитывая абсолютно реальную перспективу победы коммунистов, для нас будет предельно важна любая база в регионах. И сейчас я думаю, что наши скромные организационно-финансовые ресурсы нужно бросить на местные выборы. Мы посмотрим, где у нас есть серьезная база, чтобы в рамках наших возможностей поддержать наших кандидатов.

Третье. Я думаю, что мы должны и обязаны вести переговоры и диалог и с Явлинским, и с Ельциным, интенсивные переговоры. Четкое обозначение наших требований к кандидату в президенты — базовая, принципиальная позиция для переговоров.

Ближе к выборам мы примем окончательное решение. Не идеальное решение, но я убежден, что и не худшее решение, которое мы в столь сложной ситуации сможем принять.

Спасибо.

< Победа Ельцина — шанс для России не допустить коммунистического реванша >

Выступление на IV (внеочередном) съезде партии ДВР

18 мая 1996 г.

Источник: ЦАОДМ, ф. 8716, оп. 1, д. 63.

Дорогие друзья!

Решение о позиции нашей партии на предстоящих президентских выборах было для нас очень и очень нелегким. Пока мы обсуждали ее в своих партийных организациях в январе – марте, фактически повсеместно шли серьезные дискуссии, приводились аргументы, заслуживающие самого серьезного внимания в пользу той или другой позиции.

Нужно сказать, что я очень внимательно следил за этой дискуссией, старался воздержаться от собственных высказываний именно потому, что очень хотел послушать, а каково будет мнение наших коллег, единомышленников.

Должен сказать независимо от того, какое решение мы примем сегодня, а я знаю позицию большинства партийных организаций, мы должны, я убежден в этом, быть предельно корректны по отношению к тем нашим коллегам, которые останутся в меньшинстве. Это тот вопрос, который действительно был трудным для нашей партии. Я категорический противник каких-бы ни было дисциплинарных, организационных выводов и взысканий по отношению к тем, кто оказался в меньшинстве по этому вопросу. И я рад тому, что Политсовет предложил проект резолюции, который учитывает необходимость для либеральной партии оставить свободу мнений нашим коллегам и единомышленникам по этому принципиальному и очень непростому вопросу.

Вместе с тем в ходе этой дискуссии, анализируя то, как изменяется общественная ситуация в России, я все больше и больше при-

ходил к выводу о том, что сам эмоциональный характер обсуждения, то, что мы в значительной степени как-бы концентрируем внимание на персоналиях, на личных отношениях, иногда застилает глаза, иногда не позволяет трезво оценить суть социально-экономического выбора, перед которым сегодня стоит Россия.

Именно поэтому я хотел бы сосредоточиться не столько на персоналиях кандидатов, не столько на том, кто из них плох или хорош, кто имеет какие прегрешения или заслуги перед российской демократией, сколько на том, в каком состоянии сегодня находится наша страна и что значит выбор, который нам предстоит сделать в июне–июле, в чем его социально-экономическое содержание.

Если мало-мальски спокойно и объективно посмотреть на то, что сегодня определяет положение в России, мы должны признать, что главное — это те стабилизационные процессы, которые явно, несмотря на все сохраняющиеся трудности, пробивают себе дорогу в нашей жизни.

Я говорю даже не о таких вещах, как близкие мне проблемы снижения уровня инфляции, накопления валютных резервов, устойчивости валютного курса и т. д. Дело не только в этом. Глубинные, очень инерционные показатели социальной динамики действительно свидетельствуют о начинающихся стабилизационных процессах.

Такой важнейший показатель, как продолжительность жизни. Она падает в России с 1988 г., с начала тяжелейшего кризиса, с которым столкнулась социалистическая система. В 1995 г. продолжительность жизни в России, впервые за последние годы, начала расти.

Показатели смертности тоже ухудшались — росли на протяжении последних лет. Намного раньше, чем начались реформы. Показатели смертности начали впервые снижаться в 1995 г.

В целом ряде регионов России (причем в тех регионах, которые являются сегодня базой поддержки реформаторского курса) в 1995 г. начала расти рождаемость.

Именно такие показатели для меня, может быть, самое сильное свидетельство того, что, пережив страшную катастрофу социалистического режима, тяжелейшие социальные проблемы, связанные с этой катастрофой, Россия все-таки наконец начинает успокаиваться, приспособливаться к новым, 5–7 лет назад немыслимым

и невообразимым социально-экономическим реальностям. Шрамы от вынужденной операции еще болят, но процесс выздоровления явно прогрессирует.

На мой взгляд, это, наверное, самое главное из того, что происходит сегодня в России.

Да, эта стабилизация не на том уровне реформ, который мы хотели видеть и обеспечить. Да, реформы оказались половинчатыми и во многом приостановленными. Отсюда колоссальное количество проблем и болячек нашего общества, связанных именно с незавершенностью либеральных преобразований.

Мы точно знаем, что хотели бы сделать в России для того, чтобы наше государство было менее коррумпированным, более экономичным, общество более справедливым. Мы знаем, что наша программа либеральных реформ — это именно необходимые мероприятия для того, чтобы добиться длительных подвижек.

Сегодня, к сожалению, социальный потенциал поддержки этих либеральных образований существенно сократился.

На выборы 1995 г., я убежден, наша партия шла с программой, которая действительно отвечает долгосрочным потребностям страны и которая раньше или позже будет реализована в России.

Я рад и горд тем, что большая, видимо, часть российской интеллектуальной элиты в декабре 1995 г. поддержала «Демократический выбор России».

Вместе с тем давайте честно посмотрим в глаза реальности. Выбор не решается поддержкой даже большей части интеллектуальной элиты.

Наше поражение на выборах в 1995 г., на мой взгляд, было связано не только с тактическими ошибками, которые у нас, разумеется, были, не столько с раздробленностью демократов, которая, конечно, определила масштабы этого поражения, а с тем, надо признать честно, что мы оторвались от собственной социальной базы, далеко ушли от того слоя, еще несформировавшегося, который способен поддержать следующий тур необходимых либеральных преобразований. Тот средний класс, та мелкая буржуазия, которая и является во всем мире базой необходимых либеральных реформ, — реформ, направленных на сокращение избыточного вмешательства бюрократии в экономическую жизнь, в обеспечение равенства правил игры, на уважение к налогоплательщикам,

их правам и т. д. Этот слой еще только-только формируется в России, он создается теми реформами, которые были проведены до этого, он еще слаб, он еще не осознал свои интересы.

Именно это, на мой взгляд, самая серьезная из проблем, самая серьезная причина того объективного отката от либеральной идеологии, либеральной политики, который мы видим сегодня в России.

Можно закрывать глаза на эту реальность, но тогда есть огромная опасность оторваться от базы, стать сектантами, лишенными реального влияния на политический процесс.

Вместе с тем реализованные, неизбежно болезненные преобразования вместе с политическими ошибками нынешней власти, вместе с болью от незавершенности этих преобразований объективно рождают мощную возвратную волну — волну протеста против боли этих преобразований, волну, которую очень легко использовать для социальной базы радикальной контрреформации, для того чтобы проехать бульдозером по очень еще жиденькому плодородному слою гражданского общества, которое удалось сформировать в России. И выборы 1995 г. убедительно показали, они очень наглядно опровергли построения тех, кто говорил: коммунистическая угроза — это миф, химера. Они показали, что коммунистическая угроза — это самая серьезная и жесткая реальность сегодняшней российской жизни.

Во всем мире всегда выборы — это вопрос борьбы между властью и самой сильной оппозицией. И главный вопрос выборов — это вопрос, стоящий между властью и самой сильной оппозицией.

К настоящему времени, на мой взгляд, любой трезвомыслящий наблюдатель российской политической жизни знает ответ на вопросы: что такое власть? что такое партия власти? какая оппозиция сегодня самая сильная? Без сомнения, самая сильная оппозиция сегодня — это коммунистическая оппозиция, это КПРФ. Именно это, на мой взгляд, и определяет характер голосования, который предстоит нам в июне–июле 1996 г., характер персонального выбора между Ельциным и Зюгановым.

Мы вели искренние переговоры, направленные на попытку создания либеральной коалиции, — коалиции, которая способна была бы противопоставить нынешней власти не авантюрную программу отката назад, а программу последовательных либеральных реформ. И вместе с тем должен сказать, что, на мой взгляд, сегодня невоз-

возможность создания такой коалиции, коалиции не просто существующей, а коалиции, имеющей шансы на победу, — это не проблема личных отношений тех или других политических лидеров, это проблема социально-экономической реальности сегодняшней России.

Даже если признать, что «Яблоко» по своей природе либеральная партия, что, разумеется, является допущением бесконечно сильным, то и тогда очевидно, что коалиция ДВР и «Яблока» не имеет шансов бороться за победу на предстоящих выборах. А как только возникает необходимость расширения этой коалиции и включения в нее таких персоналий, как г-н Федоров, г-н Лебедь и т. д., так от либеральной программы, простите, ничего не остается! Какая это либеральная партия, либеральная программа, которая идет с идеями отказа от полноценной частной собственности, по Федорову, или отказа от парламентаризма, избираемого парламента, по Лебедю, ну тогда уж давайте договоримся, что это беспринципная коалиция, которая не имеет никакой программы и суть которой состоит в том, чтобы выторговать себе какие-то места у власти. Тогда непонятно, а почему мы должны в этом участвовать?!

(Аплодисменты.)

Именно поэтому, я убежден, трезво оценивая сегодняшнюю ситуацию в России, мы вынуждены признать — при принципиальной борьбе за то, удастся ли нам сохранить пусть не слишком совершенные, но, без сомнения, наши результаты борьбы за гражданское общество, наши результаты предшествующего этапа либеральных реформ или же наши политические метания объективно проложат дорогу радикальной контрреформации, — я убежден, ответ на вопрос о позиции нашей партии объективно задан независимо от того, кто нам нравится, кто нам не нравится и какие претензии у нас есть к тому или иному претенденту.

В связи с этим в ходе дискуссии возникало несколько принципиальных вопросов и контраргументов, которые, на мой взгляд, заслуживают специального внимания и обсуждения.

Неоднократно говорили: да, может быть, это выбор между Зюгановым и Ельциным, но коммунисты не имеют никаких шансов победить. Их электорат объективно ограничен, он не растет, он увеличиться не может, поэтому можно не пугать себя призраком коммунизма и спокойно выработать собственную полити-

ческую тактику. Нужно сказать честно, что меня лично эти аргументы ни в малой мере не убеждают. Не убеждают они меня по нескольким причинам. Во-первых, потому, что я видел рост популярности посткоммунистических партий на фоне тяжелых реформ во всех странах Восточной Европы, и я не понимаю, почему Россия должна быть исключением. Во-вторых, потому, что я разговаривал с колоссальным количеством людей, которых я знаю и которые никогда бы не поддержали коммунистов в 1991 г., которые сегодня готовы проголосовать за коммунистов в том числе потому, что они не смогли приспособиться, потому что они дезориентированы и т. д. И вижу и знаю этих людей, и это реальное изменение, изменение опасное.

В-третьих, потому что мы видели рост реального электорального потенциала коммунистов между выборами 1993 и 1995 гг., на это нельзя закрывать глаза.

Наконец, в-четвертых. Можно сколько угодно строить своеобразные конструкции, можно играть цифрами, но факт остается фактом — в декабре 1995 г. прошли выборы общенародные в Государственную думу. В ней коммунисты имеют простое большинство голосов. Это факт, и никакими построениями его не перечеркнешь. Угроза коммунистической победы на президентских выборах очень серьезна. И самое опасное для президентской команды, я неоднократно говорил, — это в любой момент впасть в эйфорию, в ощущение того, что победа гарантирована. Никакая победа Ельцину не гарантирована, это очень серьезная опасность.

Второй вопрос, который возникает в связи с этим: а есть ли разница? Вот смотрите, ведь в нынешней элите колоссальное количество выходцев из той же коммунистической элиты. Посмотрите в регионах на многие администрации: кто там реально работает? Посмотрите, насколько несовершенна нынешняя власть, посмотрите, кто в той же КПРФ, это что, реальная партия протеста? Там сидят те же самые во многом люди, точно такие же! Так тогда, может быть, и выбора этого самого нет, речь идет о той же самой политике, которую с маленькими нюансами будут проводить чуть другие люди. И если это так, то тогда какая разница?

Вот, на мой взгляд, это величайшая ошибка, ошибка очень и очень серьезная.

Я не буду разбирать программу коммунистов, тем более что они тщательно ее скрывают, более тщательно, чем любые свои государственные секреты. Я не буду разбирать книжки Зюганова, они, думаю, хорошо известны присутствующим здесь. Если неизвестны, они их прочитают. Я не буду говорить о коммунистических традициях, о том, что принесла в прошлый раз коммунистическая партия. Я не буду вспоминать, как в Чехословакии в 1948 г. Компартия Чехословакии шла примерно с такой же милой, ласковой программой на демократические выборы и что она делала после того, как получила там власть. Я скажу о другом, о том, что, кстати говоря, является предметом самого пристального анализа в любом гражданском обществе, когда мы говорим о выборах: а как реагирует само общество на эти выборы, как реагирует такая его близкая мне составная часть, как финансовые рынки?

Уже сегодня предстоящие выборы оказывают огромное влияние на развитие событий в российской экономике, практически блокируя начало экономического подъема. Никто не будет вкладывать деньги в частные капитальные вложения, пока есть реальная угроза того, что придут люди, склонные, скажем так, не гарантировать частную собственность. Уже сегодня финансовые рынки реагируют на рейтинги политиков больше, чем на что-либо другое. Российский фондовый рынок упал до критической отметки к началу марта, когда казалось, что у Ельцина нет никаких шансов, и начал подниматься после того, как рейтинг его начал расти.

Это значит, что лихорадит всю экономику, лихорадит то, от чего зависит жизнь десятков миллионов людей.

Сегодня правительство сталкивается с огромными проблемами на финансовых рынках своих ценных бумаг именно потому, что никто не знает, что будет происходить после июля. Именно поэтому сегодня Центральный банк оказывается перед тяжелейшими проблемами выбора стратегии финансовой политики, вынужден активно интерминировать¹, для того чтобы поддержать курс государственных ценных бумаг.

¹ Редко используемый финансовый (банковский) термин. Интерминирование означает воздействие имеющимися в распоряжении государства золотовалютными запасами на валютный курс, курсы государственных ценных бумаг. — *Прим. ред.*

Ну хорошо, это все можно пережить несколько недель. Для этого есть необходимые ресурсы. А теперь давайте вместе подумаем пошагово, а что будет происходить в России, если 9 июля президентом будет объявлен Г.А. Зюганов¹. Что будет происходить на рынках просто? Ну, я могу сказать, что будет происходить. Еще до того как Зюганов переступит порог своего кремлевского кабинета, первое, что случится, будет полный крах российского фондового рынка. Он просто перестанет существовать. Деньги, вложенные в фондовый рынок, будут немедленно переведены в более ликвидные формы, и главная забота будет: а как вывезти их из страны, — забота и тех, кто вкладывал их, в том числе иностранных инвесторов.

Второе. Возникнет острейший кризис на рынке государственных заимствований. Просто кто будет давать в долг государству, которое, может быть, не собирается возвращать эти долги?

Центральному банку придется в массовых масштабах скупать государственные ценные бумаги, одновременно выбрасывая деньги в экономику. А главное: что будет происходить на валютном рынке? Что сделает любая семья 9-го числа, любая семья ваших знакомых 9-го числа? Я могу сказать, что она сделает. 9-го числа все свои самые скромные сбережения она переведет из рублевой формы в долларовую. Мы привыкли жить в долларизованной бивалютной экономике. То же самое, кстати, сделает любой разумный президент российского банка и любой разумный генеральный директор российского предприятия. Спрос на конвертируемую валюту вырастет не на несколько процентов, а в разы.

Центральный банк будет поставлен перед неприятнейшей альтернативой, что делать: интерминировать, продавать свои валютные резервы до того момента, пока их не останется, и придется просто развести руками? Быстро и резко забыть о всех формах регулирования курса и девальвировать рубль в несколько раз? Но тогда есть реальная угроза того, что следующее, что сделают люди, — еще быстрее побегут от обесценивающихся рублей. Или выйти из

¹ Очередные выборы президента были назначены на 16 июня 1996 г., был предусмотрен второй тур (если он потребует), который должен был состояться в воскресенье 3 июля. Было ясно, что второй тур неизбежен: к маю рейтинги основных претендентов, Ельцина и Зюганова, практически сравнялись. Официальные результаты должны были быть объявлены 9 июля. На эту дату и ориентировался Е. Гайдар в своем прогнозе. — *Прим. ред.*

режима конвертируемости рубля, потому что рубль больше неконвертируемый?

Я абсолютно убежден, что независимо от того, что сегодня думает Зюганов и что напишут в его программе, неизбежным результатом прихода коммунистов к власти будет то, что на протяжении следующих нескольких месяцев рубль перестанет быть конвертируемой валютой.

Ну что происходит, собственно, дальше. Я хорошо знаю ситуацию с импортными контрактами. Многие импортные контракты на Россию заключены до июня. Просто все хотят посмотреть, а что будет дальше.

Конкуренция импортных товаров — это важнейший фактор, обеспечивающий сбалансированность потребительского рынка, конкуренцию на этом рынке, сдерживающий рост цен. Отказ от конвертируемости рубля — это страшный удар, практически разрушающий современную структуру нашей внешней торговли. Значит, естественное и неизбежное следствие этого — возникновение перебоев в снабжении и резкий рост цен на потребительские товары.

Что делают нормальные семьи после того, как нельзя на рубль купить доллары, после того, как выясняется, что потребительский рынок начинает разрушаться? Естественно, начинаются панические закупки стирального порошка, сахара, спичек, соли и т. д. Реакция на это — ускорение роста цен. Каждый процентный пункт ускорения месячной инфляции — это сегодня в России 700 тыс. дополнительных бедных.

Что делает коммунистическое правительство, столкнувшись со всеми этими реалиями? Первое, что от него требует поддержка Анпилова, — введение контроля цен. Второй абсолютно неизбежный результат независимо от того, что сегодня Зюганов хочет прихода коммунистов к власти, — это попытки введения контроля цен при спросовой панике, воспроизводящей все стереотипы дефицитной экономики. Это хорошо вам известно.

Значит, мы оказываемся в положении, когда рубль неконвертируемый, рубль неработающий, снова возникают стереотипы дефицитной экономики. Значит, зерно больше нельзя купить за деньги, его можно только отобрать у колхозов, у акционерных предприятий. Значит, мы снова в 1990–1991 гг., где не работает ни рубль, ни приказ.

Сегодня те, кто поддерживает коммунистов, надеются, что они получат нынешние прилавки и цены 1985 г. Когда они убедятся, что получат прилавки 1988 г. и нынешние цены, я уверяю вас, что это будет им крайне неприятным сюрпризом и социальная реакция на это будет предельно жесткой, предельно неприятной.

Что будут делать коммунисты, столкнувшись с этим? Это совершенно неизбежно: они будут искать врагов народа. Они будут усиливать контроль за прессой, пытаться демонтировать те институты гражданского общества, которые не позволяют им хоть как то дисциплинировать людей.

Еще раз подчеркну. Я до сих пор не сказал ни слова о программе коммунистов, о том, что они хотят делать. Я говорю только о том, к каким неизбежным результатам приведет реакция институтов гражданского общества на победу коммунистов. Я убежден, что победа коммунистов — это радикальное изменение нашей жизни, это страшные, катастрофические изменения нашей жизни, это огромный риск для нашей страны и для мира. Я еще раз подчеркну: у них никогда не получится стабильного социализма больше. И еще нескольких лет подобного рода эксперимента России в высшей степени хотелось бы избежать.

Теперь представим себе другой сценарий: 8 июля выигрывает президент Ельцин. У меня масса собственных претензий к Б.Н. Ельцину, как, я думаю, у любого из присутствующих в этом зале. Но я отнюдь не склонен полагать, что экономическая политика президента Ельцина после победы будет идеальной. Я отнюдь не склонен полагать, что первое, за что он возьмется, будут необходимые либеральные реформы. Но мы просто обо всем этом забудем и подумаем: а как отреагируют рынки на победу Ельцина 3 июля 1996 г.? Я скажу, как они отреагируют. Первое, что произойдет, — начнется резкий рост котировок всех основных российских ценных бумаг. Ну просто потому, что сегодня все отечественные и зарубежные инвесторы думают, куда бежать быстро — из России или в Россию? Просто вот если Ельцин выиграл — это значит, что завтра акции ЛУКОЙЛа, РАО «ЕС России», «Мосэнерго» начинают быстро расти. Если они начинают быстро расти и я это знаю, почему я не должен быть там первым?

Это значит, что автоматически заданной является быстрая переброска мировых капиталов, внутренних капиталов на российский рынок.

Значит, Центральный банк сталкивается совсем с другой проблемой: а что ему делать с избыточным предложением конвертируемой валюты, как не допустить инфляционных ожиданий? Выясняется, что российские государственные ценные бумаги отнюдь не так ненадежны, как казалось раньше. Что надо делать? Значит, они будут расти в цене неизбежно. Значит, надо успеть вложить в них до того, как это сделают другие. Совершенно неизбежно растут котировки, падает процентная ставка.

Сегодня обсуждены, подготовлены десятки крупнейших инвестиционных контрактов в России, потому что это их привлекает, интересный рынок. Ни один из них не начнется всерьез до 9 июля, потому что нет идиотов, готовых рисковать своими деньгами в такой ситуации.

Девятого июля зеленый свет перед этими контрактами будет открыт. Это значит, что Ельцин, еще ничего не сделал после победы, ничего не совершив, обеспечил своей победой устойчивость финансовых, частнособственнических институтов в России, тем самым одновременно открыл дорогу к экономическому росту в России, потому что основные необходимые предпосылки после этого — работающая финансовая система, более низкие процентные ставки, гарантии частной собственности — вот они, здесь.

Мы по-прежнему останемся экономикой с огромными проблемами, — экономикой, которой нужны либеральные реформы, но экономикой не падающей, а растущей, экономикой, у которой появляются деньги для решения наиболее острых, наиболее кричащих социальных проблем. И согласитесь, это огромная радость, это несравнимо с тем сценарием, который мы обсуждали при победе коммунистов.

Таким образом, хочу сказать, что я категорически не согласен с теми, кто говорит, что нет разницы между победой Зюганова и Ельцина. Она есть, и важно не то, что тот или другой здесь будут говорить, а что значит эта победа с точки зрения реакции институтов гражданского общества.

Если вы согласны с тем, что я сейчас сказал, т. е. что реальный выбор — это Ельцин — Зюганов и что победа Ельцина и победа

коммунистов — это реальная стратегическая развилка для России, на мой взгляд, то это означает, что стратегическая наша позиция является заданной и понятно, что мы обязаны делать в такой ситуации. Тем не менее перехожу к обсуждению ряда тактических соображений и аргументов, которые высказываются при обсуждении нашей позиции.

Некоторые коллеги говорят: ну хорошо, пусть все это правильно, но зачем нам связывать себя в первом туре? У нас же есть масса претензий к Ельцину, но ведь все равно же он будет во втором туре. Ведь все равно там будут Ельцин и Зюганов. Ну зачем нам брать на себя эту моральную ответственность?

Я убежден, что с этим аргументом нельзя согласиться по двум основаниям. Во-первых, по основанию моральному. Ну если мы сами, дорогие друзья, договорились, что это реальный выбор между Зюгановым и Ельциным, и мы на самом деле надеемся, что Ельцин победит. Мы хотели бы, чтобы кто-то другой взял на себя моральную ответственность за эту победу, потому что у нас такие чистые, «белые перчатки»... Мне кажется, что это как раз позиция, уязвимая с моральной точки зрения. И во-вторых, по основанию прагматическому. Колоссальное влияние на исход голосования во втором туре, без всякого сомнения, окажут результаты первого тура голосования. Здесь присутствуют мои друзья, в том числе бывшие губернаторы. Они очень хорошо знают, в какой степени для многих колеблющихся региональных элит определяющим будет исход первого тура. Если в результате разделения демократических голосов Ельцин придет во второй тур сильно ослабленным, с серьезной форой для Зюганова, я убежден, что начнется массовое бегство представителей многих региональных элит в противоположный лагерь, что колеблющийся электорат может метнуться туда, и тогда, играя на всех этих мелких тактических соображениях, мы можем создать ту волну, которую никакими силами не остановим накануне второго тура. Нравится нам это или не нравится, но сегодня ситуация сложилась так, что реально каждый голос, поданный не за Ельцина в первом туре, объективно работает на Зюганова. Это жесткая реальность, но это реальность нынешней политической ситуации. Поэтому я убежден, что мы, наша партия, должны поддержать Ельцина в первом туре и призвать своих сторонников это сделать. (Аплодисменты.)

Что практически в связи с этим мы должны делать? Значит ли это, что мы с сегодняшнего дня, принимая эту позицию, забываем о всех ошибках Ельцина, говорим, что это рыцарь без страха и упрека, надежда и опора? Да нет, дорогие друзья. Не надо переоценивать свое влияние на избирателей. У нас с вами есть свой избиратель. Это умный, как правило, избиратель, разумный. Он все понимает. Он очень хорошо понимает фальшь. Поэтому я думаю, что, как и всегда, мы должны говорить правду — правду о том, что у нас есть серьезные претензии к Ельцину, правду о том, что он сделал немало ошибок, правду о том, что у нас нет никаких иллюзий, что после выборов его власть будет идеальной и даже просто удовлетворительной, и вместе с тем правду о том, что сегодняшний выбор — это действительно, как правильно вчера сказал Ельцин, выбор не персоналий, а будущего страны и в этом выборе наша позиция является жестко определенной и заданной. Мы категорически против еще одного коммунистического эксперимента в России.

Я действительно отнюдь не убежден, что та власть, которую мы будем иметь после выборов в случае победы Ельцина, будет мало-мальски удовлетворительной. Она наверняка нас во многом не будет удовлетворять. Но еще раз напомню вам: мы либералы, и, если нам удастся сохранить институты гражданского общества, они позволят жить даже с не слишком удовлетворительной властью. Больше того, они постепенно нарабатывают тот потенциал, который позволит дисциплинировать эту власть, сделать ее лучше, более ответственной. В связи с этим наше голосование в июне-июле — это голосование не за персоналии и даже не за власть, а за то, чтобы сохранить наше гражданское общество, те реалии, которые действительно сложились сегодня в России, поразительные еще 10 лет назад: частную собственность, мощный частный сектор, открытую экономику — экономику, инкорпорирующуюся в мировой рынок; финансовые рынки, свободу слова, социальную открытость, полифонию социальных институтов — все то, что и дает России вернуться на столбовую дорожку мирового развития в конце XX — начале XXI в.

Вот это суть предстоящих выборов, и это то, почему мы можем идти и призывать отдать голос за Ельцина не стесняясь и не стыдясь этого. В этом, я убежден, нет никакой моральной фальши.

Мы голосуем не за ту или другую власть. Мы действительно голосуем за шанс нормального, цивилизованного развития России, и шанс этот на сегодняшний день — так сложилось — действительно связан с победой Ельцина. (Аплодисменты.)

Дорогие друзья! Осенью 1995 г. наша партия «Демократический выбор России», наши союзники по блоку призывали сделать разумный выбор — не самый, напомню, приятный, не самый замечательный, а разумный. И я убежден, что и сегодня, в канун президентских выборов, нашим лозунгом должен быть тот же лозунг. Так давайте сделаем разумный выбор!

(Аплодисменты.)

< Задача — построить цивилизованный современный капитализм >

Выступление на заседании Политсовета партии ДВР

8 июля 1996 г.

Источник: ЦАОДМ, ф. 8716, оп. 1, д. 72.

Дорогие друзья!

Мне кажется, что прошедшее голосование 3 июля, убедительная победа на нем Б.Н. Ельцина подводят черту под историей коммунизма в России. Многие из здесь присутствующих потратили немало сил на то, чтобы добиться этого результата. Для меня, может быть, это самое главное из того, что я хотел добиться в жизни. Мне кажется, что этот этап у нас позади. Компартия Российской Федерации, силу которой мы всегда достаточно высоко оценивали, по-моему, не имеет шансов подняться после этих выборов и всерьез претендовать на главенствующую роль в стране. Она останется надолго влиятельной оппозиционной силой. Нам предстоит с ней тяжелая борьба на местных выборах, она будет представлена в Думе и органах власти, но тот момент, когда она всерьез могла пробиться к власти и начать цикл радикальной контрреформации, мне кажется, пройден, — пройден по двум основаниям:

- по структуре электората КПРФ, в котором по-прежнему полностью доминируют старшие возрастные группы и в котором очень мало молодежи;
- прошедшие выборы и стабилизация политического строя в России практически неизбежно открывают дорогу экономическому росту, а проводить выборы после четырех лет тяжелейших экономических реформ и проводить выборы после нескольких лет экономического роста — это совершенно разная политическая ситуация.

Поэтому этот этап, когда для нас самым главным — по существу тем, что определяло все задачи ДВР, — было не допустить волны контрреформации, порожденной тяготами реформ и ошибками властей, остался позади.

Сейчас в центр политической борьбы выдвигается принципиально иная задача. Это задача борьбы вокруг того, каким будет российский капитализм. Будет ли он бюрократическим, коррумпированным, в котором результаты экономического роста распределены предельно несправедливо, и потому будет постоянно сталкиваться с кризисами нестабильности. Или нам все-таки удастся повернуть развитие событий на путь цивилизованного современного капитализма, который предполагает равные правила игры, надежные гарантии частной собственности, экономичное, подконтрольное обществу государство. В этом суть следующего этапа российской политики, на который мы вступили после 3 июля.

Разумеется, стране довольно дорого дались последние несколько месяцев перед выборами. Экономике лихорадило. Лихорадило рынки. Мы имели депрессию капитальных вложений, резко выросла стоимость государственных заимствований. Продолжение той же политики после выборов было бы очень опасным. Должен сказать, что я обратился с письмом к В.С. Черномырдину, в котором проинформировал его о том, что, с моей точки зрения, необходимо сделать, чтобы сбить последствия этой инфляционной волны и не допустить утраты тех позитивных результатов, которые могут быть достигнуты после 3 июля. (Об этом же я проинформировал ключевых сотрудников администрации президента.) Я не буду входить в детали — речь идет о сугубо тактических мерах, о том, как, на мой взгляд, надо сегодня работать на рынках, с государственными заимствованиями, в налоговой сфере. Насколько я знаю, эти предложения были поддержаны и соответствующие распоряжения премьером были даны уже в пятницу.

Это вселяет оптимизм. Думаю, что эта линия будет выдержана и нам удастся минимизировать потери, которые российская экономика понесет от этого периода нестабильности, вызванного избирательной кампанией.

Дальше предстоит очень тяжелая борьба за выбор и формирование уже не тактики, а стратегии преобразований, за выработку и реализацию прорыночного законодательства, за реализацию той

программы, которая была в свое время нами выработана и которая к настоящему времени пока правительством не реализована. Это задачи стратегические.

Мне кажется, что сегодня вести речь о формировании коалиционного правительства с участием коммунистов было бы в высшей степени неправильным и ошибочным. Выборы проходили в России не по персональному, а по принципиальному политическому вопросу — о том, куда идти: вперед или назад. Воля граждан была выражена ясно и недвусмысленно — идти вперед. В связи с этим не реализовать эту волю, сформировать правительство, которое в лучшем случае может топтаться на месте, значило бы обмануть доверие избирателей. Поэтому мы категорические противники таких решений, и об этом известно в том числе руководству страны. Я не исключаю, что там будут сделаны некоторые тактические шаги, вытекающие из предвыборных договоренностей. Но не думаю, что всерьез то, что будет происходить, можно будет назвать коалиционным правительством. Предстоят некоторые кадровые изменения. Они разнонаправленные. Насколько я себе представляю, они в целом носят более или менее удовлетворительный характер. Наша партия не ставит вопрос о торге за места в правительстве. Я не думаю, что это будет уместно и политически правильно. Вы видите, насколько малоприличным является на сегодняшний день поведение тех, кто немедленно после выборов побежал просить себе место в коалиционном правительстве. Думаю, что нам не надо становиться в эту очередь. Будем использовать свое влияние для того, чтобы подталкивать принятие решений в разумное русло.

Разумеется, эта пройденная рубежная точка существенно меняет приоритеты в самой работе ДВР. Как мне кажется, сегодня мы выходим из такого периода кризисного управления и кризисной работы. Впереди значительно более спокойная и размеренная, но тяжелая работа, суть которой — участие в первую очередь в местных выборах, цикл которых предстоит в декабре этого года, выбор приоритетов на этих выборах, попытка договориться о коалициях с потенциально близкими нам союзническими силами по участию в этих выборах. Второй важнейший приоритет — это систематическая и последовательная работа по пропаганде либеральных идей в России, создающая базу любых последующих кампаний, т. е. сегодня я не ставил бы

приоритетом задачу скорейшего проведения парламентских выборов. Думаю, что Россия устала от выборов. Я считаю, что раскол среди коммунистических фракций в Думе весьма вероятен. Думаю, что Дума не встанет на путь конфронтации. Сегодня это видно по многим признакам.

Тогда лучше дать возможность России пожить некоторое время спокойно, без выборов. Дать возможность заработать рынку, дать возможность людям увидеть результаты начавшегося экономического роста и только после этого идти на выборы. Разумеется, мы не можем исключить возможность парламентских выборов, но сам я не считаю, что мы должны к этому подталкивать. Нам предстоит очень тяжелая борьба и работа по выборам в местные органы власти на уровне регионов и глав администраций. Мы уже сегодня хорошо знаем те регионы, где поддержка демократов является достаточной для того, чтобы серьезно бороться за власть. И надо будет этим заниматься. Естественно, это диктует нам позицию по вопросу о выборе союзников.

Победа Ельцина — это существенное изменение всей политической ситуации. Я очень надеюсь, что она даст базу постепенной группировки сил либерального крыла и вместе с тем что на базе «Яблока» сформируется реальная социал-демократическая партия. Естественно, мы должны вести конструктивные переговоры и с Борисом Федоровым, и со Старовойтовой, и с Хакамадой, и с «Нашим домом — Россией» (по крайней мере, по многим регионам, по многим одномандатным округам), постепенно подготавливая базу для объединения.

Приоритет для меня (а такие переговоры я предполагаю начать уже завтра) — это позиция по выборам в регионах, попытка добиться согласованных усилий, с тем чтобы минимизировать представительство коммунистов на региональном уровне — представительство, позволяющее блокировать реформы и во многом компрометировать власть.

Переход от такого этапа кризисного развития к спокойной работе, разумеется, предполагает и существенные изменения в самой партии. Это разные типы деятельности, и нужны разные организационные структуры, и нужны разные люди для этого. Я думаю, что мы должны спокойно в течение лета обсудить этот

вопрос, подготовить соответствующие изменения в Устав партии, подумать о том, кто должен войти в руководящие органы партии, возглавить ее после нашего следующего съезда, который в создавшейся ситуации действительно имеет смысл отложить до середины сентября. Происшедшие изменения в самой президентской команде не позволяют нам принять сегодня твердое решение даже после этой победы уйти в решительную оппозицию. Сейчас надо посмотреть, как будет формироваться правительство, что оно будет делать. Любые другие решения могли бы быть скороспелыми и ошибочными. Нам этого делать не нужно. Я очень рад тому, что многие организации ДВР, многие члены ДВР приняли очень активное участие в президентской кампании, внесли серьезный вклад в победу Ельцина. Мы это знаем, мы знаем и видим работу нашей питерской организации, работу наших друзей из Перми, например, г. Краснокамск показал абсолютный, высший по России результат голосования за Ельцина. Огромный вклад в победу Ельцина внесли многие наши единомышленники. Многие наши организации все свои силы положили на это, и серьезные успехи были обеспечены их работой — это факт, и я очень благодарен всем, кто этому способствовал.

Когда мы создавали нашу партию ДВР в 1994 г., то было ясно, что мощная волна коммунистического реваншизма поднимается и что она очень опасна и может захлестнуть очень нестабильные демократические, рыночные институты в России. Тактически, может быть, самой главной задачей, которую мы ставили перед собой, было остановить эту волну. Сегодня она решена, и в новой политической реальности нам вместе с вами необходимо обдумывать эту реальность, вместе формировать нашу тактику.

Еще раз поздравляю вас с победой 3 июля. Давайте вместе обсудим наши политические перспективы.

Спасибо.

Отчет на V съезде партии ДВР

21 сентября 1996 г.

Источник: ЦАОДМ, ф. 8716, оп. 1, д. 66.

Дорогие друзья!

Наша партия была создана чуть больше двух лет назад. За этот период, нелегкий для нашей страны и для нашей партии, у нее были и свои победы, и свои поражения, и удачи, и немало ошибок — кадровых, пропагандистских, организационных. Я думаю, что выступающие коллеги об этом скажут. Сегодня хотел бы остановиться на пяти, на мой взгляд, принципиальных вопросах, на главных политических итогах последних двух лет работы, сути нового этапа социально-экономического развития России, в который мы сегодня вступили, отношении нашей партии к правительству, нынешнему составу Государственной думы, важнейших направлениях фактической работы партии и, наконец, на вопросах политических союзов.

Итак, главные политические итоги последних двух лет работы ДВР.

Мы создавали нашу партию в 1994 г. летом, когда еще отнюдь не всем в России было понятно, насколько серьезной является угроза коммунистического реванша, насколько высоко поднимется волна, способная захлестнуть нестойкие еще, очень молодые ростки демократии и рынка, которые к тому времени сформировались в России.

В 1994 г. очень многие говорили, что коммунистическая угроза — это наша выдумка, то, чем мы пугаем людей, что такой угрозы не существует, что на самом деле серьезная борьба развернется вокруг того, кто из демократов самый лучший. Мы тогда очень хорошо понимали, насколько угроза серьезна. И по существу для периода в развитии капиталистической революции в России между 1993 и 1996 гг., я убежден, главным политическим вопросом был

именно этот: удастся ли нам сохранить ростки демократических и рыночных преобразований или боль от краха старого режима, от неизбежно болезненных преобразований проложит дорогу новому коммунистическому эксперименту? По существу именно данный диагноз ситуации определял всю работу ДВР на протяжении первых двух лет. Именно потому, что мы четко представляли себе реальности масштаба коммунистической угрозы, мы столкнулись сразу с очень жесткой и неприятной альтернативой: если угроза серьезна и реальна, что мы должны делать? Мы должны пытаться улучшить свой образ в глазах избирателей? Или мы должны сделать все возможное для того, чтобы улучшить жизнь избирателей? Мы должны попытаться дистанцироваться в максимальной степени от власти, чтобы, не дай Бог, на нас не упали брызги неприятностей, ее ошибки, или мы должны сделать все возможное для того, чтобы влиять на власть, для того чтобы ошибок было меньше, для того чтобы медленно, но все-таки неуклонно рынок и частная собственность в России стабилизировались?

Причем было понятно, что второй выбор очень непростой: наши позиции во власти к этому времени были отнюдь не слишком прочными и сильными. Сама эта власть делала кучу ошибок и очень много делала того, что мы не могли ни поддержать, ни одобрить. Именно поэтому тогда мы приняли решение, неоднократно обсуждая его, что в создавшейся ситуации для нас единственно приемлемой является попытка в максимальной степени цивилизовать власть, в максимальной степени в диалоге с властью сделать все возможное для стабилизации рыночных механизмов в России.

Именно этим мы занимались большую часть этого периода, именно это было стержнем работы нашей фракции в Государственной думе.

Именно потому наша фракция костыми ложилась на дороге популистских и безответственных экономических решений, именно потому без нашей фракции, конечно, невозможно было бы принятие бюджета 1995 г. и обеспечение базы для финансовой стабилизации. Конструктивная работа с правительством велась по подготовке рыночного законодательства. И одновременно, естественно, делая все это, мы постоянно брали на себя ответственность за все беды, с которыми сталкивается общество, за все преступления власти.

Вспомните, в прошлой Думе не было депутатской группы, не было фракции, которая в такой степени, как мы, вынуждена была бы нести ответственность за все, что делает власть, причем имея в высшей степени ограниченные возможности на нее влиять.

Я думаю, что последние два года подтвердили, что наш выбор стратегически был правильным, он дорого нам обошелся тактически. Да, конечно, это правда. Думаю, что поражение на выборах в Государственную думу, если отвлечься от существенных, но все же деталей, в колоссальной степени связано именно с этим выбором, именно с тем, что мы брали на себя ответственность за действия власти, не имея на нее должного влияния. И вместе с тем именно то, что все-таки к 1996 г. нам удалось подойти с <относительно> низкой инфляцией, начавшимся снижением доли бедных в численности населения, показателей дифференциации доходов, ростом продолжительности жизни, сокращением преступности — все эти очень еще слабенькие признаки стабилизации в колоссальной степени сказались на принципиальном результате 1996 г., на том, что коммунистического реванша все же не состоялось.

Очень серьезным вопросом для нас на протяжении этих двух лет стала чеченская война, именно она стала поводом для, может быть, самого тяжелого кризиса, который пережила на сегодняшний день наша партия, внутреннего размежевания, причиной того, что многие наши единомышленники, создававшие с нами эту партию, по этому принципиальному вопросу разошлись с ДВР.

Я напому, что в 1994 г. мы очень точно поставили диагноз того, что будет, если, не дай Бог, встать в решении чеченского вопроса на военный путь. Все, что происходило на протяжении следующего года и 9 месяцев, просто строго подтверждало худшие наши прогнозы. Перечитав сегодня наши заявления, выступления, обсуждения, видим: все, что мы говорили, все, о чем мы предупреждали, все так и получилось, только еще хуже.

Точно так же в декабре 1994 г., до начала войны, до того, как были принесены в жертву десятки тысяч жизней, моральный авторитет России, огромные финансовые издержки, мы предлагали именно тот вариант, который в конце концов после двух лет войны и был принят — вариант отсрочки вопроса о статусе Чечни, вариант временного соглашения, который позволяет открыть дорогу постепенному урегулированию этого вопроса. Тогда это решение

не было принято российскими органами власти, за это мы очень дорого заплатили.

Чеченская война поставила нас тоже перед очень неприятным выбором. Понимая, чем это обернется, какой это обернется бедой и кровью, мы не могли позволить себе молчать, мы не могли закрыть глаза на все происходящее, сделать вид, что этого не бывает, что этого не происходит. Мы, будучи либеральной партией, обязаны были максимально жестко выступить против войны в Чечне. И вместе с тем, делая это, мы знали, что такая позиция неизбежно приведет к расколу коалиции демократии и партии власти, к сокращению нашей возможности влиять на власть, к расколу в самой ДВР, к формированию другой партии власти, иначе ориентированной. Все это так и произошло, результатом этого стало в конце концов создание «Нашего дома — России», к которому перешла часть наших бывших единомышленников.

Но я убежден: в вопросе о войне и мире, в вопросе, от которого зависят десятки тысяч человеческих жизней, у нас не было другого достойного выхода, мы не могли занять другую позицию. И я рад тому, что наши коллеги, единомышленники, члены нашей партии работали в Чечне, делали все возможное для того, чтобы спасти людей, добиваться обмена пленными, помогли спасти сотни жизней и в Буденновске. Я считаю, что та позиция, которую заняла партия по чеченскому вопросу, была позицией абсолютно правильной, достойной, а значит, и стратегически верной независимо от того, насколько дорого она нам обошлась в тактике.

Тяжелым политическим решением для ДВР, которое мы принимали на основе длинной дискуссии, был вопрос о позиции на президентских выборах. Да, мы хорошо видели недостатки нынешней власти, это для нас не было секретом, мы хорошо видели ответственность нынешней власти за многое из того, что происходит в России, в том числе за крайне негативные процессы. Мы помнили, что вокруг президента, особенно в тот момент, когда принималось это решение, очень много людей на редкость далеких от идеалов демократии и стабильного, справедливого развития России, просто малопорядочных.

И вместе с тем я убежден, что то решение — к которому мы пришли несколько запоздало, чем это было нужно, но все-таки пришли — было единственно правильным. Именно потому, что

главный вопрос все-таки состоял в том, удастся ли остановить коммунистический реванш в России. И весной 1996 г. нам стало ясно, что единственная возможность сделать это — создать коалицию партии власти и демократии, поддержать нынешнего президента Ельцина при всех его недостатках. Мы сделали это открыто, честно, не закрывая глаза на все недостатки нынешней власти. Убежден, что это было правильное решение.

Таким образом, если не вдаваться в детали, я считаю, что на протяжении последних двух лет у нас была одна ключевая стратегическая победа и одно стратегическое поражение. Ключевая победа — это то, что мы совместными усилиями внесли немалый вклад в то, чтобы коммунистический реванш в России не состоялся, наше самое серьезное поражение — поражение в борьбе за характер того капитализма, который требуется России.

Мы всегда хотели добиться того, чтобы этот капитализм был свободным, либеральным, устойчивым, социально справедливым. К сожалению, с 1992 г. чем дальше, тем больше становилось ясно, что тяжелое социалистическое наследие все больше толкает развитие этого капитализма в сторону капитализма вороватого, коррумпированного, предельно социально несправедливого, а значит, неустойчивого.

Вот здесь, в борьбе по этим параметрам, по этим направлениям, к сожалению, мы терпели тяжелое поражение, и результатом этого поражения стало то, что стабилизовавшийся сегодня капитализм, в борьбе за который мы отдали столько сил, меньше всего, может быть, нравится нам самим.

В некотором смысле 3 июля 1996 г. — это точка в истории ДВР в том виде, в котором он был создан. Вообще говоря, ДВР можно было бы 4 июля распустить, сказав, что партия выполнила свою главную историческую задачу, то, для чего ее создавали, она обеспечила устойчивость рынка в России, внесла свой вклад в то, чтобы коммунистического реванша не состоялось, и в общем теперь перед нами стоят новые задачи, они предполагают существенное изменение приоритетов, работы, структур, может быть, лидера. И, кстати говоря, я абсолютно не исключаю того, что для нового этапа, принципиально нового этапа, когда возникли совершенно другие задачи, которые будут определять суть политического развития России ближайших лет, может быть, десятилетий, нам

действительно потребуются и новые структуры, и новые союзы, и новый лидер. Независимо от того, как будут называться политические организации, которые будут решать эти задачи, кто будет их возглавлять, задачи-то эти совершенно ясны. Именно они определяют приоритеты, логику действий, союзы, на которые может и должна идти либеральная партия.

Давайте в связи с этим попытаемся понять теперь, когда совершенно очевидно угроза коммунистического реванша если не исчезла полностью, то явно отошла на второй план в политике, что же будет главной проблемой российской жизни? Теперь главной проблемой становится вопрос о характере российского капитализма: каким он будет? как он будет эволюционировать?

Социализм оставляет нам в наследство очень необычную, аномальную экономику и аномальное общество. В нем масса очень серьезных отличий от основных характерных черт устойчивых рыночных экономик. Ну, скажем, экономика, доставшаяся в наследство, аномально энергоемка, в ней очень низка конкурентоспособность обрабатывающего сектора, в ней высока государственная нагрузка на экономику, в ней большие социальные программы для нашего уровня развития — очень необычная экономика. И вот эти структурные особенности задают собственную своеобразную логику развития, довольно четко ограничивают область допустимых значений того, что может и что не может происходить с экономикой России в ближайшие годы.

Если сформулировать предельно просто суть этих особенностей в нашей стране, в России очень много, аномально много государства и аномально мало общества.

Давайте сравним то, что происходит у нас, с тем, что происходит в восточноевропейских странах, наиболее удачно решающих проблемы постсоциалистического развития, уже начавших экономический рост, уже начавших решение наиболее сложных социальных проблем постсоциализма. Мы увидим, что везде естественно и неизбежно происходит снижение государственной нагрузки на экономику. Рынок просто не выносит такого дорогого, безумно дорогого государства. Но в Восточной Европе это снижение государственной нагрузки идет на фоне эффективных налоговых реформ, обеспечивающих равное и справедливое распределение налогового бремени, оно идет на фоне очень жесткого сокращения

государственных дотаций и в связи с этим сохранения или даже расширения государственных программ, позволяющих обществу адаптироваться к реалиям рыночной экономики. У нас процесс сокращения государственной нагрузки на экономику идет на фоне эрозии налоговой системы, превращающейся в решето, многочисленных налоговых льгот, делающих ее крайне неравномерной, сохранения масштабных и дорогостоящих дотаций, а значит, все падение государственных доходов приходится на социальную сферу. Значит, постсоциалистический кризис оборачивается тяжелейшим кризисом образования, здравоохранения, пенсионной системы, всей системы социальных гарантий, которая и не может автоматически сокращаться при сокращении объема государственной экономической деятельности.

По существу, инерция тянет нас в направлении слаборазвитости: плохая, дырявая налоговая система, низкие государственные доходы, высокая дотационная нагрузка, кризис образования, снижение в перспективе образовательного потенциала как важнейшего структурного преимущества. Все это реальные угрозы, если мы не переломим радикально развитие событий в России.

Надо понять, что при всех внешних признаках стабилизации, а они есть, структурное положение наше предельно неустойчиво. Беда в том, что вот эта утвердившаяся реальность, этот статус-кво, этот коррумпированный, вороватый капитализм в высшей степени серьезно опирается на интересы мощных социальных групп. И не случайно. Кто заинтересован в том, чтобы вот такой статус-кво сохранялся? В этом заинтересованы крупные отраслевые лобби — от аграрного до топливно-энергетического, привыкшие распределять либо дотации, либо льготы. В этом заинтересована значительная часть новых богатых, богатство которых выросло вокруг бюджетных денег и которые заинтересованы в том, чтобы эти даровые бюджетные деньги были у них в руках. В этом заинтересована очень широкая, значительная часть государственного аппарата, которая переплетена с коммерческими структурами и будет биться за свое право принимать индивидуальные решения в пользу той или другой фирмы, того или другого коммерческого предприятия.

Все это очень мощная коалиция, преодолеть сопротивление которой крайне сложно. По существу, есть в области допустимых значений только два принципиально отличных направления, альтер-

нативных по отношению к статус-кво. Их можно назвать довольно просто. Это больше социализма и больше либерализма. Социализм как альтернатива нынешнему статус-кво. Ну, конечно, можно попытаться решать нынешние проблемы России на основе увеличения государственной нагрузки на экономику. Больше государства, больше государственного регулирования, больше государственных социальных программ, больше государственного патернализма, больше заботы, больше чиновников.

Все это во многом в духе российских традиций. Все это то, что сегодня очень часто предлагается очень разными социальными и политическими силами, в программах от «Яблока» до Лебедя. И все это вместе с тем абсолютно тупиково экономически, потому что мы недостаточно богаты для того, чтобы у нас было больше социализма, потому что у нас очень мало есть на сегодняшний день что распределять, потому что попытки и дальше увеличивать налоговую нагрузку на экономику абсолютно очевидно тупиковый путь, и понятно это по большому счету всем.

В наших конкретных российских условиях больше социализма еще долго, пока мы не решим стратегические проблемы нашего роста, будет оборачиваться в реальности другим: больше популизма, больше безответственных обещаний, больше эмиссионного финансирования, больше инфляции, значит реально больше бедности, больше социальной диспропорции. Угроза популистских экспериментов, связанных с псевдосоциалистической риторикой, к сожалению, в ближайшие годы в высшей степени серьезна в России, потому что надо понимать — при тупиковости этого пути экономически он имеет серьезную социальную базу. И чем в большей степени будет неэффективным нынешнее статус-кво, тем более серьезной будет эта база, потому что база популистских экспериментов — это обездоленные, это те, кто не смог адаптироваться к рынку, приспособиться. Это крупные социальные группы, которые постепенно будут, наверное, смещаться от ортодоксального коммунизма в сторону социализма, и группы, которые надолго дадут электоральную базу социалистической альтернативе.

Политические партии и движения, которые реально находятся в этой социалистической нише, может быть, не всегда осознают себя как партии социалистические, может быть, даже не хотят себя называть партиями социалистическими. И тем не менее по жизни,

по логике центр образования политической силы левее нынешнего статус-кво неизбежно возникает независимо от воли и желания тех или иных политических лидеров. Это одна альтернатива нынешней реальности.

Другая альтернатива нынешней реальности, если находиться в области допустимых значений, тоже предельно простая, она задана — это либеральная альтернатива. Это то, что, собственно, и было идеологической основой нашей партии с момента ее основания. Стержневые идеи либеральной альтернативы в высшей степени ясны, и они очень хорошо накладываются на каждодневные реалии российской жизни. Ведь что это такое? Это равные правила игры в экономике. Это ситуация, при которой все платят одинаковые налоги, а не так, что близкие к власти не платят никаких, а далекие от власти — запредельно высокие. Это надежные гарантии частной собственности и четкое отделение собственности от власти. Это контроль общества над государством. Это четкие гарантии прав человека. Это ограничение налогового бремени при справедливом и равном его распределении. Короче говоря, это то, что позволило бы сделать российское государство более экономичным, менее обременительным для общества, менее коррумпированным, а общество более справедливым. Это то, что объективно необходимо России для того, чтобы запустить механизм устойчивого экономического роста.

Надо понять, что устойчивого экономического роста, социально сбалансированного экономического роста вне либеральной программы нет, не существует. Россия может сколько угодно долго болтаться в болоте слаборазвитости, но когда она наконец решит выбираться на дорогу к устойчивому экономическому развитию, все равно ей придется пойти по либеральной тропинке, другого выхода из постсоциалистических реальностей нет.

Проблема либеральной политики и либеральной альтернативы предельно проста. База ее поддержки в России, к сожалению, только формируется. Она еще слаба. Кто традиционно в мире поддерживает либеральные программы, либеральную политику? К кому апеллировали лидеры, проводившие на деле либеральные реформы? Они апеллировали, как правило, к налогоплательщикам, к мелкой буржуазии, к среднему классу. Они говорили им: дорогие друзья, когда с экрана премьер рассказывает, какие государствен-

ные расходы он собирается предпринять, он имеет в виду, что собирается залезть к вам в карман. Они говорили им: не можете ли вы лучше распорядиться собственными деньгами, чем чиновник распорядится, взяв у вас их в виде налога.

Короче говоря, база этой политики — это осознание налогоплательщиком собственных интересов. Это осознание классовых интересов мелкой буржуазии, которую так не любил и так боялся Ленин. Это осознание своих интересов средним классом. В России классовое сознание этих групп только-только просыпается. Они только начинают понимать сегодня, правда, понимают, начинают понимать, что их интересы состоят отнюдь не в масштабном чиновничьем контроле. Они состоят именно в равных правилах игры, в низких налогах, в гарантиях частной собственности.

В наших российских условиях есть еще одна социальная группа, которая может быть опорой либеральной идеологии, интересы которой объективно совпадают в конкретных российских условиях с либеральной программой. Это группа, которая обычно в мире либеральную идеологию поддерживает весьма ограниченно. Это интеллигенция. Почему? Именно в силу специфики постсоциалистического мира. Ведь считается, что главное структурное преимущество России в борьбе за XXI в. — это наши нефтяные ресурсы. Это временное решение. Это всегда исчерпаемо.

Главное наше структурное преимущество, конечно, это очень высокий уровень образования, культуры и науки, аномально высокий уровень образования, культуры и науки для страны нашей в общем отнюдь невысокого уровня экономического развития.

И в связи с этим для нас задача поддержания этого уровня науки, культуры и образования — это не только социальный приоритет, это не только то, что хотелось бы делать потому, что это справедливо. Это важнейший экономический приоритет. Любая либеральная программа для России — осмысленная либеральная. Это программа одновременно снижения налогового бремени, дотационного бремени, повышения эффективности государственных расходов и перераспределения государственных ресурсов с поддержки неэффективных предприятий на наши важнейшие структурные приоритеты — на науку, образование, культуру.

Значит, сегодня объективно независимо от осознания, от того, насколько нынешней интеллигенции нравится нынешний средний

класс или среднему классу нравится интеллигенция, — возникает база для долгосрочного социально-политического союза.

Я убежден, что на нынешнем этапе будущее ДВР четко определено. Это будущее последовательной, жесткой идеологической программы четкой либеральной партии, которая отстаивает либеральные ценности, которая не стыдится занимать очень жесткую идеологическую позицию и которая исходя из этих либеральных ценностей строит свою тактику, определяет отношение к правительству, к Думе и т. д.

В связи с этим об отношении к правительству и к нынешнему составу Государственной думы.

Правительство. Нынешнее правительство в своих прокламациях на протяжении последнего года переняло немало из либеральной риторики. Если вы посмотрите на то, о чем говорит правительство, то увидите очень много положений, которые были сформулированы нами и от которых два года назад отмахивались, как от какого-то непонятного бреда, начиная от финансовой стабилизации, которой теперь клянется правительство, и кончая военной реформой, необходимость которой теперь признана Министерством обороны. Но ведь дело-то не в риторике, дело в практических делах. Первое время формирования правительства, первые 100 дней — это всегда в колоссальной степени определяет, сделает что-нибудь правительство или нет. В правительстве немало людей, которые мне лично симпатичны и которые, наверное, хотят хорошего. Но что они сделают-то за эти первые дни?

Налоговая сфера — важнейшая проблема, важнейший приоритет. С самого начала правительство прокламировало, что налоговая сфера для него самое основное. Тактические и стратегические задачи. Тактика. Но у нас уже, по-моему, дворник знает, что большая часть проблем с налогами сегодня — это налоговые недоимки у 80 крупнейших предприятий, из них большая часть должников, у которых, что совершенно очевидно любому человеку, вышедшему из детсадовского возраста, есть деньги. Неоднократно говорил своим друзьям в правительстве: до тех пор, пока ни один нефтяной генерал, имеющий налоговую недоимку, не расстался со своей должностью, никто в России не будет платить налоги. Никто потому и не спорит — ни один человек мне не возразил... До сих пор все идет, как идет.

В программах правительства был записан детальный аудит крупнейших нефтяных предприятий-неплательщиков. Где этот аудит? Но если вы реально можете, если у вас есть реальный выбор: либо вы даете правительству в долг под 50%, либо вы платите налоги, ну какой же разумный человек будет платить налоги? И одновременно, не решаясь тронуть «больших», не решаясь тронуть сильных, правительство говорит: ну вот теперь зато слабым мы уж покажем! На мой взгляд, это логика абсолютно тупиковая. Она просто никуда не ведет. Если правительство так и будет парализовано страхом задеть серьезные, мощные группы по интересам, оно просто развалит нам всю налоговую систему, бюджет, и вся суета с указами ничего ровным счетом здесь не поправит. Это надо просто понимать.

Земельная реформа. Да, конечно, она во многом заблокирована действующим законодательством, это правда. Но ведь был неплохой указ президента о земельной реформе. Ясно было: до президентских выборов никто ничего делать не будет. Сейчас президентские выборы прошли. Где в регионах какая бы то ни было работа по реализации земельного указа президента? Полная спячка! Ничего ровным счетом не сделано.

Наведение порядка в государственных расходах, закупочный кодекс. Вы помните, наверное, что наша фракция была автором, инициатором принятия закупочного кодекса. Закупочный кодекс — это мощнейший инструмент контроля за воровством государственных ресурсов. Да, нам не удалось провести его по вполне понятным причинам через Государственную думу и, может быть, не удастся никогда. Но ведь закупочный кодекс — это по существу документ для власти исполнительной. Там вообще закон не нужен, его постановлением правительства можно принять. Но в аппарате правительства закупочный кодекс, по-моему, валяется уже месяца три. Где постановление о введении в силу закупочного кодекса?

Реформа системы социальной поддержки, пенсионная реформа. Наша система социальной поддержки сегодня безмерно неэффективна. В ней колоссальное количество льгот, льготных категорий и одновременно нет никакой концентрации ограниченных ресурсов на помощи самым бедным. Даже там, где у нас есть единомышленники — главы городских администраций, даже там, где на уровне города начинают первые шаги, чтобы сделать систему социальной

поддержки более адресной, скажем, переходя от общей дотации на транспорт к адресным дотациям малообеспеченным, это позволяет получить эффект, примерно в 4–5 раз превышающий эффективность бюджетных расходов. Да, это тяжелый вопрос. Пенсионная реформа, реформа социальной системы — это тяжелый вопрос, потому что все всегда согласны с необходимостью помогать бедным, никто никогда не согласен с тем, что какие-то из существующих неоправданных льгот надо отменять. Но именно сейчас, когда правительство только что сформировано, а президент, сформировавший его, получил мандат доверия, и должен быть разработан и представлен проект такой реформы. Нет лучшего времени, чем сразу после выборов, для того чтобы всерьез приступить к решению такого тяжелого вопроса. Где какие бы то ни было осмысленные инициативы правительства в области социальной политики? Нет этих инициатив.

Регулирование естественных монополий. Я думаю, у всех сейчас перед глазами кризис в Приморье, и он даже для неэкономистов высветил огромные проблемы, возможности для махинаций и коррупции, которые возникают при неадекватном регулировании естественных монополий. Если действительно кто-то по своему усмотрению может сказать, что ты будешь платить за электричество в 10 раз больше, а ты — в 10 раз меньше... Значит, я по своему усмотрению могу закрыть и остановить предприятие. После этого мой директор просто на коленях будет стоять у меня в кабинете — или он должен уходить, закрываться немедленно... Это именно то, что было сделано в Приморье вопреки закону. То, что естественные монополии должны быть жестко подвержены регулированию, главная задача которого обеспечение равных правил игры, по-моему, сегодня прекрасно понятно по крайней мере всем, кто работает в промышленности.

Принят Закон о естественных монополиях, началось формирование органов руководства естественной монополией. Я знаю, как они формируются. Это типичная российская история про то, как козла запускают в огород: берут самых откровенных лоббистов соответствующих естественных монополий и ставят их регулировать естественные монополии. Первое, с чем вошла, скажем, комиссия, призванная регулировать энергетику, — это безумная идея о повы-

шении тарифов в 1,6 раза при инфляции меньше 1% в месяц. Но так ведь можно взорвать экономику вообще, элементарно!

Военная реформа. Да, я очень рад, что Министерство обороны, министр обороны начал произносить слова, которые мы говорили в течение последних двух лет. Это замечательно! Но очень страшно, что слова-то новые, а дела-то будут старыми. Мы за последние четыре года вынужденно сократили оборонные расходы более чем в 5 раз. У нас, по-моему, не закрыто, если память мне не изменяет, ни одного военного училища. Значит, мы закладываем на перспективу нищую, обделенную, недовольную, неэффективную, небоеспособную армию. Способно будет правительство все-таки взяться за этот вопрос? Посмотрим. Пока будут судить по делам, а не по словам.

В целом я очень боюсь того, что правительство опасно упускает самое благоприятное время для реализации хотя бы тех реформ, необходимость которых оно само уже признало. Да, я понимаю, сказывается болезнь президента, есть время и желание. Ну давайте подождем, давайте отодвинем... Так элементарно можно прождать все и оказаться в положении людей, ничего не сделавших, ни к чему соответственно не способных, а значит — политических неудачников. Очень хочу надеяться, что нынешнее правительство все-таки эта судьба не постигнет.

Да, конечно, на работе правительства очень негативно сказывается его явно коалиционный характер и соответственно влияние нынешней Госдумы. Диалог с этим своеобразным институтом, конечно, не помогает сделать политику правительства эффективной. Заигрывание, скажем, с аграриями не способствует успеху аграрной реформы.

В связи с этим многие наши коллеги, единомышленники, особенно, надо сказать, наши депутаты, те, кто вынужден работать в этой Думе, ставят вопрос о том, что мы должны использовать имеющийся в наших руках инструмент влияния для того, чтобы подвести дело к как можно более быстрому, досрочному парламентскому выбору. Да, есть аргументы в пользу этого решения. Я убежден, что сегодня коммунистам не удалось бы получить столько голосов, сколько они получили в декабре 1995-го. Я убежден, что если выборы состоятся, то Дума будет лучше. Я практически убежден, что нам удастся создать в ней нашу либеральную фракцию, и все рав-

но не могу согласиться с аргументами тех, кто призывает сегодня к досрочным парламентским выборам по следующим основаниям. Первое. Говорят, правительство не может проводить реформы, не может реформировать законодательство без нормальной Думы. Да, правительство и президент в колоссальной степени еще не исчерпали тех возможностей, которые у них в руках, того, для чего никакая Дума и никакие законы не нужны. И это все умные люди понимают. Поэтому, если завтра скажут: вы знаете, нам связали руки, мешают работать, давайте проведем досрочные выборы, — все же поймут, что это неправда, что не сделано то, что абсолютно можно было сделать в рамках <действующего> законодательства. А значит, во всяком элементе лукавства всегда есть и элемент долгосрочного политического расчета. Да к тому же надо учесть и другое — страна устала от выборов. И на выборы, которые непонятны, необходимость которых не очень очевидна обществу, ну просто оно плохо реагирует.

Я убежден, сначала надо добиться того, чтобы правительство, президент сделали хотя бы самое очевидное, самое простое из того, что в полной мере зависит от них. Вот тогда будет ясно, что мы уперлись в стену закона, что дальше невозможно двигаться без законодательной поддержки. Тогда только можно ставить вопрос о досрочных выборах. И тогда это будет не элемент политической интриги, а понятная обществу позиция.

Важнейшие направления практической работы партии на ближайшее время, как они мне видятся. ДВР всегда была программным лидером. Если вы сравните наши программные документы и время, когда те или другие идеи становились общепринятыми, вы увидите баланс. То, что мы говорили два года назад, через два года начинают говорить многие политические силы, люди. И я думаю, что это все нормально и самое глупое в таких случаях — это обижаться, говорить: ну как же так, это мы первые сказали. Слава Богу, я всегда радуюсь, когда люди, которые пять лет назад на дух не принимали того, что мы говорим, сегодня говорят: ну кто же не понимает этих элементарных вещей, это банальщина. Ну так эту позицию надо сохранять. Если сегодня это стало общепонятным, общепринятым, значит, мы должны развернуть очень серьезную именно интеллектуальную работу над подготовкой нового этапа либеральных реформ, его программного обеспечения на уровне

не только идей, но и конкретно разработанных документов, проектов законов на всех уровнях — не только на федеральном, но и на местном. Я считаю, что вот это интеллектуальное лидерство в либеральной нише, сотрудничество со всеми политическими силами, способными разделить бремя интеллектуального лидерства, остается одной из важнейших задач ДВР как либеральной партии.

Второе. Это, конечно, пропаганда либеральной идеологии. Как вы помните, Ленин в свое время говорил о привнесении классового сознания в ряды рабочего класса. Вот сегодня у нас тяжелая задача — мы должны привнести классовое сознание мелкой буржуазии, среднему классу, короче говоря, всем тем, кто действительно объективно заинтересован в реализации либеральной программы, но, может быть, еще не понимает этого. Вот достучаться до них, объяснить им, у нас общество совершенно искалечено изуродованной картиной мира. Ведь у нас на протяжении десятилетий не было образования, кроме марксистского. У нас марксистское образование шло с детского сада. И никакого другого гуманитарного образования до университета, да потом послеуниверситетской подготовки, до аспирантуры не существовало, т. е. у нас общество сформировано только в таком шаржированно-марксистском мировоззрении. Сейчас всем ясно, что шаржированно-марксистское мировоззрение развалилось, ну нет его больше, не отвечает оно ни на один вопрос. Но ведь это же страшный идейный кризис вообще для общества. Ведь когда у тебя нет никакой картины мира, ты просто теряешь ориентиры, это тяжелейшее ощущение. Если вы почитаете сегодня наши газеты, либеральные газеты, где пишут наши друзья либеральные журналисты, вы увидите колоссальную волну проблем, связанных именно с тем, что они не понимают, что происходит, стратегически не понимают, они не понимают мира, который формируется, они не понимают того, что связано с прошлым, куда это будет идти, как будет эволюционировать. А если это так, то неизбежно скатывание в цинизм, в ёрничество и т. д. Мы должны сделать все что можем для того, чтобы сформировать другое, альтернативное, немарксистское видение мира, внутренне логичное, целостное, которое позволяет людям отвечать на вопрос: что было с нами, что с нами сегодня происходит, где наши основные проблемы, куда мы идем? Это тяжелая задача, мы толь-

ко-только приступаем к ее решению. Но это важнейшая долгосрочная задача либеральной партии.

Третье — права человека. Это естественно для либеральной партии, это всегда один из важнейших приоритетов. Те, кто работали депутатами на разных уровнях, работают депутатами сегодня, знают, какая колоссальная проблема связана с тем, что сегодня людям некуда пойти и пожаловаться даже по своим законным правам. А есть ведь люди, которые требуют невозможного, а много людей, которые имеют свои законные, абсолютно оправданные, реализуемые права, но в условиях нашего коррумпированного государства, где без взятки и свои-то права не реализуешь, им некуда податься. Вот сегодня, используя все наши позиции и на местах, и в федеральных органах власти, я убежден, мы должны сделать все возможное для того, чтобы ДВР стала партией не только идеологической, но и практически защищающей права человека. Это важнейшее направление работы. Если мы сумеем его поставить вместе с нашими союзниками, вместе с теми же самыми «Народными домами»¹, это очень серьезно будет работать на практический авторитет партии.

И еще одна политическая проблема, если уж я заговорил о правах человека, связанная с этим вопросом. Наши друзья, коллеги, правозащитники сделали очень много для того, чтобы бороться за права человека в Чечне, для того, чтобы остановить там войну. Вот сегодня, анализируя то, что происходит в Чечне, я считаю, что нашим важнейшим приоритетом сегодня должна стать защита прав человека в Чечне, но, как всегда в таких случаях, защита прав меньшинства, защита прав слабых. Если год назад нашей главной заботой было то, чтобы не бомбили, не убивали людей, то сегодня главной заботой становится, чтобы не было преследований по политическим мотивам, чтобы было сформировано правительство, которое действительно отражает компромисс в чеченском обществе, чтобы не произошла «афганизация» чеченского конфликта, чтобы выборы, которые там пройдут, прошли в условиях, когда они могут быть свободными и справедливыми, не были сфальсифици-

¹ Движение «Народные дома» было организовано бывшим руководителем администрации президента Ельцина Сергеем Александровичем Филатовым. Их деятельность носила в основном культурно-просветительский характер. — *Прим. ред.*

рованы. Я разговаривал с Сергеем Адамовичем Ковалевым, он будет выступать в Страсбурге, я очень важным считаю наше внимание вот в этой ситуации к этой стороне прав человека в Чечне. Если мы этого не сделаем, если мы четко не обозначим эту позицию, мы возьмем на себя огромную моральную ответственность. И в связи с этим я думаю, что мы в самое ближайшее время должны будем продумать, какие конкретные инициативы следует предпринять для того, чтобы продвигать развитие событий в эту сторону.

Поддержка малого и среднего предпринимательства. Да, конечно, это естественная классовая опора либеральной политики, и мы должны сделать максимум возможного для того, чтобы малый бизнес начал воспринимать нас как партию, которая заботится о его каждодневных интересах. В каждом городе, в каждом регионе есть несколько элементарных, простых вопросов, самых жгучих и самых важных, собственно, не для одного мелкого предпринимателя, который хочет получить льготу от главы администрации, а для малого предпринимательства. Нам надо научиться делать то, что мы умели делать далеко не всегда, научиться разговаривать с лавочниками, с мелкой буржуазией, учиться понимать ее проблемы и делать все возможное для того, чтобы эти ключевые проблемы решать.

Один из наших коллег и единомышленников говорил, что мы должны стать партией крупного капитала. Но просто развитие событий показало, что мы никогда не будем партией крупного капитала. Крупный капитал в современной реальной России — это всегда капитал, связанный с властью, — капитал, богатство которого нелиберально по своей природе, скажем так. А вот то, что мы должны стать партией, в высшей степени близкой к малому и среднему предпринимательству, — в этом я абсолютно убежден. (Аплодисменты.)

И есть одна общая проблема для малого и среднего предпринимательства, общая и абсолютно соответствующая нашей идеологии — это практическая борьба за равные правила игры. Очень часто ко мне приходят люди, я никогда не брался лоббировать никакие структуры и никогда не брался за подобного рода вещи, единственное, что я всегда пытаюсь сделать в меру моих сил, когда мне говорят: ну, хорошо, я ничего не прошу для себя, я не прошу ничего, я прошу только одного, чтобы мой конкурент работал в тех

же условиях, что и я. И вот это, то, что в полной мере соответствует нашему мировоззрению, это то, за что мы должны бороться и за что должны бороться организации, идеологически близкие к нам, такие как, скажем, Ассоциация приватизированных предприятий.

Участие в местных выборах. Сейчас идет тур подготовки к выборам глав администраций в областях, в ряде крупных городов, местные выборы в органы власти. Важнейшая кампания, мы, естественно, должны принимать в ней участие.

Мы реалисты, мы прекрасно понимаем, что не можем везде, не то что везде, а в большинстве регионов не сможем провести кандидатов, которые являются собственно нашими единомышленниками-либералами. Это те выборы, на которых мы вынуждены вести диалог с партией власти, и мы ведем этот диалог, пытаясь в том числе убедить партию власти в том, что отдельные ее кандидаты категорически неприемлемы не только для нас, но и для них самих. И по отдельным направлениям — не всегда, к сожалению, — нам это удается.

Вместе с тем я должен сказать, что мы категорически не приемлем практику диктата. Там, где можем договориться — мы договоримся. Но если есть мысль, что ДВР, ОКС¹ можно превратить в орган, который будет, как каучуковый штампель, штамповать поддержку всех действующих глав администраций — Горячеву в Ульяновске, ивановского главу администрации и т. д., то этого не будет ни при каких обстоятельствах, в крайнем случае мы будем вынуждены поставить вопрос о членстве в ОКСе, если нам будут пытаться навязывать категорически неприемлемых для нас кандидатов. Тем более что мы отнюдь не одни в этом положении, есть другие партии и движения, которые в общем примерно так же, как и мы, смотрят на практические персональные проблемы, связанные с поддержкой. Я надеюсь, до всего этого не дойдет. Надо сказать, что диалог есть, надеюсь, что он будет продолжен.

Практическая работа в местных органах власти по реализации реформы. Хотя далеко не везде мы сильно представлены в органах власти, но есть немаловажные структуры, где ДВР представ-

¹ Общероссийский координационный совет, организованный в 1996 г. партиями либерального и демократического направления, в преддверии намечавшихся выборов губернаторов в регионах. — *Прим. ред.*

лен хорошо. Ну, скажем, Московская городская дума, где реально наша фракция крупнейшая, имеет большинство, есть администрации городов, которые возглавляют наши единомышленники, члены ДВР. Вот очень важно добиться одного: чтобы, когда кто-то из наших единомышленников получает серьезные возможности работать, это не было бы его личным, частным делом, а это было всегда платформой для реализации последовательно либеральной идеологии, т. е. мы должны создавать набор как бы примеров, показывающих, что можно сделать в нашем направлении, если ты находишься у власти, какие серьезные подвижки ты можешь произвести. Да, тяжело, конечно, особенно если ты не царь и Бог, а один из людей, работающих в администрации, и тем не менее мы должны задавать как бы общий ориентир: а для чего мы, собственно, привели его во власть? Не для того, чтобы он пересел в хороший, красивый кабинет и на черную «Волгу»?! Мы привели его для того, чтобы он боролся за нашу идею, за наши основные программные принципы. Но, значит, одновременно мы должны ему и помочь, мы должны адаптировать то, что знаем и умеем, то, за что боремся, к конкретным условиям конкретного региона. Это очень серьезная задача, непростая, но ею надо обязательно заниматься.

Вопрос политических союзов. Мы были самыми, наверное, последовательными, может быть, даже надоедливими сторонниками лозунга «единство демократии». И в ситуации, как она складывалась до 8 июля, я считаю, это было правильным, потому что ясно было: да, главная угроза — коммунисты, угроза очень серьезная, любые внутридемократические разборки — это просто прямой подарок коммунистам.

Очень жалею, что нам не удалось создать такой демократический блок или такую коалицию на парламентских выборах. Ясно, что состав Думы был бы гораздо лучше, чем он сегодня, вместе с тем сегодня, именно потому, что мы были главными защитниками этого лозунга, я думаю, что мы первыми должны сказать: лозунг «единство демократов» исчерпан. Нет больше такого лозунга, он сегодня бессмыслен. Дело в том, что у нас очень своеобразные вещи происходят со словами. Сначала слово «демократ» было очень хвалебным, потом стало очень ругательным, а после 8 июля снова стало хвалебным. У нас теперь никто не ругает демократов. Ругают лжедемократов, сейчас все демократы. И если посмотреть

на существо тех выборов, перед которыми мы стоим, так есть те люди, которые стоят левее статус-кво, называют себя демократами, и люди, которые либеральнее статус-кво, тоже называют себя демократами. Что такое сегодня демократические <силы>? Ну да, объединение каких-то усилий, чтобы не допустить коммунистов к власти, может быть, да, я не исключаю. Но еще раз подчеркиваю: по стратегическим вопросам лозунг «единство демократов» сегодня аморфен, он ничего не говорит, ничего не показывает.

В связи с этим, я думаю, мы должны поставить совершенно другую задачу — задачу создания коалиции сил, которые идейно близки, разделяют наши либеральные ценности, готовы вместе за них бороться, которые их не стыдятся, готовы были бы отстаивать вместе с нами эту либеральную альтернативу нынешнему статус-кво. Тогда это политическое объединение будет не случайным, не односторонней, созданной по непонятно каким конъюнктурным соображениям, потому что один лидер подружился с другим, а сегодня разругался с третьим, а это будет серьезный, прочный идеологический союз, из которого, может быть, с течением времени вырастет и более прочное, крупное либеральное политическое объединение.

Я думаю, что это должно быть основой любой нашей работы в области политических союзов и именно исходя из этого мы будем вести консультации и работу по формированию либеральной коалиции.

Дорогие друзья, в ноябре 1991-го я был назначен в правительство, и вот почти все это время мы жили в условиях такой вот спринтерской гонки — вот сейчас, вот успеть, вот несколько месяцев, но добиться, чтобы это было запущено, чтобы рубль стал конвертируемым, чтобы это заработало, чтобы финансовая стабилизация прошла, чтобы цены остановились, чтобы все-таки коммунисты не прорвались к власти, — мы все время жили в условиях спринтерских дистанций и коротких временных интервалов. Вот сейчас надо для себя понять — после 3 июля изменился режим времени. Вот сейчас наши задачи становятся не спринтерскими, а стайерскими. Борьба за либеральные реформы в России — это не вопрос месяцев или нескольких лет, это вопрос длинной-длинной исторической перспективы.

Я не знаю, как будет конкретно называться политическое объединение, которое придет к победе либеральных ценностей, как

будут звать лидера этого политического объединения, но я абсолютно убежден в том, что у России нет другого пути устойчивого экономического развития вне либеральной альтернативы. Значит, раньше или позже, сколько угодно пометавшись, попробовав социалистические и популистские эксперименты, все равно она на этот путь выберется, как выбирались другие страны, экспериментировавшие с подобными моделями.

В связи с этим да, надо понять — борьба за либеральные ценности в России не даст нам краткосрочных политических дивидендов, но это стратегически единственный путь и, значит, путь, обреченный на победу.

Дорогие друзья, разрешите мне на этом закончить свое выступление.

(Аплодисменты.)

Единственная политическая сила, которая имеет программу либеральных реформ

Доклад на заседании Совета партии ДВР

22 февраля 1997 г.

Источник: ЦАОДМ, ф. 8716, оп. 1, д. 91.

Дорогие друзья! Уважаемые коллеги!

Я сегодня хотел бы сосредоточить внимание на одном, но, на мой взгляд, самом важном политическом вопросе — на вопросе о бюджетном кризисе в России, который сегодня приводит к массовым невыплатам зарплат и пенсий; на вопросе, который связан с политикой нынешнего правительства; на причинах этого кризиса и возможных механизмах его развития; на том, что нужно сделать для того, чтобы справиться с этим кризисом, и какая, на мой взгляд, должна быть наша политика по отношению к правительству.

Мы договорились, что Сергей Николаевич Юшенков в своем выступлении после моего доклада расскажет о текущей партийной работе, я же хочу сосредоточиться в первую очередь на экономических и политических проблемах.

Именно бюджетный кризис в ближайшие месяцы будет определять и политическую, и экономическую ситуацию в России.

Я заранее приношу коллегам извинения за то, что мне придется прибегнуть к набору профессионально-экономических соображений, потому что без них совершенно невозможно: а) понять, что происходит, б) понять, что делать. Я потом постараюсь показать, как эти сложноватые экономические модели самым прямым и непосредственным образом определяют и нынешнюю политическую ситуацию, и перспективы этой ситуации.

По ряду направлений социально-экономической политики развитие событий после президентских выборов шло строго так, как мы это предсказывали. Несмотря на скепсис, президентские выборы действительно привели к радикальному перелому отношения к России на всех мировых финансовых рынках.

В настоящее время все российские ценные бумаги, представляющие какой-то интерес, расходятся на мировых рынках, как горячие пирожки. Легко формируются миллиардные фонды для инвестиций в Россию. Я обозначил бы ускорение притока капиталов, в том числе прямых инвестиций в нашу страну. Именно это позволило за полгода после президентских выборов радикально снизить процентную ставку по государственным заимствованиям — от 100% до 15% в реальном исчислении. Именно это создает основу для начала экономического роста.

В январе этого года статистика зафиксировала пусть маленький, но рост объема производства. Сегодня трудно сказать, в какой степени эта тенденция будет устойчивой, но во всяком случае предпосылки для стабилизации и роста производства в России созданы.

К сожалению, все эти существенные и важные позитивные моменты с лихвой перекрываются острейшим бюджетным кризисом.

Больше того, надо сказать, что, если даже, паче чаяния, вопреки крайней вялости политики правительства этот рост окажется мало-мальски устойчивым, он никак недостаточен для того, чтобы справиться с этой острейшей проблемой.

Итак, на мой взгляд, именно бюджетный кризис в ближайшие месяцы будет определять и политическую, и экономическую ситуацию в России.

Когда людям не платят деньги, естественно, возникает очень простая, очень «логичная» схемка объяснения происходящего и предложения рецепта: не платят деньги потому, что нет денег в экономике; нужно напечатать больше денег, заплатить долги по зарплатам и пенсиям, и тогда проблемы будут решены.

Вся беда в том, что это кажущееся на первый взгляд логичным построение верно с точностью до наоборот. Если сделать именно это, то я уверяю вас, что через короткий промежуток времени пенсии перестанут выплачивать вовсе. Я постараюсь объяснить, почему и как это связано с логикой постсоциалистического развития.

ЕСЛИ ПЕЧАТАЕШЬ БОЛЬШЕ ДЕНЕГ, ИХ СТАНОВИТСЯ
ЕЩЕ МЕНЬШЕ

Говорят, что не хватает денег в экономике. Это правда. Денег в экономике действительно мало. И с этим во многом связаны кризис неплатежей, сегодняшние проблемы бюджета и т. д. Другое дело, что в условиях рынка количество денег в экономике — это важнейший, во многом независимый от работы правительства фактор.

Надо понять только одно — это та штука, которая трудно дается политикам: если ты печатаешь деньги, их становится меньше. Еще раз повторю: если ты печатаешь деньги, их становится меньше. Если печатаешь больше денег, их становится еще меньше, потому что свободные цены в условиях рынка растут быстрее, когда ты печатаешь деньги. И реальная денежная масса сокращается с каждым оборотом печатного станка.

В свое время нынешний президент Сербии господин Милошевич понял эту зависимость в тот момент, когда цены у него росли на несколько десятков миллионов процентов в месяц, это было в 1993–1994 гг. Вот только на этом уровне, как мне рассказывал тогдашний председатель Центрального банка Югославии, он был способен освоить эту элементарную зависимость, хорошо известную студентам первого курса экономического факультета, естественно получающим нормальное, а не советское образование.

Высокая инфляция порождает недоверие к национальным деньгам, рождает бегство от национальных денег. Больше того, есть такая неприятная зависимость: подорвать доверие к национальным деньгам очень легко, восстановить доверие к национальным деньгам очень трудно. Если мы сегодня посмотрим, где денег в экономике в постсоциалистических странах больше всего, то увидим, что больше всего этих денег там, где реформы были наиболее последовательными и решительными, а период инфляции самым коротким. Скажем, в Чехии денег в экономике сегодня в 7 раз больше (в реальном исчислении я имею в виду), чем в России. А везде, где реформы были еще более непоследовательными и мягкими, чем в России, денег в экономике еще в несколько раз меньше. Поэтому, если мы хотим напечатать еще деньги, надо понять, что денег будет еще меньше и нынешние трудности усугубятся.

Есть еще одна очень важная зависимость в постсоциалистических экономиках. Практически все они после социализма сталкиваются с тяжелым бюджетным кризисом. Выясняется, что невозможно собрать в условиях рынка те ресурсы государственного бюджета, которые легко собирали в условиях плановой экономики. И всем им приходится проходить тяжелые налоговые реформы и тяжелый процесс адаптации налоговых систем к рынку. Есть такая зависимость, хорошо известная в экономической теории и сегодня очень четко подтвержденная статистическими исследованиями по социалистическим экономикам. Зависимость эта следующая.

В условиях высокой инфляции происходит эрозия налоговой базы и снижение реальных поступлений в бюджет. Короче говоря, если у тебя инфляция высокая и период ее длительный, то результатом является падение реальных поступлений в бюджет. Вот сегодня тоже самые высокие поступления от доходов в бюджеты в тех странах, которые прошли путь наиболее решительных и последовательных реформ, где инфляция была самой короткой и самой низкой, и эти поступления самые низкие в странах, которые прошли самый долгий путь и где она была самой высокой, вплоть до гиперинфляции. Это не теоретические, как бы абстрактные рассуждения; все, что я говорю, подтверждено статистически достоверными расчетами по всем критериям, которые может предъяснить научное знание. Еще раз повторяю, это жесткие и четкие зависимости.

В связи с этим надо понять, что вот сегодня, когда за нами 5–6 лет опыта реформ почти в 30 разных постсоциалистических странах, мы точно знаем: там, где реформы проводили наиболее быстро и последовательно, где инфляцию остановили быстро, сегодня самые высокие государственные расходы, в том числе самые высокие расходы на социальные нужды; там, где реформы проводили самым непоследовательным образом, государственные расходы самые низкие и самые низкие расходы на социальные нужды, именно там тяжелый бюджетный кризис.

История очень причудливо расставила точки над «i» в спорах раннего периода российских реформ. Выяснилось, что именно решительные и последовательные преобразования — это путь к социальной экономике, к экономике с высокими пенсиями, с высокими социальными расходами, а путь непоследовательных,

колеблющихся, медленных, как бы мягких преобразований — это путь к самой жесткой десоциализации, к самому серьезному снижению реальных социальных выплат, к тяжелому кризису всей социальной сферы.

Надо понять, что нынешний кризис российского бюджета прямо и непосредственно связан с тем, что реформы в России проводились медленно, непоследовательно, с огромными колебаниями. Именно этому мы обязаны сегодня тем, что реальные возможности государства финансировать свои расходы крайне ограничены.

При этом надо понять, что дело это не зависит от воли и желания властей, это некая данность. По чьему-либо усмотрению переделать пройденный путь теперь невозможно; это можно изменять только длинной-длинной работой, длинной историей денежной и финансовой стабилизации.

НЕ МОГУТ ДАТЬ ДЕНЕГ — ДАЮТ ОБЕЩАНИЯ

В России, как и во многих других постсоциалистических странах, проводивших медленные и непоследовательные реформы, на резкое падение доходов бюджета, обусловленное непоследовательностью политики правительства, наложилось отсутствие воли и решимости в приведении обязательств государства в соответствие с его реальными возможностями.

Короче говоря, всем понятно, что денег больше в бюджете не будет, но ни у правительства, ни у большинства Государственной думы не хватает смелости и решимости сказать: давайте в связи с этим делить реальные деньги; давайте выберем приоритеты, будем защищать тех, кого надо защищать, давайте проводить те реформы, которые необходимы для того, чтобы повысить эффективность всех видов государственных расходов, и т. д.

У нас как бы произошло разделение на два бюджета: бюджет обещаний, бюджет посулов, бюджет принятых на себя обязательств, с одной стороны, и бюджет реального финансирования — с другой. А это значит, что государство само является важнейшим источником беспорядка и хаоса в экономике, ибо оно раздаёт обещания, которые потом не выполняет, тем самым создавая обстановку финансового хаоса, тем самым поощряя к экспансии неплатежей и тем

самым неизбежно усугубляя проблему дальнейшего падения доходов бюджета.

Нужно понять, что, когда государство не выполняет свои обязательства, надеяться, что оно будет больше собирать налогов, абсолютно бессмысленно.

На это в России наложился еще наш специфический фактор — период с лета 1995 г. по лето 1996 г. был периодом предвыборной борьбы, периодом массовых политических кампаний, широких обещаний всех ветвей власти, происходивших как раз на фоне бюджетного кризиса. В результате политики, неспособные дать своими избирателям денег, очень часто шли по самому легкому пути: не можешь дать денег — дай обещания. В условиях, когда была жизненно необходима очень серьезная реформа всех отраслей бюджетной сферы, на самом деле происходила бурная экспансия обещаний. Экономика становилась еще более ирреальной, бюджет — оторванным от действительности.

Я напомним, что в 1992 г. не было проблемы невыплаты пенсий и зарплат, кроме очень короткого периода, когда проходил спровоцированный Верховным Советом кризис денежной наличности. В 1995 г. эта проблема стала обостряться. По всем опросам, в начале года проблема невыплаты зарплаты и пенсий, целиком и полностью сегодня определяемая бюджетным кризисом, выдвинулась на первый план как самая острая социально-политическая проблема России.

Пути — три, выход — один

Как могут развиваться события в этой ситуации? Собственно, она является довольно жестко устроенной, там очень мало степеней свободы.

Первое, что можно делать: можно делать вид, что ничего не происходит; бюджет 1997 г. так и построен исходя из логики, что ничего не происходит, т. е. мы продолжаем раздавать обещания, заведомо зная, что они невыполнимы; мы продолжаем закладывать в бюджет те доходы, которых, все знают, не будет; мы продолжаем финансировать расходы исходя из того, сколько получаем реальных денег. Мы усугубляем постоянно проблему, потому что объем неплатежей растет и будет расти. Правительство, воз-

можно, думает, что если бюджет 1997 г. будет выполнен примерно так же, как бюджет 1996 г., то ситуация на конец 1997 г. будет такая же, как в 1996 г. Ничего подобного. С 1996 г. она усугубилась и накопилась, в 1997-м произойдет ее дальнейшее накопление. Конечно, можно суетиться и перекладывать бремя с одной социальной группы на другую. Сейчас говорят: мы в первом полугодии погасим задолженность перед пенсионерами. Это можно сделать, но только одной ценой: надо тогда понять, что при этом резко увеличится задолженность перед учителями, врачами, профессорами, работниками культуры.

Другого способа решить эту проблему, если мы не готовы идти по пути серьезных экономико-политических реформ, не существует. Надо понимать и другое, что в этом случае доходная база бюджета продолжает эродировать, потому что ее подрывает именно необязательность самого бюджета.

Короче говоря, у нас неизбежно сокращаются, а не остаются на прежнем уровне объемы реального финансирования. И здесь никакая суета, никакие экстренные меры, никакие персональные перестановки в правительстве, никакие переназначения новых вице-премьеров не поправят положение, потому что это социально-экономические закономерности и с ними вот так нельзя бороться.

Вторая возможность — это возможность, за которую сегодня выступают почти все оппоненты правительства, кроме нас и наших ближайших союзников. Они предлагают самый простой выход из положения, тот, о котором я сказал, — давайте напечатаем денег, и все будет хорошо. Напечатаем денег и еще примем какие-нибудь социальные обязательства. Если вы посмотрите, о чем идет речь в Думе, то там речь постоянно идет о том, что если мы не можем платить, то давайте еще что-нибудь кому-нибудь пообещаем.

Это, разумеется, можно сделать, и развитие событий будет очень коротким и очень быстрым. Вообще в постсоциалистическом пространстве все происходит очень быстро. Вы в прошлом году могли наблюдать за тем, как подобного рода события разворачиваются в одной из постсоветских стран, которая называется Болгария. Там с этой идеей выступили, ее реализовали... Я даже не хочу повторять, как это получается, я об этом говорил неоднократно, вот все строго так и получилось. В результате к концу года нулевая популярность правительства социалистов, пустые прилав-

ки, обесценившийся более чем в 10 раз курс национальной валюты, падение в несколько раз реальной заработной платы, падение производства, полная дискредитация политических сил, которые за все это выступили. Короче говоря, все это ясно и коротко.

Беда в том, что подобный эксперимент не проходит бесследно, ведь в одну реку нельзя войти дважды. Да, такой эксперимент можно провести, но выйдем мы из него с еще меньшим количеством денег в экономике, с еще более низкими реальными бюджетными доходами, т. е., когда придется проводить в следующий раз революционные реформы, они будут существенно более жесткими, чем если бы мы начинали их сегодня. Вот плата за подобного рода эксперимент.

И наконец, третье, что можно делать. Можно начинать серьезные реформы, которые позволяют привести государственные обязательства в соответствие с тем, что реально можно профинансировать. Причем эти реформы не очень легкие, не очень приятные, но не надо попадаться на удочку наших противников и представлять их как какую-то постоянную большую дозу касторки, как что-то такое, что безумно тяжело, и все происходит за счет населения. Это неправда. За счет населения все не происходит. Населению просто начинаете говорить правду и начинаете делить те деньги, которые у вас есть, и в связи с этим совершенно неизбежно улучшаете эффективность госрасходов.

Больше того, *по многим направлениям либеральные реформы объективно улучшают положение населения, потому что позволяют сделать расходование государственных средств существенно более эффективным.*

Вот пара примеров.

Сегодня, по расчетам Минэкономики, закупки продовольствия Вооруженными силами производятся по ценам, которые на 70% выше реальных рыночных. Переход на тендерную систему таких закупок, а это самая простая либеральная реформа, позволяет резко улучшить положение с продовольственным снабжением армии, исключить ситуацию, когда солдаты голодают.

Жилищно-коммунальная реформа, ликвидация монополизма в этой сфере, переход к тендерам подряда, как показывают не абстрактные расчеты, а опыт, накопленный во многих российских городах, позволяет на 40–50% снизить завышенные, достигшие уже

европейского уровня издержки на содержание жилого фонда. И подобного рода направлений очень много.

Нам говорят: нельзя проводить военную реформу, она бесконечно дорого стоит. Да, нельзя, если вы разрабатываете военную реформу исходя из того, что должны сократить сотни тысяч не выслуживших срок бесквартирных капитанов. Но, собственно, почему мы должны начинать с этого? У нас нет переизбытка младших офицеров в армии, об этом говорит само Министерство обороны. У нас есть другая проблема — переизбыток выслуживших свой срок, обеспеченных квартирами генералов и старших офицеров, в том числе работающих в Министерстве обороны, которые сегодня имеют численность, по-моему, чуть ли не большую, чем она была во времена Советского Союза, при втрое большей армии. У нас есть колоссальная сеть военных училищ, которые мы не сокращаем и как будто не собираемся сокращать. У нас есть огромное количество вольнонаемных, работающих в военных совхозах, на военных заводах и т. д. Вот это-то все зачем? Почему не начинать сокращение с этого? Тогда выяснится, что младших офицеров и трогать-то не надо.

Представление, что либеральные реформы — это всегда какое-то издевательство над народом, это стереотип-штамп, который навязан нашими политическими оппонентами, стереотип-штамп, который навязан теми, кто пытается и хочет сохранить нынешний статус-кво. Кстати говоря, и потому, что нынешний статус-кво, положение, когда бюджет необязателен, — самая благоприятная ситуация для масштабного воровства государственных средств. Нет ничего более удобного для того, чтобы брать взятки и воровать, чем когда бюджет хронически не выполняет свои обязательства, это самое благоприятное условие для масштабного воровства государственных средств.

ПРОГРАММА РЕФОРМ ЕСТЬ.
ДЕЛО ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВОЛЕЙ

Я не хотел бы сейчас останавливаться подробно на тех реформах, которые необходимо провести. Я говорил об этом на съезде партии. Могу сказать только одно. За время, прошедшее после съезда, мы провели большую работу. К настоящему времени у нас есть все:

не только представления о направлениях необходимых изменений, но и каркас проработанных технологических мероприятий с расчетами, с прогнозными бюджетами, с представлением о том, как будет строиться бюджет нашей страны в 1998–1999–2000 гг., если мы будем реализовывать эти реформы, а будем их точно реализовывать, о том, какие для этого нужно принять нормативные акты...

Короче, слухи о том, что нет программы реформ, позволяющей справиться с бюджетным кризисом, не соответствуют действительности. Такая программа есть, существует, мы ею располагаем, дело за политической волей, за готовностью ее реализовывать.

К сожалению, месяцы, прошедшие после съезда нашей партии, показали, что правительство в нынешнем составе в принципе неспособно реализовывать подобного рода программы. Больше того, скажу жестче: оно неспособно реализовывать никакую программу.

Если посмотреть на набор законопроектов, который правительство вносит в Государственную думу, и проанализировать его, то выяснится, что в нем все противоречит друг другу. Например, правительство вносит в Государственную думу пакет законов, предусматривающих ликвидацию налоговых льгот. Очень правильно, очень справедливо и необходимо. Параллельно то же правительство, с теми же датами буквально вносит в Государственную думу пакет законов, вводящих новые налоговые льготы, причем льготы совершенно бессмысленные, неоправданные и неконтролируемые.

На вопрос представителей Думы о том, что же, дорогие друзья, из этого принимать, уважаемые представители правительства говорят: а вы сами и решайте.

Правительство в своей программе в качестве важнейшего направления, обеспечивающего возможности промышленного подъема, разгрузки бремени, возлагаемого на предприятия, приводит отказ от перекрестного субсидирования различных потребителей, что на самом деле не дает подняться промышленности. Правительство принимает постановление, которым рекомендует ввести новые категории дотируемых потребителей, финансируемых по существу за счет остальной промышленности.

Правительство вносит в Государственную думу бюджет, по которому ни один из членов правительства не решается сказать, что он выполним. Правительство, после того как принят бюджет, гово-

рит: дорогие друзья, этот бюджет, видимо, невыполним. И так по каждому из направлений.

Сформированное после президентских выборов правительство имело уникальный политический шанс начать реализацию серьезных систематических реформ именно после того, как политические баталии в основном были закончены.

К сожалению, оно этот шанс упустило и больше в этом составе у него такого шанса не будет.

НЫНЕШНЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕСПОСОБНО ПРОВОДИТЬ КУРС РЕФОРМ И НЕ ЗАСЛУЖИВАЕТ ПОДДЕРЖКИ

Бывает, складываются такие ситуации, когда очень трудно представить себе, чтобы что-то было сделано, и вместе с тем невозможно этого избежать. Вот сегодня ситуация во многом напоминает ту, которая складывалась в Советском Союзе в 1990–1991 гг. Абсолютно беспомощное правительство Рыжкова, потом Павлова; полная неготовность принимать какие бы то ни было решения; понимание того, что крах существующей системы все равно заставит идти на решительные меры; отсрочка этих мер, которая делает их неизбежно более болезненными, но не позволяет от них отказаться.

Вот тогда, в 1990–1991 гг., мне, моим единомышленникам было неясно, кто будет реализовывать рыночные реформы в России, но было совершенно ясно, что избежать их невозможно. Жизнь заставит.

Вот сегодня мы оказались в таком же положении. Но невозможно себе представить, что нынешнее правительство сможет реализовать те реформы, которые необходимы. И я точно знаю, что их невозможно избежать. Можно отложить на некоторое время, сделать еще более тяжелыми, еще более жесткими, но избежать абсолютно невозможно.

В связи с этим мы должны, по-моему, четко и однозначно сказать следующее.

Первое. Тот курс, который проводит сегодня правительство, не имеет никакого отношения к политике либеральных реформ, не является таковым и не заслуживает поддержки.

Второе. Нынешнее правительство неспособно реализовать курс необходимых преобразований.

Третье. Это правительство нуждается в радикальной структурной и персональной перестройке.

Эта перестройка необходима не потому, что на этом настаивает партия «Демократический выбор России». Я реалист, я не переоцениваю наше реальное нынешнее политическое влияние. Она необходима потому, что этого требует жизнь. Вот жизнь заставит это сделать. Скажу больше, если подобного рода реорганизация не будет проведена, то не только партия «Демократический выбор России», а жизнь со всей неизбежностью поставит вопрос об отставке нынешнего правительства в полном составе и о формировании нового правительства. И также не потому, что этого захочет та или другая политическая сила, просто жизнь сделает подобное развитие событий неизбежным. Другое дело, что, еще раз повторяю, плата за отсрочку — это всегда дополнительные издержки, это всегда большая тяжесть и социальная конфликтность преобразований.

Самое обидное состоит в том, что нынешнее положение вещей, на мой взгляд, больше всего устраивает одну политическую силу, эта сила называется «коммунистическое большинство в Государственной думе», потому что ведь есть железная логика политического процесса: за обещания отвечает правительство. Никто не вспомнит о депутатах Государственной думы, которые принимают безответственные, финансово не обеспеченные законы. Все вспомнят о правительстве, которое эти законы не выполняет.

И в связи с этим то, что делает сегодня коммунистическое большинство, мне абсолютно понятно: оно сознательно ведет дело к тому, чтобы людям не платили зарплаты и пенсии. Не надо иллюзий. Это сознательная политика. Они люди некомпетентные, но не настолько же.

Другое дело, мне трудно понять, как и почему исполнительная власть, которую подобное развитие событий ставит в самое тяжелое положение, доверие к которой оно подрывает, легко и почти без борьбы идет на поводу у подобного рода решений.

СИТУАЦИЯ ТРЕБУЕТ РЕШИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Я, честно вам скажу, недооценил степень неспособности нынешнего правительства реализовывать реформы после президентских выборов. Я предполагал, что все-таки что-то будет сделано, и

бюджетный кризис по меньшей мере будет переведен в валютную форму. Я не очень верил, что они проведут последовательные и жесткие реформы, но то, что хотя бы не допустят экспансии обязательств, что бюджет 1997 г. не будет просто продолжением бюджета 1996 г., я, честно говоря, полагал, потому что уж очень было это естественно и понятно.

К сожалению, развитие событий пошло иначе. Это имеет некое политическое следствие. Если вы помните, мы говорили о либеральных реформах как необходимых для России, но говорили о них скорее в среднесрочной исторической перспективе, о том, что вообще-то надо, вообще-то будут, но когда будет социальная база.

Сегодня, на мой взгляд, развитие событий существенно изменило ситуацию. Реформы будут, и не когда-то, а в короткие сроки именно потому, что политика была столь непоследовательной, именно потому, что кризис оказался столь запущенным, именно потому, что ситуация столь тяжела, невозможно выйти из нее без очень серьезных, очень глубоких, очень радикальных либеральных реформ.

Мы и наши ближайшие союзники — это единственная политическая сила, которая имеет сегодня программу таких реформ, выступает за программу таких реформ, готова ее предложить и совместно реализовывать. Это, разумеется, возлагает на нас дополнительную ответственность.

Сегодня наша политическая база очень слабая. Мы это прекрасно знаем. А вот необходимость в либеральных реформах огромная. В этом, может быть, самое серьезное противоречие сегодняшней российской жизни.

Еще раз подчеркну. Сегодня ситуация очень напоминает ту, которая была в 1990–1991 гг. Она требует систематических решительных действий. Она не дает оснований отказываться и откладывать эти действия на неопределенную перспективу. То, в какой степени социально мягкими будут реформы, то, в какой степени их удастся провести с минимальным ущербом для уровня жизни народа, зависит от одного важнейшего фактора: когда наконец органы власти сумеют повернуться на путь либеральных реформ.

Вот это, я думаю, мы должны постараться объяснить и обществу, и тем, от кого зависит принятие решений.

< О новом правительстве >

Выступление на пленуме Совета партии ДВР

12 июня 1997 г.

Источник: ЦАОДМ, ф. 8716, оп. 1, д. 94.

Дорогие друзья!

Я напомним, что на прошлом Совете партии, который состоялся совсем недавно, в феврале 1997 г., мы дали очень жесткую оценку тому курсу, который проводил предшествующий состав правительства, поставили вопрос о необходимости радикальных изменений этого курса, состава и структур этого кабинета.

За это время такие изменения произошли. Правительство было радикально реформировано, курс серьезно изменился. Это создало новую социально-политическую, экономическую ситуацию в стране, исходя из которой сегодня мы должны определить свою линию и приоритеты.

Я хотел бы в своем выступлении остановиться на трех основных вопросах.

1. Почему ситуация в России изменилась так радикально и почему так серьезно изменился за это время курс правительства?

2. В какой степени мы можем позитивно оценить первые 100 дней нового правительства?

3. Определить, как все это сказывается на нынешней политической ситуации, перспективах политической ситуации и наших политических задачах.

Итак, первое: почему этот поворот произошел?

Я уже говорил о том, что мы не переоцениваем собственное политическое значение, мы реалисты, мы не впадаем в иллюзии. Мы не думаем, что наше требование радикальных изменений в проводимом курсе само по себе было достаточно, чтобы они произошли.

Когда мы говорили о том, что эти изменения абсолютно неизбежны, заданы и все равно произойдут, мы опирались на трезвый анализ той ситуации, которая сложилась в России, и бесперспективности курса предшествующего правительства. Напомню, как к этому времени складывалась ситуация. В стране жесткий бюджетный кризис, постоянно растут задержки по выплате зарплат и пенсий. Бюджет, утвержденный на 1997 г., абсолютно и очевидно не-реален. Доходы и расходы его завышены по меньшей мере на 30%. Правительство принимает решения и ровно через месяц отменяет их, оно явно утратило какое бы то ни было представление о стратегии собственного движения.

Из этого положения было только три возможных выхода. Первый из них — это крепко зажмуриться, лучше всего завязать глаза и продолжать топтаться на месте так, как будто ничего не происходит. Это то, что делало правительство на протяжении предшествующих месяцев, но ясно было, что потенциал возможностей такой политики исчерпан. Второй — это взять и напечатать 330 трлн руб., попытаться их разделить и на этой основе построить всеобщее счастье. И наконец, третий — в условиях бюджетного кризиса начать реализацию той программы либеральных реформ, которую давно предлагал ДВР, за которую мы всегда выступали. Суть ее — ограничение государственного бремени на экономику, рационализация государственных расходов, закрытие основных дыр, через которые уплывают государственные ресурсы, приведение наших обязательств в соответствие с нашими возможностями, т. е. реализация комплекса реформ, позволяющих сделать Российское государство гораздо более эффективным, менее коррумпированным.

Именно в периоды кризиса проводимой политики, когда становится ясно, что нужно что-то менять, резко возрастает спрос на концептуальные программные разработки. Сколько раз наши оппоненты на протяжении последних лет говорили о том, что надо менять курс экономических реформ. В это время все политические силы получили возможность показать, что же у них есть за душой, что есть в загашнике, что они могут предложить по поводу серьезного стратегического изменения проводимого курса. И опыт последнего полугодия, на мой взгляд, убедительно показал полное интеллектуальное банкротство левой оппозиции, от коммунистов до «Яблока». За все это время мы не получили от них ни

одной серьезной концептуальной программной разработки, которую можно было бы интерпретировать в терминах цифр, структуры бюджета расширенного правительства, по проектировке денежной политики, ключевых нормативных актов. Было предъявлено лишь две концептуальные идеи: первая — делать вид, что ничего не происходит, вторая — напечатать 330 трлн руб. Вот все, что смогла на сегодняшний день предложить левая оппозиция.

В том положении, в котором оказалась Россия, можно некоторое время топтаться на месте, все глубже и глубже погружаясь в трясину. Можно попытаться броситься назад, но только твердо зная, что сзади тупик. А если ты хочешь идти вперед, то никакого другого пути, кроме пути последовательных либеральных реформ, которые предлагает ДВР, просто не существует. В свое время В.И. Ленин сказал, что сегодня невозможно идти вперед, не идя к социализму. Сегодня мы в том положении, когда России невозможно идти вперед, не вступая на путь либеральных, рыночно ориентированных, демократических преобразований. Весь опыт последних лет, опыт предшествующих колебаний и метаний правительства, поворот 1997 г. в полной мере это подтверждают.

Теперь о первых итогах работы правительства. Как вы помните, мы на Политсовете обсуждали вопрос о нашем отношении к правительству и решили, что нужно дать правительству 100 дней для того, чтобы определить, способно ли оно работать, способно ли реализовывать те программные установки, которые продекларировал президент в своем Президентском послании, способно ли решать ключевые, самые острые проблемы страны. Сегодня уже можно подвести первые итоги эффективности работы реорганизованного правительства.

Правительство, разумеется, вынуждено заниматься массой текущих дел — это острые проблемы невыплаты заработных плат, пенсий, проблемы собираемости налогов. И здесь, оценивая цифры, видно, что некоторые подвижки есть, собираемость налогов в апреле, мае, июне увеличилась, и это дает базу для улучшения положения с выплатой пенсий. Но я хотел бы сказать о том, в какой степени правительство оказалось способным начать реализацию стратегического курса реформ, о необходимости которых мы говорим.

Фундаментальная проблема сегодняшней России — это проблема налоговой реформы. Та налоговая система, которая сложилась у нас, взваливает огромное бремя на лояльных налогоплательщиков, одновременно создавая широчайшие возможности для уклонения от уплаты налогов всем, кто не хочет их платить. Таким образом, мы сами постоянно стимулируем криминализацию своей экономики и сами ведем дело к углубляющемуся бюджетному кризису, потому что честный и лояльный налогоплательщик оказывается просто неконкурентоспособным.

За это время, которое правительство проработало, оно успело внести радикальные изменения в подготовленный проект Налогового кодекса и предложить очень серьезную налоговую реформу, которая решает ключевые проблемы всей налоговой системы.

Предлагается, во-первых, резко, в 8 раз, сократить число применяемых в России налогов. Сегодня в России с учетом региональной специфики применяется до 230 различных видов налогов.

Предлагается упростить процедуры налогообложения. Предлагается полностью отказаться от налогов, не имеющих верхней ставки, т. е. не должно быть налогов, по которым любой орган власти, местной, региональной, мог бы устанавливать неограниченную ставку, она ограничена сверху.

Сегодня у нас верхняя ставка обложения, скажем, заработной платы находится на уровне, заведомо запретительном для лояльного плательщика. Когда от предприятия — лояльного плательщика требуют, чтобы он заплатил 28% заработной платы в Пенсионный фонд, 5,4% — в Фонд соцстраха, 3,9% — в Фонд медицинского страхования, 1,5% — в Фонд занятости, еще до 3% — в фонды благоустройства территории, образовательных учреждений плюс к этому начиная с 200 долл. идет прогрессия подоходного налога от 12 до 35% — можно, конечно, требовать всего этого от предприятий, но только не надо думать, что они будут платить. Особенно не надо об этом думать, когда есть абсолютно легальные возможности вообще ничего из этого не платить. Да, у нас формально не очень высокий налог на прибыль — 35%. Но параллельно с этим у нас есть так называемые налоги с оборота — это содержание жилого фонда и дорожный фонд. При прибыли, составляющей сегодня где-то 8–9% с оборота, 4% налога с оборота плюс 35% налога на прибыль

дает нам в общей сложности ставку около 70% налогообложения прибыли для лояльного плательщика.

Что в связи с этим предлагается? Предлагается радикальное снижение предельных ставок налогообложения по прибыли и по доходам. Они снижаются до 35%.

Предлагается отменить все налоги на оборот, а соответственно реальная ставка налога на прибыль снижается с 70 до 35%.

Ставки налога на прибыль и подоходного налога выравниваются. Можно ввести упрощенные процедуры налогообложения, резко облегчить налоговый контроль, решить проблему отказа от налогообложения дивидендов.

Короче говоря, мы получаем налоговую систему, в которой налогов гораздо меньше, они гораздо ниже, а возможности уклонения от них резко сокращаются.

Я довольно хорошо знаю устройство налоговых систем в разных странах мира и могу вам сказать, что если мы введем эту налоговую систему, то в России у нас будет одна из наиболее простых, современных, нормально работающих, равномерных и стимулирующих налоговых систем в мире. На мой взгляд, учитывая тот потенциал, который сегодня есть в России, ту базу экономического роста, которая уже создана стабилизацией курса, снижением процентной ставки, налоговая реформа — это сегодня, наверное, главное, что стоит между нами и серьезным, динамичным экономическим ростом, выводом экономики из тени, увеличением реальных бюджетных доходов, декриминализацией экономики и т. д. Для меня вопрос о Налоговом кодексе является, пожалуй, главным и самым принципиальным в отношениях между правительством и Государственной думой. Есть масса вещей, которые правительство может сделать само, но Налоговый кодекс, к сожалению, без Думы принять невозможно. Поэтому Думе придется определяться, готова ли она дать дорогу для экономического роста России или думское большинство так и будет действовать по принципу «чем хуже, тем лучше».

Второе, с чего начало правительство, — это реализация комплекса мероприятий по усилению контроля за государственными средствами. Помните, сколько раз мы обсуждали необходимость принятия закупочного кодекса? Вы помните, сколько времени этот кодекс валялся в кабинетах правительства? Одним из первых до-

кументов нового состава правительства был указ президента, который фактически вводит в действие закупочный кодекс для федеральных органов власти. И сейчас уже начала реализовываться практическая организационная работа, для того чтобы придать прозрачность процедурам расходования государственных средств, отобрать у чиновника право делить по усмотрению. Да, это будет непросто. Не надо думать, что бесчестные чиновники с охотой откажутся от возможности свободно воровать, но, по крайней мере, у правительства появляется ясная и понятная стратегия, что с этим делать.

Да, я убежден, что на первых тендерах цены могут быть завышенными, конкуренция ограничена, но возможности теперь закупать сапоги для армии по ценам дамских туфель с Елисейских Полей, по крайней мере, отпадут.

Еще одно направление, связанное с усилением контроля за расходованием государственных финансов, — это переход на казначейскую систему исполнения бюджета. То, что у нас было на протяжении последних лет, на мой взгляд, пародия, издевательство над идеей казначейства — казначейская система, при которой казначейство держит собственные счета в уполномоченных банках.

Переход на нормальную, полноценную казначейскую систему — это не просто экономия в 10–12 дней, в течение которых банки крутят бюджетные деньги. Это очень серьезное повышение эффективности работы всей государственной финансовой системы. Рад, что эта работа сейчас разворачивается. Еще одно направление, на котором наконец впервые за долгое время начинаются изменения — это военная реформа. Безумно обидно, сколько времени потеряно. Военную реформу пытались реализовать исходя из идеи, что откуда-то из воздуха появятся 50 или 100 трлн руб. для финансирования военной реформы. Это построение использовалось военным истеблишментом для того, чтобы показать нереальность военной реформы. Это было предельно просто. Входить в военную реформу? Замечательно! Дайте дополнительно 100 трлн. Нет 100 трлн? Тогда нет и военной реформы! А нет военной реформы, значит, армия будет у нас разлагаться, значит, она будет все более небоеспособной, значит, в армии будет процветать воровство. Все это мы видели на протяжении последних лет.

Суть сегодняшней военной реформы — экономия, повышение эффективности существующих затрат, демонтаж заведомо не нужных в нынешней ситуации систем и на этой базе создание резерва для финансирования военной реформы. Эта единственная соответствующая здравому смыслу идеология начинает наконец становиться общепринятой, в том числе в Министерстве обороны. И сразу же выясняется, что, конечно, эти резервы есть. Это 400 тыс. гражданских и военнослужащих только в строительных частях и в службе квартирмейстерства. Это военные совхозы. Это около 300 ремонтных заводов. Это огромная социальная сфера, которая была создана для армии, большей в 3 раза. Это огромное натуральное хозяйство. Это 60 служб заказчика, которые существуют в том же виде, как тогда, когда мы заказывали в десятки раз больше вооружений.

Все это наконец начинает инвентаризироваться, исходя из этого вырабатывается концепция, на основе которой, я убежден, только и можно поправить положение в армии, увеличить финансирование боевой подготовки войск, улучшить моральный дух в войсках, создать предпосылки для последующего перевооружения армии.

Очень серьезная стратегическая проблема, за которую правительство сейчас взялось, — это проблема реформы здравоохранения. Состояние здравоохранения — это была прекрасная картинка всей полуреформированной России, когда старая система развалилась, а новая еще не сформировалась.

Создали страховую медицину, но в том виде, в котором она заведомо не покрывает финансовых потребностей. Параллельно существует бюджетная медицина. Если не хватает денег страховой медицины, их надо взять из бюджетной медицины. В результате мы получили уникальное сочетание отрицательных черт обеих систем. С одной стороны, дорогая, сложная страховая система требует денег. Но бюджетные деньги она получает со всеми их недостатками — слабым контролем, невозможностью рационализации расходов, неэффективностью их структуры. И вот сейчас мы подошли к рубежу, когда надо просто делать четкий выбор — либо вперед, либо назад. Но если мы ставим крест на всех этих страховых делах, тогда надо поставить крест на возможности рационализации затрат, смириться с тем, что мы так и будем расходовать

неизмеримо больше, чем надо, на стационарное лечение и гораздо меньше, чем надо, на амбулаторное.

Сейчас правительство встало на линию серьезной реформы здравоохранения, формирования полноценной системы страховой медицины, объединения фондов социального страхования, которые всегда использовались на редкость неэффективно, и фонда медицинского страхования, упрощения организационных процедур, короче говоря, на путь вполне серьезной медицинской реформы, направленной на рационализацию затрат.

В целом база всей работы правительства — это переход от бюджета обещаний к реальному бюджету. Мы в последние годы постоянно делили деньги, о которых все знали, что их не будет. Причем подобного рода ситуация устраивала всех — прежний состав правительства, Думу, потому что это позволяло ей делить деньги, которых не будет, а потом указывать рукой на правительство: посмотрите — мы же хорошие, мы выделили денег, а они не обеспечивают. И наконец, она устраивала исполнительные финансовые органы, потому что если бюджет заранее нереализуем, то самый главный человек в стране — это не президент и не премьер, а первый заместитель министра финансов, который, собственно, и делит деньги.

Сегодня у правительства есть, на мой взгляд, вполне адекватный и честный бюджет на 1998 г., где расходы и доходы являются реальными. Только такой бюджет и может быть базой серьезной работы правительства. Правительство работает над проектом трехлетнего бюджета, с тем чтобы честно и четко сказать основным ведомствам: дорогие друзья, у вас в 1998 г. будет столько, в 1999-м — столько, в 2000-м — столько¹. Меньше не будет, это мы вам обещаем, а больше тоже не будет, и исходя из этого планируйте все свои реформаторские мероприятия. Это относится и ко всем бюджетным сферам, начиная с Гидромета и кончая здравоохранением.

Повышение эффективности расходов, приведение обещаний в соответствие с реальным финансовым обеспечением, это важнейший поворот в работе правительства, потому что только на этой

¹ Как известно, кризис 1998 г. перечеркнул прогнозы 1997-го, чего Е.Т. Гайдар никак предвидеть не мог. — *Прим. ред.*

базе можно сделать работу нашей государственной машины адекватной ее задачам.

Конечно, впереди еще огромный объем работы. Мы в самом-самом начале пути даже по тем реформам, которые уже начаты, а многих еще толком и не начинали. Но есть объективный факт — за несколько месяцев безумно трудно сделать то, что не было сделано за предшествующие годы. Предстоит серьезная реформа межбюджетных отношений. Сегодня правила распределения этих ресурсов весьма произвольны и крайне неэффективны. Очень нужна реформа образования и системы его финансирования. Мы только приступаем к такой сложнейшей проблеме, как пенсионная реформа. Здесь предстоит выполнить большой объем аналитических, расчетных процедур. Пенсионная реформа — это такая штука, которую, начав, нельзя отменить, если что-нибудь неправильно посчитано и что-нибудь не получается. Пенсионная реформа — это то, что будет определять важнейшие социально-экономические параметры страны до 2050 г.

Очень серьезные проблемы стоят в реформе системы социальной поддержки. Ясно, что направление, которое может быть здесь избрано, — это увязка программ социальной поддержки с нуждаемостью, повышение адресности социальной поддержки. Работа такого рода сейчас ведется, но все это очень и очень непросто, так как затрагивает интересы людей и в серьезной степени политические интересы.

Конечно, правительство не могло избежать ошибок на этом пути, недоработок. Некоторые из них являются досадными, но частными. Назову один пример — на редкость нелепое постановление по поводу голографии с надеждой таким образом защитить права потребителей, со всем набором классических методов, характерных для постановлений прошлого правительства: с уполномоченным банком, с двумя коммерческими фирмами, которым полагается это сделать. Будто из прошлого что-то вынырнуло. Но я надеюсь, что у правительства в данном случае хватит воли поправить собственное решение.

В целом того, что сделано за 100 дней, уже достаточно, чтобы сказать: да, без всякого сомнения, правительство оказалось дееспособным, оно выбрало правильный курс, оно движется по этому курсу, и движется быстрее, чем надеялись его сторонники и

чего опасались многие его политические противники и оппоненты. Правительство за это время сделало, может быть, меньше, чем мне бы хотелось, но намного больше, чем я сам ожидал в начале марта этого года, после Президентского послания. И это дает серьезную базу для надежды.

В связи с этим несколько слов о политической ситуации и наших задачах.

Первое. Мы всегда считали своей важнейшей задачей программное обеспечение либеральных реформ. Мы работали с правительством и будем работать, будем ему помогать всем, чем можем. Это не простая, но очень благодарная работа, когда расчеты, нормативные разработки делаются не в стол, а для того, чтобы быть реализованными.

Никогда не надо успокаиваться на достигнутом. Как только предшествующий набор идей из сумасшедшего и смешного стал общепринятым и банальным, это сигнал к тому, что надо работать дальше, надо нарабатывать новые и новые решения.

Второе. Важнейшая наша задача сегодня, как мне кажется, — это способствовать практическому продвижению реформ, особенно в регионах России. Стержень того, что предполагает правительство, — это ограничение круга дотационных регионов при существенном усилении контроля за политикой, которую они проводят. Это значит, что у нас появляются дополнительные рычаги воздействия, в том числе на политику в «красных регионах», по крайней мере, на сокращение в них воровства, перекрытие каналов разбазаривания государственных средств. И здесь, я думаю, наша помощь будет полезной. Особенно важна наша работа в тех регионах, где наши коллеги либо возглавляют исполнительную власть, либо представлены в исполнительной и представительной власти.

Сейчас, когда правительство проводит политику во многом нашу, там, где близки к власти или у власти наши единомышленники, сам Бог велел обеспечить это единство для координации политики на региональном и федеральном уровнях, во многом использовать эти регионы как полигон для отработки реализуемых на федеральном уровне реформ.

Мы совсем недавно проводили Политсовет в Перми, обсудили вопросы в пермской организации и договорились с руководством области об активном сотрудничестве. И область готова быть поли-

гоном всех тех реформ, которые сегодня вырабатываются на федеральном уровне, готова у себя как бы обкатывать их, давать нам советы по поводу того, что, может быть, надо подкорректировать, а что, наоборот, заслуживает широкого распространения.

Конечно, активизация работы правительства серьезно изменила общеполитическую ситуацию, в том числе отношения правительства и Государственной думы. Напомню, что совсем недавно отношения правительства с Государственной думой были почти идиллическими, прошлый состав правительства действительно был для Думы подарочным, он позволял депутатскому большинству чувствовать себя интеллектуально комфортно.

Сейчас, когда правительство начало активную работу, когда оно постоянно предлагает новые инициативы, когда оно демонстрирует свою готовность и понимание того, что надо делать, конечно, отношение к нему в Думе радикально изменилось.

Это правительство вызывает уважение и некую боязнь. Как вы знаете, наше думское большинство не состоит из благородных людей, которые уважают слабость. Они уважают только силу. И они сейчас, конечно, чувствуют силу в новом правительстве, и это заставляет их изменять свое поведение.

Я всегда был противником досрочных выборов и до сих пор считаю, что этого надо избегать по мере сил. Если есть возможность, чтобы избранный парламент работал весь установленный срок, дай Бог. Я очень надеюсь на то, что парламентское большинство осознает, что есть две-три фундаментальные проблемы, которые действительно надо было бы решить для России, включая налоговую реформу, и, по крайней мере, пойдет на компромисс с правительством. Но если станет ясно, что парламентское большинство жестко стоит на пути именно этих немногих, но назревших преобразований, по существу на пути экономического подъема России, декриминализации российской экономики, тогда надо очень и очень серьезно подумать: не воспользоваться ли президенту своими конституционными полномочиями и не попроситься ли с нынешним составом депутатского корпуса.

Еще раз подчеркиваю: считаю лучшим первый вариант. Но, желая этого варианта, нельзя игнорировать возможность другого. А это означает серьезную политическую работу и подготовку к возмож-

ным досрочным парламентским выборам, о которых мы не можем не думать.

Конечно, сам факт формирования правительства, в котором работают сегодня и Виктор Степанович Черномырдин, возглавляющий НДР, и Анатолий Борисович Чубайс — один из основателей партии ДВР, и Борис Немцов, которого традиционно поддерживало «Яблоко», — это во многом некое воплощение давней мечты демократов о единстве. Я думаю, это дает возможность координации усилий с частью демократическо-реформаторского спектра на последующих выборах. Сегодня преждевременно говорить о том, как мы пойдем на следующие выборы, какой будет коалиция. Ясно одно: мы будем руководствоваться не соображениями политического карьеризма и не личными амбициями, а исключительно соображениями пользы делу, соображениями создания базы поддержки либеральных реформ в следующем составе Государственной думы.

Но есть еще одна проблема, с которой уже сегодня все вполне ясно, — это проблема выборов по мажоритарным округам. Здесь мы должны быть прагматиками, реалистами. Необязательно, чтобы кандидатом был человек из «Демократического выбора России», важно, чтобы это был человек авторитетный, пользующийся доверием избирателей, способный победить на выборах, наш единомышленник в принципиальных вопросах.

Поиск, выдвижение подобного рода кандидатов, переговоры с ними, создание широких коалиций по мажоритарным округам — это то, что в любом случае пригодится нам в 1999 г., но может стать актуальным и срочным в том случае, если, не дай Бог, придется проводить досрочные парламентские выборы. Подготовка к этой политической кампании, на мой взгляд, важнейшая на сегодняшний день цель для «Демократического выбора России».

Дорогие друзья! Ровно 3 года назад прошел учредительный съезд партии ДВР. Прошедшие 3 года были очень непростыми для страны, для России. Мы терпели сокрушительные поражения, мы одерживали неожиданные для наших оппонентов блестящие победы. На сегодняшний день одна задача, для которой был создан ДВР, мне кажется, решена стратегически: коммунистическая угроза осталась в прошлом. Она серьезна в регионах, коммунисты будут сильными в «красном поясе», они будут выигрывать парламент-

ские выборы — все это так. Но угроза полномасштабного коммунистического реванша, полного слома демократических институтов и рыночных механизмов исчезла, мне кажется, в июле 1996 г.

Сегодня важнейшая задача — это борьба за либеральный, цивилизованный капитализм в России, борьба против олигархического, номенклатурного, бюрократического капитализма. После того как за основу работы нового правительства взята программа, идеологически являющаяся нашей, программой ДВР, мне кажется, что шансы на победу в этой борьбе резко пошли вверх. Последние 3 года позволяют нам сделать абсолютно однозначный вывод — тот путь, который мы предлагаем России, единственно верный, единственно возможный. Можно некоторое время колебаться, метаться, но, когда ты хочешь идти вперед, ты вынужден идти по тому пути, который предлагает «Демократический выбор России».

< О тезисах С. Юшенкова >

*Выступление на пленуме Совета партии
«Демократический выбор России»*

25 октября 1997 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Дорогие друзья! Уважаемые коллеги!

Я не хотел сегодня выступать с большим докладом, но у меня есть несколько соображений по тем тезисам, которые сформулировал Сергей Николаевич Юшенков¹.

Я в целом согласен с основной тональностью и направленностью доклада. С несколькими вещами я хотел бы либо уточнить, либо поспорить.

Первое — о сути того кризиса, через который мы только что прошли. Нам надо самим как бы понять, что, собственно, происходило и будет происходить, потому что это важно для нашей стратегии.

В этот раз угроза того, что вотум недоверия правительству пройдет, была в общем серьезная. Но я помню, что это было первый раз за все время работы нынешней и прошлой Думы, когда оппозиция готова была пойти на риск досрочных выборов. Этого не было ни разу, в том числе в 1995 г., когда Дума один раз проголосовала вотум недоверия, точно зная, что никогда не проголосует второй раз, и немедленно взяв обратно свой вотум, как только правительство поставило вопрос о вотуме доверия.

¹ Сергей Николаевич Юшенков (1950 — 2003) — политический деятель, в годы перестройки был народным депутатом РСФСР, с 1993 г. — депутатом Государственной думы. В рассматриваемое время был одним из руководителей ДВР, главным редактором газеты «Демократический выбор». Позднее, с 2000 г., стал одним из сопредседателей движения «Либеральная Россия», финансировавшегося Березовским. Убит 17 апреля 2003 г. — *Прим. ред.*

Что же, собственно, произошло? Почему коммунисты, которые прекрасно уживались с правительством, которые готовы были идти на любые компромиссы, чтобы не было досрочных выборов все это время, почему сегодня они перешли в наступление и были готовы пойти на риск выборов?

На мой взгляд, ответ на этот вопрос предельно ясен. Они были готовы пойти на это именно потому, что в экономике страны наметились очевидные позитивные изменения, которые начинают находить отражение в общественном сознании. До этих пор, пока беспомощное правительство следило, как накапливаются задолженности по пенсиям, по пять месяцев не платят денежное довольствие солдатам, компартия с удовольствием потирала руки и смотрела, чем все это закончится.

Как только стало ясно, что правительство действительно работает, оно действительно проводит реформы, выплачивает пенсии и денежное довольствие военным, экономический рост действительно начинается и страна это начинает ощущать, все изменилось. Это же смерть, это же все, это политический конец через два-три года экономического роста! Кому будет нужна КПРФ с ее лозунгами? А если это так, то, конечно, можно пойти на любой риск и сделать все, что угодно. Это, во-первых, проводить выборы в более ранние сроки, когда результаты этих позитивных подвижек в экономике еще не стали очевидны, а во-вторых, для того, чтобы остановить эти позитивные подвижки.

Понятно, что выборы, отставка правительства, дестабилизация политической обстановки — это отнюдь не лучший фон для экономического подъема, для роста инвестиций, для роста промышленного производства. Кроме того, сам по себе факт политической дестабилизации — это удар по позитивным процессам в российском обществе, а значит, это то, что работает против нас, против наших идей, работает на коммунистов. И только когда это стало очевидно, КПРФ действительно оказалась готовой идти на досрочные выборы. И мы оказались перед альтернативой: стоит ли платить эту цену за то, чтобы продолжать наш курс. Это первое.

Второе. Это изменение обстановки, естественно, существенно для нас с точки зрения наших планов. Мы, понимая, что сейчас оппозиция, видящая улучшение ситуации, может форсировать политический кризис, должны поставить в самое важное место для себя

подготовку к предстоящим выборам. Я считаю, что сейчас сохранение стабильной работы нового правительства, продемонстрировавшего способность проводить реформы, которые мы защищали и предлагали, самоценно¹. Нашей партии сегодня дестабилизация и досрочные выборы, я убежден, объективно не нужны. Нам гораздо важнее сегодня добиться продолжения слаженной работы правительства. Но, учитывая новую ситуацию, учитывая страстную заинтересованность оппозиции в том, чтобы этого не допустить, мы должны быть в максимальной степени мобилизованы и готовы к новой избирательной кампании.

В связи с этим вопрос о политических союзах, который поднимал здесь С.Н. Юшенков. Да, я тоже вижу очевидные тенденции сползания «Яблока» на антиреформаторские позиции. И это вполне понятно. Именно сейчас, когда из болотообразного состояния правительство вышло и положило на стол пакет собственных либеральных реформ, у всех политических сил появилась возможность занять свою четко выраженную позицию: ты за или против, если за, то по каким основаниям, если против, то приведи свои аргументы. И здесь мы видели, что по двум абсолютно ключевым вопросам «Яблоко» последовательно встало на антиреформаторскую позицию. Это в первую очередь Закон о земле, который, напомним, был принят голосами «Яблока», вето президента было преодолено голосами «Яблока», — Закон о земле, который не дает возможности гражданам реализовать свое право частной собственности на землю.

И второе — это Налоговый кодекс, это та радикальная налоговая реформа, которая сегодня является абсолютно необходимой предпосылкой вывода страны из кризиса. «Яблоко» приводило очень своеобразный набор аргументов против Налогового кодекса, часть из них была явно неоткровенной. «Яблоко» много критиковало Налоговый кодекс с точки зрения несовершенства его первой части, делая вид, что существует первая часть в варианте В.В. Похмелкина²,

¹ В марте 1997 г. президент Б. Ельцин реорганизовал правительство, введя в него, в частности, двух новых первых вице-премьеров А. Чубайса и Б. Немцова. Позднее оно было названо правительством младореформаторов. — *Прим. ред.*

² Виктор Валерьевич Похмелкин — юрист, политический деятель, депутат Государственной думы РФ 1 — 4-го созывов. В последние годы возглавляет движение в защиту прав автомобилистов. Представители «Яблока» утверждали, что Дума якобы «по политическим соображениям» отказалась рассматривать вариант первой (общей) части НК, представленный В. Похмелкиным. — *Прим. ред.*

делая вид, что ему невдомек, что правительство согласилось включить все основные положения первой части в варианте Похмелкина в свой вариант Кодекса, что сегодня мы имеем Кодекс в правительственном варианте второй, третьей части, четвертой части, а первой части — в базовом варианте В.В. Похмелкина. Как будто все это неизвестно, хотя все это известно и ясно.

За всей этой лукавой позой на самом деле скрывался один вполне понятный аргумент жесткой оппозиции. Налоговый кодекс — это резкое облегчение налогового бремени для лояльных налогоплательщиков, для тех, кто хочет платить разумные налоги. Налоговый кодекс — это вместе с тем выравнивание условий налогообложения и соответственно закрытие налоговых брешей для тех, кто налоги платить не хочет, хочет иметь неравные условия игры и прикрывает это нежелание разговорами о несовершенстве нашей налоговой системы. Именно дискуссия по Налоговому кодексу очень четко позволяет отделить тех, кто хочет равные правила игры в России — либеральный капитализм, и тех, кто хочет иметь льготы налоговые, связанные с криминализацией, убийствами, уклонением от уплаты налогов.

Я очень сожалею, что «Яблоко» заняло откровенно антиреформаторскую позицию, больше того, поставило борьбу против Налогового кодекса в стержень своей политики, политической пропаганды. В связи с этим, конечно, для меня представляется маловероятным, что мы сможем в этой ситуации быть политическими союзниками на предстоящих выборах. Собственно, это не было для нас загадкой, в данном случае я не готов согласиться с Сергеем Николаевичем по поводу нашей наивности. Мы ведь понимали прекрасно, что в борьбе против коммунистов, коммунистического реванша все, кто в принципе разделяет демократические ценности, должны быть вместе. Но как только у нас возникают вопросы конкретного типа общества, которое мы строим, здесь у нас серьезные идеологические разногласия и мы совершенно не собираемся их скрывать и замазывать.

Что касается отношений с «Нашим домом — Россией». Да, сегодня наши коллеги работают в правительстве вместе с представителями «Нашего дома — России» и по многим вопросам мы голосуем вместе. Я убежден, что мы можем и должны вести диалог. Вместе с тем сегодня, мне кажется, вести речь об избирательном

союзе с «Нашим домом — Россией» в высшей степени преждевременно. (Аплодисменты.)

Мы должны сегодня сконцентрировать внимание в первую очередь на подготовке к выборам по мажоритарным округам, мы должны использовать предстоящие выборы в местные органы власти и для того, чтобы усилить свое представительство в местных органах власти, и в качестве важнейшего полигона для подготовки к выборам в Государственную думу. В связи с этим мы должны очень большое внимание уделить подбору кандидатов, которые имеют серьезные реальные шансы пройти, мы должны наращивать свои усилия по либеральной пропаганде, формированию реального образа нашего российского мира, тем более что те позитивные подвижки, которые являются результатом работы правительства, осуществление реформ дают нам необходимые аргументы для этого, возможность вести такую работу.

Что касается предвыборных союзов, то давайте отложим это на время. Мы видели, как переменчива российская текущая политическая тактика, давайте не будем связывать себе сегодня руки.

Спасибо.

(Аплодисменты.)

О политическом положении в стране, работе и задачах партии

Доклад на VI (внеочередном) съезде партии ДВР

18 июня 1998 г.

Источник: ЦАОДМ, фонд 8716, оп. 1, дело 115.

Опубликовано в: Открытая политика. 1998. № 7–8(32). Июль – август.

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Я сегодня хотел бы сконцентрироваться на двух вопросах.

Первый из них — это вопрос о положении в стране в связи с итогами прошедшего года.

Второй вопрос, на котором я хотел бы остановиться несколько более подробно, чем обычно в своих выступлениях, — это положение в нашей партии, ее задачи и перспективы.

Я обычно не нарушаю регламента, в данном случае тоже постараюсь в него уложиться. Но оба вопроса серьезные, заслуживающие внимания. И если превышу регламент на несколько минут, то прошу меня заранее извинить.

Итак, о положении в стране. Ровно год назад у нас проходил пленум партии, на котором мы подводили итоги первых 100 дней работы правительства, получившего название «правительство молодых реформаторов».

Тогда мы остались удовлетворены этими первыми 100 днями работы и считали возможным и необходимым, чтобы правительство продолжило реализовывать ту программу, которая была сформирована при нашем активном участии и предполагала второй тур серьезных, глубоких либеральных реформ в России.

К сожалению, в течение этого года очень многое из того, что было задумано, реализовать не удалось. А в целом истекший год, если говорить о периоде между 12 июня 1997 г. и 13 июня 1998 г.,

при внешней поверхностной хаотичности, разнонаправленности, на мой взгляд, стал годом очень тяжелым и неблагоприятным для долгосрочных стратегических перспектив развития частной рыночной экономики и обеспечения устойчивости демократии в нашей стране.

Это не очень видно на первый взгляд, однако анализ протекающих процессов, как экономических, так и социальных, к сожалению, подводит к этому выводу.

Реформы в России проводились медленно и непоследовательно, с огромными колебаниями и отступлениями. То, что можно было сделать за два года, было растянуто на пять. К сожалению, это имеет серьезные последствия для складывающейся экономической ситуации.

К лету прошлого года казалось, что Россия при всех отступлениях, при всех издержках реформ все-таки прошла самый тяжелый этап и дальше развитие событий будет более благоприятным. Удалось сформировать основные элементы рыночных механизмов, добиться денежной стабилизации, создать предпосылки начала экономического роста на рыночных основаниях. Новое правительство выступило с программой ускорения реформ, о которых мы давно говорили, начиная с военной и кончая реформой системы налогов и социальной защиты.

Общее ощущение политической стабилизации, поддержки молодого правительства было сильным в обществе. В мире складывалось ощущение, что Россия, пройдя тяжелый период пост-социалистического хаоса, наконец выходит на путь устойчивого экономического роста.

Я говорил о том, что из-за растянутости, непоследовательности реформ в России возможности экономического продвижения вперед оказались очень зависимыми от ситуации на финансовых рынках, включая международные финансовые рынки. Не хотел бы вдаваться в экономические детали, объясняя, почему это происходит, но если говорить предельно просто, то экономический рост в России сегодня, да, собственно, и вчера, это в первую очередь снижение реальной процентной ставки. Когда в мае прошлого года процентная ставка (реальная) составила меньше 10%, в России начался очевидный ускоряющийся экономический рост.

В прошлом году впервые за долгие годы объем кредитов в реальный сектор экономики начал быстро расти и вырос в течение года более чем на четверть. Возник спрос на продукцию промышленных предприятий, у них появились оборотные средства.

Банки начали предоставлять кредиты промышленности. Ускорение роста было ощутимым на протяжении всего периода между маем и октябрем–ноябрем 1997 г. Параллельно правительство выступило с рядом серьезных реформаторских документов, из которых самым сильным, по моему глубокому убеждению, был проект Налогового кодекса, предполагавший радикальную налоговую реформу, серьезное снижение налогового бремени на среднечисленные группы населения, возможность легализации значительной части теневой экономики. Этот кодекс не был в полном объеме понят значительной частью российского общества, но он был немедленно и в полном объеме оценен международными инвесторами, расценившими его как одну из современных налоговых систем, введение которой в России, без всякого сомнения, открыло бы дорогу серьезному и динамичному экономическому росту.

Политическое формирование правительства молодых реформаторов, рост его поддержки были очевидны по всем опросам. К тому же наиболее популярным кандидатом в президенты (опять же по всем опросам) к этому времени оставался человек с выраженной реформаторской репутацией — Борис Ефимович Немцов. Все это создавало ощущение того, что и дальше все пойдет хорошо: будут реформы, будет нормальная налоговая система, будут приток иностранных инвестиций, быстрый экономический рост, политическая стабилизация, поддержка и укрепление реформаторского курса, гарантированные растущей поддержкой его обществом, и т. д. Именно это породило известный вам энтузиазм в мире по отношению к России и мощный приток капиталов в прошлом году в Россию, бурный рост валютных резервов, рост монетизации российской экономики, снижение процентных ставок, соответственно открывающее возможность снижения расходов по обслуживанию долга, решения наиболее сложных бюджетных проблем, и т. д.

Было ощущение, что после этих очень тяжелых лет мы наконец выходим на серьезную столбовую дорогу к экономическому и социальному успеху, к стабилизации демократических и рыночных институтов.

К сожалению, дальнейшее развитие событий пошло по принципиально иному сценарию. Мы, собственно, предполагали, какая проблема окажется самой сложной, самой взрывной в период, последовавший за президентскими выборами. Я говорил об этом неоднократно на наших встречах, на пленумах «Демократического выбора России», мы об этом неоднократно писали. Этой проблемой неизбежно должна была стать проблема взаимоотношений собственности и власти, проблема обеспечения равенства правил игры, ликвидация того неоправданного положения, при котором власть и собственность слишком тесно переплетены: решения принимаются в угоду мощным финансово-информационным группам, соответствующие процедуры распределения бюджетных средств непрозрачны.

Все это открывает дорогу к концентрации финансовой и информационной мощи и политического влияния в немногих и не всегда самых лучших руках. Было ясно, что именно борьба за проведение реформ, необходимых для обеспечения равных правил игры, является и важным, и вместе с тем потенциально наиболее взрывным элементом в работе предстоящего правительства. Так, собственно, и получилось. Я не хочу вдаваться в перипетии развертывания того противостояния, которое возникло с лета 1997 г. Оно возникло по тривиальному и банальному поводу — один из консорциумов, претендовавших на «Связьинвест»¹, предложил денег чуть меньше, чем было необходимо для победы, и потом очень обиделся на это... В конце концов, это была частность. К сожалению, боюсь, что дело было не в этом, и если это был бы не «Связьинвест», то было бы что-то другое. Но само по себе именно то, что взрыв, дестабилизация, радикальное ухудшение событий возможны по этому направлению, было ясно с самого начала. Но, честно говоря, ни я, ни многие мои единомышленники не представляли себе ни масштабов этого противостояния, ни его краткосрочных и долгосрочных последствий. Они оказались очень серьезными для страны в целом.

¹ Крупнейшая телекоммуникационная компания «Связьинвест» вплоть до середины 1997 г. была полностью государственной. В июле 1997 г. блокирующий пакет его акций (25% +1 акция) был выставлен на денежный аукцион и продан за 1,875 млрд долл. кипрскому консорциуму во главе с «ОНЭК-СИМ-банком» В. Потанина, в котором участвовал ряд иностранных компаний. Результат вызвал протест проигравшей группы компаний, которую возглавлял другой олигарх, В. Гусинский. Возник конфликт. Аукцион в печати называли не иначе как скандальным. — *Прим. ред.*

В результате развернувшейся с конца лета мощнейшей информационной войны мы получили серьезные и, я бы сказал, радикальные изменения положения в российской экономике и в российской политике. Результатом стали резкое ослабление влияния реформаторов и устранение их значительной части из правительства, явно обозначившиеся сбои и колебания в проведении правительственного курса, явная пробуксовка всех структурных реформ, обозначенных весной–летом 1997 г. Наконец, отзыв из Государственной думы Налогового кодекса и представление нового, существенно более слабого по сравнению с предшествующим, к тому же и шансы на прохождение которого неочевидны. И главное, резкое изменение общественной ситуации. Результатом масштабной информационной войны стало новое ухудшение отношения к реформаторам и демократам, резкое снижение популярности и рейтинга Бориса Немцова, против которого была развязана кампания открытой травли, и в конце концов невозможность продолжения работы правительства в том составе, в котором оно было сформировано в марте 1997 г.

На все это наложился финансовый кризис в мире, кризис в Юго-Восточной Азии. Сам по себе этот кризис, ухудшавший и осложнявший возможность проведения экономической политики в России, отнюдь не имел для нас неизбежных трагических или даже драматических последствий. Если посмотреть внимательно на документы, факты и цифры, то вы увидите, что первая реакция российских рынков, международных рынков на кризис в Юго-Восточной Азии была очень спокойной. На протяжении периода между концом октября и примерно 10–11 ноября 1997 г. Россия рассматривается инвесторами в качестве одного из рынков, который в наименьшей степени способен пострадать от кризиса в Юго-Восточной Азии. Все те позитивные факторы, которые я отметил в самом начале, казалось, еще работают. Именно в середине ноября 1997 г. у нас разражается скандал вокруг так называемого книжного дела¹, кон-

¹ «Книжное дело», или «дело писателей», — поднятая осенью 1997 г. шумиха, политическая кампания против А. Чубайса и группы других реформаторов в связи с обнаружившимся фактом получения ими чрезмерно высоких гонораров за книгу по истории приватизации в России (якобы ненаписанную, хотя на самом деле она была сдана в издательство, гонорары же в основном предназначались на благотворительную деятельность). Несколько членов правительства лишились постов, Чубайс остался вице-премьером, но был снят с поста министра финансов. В 1999 г. книга «Приватизация по-русски» под редакцией А. Чубайса была выпущена в свет. — *Прим. ред.*

чается он резким, очевидным ослаблением реформаторов в правительстве. За следующие две недели после этого скандала валютные резервы Центрального банка сокращаются на 3 млрд руб. и уже больше не достигают того уровня, какого они достигли на 10 ноября 1997 г.

С этого времени, собственно, начинается радикальное переосмысление того, что же будет в России. Значит, правительства, способного проводить реформы, больше не будет. Правительственный курс становится слабым и неопределенным: правительство принимает противоречивые решения. Налоговой реформы не будет. Сильного реформаторского кандидата в президенты не будет. А что же будет? А тогда выясняется, что Россия далеко не так привлекательна, как это казалось буквально два месяца назад. Ведь на протяжении 1997 г. российский фондовый рынок, через который притекают в значительной степени ресурсы в Россию, в российские валютные резервы, рос быстрее, чем в любой другой стране мира.

Но если всего этого не будет, то что есть? А есть российский бюджет, в котором довольно серьезные дырки, есть большой и быстро нарастающий государственный долг. И если все это не будет подкреплено серьезными реформами и не будет экономического роста, то тогда долг будет составлять все более и более серьезную проблему. И как Россия собирается этот долг обслуживать? И вдруг выясняется, что Россия — это не то место, где сейчас начнется развитие экономического бума предстоящих лет. Это страна с непонятной политикой, с непонятными перспективами и с серьезными финансовыми проблемами. Что же удивляться, что на протяжении следующего полугодия российский рынок падает быстрее, чем любой другой рынок в мире. Просто радикально меняется понимание того, что здесь дальше будет происходить. Это имеет значение отнюдь не только для финансовых спекулянтов, но и для нормальной жизни каждого российского человека и перспектив в этой жизни.

Что получается дальше? Деньги начинают идти не в Россию, а из России, сокращаются резервы Центрального банка. Сокращение резервов Центрального банка вызывает дополнительные подозрения в том, что возможна дальнейшая финансовая дестабилизация. Растут российские риски, соответственно растет процентная

ставка, по которой инвесторы готовы инвестировать в России. Повышение процентной ставки снимает вопрос об экономическом росте. Как только у вас процентная ставка в реальном исчислении стала не 10%, а 20 или 30%, экономический рост, ускорявшийся между маем и октябрём 1997 г., начинает затухать и, наконец, сходит к нулю к маю 1998 г. Ничего другого ждать нельзя, не бывает экономического роста при реальной процентной ставке 20%, неоткуда ему взяться. А если нет экономического роста, соответственно и бюджетные перспективы кажутся все более и более сложными.

В результате выясняется, что стратегия мягкого, плавного выхода на экономический рост, который казался абсолютно реальным в 1997-м, в изменившихся политической и экономической ситуациях оказывается крайне проблематичной.

Если характерной чертой политики 1995–1997 гг. было сочетание жесткой денежной политики, позволившей остановить инфляцию, и сравнительно мягкой бюджетной политики, продолжение и сохранение крупных бюджетных дефицитов, достаточно опасных, против которых мы, кстати, всегда выступали, то здесь и выясняется, что крупные бюджетные дефициты заложили мину замедленного действия под наше развитие. И теперь, для того чтобы восстановить доверие рынков, чтобы снизить процентную ставку, сохранить шансы на рост, необходимо дополнить жесткую денежную политику жесткой бюджетной. А это никогда не было приятным и популярным занятием. Это вынужденная реакция на радикально изменившееся положение вещей.

Я в свое время зарекся говорить публично про бюджетный дефицит. Помню, сколько нам стоило политически обсуждение этой темы, сколько было шаржей и карикатур, например, в передаче «Куклы», связанных с тем, что Гайдар ни о чем, кроме бюджетного дефицита, говорить не может. Но все-таки в данном случае я вынужден этой практике изменить и сказать правду. А правда состоит в том, что сегодня проблема бюджетного дефицита оказалась принципиальной. Выясняется, что то, о чем мы говорили на протяжении всех этих лет, — это действительно правда. Россия не может позволить себе крупные бюджетные дефициты. Бюджетный дефицит в России сегодня равен высокой процентной ставке, отсутствию экономического роста, углубляющемуся кризису. Так устро-

ена экономика. С этим невозможно спорить, оставаясь в рамках реальности.

Задача снижения расходов и увеличения доходов бюджета, снижения бюджетного дефицита, которая в 1998 г. становится ключевой, неотложной, абсолютно доминирующей, требует и новой политической воли. Решить эту задачу старому, разделенному правительству, которое занято в основном тем, чтобы выстраивать систему сдержек и противовесов, правительству, которое к тому же несет огромный груз ответственности за происходившее в стране на протяжении предшествующих пяти с половиной лет, не под силу. И если говорить о сути, то отставка правительства Черномырдина и формирование правительства Кириенко связаны именно с этим — радикально изменилась ситуация и потребовалось новое правительство, которое с чистого листа сможет решать проблемы, которые больше нельзя откладывать. Кириенко не убежденный монетарист, он просто здравомыслящий человек, и поэтому, когда он был назначен исполняющим обязанности председателя правительства, а потом представлял свою программу и формировал план первоочередных действий, он был ориентирован на решение этой неприятной, но важнейшей проблемы — наведение порядка в разстроенных российских финансах. Без этого ни одну проблему сейчас в России не решишь, без этого не заплатишь ни учителям, ни врачам, уже не будет никакой промышленной политики, никакого промышленного роста.

Но надо понять, что, даже сформировав самую хорошую программу и собрав приличный состав правительства, где много разумных людей, и провозгласив разумные цели, невозможно сразу остановить накопившуюся мощную отрицательную инерцию. Ну да, есть молодое правительство, которое говорит правильные и хорошие вещи, а параллельно есть растущий государственный долг, есть высокие расходы на его обслуживание, есть неясная ситуация с валютными резервами, поэтому никто этому правительству никакой бархатной жизни не гарантировал. И оно буквально в первые дни своей жизни столкнулось с серьезнейшим финансовым кризисом. Я не хочу на нашем съезде обсуждать детали этого кризиса и то, что делается для его преодоления. На самом деле в этом финансовом кризисе, как в капле воды, сегодня отразились все противоречия российской экономики. Правительство молодое,

доверия инвесторов пока еще не завоевало, валютные резервы недостаточны для гарантированного управления курсом рубля, риск высокий, процентная ставка высокая, высокие расходы на обслуживание долга, неизбежны сжатие текущего финансирования и дополнительные проблемы в социальной сфере.

В прошлом году несомненным успехом правительства, который пытались отрицать или замалчивать, стали погашение долгов перед пенсионерами и существенное сокращение задолженности перед бюджетной сферой, ликвидация ее по федеральным структурам, существенное сокращение по остальным структурам. В этом году на фоне изменившихся условий все эти задолженности стали возрастать. Сегодня у нас уже 9 млрд задолженность по пенсиям, растет задолженность в бюджетной сфере, вновь впервые появилась задолженность по федеральным организациям и т. д. Короче говоря, да, правительство приличное, оно заявило приличную программу, реализация этой программы необходима в России. Правительству предстоит еще очень много сделать для того, чтобы убедить и общество, и инвесторов, и рынки в том, что оно способно эту программу реализовать и во многом переломить негативное развитие событий, добиться того, чтобы ситуация стабилизировалась и шансы на экономический рост в России вновь появились. Это зависит от успеха этой политики.

Я думаю, что сегодня было бы слишком рано выдавать этому правительству авансы, говорить о его поддержке и т. д., это еще мы обсудим в зависимости от практической работы. Но я в высшей степени желаю ему успеха, потому что от этого успеха в значительной степени зависит судьба того дела, которому мы отдали многие годы своей жизни.

С вашего разрешения я завершил бы на этом обсуждение проблем социально-экономического положения в стране. Перейду к обсуждению наших политических проблем, в том числе проблем нашей партии.

Очевидной слабостью поддержки реформаторских усилий правительства в прошлом году, как, собственно, и в этом, стало нынешнее состояние Государственной думы, где либеральные и в целом правоцентристские силы оказались представленными крайне слабо. Я напомню, что в прошлом году за ключевые моменты Налогового кодекса в Думе, по существу, выступила только неболь-

шая депутатская группа «Демократического выбора России». Они не получили полной поддержки даже «Нашего дома — России».

Я напомню, что Дума легко преодолела вето президента на Закон о земле, запрещающий частную собственность на землю, собирая при этом существенно больше 300 голосов, включая и голоса значительной части «Яблока». Я напомню, что пакет социальных реформ, который был предложен правительством и ориентирован на улучшение положения бедных, не был поддержан в Государственной думе.

Короче говоря, отсутствие серьезной законодательной поддержки тех реформ, которые необходимы сегодня, становится все более и более очевидной стратегической проблемой. И очевидно, что если мы не сможем иметь следующую Государственную думу с существенно более сильно представленным правым центром, то проводить реформы любому правительству и любому следующему президенту, даже если бы этот президент оказался реформатором, будет предельно трудно.

Значит, вопросы политики, вопросы подготовки к выборам выходят сегодня на первый план, становятся не делом внутрипартийным, а важнейшей политической задачей.

С чем подходит наша партия к этому серьезнейшему испытанию? С одной стороны, она имеет достаточно серьезный ресурс. Так получилось, что все основные реформы последнего времени, которые проводили и прошлое, и это правительства, вырабатывались и реализовывались либо членами нашей партии, либо нашими сторонниками. Это можно говорить обо всех реформах, от реформы налоговой до реформы межбюджетных отношений, над которой работает правительство, законодательства по недвижимости. Все это мы обсуждали вчера на совещании представителей региональных органов власти.

В связи с этим у нашей партии уникальный программный и интеллектуальный потенциал влияния. Несмотря на то что у нас маленькая депутатская группа в Думе, по уровню реального влияния на ключевые решения, принимаемые, по крайней мере, на федеральном уровне, я думаю, что сегодня ДВР не уступает ни одной другой политической силе в стране. ДВР имеет хорошую репутацию и уникальный авторитет в мире, в мировом демократическом сообществе. Это тоже факт. У ДВР есть организации во многих ре-

гионах России, живые, работающие, в отдельных регионах сильные и во многих дееспособные. Мы прекрасно знаем, что есть масса карликовых, несуществующих партий. Многие люди, не являющиеся членами ДВР, говорят, что, если ездешь по стране, массу партий не найдешь никогда, а ДВР можно найти по крайней мере в подавляющем большинстве регионов России, т. е. это партия существующая. Это наш потенциал.

Наши проблемы абсолютно очевидны. Это низкий уровень электоральной поддержки. Это проблематичные электоральные перспективы на предстоящих выборах. Это ограниченное внимание к нашей публичной политике и ограниченные финансово-информационные ресурсы, которыми мы можем располагать.

Это не может не вызывать беспокойство у членов партии и наших партийных организаций. Я получаю много писем по этому поводу. Эти вопросы ставила, скажем, вологодская организация в своем письме. Эти вопросы обсуждают на страницах нашей партийной печати. Есть набор предложений, что делать с этим. Их, разумеется, надо обсуждать, по ним надо принимать решения.

Какой набор идей и предложений по усилению электорального потенциала ДВР в первую очередь выдвигается и обсуждается? Я не буду говорить о тех или других конкретных деталях, я бы попытался суммировать содержание многих предложений, о которых знаю. Суть примерно следующая. Главная проблема ДВР в невыевленности, неясности нашего отношения к политике властей. Она понятна многим присутствующим. Она всегда определялась идеями, а не конъюнктурными мотивами; мы выступали против правительства, когда оно делало, на наш взгляд, нечто безумное и безответственное, и поддерживали любой его позитивный шаг. Но в глазах массового избирателя эта принципиальная позиция неизбежно представляется крайне сложной, а поэтому непонятной и запутанной: то они за правительство, то против, то снова за, то против. И в связи с этим, особенно учитывая непопулярность власти, непопулярность проводимой политики и ее издержки, главная проблема ДВР в том, что она не занимает достаточно жесткой оппозиционной позиции по отношению к правительству, не критикует проводимые реформы за несовершенство механизмов, не правильность воплощения и т. д.

Второе. Что в связи с этим предлагается сделать? Предлагается существенно обновить лицо ДВР. Во-первых, подвести черту под прошлым, признать свои ошибки в каких-то направлениях работы, занять более четкую и однозначную позицию по отношению к правительству, более жестко критиковать проводимый курс, четко обозначить свои претензии на власть и с этих позиций идти на следующие выборы. Маневр политически понятный, идеи, стоящие за ним, тоже понятные, их даже нельзя назвать неправильными. Но, к сожалению, на мой взгляд, этот маневр достаточно сложен в исполнении и, даже будучи очень удачно исполненным в рамках ДВР, не дает нам серьезного усиления наших позиций.

Давайте себе представим, что мы все это сделали: признались в своих ошибках, стали выступать с решительной критикой проводимого курса, сказали бы, что мы претендуем на власть, выдвинули бы своего кандидата в президенты. Ну и что? Где бы вы об этом написали — в газете «Демократический выбор России»? Какие информационные ресурсы мы получили бы в результате этого? Кто бы узнал об этом за пределами этого зала? Давайте все-таки поймем, что причины наших серьезных проблем лежат глубже. Они носят не поверхностно-организационный, не суетный, а в большей степени структурный характер. Собственно, их две. Первая — это фундаментальная проблема, с которой нам, к сожалению, приходится жить и с которой живут все в постсоциалистических странах. Так устроен постсоциалистический мир, что та политика, которую необходимо проводить, практически всегда является политикой тяжелой и непопулярной. Если вы читали мою статью в последнем номере журнала «Новое время», посвященную выходу книги Куроня по польским реформам, там этот тезис я пытаюсь обосновать¹. В Польше, где экономическая политика была гораздо более успешной, чем у нас, все выборы, которые там проходили, шли под лозунгами противостояния антинародному грабительскому курсу. Выигрывали они только на критике антинародного, отвратительного, грабительского курса реформ. Правда, там существовал яв-

¹ Имеется в виду статья «Детские болезни посткоммунизма», опубликованная в сокращенном варианте в журнале «Новое время» № 23 за 1998 г., а в полном — в качестве послесловия к главам из книги Я. Куроня, напечатанным в десятом номере журнала «Интернациональная литература» за тот же год. См. в настоящем Собрании сочинений: Т. 6. С. 423 — 434. — *Прим. ред.*

ный консенсус в элитах, и, придя на этих лозунгах к власти, на следующий день выигравшая сторона либо предлагала Бальцеровичу остаться в правительстве и продолжать тот же курс, либо спрашивала, кто должен продолжать этот курс, чтобы, не дай Бог, ничего принципиально не поменялось.

В условиях постсоциализма есть объективное противоречие между той политикой, которая необходима, и той, которая может пользоваться широкой электоральной поддержкой.

И наконец, проблемы ресурсные. Собственно, что обеспечивает сегодня серьезный ресурсный потенциал любой политической силы? Наличие трех фундаментальных факторов. Первый. Собственная фракция в Государственной думе. Это автоматически трибуна, участие в открытом политическом процессе, неизбежное внимание общественности и т. д.

Второй. Это наличие кандидата в президенты, явно имеющего серьезные шансы на следующих президентских выборах 2000 г. Это тоже обеспечивает автоматическое внимание, особые отношения с информационно-финансовыми группами.

Третий. Это поддержка мощных финансово-информационных групп, которые способны, собственно, любой политической силе дать инструменты реализации этой политики.

Ну, хорошо, допустим, мы с вами реализовали все, что я говорил до этого. Продвинулись бы мы в решении любой из этих задач? Да нет. Фракции в Думе у нас не появилось, убедительного, имеющего серьезные шансы на выигрыш кандидата в президенты у нас в партии нет. И поддержки мощных финансово-информационных групп что-то я не вижу.

Надо понять, что, если у вас в распоряжении эскадренный миноносец, так или иначе у вас эскадренный миноносец, а не авианосец и строить свою политику следует исходя из этого. Все остальное, к сожалению, будет суетой, которая никуда не ведет. Значит ли это, что мы должны поднять руки вверх и сказать: вот такая ситуация, делать ничего не будем? Я думаю, что это будет безответственно. Значит, надо, распоряжаясь теми ресурсами, которые есть у нас, думать о том, как решать наши электоральные проблемы, проблему создания правоцентристской коалиции к следующим выборам. И здесь, мне кажется, наши ответы должны быть скорее не простыми и банальными, а несимметричными, как лю-

били говорить в поздние социалистические времена. Надо пытаться превратить свои слабости в свою силу, использовать тот потенциал, о котором я говорил в самом начале. Что это за потенциал? Это потенциал влияния. Я уже повторял, что мы партия не очень сильная электорально, но очень влиятельная при ограниченности личных амбиций ее лидеров. Как ни странно, сочетание влиятельности и отсутствия или ограниченности личных амбиций может быть не только недостатком, это может быть в определенных ситуациях и плюсом в политике.

Сейчас очевидная проблема — отсутствие какой бы то ни было убедительной, сильной политической структуры на правоцентристском фланге. ДВР, которая сформировалась во многом на осколках «Выбора России», лишенная поддержки власти, сейчас переживает нелегкое время. О «Нашем доме — России» вы все знаете сами. О малых демократических партиях и движениях я даже не говорю. Разумеется, их нельзя списывать со счетов, их нужно уважать, любить, но нельзя переоценивать их потенциал.

Любая простая, формальная коалиция между этими политическими силами, движениями, устроенная в Москве, я убежден, не решит ни одной проблемы. Но база-то, потребность в сильной правоцентристской фракции есть, и она чувствуется в обществе. Значит, наша задача состоит в том, чтобы всего лишь на всего придумать механизмы, позволяющие сформировать такую коалицию.

На мой взгляд, именно на этих выборах ключевую роль будет играть стратегия формирования этой коалиции не из Москвы и не через штабные офисы любых организаций, а в первую очередь в регионах, исходя из ситуации в каждом конкретном регионе.

У нас уже сейчас есть во многих регионах довольно сильные региональные политические организации, гораздо более сильные в этом регионе, чем любая политическая партия или движение, ну, скажем, организации, ориентированные на губернатора Аяцкова¹ в Саратове, организации, ориентированные на Чернецкого² в Екате-

¹ Аяцков Дмитрий Федорович — государственный деятель. В 1996–2005 гг. возглавлял Саратовскую область (глава администрации, затем губернатор), был членом Совета Федерации.

² Чернецкий Аркадий Михайлович — машиностроитель, государственный деятель. Глава города Екатеринбурга с 1991 по 2010 г., затем член Совета Федерации. Идеолог движения местного самоуправления.

ринбурге, и т. д. Организации, близкие нам, например «Янтарный край» в Калининграде. Объединения во многих регионах. Когда Россель¹ пытался на базе собственной региональной организации создать федеральный блок, это получилось комично. Но сама идея создания межрегиональной коалиции, т. е. такой структуры, которая будет опираться на наиболее влиятельные, сильные и вместе с тем, разумеется, некоммунистические и нефашистские организации в регионах, имеет перспективу. Иногда это организации, которые ориентируются на действующего губернатора там, где он реформатор, ну, скажем, как Прусак² в Новгороде или Аяцков в Саратове, либо, наоборот, организации предпринимательские, которые находятся в самой решительной оппозиции к действующим губернаторам, имеют серьезное влияние. Это то, что позволит нам иметь сильных кандидатов по мажоритарным округам и достаточно веские и убедительные позиции, по крайней мере, в крупных, хорошо населенных регионах. Есть регионы, где ДВР может сам эти организации возглавить, где у нас очень сильные, дееспособные, явно доминирующие позиции, есть регионы, где, конечно, мы не должны претендовать на лидерство, где наша задача — обеспечить структуру взаимодействия, позволяющую объединить предпринимателей, демократов, тех, кто сильно работает в местных органах власти, авторитетных депутатов региональных собраний, авторитетных мэров. Конечно, если бы ДВР заявил о том, что он претендует на доминирующую роль в такой коалиции, это значило бы, что этой коалиции просто не будет. Не надо ставить нереалистичных задач. Но мы и не претендуем на это. Да, мы хотим, чтобы в следующей Думе были представлены не только взгляды правого центра, но и собственно либеральные взгляды. Я убежден, что либеральная ниша должна существовать в России. Она не может быть очень массовой в ближайшее время, но должна существовать. Но создание такой широкой организации, которая действительно не

¹ Россель Эдуард Эргартович — инженер-строитель, доктор экономических наук, политический деятель. С 1990 по 2009 г. возглавлял Свердловскую область (председатель исполкома, глава администрации, губернатор). С 2009 г. — член Совета Федерации.

² Прусак Владимир Владимирович — государственный деятель, политик, доктор экономических наук. В Верховном Совете СССР последнего созыва был членом известной межрегиональной группы, на президентских выборах 1991 г. — доверенным лицом Б.Н. Ельцина. С 1991 по 2007 г. руководил Новгородской областью (глава администрации, затем губернатор).

будет иметь отношения к нашим прошлым прямым ошибкам, которая будет иметь иных лидеров, за которыми меньше ответственности, по крайней мере лидеров публичных, — организации, которая в связи с этим может расширить базу и получить доступ к серьезным информационным ресурсам, особенно региональным, на мой взгляд, это единственная стратегия, дающая серьезные надежды на успех в процессе подготовки к следующим выборам.

Я считаю, и я в этом убежден, что усилия «Демократического выбора России», усилия наших сторонников, всех, кто разделяет наши взгляды, должны быть сосредоточены сегодня на этой работе и на подготовке к предстоящим выборам.

< О финансовом кризисе >

*Выступление на встрече с членами
и сторонниками партии ДВР*

17 сентября 1998 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Дорогие друзья!

В своем выступлении я попытаюсь ответить на следующие вопросы. Первое. В чем причины острого финансового кризиса, в котором оказалась страна? Второе. Какие политические последствия этот кризис имел? Третье. Что надо делать сейчас для стабилизации положения? Четвертое. Что будет делать сформированное правительство и как в связи с этим мы должны себя вести?

Итак, по причинам кризиса. Если абстрагироваться от существенных и важных деталей, о которых я потом скажу, то предельно просто причину кризиса назвать можно так: кризис непосредственным образом связан с многолетней пробуксовкой экономических реформ в России, с отсутствием у этих реформ надежной политической поддержки и надежного обеспечения в нижней палате парламента.

На протяжении нескольких лет большинство в нижней палате парламента делало все возможное для того, чтобы дестабилизировать финансовое положение в России. Если проанализировать работу нынешнего состава парламента, то можно увидеть в нем колоссальное количество финансово необеспеченных законов, по которым было с самого начала известно, что выполнить их невозможно. Было принято множество безответственных решений, нереалистичных бюджетных проектировок. Парламент отказывался принимать важнейшие законы, необходимые для нормального функционирования рыночной экономики: Налоговый кодекс, Земельный кодекс, нормальное социальное законодательство, обе-

спечивающее адресную поддержку. Короче говоря, у нас главной проблемой было: сумеет ли добиться исполнительная власть, иногда приходящие к ее рычагам более или менее реформаторские правительства или отдельные реформаторы в составе правительств, — добиться того, чтобы элементы рыночной экономики, созданные в 1992 г., не были в полном объеме разрушены. Но этого было абсолютно недостаточно для создания каркаса стабильной, работающей, растущей рыночной экономики.

Главная финансовая проблема всегда была связана с тем, что у государства гораздо больше обязательств, чем реальных денег. А когда у государства больше обязательств, чем реальных денег, когда оно не выполняет свои обязательства, оно тем самым само постоянно расшатывает основу финансовой стабильности. Государство создает прекрасное объяснение для нежелающих платить налоги: почему они должны платить налоги, зачем их платить, если государство не выполняет своих обязательств? Оно расшатывает налоговую дисциплину, само порождает хаос и вместе с тем в разных формах наращивает внутренний долг, создавая базу для финансового взрыва в любой момент при неблагоприятной рыночной конъюнктуре.

Собственно, борьба вокруг финансовой политики шла предельно простая. Была одна политическая сила, которая последовательно говорила, что устойчивая конвертируемая валюта нам нужна, что без нее рыночная экономика работать не может и что для того, чтобы иметь эту устойчивую конвертируемую валюту, нам нужно иметь нормальный, вполне солидно устроенный, бездефицитный бюджет. И были другие политические силы, которые не только говорили, но и делали все возможное, чтобы расшатать финансовую стабильность. В этом году стало ясно, что усилия по расшатыванию финансовой стабильности начали приносить серьезный результат.

В экономике есть такое понятие, как «самоподтверждающийся прогноз». В тот момент, когда рынок перестанет верить в то, что ты способен занимать и отдавать долги, ты не сможешь взять в долг, ты не сможешь его отдать. В 1997 г., когда пришло правительство молодых реформаторов и, казалось бы, начались наконец давно назревшие реформы, было внесено соответствующее законодательство, что-то даже удалось провести через первое чтение. Весь мир вздохнул с облегчением, поняв, видимо, что у России появи-

лись шансы, что Россия наконец-то наведет порядок в своем доме, в своих финансах. Именно в это время в Россию пошли деньги, резко снизилась процентная ставка, начался экономический рост, стало казаться, что финансовый порядок в России не за горами. Далее возникают два обстоятельства. Первое из них — это подрыв правительства молодых реформаторов, так называемая банковская война¹. Для того чтобы навести порядок в русских финансах, нужно было сделать один простой шаг помимо структурных реформ — перестать разбазаривать деньги и начать собирать налоги с сильных. Вот что, собственно, попыталось сделать правительство молодых реформаторов. Когда оно попыталось взять налоги с сильных, заставить их платить и отобрать счета уполномоченных банков, стало ясно, что конфликт неизбежен. Этот конфликт в конце концов взорвался и взорвал правительство молодых реформаторов. Собственно, с этого времени мир сильно засомневался в нашей способности навести порядок. И второе — это мировой финансовый кризис. Сочетание этих двух вещей сделало развитие событий в России предельно опасным, и с ноября мы все время жили в предчувствии страшной финансовой катастрофы, которая и произошла у нас в августе. Как только рынок перестает тебе верить, он начинает уходить. Ты пытаешься задержать его очень высокими процентными ставками, а он понимает, что такие процентные ставки долго платить нельзя, и не верит тебе еще больше.

Две волны этого кризиса удалось остановить в ноябре прошлого года и январе нынешнего. В марте пришло правительство Кириенко, правильное по ориентирам, пытавшееся разработать и реализовать разумную программу позже, чем это было необходимо. Оно пыталось навести порядок, работало в общем неплохо, делало, разумеется, какие-то ошибки, но это правительство столкнулось с той же проблемой — оно было политически слабым. Во-первых, его программа была совершенно не нужна думскому большинству. Думское большинство не было заинтересовано в наведении порядка в России. И во-вторых, его программа совершенно не была

¹ Банковская информационная война 1997 г. — противостояние в СМИ двух олигархических групп (иногда их называют империями, иногда — кланами), эпизодами которой были аукцион по продаже акций «Связьинвеста», пресловутое «дело писателей», или «книжное дело», и др. См. выше сноски на с. 624 и 625. — *Прим. ред.*

нужна так называемым олигархам, потому что суть этой программы была в том же: заставить богатых и сильных платить и отобрать возможность разбазаривать бюджетные деньги. Эта коалиция и стала причиной развития событий, которые произошли у нас. Все разговоры о том, что у нас была возможность управляемой девальвации, что можно было сделать все мягко и хорошо, — полная ерунда. Крупномасштабная девальвация, утрата доверия к национальной валюте неизбежно порождали у нас острейший банковский кризис — кризис внутреннего долга с перспективами его очень опасного разрастания. Кстати говоря, Международный валютный фонд был готов выделять нам кредиты на сумму 22 млрд долл., потому что было понятно, что если бомба эта взорвется, то это будет не такое маленькое потрясение, это будет радикальное изменение всей финансовой, экономической и политической ситуации в России.

До начала августа сохранялась серьезная возможность того, что удастся добиться стабилизации. Было несколько технических неточностей в работе правительства Кириенко, было много невезения, но главная проблема была в следующем. Ну, хорошо (я сейчас описываю реакцию основных инвесторов рынков), правительство вроде молодое и все делает правильно. Программу МВФ приняли, деньги им даже дают, а вы посмотрите — ни один закон из стабилизационной программы, под которую им дают деньги, который всерьез увеличивает доходы бюджета или снижает его обязательства, не был принят парламентом. Если они через парламент не могут ничего провести, то как они собираются все это реализовать? Значит, не реализуют ничего, если не реализуют ничего, значит, мы им не верим, а если не верим, значит, не даем денег в долг на финансирование ГКО. Не даем денег для перефинансирования ГКО — значит, все начинает рушиться, становится неконтролируемым. После этого начинается массовое изъятие валюты из резервов Центрального банка, ситуация выходит из-под контроля.

По состоянию на 15 августа 1998 г. стало ясно, что та катастрофа, которую пытались предотвратить, стала неизбежной. Да, можно еще несколько дней поддержать курс, можно полностью утратить резервы Центрального банка, но потом придется делать примерно то же самое. Но если все это так, если все это произошло и все это ужасно, и бомба взорвалась, и бомба эта была заложена боль-

шими бюджетными дефицитами, то нельзя же немедленно посыпать голову пеплом, надо думать, как минимизировать ущерб. И в этой ситуации перед правительством и Центральным банком стояла следующая реальная альтернатива. Оно, разумеется, могло просто выйти из режима регулирования валютного курса, сказать, что валютный курс будет двигаться произвольно исходя из рыночных условий. С ГКО мы ничего делать не будем, реструктурировать их не будем. Совершенно очевидно, что в этих условиях никто денег на рынок ГКО не приведет. Для того чтобы обслуживать и рефинансировать ГКО, нужно где-то от 20 до 30 млрд руб. ежемесячно. Регулярные доходы бюджета — 20 млрд руб., которые тратятся на армию, милицию, оборону, образование, здравоохранение, науку и т. д. Из этих денег финансировать ГКО, разумеется, невозможно, значит, надо печатать эмиссионные рубли, расплачиваться ими по ГКО. Но если ты сочетаешь плавающий курс с масштабной эмиссией, понятно, что курс у тебя немедленно уходит, а фирмы понимают, что ты будешь каждый месяц выбрасывать 25 млрд руб. на рынок, и рынок знает, что все эти деньги немедленно уйдут на валютный рынок, что валютный курс у тебя уйдет в заоблачную высь.

Что это значит? Это значит, что ты как бы выполняешь обязательства по ГКО, но только твои ГКО к тому времени, когда ты должен их погашать, ничего не стоят. К тому времени, когда курс 1000 руб. за доллар, мало кого успокоит, если тебе вернут ГКО. Кроме того, это открывает дорогу развитию событий, при котором динамика курса такова, что совершенно очевидна невозможность обслуживать внешний долг за счет рублевых источников.

Ясно, что МВФ на такую программу, под такую политику денег не даст, значит, получается комбинация: гиперинфляция, развал денежного обращения, дефолт по внешнему долгу, ну и реальный дефолт по ГКО, потому что все равно назвать это выполнением обязательств невозможно.

В этой ситуации правительство предложило решение, на мой взгляд, плохое, но наименее плохое в создавшейся ситуации. Мы отпускаем курс, реструктурируем задолженность по ГКО, вводим контроль капитала и даем возможность российским банкам провести переговоры о реструктурировании задолженности. Мы, естественно, наносим серьезный удар по банковской системе и т. д., но удар нефатальный, потому что инфляция после этого совершенно

необязательно разгоняется. В целом бюджет гораздо более прилично выглядит, гасить ГКО немедленно мы не должны, мы должны их обслуживать, и в общем некие надежды на стабилизацию сохраняются.

При подготовке этого решения обсуждались разные варианты, и, честно говоря, технически мне не нравится многое из того, что было сделано. Мне кажется, что много вещей при правильном выборе были технически сделаны крайне неудачно. Самым неудачным, мне кажется, было решение просто отпустить курс, к тому же провозгласив заведомо нереалистичный новый коридор — 6,5–9,5 руб. за доллар. Ясно, что этот коридор вы защищать не сможете, а одновременно рынку очень легко прижать вас к стенке. Тогда я предлагал другое решение и убежден, что это решение было бы абсолютно правильным, и дальнейшее развитие событий это подтвердило. Решение следующее: не вводить плавающий курс, а ввести сразу фиксированный курс рубля к доллару после девальвации. Предположим, что мы не удержали курс 6 руб. и не можем его удерживать, давайте девальвируем рубль, чтобы доллар стоил 10–12 руб. Этот курс мы могли бы полностью обеспечить нашими на тот момент существовавшими валютными резервами. Это значит, что каждый рубль, который у нас есть, покрыт резервами. Соответственно этот курс может быть надежно защищен, и он уже является серьезной точкой опоры. Это не то, что у вас сегодня 6, завтра 12, послезавтра 20, потом опять 8, потом снова 15, что парализует всю систему денежного обращения и товарных потоков. А вы сразу получаете некий элемент стабильности. Тогда с этим особо никто не спорил, хотя по политическим мотивам и правительство, и Центральный банк на это тогда не решились.

Второе, что было сделано, на мой взгляд, неправильно, — была выбрана худшая из возможных схем реструктурирования ГКО, схема, которая одновременно не давала банкам-резидентам достаточной ликвидности и не давала нерезидентам гарантий сохранения валютного эквивалента основной суммы задолженности. И третье, что было сделано неправильно, — совершенно неправильно было вводить обязывающий для всех мораторий на платежи для банков, потому что некоторые банки были банкротами до 15 августа, и это все прекрасно знают, а были банки, которые пре-

красно выполняли свои обязательства, и совершенно не надо было сажать их в одну кучу.

Еще раз хочу подчеркнуть, что это были важные, но технические детали, все это можно было поправить между 21, 22, 23 и 24 августа. В целом при всем том (я хорошо знаю, как развивались события) было ощущение у очень многих, в том числе у международных инвесторов, что да, прошли самое тяжелое, что да, сделали отвратительную вещь, но в общем дальше все будет стабилизироваться. И тогда на это все накладывается решение президента отправить правительство Кириенко в отставку, которое радикально меняет всю политическую ситуацию в стране. Плюс к финансовому кризису мы получаем кризис власти, правительство, которое разрабатывало эту программу, вернее, отвечало за нее, — в отставке, МВФ свободен от своих обязательств, потому что он с этим правительством это все обговаривал, новое правительство будет заигрывать с левым большинством в Думе, заигрывая с левым большинством, оно начинает говорить слова про то, что вот сейчас оно деньги напечатает, из-за которых рынок пребывает просто в состоянии паники. Именно в это время начинается масштабный нажим на валютный курс, Центральный банк останавливает торги, доллар вырывается далеко из-под всякого контроля, начинаются панические закупки продовольствия, возникает дефицит и т. д. Но ведь дело даже не только в экономике, возникает совершенно другая политическая ситуация, потому что в условиях кризиса, отставки премьера и необходимости заигрывать с тем же думским большинством, которое все сделало для того, чтобы развалить финансовую ситуацию, этому же думскому большинству на блюдежке с голубой каемочкой и приносят власть.

Почему это было сделано? Ну, конечно, это вопрос в первую очередь к президенту Ельцину. Я, честно говоря, думаю, что тут возобладали следующие мотивы. Чисто политически разумно, казалось бы, оставить Кириенко на своем месте еще по крайней мере месяца на два — пусть уж в полном объеме отвечает за собственные действия. Но ведь именно в это время в условиях банковского кризиса решался бы вопрос, какие банки пойдут ко дну, а какие получат поддержку из Центрального банка, из бюджета, кого заставят платить налоги, а кого не заставят. Правительство Кириенко имело отвратительные отношения с деловой элитой, оно не слушалось,

не было карманным. В такой ситуации хорошо иметь карманное правительство, которое будет правильным банкам давать деньги, а на долги правильных компаний не обращать внимания. Я убежден, что все это учитывалось в сознании тех, кто уговаривал Ельцина, что вот, смотрите, кто-то же должен за все это ответить, если не Кириенко, значит, вы. Самое трудное позади. А сейчас мы выпустим на арену нашего политического тяжеловеса — Виктора Степановича Черномырдина. Черномырдин — это стабильность. Вот он сейчас придет — все стабилизируется, в экономике, в политике все будет хорошо. Все то, что реально стояло за этими соображениями, это было, конечно, страстное желание иметь в условиях кризиса карманную власть.

В результате действительно произошли радикальные политические изменения. После некоторого торга во главе правительства оказался Е.М. Примаков, первым вице-премьером по экономике назначен Ю.Д. Маслюков, председателем Центрального банка — В.В. Геращенко. В целом сформировался кабинет, который поддерживала фракция КПРФ, поддерживали союзные ей фракции, фракции НДР и «Яблоко». Произошла резкая сдвигка центра социально-экономической политики в левую часть политического спектра.

Что теперь будет происходить в экономике и политике? Во-первых, нет никаких экономических препятствий для того, чтобы сегодня стабилизировать положение в стране. Есть политические препятствия. Я коротко расскажу о том, что надо было бы сделать кабинету Примакова, если бы этот кабинет хотел стабилизировать экономическое положение. Заранее оговариваюсь, что я не дал бы ни одного обесценивающегося рубля за то, что кабинет Примакова сделает нечто подобное.

Итак, что надо было бы сделать. Первое. Примаков должен был бы завтра сказать, что поддержание стабильности национальной валюты и национальных финансов является важнейшим приоритетом работы этого правительства и никаких разговоров о порче национальной валюты и эмиссии не будет, чтобы начать гасить инфляционные ожидания.

Второе. Он должен был бы оперативно разработать чрезвычайный бюджет на IV квартал и на следующий год, который был бы сведен с профицитом, который предполагал бы использование давно известных и согласованных мер по консолидации внебюд-

жетных фондов, по усилению бюджетного контроля, по перераспределению доходных источников между Федерацией и регионами, обеспечивающих возможность финансовой стабилизации в России.

Третье. На базе этой программы можно было бы немедленно восстановить переговоры с Международным валютным фондом, добиться восстановления программы кредитования в течение нескольких ближайших дней.

Четвертое. Получив эту поддержку и возможность увеличения резервов, надо было бы немедленно ввести фиксированный курс рубля по отношению к доллару на уровне, который позволял бы его надежно защитить, чтобы остановить расшатывающие экономику колоссальные скачки. Сегодня это уже, конечно, не 10, сегодня это между 15 и 18, но это лучше, чем те 30 или 45, которые скоро будут. После этого, так как у нас есть уже некая инфляционная волна, а раньше чем за два месяца ее не остановишь, в соответствии с ней есть некие инфляционные доходы, скажем, доходы того же Газпрома оттого, что доллар будет стоить, скажем, не 6, а 15 руб. Соответственно эти доходы необходимо мобилизовать и использовать для погашения задолженностей по зарплатам и пенсиям и на их индексацию в меру реально поступающих доходов.

Следующий момент. Нужно срочно разработать программу стабилизации положения в банковской системе для защиты вкладов населения, и суть этой программы — это либерализация банковской системы, допуск сюда крупнейших международных банков, их участие в санации российских проблемных банков. Для отдельных несостоятельных российских банков с большой розничной сетью — это продажа за один доллар тому международному финансовому институту, который пообещает гарантировать вклады населения в этих банках, по меньшей мере малые и средние вклады. Гораздо лучше иметь в качестве кредитного учреждения City Bank, который выплатит свои обязательства своим вкладчикам, чем иметь чисто национальный замечательный банк, который не выплатит эти обязательства, а деньги вкладчиков переведет на счета собственного руководства в тот же самый City Bank.

Весь этот набор мер, разумеется, недостаточен для того, чтобы заложить основы для нормально растущей рыночной экономики. Нужны те структурные реформы, о которых я говорил, которые,

кстати, и это правительство, опираясь на левое большинство, вроде могло бы провести. Но для того чтобы остановить кризис, не допустить раскрутки спирали гиперинфляции, паралича товарного обращения, восстановить работу рыночного сектора экономики, все эти меры абсолютно достаточны, они могли бы быть реализованы за месяц и восстановить ситуацию за год.

К сожалению, я убежден, что правительство Примакова такую программу реализовать не сможет и не захочет. Какие же пути для него остаются? У него остаются два пути. Если правительство не способно и не может реализовывать либеральную программу, значит, оно может делать одно из двух. Первое — ничего не делать. Так как состав правительства разнообразный, ему остается крепко закрыть глаза, страшно испугаться всего и не делать ничего, но если ничего не делать, то проблемы, к сожалению, нарастают в банковском секторе, проблемы с невыплатами зарплат и пенсий — либо их можно решать либеральными способами, либо они продолжают нарастать. И тогда, раньше или позже, правительство, которое крепко зажмурилось и ждет, что будет происходить, оказывается под давлением тех же самых сил, которые привели его к власти: «Слушай, ты же деньги обещал всем отдать, ты же обещал, что все будет хорошо...» И раньше или позже это правительство начнет реализацию своей излюбленной программы — печатание денег и раздачу фантиков. Подчеркиваю, есть два способа платить долги. Первый — настоящий, серьезный — вы собираете налоги, заставляете богатых и сильных платить и настоящими деньгами расплачиваетесь, это тяжелая, неприятная и конфликтная работа. Помните, какая была истерика, когда Газпром пытались заставить заплатить налоги в конце июня. А второй путь предельно простой. Ты никого не задеваешь, взял себе, нарисовал фантиков, раздал людям, как бы счастье наступило, они побежали в магазин, пока добежали до магазина, фантики обесценились, но ведь это от тебя не зависит. К сожалению, это то, что наиболее вероятно будет делать новый состав кабинета.

О развитии событий. Разумеется, надо посмотреть, насколько энергично они возьмутся за печатный станок, какими темпами и в каких масштабах, но у включения печатного станка в нынешней ситуации, когда и так доверие к национальной валюте минимальное, имеются вполне понятные последствия. Это давление

на валютный рынок, соответственно новый скачок инфляции, это новые закупки в снабжении, потому что масса вещей просто перестанет продаваться за рубли, это различные попытки введения контроля за ценами и за товарными потоками сначала на региональном, потом на федеральном уровне. Почти неизбежны разные меры, подрывающие конвертируемость рубля, весьма возможны различные запреты на хождение иностранной валюты, ограничения на вывоз валюты за рубеж. Короче говоря, развал механизмов, при которых рыночная экономика живет и работает. Почти неизбежные следствия такой политики — это серьезные перебои в снабжении, что очень неприятно, но что может быть еще неприятнее и важнее — это мощный удар по всему коммерческому сектору, по занятым там, по их работе, по перспективам, доходам и т. д.

Вот, к сожалению, та реальная перспектива, перед которой мы стоим. И надо очень хорошо понимать, что остановить это мы не можем, если власть оказалась в руках этого правительства, мы не уговорим его действовать иначе.

Что мы можем сделать? Мы можем сделать несколько вещей. Первая и важнейшая. Мы должны добиться того, чтобы этот эксперимент, который, к сожалению, видимо, России еще раз придется пройти, был коротким, и мы должны добиться того, чтобы после этого эксперимента Россия все-таки повернулась на путь серьезных радикальных рыночных реформ.

Сегодня очень важно помнить, что Болгария шла по пути очень близкому к нам, там тоже было реформаторское правительство в самом начале, потом там было несколько колеблющихся правительств, не имеющих парламентской поддержки, и там годами тормозились структурные реформы, народ был недоволен, призвал коммунистов. Они пришли, развалили экономику, поставили людей в очередь, посадили на карточки, оставили без работы. После этого болгарские демократы, которые до этого жили как кошка с собакой (нам такое и не снилось), оказались способными объединиться, объединить тех, кто хочет нормального демократического рыночного развития в своей стране, выиграть следующие выборы, сформировать парламентское большинство и запустить те реформы, которые тормозились до этого годами.

Это, на мой взгляд, то, за что мы должны бороться. Это, на мой взгляд, абсолютно реально в России. Сегодня миллионы людей на-

чинают понимать, что мы теряем, если нам закроют дорогу к нормально работающей рыночной экономике. Мы ее повидали неэффективную, очень уродливую, но и эту терять не хочется. А уж как не хочется терять надежду на нормальную жизнь для своих детей, на то, что они не будут стоять в очередях, испытывать эти унижения, что у них будет нормальная работа, открытый мир. Вот такая задача стоит сегодня перед нами.

Важнейшая предпосылка для того, чтобы это стало возможным, — сохранить демократические свободы. Честно говоря, у меня нет никаких сомнений в том, что экономические реалии левокоммунистического правительства нашему обществу не понравятся. У меня нет никаких сомнений в том, что оно очень быстро поймет, что потеряло, и очень быстро окажется способным мобилизоваться.

Но у меня есть сомнения, будут ли к тому времени у нас свободными средства массовой информации, не будет ли у нас массовых репрессий, будут ли у нас следующие свободные выборы. Это то, что по-настоящему важно сегодня, в некотором смысле важнее даже всего того, что они смогут учудить в экономике. И если вы читаете (а я в последнее время стал регулярным читателем коммунистических газет: надо знать, что думает новая власть), вы увидите, что именно эта мысль там явно бьется, постоянно муссируется идея, что надо как-то в той или иной форме установить контроль над средствами массовой информации.

Что им для этого надо сделать? Первое и важнейшее — убрать Ельцина, потому что он, сколько бы не сделал ошибок, как бы не помог им сам своими решениями 23 августа, все-таки конституционный глава государства, гарант демократических свобод, и при нем заткнуть глотку прессе, развернуть массовые репрессии будет непросто. Поэтому сейчас, конечно, они будут концентрировать усилия на том, чтобы добиться отставки Ельцина. И здесь наша позиция должна быть предельно простой. Мы категорически против этого, мы считали бы это просто безответственным, предательским шагом. Да, он сделал массу ошибок, но он президент, и у него свои обязанности перед теми, кто его избрал. Хотя бы одну обязанность — быть гарантом демократических свобод — он обязан исполнить.

Второе, что мы должны сделать, — это в максимальной степени обеспечить возможность консолидации всех тех здоровых сил, которые выступают против этого коммунистического поворота, потому что сегодня не то время, когда люди, выступающие против левокоммунистического правительства, могут позволить себе быть не вместе, мы должны вместе мобилизовать тот политический потенциал, который, без всякого сомнения, будет накапливаться с каждым шагом реализации коммунистами своей программы. Мы должны оценивать то, что будет делать это правительство. Мы должны давать прогнозы того, что будет происходить, предлагать альтернативы и, главное, не должны дать обществу поверить, что это навсегда. Это не навсегда. В наших руках не допустить, чтобы это было навсегда. Я абсолютно убежден, что этот эпизод отобьет у очень большой части наших сограждан охоту, живя при каком-никаком рынке и демократии, ностальгически вспоминать о счастливых коммунистических временах. Попытка посмотреть, как это будет, будет иметь серьезные педагогические последствия.

Короче говоря, ситуация тяжелая. То, что произошло за последний месяц, отбросило нас далеко-далеко назад. Коммунисты, многое для этого сделавшие, не чаяли добиться таких результатов еще месяц назад. И вместе с тем я абсолютно убежден, что это не время, когда можно позволить себе поддаваться панике. Это время, когда надо быть смелым, решительным, быть вместе, — время, когда мы можем и должны отстоять собственную страну.

Спасибо.

Антикризисная программа действий

Заседание Политсовета ДВР

2 октября 1998 г.

Авторы — Е. Гайдар, М. Дмитриев, В. Мау, А. Улюкаев, Я. Уринсон, Е. Ясин

Опубликовано в: Демократический выбор. 1998. 7–14 октября. №40(116).

2 октября состоялось заседание Политсовета ДВР, на котором председатель партии Е.Т. Гайдар представил антикризисную программу действий. Было решено принять программу за основу. Региональным отделениям ДВР рекомендовано до 25 октября организовать ее широкое обсуждение. Политсовет утвердил текст обращения к участникам акций протеста 7 октября.

Нынешний острейший политический и экономический кризис в России связан с многолетней пробуксовкой и непоследовательностью реформ, задержкой преобразований, необходимых для нормального функционирования рыночной экономики, отсутствием политической воли для противостояния частным корыстным интересам и воровству, для наведения порядка в государственных финансах, приведения расходных обязательств государства в соответствие с его финансовыми возможностями.

В России структурные и социальные деформации глубже, чем в других странах переходной экономики. Острейшее противоречие поэтому состоит в том, что требуются особенно решительные и быстрые преобразования, которые сводят к минимуму издержки для граждан, но в каждый конкретный момент это создает высокое социальное напряжение, усиленное сопротивление тех, чьи интересы расходятся с интересами общества.

Сегодня мы платим за то, что на протяжении последних лет отдавали предпочтение решению текущих задач в ущерб стратегическим, скорейший выход на траекторию нормального развития приносили в жертву снятию напряжения в каждый данный момент.

Деловая и политическая элита страны не смогла консолидироваться вокруг реформ, направленных на отстаивание российских национальных интересов. В свою очередь реформаторы не смогли стать политическими лидерами общества, обеспечить массовую социальную поддержку преобразований.

Власть непрерывно уступала давлению лоббистов. Раздача денег постоянно воспроизводила огромный бюджетный дефицит, финансирувавшийся за счет наращивания государственного долга. Парламентское большинство в противостоянии исполнительной власти провоцировало финансовую дестабилизацию, а следом и дестабилизацию политическую.

Проводившаяся в этих условиях слабая бюджетная политика резко контрастировала с жесткой денежной политикой. Разнонаправленность их тенденций сделала неустойчивыми финансовые рынки и тесно связанную с ними банковскую систему. Государственная финансовая система попала в опасную зависимость от государственного долга, нараставшего вследствие бюджетной неосостоятельности властей.

На этом фоне серия политических и экономических ошибок государственной власти и ведущих банковских институтов страны в течение последнего года привела к обострению финансово-экономического кризиса и сделала неизбежными девальвацию национальной валюты и невозможность полного исполнения государством своих долговых обязательств.

В результате политико-экономическая ситуация ближайших полутора лет (до очередных президентских и парламентских выборов) будет определяться последствиями кризиса. По предварительным расчетам, в 1998 г. спад ВВП составит 6–6,5%. В 1999 г. он может составить от 4–5%, если удастся не допустить раскручивания гиперинфляции, до 12–13% в случае гиперинфляции. Началось и будет продолжаться резкое снижение реального потребле-

ния населения (по меньшей мере на 5–6%)¹. После нескольких лет относительной стабильности инфляция в августе составила 15%, в сентябре около 50% (самый высокий уровень после января 1992 г.). Прогноз инфляции (по индексу потребительских цен) до конца 1998 г. — 250–300%, если не будет осуществляться массированная кредитная эмиссия, и 450–500%, если эмиссия осуществляться будет. С сентября начался и быстрый рост индекса цен предприятий. Прогноз валютного курса рубля на конец года — 17–20 руб. за доллар без массированной эмиссии, 35–40 руб. — в эмиссионных условиях. Увеличивается скорость обращения денег, дополнительно обостряя инфляционную ситуацию. Обострилась проблема обслуживания внешнего долга, страна на грани срыва выполнения суверенных обязательств. Международные финансовые организации не доверяют нынешнему правительству и, очевидно, не будут предоставлять необходимую финансовую поддержку.

Девальвация и инфляция обесценивают текущие доходы населения. Одновременно начался резкий рост безработицы. Пока он больше всего затронул сектор услуг (банковских, торговых, рекламных и др.), но вслед за нарастанием производственного спада будет охватывать промышленность и строительство. Чрезвычайно сильно страдают бедные, в потребительской корзине которых выше доля продовольствия, дорожающего самыми высокими темпами, и средний класс, потерявший значительную долю рублевых сбережений и наиболее затронутый новой волной безработицы.

Существенно снизилась норма сбережений, а в составе сбережений сократилась доля организованных сбережений, составляющих основу инвестиций, и возросла доля неорганизованных сбережений, вложений в твердую валюту и наличные деньги. Организованные сбережения в рублевых банковских депозитах уже обесценились в 2,5 раза и продолжают обесцениваться. Для значительных категорий населения, прежде всего для среднего класса, реально-

¹ Очевидно, что в данном случае прогноз Е. Гайдара (и его соавторов по излагаемой программе) оказался ошибочным: 1999 г. характеризовался не спадом, а, наоборот, быстрым (так называемым восстановительным) ростом — этот год оказался первой ступенькой череды успешных лет, продлившейся вплоть до мирового кризиса 2008–2009 гг. Но в этой ошибке Е. Гайдар не одинок: существенный спад в 1999 г. предсказывали в то время все прогнозы, включая официальный прогноз, подготовленный Министерством экономики, который предусматривал на этот год спад производства, причем в некоторых отраслях до 20–30%. Есть ряд гипотез, объясняющих этот феномен. — *Прим. ред.*

стью становится отрицательная норма сбережений, т. е. их фактическое проедание. Именно предъявляемый таким образом спрос и делает спад относительно плавным в непессимистическом сценарии.

В результате девальвации произошло обвальное сокращение импорта, особенно потребительского (более чем двукратное по организованной торговле и в 4–5 раз по челночной). Дальнейшее сокращение импорта связано также с трудностями его кредитования в условиях банковского кризиса. Ожидаемого же адептами девальвации адекватного роста экспорта (в реальном исчислении) не происходит, что связано с ограничениями по физическому объему вывоза минерально-сырьевой составляющей, а также с проблемами платежеспособности партнеров по военно-техническому сотрудничеству.

Происходит свертывание инвестиционной активности во всех формах. Это касается и производственных, и непроизводственных капиталовложений. Вероятным является полное ее прекращение по некоторым направлениям (жилищное и офисное строительство в крупных городах).

В сложившейся острейшей за всю новейшую историю России ситуации никто — ни правительство, ни президент, ни парламент, ни региональные власти, ни деловые круги — не предлагает обществу сколь-нибудь продуманной, последовательной и решительной программы мер выхода из кризиса. Между тем такие меры существуют.

1. Первым приоритетом является восстановление доверия к национальной валюте и финансовая стабилизация. Эмиссия категорически неприемлема для решения стоящих перед страной проблем. Отказ от эмиссии позволит:

- не допустить скатывания к гиперинфляции, добиться начиная с октября снижения индекса потребительских цен, с ноября снижения индекса цен предприятий, а с января вернуться к экономически и социально приемлемому уровню 2–3% инфляции в месяц;
- снизить инфляционные ожидания и соответственно спекулятивные настроения участников рынка, направить их активность в реальный сектор;

- восстановить спрос населения, банков и предприятий на рубли и соответственно стимулировать предложение валюты на валютном рынке, что будет способствовать росту золотовалютных резервов Центробанка без введения обязательной продажи выручки экспортеров (которая провоцирует появление липовых контрактов, «черного» рынка и уклонение от налогообложения), одновременно увеличивая денежную базу и денежную массу, что позволит урегулировать проблему расчетов и платежей без угрозы увеличения инфляции;
- в близкой перспективе существенно снизить ставку рефинансирования, что позволит банкам возобновить кредитование оборотных средств предприятий.

Сейчас у нас есть уникальный шанс выйти из кризиса с большим уровнем спроса на деньги и монетизации экономики и меньшим уровнем неплатежей и бартера, чем в докризисный период. Этому будет способствовать единство денежной и бюджетной политики, более здоровая финансовая основа расчетов и платежей.

2. Необходимо оперативно разработать и принять реальный бюджет на 1999 г. Хорошую основу для этого создает реализация программы, разработанной в июле предыдущим правительством, предполагающей набор мер по сокращению расходных обязательств бюджета, консолидации в бюджет внебюджетных фондов, перераспределению доходных источников между бюджетами разных уровней и обеспечению профицита первичного бюджета.

С учетом обострения кризиса в нее необходимо внести коррективы, направленные на дополнительное повышение жесткости бюджетной политики. Поскольку эмиссионный доход и государственные заимствования как источник покрытия бюджетных потребностей будут закрыты, все бюджетные обязательства придется сократить до такого уровня, который будет покрываться налоговыми доходами.

Следует немедленно консолидировать в бюджет все внебюджетные фонды, включая и Пенсионный фонд, ликвидировать большую часть целевых бюджетных фондов, заморозить большую часть целевых программ, сократить не менее чем вдвое относительно имеющихся проектировок бюджетные расходы на управление, международную деятельность, пополнение резервов и дотации,

сократить в 2–3 раза число регионов, получающих поддержку из федерального бюджета, сосредоточив ее только на наиболее кризисных. В 1999 г. необходимо не только обеспечить профицит первичного бюджета, но и выйти на общую бюджетную бездефицитность, с тем чтобы с 2000 г. начать сокращать государственный долг, зависимость от которого провоцирует финансовые кризисы. До конца 1998 г. необходимо полностью завершить переход на казначейское исполнение бюджета.

Программу приватизации необходимо дополнить продажей не менее 50% недвижимости, находящейся в ведении федеральных и региональных органов управления, включая Управление делами президента.

3. На базе реалистичных ориентиров денежной программы и бюджета необходимо возобновить сотрудничество с МВФ и МБРР с целью не только получить в ближайшие дни согласованные ранее кредиты, но и ускорить получение помощи, намеченной на 1999 г., а также договориться о дополнительной финансовой поддержке, используя ее, в частности, на выкуп весьма подешевевших ныне евробондов и ОВВЗ, создание гарантийного фонда банковских вкладов физических лиц, пополнение золотовалютных резервов Центробанка.

При поддержке МВФ и правительств стран «семерки» провести переговоры с международным банковским обществом о дополнительной реструктуризации внешнего долга (особенно в части платежей 1998–1999 гг.), чтобы избежать дефолта.

4. Необходимо зафиксировать курс рубля по отношению к доллару на уровне, позволяющем в полном объеме покрыть денежную базу золотовалютными резервами Центрального банка, сохранив возможности использования кредитов МВФ для выплат по внешнему долгу и стабилизации положения в банковском секторе. Сегодня это означало бы фиксацию курса на уровне 16–18 руб. за доллар.

Это позволит восстановить нормальное контрактное поведение не только внешней, но и внутренней торговли, послужит стабилизации денежного обращения, даст необходимый для преодоления инфляции «номинальный якорь». Через несколько месяцев после достижения действительной финансовой стабилизации и преодо-

ления новой волны производственного спада можно было бы рассмотреть вопрос о возвращении к плавающему курсу рубля.

5. Инфляционная волна, связанная с девальвацией рубля, удорожанием импортных товаров и падением спроса населения на рубли, даже при самых энергичных мерах по финансовой стабилизации продлится не менее 2–3 месяцев. Это автоматически увеличивает налогооблагаемую базу. Одновременно снижение курса рубля вызвало рост рублевого эквивалента выручки экспортеров. По предварительным расчетам, вследствие этого можно дополнительно мобилизовать в федеральный бюджет в IV квартале около 60 млрд руб. (увеличив его доходы почти вдвое относительно июльской оценки ожидаемого исполнения и в полтора раза относительно показателей Закона о бюджете). Существенно, хотя и в меньшей пропорции, возрастут и доходы бюджетов иных уровней. Вследствие реструктуризации ГКО почти на 80 млрд руб. сокращены процентные расходы федерального бюджета в IV квартале.

Это позволит полностью погасить накопленную задолженность по заработной плате, пенсиям, пособиям, трансфертам регионам и частично по оборонному заказу, а также создаст базу для частичной — в пределах реальных возможностей бюджета — компенсации потерь населения от всплеска инфляции через ограниченную индексацию фиксированных доходов малоимущих либо введение единой компенсационной надбавки к пенсиям, пособиям, стипендиям, выплатам бюджетникам.

6. Необходимо отказаться от нынешней и ввести в действие новую схему реструктурирования задолженности по ГКО. Эта схема должна быть ориентирована на поддержание ликвидности в отечественной банковской системе, а также предоставлять нерезидентам гарантии эквивалента их вложений. Инвесторам ГКО должна быть предложена альтернатива:

- а) выплата 20% номинала ценной бумаги на момент погашения с последующим погашением оставшейся основной суммы долга равными долями в течение четырех лет с выплатой процентов по понижающейся ставке — 30% годовых в первый год, 25% — во второй, 20% — в третий и 15% — в четвертый;

б) конверсия ГКО в валютно-номинарованные бумаги со сроком погашения основного долга 5–7 лет и процентной ставкой около 6% годовых.

Возможна льготная схема для страховых и пенсионных фондов, например выплата 50% номинала на момент погашения.

Пакет ГКО, принадлежащий Центробанку, должен быть реструктурирован по отдельной схеме.

После проведения конверсии необходимо разрешить рыночные операции с новыми бумагами. Следует предложить рынку и валютно-номинарованные «короткие» (с длительностью обращения 2–3 недели) бумаги. Затем целесообразно организовать выпуск долгосрочных валютно-номинарованных бумаг под гарантии международного финансового сообщества (по образцу «брэйди-бондов», выпускавшихся для урегулирования проблем долга ряда латиноамериканских стран в 1980-е гг.) с исключительным направлением привлеченных средств на обслуживание государственного долга и пополнение золотовалютных резервов.

7. Следует отказаться от моратория на выполнение российскими банками своих обязательств перед зарубежными кредиторами, искусственно выравнивающего состоятельные и проблемные банки. Эти ограничения должны вводиться инициативно только для кризисных банков, не способных выполнить свои обязательства, и не распространяться на те банки, которые могут и хотят выполнять свои обязательства. Это позволит частично восстановить доверие международного банковского сообщества к российским банкам и возобновить кредитование внешней торговли и банковского дела.

8. Важнейшая задача — стабилизация положения в банковском секторе и защита сбережений граждан. Необходимо либерализовать доступ на российский банковский рынок крупнейших международных финансовых институтов, сняв ограничения по видам банковских услуг (прежде всего по работе с физическими лицами) и величине банковских активов, привлечь их к оздоровлению российских банков, имеющих обязательства перед населением. Возможно использование схемы «национализация — последующая приватизация», приводящей к продаже стратегическим иностранным инвесторам контрольных пакетов проблемных российских банков за символическую сумму (1 доллар) при условии принятия

обязательств по гарантиям вкладов населения. Параллельно следовало бы открыть для нерезидентов рынок страховых услуг и услуг негосударственных пенсионных фондов.

На основе анализа банковских балансов и принятия объективных и прозрачных критериев состоятельности должна быть проведена реструктуризация банковского сектора: ликвидация финансово несостоятельных банков, концентрация банковского капитала, национализация системообразующих проблемных банков с последующей реприватизацией, рекапитализация наиболее перспективных банков при ужесточении надзора ЦБР за их деятельностью, общее повышение транспарентности деятельности банков, включая и ЦБР, и Сбербанк. Следует незамедлительно ввести механизм государственных гарантий банковских вкладов граждан (при лимите 5 тыс. долл.) за счет дополнительного обязательного резервирования и кредитов международных финансовых организаций.

Стабилизация национальной валюты, отказ от эмиссионных планов и открытие банковского рынка для международной конкуренции позволят сбить панику и остановить изъятие вкладов гражданами.

9. Необходимо немедленно запретить все федеральные внешние заимствования и гарантии и существенно ограничить внутренние заимствования. Эту меру можно будет отменять по мере достижения соответствующими бюджетами международно апробированных параметров. Следует создать единую общегосударственную систему мониторинга и управления государственным долгом, включая внешние заимствования субъектов Федерации, предприятий и банков.

10. Необходимо безотлагательно осуществить реформирование системы социальной поддержки, основанное на строгой адресности всех социальных пособий, их концентрации только на малоимущих при заявительном принципе и повсеместных процедурах проверки нуждаемости, распространении индексации исключительно на фиксированные доходы малоимущих.

Одновременно следует срочно ввести в действие основы трудового законодательства, подготовленные по поручению правительства еще в 1997 г. Без этого нельзя защитить права работающих в условиях коммерческого найма. Особенно это важно в условиях резко ускорившегося сокращения занятости.

11. В увязке с бюджетным планированием необходимо осуществить налоговую реформу (гораздо более радикальную, чем предусматривается Налоговым кодексом) или, по крайней мере, ее первый этап, включающий самые безотлагательные направления:

- упрощение налоговой системы, отмена незначительных и плохо администрируемых налогов, в том числе введенных в 1998 г.;
- ликвидация всех налоговых льгот и выравнивание условий налогообложения всех плательщиков;
- консолидация налогов с единой базой обложения;
- установление единой ставки НДС 20% при отмене налога с продаж;
- установление единой ставки подоходного налога 15% с включением в налогооблагаемую базу всех без исключения видов доходов и установление необлагаемого минимума на уровне 50% среднедушевых доходов;
- снижение совокупного обложения фонда заработной платы, включая подоходный налог и отчисления во внебюджетные фонды, до 35% при «плоской» шкале отчислений.

Необходимо снижение импортных тарифов, особенно на продовольствие и пищевое сырье, а также оборудование для предприятий.

Необходимы меры защиты внутреннего рынка от дезорганизации: всемерное поощрение конкуренции, включая свободный доступ нерезидентов в сферу банковских, пенсионных и страховых услуг, отмена любых субфедеральных запретов на ввоз и вывоз товаров, упрощение регистрации предприятий (заявительный принцип), концентрация правоохранительных органов на борьбе с рэкетом, ограничение коммерческой деятельности муниципалитетов и контроль за ней.

Необходима легализация купли-продажи земли, функционирования рынка земельных участков, ипотеки через принятие соответствующего законодательства на федеральном и региональном уровнях.

Все эти меры, разумеется, недостаточны для формирования предпосылок устойчивого рыночного развития российской экономики, но они позволят остановить нарастание кризиса, затормозить рост цен, восстановить нормальное функционирование рыночных механизмов и бесперебойную торговлю, стабилизировать

положение в банковской системе, не допустить срыва выполнения обязательств по внешнему долгу, защитить большинство населения страны от последствий хаотической девальвации и инфляционного скачка.

Ориентиры, на которые нужно выйти за полгода реализации данной программы:

- инфляция — 1–2% в месяц,
- курс рубля — 16–18 руб. за доллар,
- золотовалютные резервы ЦБ — 20 млрд долл.,
- ставка рефинансирования — 35% годовых,
- бюджет бездефицитный,
- доходность рублевых госбумаг — 30–35%,
- доходность валютных госбумаг — 12–15%,
- спад ВВП на 1999 г. — не более 3%,
- сальдо торгового баланса положительное,
- сальдо платежного баланса по текущим операциям положительное,
- доля лиц с доходами ниже уровня бедности не выше 24%.

Сразу же по выполнении указанных мер и достижении относительной стабилизации денежной системы и государственных финансов должно быть начато выполнение развернутой программы структурных и институциональных реформ, призванных восстановить экономический рост на здоровой финансовой основе. Эта программа будет представлена общественности в ближайшее время.

Предлагаемые меры жестки и неприятны. Надо, однако, ясно осознавать, что если сейчас они не будут приняты и реализованы, то следующая антикризисная программа вынужденно будет существенно жестче. Мы предлагаем всем здоровым и ответственным силам страны немедленно вступить в сотрудничество по доработке антикризисной программы, конкретизации ее мер, отложив до лучших времен выяснение взаимных отношений, оказывать на власти давление с целью принудить к принятию антикризисных мер.

Никаких чрезвычайных мер мы не поддержим

*Выступление на траурном собрании
в связи с гибелью Г.В. Старовойтовой*

22 ноября 1998 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Дорогие друзья!

Галина Васильевна Старовойтова — блестящий и яркий политик, борец за демократию. Мы, к сожалению, не можем вернуть ее — это не в наших силах. Но мы можем сделать одно — продолжить борьбу за ее дело. Для того чтобы продолжить эту борьбу, мы не должны позволить, чтобы это убийство принесло выгоду тем, кто его затевал, противникам нашим и Галины Васильевны Старовойтовой.

Только вчера ночью была убита Галина Васильевна. Уже вчера на Конгрессе народно-патриотических сил прозвучала мысль о необходимости принятия чрезвычайных мер в России. И вчера же вечером по средствам массовой информации пошли разговоры о том, что в нынешней ситуации и демократы, конечно, поддержат эти чрезвычайные меры. Так вот я должен сказать четко и однозначно: никаких чрезвычайных мер мы не поддержим. Не нужно никаких чрезвычайных мер для того, чтобы ловить убийц, не нужно никаких чрезвычайных мер для того, чтобы начать уголовное преследование откровенных фашистов, не нужно никаких чрезвычайных мер для того, чтобы прокуратура наконец возбудила уголовное дело против Макашова, не нужно никаких чрезвычайных мер для того, чтобы по нашим городам не ходили отряды со свастикой. Для этого нужно одно — политическая воля и желание со всем этим покончить.

Я не исключаю, что убийство яркого демократического политика Галины Васильевны Старовойтовой имеет одну цель — запугать тех, кто не согласен с нацистами и фашистами. Так вот мы должны четко и однозначно сказать: «Вы можете нас убить, но не можете запугать». Мы должны ответить на это убийство гораздо более решительной и гораздо более последовательной борьбой против отвратительной коричневой морды, которая в последнее время столь очевидно вылезла из-под красных знамен КПРФ.

Галина Васильевна Старовойтова в последние месяцы очень много сил отдавала объединению демократов, здоровых сил Санкт-Петербурга. Она была одним из лидеров объединения «Северная столица», которое вело активную борьбу за то, чтобы в Законодательном собрании Питера были представлены здоровые силы, за то, чтобы борьба за декриминализацию этого города началась. Я не исключаю того, что это убийство связано и с ее деятельностью в Санкт-Петербурге. Я очень надеюсь, что наши единомышленники и друзья из Санкт-Петербурга по достоинству ответят на это убийство поддержкой того блока, который создавала Галина Васильевна Старовойтова.

Галина Васильевна была активным сторонником единства демократических сил. Мы вели с ней самые активные и серьезные консультации о том, как его добиться, и было твердо решено, что на следующие выборы мы непременно пойдем вместе.

Если задачей убийц было то, чтобы не допустить единства демократов, значит, мы должны ответить на этот вызов, однозначно сказав, что мы сделаем все возможное и невозможное для того, чтобы объединить демократические силы на следующих парламентских и президентских выборах.

Последнее время мы жили в какой-то странной реальности, где стало казаться, что сторонников у Макашова очень много, а у нас сторонников очень мало. Это далеко не так, это неправда. Я убежден, что большинство людей в России не поддерживает нацистов, большинство людей в России против фашистского поворота в нашей стране.

Я призываю всех, кому дороги идеалы, за которые боролась Галина Васильевна Старовойтова, во вторник, в день ее похорон, в 8 вечера, на две минуты притушить свет в своих окнах. Мы должны показать, что нас много, что за нами сила. Только тогда те, кто планировал и осуществлял ее убийство, не пройдут.

Стратегия XXI века: европейский выбор России

Доклад на VII съезде партии ДВР

30 января 1999 г.

Источник: ЦАОДМ, ф. 8716, оп. 1, д. 138.

Я хотел бы в первую очередь сосредоточить внимание на политических проблемах сегодняшней России, на причинах того радикального поворота, который произошел осенью 1998 г.:

- на нашем отношении к новому Правительству России и тому курсу, который оно проводит;
- на анализе наших собственных ошибок;
- на тех задачах, которые стоят перед партией ДВР в связи с созданием коалиции «Правое дело» и подготовкой к выборам;
- наконец, на стратегических задачах, которые должна будет решать наша партия вместе со своими единомышленниками.

Причины радикального поворота осени 1998 г.

Сейчас в общественное сознание активно внедряется миф, в соответствии с которым в России якобы на протяжении семи лет проводились радикальные либеральные реформы, что этот курс, который все годы, видимо, проводило правительство Виктора Степановича Черномырдина, и привел страну в тупик, закончившийся финансовым кризисом осенью 1998 г. и приходом нового правительства Примакова — Маслюкова, провозгласившего поворот в экономической политике.

Этот миф не имеет никакого отношения к экономической реальности, но он достаточно важен для серьезного обсуждения проблем, связанных с тем, что же действительно происходило в рос-

сийской экономической политике, в чем причины того отката, с которым мы столкнулись сегодня.

В последние годы в России, по-моему убеждению, шла борьба вокруг двух блоков принципиальных вопросов. Первый блок — укоренятся ли в России рыночные механизмы и демократические институты. При всех проблемах и сложностях можно сказать, что ответ на этот вопрос — по крайней мере на сегодняшний день — оказался положительным. Даже сегодня пришедшее к власти левокоммунистическое правительство буквально через несколько дней после начала своей работы начало расписываться в верности рынку и частной собственности.

И был второй вопрос, принципиальный и важный, — о характере формирующегося в России общества, о типе рыночной экономики. И здесь реально существовали две линии в экономической политике. Первой линией можно назвать формирование в России номенклатурного капитализма. Именно эта линия последовательно проводилась правительством Черномырдина подавляющую часть времени его существования. И вторая — линия на формирование в России свободной рыночной экономики.

В чем суть линии на формирование номенклатурного капитализма? Для социализма характерна система, при которой существует жесткая административная вертикаль и жесткая ответственность руководства предприятий за выполнение административных заданий. Эта система неэффективна, потому что она не позволяет генерировать инновации, но она обеспечивает определенный уровень дисциплины, позволяющей обществу хоть и неэффективно, но функционировать. Нормальная свободная рыночная экономика — это тоже система жесткой ответственности, но ответственности финансовой. Именно потому, что предприятие, менеджер или хозяин которого неспособен эффективно организовать производство, теряет контроль над ресурсами, разоряется, рынок — это наилучший механизм выявления нововведений и отбора тех, кто способен работать в условиях рыночной экономики. Именно эта жесткая финансовая ответственность предприятий позволяет рынку быть важнейшим инструментом, повышающим эффективность использования ресурсов, генерирующих экономический рост.

Период перехода от устойчивой, хотя и неэффективной, социалистической экономики к устойчивой и эффективной рыночной

экономике — это период такого уникально низкого уровня ответственности и руководителей, и собственников, когда уже не действует страх перед КГБ и райкомом партии и еще не действует страх перед жесткой финансовой ответственностью и банкротством.

Формирование этой своеобразной «ничейной зоны» началось задолго до нашего прихода в правительство — еще в 1987–1988 гг. И большая часть номенклатуры была готова принять и реформы, и даже приватизацию исходя из твердого намерения навсегда сохранить мягкие бюджетные ограничения, законсервировав ситуацию, при которой предприятие, неэффективно использующее ресурсы, где директор пьет и ворует, а рабочие голодают, продолжает функционировать как ни в чем не бывало.

ЛОГИКА МЯГКИХ БЮДЖЕТНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

За логикой мягких бюджетных ограничений были длинная традиция, мощные интересы хозяйственной и политической элиты. Именно сторонники этой логики имели поддержку на протяжении большей части последних лет и в парламенте, и в региональных администрациях, и в региональных законодательных собраниях, да, собственно, и в федеральном правительстве.

Что значит линия на мягкие бюджетные ограничения? Это значит, что отношения между предприятием и государством не носят законный нормативный характер, а имеют характер индивидуального торга вокруг льготных кредитов, бюджетных субсидий, вокруг возможности не платить налоги, накапливать недоимку, сохраняя контроль за ресурсными потоками, за своим положением. Это значит, что предприятие, хозяин (или директор) которого не может наладить эффективное производство, продолжает функционировать. Это значит и то, что парализованы все рыночные механизмы отбора эффективных собственников и менеджеров, что не действует механизм перераспределения ресурсов в пользу тех, кто умеет организовать производство. Это значит, что парализованы механизмы рыночного роста, что тесная связь собственников и менеджеров с аппаратом государственного управления неминуемо генерирует коррупцию. Это путь к экономике как бы и рыночной, но неэффективной, стагнирующей и коррумпированной.

Вот в чем суть линии на формирование в России номенклатурного капитализма. Еще раз подчеркиваю, эта линия имела очень глубокие корни в нашей традиции, и отнюдь не только в последние 80 лет. Она всегда была теснейшим образом связана с интересами хозяйственной элиты, которая хотела получить собственность, но не умела работать в рыночных условиях и категорически была не готова смириться с тем, чтобы эту собственность потерять. Она имела поддержку у российского чиновничества, значительная часть которого всегда была коррумпирована, именно эта линия была важнейшей угрозой для формирования в России нормально демократического общества и рыночных институтов, за которые мы вели борьбу в последние годы.

Что было альтернативой этой линии? Курс на формирование жестких нормативных условий деятельности предприятий, когда предприятие, где директор не может нормально организовать производство, прекращает функционирование или туда приходит новая управленческая команда, когда отношения между государством и предприятием носят нормативный характер, когда от эффективности работы предприятия, а не от взаимоотношений с чиновником зависит его будущее. Как вы понимаете, это стратегическая развилка, где решается вопрос о том, будет в России развивающаяся рыночная экономика или нет, и вопрос о том, какое общество мы получим в нашей стране.

Либеральная альтернатива номенклатурному капитализму — это жесткие бюджетные ограничения, это нормально организованный, прозрачный и стабильный бюджет, это нормальная конвертируемая валюта, это растущая экономика и эффективная борьба с коррупцией в государственном аппарате. Именно за это выступали, за это боролись либералы на протяжении последних лет.

Так что спор в последние годы был не о том, какой в России будет бюджетный дефицит или какая будет инфляция, спор был о самом характере формирующегося социально-экономического строя.

В первом полугодии 1998 г. в борьбе по этой важнейшей стратегической проблеме сохранялось как бы временное равновесие, временный баланс сил, когда у либералов не было политической поддержки и возможности последовательно проводить свою политику, а у сторонников номенклатурного капитализма не было возможности окончательно закрепить свое господство. Вся борьба,

которая на поверхности проявлялась то в дискуссиях между Борисом Федоровым и Газпромом о том, сколько Газпром должен платить налогов, то в том, как растет или сокращается задолженность по заработной плате, на самом деле была борьбой вокруг выбора двух стратегических альтернатив. К сожалению, для того чтобы реализовать последовательно либеральную экономическую политику, курс на формирование эффективной, свободной рыночной экономики как базы устойчивой российской экономики, мы не смогли создать необходимую политическую базу. Все, кто наблюдал перипетии этой борьбы, могли заметить, как яростно парламентское большинство становилось на защиту прав предприятий иметь индивидуальные отношения с государством, прав не платить налоги. Все, наверное, помнят огромную роль парламентского большинства в нейтрализации попыток правительства Кириенко переломить развитие событий, добиться финансовой стабильности. Все понимают сегодня, что парламентское (коммунистическое) большинство все это время думало только об одном — о власти. Все это время оно реально было защитником номенклатурного капитализма и сделало все возможное для победы сторонников этой линии осенью 1998 г.

Все, что было связано с формированием нового правительства Примакова — Маслюкова, опирающегося на серьезную поддержку коммунистического большинства, — это последовательная победа линии на формирование номенклатурного капитализма. Вспомним первое решение правительства Примакова — Маслюкова: восстановление индивидуальных налоговых соглашений. Что это, как не база номенклатурного капитализма? Вспомним отказ от использования процедуры ускоренного банкротства, зная, что финансовая безответственность — это основа номенклатурного капитализма. Вспомним восстановление системы бюджетных взаимозачетов, восстановление возможности оплаты налогов в натуре, списание задолженности предприятиям агропромышленного комплекса. Все это не случайные изолированные меры, это вполне последовательная линия на формирование в России отдельного комплекса предприятий, имеющих право не платить налоги, накапливать налоговую недоимку, заведомо финансово безответственных. Именно там, в этой нездоровой атмосфере, и формируются возможности масштабных хищений средств предприятий, перево-

да их в офшорные зоны. Совершенно не случайно все это в России явно связано со слабостью бюджетных ограничений, с накоплением задолженности перед бюджетом.

Как ни странным может показаться, но этот поворот к последовательному номенклатурному капитализму получил широкую поддержку, был поддержан подавляющей частью Государственной думы, где против утверждения правительства Примакова по существу голосовала только небольшая группа демократических депутатов. «Новый курс» в высшей степени соответствовал интересам как хозяйственных элит, так и тех политических сил и движений, которые вышли из пропагандистских крыльев КПСС и потом объединились в КПРФ.

То, что КПРФ и большая часть «партии власти» — это близнецы-братья в борьбе за номенклатурный капитализм, могло быть не вполне ясно до 1998 г., но это абсолютно ясно сегодня.

Последствия триумфа

Последствием триумфа номенклатурного капитализма стало существенное снижение поступлений доходов во все виды бюджетов. По существу, если этот номенклатурный сектор сумел навязать государству свою модель отношений, свою модель финансовой ответственности, то за это кто-то должен был заплатить контрибуцию. И кто ее будет платить, тоже было понятно. Если в результате происшедших перемен у нас средние поступления в федеральный бюджет сократились примерно с 3 млрд долл. в месяц летом 1998 г. до менее чем 1 млрд долл. в январе 1999 г., то это значит, что все граждане, чьи доходы зависят от бюджета (учителя, врачи, военные, пенсионеры), и должны были заплатить эту контрибуцию.

Именно резкое падение доходов бюджетников и пенсионеров — плата за тот экономико-политический поворот, который произошел в России на протяжении последних месяцев. И эта плата серьезная. Падение доходов бюджетников в этом году, по нашим прогнозам, к сожалению, составит примерно 50% по отношению к уровню первого полугодия 1998 г.

Поэтому я категорически против рассуждений о либеральном характере бюджета, который представило правительство Примакова — Маслюкова в Государственную думу, о сверхмонетаристском

характере их бюджетной политики. Представленный проект бюджета — это проект декларации о безоговорочной капитуляции государства перед номенклатурным капитализмом. Ничего больше в нем нет. И в связи с этим мы категорически против этого проекта бюджета.

Итак, новое правительство Примакова — Маслюкова — это правительство, с которым связан поворот экономической политики в сторону формирования в России номенклатурного капитализма. Мы не поддерживаем этот курс. Мы не поддерживаем правительство Примакова. Мы не поддерживаем тот бюджет, который оно внесло. Мы находимся в оппозиции по отношению к этому правительству и реализуемому курсу. Мы считаем борьбу за демонтаж номенклатурного капитализма, формирование в России открытой рыночной экономики важнейшей стратегической задачей «Демократического выбора России» и, я надеюсь, наших политических союзников.

О НАШИХ ОШИБКАХ

Несколько слов о наших собственных ошибках в борьбе вокруг этого принципиального вопроса. Некоторые наши коллеги, единомышленники (нынешние или прошлые) сейчас говорят: ну смотрите, какая огромная сила была за номенклатурным капитализмом, какая сила традиций, какая сила интересов, надо ли было за оружие браться?! Надо ли было вообще ввязываться в борьбу против того, что все равно было неизбежным? Надо ли было пытаться все эти годы проводить курс на либеральные реформы в России? Да и были ли они?

Я категорически не согласен с такой постановкой вопроса. Я не верю в то, что история выстроена как однопутейка и все в ней предопределено, что в такие моменты истории, которые мы наблюдали в последние годы, нужно было смириться перед деструктивной, хотя и серьезной, силой, сказать: «Ну, раз уж все так идет, что ж теперь нам делать? Подождем, пока созреют условия».

Я убежден, что мы должны были использовать все возможности до последней. И мы будем использовать все возможности как для того, чтобы не допустить формирования в России номенклатурно-капиталистического общества, так и для того, чтобы редуцы этого

номенклатурного капитализма демонтировать. Это наш путь — мы от него никогда не откажемся.

Другое дело, что в этой борьбе у нас действительно были ошибки. Я бы остановился на трех.

Первая из них. Да, политика — это всегда искусство компромисса. В политике компромиссы неизбежны, если ты хочешь чего-то добиться. Вставать в позу и говорить: если все не сделается по моему, я умываю руки, — может, и очень красиво, но абсолютно непродуктивно, если хочешь добиться результатов.

Мы действительно шли на многие компромиссы исходя из соображений пользы дела. И каждый компромисс имел свои серьезные основания, серьезные причины, оправдывающие его. Вместе с тем сегодня, оценивая весь пройденный путь, я должен признать, что сумма компромиссов оказалась избыточной. Этот серьезный урок мы тоже не можем не учитывать.

Вторая серьезная ошибка реформаторов — это недооценка парламента. Да, у нас всегда были парламента с «дурным большинством», безответственные и популистские. Именно поэтому мы пытались проводить реформы, в первую очередь опираясь на исполнительную власть, на поддержку президента и т. д. Нам казалось, что многое можно сделать, используя потенциал президентской власти, его указов.

Но отсюда были два очень неприятных и, как оказалось, роковых следствия: во-первых, это означало, что наши возможности действовать и добиваться своих результатов оказываются в колоссальной степени зависимыми от президента, от того, кто влияет на президента, от того, как меняется позиция президента. И второе, что даже важнее: мы недооценили огромную деструктивную, разрушительную роль, которую может играть антиреформаторский парламент.

Анализируя развитие событий между 1996 и 1998 гг., т. е. весь поворот к кризису, я вижу, как с каждым шагом парламентское большинство делало все возможное для дестабилизации положения в стране. И каждый шаг в эту сторону ставил правительство во все более и более сложную ситуацию, делая шансы на продолжение движения к свободной, растущей либеральной экономике все более и более призрачными.

Было страшное поражение демократов 1995 г. Но я думаю, что тогда, в 1995 г., и особенно после победы Ельцина в 1996 г., мы недооценили масштабы той проблемы, которую представляет контролируемый коммунистами парламент. Развитие же событий показало: парламент не всегда способен решить проблемы страны, но если парламентское большинство ставит своей задачей разорить страну, устроить в стране тяжелейший кризис, это, к сожалению, ему всегда под силу.

И наконец, последнее — недооценка публичной политики. Многие реформаторы пришли во власть из академических институтов, представляли, как надо разрабатывать законы, указы, анализировать макроэкономику, писать бюджеты и т. д. К сожалению, они гораздо хуже знали, как надо объяснять все это людям, как надо вести активную политическую работу, имеющую собственные законы, которыми нельзя пренебрегать.

И эта недооценка публичной политической работы, пропагандистская пассивность, извиняющийся тон, готовность смириться с ложной катастрофической картиной мира, сформированной нашими оппонентами, были, конечно, нашей очень серьезной ошибкой.

Думаю, из всех этих ошибок мы должны извлекать соответствующие уроки.

Коалиция «Правое дело»

Важнейшей причиной поворота 1998 г. стал «левый» парламент. Причиной формирования «левого» парламента стали наши неудачи на выборах. Причиной нашей неудачи на выборах было то, что демократы были расколоты в 1995 г.

В связи с этим сегодня наша важнейшая задача не допустить повторения этих ошибок, добиться в максимальной степени возможного единства сил, тех, кто не принимает линию правительства Примакова — Маслюкова, тех, кто не принимает курс на формирование номенклатурного патерналистского капитализма, тех, кто выступает за свободную, рыночную, либеральную экономику и европейские ценности.

Сейчас мы начали работу по формированию новой политической предвыборной коалиции. Прошел этап формирования оргкомитета, прошли два заседания координационного совета, идет

серьезная работа по формированию его аппарата, по созданию коалиции на местах.

В связи с этим нужно определить роль и задачи ДВР. Из всех партий и движений, которые формируют коалицию, к настоящему времени ДВР имеет наиболее развитую организационную структуру.

Мы могли попытаться навязать свое лидерство в коалиции, сделав ее как бы расширенным изданием «Демократического выбора России». Но это неправильный путь. Я думаю, что мы должны проявить политически здравый смысл и политическую корректность по отношению к нашим партнерам и единомышленникам. Именно потому, что у ДВР есть заметный потенциал, мы можем и должны сделать все возможное для того, чтобы коалиция оказалась действительно новым политическим образованием, способным решать важнейшие задачи подготовки и организации избирательной кампании, способной обновить образ демократов и либералов в регионах, вовлечь новых людей, которые, может быть, сегодня не готовы прийти в ДВР, но будут готовы прийти в новую коалицию.

Развернутая работа по формированию коалиции на местах, подготовка к выборам по мажоритарным округам, выдвижение авторитетных лидеров коалиции, достижение договоренностей с нашими ключевыми партнерами, минимизация риска столкновения взаимных амбиций — то, что в первую очередь должны делать сегодня партийные организации. Многие региональные организации активно подключились к формированию коалиций, провели конструктивные переговоры с нашими партнерами, сумели привлечь авторитетных людей, сформировать подобного рода базу. Но останавливаться на достигнутом нельзя, сегодня база коалиции в сформированном виде есть примерно в 15–20 регионах. Следующие два месяца должны быть временем интенсивной работы по их созданию по крайней мере во всех важнейших регионах России.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ ПРЕДСТОЯЩИХ ВЫБОРОВ

К настоящему времени обозначилось два центра консолидации политических сил, которые пойдут на выборы 1999 г. Первый — это блок коммунистов и их союзников. Коммунисты в последнее время,

понимая, что их избирательный потенциал не растет, и понимая те проблемы, которые связаны с их неизбежной ответственностью за экономические провалы правительства Примакова — Маслюкова, все более активно и откровенно играют с радикальным национализмом. Я убежден, что высказывания и Макашова, и Илюхина¹ и их поддержка коммунистической фракцией — это не случайность и не отдельные оговорки и оплошности. Это сознательная работа, суть которой доказать национал-социалистскому, фашистскому электорату, что мы свои, мы одной крови, мы готовы давно забыть про всякие глупости, связанные с пролетарским интернационализмом, все это из прошлого. Показать коричневую харю, вылезавшую из-под красного знамени, так, чтобы, по крайней мере, свои заметили.

(Здесь речь была прервана фашистскими провокаторами!)

Угроза радикального национализма, фашизма в России, к сожалению, не выдумка. Сегодня мы знаем, как преследуют наших единомышленников во многих регионах, какую нелегкую борьбу ведут многие члены ДВР против радикальных националистов в «красных» регионах России. Мы знаем о фактах угроз нашим коллегам и о фактах их судебных преследований, мы знаем, что сегодня, к сожалению, правоохранительные органы в России очень эффективно защищают фашистов и проявляют завидную пассивность в борьбе против радикального национализма. В связи с этим, разумеется, блок коммунистов и радикальных националистов — это наши политические враги, политические противники. Задача не допустить их к власти в России остается важнейшей для всех здравомыслящих сил в нашей стране.

Другая крупная политическая сила, которая формируется на наших глазах, — это блок Юрия Михайловича Лужкова, с которым политически в последнее время все более явно сближается «Ябло-

¹ Макашов Альберт Михайлович — генерал-полковник, депутат Государственной думы, один из руководителей антигосударственного мятежа в трагические дни 1993 г. По-видимому, Е. Гайдар имел в виду его последние для того времени очередные антисемитские высказывания 4 и 7 октября 1998 г.

Илюхин Виктор Иванович (1949–2011) — юрист, депутат Государственной думы, инициатор неудавшейся попытки импичмента президента Ельцина. В декабре 1998 г. высказал требование о том, чтобы в окружении президента «преобладали представители коренной национальности, а не одной еврейской нации» (оговорившись, для приличия добавил: «...хотя сама эта нация и талантлива»). — *Прим. ред.*

ко». Разумеется, они пойдут на выборы двумя разными списками, но при активном взаимодействии и при активной совместной работе. По всему, что говорили в последнее время и Ю.М. Лужков, и Г.А. Явлинский, это очевидно.

Если говорить об «Отечестве», о Лужкове как по существу о политическом лидере этого блока, то надо заметить, что в двух вопросах Лужков близок к коммунистам. Первое — это вопрос о поддержке номенклатурного капитализма. В отношении поддержки специфической системы отношений между властью и предприятиями, патернализма, роли чиновничества позиции Маслюкова и Лужкова вряд ли серьезно различимы. Это часть того консенсуса, который сегодня существует в большей части российской элиты. В связи с этим, кстати, когда мы говорим о курсе 1992–1998 гг., иногда его называют гайдаровско-чубайсовским, я с этим категорически не согласен. Я знаю, как формировался этот курс, он в гораздо большей степени имеет основание называться черномырдинско-лужковским.

Второй вопрос, который сближает позицию Юрия Михайловича с позицией коммунистов, — это акцент на державность и попытки вновь бряцать атрибутами имперского величия.

Иногда Юрий Михайлович даже пытается забежать вперед своих партнеров из коммунистического блока. Особенно это проявилось в вопросе о наших претензиях на Севастополь, отказе поддержать договор с Украиной, в самом тоне, риторике соответствующих выступлений.

Вместе с тем разница между позицией «Отечества» и позицией радикальных коммунистов по этим вопросам абсолютно очевидна. Ее нельзя недооценивать. Это разница между имперской державностью и собственно радикальным нацизмом. И в связи с этим не думаю, что они могут быть всерьез политическими партнерами.

Это определяет и отличие нашей позиции по отношению к блоку Ю.М. Лужкова. Для нас он политический оппонент. Мы по-другому представляем себе, что надо делать в России. Мы категорически не согласны с линией на укоренение номенклатурного капитализма. Вместе с тем в противостоянии радикальному национализму я убежден, что у нас есть база для диалога и взаимодействия.

СТРАТЕГИЯ НОВОГО ВЕКА —
ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЫБОР РОССИИ

Выборы 1999 г. важнейшие для России. От того, как они пройдут, зависит многое в нашей стране. Сейчас мы погружены в текущие заботы — подготовку к выборам, противодействие повороту в экономической политике и т. д.

Вместе с тем все это не должно заслонять от нас стратегических проблем. Я напому, что выборный цикл 1999–2000 гг. сформирует те органы власти, с которыми Россия войдет в XXI в. И сегодня не думать о том, какова наша стратегическая линия в XXI в., что мы предлагаем для России в XXI в., было бы опрометчиво и неосмотрительно.

Вообще это была наша традиционная ошибка: мы очень много говорили о важных, существенных, но все-таки деталях, о том, как надо в машине устроить карбюратор и как его починить, а не о том, куда, собственно, на этой машине мы собираемся ехать. Мы слишком много говорили об инфляции и бюджетном дефиците и мало говорили о том, какое общество мы хотим создать в России в XXI в.

Я убежден, что сегодня мы должны четко сформулировать свои представления и приоритеты по вопросу об этих важнейших стратегических ориентирах.

Советский Союз — последняя крупная империя, которая распалась в XX в. До этого распались английская и французская. Распад империи всегда тяжел для общества, которое его переживает. И всегда есть соблазн поиграть на ностальгии по былому имперскому величию. Мы видели это во Франции. Мы видели это в Англии. Мы видим это сегодня в России.

Очень опасно, когда общество дает себя этим увлечь. Опасно, когда общество всерьез начинает думать о том, как же добиться того, чтобы снова стать империей, какие для этого нужно сделать ракеты, как нужно для этого отнять территорию у своих соседей, предъявить к ним территориальные претензии... Потому что это значит, что ностальгия, нормальная, безопасная, превращается в страшную разрушительную силу политического безумия.

Когда Россия, для которой отношения с Украиной являются важнейшим приоритетом, отказывается подписать договор о дружбе и сотрудничестве с Украиной, отказывается признать границы Укра-

ины, это значит, что эта политика, бесконечно близорукая, становится реальной, серьезнейшей угрозой нашей стране.

Если вы вспомните риторику последнего времени в обсуждениях принципиальных, стратегических проблем, вы увидите, как много сейчас игр на чувстве национального унижения, на чувстве ностальгии по временам, когда все нас боялись, потому что боялись наших танков, боялись нашей непредсказуемости. Как много попыток поиграть в противостояние миру, в союзы с малопримечательными политическими режимами. Это страшный путь, очень опасный для России. Россия в объятиях Северной Кореи и Ирака в XXI в., Россия, которая сама себя запугала и пытается противостоять всему наиболее демократическому, свободному, экономически развитому, сильному и богатому миру, — это страшная перспектива для нашей страны.

Иногда может сложиться впечатление, что есть широкий политический консенсус, что именно по этому пути Россия должна идти.

Я с этим категорически не согласен. И я думаю, что мы должны твердо и однозначно сказать, что у России есть принципиально другая альтернативная стратегия. Суть этой стратегии — отношения России и Европы, — Европы новой, объединенной, демократической.

История отношений России и Европы, история борьбы лучших людей в России за европеизацию, за сближение с Европой — это во многом история последних трех столетий России. И здесь можно упомянуть хотя бы одного русского, юбилей которого мы будем отмечать в этом году. Мало можно назвать в России людей, более четко, однозначно и явно связанных с европейским выбором России, чем Александр Сергеевич Пушкин.

За эти века Россия интегрировала в себя лучшие достижения европейской культуры. Она оказалась отнюдь не только ученицей. Русская культура оказалась важнейшей частью европейской культуры. Вместе с тем на пути интеграции России в Европу стоял и такой важнейший фактор, как разделенность самой Европы. Ведь Европа до последнего времени была разделенной, а Россия была слишком большой, для того чтобы стать постоянным союзником или тем более вассалом любого европейского государства.

Но за это время на самом деле в Европе произошли фундаментальные изменения. Сегодня все великие нации с великой

историей вместе активно работают над формированием единого демократического европейского дома, Европейского союза. Это важнейший для нас экономический полюс мира. Это наш крупнейший экономический партнер. Это регион, теснейшим образом связанный с нами культурно и политически, связанный с нами сообщениями безопасности.

В связи с этим я убежден, что линия на последовательную интеграцию России в европейские структуры, линия на выстраивание долгосрочных партнерских отношений с Европой — это стратегический выбор для России. Я подчеркну, что этот выбор носит практический и прагматический характер. Анализ экономических реформ последних лет показывает абсолютно однозначно, что именно те страны, которые твердо взяли курс на интеграцию в Европу, оказались способными наиболее эффективно решить проблемы постсоциалистического перехода, сформировать эффективную рыночную экономику и давно начать экономический рост. Именно там, где не было согласия по этой стратегии, экономическая политика оказалась гораздо более слабой, а результаты реформ разочаровывающими.

Второе. Этот выбор носит действительно стратегический характер, потому что он означает не только выбор внешнеполитических ориентиров и логики отношения к проблемам безопасности.

Это выбор стратегии денежной политики, финансовой политики, политики в сфере образования, права, социальных отношений, науки и культуры, формирования рыночных институтов и т. д.

И наконец, это человеческий выбор. Я очень хорошо знаю, чего хотят многие наши единомышленники. Они хотели бы жить в спокойной и процветающей Европе, только никуда не уезжать из России и говорить по-русски.

И я убежден, что точно так же, как это достижимо для Польши, для Чехии, для Венгрии, для той же Эстонии, которая входила в состав Советского Союза, это достижимо и для России.

Конечно, было бы безответственным авантюризмом сказать, что это краткосрочная легкая задача. России предстоит пройти очень серьезный путь (кстати говоря, путь с вполне понятными, конкретными вехами) — путь в Европу. России предстоит убедить мир и Европу в том числе, что она действительно способна стать демократической, рыночной, устойчивой и стабильной экономи-

кой. России предстоит самой решить свои важнейшие вопросы, самой определиться. Но этот путь для нас, убежден, не закрыт. Выбор в данном случае зависит исключительно от нас. И тогда это будет выход не в исторический тупик, а это будет европейский выбор России, выбор пути в достойное будущее.

***

Дорогие друзья! Политическое значение предстоящего года для развития России в начале XXI в. требует от всех нас энергии, воли, собранности и наступательности. Мы немало сделали в последние годы для того, чтобы свобода слова, демократические институты, рынок, конвертируемая валюта укрепились в России. Мы потерпели временное поражение в тяжелой борьбе за характер формирующегося в России общества. Ну что же, как говорится, за одного битого двух небитых дают! Историческая правда на нашей стороне!

Наше дело правое.

Безответственная глупость НАТО в Югославии!

*Выступление на встрече Свободного университета
«Русской мысли»*

13 мая 1999 г.

Опубликовано в: Русская мысль. 1999. 10–16 июня.

13 мая в Овальном зале Библиотеки иностранной литературы в Москве состоялась вторая встреча недавно созданного (см. «РМ» №4262) Свободного университета «Русской мысли». Встреча была посвящена обсуждению отношений между Россией и Европой; этой теме (в разных планах и с разных точек зрения) предполагается посвятить серию дальнейших встреч-семинаров. Западным участником и главным докладчиком была итальянская журналистка, историк по образованию, член редакционного совета «РМ» и постоянный корреспондент крупнейшей итальянской газеты «Стампа» в Париже Барбара Спинелли.

Из последовавшей долгой дискуссии журнал опубликовал только те выступления, которые содержали ответ на заданные итальянской журналисткой вопросы; ее главной темой в контексте общеевропейской ситуации оказалась острая и спорная тема конфликта в Югославии: взгляд с Запада и взгляд с Востока, в том числе выступление Е. Гайдара.

Егор Гайдар: Бомбежки НАТО в Югославии очень серьезная ошибка с очень серьезными последствиями.

Мне все-таки придется высказаться по югославской тематике, хотя я категорически не хотел этого делать. Я хотел бы, чтобы наша позиция была точно зафиксирована — по крайней мере так, как я ее вижу: мы всегда были против любых видов геноцида и любых

видов репрессий на национальной почве. Я был среди тех, кто организовывал в Москве митинги против чеченской войны, зная, что режим Дудаева немногим лучше режима Милошевича, что там есть серьезные нарушения прав человека, не имея никаких иллюзий насчет того, что там «все хорошо», но твердо зная, что эти проблемы при обработке бомбежками станут не лучше, а хуже. Именно поэтому я считаю себя вправе высказать еще раз нашу позицию по косовско-югославскому вопросу.

Появилась новая европейская игра «в Освенцим»: ты называешь нечто Освенцимом, и это снимает с тебя обязанность думать, анализировать, задумываться о последствиях — о том, что будет происходить через 5–10 лет с ядерным распространением, как сложится ситуация в России и других странах, потому что если это «Освенцим», то все остальное не имеет значения — «мы должны остановить Освенцим».

Но из истории мы не знаем ни об одном Освенциме, который был бы остановлен методом бомбежек. На самом деле, если ты хочешь остановить Освенцим, посылай войска, пусть твои налогоплательщики-избиратели посылают своих детей — тогда они должны платить за это кровью и остановить Освенцим. Если это Освенцим — я пошлю своего сына воевать, чтобы его остановить.

Почему в демократиях работает принцип самосохранения? Почему демократии в подавляющем большинстве никогда не начинают войн друг с другом и очень редко вообще начинают большие войны? Потому что демократия так устроена, потому что люди не хотят посылать своих детей воевать — ведь за это надо платить кровью, а это политически непопулярно. А в современном мире можно выдумать такую своеобразную войну, за которую как бы не надо платить кровью. Да, она бессмысленна — потому что она не уничтожает режим Милошевича; за время этих бомбежек беженцев стало на 500 тыс. больше, и нет никаких признаков того, что в следующем месяце бомбежек их станет меньше; погибло, в том числе от рук Милошевича, несколько тысяч человек, и значительная часть их — мирные граждане; до бомбежек в Косове было 3,5 тыс. наблюдателей ОБСЕ и руки у Милошевича были связаны.

А начало бомбежек означало вывод ОБСЕ и ввод туда не натовских войск, а 3-й сербской армии, а о том, что такое 3-я сербская армия, люди, которые начинали бомбежки, должны были бы знать. Если они этого не знали — тогда они неквалифицированные, амо-

ральные люди, потому что берутся принимать решения о жизни и смерти людей, не понимая, о чем идет речь. Если они знали, то они тем более аморальные люди, потому что тогда они действовали из своих узкополитиканских соображений: так им казалось на сегодняшний день выгодно, так им хотелось показать независимо от реальных последствий свою «заботу» об албанцах, за которую албанцы потом заплатят еще сотнями тысяч беженцев, — показать из своих внутренних соображений, чтобы рейтинг их популярности поднялся еще на неделю-две-три. На мой взгляд, то, что сделали НАТО и Европа в Югославии, — это очень серьезная ошибка с очень серьезными последствиями. Я прекрасно знаю, что это тяжело объяснять значительной части европейского истеблишмента, хотя знаю, что это хорошо понимает значительная часть американской и европейской интеллигенции.

В связи с этим я не могу согласиться с Барбарой Спинелли в том, что вся европейская интеллигенция как один человек сплотилась вокруг «замечательной идеи» массированных бомбардировок, которые на сегодняшний день привели к резкому ухудшению ситуации в Македонии, Албании, во всем Балканском регионе. В России, где мы должны учитывать реальную, а не вымышленную ситуацию, в реальной России, разделенной между европейским выбором и евразийскими мечтаниями, где идет тяжелейшая борьба вокруг выбора будущего страны: пути в Европу или пути к союзу с Ираком, в новый концлагерь, — на эту реальную российскую ситуацию не могут не действовать те бомбардировки с известными последствиями, которые сейчас происходят. И так как нас сегодня в первую очередь волнует вопрос, как предотвратить катастрофические последствия для мира прихода «милошевичей» в России, потому что мы лучше других понимаем, что угроза «Милошевича» в России, к сожалению, исторически абсолютно реальна, и хорошо понимаем, что никто на Западе не знает, что делать с таким «Милошевичем», у которого, к сожалению, есть куча ядерного оружия, то все это есть наша серьезная забота, которая в полном объеме определяет нашу позицию по отношению к Югославии.

Мы категорические политические враги режима Милошевича; мы самым жестким образом осуждаем все, что он делает в Косове. Но для нас это не является оправданием безответственной глупости, которую, к сожалению, делает, на наш взгляд, НАТО.

Правое дело

Выступление на I съезде коалиции «Правое дело»

29 мая 1999 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Дорогие друзья! Многие пункты нашей объединительной платформы общие для многих партий и движений центристской и демократической ориентации. И когда я думаю, чем отличается «Правое дело» от этих организаций, я думаю, что отличий два.

Первое из них. Только «Правое дело» способно завтра при необходимости сформировать сильное, дееспособное правительство, которое может эту программу выполнять. (Аплодисменты.)

Второе. Достаточно несложно написать набор красивых тезисов. Только у «Правого дела» под этими тезисами подложена большая законодательная программа, начинающаяся с программы налоговых реформ, нового налогового кодекса, нового кодекса законов о труде, пакета социальных законов, программы реформы межбюджетных отношений, нового земельного кодекса, законов, которые позволяют делать процедуру расходования государственных средств прозрачной, поправок к Гражданскому кодексу и Закону об акционерных обществах, закрепляющих права собственника, и т. д.

Я, честно говоря, сегодня собирался в первую очередь говорить об этой нашей законодательной программе. Но события последних дней заставляют меня изменить тему выступления. Мы действительно чуть больше месяца назад обсуждали нашу объединительную платформу. Тогда у нас было левокоммунистическое правительство Примакова. Мы стояли перед угрозой ползучего «красного реванша». За это время ситуация радикально изменилась. Ельцин еще раз подтвердил, что он остается очень сильным политическим тактиком и за 20 дней переломил ситуацию в свою пользу. (Аплодисменты.) К сожалению, точно так же мы видим, как

мы видели это в 1991, 1993, 1996 гг., то, что Борис Николаевич умеет выигрывать в сложных кризисных ситуациях, он восхитительно умеет проигрывать сразу после того, как кризис завершится. (Аплодисменты.)

В этом зале собрались люди, которые поддерживали Ельцина в очень сложных, кризисных ситуациях: и в августе 1991-го, и в апреле 1993-го, и 3–4 октября 1993-го, и в 1996 г., по крайней мере, в большинстве. На самом деле мы поддерживали его не потому, что мы к нему лояльны лично, не потому, что мы его любим. Мы поддерживали его потому, что это первый в истории России свободно избранный президент, потому что с ним, хорош он или плох, связана попытка прорыва России к свободе и демократии.

За это время у Ельцина было время убедиться в том, как легко продаются и продают лакеи, и было время убедиться в том, что ничто не заменит принципиальную поддержку, которая базируется на убеждениях, а не на личной преданности. Так вот сегодня я убежден, что те, кто собрался здесь, и те, кто стоял за нами, та база людей, которая поддерживала Ельцина как демократически избранного президента, имеет право и серьезные основания обратиться к своему президенту. (Аплодисменты.)

Уважаемый Борис Николаевич!

Нельзя делать из правительства фарс. Это недопустимо. Правительство Степашина — это не наше правительство, это не правительство молодых реформаторов, это не наш кабинет. Мы абсолютно не убеждены, что он будет вести правильную, идеальную политику, но вы сами назначили Степашина. Вы внесли в Думу его кандидатуру, она получила поддержку. Нельзя завоевать доверие к демократии в России, если всем будет понятно, что правительство ничем не управляется, что за его спиной стоят кукловоды и манипулируют правительством, как марионеткой. (Аплодисменты.)

То, что происходит в последние дни, дискредитирует российскую демократию в мире и, что особенно опасно, дискредитирует российскую демократию в России. Она слишком дорого нам далась, мы слишком дорого за нее заплатили для того, чтобы вот так легко разбрасываться доверием к демократическим институтам.

Уважаемый Борис Николаевич! Я искренне надеюсь на то, что вы в данном случае прислушаетесь к нашему мнению. (Аплодисменты.) А дело наше правое, мы все равно победим! (Аплодисменты.)

Историческая правда на нашей стороне

Печатается по тексту брошюры: Гайдар Е.Т. Историческая правда на нашей стороне. Ответы на самые острые и актуальные вопросы. М.: Евразия, 1999.

В брошюре, вышедшей в издательстве «Евразия», Е. Гайдар собрал и обобщил вопросы, наиболее часто задававшиеся ему во время избирательной кампании 1999 г.

1. РЕФОРМЫ В СТРАНЕ И МИРЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

...Когда мы пришли в правительство в конце 1991 г., самое большое потрясение, которое я испытал, было от внезапного понимания отсутствия какого бы то ни было управления ведущими отраслями, всей экономикой. Было ощущение, что самолет летит, а экипаж тихонько выпрыгнул с парашютами...

Е. Гайдар, 1994 г.

— *Егор Тимурович, у части нашего общества существует убеждение, что у Гайдара в 1991–1992 гг. ничего не получилось с проведением реформ, что с того времени начался развал экономики в России. Как бы Вы прокомментировали подобные высказывания?*

— **Егор Гайдар:** Тогда, в конце 1991-го, на старте реформ, перед нами стояла абсолютно срочная задача. Разваливалась административная система управления. Работа нерыночного хозяйства невозможна без жесткой тоталитарной власти. Крушение КПСС, обслуживающих ее властных инструментов неизбежно повлекло острейший кризис социалистической экономики, в которой перестают работать приказы и отнюдь не начинает сразу работать рынок. Отсюда тотальный дефицит, реальная угроза краха систем жизнеобеспечения. Деньги не работали. Пятнадцать государственных банков бывших союзных республик печатали рубли, а покупать на них было нечего. Принципиальным был вопрос: сумеем ли

мы запустить рыночные механизмы, не допустив голода, в кратчайшие сроки заставить работать рынок, вернуть хотя бы минимальное доверие к рублю, добиться, чтобы на прилавках появились товары, чтобы экономика стала открытой, образовался частный сектор?

Это сделать удалось. Рынок работает, рубль конвертируемый и устойчивый, частный сектор создан, экономика открытая, о дефиците и карточках мало кто вспоминает. Что не получилось? Не удалось совершить переход быстрее, а значит, безболезненнее, ибо здесь каждый лишний год — это дополнительные тяготы для народа.

— *Под давлением прокоммунистического Съезда народных депутатов РСФСР Ваше правительство ушло в декабре 1992 г. Вас сменил В.С. Черномырдин. А утверждения о том, что с декабря 1992 г. в России по-прежнему осуществляется не имеющий перспективы гайдаровский курс, имеют место быть. Провалы правительств В.С. Черномырдина и С.В. Кириенко также объясняют тем, что их программы писал гайдаровский институт.*

— **Егор Гайдар:** Мне очень интересно слышать о гайдаровском курсе, который реализуется после 1992 г.

По моему глубочайшему убеждению, никакого общего курса, который реализовался бы за это время, не было. Была серьезнейшая борьба вокруг направлений экономической политики. Были прорывы, к сожалению, короткие по отдельным направлениям, были длительные метания и колебания. Любой, кто читает газеты, не может этого не знать.

Когда был гайдаровский курс?

Когда Черномырдин замораживал цены в конце 1992 г.?

Когда накачивали денежную массу, «поднимая производство» в 1994 г., и шли к «черному вторнику»?

Когда в эти годы пробуксовывали все структурные реформы и весной 1997 г. (когда в правительство вошли Немцов и Чубайс) пришлось брать за них с огромным опозданием?

Не было гайдаровского курса. К тому же зачем обижать, скажем, Вольского, Глазьева, Геращенко, Черномырдина и других российских политиков, чьи идеи воплощались с не меньшим усердием, чем гайдаровские, и во всяком случае в более обширные временные периоды?

Да, были отдельные эпизоды, в которые проводилась достаточно осмысленная экономическая политика: первая половина 1992 г., осень 1993 г., с марта по июль 1997 г., готово было к этому и правительство Кириенко. Но никакого единого курса не было.

— *И все же, Егор Тимурович, почему, например, Польша в экономических успехах далеко опережает нас, а ведь при социализме этого не было?*

— **Егор Гайдар:** Потому что в Польше был реализован курс радикальных реформ, который у нас получил журналистское название «шоковая терапия». Потому что, несмотря на все колебания в составе польского правительства, линия на финансовую стабилизацию, радикальные рыночные реформы и скорейшую интеграцию в европейские структуры была последовательно проведена. Поэтому экономический рост в Польше начался через 3 года после падения производства — у нас он не начинался вплоть до настоящего времени.

Именно поэтому цена экономической реформы там оказалась несравненно меньшей. Польские политические лидеры в отличие от наших оказались способными прийти к консенсусу по принципиальным направлениям. Видимо, сказалось и то, что они лучше понимали процессы перехода к рыночной экономике и чувствовали большую ответственность за качество жизни своего народа.

— *А насколько велика вина Вашего и последующих правительств в том, что Россия наделала много внешних долгов, которые придется выплачивать будущим поколениям?*

— **Егор Гайдар:** Давайте разберемся с долгами. По состоянию на конец 1994 г., когда были в полной мере упорядочены наши отношения по долгам Советского Союза и Россия уже произвела некие заимствования у международных финансовых организаций, долг России состоял из двух частей: 109 млрд долл. — долги СССР и 11 млрд долл. — долги России, проводившей тяжелейшие реформы.

На сегодняшний день совокупные долги России (включая советский долг) составляют около 150 млрд долл. Значительная часть этого прироста обусловлена начислением процентов по долгу СССР. Мы занимаем у Международного валютного фонда, чтобы выплачивать проценты по долгам бывшего Союза и гасить часть его задолженности, которая осталась неурегулированной.

Советский Союз, безусловно, имел периоды значительного экономического роста. Понятно, что для этого требовалось значительное финансирование. Серьезные политологи и экономисты знают природу развития при социализме. Источники хорошо известны: с начала 1930-х до конца 1950-х — развитие за счет разорения деревни, затем — за счет нефтяной ренты с уникальных по низкой стоимости добычи богатейших месторождений Западной Сибири, с 1980-х гг. — за счет быстрого наращивания внешнего долга и продажи валютных и золотых запасов. Сейчас за это приходится расплачиваться.

— *Егор Тимурович, что же получается? Реформаторы получили в наследство от последних правительств Советского Союза и правительства РСФСР Силаева одни долги. Очевидно, все Ваши надежды были связаны с помощью Запада, с Международным валютным фондом (МВФ), а она практически не последовала.*

— **Егор Гайдар:** Уникальность российских реформ состоит в том, что они начинались как раз без взаимодействия с МВФ. Тогда мы не были членами Международного валютного фонда, других финансовых организаций. МВФ не понимал, что здесь происходит, с кем надо иметь дело. Поэтому сотрудничество с фондом началось значительно позже, чем стартовали реформы, что, конечно, не помогло нам в решении острейших финансовых задач.

Надо сказать, мы все это понимали и отдавали себе отчет, что на крупные займы в начальный период реформ рассчитывать нельзя. Напомню хотя бы положение программы на 1992 г., где мы ставили себе задачу свести бюджетный дефицит к минимуму, чтобы не зависеть от кредитов. Поэтому, несмотря на молодость, наше правительство было не столь наивно, как кажется.

— *И тогда Гайдар вслепую скопировал «шоковую терапию» с соседних стран и не придумал революционного прорыва, подходившего России, учитывающего ее национальные особенности?*

— **Егор Гайдар:** Своим оппонентам я бы посоветовал чаще опираться на логику. Они видят успехи Польши, где именно «шоковая терапия» дала хороший результат, и тут же ругают российских реформаторов за то, что они пошли тем же путем. На самом деле, как я уже отвечал выше, из-за метаний в нашей стране не была осуществлена последовательная либеральная линия.

Что касается тезиса о том, будто Гайдар пытался что-то слепо скопировать. Любому мало-мальски образованному экономисту с самого начала было ясно: копировать абсолютно невозможно. Ситуации, в которой оказалась Россия в 1991 г., никогда в мировой экономической истории не было. Никогда не разваливалась держава, в которой 75 лет существовала социалистическая экономика, никогда это не совпадало с крахом всей системы управления, никогда полтора десятка центральных банков бывших союзных республик одновременно не печатали общую валюту и т. д.

Да, отдельные элементы опыта, в том числе стран, уже начавших выходить из социализма, — Польши, Чехии, как и опыт послевоенных стабилизаций, мы хорошо знали и постарались использовать. Но российская ситуация требовала новых решений, порой предельно рискованных, на которые приходилось идти.

Возьмем маленькую, частную, но принципиально важную задачу. Зарубежные эксперты считали, что нужно сохранить общую рублевую зону. Мы же были убеждены, что общая рублевая зона работать не будет, что мы получим масштабный импорт инфляции в Россию, который перечеркнет все наши стабилизационные усилия. Дальнейшие события подтвердили, что мы полностью были правы. Таких примеров можно привести немало, так что ни у кого ничего списывать было невозможно.

— *У каждой реформируемой страны были национальные модели преобразований — в США при Рузвельте, в послевоенной Германии, во Франции, в Чили, Японии, Китае, — которые быстро дали результаты. Наши же реформаторы абсолютно не учитывали народную идеологию. Как Вы относитесь к этому упреку?*

— **Егор Гайдар:** Тема приспособления к России моделей реформирования всех перечисленных стран широко обсуждается в экономических, политических кругах и СМИ еще с горбачевских времен.

Оценки «взрывных реформ», которые, по мнению многих оппонентов, сразу давали осязаемые результаты, часто не учитывают всю сложность процессов, сопровождавших или сопровождающих эти реформы.

Рузвельтовский новый курс, провозглашенный в 1933 г. Напомню, что в 1937–1938 гг. восстановление американской экономики сменилось новым падением, что в 1938 г. уровень валового внутреннего продукта (ВВП) был существенно (на 12%) ниже,

чем в 1929 г., что только военные заказы, связанные со Второй мировой войной, существенно переломили тенденцию. И учтите, все эти годы титанических усилий ушли не на коренную, революционного типа перестройку экономики, а на более точную ее настройку.

Еще один миф — чудесное возрождение послевоенной Японии якобы благодаря коллективизму и планированию. На самом деле в Японии была проведена очень жесткая стабилизационная политика — приблизительно то, что мы называем сейчас «шоковой терапией». Причем реформы, которые шли под диктат оккупационных властей, оказались отнюдь нелегки для народа и вовсе не так быстро дали результаты, как представляется. В 1953–1954 гг. все авторы, писавшие про Японию, были полны глубокого пессимизма по поводу перспектив японской экономики. Они считали, что Япония никогда уже не поднимется, на всю жизнь останется нахлебницей Запада. Лишь в 1956 г. японцы достигли довоенного уровня душевого ВВП. И только в начале 1960-х гг. отношение к Японии радикально меняется — всем становится понятно, что это быстро растущая страна с огромной перспективой. Я хотел бы, чтобы мои оппоненты самостоятельно посчитали, сколько лет для этого понадобилось японцам.

«Экономическое чудо» послевоенной Германии. В России издано много книг о «немецком чуде» и о его творце Эрхарде. Но почитайте, что писали о Людвиге Эрхарде и немецких реформах социал-демократические оппоненты в то время. Например: «Все положения и теория, которые нам преподносил федеральный министр народного хозяйства (Эрхард. — Е.Г.), окончательно потерпели крах. Вся его политика кончилась провалом». Или: «Эта экономическая политика катастрофична». И только к 1956 г. оппозиция стала высказываться, как вспоминал Эрхард, несколько более примирительно.

Чили при Аугусто Пиночете. Приведу лишь несколько фактов, которые желательно знать всем, кто на уровне общих знаний интересуется экономическими реформами. Экономика Чили во время социалистического эксперимента была деформирована гораздо слабее, чем в России. При Альенде там действительно был устроен эксперимент с накачкой денег, попыткой заморозить цены, провести национализацию. Но все же это было попыткой и длилось недолго. В 1973 г. последовал военный переворот, цены разморо-

зили и, как и у нас, прилавки наполнились продуктами, т. е. первые результаты были получены сразу. А вот дальше все было очень непросто. Примерно 3 года — и это при условиях авторитарного режима, сильной экономической команды и более благоприятной структуры хозяйства — ушло на то, чтобы снизить уровень инфляции. Начавшийся в самом конце 1970-х гг. экономический рост оказался неустойчивым, сменился падением на фоне мирового финансового кризиса. Только с 1983 г., через 10 лет после начала реформ, в Чили восстанавливается устойчивый экономический рост, и лишь к 1986 г. по объему ВВП на душу населения эта страна выходит на уровень 1971 г.

Конечно, потом, когда за этим следует десятилетие динамичного роста, самого высокого в Латинской Америке, разговоры о «чилийском чуде», которое произошло быстро и просто, становятся обыденным элементом легкого чтения и, видимо, оттуда переходят в аргументы многих маститых политологов.

Особо следует остановиться на Китае. Эта тема, пожалуй, величайшее недоразумение во всем спектре обсуждаемых альтернатив. К 1978 г., когда Китай начал серьезно менять траекторию своего развития, по производству валового внутреннего продукта на душу населения, по доле населения, занятого в сельском хозяйстве, и многим другим структурным показателям эта страна очень напоминала Россию 1929 г. В Китае была огромная избыточная занятость в примитивном сельском хозяйстве, где сотни миллионов людей пребывали на грани голода, никаких социальных гарантий для подавляющего большинства населения не было, как, впрочем, нет и сейчас.

Китай тоже пытался наращивать экспорт нефти, решать проблемы аграрного сектора на основе импорта продовольствия. В конце концов стало ясно, что дальше по социалистическому пути идти невозможно. При очень низком уровне индустриального развития Китай получил возможность формировать свой новый частный индустриальный сектор не на месте старого госсектора, а рядом — и это очень важное отличие от ситуации в России.

Первое, что там затронуло подавляющее большинство населения, — это шоковая аграрная реформа, деколлективизация. Ее значение для Китая сопоставимо с тем несостоявшимся в нашей стране событием, как если бы Сталин распустил колхозы сразу после

войны. Причем процесс шел отнюдь не по гениальному замыслу Дэн Сяопина. Если посмотреть китайские документы, то можно узнать, что коммунистическое руководство сначала пыталось сдерживать развитие подворного подряда, ограничить его применение территорией отсталых районов. Но движение к подворному подряду в крестьянской стране вспыхнуло, как пламя, и остановить его было невозможно. В 1980 г. коммуны были распущены повсеместно, хотя это совершенно не вытекало ни из каких принятых документов.

Кстати, Зюганов, тоже хвалящий «китайский путь», мог бы взять на вооружение хотя бы этот первый этап китайских реформ.

Когда совершился радикальный перелом в деревне, у китайцев появилась возможность использовать огромный высвобождающийся потенциал для того, чтобы создавать мелкую и среднюю, частную и получающую промышленность, ориентированную на внешний рынок. Например, «половодье» пуховых курток, с которым знакомы россияне, как раз оттуда, из китайской деревни. Можно себе представить, какое оживление внесло это раскрепощение в ужасающе бедные аграрные регионы страны. Так был получен первый прирост производства. Да, в Китае долго оставался госсектор с 18% населения, занятого в нем, — что в 1979-м, что в середине 1990-х. Явно неэффективный, он потреблял огромную долю кредитных ресурсов — до 75–80%. Но так как он был островком (это же не огромный советский индустриализованный материк с беспрецедентным по масштабам военно-промышленным комплексом), то его можно было довольно долго поддерживать за счет ресурсов, которые высвобождали новое сельское хозяйство и возникший частный сектор.

Вывод из китайского опыта таков: индустриализация может идти по разным направлениям. Когда сейчас восхищаются высокими темпами китайской индустриализации, следует напомнить: на том же уровне развития — в первые пятилетки — темпы индустриализации и роста ВВП у нас были сопоставимы с китайскими. Другое дело, что тогда в СССР формировалась уродливая индустриальная структура, которая раньше или позже должна была потянуть страну вниз, а в Китае рождался ориентированный на рынок, интегрированный в мировую экономику частный сектор.

Поэтому своим коммунистическим оппонентам я посоветовал бы задаться простым вопросом: почему ни Сталин, ни все последующие коммунистические правители, кстати имевшие неограниченную власть, не пошли в свое время путем, который теперь называют китайским и который ими превозносится?

Можно обсуждать, была ли у Сталина альтернатива типа китайской в 1929-м или в 1945 г. Можно ли было еще успеть сесть на этот уходящий поезд эффективной экономики в самом конце 1950-х, когда доля занятых в сельском хозяйстве России составляла 50%. Но всерьез рекомендовать России стратегию китайских реформ даже применительно к началу горбачевского периода — к 1985 г. — могут только несерьезные экономисты и политики.

Я очень желаю китайскому руководству и китайскому народу пройти следующий этап реформ без потрясений, но опасаюсь, что все самые серьезные неприятности у этой страны впереди. В Китае понимают потенциальные риски и потому решили сбросить с госбюджета индустриальных монстров, которых так долго удавалось кормить за счет частного сектора. Дальше продолжать ту же губительную политику стало просто невозможно.

— *Валовой внутренний продукт в России сегодня ниже, чем валовой внутренний продукт в РСФСР, примерно на 30%. Промышленное производство упало более чем вполтину. А количество семей, имеющих машины, за это время увеличилось вдвое. Может это вместе быть правдой?*

— **Егор Гайдар:** Может. Социалистическая экономика по своей природе была прямым аналогом экономики Египта периода строительства пирамид. Когда их строительство прекратилось, какая-то часть ресурсов перераспределилась в ремесло и сельское хозяйство, т. е. благосостояние какой-то части населения выросло.

Когда разваливается социализм, совершенно неизбежно начинается падение производства, потому что идет постепенное перераспределение ресурсов из неэффективных видов деятельности в новые, эффективные. Причем из-за влияния рынка и конкуренции это не тот процесс, который вы можете организовать упорядоченно.

У нас в отличие, скажем, от Польши была недостаточно последовательная политика реформ, поэтому период падения производства растянулся не на три года, а на большее число лет. Падение

оказалось в результате гораздо более глубоким, чем оно должно было быть. А предпосылки роста оказываются гораздо хуже сформированными.

При этом в России сегодня экономическое положение неизмеримо лучше и стабильнее, чем оно было в 1991 г. За это время пройден огромный путь к формированию базы рыночной экономики. Но из-за отсутствия систематической и последовательной политики переход оказался социально более болезненным, чем он должен был быть. Падение производства больше, падение доходов больше, период падения и период социальной дезорганизации дольше и т. д. Мы довольно дорого заплатили за истеричные крики «патриотов и борцов за народное счастье», которые уверяли и уверяют, что радикальные реформы в России не нужны.

2. ЕЩЕ РАЗ О «ХАЛЯВНОЙ» ПРИВАТИЗАЦИИ

...О приватизации в постсоветских странах можно спорить долго. Всюду было недовольное большинство населения. Не будет преувеличением сказать, что приватизация в России была проведена относительно успешнее, чем в большинстве бывших республик СССР, ставших самостоятельными государствами. Я, например, считаю, что приватизация относительно успешно проведена в Чехии, но убедить в этом чехов очень непросто...

Е. Гайдар, 1994 г.

— *Егор Тимурович, поговорим еще об одной болевой теме — о приватизации. Ваши недоброжелатели утверждают, что «халявная» приватизация не дала эффективного собственника, не принесла роста производства. А надо было навести порядок в государственной собственности, и она давала бы в казну огромные деньги.*

— **Егор Гайдар:** Великолепный рецепт! Поднять эффективность госсектора или хотя бы его части пытались много раз — от совнархозов при Хрущеве, бригадного подряда при Брежневле, ареста прогульщиков в кинотеатрах при Андропове до записанного в программу КПСС научно-технического рывка при Горбачеве. Что же ни у кого ничего не получилось?

Обратимся к опыту других стран. Наиболее характерный пример — Болгария. Там в 1991 г. начали с либерализации цен, а по-

том остановились на структурных реформах и оставили подавляющую часть промышленности в руках государства. На практике это обернулось спонтанной, бесконтрольной приватизацией в пользу директоров, которые набрали кучу безответственных займов. Последовал масштабный кризис банковской системы, а в 1997 г. ее крах. Национальная валюта за год упала в несколько десятков раз. Болгары были вынуждены произвести сокращение непроцентных бюджетных расходов в масштабах, которые нам не снились и в страшном сне.

Сообщаю своим оппонентам, что даже коммунисты из нашей Госдумы, изучив вопрос о «вредительской приватизации» с целью «прихлопнуть» ее, пришли к выводу, что частные предприятия работают не хуже государственных, а лучше. Об этом заявила специальная депутатская комиссия. Мне хотелось бы, признаюсь, отыскать страны, где госсектор эффективнее частного.

— То, что рыночная экономика эффективнее общегосударственной, в 1991 г. понимали многие. Ведь исходную правовую базу приватизации составили два закона о приватизации, принятые Верховным Советом РСФСР в июле 1991 г., т. е. задолго (по быстротечности событий того года) до прихода Гайдара и Чубайса в правительство. Обвиняют же опять Вас.

— Егор Гайдар: В очередной раз открою «тайну» появления приватизационных чеков. И Гайдар, и Чубайс были против них. Давайте не переверять историю, давайте вспомним: Верховный Совет действительно принял Закон о чековой приватизации до нашего прихода в правительство. Идея целиком овладела СМИ. Для нас это было неприятным ударом, мы хотели проводить приватизацию за деньги. Нам казалось — надо сначала достичь финансовой стабилизации, каких-то элементов рынка, чтобы в стране появились деньги, за которые можно было бы продавать предприятия, и хотя бы относительно рыночная цена этих объектов. Ясно было, что небольшую собственность — мастерские, магазины можно было приватизировать сразу, а остальное пришлось бы оставить на 3 или 5 лет. Зато мы сделали бы все не «халявно», а как Тэтчер, как в Венгрии, где элементы рынка развивались с 1960-х гг.

— Вы и сейчас убеждены в том, что история не дала Вам возможности провести именно такую приватизацию?

— **Егор Гайдар:** Теперь-то я понимаю: мы тогда были неправы. Мы ошибались, намереваясь тащить столько лет на государственном горбу абсолютно неэффективную госсобственность в условиях разваливающейся страны, пустой казны и потери рычагов управления.

Помню, как мы пытались хоть как-то наладить контроль и управление, приглашали на обсуждение этой задачи руководящих работников Госплана и слышали в ответ, что, на их взгляд, экономика неуправляема уже более года. Стало ясно: в таких условиях мы не дождемся финансовой стабилизации, зато неминуемы полное бесконтрольное присвоение собственности, ее расхищение и другие опасные, в том числе в социальном плане, последствия.

Так что пришлось идти по российскому варианту приватизации, указанному Верховным Советом. Кстати, большинство постсоциалистических стран использовали ваучер в том или ином виде, этот метод оказался для них универсальным. Так же универсальны и упреки властям в несправедливости проведенной приватизации, например, в тех же Чехии и Польше.

Оглядываясь назад, скажу о том, что очень хотелось бы поправить, будь у нас тогда большая свобода маневра. Главное — исключить второй вариант приватизации, который отдавал 51% акций трудовому коллективу, а фактически директору. Когда стало ясно: или никакой приватизации, или контрольный пакет фактически бесплатно трудовому коллективу, то бишь руководителю предприятия, мы вынужденно пошли на компромисс.

Дальше Верховный Совет выставил жесткое требование: не повышать цену предприятий, на которых идет такая приватизация. Теперь, конечно, можно ругать реформаторов за бесплатную раздачу собственности, причем нередко ругают те же люди, которые рьяно боролись за снижение цены предприятий.

За кого же так сражались народные избранники? Наивно думать, что они действительно отстаивали интересы трудового коллектива. Я помню, как во время совещания с директорами в Тольятти они требовали: «Отдайте нам не 51%, а хотя бы 75%!» Вот чьи интересы защищало коммунистическое большинство первого российского парламента.

— *И в результате эффективных собственников в стране так и не появилось?*

— **Егор Гайдар:** Да, мы получили неполноценных собственников — инсайдеров с правом бесконтрольно и абсолютно безнаказанно распоряжаться чужим добром. Конечно, и среди директорского корпуса оказались способные менеджеры, но они были очень редким исключением.

Уже тогда нам было ясно, что этот компромисс с Верховным Советом затянет структурную перестройку и появление эффективных собственников, но иного выбора обстоятельства нам не оставили.

Нигде и никогда в мире приватизация, каким бы способом она ни велась, не считалась справедливой. Ни шахтеры Англии, ни население постсоветских стран недовольны этим процессом. Восточные немцы тоже возмущались, что некоторые их крупные предприятия продали вообще за символическую цену — за одну марку.

Когда с большой похвалой говорят о Дэн Сяопине и приводят его известные слова о кошке, умеющей ловить мышей, хочется напомнить и другое, не менее известное его высказывание: «Не все сразу станут богатыми. Некоторые разбогатеют сначала, другие — потом. Мы должны позволить некоторым людям разбогатеть».

Конечно, мы бы очень хотели, чтобы приватизация была как можно более справедливой, социально приемлемой. Но мы не были ни богами, ни царями, возможности наши всегда были ограничены поиском консенсуса с парламентом и даже внутри исполнительной власти.

Кроме того, хотелось бы спросить: а кто должен был стать в России собственником? Дядя Сэм из-за океана? Так, во-первых, он тогда категорически не хотел к нам идти, а во-вторых, все же не хотелось ему продавать основную российскую собственность.

— *Егор Тимурович, кстати, о богатых и собственниках. Разве их появление и растаскивание крупной собственности началось не при союзном правительстве Н.И. Рыжкова?*

— **Егор Гайдар:** Вы правы. Именно при нем активно создавались так называемые малые предприятия, народные предприятия, псевдоакционерные общества и псевдокоммерческие банки.

А на вопрос, откуда взялись первые собственники в России, можно ответить, приведя маленький пример. Были государственные дачи и были государственные чиновники, которые эти дачи приватизировали. Кто приватизировал, а кто не приватизировал?

Рыжков Н.И., Силаев И.С., Куликов А.С. приватизировали. Да многие приватизировали. А всякие там реформаторы — Гайдар, Чубайс — не приватизировали. Видимо, у нас был разный подход к тому, как надо проводить приватизацию. Мы считали, что ее надо проводить в последнюю очередь для себя, а мощный слой людей, очень сильных, с хорошо представленными интересами, был твердо уверен, что проводить ее надо в первую очередь для себя.

Да что дачи! Кто что опекал, тот и пытался этим овладеть — в министерствах, главках, в обкомах комсомола. Они это и взяли твердо еще до всяких ваучеров, до нашего прихода в правительство. Уже был Закон о предприятиях 1989 г., были аренда с правом выкупа, кооперативы и малые предприятия при больших предприятиях, разрешенное компартией полное хозяйственное ведение и т. д.

Вы что думаете, партийно-хозяйственная элита была так наивна, что не понимала, что система вот-вот рухнет и будет заменена рынком? Все понимала и даже законодательно позаботилась о сохранении своей власти над собственностью еще за пару лет до всяких путчей и беловежских встреч, между прочим.

Что оставалось нам делать? Посылать армию забирать собственность у директора, начальника главка — отца родного для трудового коллектива? Но это же полная глупость! Так что мы пытались ввести этот процесс хоть в какие-то рамки, хоть под какой-то контроль. На самом деле, скажу откровенно, мы все время пытались у них хоть что-то отобрать, чтобы им осталось не 100%, а пусть 51%, раз оставить меньше не получалось.

— *Так или иначе собственники в России появились. Жизнь и законодательство должны были выявить и оставить наиболее эффективных. Так?*

— **Егор Гайдар:** Есть такая экономическая зависимость, которая называется теорема Коуза: «Не важно, как распределена собственность, важно, что она распределена, права на нее зафиксированы и являются торгуемыми. Тогда собственность неизбежно через некоторое время будет переходить в пользу тех, кто умеет эффективно ею пользоваться». Под давлением сложившихся обстоятельств мы были вынуждены принять такую схему: базовый момент — собственность реально в руках директоров, причем в наиболее неэффективной форме, легально плохо оформленной, стимулирующей

воровство. Далее, чего мы хотели добиться ваучерной приватизацией: собственность упорядоченно распределена, позиции инсайдеров (директоров) ослаблены, появились первые частные внешние акционеры, скупившие ваучеры, контроль над собственностью перераспределяется из рук инсайдеров в руки эффективных собственников, которые наводят порядок на предприятии.

Конечно, этот путь оказался очень тяжелым из-за слабой общественной поддержки, мощнейшего сопротивления, в том числе экономических и региональных элит.

— *Плюс к этому отсутствие традиции, опыта, дикое невежество в вопросах рынка, откуда-то «неожиданно» появившаяся страсть только к личному обогащению бывших носителей коммунистической морали...*

— **Егор Гайдар:** Фундаментальное непонимание, которое сквозит во многих публикациях о том, что происходит в России, берет начало в каком-то ирреалистичном представлении, как будто в нашей стране не было вполне осмысленного марксистского образования. Пришел Гайдар — и все разрушил, пришел Ельцин — и повернул не так, а иначе. На самом деле это мощные социально-экономические процессы, это страна, где живут полтора миллиона людей, столкнувшихся с тяжелейшим кризисом, связанным с застоём, упадком и трагическим крушением социалистического хозяйства. Это масса мощнейших интересов, сформированные структуры, многовековые традиции, сложившиеся отношения к собственности, к государству. Все это влияет тысячами разных сил на главный вектор, и область допустимых значений для реформаторов не широкая площадь, где ты выбираешь: хочу по китайскому, или по шведскому, или по американскому пути. Это тоненькая-тоненькая тропинка, по которой приходится карабкаться.

Читая статьи, в которых высказана примитивная история мира, я не перестаю удивляться их авторам: они не знают сложную, уникальную историю России, не понимают, как устроены ее экономика, ее социальные традиции. А потому они думают, что все так происходит, потому что кто-то ни с того, ни с сего взял и начал реализовывать «антинародный гайдаровский курс».

Есть почти три десятка стран, которые входили в социалистическое сообщество. Возьмите на себя труд, изучите их пути. Ведь на самом деле в них до 100 правительств сменилось, что они только

не пробовали! Разве можно всерьез верить, что украинский премьер Витольд Фокин был идейным монетаристом, который под влиянием романтических убеждений начал осуществлять радикальные реформы?

Или белорусский премьер Вячеслав Кебич, он что — маэстро рыночных реформ с дипломом Гарварда? Или Петру Роману, глава румынского правительства, для которого в то время главным стержнем была идея обойтись без шоковой терапии и делать все не так, как в Польше? И к чему привели альтернативные курсы их правительств Украину, Белоруссию, Румынию?

Ни одна индустриальная постсоциалистическая страна не показала, что можно идти другим путем — без приватизации, финансовой стабилизации, структурной перестройки — и получить хорошие результаты.

3. КТО ЖЕ ОБЕСЦЕНИЛ ВКЛАДЫ НАСЕЛЕНИЯ В 1992 г.?

...Кого в первую очередь жалко, так это людей старшего поколения. По многим причинам им намного труднее приспособиться к изменениям в жизни общества, наступившим после краха социализма. И если более молодые поколения граждан нашей страны не смогут в ближайшие годы улучшить их жизнь, то это будет очень плохо и печально...

Е. Гайдар, 1998 г.

— *Итак, Егор Тимурович, о Вас говорят, что Вы развалили советскую экономику, обесценили вклады граждан, совершили массу других греховных дел. Считаете ли себя виновником за все свершенное или привыкли к подобным обвинениям и не обращаете внимания на них?*

— **Егор Гайдар:** Привыкнуть к таким обвинениям невозможно, поэтому приходилось многократно и приходится до сих пор разъяснять, что же происходило на самом деле.

При некоторых обвинениях вспоминаю героя кинофильма «Кавказская пленница». Помните, ему говорят: «Затем на развалинах часовни...» — и он, потупя взор, спрашивает: «Простите, часовню тоже я развалил?» — и с облегчением слышит: «Нет, это было до Вас, в XIV веке...»

Так вот, я тоже не разваливал часовен и многого другого. Что же касается вины... Наш замечательный писатель Андрей Платонов сказал примерно следующее: «Без меня народ неполный». Этой фразой он подчеркнул значение отдельного человека, отдельной личности, его ответственность перед обществом. Для себя я продолжаю мысль Платонова: «Да, я чувствую себя за многое, происшедшее в нашей стране, в ответе перед своим народом, своей совестью». Давайте лишь уточним, что я понимаю под этим.

— *Давайте еще раз начнем с экономических бед, которые связывают с Вашим именем.*

— **Егор Гайдар:** Небольшое сравнение с недавней ситуацией. Смотрите — теперь уже бывшее правительство Примакова — Маслюкова пришло править страной, у которой валютные резервы превышают 12 млрд долл., худо-бедно работающие экономика и финансовая система. Да, в наследство правительству перешли от предыдущих правительств большие внутренний и внешний долги.

Наше молодое, начавшее в 1992 г. реформы в стране правительство не имело ни цента валютных резервов, золотой запас также был почти промотан и те же громадные внешний и внутренний долги, оставленные нам правительствами Рыжкова, Павлова.

Не было у нас осенью 1991 г. прекрасно работающей (даже плохо работающей) экономики. Далее. Старая система управления экономикой (фактически социалистической экономикой СССР) полностью развалилась. Новую систему управления вводимой рыночной экономики еще предстояло создавать. В результате экономика страны находилась в самом опасном состоянии — в свободном падении. И почему-то это падение не могли приостановить правительства Рыжкова, Павлова, Силаева, да и охотников выправлять положение что-то не находилось.

— *Егор Тимурович, многие забыли, многие просто не верят, что было так плохо...*

— **Егор Гайдар:** Хорошо, они не верят Егору Гайдару. Но, надеюсь, они еще помнят Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП), в обращении которого к народу были и следующие слова: «...Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных и решительных мер по стабилизации экономики,

то в самом недалеком времени неизбежен голод и новый виток обнищания, от которых один шаг до массового проявления стихийного недовольства с разрушительными последствиями...» Это признание прозвучало в августе 1991-го, когда о Егоре Гайдаре никто, кроме близких, не слышал. Понятно, что в ноябре–декабре 1991-го положение в стране стало еще более угрожающим.

— *И хотя Вы вошли в правительство России в ноябре 1991 г., а в декабре 1992 г. под давлением прокоммунистического Съезда народных депутатов передали свои полномочия главы правительства В.С. Черномырдину, Вы все равно и за это в ответе?*

— **Егор Гайдар:** Декабрьская Москва 1991 г. — одно из самых тяжелых моих воспоминаний. Мрачные, даже без привычных склок и скандалов очереди. Пустые прилавки магазинов. Женщины, мечущиеся в поисках хоть каких-нибудь продуктов. Среднемесячная зарплата — 7 долл. Всеобщее ожидание голода и катастрофы.

Так вот я был в ответе за то, чтобы зимой 1992 г. люди не испытывали ни голода, ни холода.

Тогда многие говорили о рыночных реформах. Но у нас просто не было иного выхода, как начать их, и чем раньше, тем лучше для людей.

Почему так? Потому что, как я уже говорил, три четверти века господствовавшая система тотального регулирования скоропостижно скончалась, финансовая система рухнула, рубль стал «деревянным». Альтернативой рыночным реформам был «военный социализм» или «военный коммунизм», если хотите. Для этого пришлось бы вводить продрозверстку и комиссаров, наверное, с автоматами Калашникова для того, чтобы они отбирали задаром зерно или мыло. Но получилось ли бы такое в конце XX в.?

— *Так начались либерализация цен, обесценивание вкладов населения и обвинения Вас в безнравственности?*

— **Егор Гайдар:** И продолжение вопроса — несу ли я ответственность за то, что наше правительство лишило людей тех денег, которые они накопили. Так? Давайте поразмышляем. Советские люди, не имевшие возможности купить без многолетней очереди автомобиль, кооперативную квартиру и другие дорогие предметы потребления, несли свои деньги в сберегательные кассы (в сберегательный банк по-современному). Туда же несли свои сэконом-

ленные рубли пенсионеры и малообеспеченные люди, т. е. люди отдавали свои деньги в долг Сбербанку.

С 1967 г. советские правительства стали регулярно забирать деньги в Сбербанке на свои многочисленные расходы. Вначале изымалось понемногу — по 2–3 млрд руб. в год. Потом все больше и больше. С середины 1980-х объемы изъятий из системы сберкасс на финансирование дефицита бюджета перевалили за 10 млрд руб. в год. К концу 1980-х — до 20 млрд. В конце правления правительства Рыжкова все, что было в сбербанке, было изъято на военные расходы, войну в Афганистане, на помощь братским режимам, на неэффективную экономику и т. д.

Нашему правительству реформаторов оставили нулевые валютные запасы, около 110 млрд долл. долгов и проблему со сбербанком, сейфы которого были также пусты. Это суровая реальность, имеющая достоверное бухгалтерское подтверждение. Так кто же обесценил вклады населения в 1992 г.?

Поэтому, когда меня продолжают обвинять в безнравственной и безжалостной политике, больно ударившей по карману трудящихся, в жестких мерах, приведших к обесцениванию и без того «пустых» вкладов в сберкассах, мне всякий раз приходит на память эта страшная картина зимней Москвы, ощущение того, что запасов зерна хватит лишь до февраля 1992 г., что в большинстве регионов страны действуют не обеспеченные ресурсами талоны на продукты питания и товары первой необходимости.

И я убежден, что делом самой высокой нравственности в то время было спасение людей от голода и холода.

— *Значит, «не крало», Егор Тимурович, Ваше правительство народных денег?*

— **Егор Гайдар:** Отвечу грустной шуткой: даже если очень хотело бы «украсть», не смогло бы — все было «украдено» до нашего правительства.

— *А могло ли правительство Гайдара компенсировать людям их обесценившиеся вклады?*

— **Егор Гайдар:** Отвечу честно — в 1992 г. не могло бы. Опыт послевоенной Германии говорит, что для индексации вкладов необходимы стабильная валюта и растущая экономика. Именно к этому мы стремились в 1992 г. Мы пришли в правительство в

условиях тяжелейшего кризиса и, работая в нем совсем недолго, сделали немало для того, чтобы кризис был преодолен. В стране не случилось ни голода, ни катастрофы. Практически исчезли дефицит и очереди. Заработал рубль. И главное — была раскрепощена инициатива сотен тысяч россиян. К концу 1992 г. страна была неизмеримо более стабильной, чем в 1991 г. Но для того чтобы всерьез ставить вопрос о компенсации вкладов, необходимо было еще несколько лет твердого реформаторского курса, восстановления устойчивого роста экономики на рыночных основах.

— *Ваши преобразования экономики России были в основном рациональным исследованием или экспериментом? Были ли допущены ошибки, если были, то какие? Что бы Вы сделали сейчас?*

— **Егор Гайдар:** Наши преобразования опирались на экономическую науку, экономическую теорию. Есть развитые страны с социально ориентированными рыночными экономиками. Был небольшой опыт у некоторых постсоциалистических стран, например Польши, Чехии, по переходу к рыночной экономике. Но теории перехода от социалистической экономики к рыночной, тем более для страны, жившей 75 лет при социализме, естественно, не было.

Поэтому были и ошибки, и компромиссы. Но каждый раз, когда мы под давлением обстоятельств отступали от своих задумок, всякий раз это было плохо.

И если бы мы начинали в 1992 г., имея опыт, который имеем сегодня, мы делали бы примерно то же самое, но с гораздо большей убежденностью.

— *Может быть, поэтому в селении Куркачи Высокогорского района Республики Татарстан имеется единственная пока в России улица Егора Гайдара?*

— **Егор Гайдар:** Я не претендую на столь высокую честь, хотя и благодарен своим татарским друзьям.

А вот своей деятельностью приблизить время, когда россияне почувствовали бы улучшение жизни от либеральных реформ, — за это мы все в ответе.

4. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА НА НАШЕЙ СТОРОНЕ

...России предстоит пройти очень серьезный путь, чтобы она действительно стала демократической страной с рыночной, устойчивой и стабильной экономикой. России предстоит самой решить свои важнейшие задачи, самой определиться. Выбор зависит исключительно от населения России...

Е. Гайдар, 1999 г.

— *Егор Тимурович, многие политики нелестно отзываються о либерал-монетаристах Гайдара и крахе их рецептов. Почему же действительно макроэкономические рецепты не сработали и финансовая стабилизация оказалась пшиком? И страна в который раз встала на край пропасти — не помогли ни присутствие молодых реформаторов Немцова и Чубайса в 1997 г., ни смена правительства Черномырдина, ни уход в отставку правительства Кириенко соответственно в марте и августе 1998 г.?*

— **Егор Гайдар:** К сожалению, 1997 г. так и не стал переломным для российской экономики. К фундаментальным причинам неудач я бы отнес:

- замедление в последние годы проведения экономических реформ, необходимых для нормального функционирования рыночной экономики;
- отсутствие политической воли для наведения порядка в государственных финансах;
- несоответствие между доходами и расходами государства.

На эти внутренние проблемы сильно повлиял финансовый кризис в мире, кризис в Юго-Восточной Азии. Сам по себе кризис в Юго-Восточной Азии, ухудшавший и осложнявший возможность проведения экономической политики в России, отнюдь не имел для нас неизбежных трагических или даже драматических последствий.

Если вы посмотрите внимательно на документы, факты и цифры, то увидите, что первая реакция российских рынков, международных рынков на кризис в Юго-Восточной Азии по отношению к России была очень спокойной. На протяжении периода между концом октября и примерно 10–11 ноября 1997 г. Россия рассма-

тривается инвесторами в качестве одного из рынков, который в наименьшей степени способен пострадать от кризиса в Юго-Восточной Азии. Все те позитивные факторы, о которых я говорил выше, казалось, еще работают на нас.

— *Но в середине ноября 1997 г. разгорается так называемый скандал вокруг «книжного дела». Причем инспирированная реакция на него явно не адекватна «содеянному», потому что кончается он резким, очевидным ослаблением реформаторов в правительстве. Так?*

— **Егор Гайдар:** Да. За следующие две недели после пика скандала валютные резервы Центрального банка сокращаются на 3 млрд руб. и уже никогда больше не достигают такого уровня, какого они достигли на 10 ноября 1997 г.

С этого времени в финансовых кругах начинается радикальное переосмысление того, а что же будет в России. Значит, правительства, способного проводить реформы, больше нет. Правительственный курс становится слабым и неопределенным. Правительство принимает противоречивые решения. Налоговая реформа откладывается. Выясняется, что Россия далеко не так привлекательна, как это казалось буквально два месяца назад. Ведь на протяжении 1997 г. российский фондовый рынок, через который притекают в значительной степени ресурсы в Россию, рос быстрее, чем в любой другой стране мира на протяжении любого года между 1995 и 1997 гг.

— *А дальше международные инвесторы стали сокращать свои портфели российских ГКО и одновременно принимать меры, направленные на вывод денег с рынка, увеличивая спрос на валюту?*

— **Егор Гайдар:** Нет ничего удивительного в том, что если в предшествующем полугодии российский рынок рос быстрее, чем любой другой, то в течение следующего полугодия российский рынок будет падать быстрее, чем любой другой рынок в мире. Просто радикально меняется понимание того, что здесь дальше будет происходить. Это имеет значение отнюдь не только для финансовых спекулянтов, это имеет огромное значение для нормальной жизни каждого российского человека.

— *Вы можете привести примеры ошибок, в той или иной мере повлиявших на ухудшение положения?*

— **Егор Гайдар:** Уже в ноябре 1997-го, в период первой волны финансового кризиса, денежные власти явно переоценили соб-

ственные возможности, полагая, что смогут одновременно поддерживать и рынок ГКО, и рубль, и банковскую систему. На эту поддержку ушло 6 млрд золотовалютных резервов за месяц. После этого у нас никогда уже не было нормального соотношения между резервами и обязательствами. Расширение валютного коридора в декабре было недостаточным, чтобы сохранить резервы в случае роста спроса на валюту, но достаточным, чтобы породить сомнения инвесторов в способности Центробанка противостоять спекулятивному давлению.

— *Егор Тимурович, а были ли какие-то шансы у правительства Кириенко изменить ситуацию к лучшему?*

— **Егор Гайдар:** Надо понимать, что, даже сформировав самую хорошую программу и приличный состав, правительству невозможно сразу остановить накопившуюся мощную инерцию отрицательных тенденций.

Было молодое правительство, которое предполагало делать правильные и хорошие вещи, а параллельно были растущий государственный долг, высокие расходы на его обслуживание, была неясная ситуация с валютными резервами, поэтому никто этому правительству никакой «бархатной» жизни не гарантировал. И оно буквально в первые дни своей жизни столкнулось с серьезнейшими финансовыми проблемами.

— *Поэтому 17 августа 1998 г. произошло событие сколь ожидаемое, столь и непоправимое?*

— **Егор Гайдар:** Решение, принятое правительством и ЦБ, является очень плохим, очень опасным и одновременно неизбежным.

Почему мы всегда были категорическими противниками девальвации? Потому что в наших условиях — реальных российских условиях — девальвация могла идти только в пакете либо с гиперинфляцией, если мы не реструктурировали долг, либо с реструктуризацией внутреннего долга, которая означает нарушение государством своих обязательств и создает серьезные трудности для банковского сектора. Главная проблема — Россия накопила (в первую очередь в 1996 г.) очень большой короткий рублевый долг. Это была рискованная тактика, связанная с финансированием значительного дефицита бюджета, и эта тактика могла работать до тех пор, пока рынки были спокойны. Как только возникли сомнения, что Россия сможет обслуживать свой долг, рынки закрылись и вы-

яснилось, что обслуживать долг из текущих доходов просто невозможно. Нужна была крупная официальная помощь по линии МВФ, на этой базе — восстановление доверия рынков, на этой базе — возможность финансировать долг за счет более дешевых и более длинных заимствований, одновременно направляя основную часть текущих доходов бюджета на зарплату врачам, учителям, военным и на другие нужды.

— *Ваша реакция на решение президента отправить в отставку правительство Кириенко?*

— **Егор Гайдар:** Считаю, что это вторая серьезнейшая ошибка Ельцина за время его президентства — вторая после Чечни. И последствия не менее серьезные.

Первое последствие — паралич работы правительства в тяжелейших условиях, когда необходима согласованная и четкая работа.

Второе — неопределенность политического курса.

Третье — утверждение нового премьера толкало на компромисс с левой оппозицией, в то время как экономическая логика требовала предельно жестких действий по реанимации ослабевшего рубля. Несостоявшееся премьерство Черномырдина и утверждение правительства Примакова привели лишь к потере времени, которое было столь необходимо для того, чтобы удержать ситуацию под контролем.

Вспомните, что между 17-м и 23 августа массовой паники не было. Падение курса, закупка всех продуктов — это уже развитие событий после назначения нового «и.о.», когда становится ясно, что дальнейшая экономическая политика абсолютно туманна, а к финансовому кризису добавился кризис политический.

— *Вы называли правительство Примакова — Маслюкова левокоммунистическим. Представители правительства уверяли нас, что это правительство профессионалов. Более того, мы обязаны Евгению Примакову некой стабилизацией в обществе. Устраните это противоречие.*

— **Егор Гайдар:** Давайте посмотрим: кто поддержал это правительство в Думе, кто голосовал за него? Это же политический процесс. Главное решение политической силы — это поддерживать или не поддерживать правительство. Правительство было сформировано при энергичной поддержке КПРФ, ее основных союзни-

ков в Думе — фракции «Народовластие» и фракции аграриев и при поддержке «Яблока» и НДР.

Кто занял ключевые посты в правительстве? Первый вице-премьер — экономический лидер КПРФ, председатель думского Комитета по экономической политике Юрий Маслюков. Экономический лидер аграриев, бывший заместитель председателя Комитета по бюджету господин Кулик. Новый министр по антимонопольной политике и развитию предпринимательства господин Ходырев — бывший первый секретарь Горьковского обкома КПСС.

Ситуация, на мой взгляд, предельно понятная. Ясно, на какие политические силы опиралось это правительство, откуда оно в основном брало своих ключевых игроков. Так что, как бы ни называло себя это правительство, оно, конечно, теснейшим образом было связано с левокоммунистическими фракциями. Кстати, коммунистические газеты того времени недоумевали по поводу того, «что Примаков от нас открещивается, претендует на то, что у него какое-то технократическое правительство».

— *Егор Тимурович, в одном из интервью, в котором речь шла о реальной стабилизации в России, бывший вице-премьер бывшего правительства Примакова Ю. Маслюков «скромно» заявил следующее: «Отвечу откровенно: если не мы, то никто». Вы согласны с такой самооценкой правительства Примакова?*

— **Егор Гайдар:** Очень хотел бы, чтобы любое правительство, в том числе ушедшее в отставку правительство Примакова, добилось успехов по выводу страны из кризиса.

По поводу интервью Ю. Маслюкова. Приведу известную восточную мудрость: «Имеющему в кармане мускус не надо говорить об этом». Мускусом из кармана Маслюкова явно «не пахло», что в переводе на язык экономики означало, что дела у команды Примакова шли не так хорошо, как всем россиянам хотелось бы. К сожалению, за время работы правительства Примакова произошли рекордное за всю историю преобразований снижение реальных доходов населения и рекордный рост доли бедных среди населения страны.

Положительным же в его работе явилось то, что правительство Примакова поняло, что возвращаться в социализм невозможно, а экспериментировать с крупномасштабной денежной эмиссией опасно, и поэтому оно не выступило против рынка, частного сек-

тора, иностранных инвестиций. Кстати, правительство в первые месяцы своей работы было явно растеряно и не знало, что делать. А это среди прочего означало, что все заверения Зюганова о том, что у коммунистов имелась программа стабилизации положения в стране, оказались, как мы и предполагали, дешевыми агитками. Если же судить по делам фракции КПРФ и ее союзников, то, если вы посмотрите их бюджетные голосования в Госдуме, а это важнее всяких программных деклараций, увидите суть их экономических желаний — это всегда увеличение государственных расходов, сокращение доходов, увеличение бюджетного дефицита.

Вот три простых элемента данной программы: напечатать много денег, разделить эти деньги, ввести различные формы регулирования, с тем чтобы можно было управлять. Причем эта практика вырастает из предшествующего опыта, из того, что делают коммунистические губернаторы, как только становятся избранными.

— Нам не следует забыть в ближайшие годы про либеральные реформы?

— Егор Гайдар: Давайте посмотрим. У нас было «левокоммунистическое» правительство, неспособное проводить либеральные реформы. Мы выяснили, что оно не хочет возвращаться в социализм, боится. Оно боится печатать деньги. Именно оно и показало, что нельзя проводить в России какую-нибудь иную осмысленную экономическую политику, кроме либеральной.

По моему глубокому убеждению, именно в сегодняшней России с ее реалиями, бюджетом, налоговой дисциплиной, налоговой нагрузкой, уровнем коррупции в государственном аппарате и т. д. можно проводить либо либеральную политику, либо наблюдать за тем, как экономика разваливается на части при полностью бессильном и беспомощном правительстве. Поэтому вопрос о выборе либеральной политики или нелиберальной политики в России на самом деле не стоит. Она обязательно будет либеральная. Другое дело, через какой период и сколько мы будем вынуждены заплатить за период отсутствия этой политики.

Правительство Примакова быстро убедилось, что необходимость контролировать бюджетный дефицит не выдумка доктринеров-монетаристов, а объективная реальность нашей жизни. И жизнь будет к этому подталкивать любое мало-мальски ответственное правительство. Вот отсюда уже идет нарастающая ритори-

рика по поводу жесткого и сверхжесткого бюджета. Но говорить о жесткой политике мало — ее надо еще уметь проводить.

— *И все же, Егор Тимурович, авторитет — не скажу правительства, скорее, Примакова — вырос в то время, а популярности реформаторов 17 августа 1998 г. был нанесен еще один серьезный удар. Не ожидают ли реформаторов в этом году, да и в ближайшие годы очередные разочарования?*

— **Егор Гайдар:** Нет, я так не считаю. Сегодня мы более настойчиво должны объяснять, что происходило в стране и почему. Мы должны попытаться мобилизовать сегодня тот политический слой, слабость и неорганизованность которого во многом проложили дорогу нынешней катастрофе, потому что очень много людей в России за последние годы привыкли жить при капитализме, при этом не думая о том, что этот капитализм надо защищать. На самом деле очень многие в России реально выиграли от реформ. Именно эта часть общества оказалась политически в максимальной степени демобилизованной, именно эта часть общества как бы ушла со страниц газет, именно ее позиция политически не была представлена ни по радио, ни по телевидению.

— *Есть мнение, что именно Вы изменили ход, плавное течение российской истории. Кто-то Вас считает героем, кто-то — Геростратом. Вторых, надо признать, гораздо больше. Как Вы думаете, наступит ли в России время, когда будет больше первых, которые Вам скажут спасибо? Вы втайне ждете этого времени?*

— **Егор Гайдар:** Исторически — да, я убежден, что это время наступит.

Сравнительно недавно я прочитал книжку Яцека Куроня «Семилетка, или Кто украл Польшу». Проведение реформ в Польше сопровождалось большей политической поддержкой, преемственностью курса. Там много сделано из того, что мы с самого начала прокламировали, хотели, за что боролись и т. д. У реформаторов Польши было больше времени на проведение реформ. В результате польская экономика растет, последние пять лет являясь одной из самых быстрорастущих в Европе.

И при этом уровень ненависти по отношению к тем, кто начал реформы, практически тот же самый, что и у нас (Яцек Куронь специально исследовал этот феномен). Я хорошо понимаю почему.

Общественное сознание при социализме по своей природе было сознанием инфантильным в отношениях человека и государства.

Что такое государство для нормального, скажем, американца или нормального англичанина? Это агент по выполнению некоторых функций, высокооплачиваемый, уважаемый наемный агент, который регулирует контракты, обеспечивает их выполнение. Но это он делает на деньги налогоплательщиков, у него нет своих денег.

Что такое государство при социализме? Это одновременно строгий отец и добрая мать. Это не наемный агент. Государство при социализме — хозяин, оно может наказать ослушников, а может конфетку дать и т. д. Но в поздний социалистический период, когда режим явно выдыхается, слабеет, это инфантильное сознание меняет свой знак — теперь государство не справедливый отец, а злой, но слабый и трусливый отчим.

— *И тогда должно прийти понимание того, что, когда у тебя разваливается, взрывается коммунистический режим и ты остаешься на обломках, тебе нужно собственным огромным трудом наверстывать то, что не наверстали несколько поколений предшественников, и ни в какой Швейцарии сразу не проживешь.*

— **Егор Гайдар:** Именно так. Только такое понимание массовым никогда не бывает. Да, можно совершить огромное экономическое чудо, как в Польше, но все равно ведь в Америке-то жизнь намного лучше, и потребуются по крайней мере лет тридцать, чтобы приблизиться к той жизни.

И разрыв между тем, чего многие люди ожидали, и тем, что реально достижимо, на мой взгляд, самая главная психологическая проблема постсоциализма.

— *Так что — да здравствует либерализм?*

— **Егор Гайдар:** Вообще когда говорят, что либерализм в России кончился, либералы должны уйти, хочется сказать: давайте не будем ставить экспериментов на России. Кто хочет что-то для себя проверить, может слетать в Болгарию. Ее опыт чрезвычайно поучителен. В свое время на него указывали с надеждой многие наши недруги, призывая вести экономические реформы так, как это делают болгарские социалисты. Но прошло совсем немного времени, и стало ясно, что политика «хозяйственников» привела к гиперинфляции. Болгария вышла из этого кризиса под скандирование массовых демонстраций трудящихся: «Да здравствует МВФ!» Они

преодолели то, что у нас называют центризмом, но за это увлечение им придется дорого платить еще не один год.

Конечно, многим хочется, чтобы неудобства тяжелого постсоциалистического перехода поскорее куда-нибудь провалились, и кажется, что вот если бы не Гайдар с Чубайсом, то и собственность поделили бы, чтобы всем на жизнь хватило, и стычки интересов в стране не было бы, как и преступности, и мир был бы куда ласковее к нам. Но давайте будем мужчинами и научимся мужественно смотреть в лицо фактам. Избавление от иллюзий и заблуждений недаром считают выздоровлением.

— *Вы остаетесь оптимистом даже в столь неблагоприятное для Вас и Ваших сторонников время?*

— **Егор Гайдар:** Я абсолютно убежден в том, что новый поворот в российской экономической политике неизбежен. И произойдет он на базе не каких-то верхушечных поворотов, а на базе изменения отношений общества к собственным деньгам, к собственным финансам, к собственной стране. Твердый рубль, твердая власть в России будут, но очень хотелось бы, чтобы они были скорее.

Нет, старыми рецептами не обойдешься, старые структуры не восстановишь. Надо включаться в новые процессы. У России есть для этого серьезная база — напомним одну закономерность: после тяжелого кризиса многие барьеры на пути оказываются сняты.

Да, я оптимист. Уверен — будущее за нами и за демократической, реформированной, с достойной жизнью ее граждан Россией.

История оценит — прав я или нет.

< О работе СПС в первый год президентства В. Путина >

Выступление на Координационном совете «Союза правых сил»

19 декабря 2000 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Дорогие друзья! Сегодня исполняется год со дня выборов 1999 г. Этот год был весьма важен и политически насыщен. И потому сейчас я бы хотел остановиться на трех группах проблем.

Первое. Процессы, которые происходили в 2000 г. и происходят сегодня в России.

Второе. Политические итоги года.

Третье. Как оценивает СПС эти итоги и важнейшие задачи, стоящие перед СПС.

Очень часто за разнообразными событиями мы легко можем потерять чувство исторического процесса, общую логику этих событий, их связь. Мне кажется, крайне важно видеть связь между тем, что происходит сегодня, с тем, что происходило в России все предшествующее десятилетие, и тем, что будет происходить дальше.

В предыдущие 10 лет в России произошла полномасштабная социальная революция со всеми ее характерными чертами. Радикально изменилась система политических институтов, система экономических отношений, в обществе и внутри элит проявились глубокие разногласия по принципиальным вопросам устройства общества, возникла острая борьба вокруг перераспределения собственности, проявились характерные для периода революций слабость и неэффективность власти и финансовая нестабильность.

Революция имеет собственные закономерности. И как всегда, причиной революции в России стала негибкость существовавших тогда институтов власти, их неспособность адаптироваться к но-

вым вызовам времени, неспособность в упорядоченном режиме реформировать себя.

Специфическая черта российской революции 1990-х гг. по отношению к другим масштабным революциям прошлого — это ограниченное применение насилия. Это была первая масштабная революция постиндустриального общества. Поэтому она характеризовалась относительно умеренным применением насилия и большими компромиссами с элитами предшествующего режима.

Всякая революция оканчивается постреволюционной стабилизацией. Рано или поздно в обществе накапливается усталость от слабости власти, от нестабильности. Возникает принципиальное согласие по поводу заданности некоторых итогов революции, возможность укрепления власти на базе принятия новых реалий.

В России, когда пришедшее к власти осенью 1998 г. правительство Примакова, опиравшееся на коммунистическое большинство, не посмело сделать ни шага для демонтажа рыночных институтов в России, когда к выборам 1999 г. все политические партии, имеющие хоть какие-нибудь шансы попасть в Думу, пришли с программами, ориентированными на сохранение рынка и частной собственности, стало ясно, что по многим принципиальным вопросам в обществе есть согласие.

Да, есть и будет острейшая борьба вокруг перераспределения собственности, вокруг того, какая должна быть рыночная экономика. Но сам факт существования таковой оказался данностью, и именно потому, что наконец возникает согласие по базовым вопросам, создаются предпосылки для радикального усиления власти. Период слабого государства и слабых правительств, который характерен для всех революций и основа которого не слабость того или иного политика (многие политики революционной эпохи очень сильные и яркие личности), а сам характер протекающих процессов, сменяется периодом укрепления власти, резкого расширения свободы маневра. На самом деле на этапе революции свобода маневра власти всегда предельно ограничена. Когда общество, усталое от периода нестабильности, готово принять более сильную власть, эта новая власть обретает совершенно другое, гораздо более широкое поле для политического маневра и может распорядиться этой свободой маневра разными способами. В Англии именно после английской революции была сформирована

система институтов и гарантий частной собственности, которая послужила базой промышленной революции и стала основой доминирующих позиций Англии в мире на протяжении последующих двух веков.

Во Франции после революционной стабилизации правительство втянуло страну в многолетние завоевательные войны. В Советском Союзе после революционного периода Сталин провел вторичное закрепощение крестьянства и сформировал жесткую тоталитарную диктатуру. В чем специфика этого периода? Действительно, есть объективные и неизбежные предпосылки усиления власти, власть обладает серьезной дополнительной свободой маневра, и очень важно то, как она этой свободой маневра распорядится.

Характерные черты постреволюционной стабилизации очень ярко проявляются сегодня в России. Это, с одной стороны, широкие возможности для проведения властями полезной, осмысленной политики, опирающейся на новое согласие в обществе, способность решать те проблемы, которые оказывались нерешимыми или нерешенными на протяжении предшествующих лет, и, с другой — серьезные риски того, что укрепление власти приведет к формированию недемократического или авторитарного режима, что за стабилизацией власти мы получим нарастание авторитарных тенденций.

Усталое общество, дискредитация многих ценностей революционного периода, включая демократические, ностальгия по символам старого режима — это явление, характерное отнюдь не только для России 2000 г.

Именно сейчас, именно на этапе постреволюционной стабилизации и определяются важнейшие решения, перспективы, от которых зависит подведение итогов предшествующего десятилетия.

Всякая революция — это не романтическая прогулка, это всегда тяжелейшее потрясение и огромное испытание для общества. Чем же стала для России революция 1990-х? Оказалась ли она тяжелым путем к формированию эффективно работающей, дееспособной демократии с рыночной экономикой, обеспечивающей возможности адекватного развития России в XXI в., или это был пролог к формированию архаичного, изолированного от мира режима, где будет нарастать отставание под аккомпанемент старых легенд и гимнов?

Попытаемся посмотреть, как эти возможности и угрозы проявились в политической практике 2000 г.

Начну с экономики, потому что мне это удобнее и проще. В экономике сейчас мы наблюдаем очевидные признаки подъема. Быстро растут валовой внутренний продукт, промышленное производство, инвестиции, реальные доходы населения. И здесь есть много дискуссий о том, в чем причина этого подъема. Связан ли он с теми реформами, которые сейчас проходят в экономике, или он полностью обусловлен реальной девальвацией рубля и высокими ценами на нефть. Позволю себе высказать суждение, что подъем экономики не связан ни с тем и ни с другим. Во-первых, реформы, которые проводятся сегодня, начнут реально сказываться только с 2001 г., и связывать с ними подъем 1999–2000 гг. было бы странно. Во-вторых, высокие цены на нефть, скажем, благоприятны для России, но крайне неблагоприятны для Украины. А мы видим, что экономический подъем начинается отнюдь не только в России, но и в других государствах СНГ. У нас были времена, когда реальный курс рубля был неизмеримо ниже, чем сегодня, но почему-то в то время мы видели не экономический подъем, а резкое падение производства.

На самом деле в России за предшествующие годы сформировалась критическая масса прилично управляемых, рыночно ориентированных предприятий, способных обеспечивать нормальное производство, способных принять те ресурсы, которые высвобождаются из нетрадиционного, неэффективного, оставшегося по наследству советского сектора. Этот процесс шел медленно из-за масштаба накопленных проблем, из-за слабости проводимой экономической политики, но все-таки шел, и сейчас можно использовать эту накопленную базу для целей, обеспечивающих экономический рост.

Период падения был длинным, длиннее, чем в Восточной Европе. Но этот наиболее тяжелый период подошел к концу. Однако не надо думать, что это само по себе обеспечит нам базу устойчивого экономического роста. На самом деле у России осталось от Советского Союза и от времени переходного периода колоссальное количество серьезных экономических проблем. По опыту других стран мы знаем, что такой экономический рост может быть весьма неустойчивым и может быстро кончиться.

В связи с этим использование возможностей власти для решения важнейших структурных проблем или продвижения реформ по целому ряду ключевых направлений — это предпосылка обеспечения устойчивости роста. Новое правительство столкнулось в 2000 г. со своеобразной проблемой, связанной как раз с высокими ценами на нефть, потому что высокие цены на нефть вообще фактор расслабляющий. Легко проводить жесткую политику, когда у тебя нет денег, трудно — когда они у тебя есть. И вообще реформы часто начинают тогда, когда нет другого выхода. Их редко начинают для удовольствия.

Важным и позитивным результатом 2000 г. был тот факт, что правительство все же нашло в себе политическую волю сформировать программу глубоких структурных реформ, и не только сформировать, но и начать ее практическое воплощение.

Важнейшим результатом этого года я могу назвать начало налоговой реформы. Мы много об этом говорили еще в период правления Б.Н. Ельцина. Но тогда для нее не было политической базы. Сейчас такая база появилась, и в этом году был сделан ряд важных шагов в этом направлении, таких как введение плоского подоходного налога, единого социального налога с регрессивной шкалой, отмена оборотных налогов и др.

Но это еще не все. Нам предстоит принять 29 глав Налогового кодекса. Предстоит тяжелейшая борьба по многим направлениям. У нас остается весьма архаичным налогообложение прибыли. У нас запутанное, непонятное налогообложение всего энергетического сектора, ресурсные налоги и т. д. Но то, что нам удалось сделать серьезный шаг вперед в ключевом направлении, обеспечивающем возможность экономического роста, легализацию российской экономики и сокращение теневого оборота, мне кажется очень позитивным результатом.

Второе. Мне кажется, что также был сделан серьезный шаг вперед и по пути упрочения фискального федерализма. У нас была очень сложная и запутанная система распределения полномочий и источников доходов по уровням власти. Там и сейчас остается много проблем. Но те шаги, которые были предприняты, в том числе практически полная передача в федеральный бюджет налога на добавленную стоимость и в региональные — подоходного налога, позволяют существенно выровнять доходную обеспеченность ре-

гионов и серьезно продвинуться в направлении осмысленного распределения доходных источников и расходных полномочий между уровнями бюджетной системы. Здесь тоже остается огромное поле работы.

У нас практически неработающий Закон о финансовых основах местного самоуправления. Отношения между муниципалитетами и регионами урегулированы крайне слабо. Но и здесь был сделан серьезный шаг вперед.

Правительство действует в направлении унификации ставок таможенных пошлин и снижения их общего уровня. Это важно для того, чтобы обеспечивать дальнейшую интеграцию России в мировую экономику.

Продвижение в области банковской реформы, в области упрощения прав собственности, в области реформы естественных монополий было более чем ограниченным. Тем не менее тот факт, что правительство сформулировало близкую нам идеологически программу, не просто сформулировало, а начало ее воплощать в жизнь, — это серьезный и позитивный шаг.

Второе важнейшее направление, по которому произошло серьезное продвижение в 2000 г., — это реформа системы нашего федеративного устройства: формирование федеральных округов, реформа Совета Федерации. Результаты этого продвижения я бы оценил как смешанные. Во-первых, само движение в этом направлении, на мой взгляд, абсолютно правильное. Не может существовать нормально федерация, в которой федеральные законы не выполняются отдельными регионами. Не может существовать нормально федерация, где есть ограничения на пути перераспределения товаропотоков между регионами. Не может существовать федерация, где исполнение или неисполнение законов зависит от воли того или другого местного руководителя. И было ясно, что продвижение в этом направлении просто необходимо для нормально функционирующего федеративного государства. Точно так же, как крайне спорным является существование федерации, где часть высокопоставленных чиновников исполнительной власти свободна от какой бы то ни было ответственности за свои действия. И в связи с этим предпринятые шаги по укреплению власти абсолютно логичны, естественны и правильны. Я убежден, что наша фракция правильно сделала, что их поддержала.

Вместе с тем именно потому, что мы находимся на этапе постреволюционной стабилизации, двигаться в этом направлении очень непросто. Именно тот факт, что мы являемся Федерацией, — важный результат предшествующего развития. Федерацией управлять гораздо труднее, чем унитарным государством. Но Россия, видимо, может быть демократией только как федерация с развитым местным самоуправлением. Она слишком сложно устроена, слишком разнообразна. Здесь есть риск того, что, двинувшись в направлении укрепления федерального контроля за федеральными функциями и федеральным законодательством, можно очень легко потерять меру, начать вмешиваться из Москвы в вопросы, которые целиком и полностью относятся к компетенции регионов и местных властей, вновь начать де-факто выстраивать авторитарное государство, что будет крайне неэффективно и крайне опасно. Мы будем категорически против такого развития событий. Мы категорически против подрыва основ местного самоуправления. И очень надеемся, что власть не пойдет по этому ошибочному пути.

Военная реформа. Здесь власть на протяжении 2000 г. сделала, на мой взгляд, целый ряд важных шагов вперед. Из них, конечно, наиболее серьезным является принятое решение о масштабном сокращении численности Вооруженных сил на протяжении следующих трех лет с направлением высвобождаемых средств на решение социальных проблем военнослужащих, улучшение боевой подготовки и улучшение снабжения армии современным вооружением.

Сами проработки по упрощению структуры управления войсками, по изменению системы приоритетного развертывания, как мне кажется, отражают реалистичный подход нашего руководства к задачам военной реформы. Но здесь также предстоит огромная серьезная работа. Остается много нерешенных вопросов и в области военного образования, и в области системы комплектования войск. И здесь приняты правильные решения, но очень многое будет зависеть от того, как эти решения будут воплощаться в жизнь в 2001–2002 гг.

Область, в которой в наибольшей степени проявился риск, характерный для периода постреволюционной стабилизации, — это, конечно, вопросы функционирования демократических институтов и реальной свободы слова. Именно здесь риск наиболее

большой, потому что есть и дурные российские традиции, приобретенные не только за предшествующие 70 лет, но и за все предшествующие века. Есть и дискредитация многих демократических прав и свобод в предшествующем десятилетии. И надо сказать, что многие олигархи, которые первыми попали под Молох давления, много сделали для дискредитации идеи свободы слова в России.

Вместе с тем надо понимать, что свобода слова и демократические институты нужны не Гусинскому и Березовскому, они принципиально важны для России, для нашей страны. И надо быть очень наивным, чтобы не понимать, что за давлением на НТВ стоят отнюдь не только финансовые проблемы этой телерадиокомпании. Подобного рода демонстративные действия отзываются в регионах, и местные чиновники с удовольствием берут пример с федеральной власти, наглядно объясняющей, как надо работать со свободной прессой. Мы видим признаки этого во многих-многих регионах России. Это предельно опасная тенденция. Вообще такая идеология, с которой заигрывали многие либеральные экономисты, заключающаяся в том, что нам не нужна демократия, а подайте нам российского Пиночета, и черт с ними, с демократическими свободами, нужно сначала создать нормальную, эффективную рыночную экономику, а там уже разбираться со свободами, — это мне кажется очень серьезной опасностью по многим причинам. Во-первых, потому что мир видел эффективные в экономическом отношении авторитарные режимы, но это всегда было очень серьезное исключение. Гораздо более реалистично, учитывая наши традиции, предполагать, что этот режим будет коррумпированным, не способным к проведению осмысленной экономической политики.

Во-вторых, мы не в XVIII в., мы в XXI. Это век быстро меняющихся глобальных условий, когда важно не то, сколько ты настроил заводов, а то, в какой степени ты способен каждый раз приспособливаться к вызову меняющегося мира. Демократия — это несовершенный, но лучший инструмент адаптации, лучший элемент, обеспечивающий гибкость этой реакции. Подрыв демократических институтов, за которые мы так дорого заплатили, был бы страшной трагедией для нашей страны. Мы все равно вынуждены были бы потом их снова формировать. Это снова было бы тяжело

и больно. И Россия просто заплатила бы еще более тяжелую цену за то, что уже оплачено.

В связи с этим мы считаем угрозой свободе слова и демократическим институтам реальной. Мы прекрасно знаем, что, для того чтобы она реализовалась, отнюдь не надо вводить чрезвычайное положение. Мы прекрасно видим опыт многих наших соседей по СНГ, где формально вроде все это есть, но все понимают, что эта демократия является игрушкой. У нас при всех существующих проблемах демократия до сегодняшнего дня была молодым, но реально функционирующим инструментом. Мы должны сохранить демократию на этапе постреволюционной стабилизации. Это важнейшая наша задача, это то, за что мы будем и должны бороться.

Я, естественно, не могу подробно говорить обо всем, что произошло в 2000 г. Подводя коротко итоги, могу сказать, что 2000 г. был годом серьезных возможностей и серьезных угроз для российской демократии. Надо сказать, что по ряду направлений эти возможности были использованы и остаются предпосылки для того, чтобы использовать их и дальше в полном объеме. Вместе с тем угрозы, которые мы хорошо видели в начале года, проявились как угрозы не только потенциальные, но и реальные. И борьба с этими угрозами будет нашей важнейшей, как мне кажется, политической задачей в предстоящий период.

Вопрос о позициях и задачах СПС. Когда власть делает что-нибудь для нас неприятное и нам не нравящееся, скажем поддерживает гимн Александра или разворачивает серьезное наступление на демократические права и свободы, совершенно естественно, что у нас, как и в любой политической организации, возникает принципиальный вопрос о наших отношениях к власти и о том, оправдан ли переход «Союза правых сил» в оппозицию нынешнему президенту и правительству. Выскажу свою точку зрения по этому поводу.

Мне кажется, самое главное, что мы не можем себе позволить, — играть словами. Переход в оппозицию — это не красивое слово, а политическое решение, которое влечет три важных последствия.

Первое. Если мы переходим в оппозицию, значит, мы должны призвать наших коллег и единомышленников, работающих в правительстве, выйти из этого правительства и не участвовать в его работе.

Второе. Если мы переходим в оппозицию, значит, мы должны быть готовы поддержать вотум недоверия существующему кабинету.

Третье. Если мы переходим в оппозицию, значит, мы должны отказаться поддержать тот бюджет, который вносит правительство.

Давайте проанализируем эти решения. Первое. Да, в правительстве довольно много наших людей, которые являются членами СПС или же просто тесно с нами связаны. Если мы сегодня призовем их уйти из правительства, будет ли это полезно для России и для СПС? Мне кажется, что сегодня это будет вредно и для России, и для СПС.

Второе. Правительство Касьянова, к которому у нас есть свои претензии по отдельным существенным направлениям, на мой взгляд, пока работало достаточно неплохо, приняло очень близкую нам программу и довольно активно принялось реализовывать ее в жизнь. Так неужели мы должны, объединившись с коммунистами, голосовать за вотум недоверия правительству Касьянова? Я думаю, что это было бы неправильное решение.

Третье. Бюджет, который мы приняли, разумеется, был результатом неких политических компромиссов, как и любой бюджет. И я многое бы там усовершенствовал. Но должен признать, что это лучший бюджет России за последние 10 лет. Что, мы должны были тогда проголосовать против этого бюджета и подвигнуть правительство к коалиции с коммунистами, которая ухудшила бы этот бюджет?

Сегодня такое решение было бы политической ошибкой, и принимать его сейчас ни в коем случае нельзя. Но это совершенно не значит, что мы вообще исключаем возможность такого решения. События могут развиваться таким образом, что у нас не будет другого выхода, кроме перехода в оппозицию. Но этот шаг нужно совершать, серьезно взвесив все «за» и «против», отдавая себе отчет в том, что значат те слова, которые мы произносим.

На сегодня же, мне кажется, осмысленная линия для нас — это линия наращивания своих возможностей и влияния на проводимую политику. Это линия диалога и поддержки правительства везде, где оно реализует наши программные установки, но в то же время это линия жесткого оппонирования правительству там, где

оно делает нечто неправильное, особенно в сфере прав и свобод человека.

Важнейшие задачи, которые, как мне кажется, мы должны попытаться решить в 2001 г.

Первое. Это, конечно, дальнейшее продвижение реформ в области экономики. Здесь у нас огромное поле работы. Налоговая реформа началась, но нам предстоит серьезная борьба за нормальный налог на прибыль, за снижение ставки налога на прибыль. Я считаю, что нашей задачей является снижение ставки налога на прибыль до 25%, чтобы он был конкурентоспособен с другими экономиками с благоприятным инвестиционным климатом. Нам предстоит борьба за ликвидацию налога с продаж, сочетание которого с налогом на добавленную стоимость в высшей степени вредно. Мы сделали только первые шаги в области принятия новых законов о защите частной собственности. Закон о земле и голосование по 17-й главе Гражданского кодекса, конечно, важнейшие для нас политические приоритеты. Земельный кодекс — важнейшее направление, от которого зависит гарантия частной собственности и развитие рыночной экономики в России. У нас очень неэффективна структура государственных расходов. И здесь предстоит очень серьезная борьба и работа. Правительство дорого заплатило за тот компромисс, на который оно пошло с коммунистами при формировании комитетов Думы, и теперь оно сталкивается с тяжелейшими проблемами при продвижении всего, что связано с социальной реформой. Она по существу еще и не начиналась толком. В области социальных реформ позиция правительства и наши позиции совпадают, правительство во многом реализует наши программные разработки и установки, и надо попытаться по максимуму использовать нынешнее политическое окно возможностей.

Важнейшее направление работы для нас — это вопросы, связанные с демократическими правами, свободами и гарантиями прав личности. Так получается, что о гарантированности свобод мы чаще всего вспоминаем, когда кто-то из известных деятелей оказывается за решеткой. Это очень неприятно. Но у нас сотни тысяч людей до суда сидят за решеткой. У нас колоссальное количество людей, которые находятся в тюрьмах без достаточных оснований. У нас плохо функционирует судебная система. В этом году благодаря позиции СПС в максимальной степени была увеличена

статья расходов бюджета 2001 г. на судебную систему. Мы сегодня дали возможность нашей судебной системе продвигаться по многим направлениям, которые были озвучены, но не реализовывались со ссылкой на отсутствие финансовых средств, начиная от судов присяжных и кончая мировыми судьями.

Очень важно, чтобы это было реализовано. Наши коллеги Павел Крашенинников и Виктор Похмелкин многое делали для реформы нашего законодательства, направленной на ограничение использования наказания, связанного с лишением свободы. Голосование по этому пакету прошло на прошлой неделе. Доведение этого до конца — важнейшее направление нашей деятельности.

Военная реформа. Здесь действительно намечены неплохие общие направления, но колоссальное количество нерешенных проблем. Мы по-прежнему убеждены в том, что стратегически Россия должна перейти на профессиональную армию. Мы не демагоги, не наивные люди, мы понимаем, что это сложная задача. Она не может быть решена одномоментно. Она предполагает осуществление целого комплекса важнейших изменений во всей системе военной организации. Тем не менее мы работаем над тем, чтобы предложить правительству реалистичную, финансово обоснованную программу долгосрочной военной реформы, сочетающей профессиональную армию и сохранение мобилизационного потенциала.

Реформа системы образования. Наша фракция в этом году довольно активно включилась в работу в области реформы образования. Благодаря нашей совместной работе с «Яблоком» нам удалось добиться существенного увеличения финансирования образования в следующем году. В первую очередь добились выделения 4,8 млрд руб. дополнительно на программу компьютеризации системы образования. Здесь правительство сформулировало неплохую программу. Очень важно добиться серьезного и реального продвижения в этой области. Я считаю это важнейшим нашим приоритетом.

Наконец, еще одна важнейшая задача на следующий год. Это, собственно, наращивание нашего политического потенциала. Сейчас складывается уже достаточно явно та политическая структура, которая, видимо, будет существовать в России, по крайней мере, в ближайшие годы.

В этой структуре будет существовать партия власти в том или другом виде. И партия эта всегда будет идеологически достаточно аморфна и неопределенна. В ней всегда будет существовать сильная, ориентированная в прошлое левая партия коммунистов. И явно обозначается возможность создания сильного правого противовеса, особенно на фоне тех процессов диалога и совместной работы, которая идет между СПС и «Яблоком».

Власть всегда реагирует на силу. Власть будет реализовывать наши программные установки, власть будет продвигаться вперед, в мир XXI в., если СПС будет сильной политической структурой.

В связи с этим вопросы укрепления СПС, укрепления наших позиций в регионах, нашего участия в региональных выборах, нашего объединения — это и есть те важнейшие политические вопросы, которые во многом определяют дальнейшее развитие событий в России XXI в.

Спасибо, дорогие друзья.

(Аплодисменты.)

< О самороспуске партии ДВР >

Выступление на X съезде ДВР

19 мая 2001 г.

Источник: ЦАОДМ, ф. 8716, оп. 1, д. 182.

Дорогие друзья!

Нам сегодня предстоит решить комплекс очень важных вопросов, связанных с судьбой демократического движения в России, с будущим борьбы за цивилизованное демократическое и рыночное общество в нашей стране. Они носят в том числе конкретный характер, мы будем их обсуждать — вопрос формирования СПС, вопросы Устава — я об этом буду говорить тоже. Но все-таки сегодня, учитывая характер момента, роль этого съезда, я в первую очередь хотел бы поговорить о роли «Демократического выбора России», его месте в истории России последних лет, и в связи с этим о том, какие задачи стоят перед нами.

Мне приходилось говорить о том, что те события, которые произошли в России на протяжении последнего десятилетия, без всякого сомнения, имели революционный характер. Революции имеют свои закономерности применительно к политической борьбе, к судьбе политических партий и движений. Для революционных процессов характерны бурные изменения социальной структуры, системы интересов, сроки изменений и характер основных вопросов, которые решаются в политике.

Период начала революции, предреволюционный период — это всегда период массовых движений, период, когда происходит консолидация сил, недовольных существующим режимом и готовых выйти на борьбу с ним. Это всегда достаточно рыхлая коалиция, потому что на самом деле ее участники очень по-разному представляют себе, как будет складываться жизнь после того, как этот режим будет свергнут, что делать после этого. Они плохо представ-

ляют себе реальные проблемы жизни после, скажем, краха коммунизма. Тем не менее именно эта массовая энергетика, это единство дают основу подобного рода политически мощным, хотя и, как показывает опыт, хрупким коалициям. После крушения режима, когда неизбежно начинается длинный период нестабильности, плохо структурированных интересов, бурных перемен в жизни общества, происходит политическое переструктурирование. Лишь постепенно формируются политические организации, адекватные для работы в совершенно других условиях — в условиях парламентской демократии, не всегда только романтических условиях, в условиях, когда предстоит решить вопрос — быть или не быть коммунистическому режиму, как будет строиться жизнь после этого режима. Это радикальное переструктурирование — характерная черта политического процесса во время всех революций, в том числе революций постсоциалистических.

Мы сегодня собрались примерно через семь лет после создания «Демократического выбора России». Но я напомним, что рядом с нами проходит съезд «Демократической России». А для очень многих из тех, кто собрался в этом зале, реальное участие в политическом процессе, конечно, началось с «ДемРоссии». В общем, конечно, преемственность «Демократической России» как широкого движения конца 1980-х — начала 1990-х гг. и «Демократического выбора России» была достаточно органичной. Грех не вспомнить о том, что «Демократическая Россия» сыграла огромную роль в событиях августа 1991 г., что она в очень большой степени способствовала формированию кабинета реформ в ноябре 1991 г. На самом деле участие лидеров «ДемРоссии», их позиция, что необходимо реформаторское правительство, были, на мой взгляд, очень важным фактором принятия этого решения Ельциным. «Демократическая Россия» поддержала наши инициативы в 1992 г., и многие лидеры «Демократической России» положили значительную часть своего авторитета на то, чтобы поддержать наши необходимые, но непопулярные реформы. «Демократическая Россия» была костяком тех, кто пришел в 1993 г. в октябре к Моссовету. Она действительно была широкой коалицией, которая сыграла огромную роль в крушении коммунистического режима.

Вместе с тем именно потому, что все мы прекрасно знаем «ДемРоссию», мы помним, какой кризис переживала она в 1993 г., мы

помним ее огромную организационную слабость. Эта организационная, общеполитическая слабость имела фундаментальные основания, она не была связана с тем, что были хорошие или плохие лидеры. Просто, во-первых, действительно она базировалась на широкой коалиции тех, кто не хотел продолжения коммунистического режима, но очень далеко расходился в представлениях о том, что надо делать дальше. И во-вторых, по своей природе она действительно была организационно крайне рыхлым образованием.

В 1993 г. наложились два серьезных кризиса, опасных для будущего демократических преобразований в России.

Во-первых, это совершенно неизбежная первая волна разочарования, которая приходит после всякой революции, в том числе после всякой постсоциалистической революции. Вот коммунизма уже нет, а счастья тоже. И счастья долго не будет, потому что для того, чтобы построить на развалинах коммунизма нормальное, эффективное демократическое рыночное общество, нужны огромные усилия, огромная серьезная многолетняя работа. Счастье не приходит просто потому, что больше не стоит памятник Дзержинскому, а понимание этого, к сожалению, никогда не может быть широким и всеобщим. Да, скажем, я и многие здесь присутствующие это понимали, но, к сожалению, очень многие наши сторонники не понимали этого, не хотели понимать. И сколько бы мы ни говорили об этом — не могли этого понять. И в связи с этим разочарование последствиями посткоммунистической революции, тяжесть адаптации к новой жизни, неизбежные проблемы, порожденные началом реформ, везде и всегда порождали обратную встречную волну ностальгии по старому режиму. Это не только в нашей России, где реформы были предельно тяжелыми, а постсоциалистическое наследие наиболее увесистым. Это и в весьма благополучной Польше, весьма благополучных странах Восточной Европы, в которых задачи построения нормального рыночного общества, демократического общества неизмеримо проще, чем у нас. Собственно, ведь если посмотреть историю посткоммунистических стран, в подавляющем большинстве случаев посткоммунистические партии выигрывали вторые выборы после краха коммунистов. Другое дело, что Россия в этом смысле была несимметрична. Посткоммунисты Восточной Европы и посткоммунисты России, Советского Союза — это совершенно разные партии, это совершенно разные люди, это

разные идеологии, это разный уровень опасности для общества. Я думаю, что собравшимся в этом зале не нужно объяснять разницу между Зюгановым и Квасньевским. И в этом смысле угроза этой встречной коммунистической волны на фоне ослабления кризиса собственно продемократических движений, представленных тогда в первую очередь «ДемРоссией», и была важнейшим вызовом, в рамках которого создавалась партия «Демократический выбор России». Да, мы, конечно, ставили своей задачей борьбу за проведение необходимых в России реформ. По крайней мере, для меня и для многих моих единомышленников в 1993–1994 гг. важнейшей задачей, которую мы считали необходимым решить, было сделать все возможное для того, чтобы не допустить коммунистического реванша, не допустить нового полномасштабного прихода коммунистов к власти, не допустить свертывания всего того, что мы делали в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Это была тяжелая борьба без очевидных гарантий успеха, и в общем надо сказать, что нам удалось это сделать. Сделать в тяжелой борьбе, вынужденно идя на компромиссы. При всех наших недовольствах, и фундированных недовольствах нынешней властью, при всех наших претензиях к ней, которые есть, полномасштабный коммунистический реванш, который поставил бы под угрозу все завоевания революции конца 1980-х — начала 1990-х гг., на сегодняшний день, по моему убеждению, невозможен.

И конечно, я не могу не вспомнить, что при всех наших претензиях ко второму сроку президентства Ельцина огромную роль в этом сыграло то, что Зюганов не победил в 1996 г., а он мог победить. Огромную роль в победе Ельцина сыграл актив «Демократического выбора России», который был, собственно, самой организованной силой «полевой работы» ельцинского штаба, я уж не говорю о роли «рядового члена партии» А.Б. Чубайса.

Тем не менее, конечно, период 1995–1998 гг. был для «Демократического выбора России» очень тяжелым. Последствия поражения на выборах 1995 г. стали результатом и объективных процессов дезинтеграции, дробления в демократической части политического спектра, ну и, конечно, наших собственных просчетов и ошибок, о которых никогда не надо забывать, — они существенно осложнили условия нашей работы. По существу, для того, чтобы участвовать в политике, — сегодня для меня это абсолютно очевидно — нужно

иметь парламентскую фракцию. Если у тебя есть парламентская фракция, ты серьезный участник политического процесса, ты участвуешь в процессе выработки и проведения решений. Если у тебя нет парламентской фракции, да, ты можешь говорить, у тебя есть голос, тем не менее твое реальное участие в политическом процессе крайне ограничено. Ведь в общем нет ни одной политической структуры, кроме «Демвыбора», который, потеряв фракцию в Государственной думе, потом сумел бы восстановиться как полноценный участник политического процесса. Тем не менее я считаю, что и в этот очень трудный период нам удалось добиться двух принципиально важных вещей. Во-первых, нам удалось сохранить наш актив, тех людей, которые были мобилизованы в политику на той революционной волне 1989–1991 гг. и хотели, готовы были продолжать участие в новой политике, уже политике постсоветской эпохи, готовы были продолжать борьбу за формирование либеральной линии в российском обществе, в российской политике.

Во-вторых, нам удалось сохранить нашу роль как интеллектуальных лидеров, роль тех, кто предлагает повестку дня, тех, кто предлагает программные решения, которые затем обсуждаются, принимаются, поддерживаются, отрицаются, но которые, собственно, и задавали вектор реформ — пробуксовывавших в 1997 г., успешных реформ, — но вектор реформ.

Эти две задачи нам в общем удалось решить. Тем не менее к началу 1999 г., в канун выборов, было совершенно ясно, что единственный способ победить на этих выборах, единственный способ восстановить наше полноценное участие в политическом процессе — это создание широкой демократической коалиции, широкой коалиции сил, ориентированных на проведение либеральных реформ.

Наши оппоненты были убеждены, что нам никогда не удастся это сделать. Я прекрасно помню иронические комментарии Г.Н. Селезнева, который, комментируя попытки создания тогда «Правого дела», потом «Союза правых сил», очень снисходительно сказал: «Не беспокойтесь, они не объединятся никогда». И наши оппоненты были убеждены, что мы не объединимся никогда, в том числе и потому, что и они, и многие кооперированные с ними структуры предпринимали немало усилий для того, чтобы демократы не объединились никогда. Вот в данном случае мы сумели их удивить,

мы сумели объединиться, мы сумели не расколоться перед выборами, мы сумели научиться работать вместе, и это было залогом нашей победы в 1999 г.

Это объединение непростое, совершенно неизбежно непростое, потому что «Демвыбор России», как, скажем, и «Демроссия», — это, как еще раз подчеркиваю, партия и движение, которые вышли из революционной эпохи. Просто законы, по которым люди мобилируются в политике в условиях революции и в стационарных условиях, разные. В движениях, рожденных революцией, куда больше романтики, самопожертвования и куда меньше прагматизма. Люди приходят туда обычно не для того, чтобы получить должность члена парламента или потом заместителя министра и даже не для того, чтобы добиться, чтобы подоходный налог был снижен с 13 до 12%. Они приходят туда потому, что они не принимают тот режим и у них другое представление о будущем своей страны.

Нормальная прагматичная текущая избирательная политика другая, и там во многом другие люди и другие законы, там и работа, чтобы мобилизовать группы интересов, объединить их, позволить дальше стать представителем этих интересов и добиваться после этого, чтобы эти интересы были учтены в политическом процессе. Демократия так работает, на это не надо обижаться, мы все за нее боролись, она вот так устроена во всех странах мира. Надо понять, что это действительно во многом другой процесс. И мы строим либеральную партию, — партию, представляющую интересы тех, кто сегодня заинтересован в том, чтобы были низкие налоги, хорошо защищенная частная собственность, нормально работающая судебная система, чтобы собственность эту у них не отняли, нормально работающие средства массовой информации, потому что в первую очередь, если их не будет, то произволу чиновников не будет границ. Но совершенно необязательно, чтобы она, эта партия, была такой же, состоящей из таких же людей, которые в свое время в первую очередь поставили своей задачей построение в принципе демократии в нашей стране. И надеяться, что мы сможем построить такую партию, которая будет столь же солидарна, в такой же степени объединена общей историей, историей общей борьбы — это просто, к сожалению, не понимать реальностей политического процесса.

В связи с этим, конечно, сама работа по объединению была непростой и будет непростой. Тем не менее я просто хочу напомнить о некоторых первых результатах, которых нам уже удалось добиться на основе того, что мы объединились, выиграли выборы и создали фракцию в Государственной думе. Собственно, в 1997–1999 гг. мы вели активную работу по подготовке так называемого второго этапа реформ в России. Некоторые реформы, которые мы предлагали в том числе, пыталось провести правительство молодых реформаторов. К сожалению, эти реформы в подавляющем большинстве столкнулись с отсутствием адекватной базы поддержки в парламенте и не были реализованы. Тот «красный том» программы СПС, который в свое время, может быть, кто-нибудь из вас помнит, С.В. Кириенко вручал Путину в декабре 1999 г., в подавляющем большинстве своем был подготовлен в этот период, в период 1997–1999 гг. и в большей своей части усилиями членов «Демократического выбора России». Тем не менее без фракции в Государственной думе мы никогда не могли бы надеяться на реальное воплощение его в жизнь. А этот пакет стал реальной основой программы нового правительства. И больше того, не просто стал основой этой программы, этот пакет во многом начал воплощаться в жизнь. Я как человек, который был причастен к разработке многих этих документов и к проведению их, могу сказать, что, если бы не было фракции СПС в Государственной думе, у нас никогда не было бы плоского подоходного налога, у нас никогда не было бы отмены оборотных налогов, у нас никогда не было бы единого социального налога, у нас никогда не было бы прогрессивной ставки социального налога, у нас не было бы серьезных шагов по упрощению бюджетного федерализма и мы никогда не добились бы введения в силу 17-й главы Земельного кодекса, по существу легализовавшего частную собственность и частный оборот земли в России. Это меньше, чем нам хотелось бы, у нас огромная повестка дня реформ, которые мы хотели бы провести, но и этого немало и это полностью потому, что мы смогли объединиться, потому что мы смогли выиграть на выборах, потому что мы смогли научиться работать вместе.

В связи с этим, на мой взгляд, политическое решение об объединении либеральных демократических сил будет принято не сегодня. Мы приняли его с вами в 1999 г. на съезде ДВР, когда

приняли решение о формировании предвыборной коалиции, ставшей основой фракции СПС в Государственной думе. Далее мы обсуждаем, по существу, не политический, а важный, но организационный вопрос, связанный с тем, как будет функционировать дальше «Союз правых сил». И здесь, на мой взгляд, у нас нет другого выбора, кроме формирования единой политической партии. Почему?

Первое. Любая коалиция всегда и неизбежно является хрупкой, всегда чревата раздорами, выходом отдельных партнеров. К тому же чем ближе к выборам, тем больше будет интереса у наших политических противников к тому, чтобы кризисы в нашей коалиции становились более и более вероятными. Сегодня, когда, по крайней мере, до плановых выборов довольно значительное время, мы имеем серьезные возможности снять риски, связанные с хрупкостью нашей коалиции. А снять риски, связанные с хрупкостью коалиции, можно только на основе создания единой политической организации.

Второе. А почему нас не устраивает, собственно, та форма, которая есть сейчас? У нас есть общественно-политическое объединение, в нем представлены участники коалиции. А почему, собственно, нам не остановиться на этом и зачем нам нужна единая партия? На мой взгляд, потому, что подобного рода объединения всегда в значительной степени недемократичны. Я знаю жалобы, и обоснованные жалобы наших сторонников, в том числе и членов ДВР, в том числе региональных организаций, на недемократичность процесса принятия решений в СПС. И я с ними согласен. Но беда в том, что если вы выстраиваете коалицию, которая основана не на нормальных демократических процедурах — есть члены партии, они голосуют, принимают решение, это решение учитывает интересы меньшинства, оно в том или ином виде выполняется, оно все выстроено на основе баланса интересов, то как могут в этой хрупкой и малоуправляемой структуре соблюдаться нормальные демократические процедуры? Да никак не могут. Это всегда будет борьба за влияние, это всегда будет мысль не о том, как вместе сделать дело, а о том, кто займет какое место, кто усилится, кто ослабится. Это неизбежное поле внутренней борьбы. Да, это было возможно и неизбежно как переходный этап, но сохранять эту кон-

струкцию надолго как устойчивую — значит не создать единой дееспособной организации.

Теперь следующий вопрос. Когда создавать? Чем раньше, тем лучше.

Здесь сидят по большей части люди, давно участвующие в политическом процессе и поэтому опытные. Они знают, что нет более сложного момента для любой политической структуры, чем момент, когда происходят реорганизационные изменения, чем момент, когда на базе одной организации или коалиции возникает новая организация, потому что это всегда трения, это всегда напряжение, это всегда некоторые перегрузки. И в связи с этим чем раньше мы это сделаем, чем раньше мы пройдем этап этих перегрузок, чем раньше договоримся, чем раньше у нас появится нормальная, демократически устроенная организация с демократическим же процессом принятия решений, не основанная на принципе сдержек и противовесов, чем больше у нас времени будет для нормальной работы до выборов, тем будет, на мой взгляд, лучше.

Да, конечно, есть, еще раз подчеркиваю, серьезные проблемы с формированием этой коалиции. Первое — она на самом деле включает представителей двух непротиворечивых, но существенно разных идеологий. В СПС сегодня очевидно представлены люди, исповедующие и либеральную идеологию в собственном смысле, для которых главным приоритетом являются политические свободы, права человека, и есть силы и политические движения, для которых главными и доминирующими являются правоцентристские ценности: защита собственности, низкие налоги, де бюрократизация экономики. Эти ценности, вообще говоря, не противоречат друг другу, они являются взаимодополняющими, но акценты разные, и во многих странах они представлены разными партиями. Но только надо понять, что Россия — это еще молодая демократия и мы не можем позволить себе комфорт иметь одновременно либеральную и правоцентристскую партию. Это просто значит, что и та и другая будут слишком слабыми для того, чтобы серьезно и эффективно участвовать в политическом процессе. В Германии с ее все-таки длительной историей демократии либеральная партия балансирует на грани участия в политическом процессе. Что говорить о России?

Наша партия всегда, если она хочет быть эффективной, должна быть коалицией либералов и правоцентристов.

Второе. Еще раз подчеркну: надо понимать, что мы разные люди, с разными устоями, и мы должны принять это как данность. Вот иметь такое сообщество единомышленников с общей историей, как мы имели в ДВР, очень комфортно, это очень приятно — нам всем всегда приятно быть вместе. Но, к сожалению, для того, чтобы участвовать в политическом процессе, мало, чтобы тебе было приятно. Надо, чтобы ты представлял достаточную политическую силу. А для этого мы должны быть вместе с людьми, имеющими другую историю, которые не приходили к Моссовету в 1993 г. и не были у Белого дома в 1991 г., а в это время зарабатывали деньги, и когда они их наконец заработали, после этого поняли, что все равно для того, чтобы защитить эти деньги, мы должны отстаивать те же принципиальные идеи, за которые боролись это десятилетие.

Политический процесс не самое приятное, на мой взгляд, занятие в жизни и в общем необязательное в условиях демократии. Есть другие занятия. Можно заниматься своими делами, экспертной деятельностью, разработкой идеологии, правозащитной деятельностью. Но логика участия в политическом процессе, к сожалению, накладывает свои ограничения. Если ты хочешь участвовать в политическом процессе, ты должен создавать широкие коалиции, достаточно широкие для того, чтобы быть представленным в парламенте, чтобы быть силой. И другого способа у нас, кроме как создание достаточно широкой коалиции, — единой, организованной, объединенной в СПС для участия в политическом процессе, — нет, по моему глубокому убеждению.

Сегодня нет альтернативы сохранению ДВР в качестве участника политического процесса, кроме как участие в СПС. Сегодня реальные альтернативы следующие: отказ ДВР от участия в политическом процессе, превращение по существу (не по названию, а по существу) в неполитическую организацию, в объединение правозащитников, сторонников либеральной идеологии, что возможно. На мой взгляд, это неправильно. Или участие ее в политическом процессе, а это значит поддержка решения об организации СПС и о вхождении ДВР в СПС.

На самом деле уже сегодня ДВР очень активно интегрировалась. Большая часть наших сторонников и активистов сегодня участвует в работе СПС. Очень многие региональные организации СПС сегодня созданы на базе организаций ДВР или с их активнейшим участием. В связи с этим мы сегодня не совершаем революцию — мы продолжаем естественный процесс, который (еще раз подчеркну) мы начали с вами сами, когда ДВР первой инициировала работу по созданию широкой коалиции в 1999 г.

Конечно, предстоит борьба за то, какой будет СПС. Документы, связанные с образованием СПС, вырабатывались с нашим участием. Мы их обсуждали с участием наших региональных организаций. Мы знаем, что у наших региональных организаций есть серьезные замечания, скажем, связанные не с программой, а в основном с уставными документами. Мы их сегодня будем обсуждать. Мы сформулируем свои замечания, направленные в первую очередь на демократизацию Устава, с тем чтобы СПС не напоминала нам партию, основанную на принципе демократического централизма, — партию, которая является слепком с КПСС. Мы будем отстаивать эти позиции на съезде СПС. Я очень надеюсь, что делегаты съезда СПС поддержат некоторые наши поправки, направленные на демократизацию Устава.

Борьба не закончится на этом съезде. Еще раз подчеркиваю: наше участие в СПС менее комфортно, чем участие в ДВР, потому что там политическое поле шире, потому что там разные силы и разные люди, разные представления. Поэтому нам надо будет принимать активное участие в борьбе за то, каким будет СПС, в какой степени его политика будет соответствовать нашим идеологическим ориентирам, в какой степени нам удастся создать на базе СПС реальную демократическую политическую организацию. Но участие в этом процессе, в борьбе требует одного — нашего четкого, определенного решения, что мы готовы участвовать в политическом процессе, что мы считаем, что та работа, которую предстоит сделать для проведения реформ в России, еще огромная, что повестка дня необходимых реформ в России, к сожалению, крайне длинна. Она может быть сделана с нашим активным участием.

Я убежден, что только с нашим активным участием она и может быть сделана. Уважаемые коллеги, я убежден в том, что сегодня

ня мы должны принять важнейшее решение о том, что ДВР принимает участие в создании «Союза правых сил». И в связи с этим ДВР принимает решение о том, что мы распускаем нашу партию, с тем чтобы наши сторонники, единомышленники могли в полном объеме участвовать в создании новой, сильной, либеральной, ориентированной на европейские ценности политической организации.

Спасибо.

О стратегических задачах «Союза правых сил»

Выступление на Совете партии СПС

22 декабря 2002 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

С сокращениями опубликовано в: Правое дело. 2003. 17–23 января.

Еще не начавшись, нынешнее декабрьское заседание Совета партии «Союз правых сил» успело обрасти множеством слухов. В частности, из прессы я с интересом узнал, что, выступая на нем, буду озвучивать тезисы предвыборной программы В.В. Путина, которая предназначается для президентской избирательной кампании 2004 г. Если бы это соответствовало действительности, вероятно, озвучивал бы их не я, а сам В.В. Путин.

Но в таком случае что за этими слухами стоит? Имелись ли для них какие-то реальные основания? Объяснение состоит, мне кажется, вот в чем. Наши разработки 1998–1999 гг. были востребованы властью и в значительной степени ею реализованы. Происходило это в течение 2000–2001 гг., в период так называемого окна возможностей. Если сопоставить опубликованные нами в 1999 г. предложения по налоговой реформе и реформе бюджетного федерализма с законами, принятыми впоследствии Государственной думой, Советом Федерации и подписанными президентом, сразу бросается в глаза сходство этих документов.

Я убежден, что обязательно будут востребованы и наши разработки, касающиеся нового этапа развития России, — то, что мы предлагаем осуществить в стране после 2004 г. Эти предложения будут востребованы раньше или позже, потому что они соответствуют реальным потребностям российского общества.

Заранее прошу извинить меня за то, что не смогу охватить весь круг наших наработок. Постараюсь сконцентрироваться на важнейших программных задачах СПС, задачах стратегических, которые определяются наиболее значимыми для России проблемами.

Но сначала краткая характеристика текущего момента. Прошло три года после предшествующих парламентских выборов, год остался до следующих. Время оценить, что удалось сделать и чего сделать не удалось; время составить себе представление о ситуации и наметить программные цели на будущее.

Мы на прошлогоднем Совете партии достаточно высоко оценили результаты реформ 2000–2001 гг. Действительно, было сделано немало, и мы могли тогда говорить о том, что правительство во многом проводит политику, которую выработал и предлагает «Союз правых сил». К сожалению, сказать то же самое о политике 2002 г. мы не можем, поскольку в 2002 г. какой-либо внятной политики у кабинета уже не было. А тот импульс, который был дан реформам в 2000 г., к 2002 г. практически выдохся. Нельзя сказать, что не было сделано вообще ничего: принят, скорее по инерции, набор достаточно серьезных решений, важнейшие из которых — это Закон об особенностях оборота сельскохозяйственных земель¹, хотя он и прошел в изуродованном виде; пакет законов о судебной реформе, тоже во многом выхолощенный, однако зафиксировавший такую необходимую норму, как судебный характер ареста. Но в целом говорить о том, что правительство в 2002 г. проводило некую последовательную политику либеральных реформ, направленную на решение стратегических задач страны, невозможно: такой политики, повторю, просто не было.

Причиной ее отсутствия часто называют предстоящие выборы. В какой-то степени это так: те, кто работает в Думе, чувствуют, как с приближением выборов растет градус популизма в парламенте, насколько труднее становится принимать любые осмысленные решения и насколько легче проходят популистские прожекты. Тем не менее решусь предположить, что предстоящие выборы отнюдь не главный фактор перелома в динамике реформ, который произошел в 2002 г. Не надо забывать о другом важном обстоятельстве:

¹ Имеется в виду Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24 июля 2002 г., № 101-ФЗ. — *Прим. ред.*

в 2001 г. шел процесс постепенного формирования новой партии власти — «Единой России». И если в 2000 г., в начале 2001 г. фракция «Единство» была неплохим инструментом, который власть использовала для проведения в жизнь либеральной повестки дня, то по мере структурирования этого политического конгломерата — «Единой России» — стало видно, что он начинает все в большей и большей степени оказывать влияние на саму политику, которую выработывает власть.

Конечно, люди в состав «Единой России» входят разные: там существуют те, кто готов выполнять любые указания власти, и искренние консерваторы; сторонники партии реванша и защитники господствующих высот, занятых региональными баронами... Но все-таки по характеру, по структуре «Единая Россия» — это партия российской бюрократии. А у российской бюрократии есть свои классовые интересы.

И эти классовые интересы понятны. Их направленность четко проявляется на примере, скажем, отношения правящей партии, у которой большинство в парламенте и которую контролирует исполнительная власть, к реформе жилищно-коммунального хозяйства. Подобная реформа задевает, без преувеличения, большинство российских граждан. Есть там и «мелкая» проблема: государство предоставило своим гражданам набор льгот, стоимость которых оценивается примерно в 50 млрд руб., а оплачивает из этой суммы всего 17 млрд руб. Выйти из ситуации позволило бы одно из следующих вполне логичных решений: первое — платите, второе — отмените льготы. Вы партия власти, и все в ваших руках. Но отменять льготы партия власти отказывается и платить в полном объеме тоже.

К чему ведет в конечном счете такая позиция, ясно. К полной невозможности контролировать огромный сектор, которому все должны и где вследствие этого никто ни за что не отвечает. Пусть там воруют деньги и после этого замерзают дома — вы никогда ничего не сможете контролировать, потому что не хотите отчетливо произнести: вы будете платить по своим обязательствам или нет? Адресуя партии власти этот простой вопрос, нельзя не склониться к грустным размышлениям: а зачем российской бюрократии иметь простые, прозрачные, контролируемые процедуры? Чтобы воровать было сложнее? А надо?!

В продвижении реформ мы подошли сегодня к тому моменту, когда принципиальные вопросы решать предстоит не в чисто экономической сфере, а в сфере государственного устройства, в сфере функционирования власти. Не может не волновать коррупция власти; не могут не волновать функционирование судебной системы и в связи с этим гарантии прав собственности. Общество требует, чтобы власть была некоррупцированной, прозрачной, подконтрольной. А российская бюрократия совершенно откровенно демонстрирует свое неприятие этих требований: ну что вы? некоррупцированная? прозрачная? подконтрольная? Да никогда!

И вот этот классовый инстинкт партии власти, — инстинкт, добавлю, абсолютно осознанный, все в большей степени проявляется в практически реализуемой политике, все в большей степени тормозит те реформы, которые необходимы стране для того, чтобы обеспечить базу устойчивого экономического роста.

Налоговая реформа практически остановилась, реформа бюджетных расходов и не начиналась, нет ни малейших признаков серьезного продвижения в реформе системы здравоохранения и образования, не началась административная реформа, по поводу военной реформы — я буду говорить о ней ниже подробнее — идут тяжелые бои, но практически и она не началась. Короче говоря, ряд важнейших реформ, без которых устойчивый рост в России невозможен, сегодня практически остановлен. Это очень опасный процесс, который мы видели в 2002 г. и, боюсь, будем видеть дальше.

Несколько слов о нынешнем экономическом положении, о тенденциях и рисках.

Идут продолжительные дебаты о том, какова природа экономического роста, который с 1999 г. наблюдается в России. Есть две основные точки зрения. Одна предельно комплиментарная для правительства: к власти пришел В. Путин, последовала политическая стабилизация, начались структурные реформы, они и вызвали рост. Вторая никаких особых заслуг за правительством не признает и связывает рост с высокими ценами на нефть и обесценением рубля. Структурные реформы, конечно, для перспектив роста важны; точно так же важна для российской экономики динамика цен на нефть и реального курса рубля. Но глубина и природа сегодняшнего экономического роста в России прямого отношения к обозначенным выше факторам не имеет.

Поясню. Почему-то, обсуждая тему роста в нашей стране, мы Россию как бы «вырываем из контекста», т. е. игнорируем тот факт, что существует еще примерно три десятка государств, которые, подобно нам, решают задачу постсоциалистического восстановления. И если анализ развития событий в России проводить в контексте того, что происходит у наших соседей, станет очевидно, что растут экономически сегодня, за мелкими исключениями, практически все страны, расположенные на постсоветском пространстве. Росли на протяжении всего периода после краха Советского Союза? Нет. Между 1991-м и 1994 гг. во всех этих государствах наблюдалось падение производства. В 1995 г. начинают появляться первые признаки роста, в первую очередь в тех странах, которые до этого были втянуты в войны или оказались объектом блокады. В 1996–1998 гг. видим рост и в других странах — неустойчивый, часто обратимый. Признаки роста сменяются падением. С 1999 г. рост обретает стабильность и происходит почти повсеместно, кроме Украины. В 2000 г. — повсеместно (исключение — Киргизия в 2002 г.).

Напомню, что среди постсоветских государств есть нетто-экспортеры нефти и нефтепродуктов. Есть нетто-импортеры нефти и нефтепродуктов. Есть те, в которых в течение 1995–2002 гг. происходило реальное укрепление национальной валюты. Есть те, в которых происходило реальное ослабление национальной валюты. Ни в одной из постсоветских стран, кроме нашей, не приходил к власти В.В. Путин и не начинались реформы по российской модели 2000–2001 гг. И тем не менее все они являются сегодня растущими экономиками.

Но если мы все вместе «падали» в первой половине 1990-х, а с конца 1990-х все вместе «растем», есть резон предположить, что и падение в начале десятилетия, и сменивший его в конце десятилетия рост — части единого процесса.

Так оно и есть, и объясняется этот постсоциалистический переход из спада в рост тем обстоятельством, что при социализме колоссальная часть производственной деятельности была экономически неоправданна.

Крупнейшие экономисты XX в., создававшие концепцию национальных счетов и валового внутреннего продукта, к понятию валового внутреннего продукта относились очень и очень деликатно, прекрасно понимая его социальную обусловленность.

Можно вспомнить блестящего американского ученого русского происхождения, нобелевского лауреата Саймона Кузнеца, отмечавшего, что при своеобразных погребальных обрядах, характерных для Древнего Египта (умершим оставляли съестные припасы), трудно определить применительно к тогдашней египетской экономике значение подушевого валового внутреннего продукта: делить ли все, что произведено, на живое население Египта или же на число живых и первое поколение мертвых?

Можно вспомнить о том, что С. Кузнец отказывался включать социалистические страны в предмет изучения современного экономического роста именно по той причине, что не был уверен, в какой степени сама концепция ВВП применима для социалистических экономик.

Однако сегодня мы оперируем понятием ВВП чересчур легко, нередко забывая о фундаментальных гипотезах, которые лежали в его основе.

Между тем следует помнить: концепция ВВП формировалась для рыночных экономик с относительно небольшим государственным сектором, при этом государственным сектором, который функционирует в условиях демократии. Отсюда гипотеза создателей концепции ВВП: если за товар или услугу кто-то платит либо как налогоплательщик, либо как потребитель, то, следовательно, мы имеем дело с осмысленной экономической деятельностью, которая имеет ценность. Кажется, все логично и достаточно просто, но лишь для рыночных экономик, функционирующих в условиях демократии. А попробуем наложить сказанное на реалии социалистической экономики... Здесь ничего реально не продается и не покупается, здесь доминирует рынок продавца. Объемы производства, структура производства, распределения — все это определяется авторитарной властью. Можно ли полагать, что всякая экономическая деятельность, осуществляемая в рамках подобного режима, является осмысленной экономической деятельностью? Огромные объемы экономической деятельности, которая осуществлялась в течение социалистического периода, не имели никаких оснований, платить за них в условиях рынка и демократии никто бы не стал.

А это означает, что колоссальное количество этой деятельности не имеет ни малейшего экономического смысла

В свое время осушали Кара-Богаз-Гол для того, чтобы остановить падение уровня Каспия. Потом строили канал Волга — Чограй, чтобы отвести воду из Волги и приостановить повышение уровня Каспия. И в первом случае, и во втором создавался ВВП — если, конечно, рассматривать это понятие под привычным углом зрения социалистических экономик. В 1970-х гг. были потрачены крупные средства на то, чтобы осушить торфяники под Москвой. В 2002 г. эти торфяники горели, и сейчас обсуждается вопрос о том, не надо ли оросить их снова. Работы по осушению давали прирост валового внутреннего продукта. Если придется орошать, это тоже даст увеличение валового внутреннего продукта. Если приступить к реализации идеи Ю.М. Лужкова о переброске сибирских рек в Среднюю Азию, валовой внутренний продукт будет бурно расти. Конечно, придется немножко перестроить наши экономические, и не одни лишь экономические, институты, может быть, посадить людей на карточки, но валовой внутренний продукт возрастет.

Итак, демонтаж социалистической структуры хозяйствования высветил тот фундаментальный факт, что значительная часть экономической деятельности, которая реализовывалась в условиях социализма, никогда не будет востребована в условиях рынка и демократии. Но процесс перераспределения ресурсов, сконцентрированных в этих видах деятельности, в другие, в те, на которые есть реальный рыночный спрос, не может произойти немедленно. Собственно, и постсоциалистическая рецессия, и последующее восстановление — это единый процесс. Просто на первых стадиях постсоциалистического перехода ресурсы, которые высвобождаются из нерыночного сектора, значительно превышают по своему объему те, которые могут быть задействованы в секторе, работающем на рынок, на реальный платежеспособный спрос. К тому времени, когда ресурсы, которые могут быть задействованы в рыночном секторе, оказываются большими, чем те, которые высвобождаются из нерыночного сектора, постсоциалистическая рецессия останавливается и начинается постсоциалистический восстановительный рост.

Какими факторами определяются масштабы и протяженность постсоциалистической рецессии? Исследователи указывают на то, что большую глубину и большую продолжительность имеет она в тех постсоциалистических странах, где социализм существовал на

протяжении не двух поколений (40 лет), как в Восточной Европе или в странах Балтии, а трех (75 лет), где масштабы нерыночного сектора и диспропорции, порожденные периодом социалистического хозяйствования, были больше.

Рост, который мы видим в России сегодня, в отечественной истории не уникален. У него много схожих черт с восстановительным ростом, имевшим место при нэпе, после революции и Гражданской войны. Понятие «восстановительный рост» ввел в научный обиход замечательный российский экономист В. Громан, описавший его особенности в своих работах, относящихся к 1920-м гг. Согласно Громану, восстановительный рост — это рост, который происходит при использовании ранее созданных производственных мощностей, ранее обученной квалифицированной рабочей силы. Данные составляющие в сочетании с ликвидацией дезорганизации, восстановлением хозяйственных связей (ученый отмечал, что, несмотря на те разрушения основных фондов, которые принесла Гражданская война, гораздо большую роль в падении производства сыграли не физические разрушения, а дезорганизация хозяйственных связей) позволяют объединить вновь факторы производства, запустить производственный процесс.

Характерная черта восстановительного роста — его предельно высокие темпы на начальном этапе, неожиданные для специалистов, экспертов, политической элиты. Никто из специалистов Госплана, вспоминает Громан, не ожидал, что темпы экономического роста в 1923/24 хозяйственном году, сразу после денежной реформы и стабилизации денежного обращения, будут столь высокими. Госплан прогнозировал, что экономический рост в 1923–1927 гг. без масштабных капиталовложений может в целом вывести национальный доход Советского Союза на уровень примерно половины национального дохода России 1913 г. Оказалось, национальный доход СССР достиг в эти годы уровня, близкого к 100% российского ВВП 1913 г. (статистика этого периода является спорной, оценки колеблются в пределах от 90 до 110% российского ВВП 1913 г., но общая картина от этого не меняется).

Точно так же нынешнее российское правительство в своих бюджетных документах наиболее вероятными на 2000 г. считало показатели в диапазоне от 0,2% роста до в 2,2% падения. Международный валютный фонд прогнозировал весной 2000 г. рост

российского ВВП на 1,5%. Реально же рост ВВП составил 9%, рост промышленного производства — 11%.

На Украине, где пик темпов роста пришелся на 2001 г., прогнозировалось увеличение ВВП на 3,5%. Реальный рост составил 9%.

В общем восстановительный рост с его чрезвычайно высокими на начальном этапе темпами приходит неожиданно, как приятный сюрприз. Но вот дальше уже далеко не радостная особенность: восстановительный рост по своей природе носит затухающий характер, поскольку производство запущено, как говорилось, благодаря соединению имевшихся, старых мощностей со старой квалифицированной рабочей силой, а располагаем мы обоими этими ресурсами в объемах ограниченных. Поэтому темпы роста начинают падать, как они падают сегодня у нас.

Однако сами предельно высокие темпы восстановительного роста на его ранних стадиях затем задают планку в экономической политике. В 1920-е гг. в России проблема того, как не допустить падения темпов экономического роста, порожденного восстановительными процессами, была важнейшей. Попытки резкого увеличения темпов вложений и форсирование экономического роста в 1925–1926 гг. привели к дестабилизации денежного обращения, росту цен и появлению дефицита товаров. Тогда эти процессы протекали на фоне еще не исчерпанных резервов восстановительного роста. Именно поэтому весной 1926 г. советское правительство искало разрешения противоречий на пути восстановления баланса денежного обращения, преодоления инфляционных тенденций, снижения темпов роста капитальных вложений.

В 1927–1928 гг. аналогичная попытка подстегнуть темпы экономического роста проходила уже на ином фоне: основные резервы восстановительного роста исчерпаны, темпы его резко падают. И вновь давшие о себе знать финансовые диспропорции (рост цен, обострение товарного дефицита) были разрешены уже не путем восстановления финансового и денежного баланса, а на основе полного демонтажа инструментов новой экономической политики, принудительного изъятия зерна у крестьян, насильственной коллективизации.

Когда весной 2002 г. в политической элите началась дискуссия о недопустимости ориентации российского правительства на осторожные проектировки 4%-го роста ВВП и о необходимости иметь

более амбициозные планы, я не мог не вспомнить о том, что председатель Совнаркома Н. Рыков первый раз подал в отставку в марте 1928 г. на заседании Политбюро ВКП(б) именно в ответ на требования товарищей ставить перед собой более амбициозные задачи. Известный советский экономист академик С. Струмилин в то время говорил: «Я предпочитаю стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие». Жесткая позиция премьера М. Касьянова, сказавшего весной 2002 г., что прорывов не будет, показывает, что за прошедший век мы чему-то научились.

Для того чтобы создать предпосылки уже не восстановительного роста, а устойчивого, долгосрочного роста на основе создания новых мощностей, вложений, когда вкладывать деньги инвестор должен не на короткий период, а на многие годы, нужен совершенно другой уровень гарантий, вообще всех институтов доверия к собственности, нежели при восстановительном росте, когда ты просто запустил производство и оно начало давать тебе прибыль.

Нынешнее российское правительство стремится — по крайней мере, стремилось в 2000–2001 гг. — создать предпосылки устойчивого, не восстановительного роста, и это, разумеется, правильно. Но здесь мало просто провести налоговую реформу или ввести новый трудовой кодекс, нужен целый набор важнейших структурных реформ, и они должны дополнять друг друга, потому что у вас может быть замечательная налоговая система, но если при этом судебная система не функционирует или дико коррумпирован государственный аппарат, не будут люди вкладывать на долгие годы с огромными рисками свои деньги в нашу экономику. А значит, рост будет носить затухающий характер, отсюда риск авантюрных экспериментов, подобных тем, которые подорвали нэп.

Едва ли не самая, на мой взгляд, серьезная угроза, с которой мы сталкиваемся сегодня, заключена именно в сочетании затухающих темпов восстановительного роста и резкого замедления — под усиливающимся влиянием российской бюрократии — структурных реформ. Это опасный риск, который вполне может сыграть крайне негативную роль в развитии ситуации в российской экономике, в российском обществе.

Одно из проявлений этой проблемы — олигархический капитализм. Не в том виде, в котором он существовал в конце 1990-х гг., когда очень небольшая группа людей вела себя как реальное

правительство России, да в общем и являлась реальным правительством России, — это вчерашний день. Но сохраняющиеся сегодня российские реалии — колоссальная концентрация ресурсов в руках очень небольшого круга крупнейших компаний, концентрация, позволяющая обеспечить тесное переплетение экономической мощи с политическим влиянием, переплетение власти с собственностью.

Частично это реакция на несовершенство российского государственного устройства, на слабость российской судебной системы: если вы не можете добиться, чтобы контракты выполнялись через суд, вы создаете крупные вертикально интегрированные компании и обеспечиваете управляемость за счет того, что контролируете всю производственную цепочку.

Но это и фактор сохранения несовершенства государственного устройства, слабости судебной системы, потому что, привыкнув решать свои хозяйственные конфликты с использованием властного ресурса, с привлечением силовых структур, вы заинтересованы в том, чтобы у вас и дальше был коррумпированный государственный аппарат, и дальше оставалась слабой судебная система. А это стратегически крайне опасно для страны.

В связи с этим нерешенная пока задача создания предпосылок реального рынка свободной конкуренции, рынка равных условий игры остается для СПС важнейшей как в практическом плане, так и в стратегическом.

Несколько слов о политическом развитии.

В ходе обсуждений этой тематики на наших партийных форумах не раз звучала мысль о том, что власть получила серьезную автономию и существует риск того, что она воспользуется ею для формирования авторитарного режима. Я не сторонник того, чтобы кричать «Волк! Волк!», когда волка нет. Это вообще, как показывает традиция русских сказок, довольно опасная практика. Собственно авторитарные тенденции в современной власти пока не проявились. Б.Е. Немцов после его выдворения из Белоруссии¹ в своих интервью обращал внимание на то, как хорошо жить в России, когда

¹ 23 октября 2002 г. Борис Немцов и Ирина Хакамада были депортированы из Белоруссии, куда они прибыли в составе делегации СПС, чтобы встретиться с представителями белорусской оппозиции. Это вызвало оживленную реакцию в прессе. — *Прим. ред.*

прилетаешь из Минска. Это чистая правда. Все-таки в России оппозиция сидит в парламенте, а не в тюрьме, а лидеры оппозиции не пропадают, как у г-на Лукашенко, в неизвестном направлении.

Вместе с тем утверждать, что у нас идет нормальный процесс демократического развития, я бы тоже не стал.

Та угроза, которая у нас сегодня проявилась, — это не угроза формирования авторитарного режима. Это угроза формирования такого режима, который называют закрытой демократией. При закрытой демократии вроде бы функционируют все необходимые институты: есть политические партии, присутствует в той или иной степени свобода слова, оппозиция входит в парламент, оппозиционные политики ездят за рубеж и возвращаются в страну. Но вот результаты выборов как-то заранее предопределены и от них мало что зависит.

Подобные режимы действительно существовали, в мире они известны. Скажем, именно такой характер носила политическая система Италии в период между Второй мировой войной и концом холодной войны: все было — партии, выборы, свобода слова, но только ни к каким мало-мальски значимым изменениям результаты выборов почему-то не приводили. То же самое относится к политической системе Японии после Второй мировой войны, политической системе Мексики до последнего времени.

Формирование закрытой демократии происходит обычно в ситуации, когда значительная часть общества готова голосовать за партии, опасные для страны. Скажем, в той же Италии существовал политический консенсус в элите, направленный на то, чтобы в условиях холодной войны не пустить к власти коммунистов. И вся политическая система была устроена соответствующим образом.

Есть подобного рода основания в России? В общем есть, конечно: у нас немалая часть людей голосует за партии, с моей точки зрения, крайне опасные. И существует соблазн использовать вот это самое простое решение — сформировать режим закрытой демократии. Но надо понимать — как показывает опыт, — что если вы идете по пути создания «закрытой демократии», то получаете крайне коррумпированное государство и крайне уродливый политический процесс. Ни одной из стран, выбравших для себя закрытую демократию, избежать такого не удалось. А коррупция сегодня в России — это важнейшая преграда для нормального развития

страны и нормального экономического роста, это важнейший фактор консервации наших сегодняшних проблем.

Поэтому я убежден в том, что установление режима закрытой демократии — с использованием властного ресурса, манипуляцией результатами выборов, снятием кандидатов перед выборами — очень для нашей страны опасно. Да, сформировать реальную, работающую демократию гораздо сложнее, чем закрытую, тем не менее, если мы рассчитываем на достойное место для России в мире XXI в., другого выхода нет.

Теперь о важнейших стратегических задачах «Союза правых сил».

Как известно, генералы очень часто готовятся к прошедшей войне. К сожалению, не менее часто готовятся к прошедшей войне экономисты и политики. И когда сегодня идет обсуждение проблем развития России, то видно, с каким энтузиазмом предлагаются рецепты, которые принесут выигрыш в давно завершившихся баталиях. Колоссальная часть предложений строится вокруг так называемой модели догоняющей индустриализации.

Модель догоняющей индустриализации предельно проста. Вы видите страны более развитые, чем ваша собственная, — страны, которые ушли вперед, и отмечаете: у них есть металлургические заводы, а у вас нет, у них есть железные дороги, а у вас нет, у них есть химические комбинаты, а у вас нет. Что надо сделать, понятно. Вы выжимаете какие-то деньги, скажем, из своего сельского хозяйства, закупаете комплектное оборудование, обучаете своих рабочих новым профессиям, и у вас появляется и металлургический завод, и железная дорога, и химическое предприятие, — постепенно вы формируете ту индустриальную базу, которая есть у опередивших вас стран.

Вот, собственно, вся логика стратегии догоняющей индустриализации. Реализовывалась она в свое время многократно в разных странах, включая нашу. Примерно то же самое нам предлагают сделать сейчас. Определим, допустим, что наши нынешние приоритеты — производство компьютеров, авиационная техника и т. д. Вложим в эти сферы деньги, создадим для работающих там предприятий преференции, будем пестовать соответствующее производство и в конце концов догоним мировых лидеров... При этом упускается из вида «маленькая» деталь: мир радикально изменил-

ся, мы вошли в стадию постиндустриального развития, которая отличается от стадии индустриального развития коренным образом. Структурные сдвиги происходят на постиндустриальной стадии неизмеримо быстрее, основные инструменты роста там совершенно другие. Ну хорошо, можно поставить перед собой задачу выйти на первое место в мире по производству персональных компьютеров, больше того, ее можно решить. Но нет никаких гарантий, что к тому времени, когда вы ее решите, компьютеры в том виде, в котором вы будете способны их производить, хоть кому-нибудь окажутся нужными, потому что мир за это время станет другим.

Основная структурная ячейка постиндустриального мира — это не металлургический завод и не компьютерный цех, это университет, это исследовательское подразделение, это госпиталь с хорошим персоналом, хорошим оборудованием. Для такой структурной ячейки мало закупить комплектное оборудование; основа — это способность людей вместе работать и создавать новые знания. А вот этого методами промышленной политики эпохи индустриализации добиться невозможно.

Сказанное выше отнюдь не аргумент в пользу того, что нам не нужна стратегия. Это аргумент в пользу того, что стратегию, которая нам более чем нужна, искать следует совсем не там, где ее искали в середине XX в., поскольку ключевые проблемы начавшегося XXI в. носят иной характер.

В связи с этим несколько слов о наборе подобного рода ключевых проблем.

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В XXI В.

Население России в XXI в. будет резко сокращаться. Есть иллюзия того, что нынешние демографические проблемы страны, падение численности населения связаны с реформами 1990-х гг. Тот, кто придерживается подобной точки зрения, проявляет полное непонимание того, как реально происходили демографические процессы в России, что происходит сегодня в мире.

В первой половине XXI в. будет резко сокращаться коренное население Италии, Германии, Японии, Испании, Франции — да едва ли не всех развитых постиндустриальных стран. Исключение составят «иммигрантские» страны (США, Израиль) и страны со зна-

чительной долей иммигрантов. А Россия будет в том же положении, что и Германия, Франция, Италия.

По существующим прогнозам, при нулевом сальдо миграции численность населения России к 2050 г. сократится до 80 (пессимистическая оценка) — 110 (оптимистическая оценка) млн человек. И что-либо сделать с этим вряд ли возможно.

Причина столь низких показателей кроется в явлении, получившем название второго демографического перехода. Второго — потому что ему предшествовал первый. Мир с XIX в. вошел в режим — использую здесь научное определение — современного экономического роста. Это режим сложных взаимосвязанных изменений в уровне жизни, структуре экономики, занятости, структуре расселения, структуре семьи, в числе детей и т. д. Одна из характерных черт первого демографического перехода в том, что сначала резко падает смертность при сохранении высокой, традиционной для аграрного общества рождаемости, это приводит к резкому росту населения, потом рождаемость падает и численность населения стабилизируется.

Однако на этом процесс, к сожалению, не завершается. На постиндустриальной стадии бурно растет женская занятость, увеличивается число женщин с высшим образованием, меняется структура потребностей семей и структура их приоритетов, в том числе приоритетов женской части населения — развитие ситуации ведет ко второму демографическому переходу, когда число детей, которых рождает одна женщина, не дает никакой возможности обеспечить даже простое воспроизводство населения. Скажем, в Испании на одну женщину приходится 1,15 рождения, в Италии — 1,2. А для простого воспроизводства нужно 2,1. Никто не знает, в какой степени этот процесс устойчив и изменятся ли эти тенденции через 50 лет, но пока они нигде не менялись.

Специфика России только в одном: мы столкнулись с этим процессом на очень ранней стадии развития. Описанные тенденции начали у нас проявляться еще в 1960-е гг., хотя можно было ожидать, что случится это лет через тридцать. Объяснение в социалистической модели индустриализации. Женщин вытаскивали из семьи, из деревни на очень ранней стадии индустриального развития, послали на завод, и те начали вести себя после этого так, как ведут себя женщины в более развитых странах: стали меньше рожать.

Нормальная российская девушка, вышедшая замуж в двадцатилетнем возрасте в 1880 г., успевала родить за свою жизнь семерых детей. А ее сверстница, вышедшая замуж в 1940 г., — только двоих. И с тех пор этот показатель только снижался.

Если оставить в стороне связанные с войнами демографические волны, которые несколько искажают понимание реального развития событий в России, будет видно: мы имеем дело с очень инерционными процессами, с ними мало что можно сделать, население у нас сокращается и будет — в долгосрочном плане — сокращаться. Правда, в краткосрочном плане рождаемость начнет расти. Связано это с последствиями демографической волны Второй мировой войны и никакого отношения к долгосрочным тенденциям не имеет. Они заданы.

Что это значит? Что предстоит весьма и весьма серьезный рост нагрузки населения старших возрастов на работающее население. Что мы будем жить в условиях сокращающейся численности рабочей силы. Еще раз подчеркиваю: Россия ничем в этом не отличается от подавляющего большинства других, относительно развитых индустриальных, неиммигрантских стран. То же самое будет в Италии или в Японии.

А чем в этом плане Россия от Японии, Франции или Италии отличается? Тем, что она огромная, слабонаселенная страна, граничащая на юге и востоке с государствами, которые: а) беднее нас, б) намного более населенные, чем мы.

Вывод легко просматривается: к нам будет идти поток мигрантов, причем, как показывает опыт стран, которые намного богаче нашей и у которых ситуация с границами проще, остановить в условиях демократического устройства страны поток трудовой миграции невозможно. Если, с одной стороны, работодатель предъявляет спрос на рабочую силу (а сегодня дефицит рабочей силы — важнейший фактор торможения экономического роста), с другой — есть предложение этой рабочей силы, то никакими силами никогда удержать поток трудовой миграции не удастся. Это не удалось американцам, это не удалось европейским государствам, ресурсы которых неизмеримо больше, чем ресурсы России, а границы которых проще и короче. И нет абсолютно никакого резона считать, что мы единственные с этой ситуацией справимся. Ког-

да работодатели хотят нанимать иностранных рабочих, а эти рабочие хотят быть нанятыми в России, их, повторю, не остановить.

На самом деле реальный выбор для России заключается не в том, хотим мы у себя иммиграцию или не хотим. Вопрос стоит иначе: хотим мы иммиграцию легальную или нелегальную? И другой вопрос: мы хотим управлять процессом иммиграции или хотим получать ту иммиграцию, которая будет стихийна и неуправляема? Согласно официальной статистике, у нас сегодня всего-навсего 400 тыс. трудовых иммигрантов. По оценке официальных же лиц, представителей органов власти, реальное число иммигрантов составляет от 1,5 до 15 млн человек.

Причем, как показывает опыт, нелегальная иммиграция самая опасная, потому что нелегальные иммигранты не имеют никаких гарантий своих прав — трудовых, социальных. Они вынуждены полагаться на механизмы этнической солидарности. Они создают основанные на этнической солидарности и взаимопомощи закрытые сообщества, которые очень часто оказываются связанными с организованной преступностью. А это, в свою очередь, рождает отторжение, антииммигрантские настроения в среде коренного населения, голосование за ультраправые партии, погромы — все то, что подталкивает к предельно опасному развитию политической ситуации.

В свете сказанного выше все, что мы делаем в последнее время в области иммиграционной политики (я имею в виду мы как страна), просто поразительно контрпродуктивно. Можно подумать, что наши органы власти вообще не понимают, что происходит, что будет происходить и в чем ключевые проблемы. Закон «О гражданстве» в том виде, в котором он был принят, — насильственное выдворение иммигрантов. Да мы просто силой загоняем иммиграцию в нелегальную область, тем самым криминализируем иммиграцию, разжигаем фашистские настроения, подтягиваем угрозу фашизма в России.

Нашей стране необходима совершенно иная иммиграционная политика. На базе иной иммиграционной политики, на базе того, что государство на протяжении веков принимало иммигрантов, разумно регулировало этот процесс и адаптировало, возникла такая страна, как Америка. Кстати говоря, все развитые страны, доля которых в мировом населении сегодня сохраняется или растет, —

это иммигрантские страны, — страны, которые сумели приспособиться к задаче адаптации иммигрантов.

Здесь есть некий набор технологических задач. Надо создавать систему, аналогичную американской системе «грин карт», которая предоставляет иммигрантам все гражданские социальные права, кроме права голоса. Надо менять Закон «О гражданстве». Надо проводить амнистию иммигрантов в целях их регистрации, в первую очередь налоговой регистрации. Надо иметь собственную программу привлечения тех иммигрантов, которые нам нужны, — скажем, свою программу привлечения тех иммигрантов, которые ему нужны, имеет Израиль. И Австралия имеет, и Канада, и та же Америка. Мы не имеем.

Кстати говоря, мы практически не используем колоссальный потенциал наших соотечественников — русских, живущих в странах СНГ. Те, кто смотрел выступление президента, отвечающего на вопросы телезрителей, помнят историю с прапорщиком из 201-й дивизии: человек, который 10 лет служит в Российской армии и носит звание Героя России, несколько раз вынужден обращаться к нашим бюрократам с просьбой предоставить ему российское гражданство.

Но дело не только и не столько в технологии. Дело прежде всего в том, что для решения фундаментальной проблемы — как приспособиться к реалиям XXI в., как стать, если хотите, Америкой XXI в., Россия, я верю, действительно стать может, — мы должны радикально изменить свой взгляд на главные задачи формирования российского государства. Если бы американцы поставили перед собой задачу сделать Америку государством англосаксов, то и у них было бы в XXI в. будущее безрадостное. Россия имеет перспективу в XXI в. как многонациональная страна российских граждан. Да, с русским языком, с русской культурой, но российских. Причем, напомню, на протяжении всей своей истории Россия была страной полиэтнической с активной интеграцией иноэтнических элит в собственную элиту. В этом наше отличие от многих мононациональных государств Европы и Азии — таких, например, как Япония, перед которой на пути адаптации к реалиям XXI в. стоят в связи с этим тяжелейшие проблемы.

Но заявленная мною позиция требует другого подхода к российской государственности. В таком случае зачем православие в

школах в качестве обязательного предмета? В таком случае почему мы запрещаем приход в Россию католических священников? Любое подчеркивание уникальной роли исключительно русского этноса в российском государстве — это просто бомба под будущее России в XXI в.

Тема, которая тесно связана с демографическим переходом и по которой мы ведем интенсивные дискуссии с правительством, ведем большую совместную работу, — система комплектования Вооруженных сил.

К сожалению, наши генералы и многие политические деятели плохо понимают связь проблемы комплектования Вооруженных сил с общими тенденциями мирового демографического развития. Армия, которая формируется на основе призыва, возникла в Европе в пору, когда Европа была еще набором крестьянских стран. В крестьянской семье было по 4–7 детей, из которых не все доживали до 18 лет, где потеря ребенка была, конечно, бедой, но бедой абсолютно привычной. В тогдашних условиях армия была для мальчика из деревни одновременно средством и социализации, и дополнительного образования, она давала ему возможность вырваться в город. Все это оказалось вполне совместимым и с реалиями раннего индустриализационного этапа.

А что теперь? Теперь у нас постиндустриальное общество, в семье один-два ребенка, мальчик из них чаще всего только один, они образованны, они имеют шанс получить высшее образование. Так вот полагать, что возможно *такому* обществу навязать армию, которая была адекватна реалиям позапрошлого века, — полнейшая иллюзия. Вьетнамская война показала Америке, богатейшей стране, у граждан которой очень развито чувство патриотизма: в условиях демократического общества вы никогда в жизни не заставите семью отправлять своего единственного ребенка по призыву воевать — по крайней мере на войну, которая не считается бесконечно популярной и абсолютно необходимой.

В современных российских социальных и демографических условиях мы в принципе не можем иметь нормально функционирующую армию, основанную на призыве. И не надо считать, что выход из ситуации в том, чтобы что-то где-то немножко подлатать. Нам нужен переход к контрактной армии. Никакого другого выхода нет, можно его откладывать на завтра, на послезавтра, смотреть,

как вчера убежали 5 человек из казармы с автоматами, сегодня — 50, завтра еще пара десятков... Можно смотреть на это, только не надо думать, что бегать они перестанут: побегі при таких обстоятельствах неизбежны.

Мы ведем довольно оживленную работу с правительством, с Министерством обороны, с администрацией президента по поводу предлагаемой «Союзом правых сил» военной реформы; суть наших предложений довольно хорошо в стране известна, и пересказывать ее я здесь не стану. Просто представлю, как развивались события.

Логика их развития в ходе эксперимента в 76-й дивизии была примерно следующей. Итак, мы хотим укомплектовать дивизию контрактниками. Среди них могут быть женатые? Могут. Должны им предоставить в таком случае квартиры? Должны. Но если мы предоставляем квартиру контрактнику, можно ли допустить, чтобы были бесквартирные офицеры? Нельзя. У нас есть бесквартирные офицеры? Есть. Значит, предоставим квартиры всем бесквартирным офицерам 76-й дивизии. А есть ли кроме нее другие дивизии с бесквартирными офицерами? Немало. Если мы предоставляем квартиры офицерам 76-й, может, не будем обижать офицеров других дивизий? Конечно, не будем, предоставим и им тоже.

И далее в том же духе. Программа эксперимента выработывалась, очевидно, с таким расчетом, чтобы одновременно решались две задачи: потратить очень много денег и продемонстрировать, что перевести армию на контрактную основу невозможно. Из всех запланированных Министерством обороны трат на то, что связано с оплатой контрактников, предусматривалось менее 10%.

К счастью, нам удалось привлечь внимание к этому вопросу и теперь условия эксперимента изменены. Очень серьезную роль сыграло то, что мы сумели добиться в парламенте открытия значительной части военного бюджета, потому что наши оппоненты привыкли к тому, что в условиях закрытого бюджета, когда все тайно, ничего проконтролировать невозможно. Как только все, что связано с 76-й дивизией, выплыло что называется на публику, наши оппоненты перестали доказывать столь же рьяно, как прежде, что замена службы по призыву контрактной службой — это вздор.

В ходе последнего обсуждения программы военной реформы на заседании правительства удалось добиться, на мой взгляд, трех важных вещей.

Первое. Оппоненты наши намеревались растянуть разработку программы на длительные сроки. Теперь решено, что она должна быть разработана к 1 июня 2003 г., с тем чтобы расходы на реформу можно было включить уже в бюджет 2004 г.

Второе. Срок завершения реформы — если таковая вообще осуществится — оппоненты намечали на 2011 г. Решено, что реформирование должно быть проведено в течение 2004–2007 гг.

Третье. Наш Институт экономики переходного периода является исполнителем работ по этой программе наряду с Министерством обороны, Министерством экономики и Министерством финансов.

Все это не значит, конечно, что проблемы решены. Нам предстоит тяжелейшие баталии. Но, по крайней мере, есть некий шанс на то, что что-то в этой области начнет продвигаться.

ОБРАЗОВАНИЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Проблемы, которые существуют сегодня в российской системе образования и здравоохранения, хорошо известны. Вряд ли стоит напоминать о низком качестве услуг, предоставляемых в этих сферах: неформальных платежах населения, попросту говоря взятках, длинных очередях, выстоять в которых необходимо для получения услуг здравоохранения. Вместе с тем проблемы, с которыми мы здесь сталкиваемся, не являются специфически российскими. Они характерны и для многих гораздо более богатых и развитых стран и обусловлены в целом постиндустриальным развитием.

Современная система финансирования, организация образования и здравоохранения формировались в то время, когда доля этих отраслей и в занятости, и в валовом внутреннем продукте была незначительной. Именно тогда можно было выстроить их как систему, которая финансируется из государственных источников за счет налогоплательщиков.

Однако затем в мире происходят существенные изменения. В постиндустриальную эпоху потребность в услугах здравоохранения и образования резко растет. Население стареет, в структуре его

приоритетов потребности, связанные с охраной здоровья, оказываются более важными, чем потребности в одежде или обуви. Отсюда быстрое увеличение доли образования и здравоохранения и в занятости, и в ВВП, и в государственных расходах.

Однако налоговое бремя имеет свои пределы. До сих пор мир не знает устойчиво, динамично развивающихся экономик, в которых через налоги перераспределяется более 50% валового внутреннего продукта. Отсюда фундаментальное противоречие. Постиндустриальное общество требует, чтобы все большая часть его ресурсов направлялась на приоритетные для него потребности, такие как образование и здравоохранение, и вместе с тем не готово платить налоги, необходимые для того, чтобы это обеспечить.

Иными словами, развитые рыночные демократии, лидеры современного роста оказались в ловушке, когда население хочет больше тратить на образование и здравоохранение, но не хочет больше платить налогов. Отсюда дефицит ресурсов, все явления, хорошо известные именно нам из нашего советского прошлого: «вас здесь не стояло», «заходите завтра», «вас много, а я одна». Все это реалии не только российской медицины. Это в равной степени реалии английской, канадской, немецкой медицины. Но коль происходит такое в важнейшей сфере современной экономики, причем растущей, которая будет продолжать расти — никогда вы не остановите роста спроса на ее услуги, значит, пришла пора поменять парадигму того, как все здесь должно быть устроено.

Я вовсе не предлагаю отказаться от государственного финансирования образования и здравоохранения и перейти к чисто частному их финансированию — это глупость, которая не поддается реализации и вредна. Просто надо подумать: а можно ли решить эту задачу, поддается ли она решению?

Как ни странно, поддается. Надо вернуться для этого к исходным моментам формирования сегодняшней системы, скажем, финансирования здравоохранения и поразмышлять: а насколько они основательны? Ведь фундаментальная проблема всех европейских систем финансирования здравоохранения — это смешение страховых и налоговых принципов.

Что касается России, наш работодатель платит за каждого из нас сегодня 3,6% в фонд медсоцстраха и 4% в фонд соцстраха. Но разве сумма, которую он платит, хоть как-нибудь влияет на качество

тех услуг, которыми я или вы можем пользоваться? Да никак не влияет. Есть у вас реальное право выбора компании, в которой вы хотели бы застраховаться? Нет. Существуют ли какие-нибудь стимулы, побуждающие вас накапливать у своего страховщика больше средств? Опять-таки нет. Так какое же это страхование?! Надо честно признать, что это налог, он взимается для того, чтобы несколько расширить государственное финансирование медицинских учреждений, все остальное — внешние формы.

Так каким же образом переделать все это? Например, следующим. Почему не предоставить работодателю и работнику право выйти из государственной системы медико-социального страхования со всеми деньгами, которые мы туда платим, и перейти в конкурентную систему частных страховых медико-социальных компаний? Почему не предоставить им, далее, возможности выбора вполне определенного, конкретного пакета услуг, который хочет получить тот или иной работник? Кто-то хочет получать бюллетень, а кто-то иметь страховку для аортокоронарного шунтирования. Почему не связать объем взносов с качеством предоставляемых услуг?

Если все это осуществить, дать работодателю и работнику право переходить со своими деньгами в конкурентную систему, то налог превращается в налоговую льготу. Это сегодня ничего не зависит от того, сколько средств перечислено в медсоцстрах для вашего лечения. Но если вы завтра получите возможность распоряжаться этими деньгами для того, чтобы оплатить тот конкретный пакет услуг по медицинскому обслуживанию, социальному страхованию, который вам нужен, это радикально меняет дело. А если предпринять в дополнение к этому еще один шаг и ввести — самому для себя — дополнительный налоговый вычет? Скажем, к средствам, уплаченным работодателем, вы решили добавить еще 5% своего налогооблагаемого дохода, получается уже не 7,6%, а 12,6%. И эта сумма не облагается ни подоходным налогом, ни социальным. Тогда это становится крайне интересной частью трудового контракта, свободной от налогов частью заработной платы, которая стимулирует направление в систему медицины дополнительных средств.

Что мы будем иметь в итоге? Первое. Заметное снижение социального налога — значительная часть его становится не налогом, а налоговой льготой.

Второе. Увеличение объема ресурсов, которые направляются на медицину; снятие ограничений, которые устанавливаются в рамках налогового бремени на пути дальнейшей экспансии ваших расходов на медицину, создание возможности широкого выбора для пациента, формирование конкурентной среды для медико-страховых организаций. И появляются нормальные стимулы, которые будут вести к трансформации самой системы институтов, функционирующих в области здравоохранения. Вести, обращая внимание, путем отнюдь не административным.

Могут спросить: а как же низкооплачиваемые больные, у которых не хватает денег для того, чтобы обеспечить себе хотя бы минимальную адекватную страховку? Им, безусловно, надо помогать. За счет небольшой части необходимых для этого страховых платежей компенсируется недостаток ресурсов для наименее оплачиваемой части работников. Это понятно, и я готов платить налоги, деньги из которых пойдут самым бедным и самым больным. Но платить налоги, средства из которых идут самым богатым и преуспевающим, — этого я не понимаю.

Система образования. Для ее реформирования предлагаются идеи, схожие с теми, которые предлагались выше применительно к здравоохранению.

Хорошо известно, что система набора в вузы крайне коррумпирована. Есть опросы по этому поводу, есть оценки объема ресурсов, которые сюда вовлечены. Обучение в вузе к тому же является едва ли не самым распространенным способом ухода от призыва, и в связи с этим проблема обучения и проблема призыва — это проблемы взаимосвязанные.

Что сейчас происходит в этой сфере? Происходит буквально следующее. Человеку как бы говорят: если ты богатый и со связями, если знаешь, как дать взятку приемной комиссии, то сын твой будет учиться в вузе и налогоплательщики будут платить за это деньги. А если ты бедный и без связей, тогда, извини, он учиться в вузе не будет и его пошлют в армию.

Проводится, как вы знаете, эксперимент по сдаче единого экзамена за курс средней школы. Среднее образование государство гарантирует всем, и это замечательно, так и должно быть. Но что касается вуза — расходы на чью-то учебу в нем налогоплательщик возьмет на себя, а на чью-то — нет. Разумеется, должна быть про-

стая и прозрачная процедура, которая определяет, кому достанутся деньги налогоплательщика. Отсюда и происходит идея единого экзамена. Практически с ней невозможно спорить, пока мы обсуждаем вопрос о том, как делить деньги налогоплательщиков.

Но вот дальше... Дальше возникает другая проблема, и заключается она в том, что единый экзамен, к сожалению, совсем не та форма, которая позволяет отобрать людей, способных учиться в том или другом конкретном вузе. Если вы на основе единого экзамена станете отбирать поступающих в консерваторию, во ВГИК, на мехмат МГУ или в Институт востоковедения, то столкнетесь со странной, мягко говоря, ситуацией в области качества подготовки. Короче говоря, деля деньги налогоплательщиков, вы стремитесь выйти на простые процедуры, однако простые процедуры не позволяют осуществить адекватный отбор будущих студентов в вузы соответствующего профиля. Противоречие, что и говорить, фундаментальное.

И чтобы как-то его разрешить, надо, видимо, отказаться прежде всего от одной несусветной глупости, которая, увы, зафиксирована в нашем законодательстве и которая жестко диктует, сколько студентов мы должны обучать на 10 тыс. жителей. Это и вообще-то глупость, а уж для России подавно — с ее большими демографическими волнами, когда разница в количестве молодых людей, входящих в следующие одна за другой возрастные когорты, составляет почти два раза! Давайте хотя бы по этим когортам считать, а не от числа жителей. В 2007 г. выяснится, что учить в вузах бесплатно мы должны юношей и девушек в числе большем, чем у нас их будет физически. Лучше откажемся от этой несуразной нормы и увеличим реальное финансирование на одного студента, которого намереемся обучать бесплатно. При этом вузы становятся реально некоммерческими организациями. Мы говорим им: единственное, за что вам будут платить, и платить много, — это за то, что вы будете качественно учить ребят, отобранных по результатам ли единого экзамена, по итогам ли олимпиад или иных каких-то законных процедур. Ваше право, вузы, решать, кто из этих ребят, достойных того, чтобы за них платили налогоплательщики, подходит для Физтеха, кто для консерватории и т. д. Но никаких других бюджетных источников, кроме этих, у вас не будет.

При таком подходе возникает возможность: а) выбора; б) конкуренции вузов за этих самых ребят.

Мы должны, мне думается, иметь три канала предоставления подобного рода образовательных ваучеров, которые обеспечиваются адекватным финансированием.

Первый — это действительно система единых конкурсов, чтобы способный мальчик, способная девочка в малом городе могли выполнить конкурсные условия и получить этот образовательный ваучер.

Второй — тематические олимпиады. У нас в России хорошая культура тематических и, кстати, некоррупцированных олимпиад — математических, физических и др. Проходит через такие олимпиады не столь уж много юношей и девушек, но из них уверенно выделяются в конце концов особо одаренные.

Третий — армия. Военнослужащий, подписавший контракт и отслуживший определенный этим контрактом срок, тоже должен иметь право на образовательный ваучер. Вполне логично, что обучение его в вузе тоже оплатит налогоплательщик. К слову сказать, фундаментальные сдвиги в уровне образования Америки произошли после Второй мировой войны на основе так называемого солдатского Билля о правах, когда участники войны смогли получить высшее образование, профинансированное государством. И подобного рода систему, конечно, можно и нужно вводить у нас, ведь это важнейший инструмент реализации военной реформы.

Вернемся к теме среднего образования. У нас есть в небольшом, правда, количестве частные школы и есть частные деньги, которые родители тратят на образование в них своих детей. Система при этом так устроена, что если я за обучение ребенка в российской частной школе плачу свои частные деньги, то права на государственные средства уже не имею. А, собственно, почему? Я что, не плачу налогов? Почему, если я хочу, чтобы мой сын учился в частной школе, я не могу добиться, чтобы на финансирование его обучения тратились такие же деньги, что и на того же моего мальчика, как если бы он учился в государственной школе? На самом деле ситуация, при которой деньги следуют за учеником и государственное финансирование не отменяет, а дополняет частное финансирование, мне представляется стратегическим направлением развития, потому что, еще раз подчеркиваю, мы никогда за счет

чисто государственных денег в полном объеме ситуацию с финансированием образования в постиндустриальном обществе не вытаскиваем.

Я говорил о том, что имело бы смысл предоставить налоговую льготу или налоговый вычет на здравоохранение. С образованием схожее положение. Мы сегодня опять же финансируем образование в значительной степени из государственных источников. Пришла пора дать нашим гражданам возможность направлять часть своих доходов на нужды образования, скажем, на образовательные специальные счета для получения высшего образования, не облагая их социальным и подоходным налогами, в том же режиме, который сегодня уже отработан и внедрен в законодательство для накопительной Пенсионной системы.

Завершая, подчеркну: перед нами очень серьезные стратегические проблемы. Я не думаю, что нынешняя партия власти способна предложить решение этих проблем. Да, будет обещана квартира каждому к 2006 г., к 2017 г. нам пообещают обогнать Америку, но, к сожалению, вряд ли дадут ответ на вопросы о том, как, собственно, всего обещанного добиться. Именно поэтому наличие правоцентристской альтернативы является важнейшим нашим преимуществом. Именно поэтому сильная правоцентристская демократическая партия — это важнейший фактор, который определяет перспективы развития России в XXI в. А если бы нам удалось добиться единства демократических и правоцентристских сил, это действительно была бы другая Россия.

Об удвоении заработной платы и природной ренте

Выступление на съезде СПС

8 сентября 2003 г.

Источник: из личного архива Е.Т. Гайдара.

Уважаемые коллеги!

Я не собирался сегодня выступать, но Борис Ефимович попросил меня высказать свое мнение по двум вопросам, которые здесь обсуждались.

Первое. Не является ли идея удвоения заработной платы за четыре года популизмом?

Второе. Вопрос о природной ренте, возможности ее повышения.

Первое. Опыт и развитие России последних лет, когда она вступила в этап восстановительного роста, и других постсоциалистических стран показывает, что при проведении мало-мальски ответственной политики, разумной экономической политики в тех условиях, которые сегодня есть в России, накладываются друг на друга три процесса.

Первый — это процесс роста объема производства валового внутреннего продукта.

Второй — это неизбежный процесс роста реального курса национальной валюты.

Третий — это процесс повышения доли заработной платы в валовом внутреннем продукте.

Я не хочу говорить о технических подробностях, но сухой остаток состоит в том, что идея о том, что удвоение долларовых зарплат, долларовых пенсий и сокращение вдвое бедности по международным определениям на протяжении следующих четырех лет, не является популизмом. Это абсолютно реальная задача, кото-

рая может быть решена, если экономическая политика будет проводиться мало-мальски на ответственном, серьезном или хотя бы на том уровне, на котором она начинала проводиться, скажем, в 2000 г. (Аплодисменты.)

Второе. Природная рента. Мы в этом году проводили большое исследование проблем, связанных с природной рентой. Уровень изъятия природной ренты, который есть сегодня в России, более или менее соответствует международным стандартам, т. е. идеи того, что можно взять у нефтяников 27 млрд долл. и поделить и все будут жить счастливо, — это откровенная ложь. Особенно откровенной ложью является утверждение в устах тех, кто, когда правительство пыталось на 200 млн увеличить нефтяную ренту (за что мы с Борисом Ефимовичем голосовали), голосовал против, как это делал мой коллега по первой правительственной реформе С.Ю. Глазьев вместе со всей коммунистической фракцией. Вот он рассказывает, что надо на 27 млрд долл. увеличить ренту. Когда вопрос дошел до дела, можно посмотреть результаты голосования. Вся коммунистическая фракция выступила против.

Но если 27 млрд долл. оттуда изъять нельзя, это не значит, что в принципе пределы увеличения изъятия ренты исчерпаны.

Наши исследования показывают, что осторожное, аккуратное, учитывающее конъюнктуру мирового рынка увеличение изъятия природной ренты в пределах примерно 3 млрд долл. — абсолютно реальная задача на фоне общего снижения налогов на другие, не-сырьевые сектора.

Еще раз подчеркиваю, это не панацея, это не значит, что мы все сейчас вот возьмем у нефтяников и заживем хорошо и счастливо. Но тут действительно возможны меры разумные, укладываемые в пределы, совместимые с устойчивым развитием отрасли, ее нормальным финансовым состоянием, ростом экономики, а не падением добычи нефти, как это было, напомним, с ноября 1988 г., когда у нас началось быстрое, резкое падение добычи нефти в России и в Советском Союзе. Так вот все это возможно.

Короче говоря, я не буду занимать вашего внимания. В нашей программе нет популизма! Все, что там написано, может быть, немножко скучновато, но это правда. Спасибо.

(Аплодисменты.)

Россия: 12 лет экономических реформ, перспективы развития страны

Интернет-пресс-конференция РБК

3 декабря 2003 г.

<http://gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/1801>

Вступительное слово Ю. Ровенского¹. *Добрый день, уважаемые господа, РИА «РосБизнесКонсалтинг» начинает интернет-пресс-конференцию сопредседателя движения «Союз правых сил» Егора Тимуровича Гайдара. Мы встречаемся накануне парламентских выборов, которые действительно определяют вектор развития нашей страны на ближайшие годы. Сегодня хотелось бы не только заглядывать вперед, но и оглянуться назад, подвести некоторые итоги 12-летних реформ и, конечно, посмотреть, как они будут оказывать влияние на перспективы развития нашей страны. Я думаю, что с таким экспертом, как Егор Тимурович, мы сможем разобраться с самыми сложными вопросами. Именно он стоял у истоков российской рыночной экономики: благодаря либерализации цен в 1992 г. российский рынок был наполнен товарами, был введен конвертируемый рубль, началась приватизация. Именно тогда был дан старт реформам. Сегодня Егор Тимурович активно участвует в политической жизни, является депутатом Госдумы, сопредседателем СПС. При этом он не оставляет научной деятельности, возглавляет Институт экономики переходного периода. Совсем недавно Егор Тимурович представил очередной сборник статей, написанных сотрудниками института. Предметом исследования новой книги стал экономический рост*

¹ Ровенский Юрий Александрович — экономист, известный специалист в области медиабизнеса. Долгое время возглавлял ОАО РБК, был советником гендиректора ОНЕКСИМа, до 2013 г. — вице-президентом, директором Управления общественных связей Сбербанка РФ. — *Прим. ред.*

в стране после финансового кризиса 1998 г. Егор Тимурович, чем же заканчивается период переходной экономики в России? Что ждет страну в ближайшее время? Стоит ли рассчитывать на скорые позитивные изменения в экономике? Каких действий Вы в первую очередь ждете от нового парламента? С чем Ваша партия идет на выборы? Этот вопрос сегодня тоже очень интересен, и он интересует многих наших читателей. Я думаю, что вопросы, которые я озвучил, — это только малость общего их числа.

Вступительное слово Е. Гайдара

Дорогие друзья, действительно всякий завершенный процесс изучать гораздо проще, чем процесс продолжающийся. Скажем, современный экономический рост, который начался в XIX в., — процесс незавершенный, поэтому его изучение крайне сложно. Прогнозирование того, что будет происходить, скажем, в следующем десятилетии в странах — лидерах экономического роста, — одна из самых тяжелых задач. Переходный период прошли 28 стран, которые сформированы на базе бывших социалистических государств — от Югославии до Советского Союза. В них проводилась разная экономическая политика, были разные правительства. Была разная риторика, но целый ряд характерных черт сегодня очевиден как общее явление, связанное с крахом высокоразвитого социализма и последующим формированием новых рыночных институтов. Первый из них — это постсоциалистическая рецессия. Во всех высокоиндустриальных странах, где рухнул социализм, где реформы начались на ранних стадиях развития, начало постсоциалистического перехода — это период падения производства. Он длится от трех до шести лет и связан с двумя важнейшими факторами. Первый из них — это дезорганизация хозяйственных связей, потому что социалистическая система была целостной и могла существовать в условиях жесткой авторитарной власти. И когда и если такая власть у вас исчезает, это не значит, что автоматически сразу у вас возникает функционирующая система рыночных институтов, связей и так далее. Второй фактор — эта рецессия связана с тем, что значительная часть того, что производилось при социализме и формально включалось в ВВП, никогда в жизни вы в условиях рынка никому не продадите. Комбайны такого качества, как они производились в позднесоветские времена, колбасу такого ка-

чества, объем мелиоративных работ вы никогда в условиях рынка не продадите. Значит, приходится перераспределять эти ресурсы на производство того, что можно продать в условиях рынка, а этот процесс всегда растянут во времени. В связи с этим постсоциалистический переход — это всегда сначала процесс рецессии, а затем период восстановительного роста, когда у вас возникают новые институты, налаживаются хозяйственные связи, и перераспределение ресурсов на производство того, что можно продать на рынке, что позволяет перейти от падения к росту производства. Период рецессии, это сегодня вполне очевидно, в первую очередь зависит от протяженности социалистического периода. Чем протяженнее был социалистический период, чем больше были структурные деформации, которые были привлечены социализмом, тем более протяженным, как правило, является период постсоциалистической рецессии. Поэтому, скажем, в Восточной Европе или в Балтии рецессия занимала три-четыре года, а на части постсоветского пространства — 5–7 лет. Гипотеза была сформулирована еще в начале 1990-х гг., а сегодня является общеизвестным фактом, заслуживающим обсуждения. Характерной чертой постсоциалистического перехода является инфляционный кризис. Это период высокой инфляции, в том числе связанной с преодолением дефицита, с ликвидацией того, что называется денежным навесом, с избыточной денежной массой, которая в условиях социализма проявляется не в высокой инфляции, а в дефиците товаров с переходом его в открытую инфляцию и с постепенной остановкой стабилизационных процессов. Также опыт показал, что торможение инфляционных процессов идет на основе использованных в мире, хорошо известных инструментов и инфляция (и после социализма, как, собственно, и везде) — это в первую очередь денежный феномен, хотя есть и неденежные факторы, на нее влияющие. Статистика 2001–2002 гг. довольно ясно показывает исчерпание основных резервов собственно восстановительного роста, т. е. роста, который идет на базе использования ранее созданных мощностей, ранее подготовленной рабочей силы. И важнейший вопрос экономической политики сегодня — это в какой степени мы окажемся способными заместить восстановительный рост, который был характерен для 1999–2002 гг., ростом на базе создания новых мощностей, инвестиций. Это было важнейшей задачей политики правительства

последних лет. Статистика 2003 г. показывает, что здесь начались позитивные подвижки, т. е. именно с 2003 г., когда мы видим резкий рост инвестиций, быстрый рост производства машиностроения, начало поворота потока капитала, можно говорить о создании базы для инвестиционного роста. В какой степени эта база окажется устойчивой, зависит в огромной степени от той политики, которая будет проводиться, в том числе и после парламентских и президентских выборов, потому что инвестиционный рост в условиях рынка — это рост на базе частных капитальных вложений. Частные капиталовложения — это вопрос гарантий частной собственности. То, в какой степени она будет гарантирована, — это важнейший фактор, определяющий долгосрочные перспективы развития России. Для нас гарантии частной собственности, создание институтов, позволяющих обеспечивать инвестиционный рост, — важнейший приоритет следующего политического цикла. Дорогие друзья, далее я с удовольствием отвечу на ваши вопросы.

Л. Черепанова (Нижний Новгород): *Если повернуть время вспять, например в 1990–1992 гг., что бы Вы хотели изменить? И немножко с другим уклоном вопрос на эту тему от г-на С. Яковлева (Рязань):* Егор Тимурович, не считаете ли Вы необходимым открыто признать те ошибки, которые были допущены Вами и Вашей командой в ходе реформы в начале 1990-х гг.?

Егор Гайдар: Начну с ответа на первый вопрос. Это зависит от того, в каком качестве я должен на него отвечать. Если бы я был императором всероссийским, то, без всякого сомнения, я изменил бы все, что только можно было бы изменить в 1990–1992 гг., и не допустил бы того, что Советский Союз обанкротился, и не допустил бы того, что были нулевые валютные резервы, и не допустил бы того, что у нас произошло крушение старой системы хозяйственных связей без каких бы то ни было системных усилий по формированию новых. Но я не был императором всероссийским, я был назначен в правительство в ноябре 1991 г. заместителем премьер-министра, министром экономики и финансов. К этому времени у меня уже был нулевой валютный резерв, к этому времени Советский Союз уже успел обанкротиться. Первая бумага, которую я получил, была бумага из Внешэкономбанка о банкротстве Советского Союза и о том, что резервы нулевые. Вторая бумага, которую я получил, — о том, что у нас зерна есть до февраля, вы знаете, урожай

почему-то в феврале в России не собирают. Дальше я посмотрел бумаги, я хорошо себе представлял состояние с продовольственным снабжением и понял, что оно катастрофично. Дальше в этой ситуации реальной, когда у вас нет функционирующего государства, когда у вас 16 банков печатают общую валюту, когда старая система полностью развалилась, а новой еще нет, вам надо выстраивать экономическую политику, и первое, о чем вы думаете, это не о том, как здорово, замечательно без рисков провести реформы, а о том, как дожить до следующего урожая, как исключить голод, да и гражданскую войну. Эти задачи мы считали важнейшими в своей работе, возможность их решения была неочевидна. Почему, собственно, столь короткой была очередь людей, готовых взять тогда на себя ответственность за экономическую ситуацию в стране? И мы их решили. Решили в очень сложных условиях, при огромном сопротивлении, но решили. И мне за это ни в малой мере не стыдно. Еще раз подчеркну: была бы свобода маневра больше, конечно, массу всего можно было бы сделать по-другому, но она была такая, какова она была.

А. Сердюков (Екатеринбург): *Какие самые важные законы в сфере экономики, на Ваш взгляд, предстоит принять новой Думе и какие отрасли промышленности необходимо реформировать в первую очередь?*

Егор Гайдар: По законам, на мой взгляд, то, что было сделано полезного в этой Думе, — это ряд разумных изменений в налоговом законодательстве. Это не единственное, есть много другого. Но важнейшая вещь — это то, что мы добились некоторых полезных сдвигов в налоговом законодательстве. И эти сдвиги позволили нам одновременно снизить налоговое бремя и получить дополнительные доходы. Вот так бывает при нормально проведенных налоговых реформах. Так что здесь есть результаты. А вот что мы совершенно не сумели сделать в этой Думе, так это то, что мы не смогли никак продвинуться в решении вопроса об эффективном расходовании государственных средств, т. е., условно говоря, налоги мы сейчас уже собираем более-менее прилично, а дальше налогоплательщик резонно спрашивает: «А какие, собственно, государственные услуги приличного качества мы за эти налоги получаем?» И в общем на этот вопрос государству ответить нечего. В связи с этим все, что связано с государственными расходами, — это само

законодательство, бюджетный процесс, распределение расходных полномочий по органам власти, системы финансирования здравоохранения, образования, науки, военных расходов — все нуждается в очень серьезных изменениях. Когда мы представляли наш двухтомник, я представлял в том числе и том программных разработок института. Он охватывает многие области, но стержень там — это реформа всей системы расходования бюджетных средств.

Е. Санькова (Москва): *Егор Тимурович, как Вы считаете, что должно быть приоритетным для России — снижение инфляции или рост экономики?*

Егор Гайдар: Бывают ситуации, когда задача снижения инфляции является альтернативной по отношению к задаче обеспечения экономического роста. Если мы, скажем, поставили задачу снизить инфляцию в следующем году до 2% в год, то ее решение потребовало бы проведения такой экономической политики, которая, по крайней мере в краткосрочной перспективе, сдерживала бы экономический рост. Но если мы ставим задачу постепенного снижения инфляции (как я уже сказал, процента по 2 в год), то эта задача ни в коей мере не противоречит задачам экономического роста.

С. Щербаков (Красноярск): *Насколько необходим России профицитный бюджет? Мы все время бились за профицитный, а оказывается, это не столь хорошо, деньги остаются и лежат мертвым грузом.*

Егор Гайдар: Это очень хорошо, это очень хорошо. Дело в том, что российская экономика давно-давно, с 1960-х гг., в очень высокой степени зависима от конъюнктуры рынка энергоносителей, т. е. конъюнктуры рынка нефти и конъюнктуры рынка газа. Советский Союз «висел» на «нефтяной игле» очень в большой степени с 1970-х гг., и когда в 1980-х произошло крушение цены на нефть с тех уровней, которые были характерны для позднережневской эпохи и которые примерно в 3 раза выше, чем в период путинского благосостояния, на этом, собственно, Советский Союз и развалился, там был запущен механизм экономического краха, он не потому развалился, там был набор фундаментальных проблем, но механизм, тактика были связаны с крушением цен на нефть. Сейчас наше финансовое благополучие во многом связано с тем, что цены на нефть далеко не такие, как в брежневскую эпоху, но они выше, чем средние в 1990-е гг. И в этой ситуации профицит бюджета

как способ создания резервов и снижения бремени внешнего долга — это абсолютно разумная, ответственная политика.

Е. Крокусов (Санкт-Петербург): *Считаете ли Вы, что российская экономика сильно бюрократизирована и нуждается в дебюрократизации? Как этого можно достичь?*

Егор Гайдар: Первое. Бюрократизация российской экономики — одна из важнейших ее проблем. При этом надо учитывать, что Россия имеет дурную бюрократическую традицию. Бывают бюрократии прилично организованные, хорошо мотивированные и малокоррупцированные, совсем не коррупцированные не бывает, а Россия не с советского периода, в течение многих веков из-за специфики своего исторического развития имела тенденцию дурной бюрократии, — бюрократии, которая берет взятки, вымогает. Это фактор, который надо учитывать. Это не значит, что мы должны с этим смириться. Примерно понятно, что надо делать, чтобы ограничивать бюрократизацию экономик, избыточное регулирование: каждый закон и каждый нормативный акт проверять на тест коррупциогенности, ограничивать права контрольных органов, сокращать число госчиновников, увеличивать их заработную плату, переводить натуральные привилегии в форму оплаты труда. Это более или менее понятно. Понятно и правительству, которое пыталось и пытается что-то делать в этом направлении, хотя мне хотелось бы, чтобы оно пыталось энергичнее. Я просто знаю, с каким трудом это идет, насколько сильным является сопротивление тех ведомств, полномочия которых пытаются сократить, какой здесь уровень саботажа. Тем не менее это понятно. Но есть еще одна вещь, которую надо понимать. Что бы мы здесь ни делали, наша бюрократия в длинной исторической перспективе останется слабой. Значит, выстраивая свою экономическую политику, мы должны это помнить и не должны думать, что откуда-то у нас возникнет замечательная, идеальная, некоррупцированная бюрократия. Отсюда масса следствий во многих областях — в бюджетной, налоговой политике и т. д.

Е. Ситюкова (Москва): *Реально ли выполнить задачу президента РФ по удвоению ВВП до 2010 г. или это популистский лозунг?*

Егор Гайдар: Я уже говорил, что не против даже утроения ВВП. Это невозможно прогнозировать. Инвестиционный рост в России начался реально в 2003 г., за нами месяцы, а не годы. У нас нет

длинных временных рядов инвестиционного роста, позволяющих не с потолка, а всерьез обсуждать вопрос, какие темпы роста в условиях российских реалий, российской перспективной динамики рабочей силы, при российской инвестиционной привлекательности будут для России долгосрочно устойчивы. При обсуждении долгосрочных вопросов роста то, как он там колеблется в течение месяцев, не имеет значения. Важно, что там будет происходить на протяжении многих лет, вот база для ответа на вопрос. Каким является органично устойчивый рост для России 2003–2010 гг., ни один ответственный человек Вам не скажет. То, что власть должна хотеть высоких темпов роста, — это очевидно. То, что хорошо бы иметь высокие темпы роста, — это тоже очевидно. Что здесь нельзя делать? Нельзя закладывать свои желания в ответственные финансовые документы, т. е. стремиться к тому, чтобы было удвоение, — это пожалуйста. Закладывать это в бюджетный процесс 2004 г. — это не нужно. Но, к счастью, правительство этого и не делает.

Н. Колодочкина (Плавск, Тульская обл.): *Прокомментируйте, пожалуйста, рекомендацию Всемирного банка о снижении инфляции до однозначной цифры. Насколько это сейчас необходимо России?*

Егор Гайдар: Дальнейшее снижение инфляции до однозначных цифр, без всякого сомнения, возможно и желательно для страны. Мне кажется, что то, что делали ЦБ и Минфин в последние годы, выстраивая стратегию постепенного снижения инфляции примерно на 2% в год, отражает российские макроэкономические реалии сегодняшнего времени. Ставить более амбициозные задачи я бы не стал, во всяком случае в условиях очень высоких цен на нефть, а постепенное снижение инфляции до величин, составляющих 5–6%, в течение следующих трех лет — разумная и решаемая задача.

М. Байдуков (Московская обл.): *Егор Тимурович, некоторые эксперты полагают, что принятые недавно законы о валютном регулировании и валютном контроле, новый Таможенный кодекс и ряд других приведут к тому, что государство потеряет контроль над финансовыми потоками и утечка капиталов за рубеж значительно усилится. Есть такая опасность?*

Егор Гайдар: Такой опасности нет, дело в том, что экономика у нас по жизни — не по закону, а по жизни — давно либерализована до уровня существенно большего, чем тот, который прописан сегодня в этих законах. То, как капиталы выводятся и вводятся в

страну, хорошо известно всем, кто занимается практической экономикой или исследует ее. То, что мы попытались сделать в этих законах, — это привести законодательство в некоторое соответствие с жизнью, добиться того, чтобы люди имели легальные инструменты для проведения операций, которые интегрируют Россию в мировой рынок капитала, одновременно выстроив некий набор ограничителей, который является реалистичным. Вот, скажем, если у вас есть сложно устроенная операция внутренней экономики с потоком капиталов, вы можете пытаться с ней бороться, но это крайне малопродуктивно. А вот если у вас есть краткосрочный приток иностранного капитала, а он не пойдет к вам, пойдет по нелегальным схемам, то тогда его нужно регулировать, и основные ограничения, которые предусмотрены в законах, — это ограничения, позволяющие регулировать в первую очередь динамику притока краткосрочного капитала. По-моему, это правильный приоритет.

Самойленко (Санкт-Петербург): *Нужен ли России мегарегулятор финансового рынка? Как Вы относитесь к этой идее?*

Егор Гайдар: Не знаю ответа на этот вопрос. У меня в институте есть внутренняя дискуссия по этому поводу. Есть аргументы «за», есть аргументы «против». Аргументы «за» абсолютно очевидны. Финансовый рынок объективно интегрирован сегодня, делить его по секторам на ЦБ и ФКЦБ — это создавать определенные трения на порогах между этими рынками, это все равно нереалистично. Аргументация «против». Любая крупномасштабная реорганизация в принципе создает проблемы, потому что требуются новые решения, новые кадры, новые помещения, новые кабинеты и т. д. И надо затеваться с ней только тогда, когда есть глубочайшее убеждение, что она принесет очевидную пользу.

В. Попов (Санкт-Петербург): *Егор Тимурович, что Вы думаете о возможности следующего дефолта? И аналогичный вопрос от г-жи Лаптевой (Москва): Возможен ли сейчас очередной дефолт или инфляционный кризис, как это было в 1998-м и 1992 г. соответственно? Надежно ли сейчас вкладывать деньги в банки?*

Егор Гайдар: В целом макроэкономическая ситуация в стране очень устойчивая, она радикально иная, чем была, скажем, в 1997–1998 гг. Том, который мы представляли, посвящен как восстановительному росту, так и собственно кризису финансовому

1997–1998 гг., и сегодня абсолютно очевидны механизмы развертывания этого кризиса. В его основе было сочетание на протяжении 1995–1998 гг. относительно жесткой денежной политики, направленной на торможение инфляции, и сохраняющейся крайне мягкой бюджетной политики, т. е. крупных бюджетных дефицитов, которые финансировались короткими заимствованиями. Сейчас у нас нет коротких заимствований в значительных масштабах, у нас нет бюджетных дефицитов, у нас профицитный бюджет, в связи с этим базы для развертывания такого кризиса, как в 1997–1998 гг., сейчас просто не существует. Только здесь не надо иллюзий. Да, сейчас ее нет, но надо помнить, с какой скоростью безответственная экономическая политика может развалить собственные финансы и собственную денежную систему, обесценить вклады. Скажем, Сальвадор Альенде пришел, имея тоже большие валютные резервы и вполне комфортную макроэкономическую ситуацию. В общем потребовалось всего два года, чтобы развалить это все дотла, что и проложило дорогу к перевороту. В ближайшее время, если правительство и Центральный банк будут продолжать проводить ответственную денежную политику, нет никаких макроэкономических угроз. Но не надо переоценивать запас прочности, который создан большими валютными резервами. Стоит начать реализовывать некие авантюрные меры, которые начинают сейчас активно обсуждаться, скажем, взять и использовать валютные резервы для стимулирования промышленного роста, вот и все. За три года тут можно раскурочить все.

Л. Бурашникова (Солнечногорск): *Как Вы относитесь к созданию Стабилизационного фонда: это действительно будет служить страховкой от колебаний нефтяных цен или будет отвлекать свободные средства из экономики России? В Эмиратах каждый житель получает от добычи нефти неплохие деньги. Как Вы считаете, можем ли мы, жители России, получать аналогичные отчисления, но только не через бюджет, а напрямую, на именные лицевые счета каждого россиянина?*

Егор Гайдар: Первое — идея Стабилизационного фонда, на мой взгляд, крайне полезна. Должен честно признаться, что первый вариант закона о Стабилизационном фонде был подготовлен у нас в институте, мы публиковали его, он очень известен специалистам, хотя потом мы, естественно, вели длинные дискуссии с коллегам-

ми-депутатами и в правительстве. В том виде, в каком он сейчас принят, на мой взгляд, это приличный закон, абсолютно правильный для России с ее макроэкономическими рисками, связанными с колебаниями цен на нефть. Надо понимать, что Стабилизационный фонд — это, естественно, не панацея. Когда мы работали над Стабилизационным фондом, у нас с МВФ были длинные дискуссии по этому поводу. В МВФ, скажем, есть две позиции: одна часть персонала считает, что это прекрасное решение, а другая резонно говорит, что если вы можете проводить ответственную макроэкономическую политику, тогда зачем вам фонд? Есть в мире примеры эффективно работающих стабилизационных фондов, скажем в Норвегии, типичный пример. Есть примеры ужасно работавших стабилизационных фондов, когда деньги были просто разворованы. Вот как раз когда речь заходит о том, что «давайте деньги Стабилизационного фонда вложим в реальный сектор», вот тогда там начинается такое воровство, что лучше бы не создавали. Но я, честно говоря, очень надеюсь, что в наших условиях мы сумеем использовать лучшие норвежские образцы, а не худшие, скажем, нигерийские. Можно ли использовать доходы от добычи углеводородов непосредственно на прямые счета граждан? В принципе да, такая система возможна, она имеет право на существование. Но только надо понять, что мы все-таки не Эмираты и что соотношение добываемой нефти и численности населения очень разное. У нас это очень небольшие деньги, и вряд ли они кого-то всерьез утешат. В этом плане наша стратегическая идея была немного другая, мы ее обсуждали с правительством и будем пытаться проводить. Мы собираем налог на добычу полезных ископаемых. Мы сами его ввели в 2001 г. Он собирается очень хорошо и в этом году даст примерно 11 млрд долл. Но если разделить это на население страны, то вы увидите, что деньги не те, которые решают социальные проблемы. Но вот использовать часть налога на добычу полезных ископаемых как базу подушевого финансирования местных бюджетов (у нас проблема важнейшая — это то, что местные бюджеты не имеют достаточной доходной базы для реализации своих задач и полномочий, и так устроена налоговая система, что их довольно трудно мобилизовать для них, не создавая очень серьезных проблем в налоговой области), а вот переход к подушевому финансированию из доходов от добычи полезных ископаемых, мне ка-

жется, что такое развитие финансовой системы было бы разумным и объединяло бы задачи налоговой политики и задачи построения эффективно работающей системы фискального федерализма.

К. Терехов (Владимир): *Дайте, пожалуйста, прогноз курса доллара на ближайшую перспективу.* **М. Зайцев (Москва):** *Вполне вероятно, что американский доллар из-за своей слабости и необеспеченности в недалеком будущем потеряет статус мировой резервной валюты. В результате актуальным станет возврат к золотому стандарту. Стоит ли России возглавить эту дискуссию? Что Вы думаете насчет введения золотого наполнения российского рубля?*

Егор Гайдар: К сожалению, золотой стандарт несовместим с реалиями современной экономики. История величия и падения золотого стандарта — это одна из самых захватывающих историй последних трех веков экономической истории человечества. Золотовалютный стандарт в том виде, в каком он возник в Великобритании с XVII в., без всякого сомнения, был важнейшим фактором, который обеспечил ей мировое доминирование и сам запуск механизма современного экономического роста. А вот тот глубокий кризис мировой экономики между 1914 и 1950 гг. — это не только две мировые войны, но и глубокий кризис мирового стандарта. И попытки Англии и США удержаться в рамках золотого стандарта во многом придали глубину кризису 1929–1930 гг. Я, наверное, здесь не могу объяснять механизмы, почему на одних этапах золотой стандарт возможен и прекрасен, а на других он порождает тяжелые потрясения и кризисы. Для тех, кто понимает, он связан с дефляционными проблемами, которые практически являются неотъемлемой составной частью попыток использования золотого стандарта в условиях современного экономического роста. Короче говоря, это не выход. Второе, как будет развиваться динамика курса. Всякий экономист, который скажет вам, каким будет курс евро к доллару через год, два и три, на мой взгляд, является проходимцем. На этот вопрос не существует ответа. Какой ответ существует, который не противоречит нашим знаниям, опыту, здравому смыслу? Если вы меня спросите, каким будет среднее соотношение курса евро и доллара на протяжении следующих 10 лет, то я вам с высокой степенью вероятности отвечу, что оно будет близко в паритете покупательной способности. Попросту говоря, это примерно 1,10 долл. за евро. Но вот как оно будет колебаться в течение этих 10 лет, какие будут перелеты, когда за евро будут давать 80 центов, а

когда 1,30 долл., сказать это с мало-мальской степенью надежности просто невозможно и именно потому, что мы живем сравнительно недолго, только последние десятилетия, в системе бумажных валют, не обеспеченных золотом, при плавающих курсах и при открытом рынке капитала. Это те реалии, которые возникли 30 лет назад. Мы только знаем, что эти рынки достаточно нестабильны и, проводя денежную политику, надо быть готовым к этой нестабильности. Надо выстраивать свои институты исходя из гипотезы, что ты никогда не знаешь, каким будет курс евро по отношению к доллару через два, три, четыре года. Очень серьезная дополнительная ошибка, которая привела к кризису 1997–1998 гг., состояла в том, что российские власти поставили себя в положение, когда у них были утрачены механизмы гибкости, связанные с курсовой политикой, когда нельзя было тронуть курс, одновременно не спровоцировав кризис внутренних заимствований и банковский кризис. Вот сейчас, к счастью, у нас политика, которая позволяет обеспечивать гибкость внутреннего валютного курса, что является еще одним элементом устойчивости внутренней финансовой системы.

К. Кузьмин (Ставрополь): *Егор Тимурович, скажите, почему СПС в предвыборной кампании не делает акцента на том, что Вы, а не А. Кудрин являетесь фактическим разработчиком основных финансовых документов страны?*

Егор Гайдар: Я бы не стал. Во-первых, Алексей Леонидович — мой друг, во-вторых, он весьма компетентный министр финансов, и, в-третьих, без него мы мало что могли бы сделать.

А. Егоров (Германия): *Почему партийный номенклатурищик Борис Ельцин понимал и правильно оценивал Ваш потенциал для экономики России и постсоветского пространства, а Владимир Путин делает ставку на Германа Грефа и Андрея Илларионова, которые как экономисты-рыночники намного слабее Вас? Или я ошибаюсь и Вы консультируете правительство тайно?*

Егор Гайдар: Во-первых, я не хотел бы комментировать профессиональные качества моих коллег, которых я знаю много лет. Кто из нас умнее, кто не умнее, это история рассудит.

А. Полуботов («Российская газета»): *Егор Тимурович, почему, на Ваш взгляд, не состоялся народный капитализм России и возможен ли он в будущем?*

Егор Гайдар: Во-первых, я не очень знаю, что такое народный капитализм, если сказать честно, где он построен и какую страну

можно продемонстрировать в качестве образца народного капитализма. Я знаю страны с разными моделями рыночной экономики, с разными уровнями бюджетной нагрузки, с разными уровнями концентрации собственности. Что такое народный капитализм, просто честно не знаю. Что можно сказать, чего действительно не получилось в России и чего хотелось бы добиться? В России очень велика дифференциация доходов, она примерно такая, как, скажем, в США, меньше, чем в Бразилии, но заметно больше, чем в Европе, и вообще заметно больше, чем хотелось бы. И это, конечно, серьезный элемент социальных рисков и социально-политической нестабильности. Первое и главное, что можно здесь сделать, — это обеспечивать собственный экономический рост, который позволяет снижать уровень бедности и при нынешнем уровне дифференциации доходов. Но вообще хотелось бы провести те реформы в социальной сфере и системе социальной поддержки, которые обеспечили бы снижение уровня социальной дифференциации. Все исследования систем социальной поддержки в России показывают, что социальная политика приводит к росту дифференциации доходов, а не к снижению, и что у нас большая часть средств, попадающих по каналам социальной поддержки, идет среднеобеспеченным и богатым семьям, а не низкообеспеченным. Что нужно делать, чтобы изменить эту ситуацию, это хорошо и давно известно, и ничего нового там нет. Это переход от категориальных льгот к льготам таргетированным и связанным с нуждаемостью. Проводить это мы можем годами. Больше всех против знаете кто? Коммунисты.

М. Соколов (радио «Свобода»): *Как Вы оцениваете ситуацию с военной реформой? Вы уже потерпели поражение в аппаратном смысле и не следует ли в этом смысле перейти на более последовательную позицию Арбатова, «Яблока», что армия нужна полностью профессиональная?*

— Вы знаете, если бы это чему-нибудь помогло, то пожалуйста. Но это, к сожалению, ничему не поможет. В связи с этим мы чего-то добились — того, что вопрос был поставлен в серьезной плоскости. Мы перестали заниматься ерундой и начали обсуждать вопрос о сроках, деньгах и т. д. И сейчас продолжается работа, в том числе связанная с обеспечением жильем военнослужащих, реформой военного образования, военного здравоохранения. У нас, конечно, сохраняются серьезные разногласия с Минобороны, мы абсолют-

но не собираемся складывать руки. Это первое. Второе. Здесь надо очень хорошо понимать, что из-за демографических факторов ничего не делать не получится. С 2006–2007 гг. произойдет обвал существующей системы комплектования. Она либо будет реформирована, либо разрушится. Будут реальны только две возможности. Они уже сейчас политически, хотя и не очень публично, на повестке дня: либо вы отменяете все отсрочки, которые будут предлагать, обязательно будут предлагать для студентов, аспирантов, имеющих детей и т. д., либо вы действительно быстро и энергично переходите на систему комплектования на контрактной основе. И все равно уйти от этого вопроса в 2005–2007 гг. никак не удастся.

Андрей (Королев): *Егор Тимурович, почему Вы так мало участвуете в политической жизни? На самом деле было время, когда Вас было и не слышно, и не видно некоторый период. И еще один вопрос: Е. Глазова (Санкт-Петербург): Уважаемый Егор Тимурович! Почему Вы так мало появляетесь в общедоступных СМИ (радио, ТВ)? Ваше мнение по экономическим вопросам необходимо знать всем! Правда, очень положительных о Вас откликов много, как и отрицательных, они есть, но мы на них не будем заикливаться. Итак, почему Вы так непубличны, почему ушли из большой политики? И некоторые призывают Вас, призывают вернуться в большую политику.*

Егор Гайдар: Во-первых, я в последние годы довольно активно занимался тем, что практически проводил реформы, вырабатывал предложения, связанные с налоговой системой, фискальным федерализмом, правами собственности, вместе со своим институтом. И надо сказать честно, что многое из того, что сделано, было сделано по крайней мере с нашим участием, при наших разработках. Подобного рода вещи не терпят слишком большой публичности. Допустим, я сейчас могу вам рассказать, кто написал главу о плоском подоходном налоге, когда и где она была придумана, как мы ее обсуждали в Министерстве финансов, в правительстве, в Министерстве экономики, когда она обсуждалась выше. Если бы я в 2000 г. весной на всех площадях кричал, что это мы придумали идею плоского подоходного налога, это мы все предложили, почему-то мне кажется, что шансов провести эту реформу было бы меньше. Так что не всегда реформы сочетаются с публичностью. Должен сказать, что проблемы с некоторыми реформами, которые мы предлагали, но не могли провести, были связаны с тем, что они становились слишком публично известными как реформы, предложенные

СПС. Я понимаю, что здесь есть объективное противоречие, политическая партия должна открыто заявлять свою позицию, предлагать свою программу, убеждать в ней избирателя. Очень часто, чтобы практически проводить реформы, этого лучше не делать. Это предмет наших длинных дискуссий с моими коллегами по партии, выстраивание приоритетов, и где-то мы вынуждены были идти на компромисс, наоборот, делая что-то крайне непубличным, а иногда что-то делая весьма публичным. Это был важнейший фактор, по которому действительно я пытался быть не очень публичным, пока была возможность проводить реформы и, я надеюсь, снова еще будет. Это первое. Во-вторых, скажу честно, я не люблю публичную политику, я был мобилизован в публичную политику на фоне революционных изменений 1991–1993 гг. и никогда не считался прирожденным публичным политиком. Есть люди, в том числе из моих единомышленников, которые, на мой взгляд, этим занимаются лучше, чем я. Поэтому, как только возникло ощущение некой стабилизации, я счел для себя возможным сократить свое участие в публичной политике. Должен сказать честно, что сейчас, на фоне событий последнего времени, ситуация вновь кажется мне тревожной, т. е. если мне казалось, что какая-то часть не являющихся прирожденными политиками приличных людей может позволить себе политическую пассивность, я бы так ответил на этот вопрос два года назад. Сегодня я должен сказать, что ситуация радикально изменилась, и сегодня позволить себе политическую пассивность, надеяться, что все само собой образуется, на мой взгляд, крайне опасно.

Русская служба Би-би-си: *К вопросу о природной ренте. Как Вы относитесь и как оцениваете успех блока «Родина» на фоне эксплуатации темы природной ренты? И как Вы относитесь к возвращению в политические лозунги идеи «все отнять и разделить»?*

Егор Гайдар: Первое — природная рента. Я вообще, надо сказать, с восхищением смотрю на лидеров блока «Родина» с точки зрения того, как можно энергично за три месяца до выборов проэксплуатировать тему природной ренты. Могу сказать, что мне это нравится с моральной точки зрения, потому что желательно было бы тогда хоть что-то сделать в предшествующий период, чтобы улучшить ситуацию с освоением природной ренты. Мы, например, в 1997–1998 гг. два раза готовили, правительство вносило в Госдуму законодательство о введении соответствующих глав в налоговое

законодательство, связанных с реформой системы взимания природной ренты. И Дума, в которой коммунисты имели большинство, ни разу эти законы не поддержала. Мы в 2001 г. разработали главу Налогового кодекса, посвященную реформе системы взимания природной ренты. И после длинных дискуссий с правительством и в Думе провели ее. По введенному этой главой налогу — налогу на добычу полезных ископаемых — мы сегодня взимаем 11 млрд долл. Имели обыкновение на основе ранее существовавших трех налогов, которые этот налог заменил, взимать от 2,5 до 4 млрд долл. Провели подробные исследования возможности дальнейшего повышения НДС, которое не привело бы к кризису нефтедобычи, на основе анализа огромного массива информации. Пришли к выводу о том, что можно повысить, не разрушая нефтедобычу и не прекращая рост нефтедобычи, НДС еще примерно на 3–4 млрд долл. Проинформировали об этом правительство, Кремль. Но нужно говорить о серьезной проблеме изъятия НДС так, чтобы при этом не происходил крах отечественной экономики. Не нужно, конечно, заниматься предвыборной демагогией.

«Вечерняя газета»: Скажите, пожалуйста, существует ли в стране средний класс или вернее говорить о каком-то среднем слое нашего населения? И предложите, пожалуйста, алгоритм оценки этого класса.

Егор Гайдар: Во-первых, это всегда, конечно, вопрос дефиниций, как мы определяем, и в мире не существует четко определенного критерия среднего класса. Тем не менее самые лучшие исследования, на мой взгляд, выполненные в России, посвященные среднему классу, имеют такой алгоритм решения этой проблемы. Первое — людей спрашивают, относят они себя к среднему классу или нет, потому что все-таки это вопрос самооценки в очень большой степени, потом тех, кто относит себя к среднему классу, анализируют с точки зрения того, каковы их характерные черты: уровень образования, доходов, имущественной обеспеченности. Это исследование позволяет выявить ядро среднего класса, т. е. это те, кто считает себя средним классом, живет, как большинство тех, кто считает себя средним классом, имеет тот уровень имущественной обеспеченности, который имеют те, кто считает себя средним классом, имеют тот уровень образования, какой имеют те, кто считает себя средним классом, и те, которые обладают лишь набором

из этих характеристик. Очень грубо говоря, ядро среднего класса — это 20% населения, оно постепенно увеличивается, а вот другие пересекающиеся группы — это всегда конкретный вопрос. В целом то, что на протяжении 1999–2003 гг. по любому из разумных определений у нас происходит рост размеров среднего класса, достаточно очевидно.

П. Подкорытов (Екатеринбург): *Егор Тимурович! Как Вы оцениваете ситуацию, связанную с привлечением к уголовной ответственности топ-менеджеров ЮКОСа? А с выдавливанием Леонида Невзлина с поста ректора РГГУ? Может быть, кто-то специально проиграл такой сценарий — ЮКОС — «Сибнефть», чтобы потом из этого ничего не получилось?*

Егор Гайдар: К ситуации, которая сложилась вокруг руководства ЮКОСа, я отношусь с большой тревогой, считаю ее опасной для перспектив развития России. Я не хочу подменять собой суд, решать, кто виноват, кто не виноват, хотя многое из того, что делалось, с юридической точки зрения мне представляется более чем сомнительным. Скажем, вызовы адвокатов на допрос по содержанию дела, вызов человека в качестве свидетеля, а потом предъявление ему обвинения. Это нарушение даже не буквы, а духа права. Но я в первую очередь специалист по отечественной экономике и могу сказать, что подобного рода вещи подрывают представление о том, что частная собственность гарантирована. Мне как человеку, который работал в парламенте много лет и знает, как решались проблемы, как находились компромиссы между правительством и разными лобби, какие вопросы были самыми острыми и как шли дебаты, скажем, вокруг законодательства по поправкам в Налоговый кодекс в этом году, не надо рассказывать, что это случайно, что это просто правоприменительная практика. И второе. Надо, конечно, понимать, что подобного рода вещи — это сигнал, который дается по всей стране, и правоохранительные органы, начальство, бюрократия — они ведь реагируют не на то, скажем, что сказал президент, а на то, что делается. И вот последствия такого сигнала, на мой взгляд, достаточно очевидны и опасны. И третье, я считаю, что одним из важнейших результатов, почти неизбежным, того, что происходило в последние месяцы, было то, что идея отнять все и поделить вновь оказалась политически на повестке дня, а эта идея такая опасная, это как джинн из бутылки или ящик Пан-

дору, который очень легко открыть. У нас вся российская история последнего века крутилась вокруг последствий того, как решили отнять и поделить в 1917 г., а потом в 1929-м, мы расхлебывали это десятилетиями. Начать снова отнимать и делить очень опасно. Да, я прекрасно понимаю, что нет постсоциалистических стран, где население, общество были бы довольны проведенной приватизацией, их не существует, потому что это задача, не имеющая решения. Легитимация частной собственности — это стоящая за ней длинная традиция, стоящие за ней поколения, века. Если у вас возводился социализм, откуда вы возьмете века, традиции? Так делите, сяк делите — все равно все будут недовольны. Вы спросите венгров, я обсуждал эту тему, когда мы были в Багдаде, с моим старым знакомым, другом, бывшим председателем Центробанка Венгрии Питером Ботом. Он, например, считает, что венгерская приватизация была проведена ужасно, тут комплекс своих аргументов. А почему? Да потому что все равно за ней не стоит длинная традиция легитимной частной собственности. Так что единственное, что здесь можно сделать, — это создать инструменты, при которых правила игры более-менее равны, работает нормальная налоговая система, защищена собственность, идет экономический рост, бизнес не срощен с властью, и тогда постепенно эта легитимация вырастает, она образуется. То, что происходило у нас в последние годы, мне казалось движением именно в этом направлении, именно поэтому происшедшее так опасно.

Заключительное слово ведущего

Мы благодарим всех участников пресс-конференции. Напоминаем, что сегодня в гостях у РИА «РосБизнесКонсалтинг» был сопредседатель движения «Союз правых сил» Егор Гайдар. Тема нашей пресс-конференции была «Россия: 12 лет экономических реформ, перспективы развития страны». Спасибо большое.

Бюрократия жаждет реванша

*Выступление на заседании Нижегородского эксперт-клуба
(Агентство политических новостей. Нижний Новгород)*

13 июня 2005 г.

Егор Гайдар, директор Института экономики переходного периода:

Сейчас я вижу первые признаки подъема спроса на либеральные идеи, на либеральные ценности, потому что в каком-нибудь 2002 г. была колоссальная проблема для всех либеральных сил, включая СПС: вроде в целом власти все сделали, но кто пойдет драть глотку за то, чтобы Березовского убрали с ОРТ? А так в целом нормально, в экономике нормально, читай что хочешь, смотри что хочешь...

А потом шаг за шагом было видно, как это окно закрывается. А потом стало видно, как это сказывается на твоей фактической жизни, потому что если можно так разрушить крупнейшую в России компанию — а это вопрос свобод и системы, — значит, можно так же разрушить вашу компанию или компанию вашего друга и соседа. Тогда-то и выясняется, что права и свободы вообще-то придуманы не дураками. И вообще-то они важны не для кого-то, а для твоей жизни, для жизни твоей семьи, для безопасного состояния твоих детей, твоего дела. Тогда, собственно, и возникает спрос на свободу, т. е. и на либерализм.

Свобода в какой-то степени, как воздух, — когда она есть, ты ее не замечаешь. Объясни-ка человеку, который всю жизнь прожил в свободной стране, что свобода — это ценность, он в книжках это читал, но он не понимает, потому что он считает, что только так и должно быть. Так было при нем, при его папе и при его деде. Объяснить, что свобода важна, людям, которые ее никогда не видели, иногда бывает трудно. Так было в Советском Союзе. А вот людям, которые видели, что вообще-то это бывает, а потом у тебя это забирают... И думать, что они после этого будут довольны...

Конечно, объективный спрос на свободу, без сомнения, растет, и с каждым последующим шагом власти он будет становиться сильнее. Как он будет проявляться — это отдельный вопрос, и я не знаю на него ответа. Но только когда возникает такой масштабный спрос, тем более в хорошо образованном обществе, он будет удовлетворен.

Либеральная империя Анатолия Чубайса — ну, не задалась, совершенно точно. Было много обсуждений. На самом деле Чубайс пытался сделать примерно то, о чем мы сейчас говорили. Он пытался сказать, что идеи либерализма отнюдь не антинациональны, отнюдь не отрицают веры в величие своей родины, отнюдь не западные. И все это он упаковал в либеральную империю. Не упаковалось.

По поводу неприятия приватизации населением — это все чистая правда, это абсолютно неизбежно, это везде всегда было в постсоциалистических странах, как бы приватизация ни была проведена. Вы думаете, Чубайсу нравится, как была проведена приватизация? Нет. И мне не нравится. Наши работы 1990 г. опубликованы, где мы говорим, что мы были категорически против ваучерной приватизации. Ну, а дальше жизнь идет так, как она идет.

У меня не так давно была делегация из Китая. У них там свои проблемы, они приезжают поговорить, как я оцениваю, какие ошибки были сделаны, какие уроки надо извлечь. Я сказал то, что обычно говорю в таких случаях, — приватизация не имеет экономических правил, она всегда делается под то, подо что можно создать политическую коалицию. После социализма было приватизировано предприятий в тысячу раз больше, чем в истории человечества, было сделано так, как можется. Мне не нравится, как она была сделана у нас. Но один совет я им дал все-таки: если китайский лидер решит всерьез заняться приватизацией, я советую ему назначить человека, которого он ненавидит больше всего в мире, ответственным за эту приватизацию. Это будет очень правильно.

Нет ни одного человека, который бы отвечал за приватизацию в 28 странах бывших советских, который бы после этого остался популярным. Как ты ни распредели собственность — хочешь так, хочешь сяк, все равно основная часть общества будет недовольна. Кто-то получил больше, кто-то — меньше, получили иностранцы, получили мало денег...

Мы пришли управлять страной в ситуации катастрофической, полного краха и государственного банкротства. В такой ситуации легкая, милая косметическая терапия, к сожалению, не помогает, надо резать. Это больно. И люди помнят, что больно. Поэтому совершенно непонятно, зачем надо выстраивать конструкцию, при которой либеральная демократическая идея отождествляется с нашими физиономиями.

Сейчас в России происходит, конечно, сильнейший реванш бюрократии — это абсолютно точно. Базой этого во многом стало благоприятное экономическое положение. Когда никто не знал, как кормить Нижний Новгород, бюрократия не рвалась брать на себя ответственность. Я вас уверяю, что, если бы валютные резервы Советского Союза составляли не 16 млн долл., а 150 млрд долл., как сейчас, они бы власть так легко не отдали. По крайней мере, в августе 1991 г. все было бы совсем по-другому.

Ну конечно, в России с ее старыми бюрократическими традициями жажда бюрократического реванша сильнейшая. Она страшнейшее из того, что происходит в последнее время.

Конечно, сказать, что на протяжении всего этого времени проводится последовательный курс реформ, было бы неправильно: было много волн, отступлений. Длинная-длинная история. Но то, что в первые три года президентства Путина было в очень большой степени реализовано то, что было разработано при Ельцине, но тогда — между 1996 и 1999 гг. — не было осуществлено, потому что был кризис и дефолт, — это чистая правда. Программа 2000–2002 гг. — это последовательная программа либерального цикла, кстати, очень успешная по итогам.

То, что происходит после 2003-го, а особенно после 2004 г., не могу назвать какой-то политикой, потому что нет там никакой политики. Если вы проводите монетизацию льгот, даже можно принять гипотезу, что она преследует разумные либеральные ценности, то вы проводите это так, что назвать это политикой нельзя.

Да, шло усиление власти и при этом шли последовательные либеральные реформы. Сейчас мы вышли на новый этап, когда у нас усиление власти и никаких реформ.

Растет и спрос на антилиберальные реформы. Не исключаю, что мы получим комбинацию с нелиберальной экономической политикой.

Что касается олигархов, которые нанесли действительно просто страшный ущерб, то я всегда думал, почему они себя так ведут. Вот в Индии есть очень богатые люди, но они там себя так не ведут. Я думаю, что два фактора сыграли. Первый — это традиция, в Индии они вели себя так всегда, привыкли так жить, а у нас был перерыв в традиции. Второй — то, что на них огромное влияние оказала советская пропаганда. Они же знали, как полагается себя вести акулам империализма! Я вспоминаю свои разговоры с Березовским — он же действительно искренне верил, что так и полагается себя вести, как его учили в школе.

Приложение

Речь, которую никто не услышал

Источник: личный архив Е.Т. Гайдара, первоначальные наброски к книге «Дни поражений и побед». Данный текст не был включен в книгу. Представляется, что приводимый отрывок может вызвать интерес у историков перестройки и реформ. — Прим. ред. Примерная дата написания — январь — февраль 1996 г.

Директором вновь образованного Института экономической политики я был назначен в ноябре 1990 г. Для меня и моих товарищей это было время тяжелых раздумий. Только что бесславно и безвременно скончалась «очередная» программа реформ. Было ощущение, что написание программ ничему не поможет, никто не готов их выполнять и осмысленной экономической политики все равно в ближайшее время не будет.

Между тем было ясно, что инфляция в ее острой форме, мешающей нормальному ходу воспроизводственных процессов, не может длиться вечно. Неизбежно наступит момент, когда образуется коалиция сил, достаточно мощная, чтобы восстановить финансовый порядок. Так было везде, всегда, и наша страна не станет исключением. Вопрос в другом: на какой основе придет стабилизация? Если на базе демократии, примата прав человека, свободного труда и свободного рынка, то она будет долгосрочной, надежной, открывающей стране путь к процветанию. Однако если власть возьмут иные силы, стабилизацию можно получить лишь как прелюдию новых и, возможно, кровавых потрясений...

Было ясно, что борьба вокруг этой дилеммы станет главным содержанием политики ближайшего будущего.

После того как были разрушены «500 дней» и после бесславной кончины очередной программы правительства Рыжкова я невольно обращался мыслями к эпизоду, имевшему место месяцев восемь назад, в марте 1990 г., когда Горбачев несколько укрепил свое по-

ложение, став президентом СССР, а экономическая конъюнктура не то чтобы стала лучше, но с января до весны прекратилось резкое ее ухудшение. Вступил в действие стабилизирующий фактор — рост потребительского импорта.

Тогда я не без оснований полагал, что лучшего момента для начала решительных действий ожидать не следует.

В марте 1990 г. позвонил помощник президента Н. Петраков¹ и попросил меня подъехать, глянуть на некоторые бумаги.

Бумаги оказались важными. К тому времени скрытая внутренняя полемика Петракова с Рыжковым о направлении и темпах реформ становилась заметной, и Петраков, опираясь на экономический отдел ЦК, потом частично пришедший в структуру президентского аппарата, начал готовить свой блок программных документов. Большую и полезную роль в их разработке сыграл консультант этого отдела Борис Федоров, впоследствии министр финансов России.

Программа была сделана добротнo, конкретно отвечала на вопрос, что делать в нынешних условиях с экономикой, в ней сквозила готовность действовать, и действовать энергично. Предлагалось осуществить набор стабилизационных мероприятий: сократить оборонные расходы, расходы на капитальные вложения, повысить процентные ставки, создать базу последующей либерализации: введения конвертируемости рубля, начала приватизации. Делать это решительно, опираясь на президентский мандат и вытекающие из него права.

В марте 1990 г. народное хозяйство страны было в тяжелом, но не в безнадежном состоянии. Во всяком случае не в таком, как в конце 1991-го. Экономика пусть плохо, с каждым днем все хуже, но еще слушалась руля.

Казалось, М. Горбачев тоже воодушевлен подготовленным проектом. Он то и дело приглашал к себе Н. Петракова, даже нетерпеливо звонил ему в машину, внимательно знакомился с документами. Думалось, вот-вот сейчас все и начнется...

¹ Петраков Николай Яковлевич (1937–2014) — академик, экономист-математик, работал заместителем директора Центрального экономико-математического института АН СССР, директором Института проблем рынка РАН, в годы перестройки был помощником генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР Горбачева по экономическим вопросам.

Вроде было решено, что сначала М. Горбачев выступит по телевидению, обратится к народу, изложит суть предполагаемых тяжелых, но необходимых мер. Подготовить текст речи поручили мне.

Должен признаться — никогда еще не работал с таким искренним увлечением, надеясь, что Горбачев, осознав неизбежность серьезных экономических преобразований, захочет и сможет убедить в этом народ, затем, опираясь на его поддержку, сломит сопротивление бюрократии. Начнется работа... Шторм не стихнет, но в бушующем море невзгод государственный корабль возьмет наконец верный курс.

Итак, прошу читателя представить себе, что он снова в марте 1990 г., вернулся с работы, включил телевизор. На экране — президент СССР.

Дорогие товарищи!

С растущей озабоченностью общество следит за положением в экономике. Объем промышленного производства продолжает падать. Все труднее достать необходимые для жизни товары. Быстро идут вверх цены. Надо смотреть правде в глаза. Органы, ответственные за управление народным хозяйством, потеряли контроль над ситуацией.

И в самых отдаленных уголках нашей страны, и в Кремле люди пытаются понять, в чем причины нарастающих трудностей, что надо сделать для исправления положения. Хочу поделиться своими соображениями по этому поводу.

Не стану упоминать о тяжелом наследстве, неблагоприятных тенденциях мирового рынка, даже о немаловажных просчетах в финансовой политике, которые были допущены в последние годы. При всей значимости этих факторов главное, думаю, в другом — в непоследовательности, нерешительности начатых экономических реформ.

На первом этапе перестройки над нами еще довлели идеологические стереотипы, само слово «рынок» применительно к социализму воспринималось как святотатство. Сказалось и отсутствие согласия в высших эшелонах руководства страны, партии по вопросу о том, куда вести экономику. И все же для меня — а я принимаю свою долю ответственности за компромиссный характер осуществлявшихся преобразований, — главным было понимание серьезных социальных проблем, связанных с форсированным переходом

к рыночной экономике. Ведь радикальные реформы не только хозяйственная самостоятельность предприятий, стимулирование высокопроизводительного труда, с чем почти все согласны, но и гибкие рыночные цены, жесткая ответственность за эффективность хозяйствования. А это обществу принять куда сложнее. Хотелось максимально отсрочить наиболее тяжелые, непопулярные меры.

В результате в системе хозяйствования переплелись взаимно отторгающиеся элементы командно-административных и экономических структур. По мере того как центр выпускал из рук рычаги управления, их место занимала не жесткая дисциплина рынка, а диктат ведомственных монополий, местнический произвол.

Проблемы хозяйственного развития подробно обсуждались на Втором съезде народных депутатов. Была одобрена правительственная программа, направленная на выход из кризиса. Некоторые из предусмотренных в ней мер работают, дают отдачу. Вместе с тем, оценивая быстро меняющееся положение, можно сказать: у нас уже нет времени, которое правительство просило для стабилизации экономики. Набравшие собственную инерцию деструктивные процессы сводят на нет усилия, направленные на хозяйственное оздоровление. Само развитие событий подталкивает к радикальным решениям.

Пытаться и дальше лавировать, искать приемлемые для всех полумеры невозможно. Пришла пора выбирать — либо к привычным командам и рапортам, либо решительно вперед, к рынку. Именно так стоит сегодня вопрос.

Убежден, попытка повернуть назад была бы чревата для страны катастрофой. В одну реку нельзя войти дважды. Богатые природные ресурсы, попусту растроченные в эпоху застоя, обратно не вернешь, как не вернешь и веру общества в то, что бессловесная, бедная жизнь под присмотром мудрых начальников естественна и приемлема. Это был бы путь к самоизоляции в мире, нищете, к нарастающим социальным конфликтам и неизбежному взрыву народного гнева. Как бы ни был труден, даже рискован путь радикальных реформ, только он может вывести страну из тяжелого кризиса.

Рынок нужен нам сегодня, чтобы раскрепостить человека, задействовать огромный творческий потенциал народов нашей страны, вернуть ей достойное место в кругу развитых государств,

чтобы подвести экономический фундамент под начатые демократические преобразования, подорвать основу всевластия распорядительно аппарата, чтобы сделать прилавки наших магазинов полными, рубль полновесным, а жизнь советских людей обеспеченной.

Формирование регулируемого рынка в нашей стране переходит в область практической работы. Речь идет о становлении экономики, в основе которой полная самостоятельность предприятий, действующих в условиях конкуренции как независимые товаропроизводители. Активная регулирующая роль государства в области развития производства, обеспечения социальных гарантий. Экономика, в которой преобладание государственной и коллективной собственности определяется лишь их эффективностью, при полном равноправии и свободном соревновании всех других форм, где хозяйственная деятельность четко отделена от собственно государственного управления, развиваются рынки товаров, труда, финансовых ресурсов. Наконец, это экономика, открытая миру, с конвертируемым рублем, в которой эффективность хозяйственной деятельности проверяется жесткой конкуренцией на внутреннем и внешнем рынках.

Завтра будет опубликован президентский указ, содержащий программу действий по подготовке перехода к регулируемой рыночной экономике. Мы приступаем к ней сразу, но начинаем не с размораживания цен, а с кредитной реформы, резкого ужесточения государственной финансовой политики, демонополизации экономики. И только затем, в 1991 г., овладев рычагами регулирования рынка, перекрыв каналы поступления в оборот излишних денег, создав надежные предпосылки проведения эффективной антиинфляционной политики, в массовом порядке будем переходить на свободные цены, балансирующие спрос и предложение.

Остановлюсь на нескольких принципиальных аспектах предстоящей работы.

Главной причиной нарастания инфляции в стране является дефицит государственного бюджета. Предпринимавшиеся до сих пор усилия, направленные на стабилизацию финансового положения, были нерешительными и поэтому неэффективными. Считаю необходимым безотлагательно принять чрезвычайный бюджет на вторую половину 1990 г. Придется пересмотреть всю программу централизованных капиталовложений, закупки вооружений, помощи

зарубежным странам, дотаций, управленческих расходов, привести их в соответствие с реальными возможностями государства. Реализовать предприятиям, кооперативам недостроенные, законсервированные объекты. Уже в этом году предстоит начать массовое преобразование государственных предприятий в акционерные общества, широко развернуть продажу населению по рыночным ценам жилья, мелких предприятий, которые нецелесообразно сохранять в государственной собственности, машин и оборудования, драгоценных металлов, иностранной валюты. Если всего этого окажется недостаточно для стабилизации финансового положения, придется пойти на пропорциональное сокращение всех статей государственных расходов, защитив лишь ограниченный круг важнейших социальных программ.

Если у государства не сходятся концы с концами, если жаждущим популярности политикам хочется наращивать расходы, не считаясь с доходами, это не повод расшатывать рубль. С положением, при котором Совет министров, Министерство финансов распоряжаются ресурсами Государственного банка, как своими собственными, придется кончать. Принято решение вывести Государственный банк из подчинения Совета министров, передать в его управление золотовалютные ресурсы страны, запретить прямое кредитование Центральным банком государственного бюджета. Государственный банк, наделенный широкими полномочиями, независимый в своей работе, будет полностью отвечать за устойчивость денежного обращения в стране.

Многих пугает, что у населения скопились значительные сбережения. Настойчивые призывы конфисковать часть этих средств стали сегодня элементом политической жизни страны, дестабилизируют и без того непростую ситуацию. Мы внимательно разбирались с этим вопросом. Выяснилось, что гуляющие из одного органа печати в другой сведения о крайне неравномерном распределении сбережений не подкреплены достоверными фактами, не соответствуют действительности. Подавляющая часть средств населения в Сберегательном банке сосредоточена на относительно небольших вкладах, носит явно трудовой характер. Если же деньги нажиты нечестным путем, то установить это — дело правоохранительных органов, суда. Сами сбережения в сравнении с объемом национального богатства отнюдь не чрезмерны, их можно и нуж-

но использовать как опору программы разгосударствления экономики. Могу заверить, что никакой конфискации денег правительство проводить не намерено.

Другое дело, что в переходный период действительно важно увести накопленные сбережения с потребительского рынка, не допустить, чтобы их выброс вызвал резкий рост цен на товары повседневного спроса, стимулировать направление средств на приобретение жилья, ценных бумаг, развитие предпринимательской деятельности. Меры, направленные на решение такой задачи, в мировой практике известны, соответствующие предложения сейчас разрабатываются.

Еще одно направление работы, где надо добиться серьезного прогресса до размораживания цен, — демонополизация экономики. Скажу лишь об одной области, где монополизм особенно чувствителен, — о розничной торговле. Существующая ее структура прекрасно приспособлена для подавления интересов потребителя. Надо срочно вывести универмаги, кафе, столовые из состава всевозможных торгов и трестов, преобразовать оптовые организации из органов распределения в коммерческие центры, продать нерентабельные магазины акционерным обществам, кооперативам, гражданам. Короче говоря, сформировать развитую структуру конкурирующих между собой торговых предприятий.

В целом же в программе демонополизации речь идет и о укрупнении искусственных объединений, о стимулировании преимущественного развития малых предприятий и о становлении системы товарных бирж. Нам придется оперативно, в течение считанных месяцев, создавать основы рыночной инфраструктуры, которые в нормальных условиях формируются десятилетиями.

Особого внимания заслуживает формирование системы социального обеспечения, переподготовки и трудоустройства работников, высвобожденных из общественного производства. Их поток будет нарастать. Необходимо сделать все для того, чтобы безработица не стала источником острых социальных конфликтов. Словом, нужна огромная работа по организации хозяйственной жизни в принципиально новых условиях рынка.

Как бы мы ни старались ограничить масштабы повышения цен, предотвратить его вовсе не удастся. Обещать такое было бы просто безответственно. Но можно и нужно в максимальной мере за-

щитить от его последствий бедные семьи, малообеспеченные группы населения, тех, кто получает низкие, фиксированные доходы и сильнее всех страдает от инфляции.

Намечено ввести механизм автоматического повышения минимальной заработной платы, пенсий, пособий, стипендий в зависимости от роста цен. Аналогичным образом будут корректироваться и оклады работников здравоохранения, образования, культуры, других групп, оплата труда которых не зависит от хозрасчетных результатов деятельности, не растет с увеличением доходов предприятий.

Интеграция советской экономики в мировой рынок также будет процессом непростым, болезненным. Придется круто менять привычное соотношение цен, приближать их к международным стандартам. Выяснится, что многие предприятия, считавшиеся передовыми, не выдерживают конкуренции по жестким мировым нормам. Их коллективам придется серьезно подтянуться или задуматься о будущем. Но и возможности прорыва в области повышения технического уровня, эффективности производства открываются широчайшие.

Главным фактором самоизоляции советской экономики остается слабость нашего рубля. До последнего времени о переходе к его конвертируемости говорили как о деле отдаленного будущего, о перспективе, уходящей в последующее тысячелетие. Между тем все финансовые, стабилизационные меры, которые намечаются на ближайшие месяцы, объективно ведут к конвертируемости. Приступить к решению этой задачи надо немедленно. Конечно, придется отказаться от искусственного, не подтвержденного рынком курса рубля. Больше того, пойти на его сознательное, резкое занижение, с тем чтобы создать мощные стимулы к экспорту, повышению конкурентоспособности советских товаров на мировом рынке, поставить преграду на пути неэффективного импорта, увеличения внешней задолженности.

Решено снять все необоснованные ограничения, мешающие привлечению иностранного капитала, пойти на активное использование концессий, разрешить деятельность иностранных фирм, в том числе в таких пока закрытых для них сферах, как банки, страховое дело. Убежден — этого не надо бояться. У нашей великой страны нет оснований искать спасения от интеграционных про-

цессов за забором протекционистских ограничений. Опыт показывает — только широко открыв двери международному экономическому сотрудничеству, можно стать неотъемлемой составной частью развивающейся мировой экономики.

Особый вопрос — внешнеэкономическая политика ближайших месяцев, проводимая в самый болезненный период перехода к регулируемому рынку. Решено существенно сократить экспорт телевизоров, радиоприемников, холодильников, фотоаппаратов, других потребительских товаров, ставших остродефицитными в стране. Одновременно потребуется резко увеличить импорт промышленных товаров народного потребления, создать значительные резервы валюты, позволяющие сбивать волны ажиотажного спроса, контролировать вспышки инфляции. Здесь нам потребуются понимание зарубежных партнеров. Мы надеемся и на их активную помощь в массовой подготовке квалифицированных кадров, владеющих инструментами регулирования рынка, ускорении интеграции Советского Союза в международные экономические организации.

За годы перестройки удалось добиться немало в ослаблении международной напряженности, улучшении общего политического климата на Земле. Теперь пришло время использовать этот внешнеполитический капитал для внутренних нужд страны. Сколь бы не хотелось смягчить трудности перехода к рынку, он будет не легким. Именно в это время наши зарубежные партнеры смогут на деле показать, кто из них действительно хочет иметь дело со стабильным, демократическим, динамично развивающимся Советским Союзом, а кто стремится использовать наши пусть серьезные, но временные трудности, чтобы добиться конъюнктурных выгод. Надеюсь, что первый подход, отвечающий реальным интересам всего взаимосвязанного мира, возобладает.

Товарищи! Мы стоим на пороге серьезных, глубоких реформ, призванных круто изменить экономический облик нашей страны. Они неизбежно скажутся на жизни каждой советской семьи. Отнюдь не все предусмотренные меры будут популярными, придется идти и на тяжелые, жесткие решения. Важно справедливо распределить эти неизбежные тяготы, не допустить, чтобы они легли на самых слабых, обездоленных. Серьезность стоящих перед нами проблем требует не бесконечных колебаний, а хорошо организо-

ванной работы, направленной на их разрешение, если хотим выбраться из трясины бедности, слаборазвитости, в которую все сильнее затягивает нашу великую страну. Иного пути нам не дано...

Нет, никто, конечно, речь эту в марте 1990-го, да и вообще никогда не произносил. Горбачев с ней ознакомился и — отложил в сторону. А привел я ее здесь с некоторыми сокращениями для того, чтобы показать, как виделась мне ситуация в ту теперь уже кажущуюся невероятно далекой весну, когда еще оставался шанс выйти из кризиса пусть ценой немалых, но не чрезмерных жертв и избежать распада Советского Союза.

...Ну а что касается института и наших планов, то вскоре действительно удалось поставить его работу на весьма солидную научную основу, наладить, в частности, составление конъюнктурных экономических обзоров. Последний из них, направленный властям накануне августовского путча 1991 г., открывался статьей, озаглавленной «Экономическая политика в канун переворота».

В целом можно твердо и однозначно сказать: у России нет иного курса, кроме курса стабильного и динамичного экономического роста на базе частной собственности и рынка. Любые экономико-политические эксперименты в коммунистическом или националистическом духе обрекают Россию на катастрофу или долгосрочное прозябание, отнимают у нее шанс быть достойной своей истории и своего народа великой страной. Допустить этого мы не можем, не имеем права.

Егор Тимурович Гайдар
Собрание сочинений в пятнадцати томах
Том 13

Выпускающий редактор *Е.В. Попова*
Редактор-корректор *Ф.Н. Морозова*
Художник *Е.Н. Спасская*
Оригинал-макет *О.З. Элоев*
Компьютерная верстка *Н.А. Кильдишева*

Подписано в печать 31.03.2015. Формат 70×100/16
Гарнитура «ПТ Сериф Про». Усл. печ. л. 65,0
Тираж 3000 экз. Изд. № 873. Заказ № .
Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571. Москва, пр-т Вернадского, 82

Коммерческий центр
Тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
www.ranepa.ru
delo@ranepa.ru